

Academia de Științe a Moldovei
Institutul Patrimoniului Cultural
Centrul de Etnologie

Журнал этнологии и культурологии
Journal of Ethnology and Culturology

Revista de etnologie și culturologie

Nr. 1

Chișinău
2006

ACADEMIA DE ȘTIINȚE A MOLDOVEI
INSTITUTUL PATRIMONIULUI CULTURAL
CENTRUL DE ETNOLOGIE

**REVISTA DE ETNOLOGIE ȘI
CULTUROLOGIE**
Volumul I
**ЖУРНАЛ ЭТНОЛОГИИ И
КУЛЬТУРОЛОГИИ**
Том I
**THE JOURNAL OF ETHNOLOGY AND
CULTUROLOGY**
Volume I

CHIȘINĂU 2006

Colegiul de redacție:

dr. hab. V. Dergaciov, redactor principal
dr. V. Stepanov, redactor responsabil
dr. S. Procop, secretar responsabil
dr. T. Zaicovschi, redactor științific
volumului
acad. M. Guboglo (Rusia)
acad. C. Popovici
acad. A. Skripnik (Ucraina)
dr. I. Ghinoiu (România)
dr. N. Cara
dr. V. Cojuhari
dr. hab. R. Kleiman
dr. O. Luchianet
dr. D. Nicoglo
dr. hab. A.-M. Plămădeală
dr. A. Șabașov (Ucraina)
dr. Z. Șofransky

Редакционная коллегия:

др. хаб. В. Дергачев, главный редактор
др. В. Степанов, ответственный редактор
др. С. Прокоп, ответственный секретарь
др. Т. Зайковская, научный редактор тома
акад. М. Губогло (Россия)
акад. К. Попович
акад. А. Скрипник (Украина)
др. И. Гиною (Румыния)
др. Н. Кара
др. В. Кожухарь
др. хаб. Р. Клейман
др. О. Лукьянец
др. Д. Никогло
др. хаб. А.-М. Плэмэдялэ
др. А. Шабашов (Украина)
др. З. Шофрански

Рецензенты:

доктор хабилитат истории **Н. А. Демченко**;
доктор хабилитат истории **Н. Н. Червенков**.

Manuscrisele, cărțile și revistele pentru schimb, precum și orice alte materiale se vor trimite pe adresa: Colegiul de redacție al "Revistei de Etnologie și Culturologie". Centrul de Etnologie, Institutul Patrimoniului Cultural AȘM, str. Mitropolitul Bănulescu-Bodoni, nr. 35, MD-2012 Chișinău, Republica Moldova.

Рукописи, книги и журналы для обмена, а также другие материалы необходимо посылать по адресу: Редакция журнала «Этнология и культурология», Центр этнологии, Институт культурного наследия АНМ, ул. Митрополит Бэнулеску-Бодони 35, MD-2012 Кишинэу, Республика Молдова.

Manuscripts, books and reviews for exchange, as well as other papers are to be sent to the editorship of the Journal of Ethnology and Culturology the Institute of Cultural Legacy of the Academy of Sciences of RM, Mitropolit Bănulescu-Bodoni Street 35, MD-2012 Chișinău, Republic of Moldova.

Редактор: *Татьяна Зайковская*

Верстка: *Елена Коцофанэ*

Тираж 200 экз.

Типография S. R. L. "Бизнес-Элита" str. Bulgară, 24A

Toate lucrările publicate în revistă sunt recenzate de specialiști în domeniu.

Все опубликованные материалы рецензируются специалистами.

All the papers to be published are reviewed by experts.

©Valentin Dergaciov, 2006

© Academia de Științe a Moldovei, 2006

СОДЕРЖАНИЕ

Слово к читателю.....6

МОНОГРАФИЯ

Степанов В. П.

РАЗВИТИЕ ЭТНОГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА В
РЕСПУБЛИКЕ
МОЛДОВА (1989-2005 гг.) И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
В ДЕЛЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
(на примере украинского населения).....8

Введение.....8

ГЛАВА I.

Культурно-языковые и гражданские права и свободы украинского
населения в действующем законодательстве в Пруто-Днестровских
районах Республики Молдова.....30

ГЛАВА II.

Нормативно-правовое законодательство в области культурно-языковых
и гражданских прав и свобод украинцев, распространенные в Левобережном
регионе Республики Молдова (непризнанной Приднестровской
Молдавской Республике).....68

ГЛАВА III.

Деятельность государственных институтов и ведомств, способствующих
мобилизации этнической и гражданской идентичностей национальных
меньшинств Республики Молдова (на примере украинского населения).....78

III.1. Институт межэтнических исследований АНМ.....78

III.2. Бюро межэтнических отношений Республики Молдова.....86

Заключение.....103

ЭТНОЛОГИЯ

Keith Hitchins

History and identity in the novels of Ion Druta.....110

Șofransky Z.

Coloranții naturali din antichitate115

Bejan-Voic I.

Considerații asupra sistemului de valori: imagini etnosociologice din viața satului...119

Никогло Д. Е.

Эволюция традиций в системе питания гагаузов XIX – начала XX вв.....126

Chirtoagă V.

Considerații privind activitatea meșteșugărească și industrială în coloniile
germane din Basarabia în sec. XIX – înc. sec. XX.....138

Verdeș R.

Familia etnic mixtă între echilibru și dezechilibru141

Кожухарь В. Г.

К вопросу о «политическом русинстве» в Молдове146

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Зайковская Т. В.

Межкультурная коммуникация – путь к взаимопониманию.....154

Друмя Л. Х.

Художественно-стилистические особенности народного перевода (на примере украинских версий «Плугушора» – «Гейканний»).....	159
Попович К. Ф. Українська поетеса В. Китайгородська	166
Клейман Р. Я. Проза Я.Тихмана как межкультурный феномен XXI века (быт и притча в системе интертекстуальных связей).....	177
Шишкан К. Б. Проблема одиночества в подростково-юношеской прозе.....	186
Прокоп С. П. Хроника одной литературной дискуссии (на материале русской поэзии Молдовы II половины XX века).....	192
Кожухар К. С. Фонетичні особливості українських говірок в Республіці Молдова (вокалізм)...	198
Сырф В. И. Некоторые поэтико-стилевые слагаемые и их функции в гагаузских народных сказках.....	204
Кушнир Ж. И. Сюжетообразующая функция «еврейской темы» в «Пушкинском доме» А. Битова.....	207
Ижболдина И. А. Культурное пространство очерков Дмитрия Суручана.....	217

ИСТОРИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ

Хайдарлы Д. И. Русско-молдавские отношения в XVIII в. Политические аспекты.....	220
Галущенко О. С. Начало проведения политики украинизации в Молдавской АССР (20-е гг. XX в.).....	226
Duminiца I. Statutul social-juridic al romilor din Țara Moldovei în perioada medievală (sec. XV-XVIII)	233
Sîrbu T. Les Roms de Bessarabie sous le gouvernement du maréchal Ion Antonescu.....	240

СТРАНИЦА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Боршевский А. П. Актуальные аспекты международного законодательства и международной практики в области защиты прав национальных меньшинств.....	251
Иванова Н. В. Этническая идентичность: особенности формирования и методы исследования.....	259
Grădinaru N. Scrisul – finalitate terapeutică.....	267

РЕФЕРАТЫ И СООБЩЕНИЯ

Банкова Э. С.	
Великий турецкий путешественник Эвлия Челеби и его наследие.....	275
Квилинкова Е. Н.	
О языковой и этнической идентификации гагаузов Греции.....	279

РЕЦЕНЗИИ

Никогло Д. Е., Сырф В. И.	
Монография Е. Н. Квилинковой «Гагаузы Молдовы и Болгарии (сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора)».....	291
Сырф В. И.	
Монография И. Д. Банковой «Субстантивные определительные словосочетания в современном гагаузском языке».....	294
Timuş A.	
Genderologia – o nouă direcție a studierii sociologice a genurilor (femei și bărbați).....	297

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ.....	299
--------------------------------------	------------

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	301
---------------------------------	------------

СЛОВО К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель, этим номером открывается новое издание Центра этнологии Института культурного наследия Академии наук Молдовы – «Revista de Etnologie și Culturologie» («Журнал этнологии и культурологии»).

Специалисты Центра занимаются комплексным изучением культурного наследия этнических сообществ, проживающих в Республике Молдова: молдаван, украинцев, русских, гагаузов, болгар, евреев, цыган и др. В нем трудятся этнологи, историки, филологи, искусствоведы, деятельность которых направлена на поддержку и развитие культуры этносоциальных групп полиэтнической и поликультурной Молдовы. Именно широта научных интересов и послужила основанием для введения двойного названия журнала. Обе составные части издания, дополняя друг друга, обеспечивают возможность для освещения широкого спектра затрагиваемых проблем, тем более, что многие исследования носят компаративистский характер.

Трансформационные процессы, которые претерпевает мировое сообщество на рубеже веков, вызвали повышенное внимание к традиционно-бытовой культуре народов, и, как следствие, – к вопросам ее изучения и освещения. Отсюда вытекает проблема соотношения процессов глобализации и сохранения культурного наследия отдельно взятого сообщества, региона, страны.

Кардинальные изменения происходят в государствах постсоветского пространства, которые наряду с проблемами сохранения и развития наследия прошлого столкнулись с фактом переоценки общественных и личностных приоритетов в обществе. Поэтому тенденции, складывающиеся в разноэтнических средах, не только представляют теоретический интерес, но и имеют важное прикладное значение.

Деятельность современного этнолога в условиях Молдовы требует большой самоотдачи и многоплановости действий. Сегодня продолжает сохранять актуальность этнографическая полевая работа, направленная на сбор и первичную обработку сведений из народного быта прошлого. Информационно насыщенное время XIX – начала XX вв., которое среди специалистов принято именовать «классическим», сохраняет свою значимость как неисчерпаемый кладезь традиционно-бытовой культуры, и чем дальше от него современное человечество, тем больше сложностей у исследователей в его познании. Не случайно в США середину XX столетия изучают уже как один из своих периодов специалисты в области археологии.

Наряду с не теряющей своей актуальности проблемой сбора этнографического материала (что затруднено в связи с отсутствием достаточного финансирования, особенно в трансформационный период), сохраняет значение и проблема теоретического обобщения накопленного материала. Жизнь на стыке веков особенно ответственна. Исследователь обязан успеть зафиксировать уходящее и не упустить будущее.

Пристального внимания требует проблематика, связанная с изучением этнических процессов современности. Научное познание в гуманитарной сфере вышло на уровень многочисленных междисциплинарных связей. В этнологии появились разработки в области этнополитологии, этнолингвистики, этносоциологии, этнопсихологии.

Повышение значимости области смежных дисциплин способствует новым научным обобщениям, имеющим как общетеоретическое, так и прикладное значение.

В качестве еще одного – самостоятельного, но в то же время многими гранями соприкасающегося с этнологией – направления выступает культурология.

Современная культурологическая наука, как известно, включает в себя целый комплекс различных подсистем духовной и материальной культуры, которые мы намереваемся в той или иной степени отражать в наших публикациях. Это, в первую очередь, проблемы региональной этнокультуры (или, как ее еще называют на Западе, культурной антропологии), непосредственно связанные с исторически сложившейся полиэтнической ситуацией в нашей стране и в Восточной Европе в целом. Но это также и различные аспекты художественной культуры в целом; вопросы, связанные с осмыслением общих и специальных проблем мирового историко-культурного процесса, рассматриваемых сквозь призму лингвистической и литературоведческой компаративистики; социологический и психологический анализ различных субкультур – массовой и элитарной, городской и сельской, молодежной и тендерной; теоретические проблемы соотношения культуры и религии, культуры и философии, культуры и эстетики, культуры и этики и т. д.

В методологическом отношении мы будем приветствовать попытки реализации комплексного подхода к анализируемой проблематике, включая элементы самых разных научных школ и методов – от чисто дескриптивного (что всегда необходимо в академической науке) до мифологического, компаративистского, структурно-семиотического и др. Тем самым журнал будет способствовать развитию одного из самых молодых и, как полагают многие специалисты, наиболее перспективных направлений в системном гуманитарном познании XXI века.

Редколлегия журнала будет рада сотрудничать с авторами из Республики Молдова, ближнего и дальнего зарубежья. Присылаемые статьи адресату не возвращаются.

Редакционная коллегия
журнала «Этнология и культурология»

МОНОГРАФИЯ

В. П. СТЕПАНОВ

**РАЗВИТИЕ ЭТНОГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАКОНОТВОРЧЕСТВА
В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА (1989–2005 гг.)
И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ
В ДЕЛЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
(НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)**

ВВЕДЕНИЕ

Молдавская земля исторически является полиэтнической. Здесь, у берегов седого Днестра, произошло скрещение трех культурных пластов: восточнороманского, восточнославянского и тюркского. Южное солнце, плодородные почвы и благоприятный климат манили сюда представителей разных народов, которые нашли рядом с молдаванами кров и хлеб. Их дети, внуки, правнуки и далекие потомки стали называть эту землю своей Родиной.

Оказавшись в условиях независимости, молдавская государственность, ориентируясь на европейские ценности, столкнулась с необходимостью создания демократических условий в сфере развития культуры, языков и духовности людей различной принадлежности, проживающих в Республике Молдова. Рассматриваемые в настоящей монографии годы суверенитета, справедливо называемые временем трансформации, стали испытанием для жителей республики. Еще одной проблемой, возникшей перед сообществом Молдовы, стала настоятельная необходимость разработки законодательства в сфере политики межэтнических отношений и защиты национальных меньшинств. Исследование осложняется тем, что с 1992 г. в Молдове существует не урегулированная до сих пор внутренняя конфликтная ситуация между двумя берегами Днестра. В Левобережье, где также проживают украинцы, провозглашена независимость непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. Несмотря на это, автор попытался рассмотреть процессы, касающиеся украинского населения на обоих берегах Днестра.

Жизнь в новых условиях вынуждала ориентироваться на мировой опыт и создавать соответствующие институты, в сферу деятельности которых входит контроль над исполнением действующего законодательства в названной области. Одной из таких организаций, на динамике развития которой заострено внимание в данной монографии, является Бюро межэтнических отношений Республики Молдова.

В настоящее время, согласно результатам переписи 2004 г., украинцы насчитывают в правобережных районах республики 282 406 чел. (8,4%)¹, а по итогам переписи, осуществленной в том же году в непризнанной ПМР, в левобережных районах они составили 28,8% населения². Итак, после мажоритарного этноса – молдаван (75,8% на правом берегу Днестра и 31,9% на левом³) – украинцы представляют наиболее значительную по численности этнографическую группу населения.

Следует констатировать, что, несмотря на весомое представительство в обществе, украинское население на современном этапе практически не изучено.

Таким образом, актуальность проблемы диктуется целым рядом признаков, которые отражены в основной цели, преследуемой автором настоящей работы:

выявление влияния этногосударственного законодательства, государственных институтов и ведомств на сохранение и развитие этнической и гражданской идентичностей украинцев, проживающих в среде иноэтнического окружения.

Хронологические рамки работы охватывают последнее шестнадцатилетие – так называемый в литературе период независимости (1989–2005 гг.).

Преобразования, которые претерпели и продолжают ощущать на себе страны бывшего СССР и Восточной Европы, вызвали повышенное внимание к проблеме идентичности⁴, которая относится к одному из сложных соционормативных определителей личности. В теоретико-методологической монографии «Идентификация идентичности» российский исследователь М. Н. Губогло анализирует различные стороны этого многоликого феномена: этническую, конфессиональную, гражданскую, тендерную и многие другие, справедливо отмечая, что при желании исследователи могут выделить еще целый спектр идентичностей⁵. Идентичность аккумулирует в себе ценности, значимые для индивида и общества. Таким образом, сказанное свидетельствует о том, что указанная проблема, даже заключенная для анализа в более узкие рамки (изучение этнической и гражданской ценностей), при комплексном рассмотрении охватывает широкий диапазон тем.

Содержание первой части данной монографии сконцентрировано на сфере нормативно-правовой базы. В ней поставлена цель рассмотрения регламентации культурно-языковых и гражданских прав и свобод украинского населения республики (которое было выбрано в качестве своего рода «фона» анализа) в условиях иноэтничного окружения. Украинцы представляют собой национальное меньшинство, исторически проживающее в Молдове. Вызов времени возвещает о возникновении иных условий для интеграции нацменьшинств в новое молдавское сообщество, о необходимости развития и поддержки украинского языка, возрождения украинской национальной культуры. Решение этого комплекса проблем становится одной из составляющих государственной политики в сфере поддержки национальных меньшинств.

Исходя из поставленной цели сформированы и задачи исследования, реализуемые в первых двух главах работы:

- проследить в динамике становление и развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей культурно-языковые и гражданские права и свободы украинского населения республики. Здесь автор хотел бы дать небольшое пояснение. В связи с приднестровским конфликтом и образованием непризнанной Приднестровской Молдавской Республики на территории бывшей МССР *de facto* существуют две Конституции, функционируют две нормативно-законодательные базы. Думается, что исследование истории и условий появления нормативно-законодательных актов позволит больше узнать друг о друге, а может быть, будет способствовать и лучшему взаимопониманию;
- остановиться на рассмотрении международных нормативно-законодательных актов, к которым присоединилась Республика Молдова и в которых затрагиваются проблемы национальных меньшинств;
- определить тенденции, складывающиеся в национальной политике и формировании гражданских ценностей нацменьшинств, в том числе и украинцев, на двух берегах Днестра.

В последней главе исследования рассматривается деятельность Института межэтнических исследований (как одной из научных организаций АНМ), непосредственно, на протяжении многих лет занимающегося изучением этнокультурных проблем прошлого и настоящего полиэтничной Молдовы.

Читатель может познакомиться с работой созданного в годы независимости Бюро межэтнических отношений как одной из государственных организаций, в компетенцию которой входит осуществление государственной политики Республики Молдова в области межэтнических отношений и реализации конституционных прав граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной и языковой самобытности, способствование функционированию государственного, русского и др. языков в соответствии с действующим законодательством.

Целью в данном случае является освещение того, как возможности поддержки отдельно взятой этносоциальной группы населения республики обеспечиваются государством в системе исполнительной власти.

В качестве гипотезы, выдвигаемой в исследовании, выступают следующие моменты:

– проблема нормативно-правового обеспечения в области культурно-языковых прав и свобод отдельно взятого национального меньшинства в Республике Молдова не может рассматриваться в отрыве от процессов, протекающих в этнополитической жизни молдавского сообщества в целом;

– эволюция нормативно-правовой базы по обеспечению прав и свобод национальных меньшинств в Республике Молдова представляет собой динамичный процесс;

– в ходе построения этой базы в области национальной политики и гражданского воспитания законодательства Республики Молдова и непризнанной ПМР создали нормативно-правовой блок, оказывающий влияние на формирование ценностных ориентиров у взрослого населения и, что особенно важно, у подрастающего поколения;

– в процессе трансформации в сообществе Молдовы сложилась структура государственных учреждений, обеспечивающих реализацию государственной политики в сфере межэтнических отношений и функционирования языков.

В исследовании использованы исторические методы (историко-хронологический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический), наряду с которыми привлекалось интервьюирование и анкетирование лидеров украинского этнокультурного движения, работников государственных органов управления.

При написании монографии автор основывался на работах современных западных, молдавских, украинских, российских исследователей, среди которых следует назвать труды Д. Д. Лейтина, Э. Хоббсбаума, Ф. Фукуямы, К. Ф. Поповича, П. М. Шорникова, В. Н. Наулко, В. П. Колесника, И. Кресиной, И. П. Варзара, Ю. В. Арутюняна, М. Н. Губогло, В. А. Тишкова, Л. М. Дробичевой, Л. В. Остапенко, И. А. Субботиной и др.

Прежде чем перейти к изложению материала, необходимо остановиться на анализе основных подходов и работ по проблеме этнического и гражданского факторов в Республике Молдова в трансформационный период (1989–2005 гг.).

В настоящее время можно с уверенностью констатировать, что изучение идентичности вылилось в отдельное направление, затрагивающее целый комплекс смыкающихся друг с другом наук, которые М. Н. Губогло охарактеризовал как носящие гибридный характер. Согласно его схеме, их 16, основными являются социология, политология, этнология, языкознание⁶.

Следует подчеркнуть, что в понятие идентичности исследователи вкладывают достаточно широкий спектр констант, поэтому необходимо более подробно остановиться на ее определениях. Сразу надо обратить внимание на то, что, находясь на пограничье ряда научных дисциплин, данная проблема является

многоаспектной, многоликой, каждый раз в чем-то дополняющей свое содержание. Постичь идентичность во всей глубине ее таинства, думается, невозможно, но приоткрыть завесу попытались специалисты из разных научных областей.

Слово идентичность происходит от позднелат. *identicus*, буквально – «тождественный, одинаковый»⁷. Оно обозначает многоступенчатое понятие, включающее в себя в качестве составляющих индивидуальное и коллективное.

Этническая и гражданская идентичности, рассматриваемые в нашем исследовании, таким образом, также несут на себе нагрузку этой многоступенчатости. Например, если мы говорим об этногосударственном законодательстве, то при его анализе мы должны видеть отражение интересов как личности, так и коллектива (в данном случае этноса или национального меньшинства).

По определению российского исследователя Б. Е. Винера, этническая идентичность включает в себя весь набор представлений человека о своем этносе, а также связанные с ними чувства и намерения. Этническая самоидентификация входит в этническую идентичность и является ее ядром⁸. Этническая идентичность складывается у личности в процессе формирования жизненных ценностей. Необходимо указать на еще одно понятие - этничность, под которым понимают приписываемую обществом категорию, в то время как этническая идентичность является результатом самокатегоризации, она конструируется индивидом на основе этничности, но может и не совпадать с последней⁹.

С этнической идентичностью тесно связана языковая идентичность как одна из важных характеристик этничности. Посредством родного языка индивид или этнический коллектив, с одной стороны, подтверждают свою этническую идентичность, а с другой стороны – транслируют. По определению М. Н. Губогло, «языковая идентичность – это совокупность языковых характеристик индивида или группы, состоящая из знания языка или языков (языковая компетентность), употребления языков (речевое поведение), отношения к языкам (языковые установки)»¹⁰.

Необходимо сказать несколько слов о проблеме гражданской идентичности, которая после распада СССР и в связи с активным строительством новых государственных образований на обломках бывшей советской системы в числе немногих идентичностей испытала на себе влияние общественно-политических трансформаций. Она является одной из составляющих социальной идентичности личности¹¹. В связи с общественными трансформациями, с множественной идентичностью, из-за перемены места жительства человек может в течение своей жизни поменять гражданство, получить двойное гражданство и т. д.

Современные специалисты справедливо определяют гражданскую идентичность как принадлежность к государству посредством паспорта, которым обладает личность, и политонима – названия государства, к числу граждан которого она себя причисляет¹². Следует отметить, что, как всякая идентичность, гражданская включает в себя ряд ценностных понятий: патриотизм, чувство долга перед Родиной, уважение к событиям прошлого, значимого как для страны, так и для индивидуума/этносоциального организма.

В гражданское самосознание личности входят представления индивида о себе, своих правах и обязанностях перед государством и обществом, видение себя и своей роли в жизни страны. Гражданское сознание связано с добровольной гражданской самоидентификацией, которая базируется на совокупности представлений о государстве и обществе¹³.

Интерес, проявляемый к вопросам идентичности и самоидентификации, объясняется не только научной актуальностью, но и практической значимостью. Возникшие после распада советской системы многочисленные государственные образования, признанные и непризнанные мировым сообществом, столкнулись с целым комплексом проблем, связанных с формированием гражданских ценностей, обеспечением прав и свобод граждан, в том числе и по этническому признаку, с фактом этнической ревитализации и ее последствиями и т. п. Поэтому неудивительно, что столь актуальная проблематика оставила свой след в обширной историографии.

Источники по проблеме нормативно-правовой базы в области прав и свобод национальных меньшинств, включая украинцев, для удобства рассмотрения можно разделить на:

- тексты нормативно-правовых актов (среди которых, в свою очередь, можно выделить международные и внутренние);
- документы, находящиеся в текущих архивах министерств и ведомств;
- источники, содержащие результаты обсуждения и анализа нормативно-правовых актов, а также комментарии к ним, опубликованные в периодической печати, научных статьях и монографиях, в материалах международных и республиканских конференций;
- личные наблюдения, интервью с лидерами этнокультурного движения, парламентариями, учеными – участниками подготовки соответствующих нормативно-правовых документов.

Проблема правотворчества, тем более в трансформационный период, вызывает в обществе живой интерес. Косвенным доказательством тому является престижность специальности юриста в постсоветских государствах.

В условиях построения государств новых демократий сфера правотворчества в области национальной политики представляет собой актуальное и нуждающееся в постоянном внимании направление. Объясняется это прежде всего тем, что развал Союза ССР охарактеризовался всплеском этнических движений. На естественные этнополитические процессы наложился внешний фактор¹⁴, который со времен перестройки стал играть видную роль в жизни трансформирующейся 1/6 части суши нашей планеты.

Изучению этнической и гражданской идентичностей уделялось немало внимания как в Республике Молдова и в ближнем зарубежье, так и в странах Европы и Америки. Литература по этому вопросу безбрежна.

Одной из глубоких работ по данной теме является исследование американского ученого Д. Лейтина, побывавшего в Молдове в 1998 г. (David D. Laitin. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad*. Ithaca and London, 1998).

Основываясь на теории фрейдистского психолога Э. Эриксона и на модели Т. Шеллинга, исследователь проанализировал различные виды идентичностей, сложившиеся в обществе (конгломератную, диаспоральную, межнациональную) и собрал их «в одни рамки»¹⁵. Автор подробно останавливается на анализе современных подходов в этнологии – конструктивизма и примордиализма, заняв позицию первого¹⁶.

Д. Лейтину свойственно прибегать к образным примерам. Так, он ссылается на Эрнеста Гелнера, используя вымышленные названия региона Руритания и государства Негаломания. Выстроив соответствующие модели, исследователь переходит к анализу ситуации в республиках бывшего СССР.

Он останавливает внимание читателя на понятии «конгломератная идентичность». Согласно его мнению, она обычно наблюдается, когда члены доминантного общества одинаково воспринимают те или иные группы людей или когда социальные границы, отделяющие различные группы, достаточно слабы. Д. Лейтин считает, что конгломератно идентичные группы могут быть численно крупными, но политически слабыми. В качестве примеров он называет русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев – как русскоговорящих, среди примеров другого порядка приводит американцев азиатского или испанского происхождения¹⁷.

Серьезность и глубина работы Д. Лейтина обращает на себя внимание ученых и внушает уважение¹⁸.

Свежим и насыщенным интересными взглядами можно назвать труд А. Д. Смита «Этническое происхождение наций». Основную задачу своего исследования автор видит в выявлении сходств и различий между современными национальными объединениями и отношениями (чувствами) и коллективными культурными объединениями и чувствами прошлого, которые он называет «этни» (ethnie)¹⁹.

А. Д. Смит попытался ретроспективно проследить взаимодействие «этни» с другими явлениями общественной жизни (урбос, класс, религия, регион), рассмотрел проблему формирования этнических ценностей²⁰.

Заслуга автора состоит, в частности, в том, что он остановился на проблеме национального меньшинства в иноэтнической среде. А. Д. Смит подчеркивает, что между государством и этничностью могут возникать небольшие трения, так как они действуют в разных сферах публичной, частной, культурной жизни. Но возможны и конфликты. Он приводит пример, когда этническое меньшинство, граждане какого-либо государства, могут испытывать прочное чувство солидарности по отношению к иным этническим компонентам в других странах или к коренному «этни», борющимся за признание их государства либо обладание им, находясь при этом в состоянии войны со своими соседями. В таких случаях может возникнуть ситуация «замещающегося национализма». Тогда этническое меньшинство или его часть, добивающиеся национального статуса либо своего государства, выступают от имени другой, родственной части или же на благо своего, коренного общества. Часть этнического меньшинства – граждан страны, где доминирует другой «этни», – вынуждена выбирать между верностью своему гражданству и солидарностью этноса, особенно в случае, когда власти объединенного государства доводят ситуацию до конфликта с интересами этнического меньшинства или материнского государства²¹.

Данный пример весьма показателен и может быть соотнесен с ситуацией, в которой оказалось украинское меньшинство Республики Молдова, проживающее на двух берегах Днестра, территория одного из которых находится в статусе непризнанной государственности ПМР. В левобережных районах Молдовы проживает около 200 тыс. граждан Украины, часть из которых являются также гражданами РМ и практически все – гражданами непризнанной ПМР. После начала экономической блокады ПМР со стороны Украины и Республики Молдова эти украинцы оказались перед выбором – какую позицию занять. Еще более показательным примером являются результаты референдума в ПМР 17.09.2006, на котором 94,6% проголосовало за независимость ПМР и присоединение к России. Таким образом, в отношении гражданского выбора и этнической принадлежности опять сложилось кризисное положение.

А. Д. Смит придерживается спорного мнения, что в современном мире «этни» должны стать политизированными, им необходимо «оставаться на политической

арене, двигаясь по направлению к государственности, даже если у них нет намерений стать отдельными нациями в полном смысле слова»²².

Еще одним моментом, привлекающим внимание, в работе А. Д. Смита является его интерес к проблеме малых государств и малых наций. Исследователь считает, что для того, чтобы поддерживать свою жизнеспособность, маленькие политические государства должны постоянно напоминать каждому новому поколению о своеобразии их культуры, об их уникальном и героическом прошлом. Вместе с тем автор отмечает, что мир маленьких наций имеет тенденцию «к формированию связанных и отличительных масс граждан, одновременно создавая потоки изгнанников, беженцев и т. д.»²³.

А. Д. Смит подчеркивает возросшее в последнее время значение «слова» – языка: «...Язык стал не только новым мощным измерением идентификации и общества, но и барьером для мобильности, особенно для местной интеллигенции и ее соперников (в обоих направлениях), а также новым принципом раскола и вражды, наложением на другие культурные различия»²⁴.

В целом рассматриваемый труд представляет собой взвешенное и, хотелось бы подчеркнуть, научное издание, затрагивающее целый спектр этносоциальных и этнополитических проблем современности.

Еще одной работой, на которой хотелось бы остановиться подробнее, является монография Адриана Хастингса «Построение государственности. Этничность, религия и национализм», опубликованная в Кембридже (1997). Само ее название свидетельствует о том, что она посвящена непосредственно обсуждаемым в нашем исследовании вопросам, с той лишь разницей, что главным объектом анализа А. Хастингса является Англия. Безусловный интерес, однако, представляют собой теоретические выкладки автора, в частности, его рассуждения о так называемом феномене «нации-государства», проблеме создания которого в последнее время уделяется немало внимания. Автор убежден, что «нация-государство в большей степени представляет собой нереализованный миф». Исследователь подчеркивает, что национализм всегда был большой опасностью для мира, толерантности и здравого смысла. Вместе с тем он расценивает английский национализм как хороший, которому противопоставляет национализм пришлых как плохой. Под первым, скорее всего, понимается патриотизм. Сама модель нации-государства, по мнению автора, редко соответствует социальной действительности без чудовищной несправедливости по отношению к многочисленным меньшинствам²⁵.

Представление относительно существования нации у А. Хастингса носит чисто конструктивистский характер, но интересно тем, что в последнее время искусственное этническое конструирование становится реальностью.

Как и А. Д. Смит, А. Хастингс подчеркивает большую роль языка в сохранении и эволюции нации.

Исследование Хастингса вызвало положительные отзывы и интерес среди коллег на Западе²⁶.

Труды российских этнологов, этносоциологов, этнополитологов и других специалистов можно условно разделить на исследования: а) носящие общетеоретический характер; б) те, опыт которых применим в Республике Молдова; в) непосредственно касающиеся этнических, этнополитических проблем Молдовы и соседних регионов.

К работам общетеоретического плана, прежде всего, следует отнести концептуальный труд Ю. В. Бромлея «Очерки теории этноса» (М., 1983). Среди современных исследований, осуществленных в России в последние годы, следует назвать монографию В. А. Тишкова «Реквием по этносу. Исследования по

социально-культурной антропологии» (М., «Наука», 2003). Общеметодологическое значение имеет также книга М. Н. Губогло «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» (М., 2003).

Говоря об исследованиях российских ученых, опыт которых может быть применен в Республике Молдова, в частности, при освещении проблем, поднимаемых в нашей монографии, в первую очередь следует указать на свыше 100 работ, вышедших в рамках серии «Национальные движения в СССР и постсоветском пространстве» (автор проекта М. Н. Губогло). В качестве яркого примера подобного рода выступает проект под общим названием «Феномен Удмуртии» в шести томах; коллективом авторов рассматриваются разные стороны трансформации (этнополитическая ситуация, становление государственности Удмуртской Республики, идеология и технология этнической мобилизации, этнополитической жизни), пережитой постсоветской Удмуртией.

Рассмотрению политики государств в отношении зарубежных диаспор и становлению русской диаспоры посвящена работа российского исследователя Т. В. Полосковой «Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты» (М., «Научная книга», 2002). Анализ современных характеристик диаспор, в частности этнических диаспор как фактора внутри- и внешнеполитических отношений, представляет собой интересную и актуальную попытку, предпринимаемую автором в названной монографии.

Интерес вызывают разработки российских этносоциологов, затрагивающих вопросы изучения этнической и гражданской идентичности, положения русских и русскоязычных вне России. Они представляют собой серьезную методологическую базу для изучения конкретных проблем на местах. В этом контексте нельзя не назвать коллективное исследование российских этносоциологов «Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х гг.» (М., 1996). Комплексным проблемам и связям этносоциологии со смежноотраслевыми научными дисциплинами, современным междисциплинарным исследованиям, анализу конкретных вопросов в данной области посвящен сборник «Междисциплинарные исследования в контексте социально-культурной антропологии» (М., «Наука», 2004), выпущенный в честь Юрика Вартановича Арутюняна. В данном контексте следует назвать еще одну работу, касающуюся комплексной междисциплинарной проблематики в современной этнологии, – коллективный сборник, посвященный памяти видного этнолога Ю. В. Бромлея, – «Академик Ю. В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990 гг.» (М., «Наука», 2003) и др.

Нельзя не затронуть работы по отдельным вопросам, имеющим непосредственное, прямое отношение к обсуждаемой в монографии проблеме. В качестве примера можно привести исследование Т. М. Поляковой «Менталитет полиэтнического общества (Опыт России)» (М., 1998). В книге всесторонне рассматривается понятие «менталитет», включая анализ его происхождения, содержания и роли в современной России периода трансформации. Данное исследование имеет значение для нашей работы ввиду того, что ментальность как характеристика личности и общества включает в себя набор ценностных идентификаторов, свойственных исторической памяти на уровне автоматизации, в то время как идеологические конструкции связаны «со сложившейся в данном обществе иерархией ценностей – витальных, социальных, политических, культурных, религиозных, с нормами морали и права»²⁷. Данное сочетание укоренившейся ментальности с новыми веяниями идеологии, в частности при рассмотрении влияния новых законодательных актов на формирование общественно-политических и гражданских ценностей в условиях трансформации,

представляет собой принципиальный интерес в преломлении к молдавской действительности.

Серьезное внимание теории этничности и анализу этнополитических процессов уделяется на страницах авторитетного российского издания «Этнографическое обозрение». В нем содержатся статьи В. И. Козлова²⁸, публикации А. М. Лодыженского²⁹, И. Н. Губогло Э. Г. Александренкова³⁰, В. А. Тишкова³¹, Б. Е. Винера³² и мн. др.

Следует назвать ряд трудов, написанных в разные годы и свидетельствующих о том, что интерес к молдавской земле у российских историков является устойчиво-профессиональным. Так, этносоциологическому анализу посвящена не одна работа, среди них: Опыт этносоциологического исследования образа жизни (По материалам МССР. Отв. ред. Ю. В. Арутюнян. М., 1980; Губогло М. Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. Основные факторы и тенденции развития национально-русского двуязычия. М., 1984; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Многообразие культурной жизни народов СССР. М., 1987. Коллективная монография Л. В. Остапенко и И. А. Субботиной «Русские в Молдавии: миграция или адаптация» (М., 1998), посвященная одному из многочисленных нацменьшинств республики, не замыкается только на этническом факторе, а выходит на этнополитические реалии. Несколькими годами позже вышло серьезное исследование С. С. Савоскула «Русские нового зарубежья: Выбор судьбы» (М., «Наука», 2001).

Необходимо более подробно остановиться на работах известного современного российского этнолога Михаила Николаевича Губогло, выходца из Молдавии, что во многом объясняет его интерес к этносоциальным процессам, протекающим в постсоветский период на ее территории. С темой нашего исследования соотносятся его многочисленные монографии, среди которых необходимо назвать следующие: «Мобилизованный лингвизм» (М., 1993); «Языки этнической мобилизации» (М., 1998), где, в частности, достаточно подробно представлены сведения о российских изысканиях в обсуждаемой области. В последней монографии М. Н. Губогло анализирует феномен укрепления связи между этнической и гражданской идентичностями и проблему их политизации, свойственную для постсоветской действительности³³. На примерах таких европейских стран, как Германия и Франция, исследователь рассматривает проблему восприятия и трактования понятий гражданства, гражданского общества, затрагивает вопрос множественной гражданской идентичности в отношении России³⁴. Это далеко не риторический вопрос и для Молдовы, в которой лица с двойным гражданством насчитывают уже не одну сотню тысяч. Хорошо ли это, не ведет ли множественная гражданственность к внутреннему конфликту личности и государства? Увы, однозначных ответов на этот вопрос пока нет.

М. Губогло, говоря о соотношении этнической и гражданской идентичностей, обращает внимание на многообразие взаимоотношений между ними, подчеркивая, что они способны к порождению двух форм национализма – этнического и государственного. Опираясь на данные этносоциологического опроса российской молодежи, исследователь пришел к выводу о несовпадении названных ценностных идентификаторов среди респондентов разных национальностей. Автор считает, что говорить о формировании политической нации в России преждевременно³⁵.

Данное исследование привлекает еще и потому, что на страницах этой солидной (811 с.) книги осуществлен анализ такого важного этнического идентификатора, как язык, а также языковой политики в государстве. Этот обширный круг вопросов автоматически выводит читателя на рассмотрение формирования этнических ценностей и межэтнических отношений, которые, в свою очередь,

сказываются на гражданской политике и поддержании добрососедских, или, как сейчас принято говорить, толерантных отношений.

В указанном контексте обращает на себя внимание другая книга ученого, посвященная размышлениям о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений, – «Может ли двуглавый орел летать с одним крылом?» (М., 2000). В ней автор на основе многочисленных этносоциологических и этнополитических исследований попытался представить сложную картину переплетения прав личности (человека) и коллективных прав (прав народов) в полиэтнической России. В работе представлена динамика этнополитического законотворчества в России за последнее десятилетие XX в.

Отдельного внимания требует фундаментальная монография М. Губогло, посвященная рассмотрению общетеоретических проблем идентичности. В уже упоминавшемся объемном труде «Идентификация идентичности. Этносоциологические очерки» он осуществляет попытку представить комплекс идентичностей, способных влиять на формирование ценностей отдельной личности и отдельного сообщества. В книге исследуются имущественная, семейная, этническая, гражданская, религиозная, региональная идентичности. Автор придерживается примордиалистской концепции, сквозь призму которой на основе обширного этносоциологического материала рассматривает сложное переплетение идентичностей, сосуществующих в каждом человеке, в отдельных этнических группах и обществе в целом. Одним из слабо изученных направлений в разработке данной проблемы выступила региональная идентичность, подробно представленная автором на примере этнополитических процессов, протекающих сегодня, в частности, в Приднестровье (ее анализ ученый продолжил в коллективном труде «История Приднестровской Молдавской Республики», выпущенном в 3-х частях ограниченным тиражом в Тирасполе³⁶). В отношении автора к проблематике, связанной с идентичностью, прежде всего, обращает на себя внимание обстоятельность и многогранность в подходах к изучению этнической и гражданской идентичностей³⁷.

Исследователь подчеркнул ряд дискуссионных моментов в дефинициях, используемых в научно-понятийном аппарате. Он справедливо отметил неясность соотношения понятий этнической идентичности и этнического самосознания³⁸, гражданского самосознания и самоидентификации³⁹, остановился на проблеме соотношения идентичностей, что очень существенно, так как практически не изучено. Книга обратила на себя внимание специалистов и вызвала положительную оценку⁴⁰.

Следует назвать еще одну работу М. Н. Губогло, непосредственно связанную с рассматриваемой проблемой, – «Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности», опубликованную в книге «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения: этническая мобилизация национальных меньшинств» (М., 2003. С. 369-397). Она посвящена изучению правового обеспечения национальных меньшинств Молдовы. Ссылаясь на результаты мониторинга миссии ОБСЕ в РМ, автор пришел к выводу, что современная Молдова столкнулась с наличием «не двух, а трех несущих конструкций, две из которых – молдавская и гагаузская – смонтированы на этнической, а одна – приднестровская – на региональной идентичности»⁴¹. Исследователь подчеркнул, что «Республика Молдова, как и Россия, блуждает в лабиринтах идеологии, в поисках такой национальной идеи, которая могла бы стать государственной идеологией и, подобно надежной крыше, венчающей прочное здание, обеспечивать нормальное формирование гражданской идентичности и лояльности к государству»⁴².

В рамках деятельности Центра по изучению межнациональных отношений в серии «Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве» был выпущен ряд научных изданий, посвященных изучению различных аспектов этнической и гражданской идентичностей, которые непосредственно касаются Республики Молдова. Здесь нужно назвать сборник статей и документов «В лабиринтах самоопределения и самоутверждения. Этническая мобилизация национальных меньшинств», автор-составитель Е. М. Губогло (М., ЦИМО, 2003). Он представляет собой анализ процессов этнической мобилизации в Республике Молдова, знакомит с позициями и мнениями молдавских политиков и исследователей в области межэтнических отношений: В. Абрамчук, П. Шорникова, И. Грека, Н. Енчиу. Приведенные материалы демонстрируют динамику и полярность взглядов на проблемы построения этнополитического будущего республики.

В сборник также включены многочисленные материалы и документы, касающиеся национальной политики в Республике Молдова. Проявление мобилиционности этничности наблюдается, в частности, в уставах и программах многочисленных этнокультурных объединений украинцев, русских, гагаузов, болгар, евреев, цыган и мн. др. этнических образований, представители которых проживают в Молдове.

Явление этнополитической трансформации, анализ мобилизационных процессов, документы общественно-политических объединений Приднестровья рассматриваются в пятитомном издании, вышедшем в рамках вышеназванной серии, под общим названием «Непризнанная республика» (М., ЦИМО, 1999).

Внимание к современным этническим процессам и гражданскому строительству уделялось и уделяется в соседней Украине.

Прежде всего надо назвать коллективную монографию «Етнонаціональні процеси в Україні» (Київ, 2001). В ней украинский исследователь В. И. Наулко рассматривает проблему соотношения этнического и национального в процессе государственного строительства в Украине, другие соавторы остановились на этнических процессах в среде многочисленных этнических групп, населяющих Украину, в том числе молдаван. Интерес вызывает работа В. Сергейчука, посвященная изучению полиэтничного Крыма. Проблема молдавского национального меньшинства Украины в аспекте государственной политики и взаимодействия двух народов анализируется в статье Т. Кыяка.

Этнополитическому анализу посвящена книга Ирины Кресиной «Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси» (Київ, «Вища школа», 1998). В монографии, в частности, исследуется вопрос украинской идеи как нациообразующего фактора. Автор подробно останавливается на историографии проблемы динамики взглядов на украинскую национальную идею, детально рассмотрев точки зрения дореволюционных, советских и современных авторов – противников ее существования: к Т. Флоренского, Б. Ляпунова, О. Волконского, П. Струве, И. Линниченко, М. Ульянова и др.⁴³. Она приходит к выводу, что «национальная идея в отличие от национальной мечты – политический проект будущего нации, императив ее сознания и силы, жизнеосмысленный показатель национального развития»⁴⁴.

В выводах к своей работе И. Кресиной подчеркнута, что украинская национальная идея – это идея нации как полиэтничного сообщества, консолидированного институтом гражданства, принадлежностью к Украине как совместной Родине⁴⁵. Данный подход вполне объясним в условиях построения Украиной своей государственности.

В условиях нашей страны национальная идея на государственном уровне сформулирована сравнительно недавно – 19.12.2003. Парламент РМ принял «Закон об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова», провозгласивший поликультурность и многоязычие народа нашего государства. Что же касается концептуальных подходов в научных исследованиях и взглядах на историю, то их условно можно разделить на прорумынские⁴⁶, промолдавские⁴⁷, интеграционистские (базирующиеся на попытке создания интеграционного курса преподавания истории как альтернативы читаемой в правобережных районах республики «Истории румын»)⁴⁸ и приднестровские⁴⁹.

Столь широкий концептуальный разброс мнений, присутствующий в среде исследователей и идеологов в Молдове, с одной стороны, свидетельствует о демократии и возможности трактовать историю с собственных позиций – и это нормально (гораздо хуже, когда к ученому приставлен человек в форме, регламентирующий ход его мыслей). Речь о другом: многополярность подходов к прошлому и будущему не может не влиять на формирование общенациональной идеи, что, естественно, сказывается и на идеологии государственности, а в конечном итоге воздействует на формирование гражданских ценностей, проблема которых затрагивается в нашем исследовании. Поэтому опыт соседних государств и выкладки их теоретиков имеют не только научное, но и серьезное прикладное значение.

Среди трудов украинских коллег, направивших свое внимание на анализ проблем этничности и рассмотрение этногосударственной проблематики, следует назвать работы таких исследователей, как О. Куц⁵⁰, Ю. Римаренко⁵¹, Л. Шкляр⁵², Н. Шульга⁵³, Т. Рудницкая⁵⁴, В. Ананьина⁵⁵ и мн. др. Вопросам этносоциальных трансформаций на Украине посвящено отдельное теоретическое издание, подготовленное в Институте философии им. Г. С. Сковороды⁵⁶.

Небезынтересной в этой сфере представляется книга Виктора Колесника «Національно-етнічні відносини в Україні: теоретичні засади та конституційно-правові аспекти» (Харків, «ФОРМ», 2003).

В контексте темы нашего исследования важна его позиция по отношению к проблеме национального (этнического) самоопределения. Автор признает право на самоопределение любой национально-этнической общности: «на демократических позициях, без давления осуществить определение основных приоритетов и направлений своего развития, а также организационно-институциональных форм своего бытия, тем самым заявив о своем праве на существование, о своей национальной идентичности» (надо подчеркнуть, что в этом месте он обращает внимание на проблему как коллективной, так и индивидуальной идентичности)⁵⁷. Лишь гармоничное сочетание индивидуальных и коллективных ценностей подготовит почву для создания ценностно значимых и воспринимаемых маркеров и для индивидуума, и для сообщества в целом. Понимание этого является залогом успешной этнической политики в условиях формирования государственных образований новых демократий. Затрагиваемые В. Колесником проблемы с юридической точки зрения вызывают пристальный интерес у этнополитологов, этнологов и этнопсихологов. В Украине проблематику национальных меньшинств разрабатывает ряд представительных ученых – В. Б. Евтух⁵⁸, Д. В. Павличенко, В. И. Наулко и мн. др.

Нельзя не назвать работу еще одного украинского исследователя – Ивана Пантелеймоновича Варзара (молдавского происхождения), серьезно занимающегося теорией этногосударственного строительства. Он формировался на концептуальных идеях крупного этнолога Р. Ф. Итса, по словам самого Рудольфа Фердинандовича,

«стихийно или сознательно, – но упорно и издавна, – работает в гумилевском методологическом русле»⁵⁹. И. П. Варзару принадлежит заслуга формулирования цепи понятий, дефиниции которых пополнили научный багаж этнологической науки.

Исследователь принципиально избегает словосочетаний, базирующихся на слове «нация», придерживаясь позиции, что далеко не все народы-этноссы пребывают на стадии нации⁶⁰.

Иван Пантелеймонович остановил свое внимание на анализе этнополитической ситуации, сложившейся на территории «романской дуги Украины»⁶¹.

Анализу злободневных вопросов, сопряженных с рассматриваемой в исследовании темой, были посвящены многочисленные научные конференции, которые проходили в разные годы в Черновцах и Одессе. Свидетельством тому является обсуждение проблем еврорегионального сотрудничества и межэтнических отношений учеными Украины, Республики Молдова и Румынии на регулярно проводимых в г. Черновцах международных конференциях, среди которых можно назвать серьезный научный форум «Этнические взаимоотношения на территории еврорегиона "Верхний Прут"» (Черновцы, «Букрек», 2004), который проходил в Черновцах в июне 2001 г. Там же в мае 2003 г. обсуждалась тема «Еврорегионы: потенциал межэтнической гармонизации» (Черновцы, «Букрек», 2004). В данных дискуссиях на международных форумах Украины принимали участие и ученые из Молдовы⁶². С тематикой нашего исследования переплетаются прозвучавшие на указанных встречах доклады Ирвинга Сарноффа, ученого из США, в частности «Акты ООН по защите прав человека»⁶³. Здесь же следует назвать доклад его коллеги из Швейцарии Йозефа фон Комлоши «Совет Европы и инструменты защиты национальных и этнических меньшинств»⁶⁴, а также выступление молдавского историка П. Шорникова «Национальная политика и межэтнические отношения на севере Молдавии в 90-х гг. XX в.»⁶⁵. Исследователь из Румынии Штефан Пуриче выступил с докладом «Севернобуковинские румыны и южнобуковинские украинцы в период 1989–2001 гг.»⁶⁶, этнические и политические проблемы украинцев Молдовы и Украины затронул в своем сообщении Ю. Макар⁶⁷ и др. Научный форум «Этнические взаимоотношения на территории евро-региона "Верхний Прут"» нашел отклик и в Европе: часть докладов конференции была перепечатана в Австрии и вышла на немецком языке⁶⁸.

Уже стало традицией проводить в Одессе (как одном из областных центров компактного проживания молдаван в Украине) научные конференции, посвященные взаимодействию между двумя государствами в прошлом и настоящем⁶⁹.

Еще одно исследование представляет собой плод совместного творчества двух профессоров – В. Г. Кремня и В. Н. Ткаченко, оставивших свой след и на политическом поприще. В работе анализируется становление и развитие «украинской идеи», борьба Украины «за место под сегодня светящим солнцем».

Подробно проанализировав ситуацию, сложившуюся в Украине в годы независимости, авторы пришли к выводу о том, что в государстве «"романтический" период, основанный на идее этничности, после 1991 г. неминуемо должен был смениться другим – консолидирующим, который открывал бы более широкие возможности для объединения представителей всех этносов Украины на принципе гражданства. И тогда неминуемо видное место занял бы лозунг расширения "универсальной" культуры с ее "европеизированными стандартами"»⁷⁰. Ученые справедливо указывают на пограничье Украины между Западом и Востоком, а в связи с этим – на необходимость выработки ею своего собственного пути.

Непосредственно правовому обеспечению украинского населения РМ было посвящено выступление юриста Департамента межэтнических отношений И. В.

Пивовара на международной конференции «Украина – Молдова: Историческое наследие и перспективы развития сотрудничества», которая состоялась в Одессе 26–27 июня 2002 г. (Одесса, «ОРЩУ УАДУ», 2003), но в силу ограниченности времени и объема автор сумел лишь очертить ряд документов, непосредственно касающихся обеспечения прав и свобод украинского населения Республики Молдова, не остановившись на анализе обстоятельств их принятия и ситуации, сложившейся в непризнанной ПМР. Тем не менее, сам факт, что проблема украинского национального меньшинства как наиболее многочисленного в республике была затронута официальным чиновником, заслуживает внимания.

В Молдове дискуссии по вопросу правового обеспечения этнических прав и свобод национальных меньшинств неоднократно разворачивались на различного рода форумах: «Славянские культуры в инациональной среде» (Международная конференция, Кишинев, май 1995); «Этническая мобилизация и межэтническая интеграция: Истоки. Факторы. Горизонты» (Кишинев, 29 сентября 1998 г.); «Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации» (Круглый стол, Кишинев, 1999); «Единство народа Молдовы и проблемы идентификации этносов» (Республиканская конференция, Кишинев, 4–5 мая 1999 г.); «Moldova între Est și Vest: identitatea națională și orientarea Europeană» (Chișinău, 2001); «Minoritățile naționale și relațiile interetnice» (Iași, 2002); «Приднестровье в геополитической системе координат XXI в.» (Тирасполь, 2002); «Правовые аспекты гражданского общества: реальность и перспективы» (Chișinău, 2003); «Функционирование правовых институтов в правовом государстве» (Международная конференция, Бельцы, 25–26 января 2003); «Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость» (Международная конференция, Кишинев, 2003). Данный список можно продолжить. На этих форумах прозвучали интересные доклады О. Лукьянец, М. Сидорова, В. Мошняги, А. Скворцовой, И. Грека, Т. Стояновой, В. Кожухаря, Т. Млечко, П. Шорникова, В. Солоняря, О. Нантоя, И. Чокану, Н. Кожокару, А. Рошки, Н. Визитея и др.

Многие из перечисленных конференций прошли по инициативе или при активном участии общественных объединений республики, благодаря деятельности некоторых из них появились сборники международных и внутренних нормативно-правовых актов, выполняющих важную миссию распространения нормативно-правовой информации. Среди них следует назвать материалы международной конференции, проведенной общественной организацией Хельсинкская гражданская ассамблея в Молдове (Кишинев, 1996), в которых, помимо докладов участников, представлен ряд международных и внутренних документов, затрагивающих права нацменьшинств. Еще одним примером инициативы общественных организаций является Asociația pentru Democrație Participativă, которая подготовила и издала «Юридический справочник по вопросам межэтнических отношений» (Кишинэу, 2001). Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул Милеску подготовила к изданию книгу «Национальные отношения в Республике Молдова на современном этапе и пути их оптимизации (Материалы круглого стола)» (Кишинев, 1999).

Серьезное внимание проблеме межэтнических отношений и этнополитологии уделяют молдавские политологи: В. Мошняга, В. Цуркан, Г. Руснак⁷¹ и др. В последнее время рядом молодых исследователей защищены диссертации на соискание ученой степени доктора политологии и доктора истории⁷².

Интерес представляют рассуждения о проблеме молдавской государственности, формировании национальных отношений, внутренней и внешней политике, высказанные действующими политиками Республики Молдова В. Степанюком⁷³, Ю. Рошкой⁷⁴, Н. Андроником⁷⁵ и др. Они, в частности,

свидетельствуют о многоаспектности видения политиками Молдовы будущего молдавской государственности, приоритетов во внутренней и внешней политике, если выразиться общо – государственной идентичности, которая, естественно, затрагивает также этнополитические и гражданские ценности и ориентиры.

В рамках работы еще одной общественной организации – Центр развития демократии и гражданского общества Республики Молдова – молодой исследователь А. П. Боршевский подготовил и издал пособие «Основные права и свободы граждан в ведущих демократических странах мира и в Молдове» (Кишинев, 2004). В работе анализируется состояние современного демократического правотворчества в США, Канаде, европейских странах и Японии. Особенно пристальное внимание автор уделяет состоянию прав и свобод, закрепленных в действующем законодательстве Республики Молдова (законодательство непризнанной ПМР не рассматривается). Детально представлены не только действующие законодательные акты, но и юридические инстанции, которые занимаются реализацией обеспечения основных прав и свобод граждан в республике ⁷⁶.

Достаточно подробный обзор современных источников и литературы по национальным отношениям и политике в этой сфере в западной литературе осуществлен молдавским историком А. Ю. Скворцовой. Будучи стипендиатом IREX в Центре русских и восточно-европейских исследований Мичиганского университета (Ann Arbor) в 1995–1996 гг., она получила возможность познакомиться с книгами и статьями о межэтнических отношениях, этнических конфликтах, национальных меньшинствах и национализме, которые в то время были недоступны молдавским исследователям ⁷⁷. Ей же принадлежит работа «Этническая идентичность и проблемы этнической интеграции в Молдове».

Проблеме идентичности молдаван уделил внимание также выпускник американской программы О. Галущенко ⁷⁸.

В кратком историографическом обзоре нельзя не назвать работы П. М. Шорникова, историка и депутата Парламента Республики Молдова (1990–1998). Ему принадлежит монография «Покушение на статус. Этнополитические процессы в Молдавии в годы кризиса. 1988-1996» (Кишинев, 1997). В книге представлена авторская точка зрения относительно горячей поры этнополитической трансформации первых годов обретения независимости и появления первых законодательных актов того времени, касающихся национальной политики государства и обеспечения прав и свобод национальных меньшинств. Их рассмотрение осуществляется им, прежде всего, с позиции анализа обеспечения прав и свобод русскоязычных в Молдове. Ему же принадлежат многочисленные публикации в разного рода периодических изданиях и доклады на конференциях, посвященные языковой политике государства ⁷⁹.

Среди очевидцев и участников политических событий начала 90-х нельзя не указать работы коллег П. Шорникова по Парламенту, ставшие уже библиографической редкостью. Это брошюра И. Г. Руссу «Заметки о смутном времени» (Кишинев, 1999) и книга А. М. Лисецкого «Право на самобытность» (Брянск, «Грани», 1993). В них представлено нелегкое время борений и поисков трансформирующегося общества конца 80-х – начала 90-х в сфере построения государственности, видения национальных ценностей и приоритетов, решения вопросов нацменьшинств и других острых проблем, стоявших в те годы перед обществом и личностью в нашей стране.

Внимание «поиску себя» в Молдове, анализу межэтнических отношений и проблематике, связанной с национальными меньшинствами, уделяется молдавскими политологами.

Функционированию русского языка в РМ на современном этапе посвящено исследование Т. П. Млечко «Быть или не быть. Русский язык в системе образования Республики Молдова. 1989-1999» (Кишинев, 1999). Книга затронула одну из животрепещущих страниц жизни постсоветской Молдовы – проблему использования русского языка. В ней приведены документы, связанные с распространенностью русского языка в республике, статистические данные пореформенного периода и материалы периодики, касающиеся указанной проблемы, а также представлены позиции экспертов (филологов, этнологов, историков, представителей других научных областей знания). Книга вызывает интерес еще и с точки зрения профессионального подхода, с сожалением следует констатировать, что в нашей стране этносоциология (и этнолингвистика в частности) как научное направление пока слабо развита.

О том, что языковая проблема в республике остается еще весьма острой, свидетельствует монография «Проблема адаптации нерумыноязычного населения Республики Молдова к автохтонной этнической среде» (Кишинэу, «ТЕНМСА-МРО», 2004), написанная в реакционном стиле молдавским исследователем Н. Кожокару.

Проблеме функционирования украинского языка в Молдове посвящены многочисленные публикации начальника Управления функционирования языков национальных меньшинств Министерства образования Республики Молдова А. И. Никитченко⁸⁰, Ю. П. Датия⁸¹, Е. С. Кожухарь⁸², В. Г. Кожухаря⁸³ и др.

Следует остановиться на работах, которые вышли в Приднестровье, в непризнанной ПМР. Среди них – уже названная коллективная монография «Феномен Приднестровья» История ПМР в трех частях, где затрагиваются проблемы этнической и гражданской идентификации жителей Левобережья (Тирасполь, 2001) Здесь же необходимо указать работу Н. В. Бабилунги и Б. Г. Бомешко «Приднестровский конфликт: исторические, демографические, политические аспекты» (Тирасполь, «РИО ПГУ», 1998), которая опирается на исследования, осуществленные в ходе этносоциологического опроса в левобережных районах с участием Д. Лейтина. Другое исследование Н. В. Бабилунги, «Территориальная идентичность как фактор политической стабильности Приднестровья», было озвучено в виде доклада на конференции в Кишиневе «Этническая мобилизация и межэтническая интеграция» (М., «ЦИМО», 1999. С. 185-194.) и др. Анализу формы проявления народного волеизъявления в Приднестровье принадлежит монография А. З. Волковой «Референдумы в Приднестровской Молдавской республике (1989–2003 гг.)» (Тирасполь, ГУИПП «Типар», 2005). Ей же принадлежит еще одна работа, освещающая политические события накануне распада СССР – «Горячее лето 1989 года» (Тирасполь, ГУИПП «Типар», 2004).

Анализу феномена приднестровского менталитета и приднестровского государства посвятил одно из своих многочисленных выступлений политолог из Тирасполя И. Н. Галинский⁸⁴. Проблемы Приднестровья в условиях геополитического противостояния Запада и России рассматриваются в другом выступлении исследователя, прозвучавшем совсем недавно, весной 2006 года, в Сочи⁸⁵.

Обращает на себя внимание краткий постатейный комментарий к Конституции ПМР, написанный коллективом авторов (В. А. Балала, Т. А. Берил, О. А. Калякин, В. И. Карамануца, Я. Ф. Федорчуков), в котором они в доступной для широкого читателя форме раскрывают смысл и значение основного Закона непризнанной

ПМР, обращая внимание, в том числе, и на проблему обеспечения этнических прав, свобод и обязанностей (Тирасполь, 2000. Приложение к журналу «Бюллетень экономической и правовой информации»).

Конечно, было бы неверным не отметить издания, в которых печатались документы – первоисточники по нормативно-правовой базе в области культурно-языковых и гражданских прав населения. В правобережных районах Республики Молдова это выходящие в разные годы «Булетинул Официал», «Monitorul Oficial», «Монитор Парламента», «Вести» и др. В непризнанной ПМР это «Сборники законодательных актов ПМР», «Собрание актов законодательства ПМР», сборники документов, принятых на заседаниях сессий Верховного Совета разных созывов и Президиумом Верховного Совета ПМР.

Представленный обзор историографии свидетельствует о том, что в настоящее время интерес к проблеме обеспечения прав и свобод национальных меньшинств выходит далеко за пределы только юридической науки. Касаясь интересов полиэтнического сообщества, данная проблема должна рассматриваться в комплексном плане.

* * *

Завершая вводную часть исследования, хотелось бы высказать слова благодарности за полезные консультации и поддержку доктору исторических наук А. А. Скрипник, чл.-корр. В. И. Наулко, профессору В. Н. Ткаченко, доктору исторических наук В. Ф. Горленко (НАН Украины). Интересные и плодотворные дискуссии на конференциях разных лет состоялись с коллегами кафедры политологии Черновицкого университета: доктором исторических наук В. П. Фисановым, доктором политологических наук А. Н. Круглашовым, кандидатами политологических наук И. Г. Буркутом, С. М. Гакманом, Н. Стрельчук, доктором исторических наук, этнологом В. Г. Кожолянко; с заместителем директора Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая академиком РАН М. Н. Губогло (РАН).

Автор с признательностью вспоминает беседы с молдавскими специалистами: докторами истории О. С. Лукьянец и Д. Е. Никогло, И. А. Анцуповым, И. Ф. Греком, П. М. Шорниковым, В. Г. Кожухарем, доктором хабилитат политологии В. Г. Мошнягой, доктором хабилитат социологии В. А. Блажко. Нельзя не поблагодарить за внимание руководителей Департамента (Бюро) межэтнических отношений РМ разных лет Т. П. Стоянову, Т. П. Млечко, О. И. Гончарову. Здесь же необходимо назвать специалистов Бюро – Т. М. Левандовскую, И. П. Пивовара, Л. Е. Манторову, Л. М. Иванову, С. М. Торлак, В. С. Петухову.

При изучении проблем, затрагиваемых в исследовании и касающихся украинского населения в непризнанной Приднестровской Молдавской Республике, автору любезно предоставили необходимую информацию историки Приднестровского университета профессора Н. В. Бабилунга, Б. Г. Бомешко, И. Н. Галинский.

Спасибо родным и близким за понимание и поддержку, которые я постоянно ощущал в процессе работы над рукописью.

Примечания

¹ Степанюк В. Государственность молдавского народа. Кишинев, 2006. С. 578.

² Бурла М. П. Социально-экономическое развитие Приднестровья: история, факторы, современное состояние проблемы и перспективы // Экономика Приднестровья, № 8. Тирасполь, «Экономика Приднестровья», 2005. С. 6.

³ См. два вышеуказанных источника.

⁴ David D. Laitin. Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca and London, 1998. Более доступным исследованием Дэвида Лейтина является его доклад, переведенный на русский язык, с которым известный американский аналитик выступил на конференции в Кишиневе в 1998 г. См.: Лейтин Д. Д. Теория политической идентичности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М. 1999. С. 65-102.

⁵ См.: Губогло М. Н. Введение к книге «Идентификация идентичности». М., 2003.

⁶ Губогло М. Н. Этносоциология, этнополитология в орбите социологического знания // Русин, № 3 (5), 2006. С. 5-13.

⁷ Советский энциклопедический словарь. М., 1981. С. 481.

⁸ Винер Б. Е. К построению качественной регрессионной модели этнической идентичности // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1. № 3. С. 121.

⁹ Павленко В. Н., Таглин С. А. Общая и прикладная этнопсихология. М., Т-во научных изданий КМК, 2005. С. 131. Среди многочисленных характеристик, выделяемых специалистами – этносоциологами и этнопсихологами, – следует назвать моноэтническую идентичность, совпадающую у большинства индивидов с приписываемой этничностью. Определенная часть членов этнических групп может конструировать моноэтническую идентичность с чужой этнической группой. Обычно, по определению авторов, в качестве такого объединения выступает доминирующая группа, присоединение к которой может восприниматься членами этнических меньшинств как способ улучшения собственного статуса. Если доминирующая группа является открытой, то происходит быстрая ассимиляция. Если же у индивида наблюдается выраженная идентификация с обеими группами – своей и чужой – это свидетельствует о формировании биетнической идентичности. В процессе аккультурации данный вариант формирования соответствует интеграции. И, наконец, если у индивида не формируется нормальной устойчивой идентификации ни со своей этнической группой, ни с чужой, говорят о формировании маргинальной этнической идентичности, которая сопровождается внутриличностными конфликтами. Там же. С. 146-147.

¹⁰ Губогло М. Н. Идентификация идентичности. М., «Наука». С. 39.

¹¹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., «Аспект Пресс», 2004. С. 271.

¹² Губогло М. Н. Идентификация идентичности. С. 467.

¹³ Там же. С. 468.

¹⁴ Бжезинский Збигнев. Великая шахматная доска. М., «Международные отношения», 1999. С. 43.

¹⁵ Laitin David D. Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad. Ithaca and London, 1998. P. 11.

¹⁶ В последнее время исследователи этнологи и этносоциологи ведут дискуссию о том, согласно какому механизму выстраивается этническое самосознание. В современной историографии выделяется несколько подходов к пониманию проблемы: примордиалистский, инструменталистский и конструктивистский. Первый делит на социобиологическое и эволюционно-историческое направления. Ярким показателем социобиологических взглядов является концепция Л. Н. Гумилева. Представители примордиализма отталкиваются от эволюционно-исторического направления, широко распространенного во всем мире. Его сторонники рассматривают этнос как реально эмоционально-существующую общность, характеризующуюся определенными отличительными характеристиками, такими, как язык, культура, психоэмоциональные показатели и др. Эту позицию отражал в своих исследованиях известный этнолог советского периода – Ю. В. Бромлей. Среди целого ряда современных специалистов, стоящих на позициях этого направления, можно назвать М. Н. Губогло, одного из российских этнологов, непосредственно занимающихся проблемами идентичности, а также Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробижеву и практически преобладающую часть специалистов, работающих в разных направлениях этнологической науки в РАН и высшей школе.

Конструктивисты утверждают, что прерогативой этничности является плод деятельности национальной элиты, которая и выступает в качестве конструкта (Подробнее См. Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М., Суколов А. А. Этносоциология. Москва. 1999. С. 32-35 и др.). К сторонникам данного подхода можно отнести американского этнолога Дэвида Лейтина, в России ярким примером

выступает В. А. Тишков (Тишков В. А. Концептуальная эволюция национальной политики в России // Исследования по прикладной и неотложной этнологии, № 100. М., 1996).

В историографии присутствуют попытки найти консенсус между сторонниками примордиализма и конструктивизма. Приверженцы подхода «истина где-то рядом» в этносоциологии именуются инструменталистами. Это направление, можно рассматривать с двух точек зрения: с одной стороны, как самостоятельное направление, с другой – как попытку примирения примордиализма и конструктивизма. Последователи инструменталистского подхода объясняют сохранение этнических групп необходимостью обеспечить членов определенного сообщества равными правами. Они реконструируют идентичность посредством анализа усваиваемых в процессе жизни индивида и общества ценностей и возможностей, которые в конечном итоге и формируют комплекс устойчивых ценностей. Исходя из попытки примирения этих двух концепций можно утверждать, что изначально индивидум и сообщество должны обладать определенными исходными или заложенными ценностями, которые могут меняться, в том числе и под воздействием конструктивистских сил.

Д. Лейтин в своем труде «Теория политической идентичности», анализируя работы психологов Фрейда и Эриксона, особенно цитируя последнего, обратил внимание, что Эриксон, в частности, пришел к выводу: индивиду присущи определенные ценности, которые он усваивает с рождения. Например, семья, общество. Соглашаясь с ним, Лейтин полагает, что эти и другие распространенные типологии идентичностей, которые окружают человека с детства, в конечном итоге ограничивают возможности самоидентификации личности (См. Лейтин Д. Д. Теория политической идентичности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., ЦИМО. С. 81 и др.). С другой стороны, личность, развиваясь в коллективе, наряду с врожденными ценностями формирует в себе и целый комплекс приобретенных или выбранных идентичностей. В своей фундаментальной работе «Identity in Formation: The Russian-Speaking Population in the Near Abroad» (Ithaca and London, 1998), Д. Лейтин писал: «Идентичности – это категории "членства", основанные на всех видах типологий: род, раса, класс, личность, каста. Люди ограничены, но не являются заложниками своих генов, физиологии, своей истории в выборе своей идентичности. И так как мощные социальные силы провоцируют "взрывы" идентичности – как это происходит в наше время, – конструктивистское лицо идентичности выглядит более реальным» (С. 21). Д. Лейтин подчеркивает, что в период созревания идентичности люди как бы оглядываются, чтобы посмотреть, как они себя чувствуют в применяемых идентичностях и как на это реагируют окружающие, такой подход автор называет «построенной идентичностью».

С этим подходом категорически не согласны сторонники примордиализма. М. Н. Губогло пишет: «Одна из слабых сторон изучения процессов идентификации, обретения и функционирования различных форм идентичностей состоит в том, что это изучение зациклено на какой-то одной, например на психологической, основе. В связи с этим не вполне продуктивными выглядят попытки отнести идентичность исключительно к продуктам конструктивистских усилий и технологий, к социальной инженерии в ограниченном континууме сфер жизнедеятельности, например только в сфере культурной политики. Такие попытки порождают механистически упрощенные подходы, не учитывающие многообразия форм идентичностей и не приемлющие истины, что едва ли не каждая идентичность проводит "свою" политику» (Губогло М. Н. Идентификация идентичности. М., 2003. С. 53)

¹⁷ Laitin David D. Identity in Formation.

¹⁸ См. введение к монографии М. Н. Губогло. Идентификация идентичности. М., 2003.

¹⁹ Smith A. D. The Ethnic Origins of Nations. Blackwell Publishers. Inc. 1999. P. 13.

²⁰ Ibidem. P. 46-49.

²¹ Ibidem. P. 151-152.

²² Ibidem. P. 157.

²³ Ibidem. P. 218-220.

²⁴ Ibidem. P. 220.

²⁵ Adrian Hastings. The construction of nationhood. Ethnicity, Religion and Nationalism. Cambridge University Press, 1997. P. 7.

²⁶ ТэлботЭнн. www.wsos.org/ru/1999/jun 1999/hast-j07.shtml#top.

²⁷ Полякова Т. М. Менталитет полиэтнического общества. Опыт России. М., ЦИМО, 1998. С. 79.

²⁸ Козлов В. И. Меньшинства и демократия в посттоталитарных государствах // Этнографическое обозрение, 1995, № 1; он же. Проблематика «этничности» // Этнографическое обозрение, 1995, № 4. С. 39-55.

²⁹ Лодыженский А. М. Методы этнологического изучения права // Этнографическое обозрение, 1995, № 4. С. 157-166.

³⁰ Александренков Э. Г. Этническое самосознание или этническая идентичность // Этнографическое обозрение, 1996, № 3.

³¹ Тишков В. А. О феномене этничности // Этнографическое обозрение, 1997, № 3.

- ³² Винер Б. Е. Этничность: В поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение, 1998, № 4.
- ³³ Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., «Школа русской культуры», 1998. С. 739.
- ³⁴ Там же. С. 741-744.
- ³⁵ Там же. С. 766.
- ³⁶ Губогло М. Н. Приднестровский народ как единая общность // История ПМР. Т. 2. Часть II. § 4. Тирасполь, «РИО ПГУ», 2001. С. 95-110.
- ³⁷ Губогло М. Н. Идентификация идентичности. М., 2003. С. 195-251; 467-534.
- ³⁸ Там же. С. 59.
- ³⁹ Там же. С. 468.
- ⁴⁰ Шорников П. М. Приручение пантеры // Ежегодный исторический альманах Приднестровья, № 9. Тирасполь, 2005. С. 157-158.
- ⁴¹ Губогло М. Н. Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности // В лабиринтах самоопределения и самоутверждения: этническая мобилизация национальных меньшинств. М., 2003. С. 386.
- ⁴² Там же. С. 387.
- ⁴³ Кресина И. Українська національна свідомість і сучасні політичні процеси. Київ, «Вища школа», 1998. С. 249-327.
- ⁴⁴ Там же. С. 327.
- ⁴⁵ Там же. С. 360.
- ⁴⁶ Следует констатировать, что исторической литературы прорумынской ориентации за последние 15 лет написано немало. Достаточно назвать школьные учебные пособия, например: Новая история румын. Ч. II. 1848–1918. Кишинев, 1999; История румын: древний период. Экспериментальный учебник для V класса. Кишинев. «Cardidact». 1999; История румын. Учебник для 9 класса. Кишинев. «Cardidact». 1999. Здесь следует также указать и ряд брошюр и монографий, среди которых: Dabija N. Moldova de peste Nistru – vechi pământ strămoșesc. Chișinău. HYPERION, 1991. Особенно популярным является межвоенный, так называемый румынский период в историографии: Postica E. Rezistența antisovietică în Basarabia. Chișinău. 1997; Petrencu A. Istoriografia sovietică despre politica națională a statului român // Revista de istorie a Moldovei. 1993. Nr. 3 (15); Enciu N. Basarabia în anii 1918–1940. Evoluție demografică și economică. Chișinău. «Civitas», 1998; список можно продолжать.
- ⁴⁷ Среди работ промолдавской исторической идеи надо назвать коллективный труд под ред. чл.-корр. АНМ В. И. Царанова «История Республики Молдова с древнейших времен до наших дней» (книга претерпела два издания – Кишинев, 1998 и 2002), а также монографии: Stați Vasile. Istoria Moldovei în date. Chișinău. «Tipografia Academiei de Științe», 1998; он же. История Молдовы. Кишинев, F.E.P. «Tipografia centrală», 2002; Victor Stepaniuc. Statalitatea poporului Moldovenesc: aspecte istorice, politico-juridice. Chișinău. F.E.P. «Tipografia centrală», 2005; буквально через год вышел дополненный перевод книги этого автора: Государственность молдавского народа: исторические, политические и правовые аспекты. Кишинев, Î.S. F.E.P. «Tipografia centrală», 2006.
- ⁴⁸ Идея о создании курса интегрированной истории напоминает позицию кота Леопольда, призывающего к всеобщей дружбе. Она возникла в начале 2000-х, ее сторонники хотели одним махом решить все проблемы: с одной стороны, постепенно отменить предмет «История румын», введенный в начале 90-х, во время нахождения у власти приверженцев «Великого объединения», с другой – понравиться Европе введением в курс большого объема часов из истории Европы. Таким образом, название «История Молдовы» нигде не фигурировало, а упоминалось между строк. В настоящее время за исключением нескольких слабых учебных пособий последователи этого направления практически ничего не создали, хотя сама идея продолжает существовать.
- ⁴⁹ Историки непризнанной ПМР подготовили и выпустили в свет ряд работ, которые базируются на разработанной ими концепции исторического прошлого Приднестровья: История Приднестровской Молдавской Республики (В 3 тт. Тирасполь, 2001); Феномен Приднестровья. Тирасполь, «РИО ПГУ» (коллективная монография, претерпевшая два издания: 2000 и 2003) и др.
- ⁵⁰ Куць О. Права людини і права нації як політологічна проблема // Розбудова держави, 1994, № 6. С. 53-58.
- ⁵¹ Римаренко Ю. Національний розвій України. Київ, 1995.
- ⁵² Шкляр Л. Етноконфлікти як типи політичних конфліктів в суспільстві // Конфлікти в суспільстві. Діагностика і профілактика. Київ; Чернівці, 1995; он же. Етнонаціональні чинники державотворення. Автореферат дисертації на здобуття вченого ступеню докт. полит, наук. Київ, 1996.
- ⁵³ Шульга Н. А. Этническая самоидентификация личности. Институт социологии НАН Украины. Київ, 1996.
- ⁵⁴ Рудницькі Т. Етнос і нація: спроба понятійно-термінологічного розмежування // Соціологія, теорія, методи, маркетинг, 1998, № 1-2. С. 17-33.

- ⁵⁵ Ананьїн В. О. Етнонаціональний чинник безпеки сучасного полі етнічного суспільства. Автореферат дисертації на здобуття вченого ступеню докт. філософ, наук. Київ, 1998.
- ⁵⁶ Етносоціальні трансформації в Україні. Київ, Український Центр духовної культури, 2003.
- ⁵⁷ Колісник В. Національно-етнічні відносини в Україні: теоретичні засади та конституційно-правові аспекти. Харків, «ФОЛІО», 2003. С. 88.
- ⁵⁸ Євтух В. Б. Національні меншини між державою, етнополітикою та самовизначенням // Соціологія: теорія, методи, маркетинг, 1998, № 1–2. С. 93-104; он же. Етнічне меньшинство: поняття, признаки, функції // Філософська і соціологічна думка, 1994, № 1–2. С. 159-174; Євтух В., Молчанов М., Суглобін С. Концепція етнополітичних досліджень в Україні. Київ, МПП, 1992. 21 с. і др.
- ⁵⁹ Варзар І. Із контекстів минулих літ. Вибранеє концептуальних і мемуарних вимірах. Книга 1. Держава і народ-етнос у політичному дискурсі. Київ, «ФАДА, ЛТД», 2003. С. 55.
- ⁶⁰ Там же. С. 288.
- ⁶¹ Там же. С. 347 і далее.
- ⁶² Темы нашего исследования касаются доклады: Шорников П. Национальная политика и межэтнические отношения на севере Молдавии в 90-х гг. XX в. // Етнічні взаємини на території Єврорегіону «Верхній Прут». Міжнародна наукова конференція, 8–9 червня 2001 р. Чернівці, Букрек, 2004. С. 251-278; его же. Национальная политика Республики Молдова на сучасному стані // Єврорегіони: потенціал міжетнічної гармонізації. Збірка наукових праць. Чернівці, «Букрек», 2004. С. 140-156. В этой же работе другой молдавский исследователь, В. Гуцу, осуществил попытку рассмотреть проблему влияния этнического фактора и особенностей формирования современных еврорегионов. С. 156-167. Здесь же была напечатана работа Степанова В. П. Поняття «чужий» в уявленнях молдован Півночі Бессарабії. 167-180; Степанов также затронул в своих выступлениях на черновицких конференциях проблему межэтнического восприятия в полиэтничном обществе (на примере северных регионов Республики Молдова) // Етнічні взаємини на території Єврорегіону «Верхній Прут». Міжнародна наукова конференція 8–9 червня 2001 р. Чернівці, «Букрек», 2004. С. 359-380 (на русском и молдавском языках). Ему же принадлежит работа, выпущенная на немецком языке: Das Problem der intrarethnischen Perzeption in einer multiethnischen Gesellschaft (am Beispiel der nördlichen Regionen der Republik Moldova) // Modell einer Regionalpartnerschaft. Kärnten-Czernowitz, 2002. P. 178-181.
- ⁶³ Сарнофф І. Акти ООН щодо захисту прав людини // Етнічні взаємини на території Євро регіону «Верхній Прут», 8-9 червня 2001, Чернівці, Букрек, 2004. С.45-55.
- ⁶⁴ Там же. С. 55-67.
- ⁶⁵ Там же. С. 251-278.
- ⁶⁶ Там же. С. 151-185.
- ⁶⁷ Там же. С. 185-206.
- ⁶⁸ Modell einer Regionalpartnerschaft. Karnten-Czernowitz, 2002.
- ⁶⁹ Молдавани України: історична ретроспектива та сучасність. Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 25–26 лютого 1999 р. Одеса, «АстроПринт», 2000. 165 с. В ходе работы конференции на ней рассматривались вопросы развития молдавского этноса, роли молдавских общественных организаций в процессе культурного возрождения, формирования молдавской диаспоры на Украине, сохранения молдавского самосознания. Еще одним примером является проведенная 26–27 июня 2002 г. 20 международная научно-практическая конференция «Україна-Молдова: історична спадщина і перспективи розвитку співробітництва». Одеса, видавництво Одеського регіонального інституту держуправління при Президентові України. 162 с.
- ⁷⁰ Там же. С. 435.
- ⁷¹ Мошняга В. Молдова в поисках идентичности // Moldova între est și vest: identitatea națională și orientarea europeană. Simpozion științific moldo-german. 28 octombrie – 1 noiembrie 2001. Chișinău, Centrul ed. al USM, 2001. P. 148-162; он же. Урегулирование приднестровского конфликта в Республике Молдова: состояние и осмысление // Relații Interetnice: aspecte actuale. Chișinău. S.n., 2002. P. 62-77; Цуркан В., Мошняга В., Руснак М. Социально-пространственная самоидентификация студентов Молдавского госуниверситета // Moldova între est și vest: identitatea națională și orientarea europeană. P. 282-287.
- ⁷² Margarint A. Elita Politică: aspectele ale formării și dezvoltării. Autoreferat tezei de doctor în științe politice. Chișinău, 2004; Moroza A. Minoritățile naționale în Republica Moldova: starea și problemele de integrare (analiza politologică). Autoreferat tezei de doctor în științe politice. Chișinău, 2005; Svetlicinai R. Activitatea social-politică a minorităților naționale din Basarabia în anii 1917/1918–1923 și 1989–1994 (studiu comparativ). Autoreferat tezei de doctor în științe istorice. Chișinău, 2006.
- ⁷³ Stepaniuc Victor. Statalitatea poporului moldovenesc: aspecte istorice, politico-juridice. Chișinău. F.E.P. «Tipografia centrală», 2005.
- ⁷⁴ Roșca Iu. Exerciții de luciditate. Chișinău. Civitas. 2000.

⁷⁵ Андроник Н. С. Стабильность для Республики Молдова: попытка моделирования // Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе. Материалы научно-практической конференции (Сочи, Россия, 23–24 марта 2006). М., 2006. С. 140-142.

⁷⁶ Степанов В., Полянский М. Рецензия на монографию Боршевского А. П. «Основные права и свободы граждан в ведущих демократических странах мира и в Молдове». Кишинев, 2004. 261 с. // Закон и жизнь, №12(157), декабрь, 2004. С. 54-55.

⁷⁷ Скворцова А. Ю. Народ Приднестровья - собственная идентичность? // Электронный научный журнал «Молдавское научное обозрение», www.iatp.md/academicreview.

⁷⁸ Молдаване: мифы и реальность (поиски постсоветской идентичности в Республике Молдова // *Jornal of Eurasian Research*. Проблемы национальной идентичности. Winter 2003, Vol. 2. No. 1. P. 40-47.

⁷⁹ Шорников П. М. Лингвистические права в законодательстве (Республика Молдавия, 1989–1995) // Социолингвистические проблемы в разных регионах мира. Материалы международной конференции. М., 22–25 октября 1996). М., 1996. С. 450-455; он же. Борьба по вопросам языковой политики в Молдавии 1988–1993 г. // Трансформация цивилизационно-культурного пространства бывшего СССР. М., 1994. С. 176-186; он же. Политическая элита и государственная идея в Молдавии в период перехода к независимости // Политик и общество. М., Независимый институт социально-исторических проблем, 1995. С. 217-229; он же. Законодательная база гражданского конфликта в Республике Молдова // Вестник Приднестровского университета. Серия гуманитарные науки. 2001, № 2. С. 25-33 и мн. др.

⁸⁰ Никитченко А. Значение изучения украинского языка в системе учреждений образования Республики Молдова // *Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice*. Materialele conferinței din 4–5 mai 1999, raporturi și comunicări. Chișinău. 2000. P. 170-174; она же. Лингводидактические основы обучения украинскому языку в общеобразовательных учебных заведениях Республики Молдова // *Educația multiculturală ca mijloc de management al diversității și de integrare în societatea polietică*. Materialele Conferinței Internaționale, 16–17 decembrie 2004, Chișinău, resp. ed.: T. Stoianova. Chișinău, Vector, 2005. P. 145-148 и др.

⁸¹ Датий Ю. П. Проблемы функционирования и сохранения украинского языка и этноса в Молдове // Регулирование использования языков в полиэтническом обществе. Материалы международной конференции 14–15 декабря 1995 г. Кишинев, 1996.

⁸² Кожухар К., Туницька М., Рокицька П., Никитченко А. Українська мова і література: Підручник для 6-го класу. Кишинів, 2001; Кожухар К., Туницька М., Чорновалова А. Українська мова і література: Підручник для 7-го класу. Кишинів, 2002; Кожухар К., Суфтина Т., Черевченко О. Веселка: Підручник для 1 -го класу. Chișinău, 2002; Кожухар К., Суфтина Т. Калінка: Підручник для 2-го класу. Кишинів, 2002; Кожухар К., Туницька М., Чорновалова А., Никитченко А., Чорновалова А. Українська мова і література. Підручник для 8-го класу. Кишинів, 2003; Кожухар К., Никитченко А. Рідна мова. Читанка для 3-го класу. Кишинів, 2004; Кожухар К., Никитченко А. Рідна мова. Читанка для 4-го класу. Кишинів, 2004; Кожухар К. Особливості української мови в романах К. Ф. Поповича // Академік Костянтин Попович (80 років з дня народження). Chișinău, 2005; Кожухар В. Г., Кожухар К. С. Матеріальна культура і господарство українців та їх відображення у говірці с. Воронкове // Українці Придністров'я. Одеса, «Гермес», 2005. С. 41-83; Кожухар Е., Никитченко А. и др. Узнаем лучше друг друга: Учебное пособие для лицеев и гуманитарных факультетов педуниверситетов. Chișinău, 2005; Кожухар Е. С. Формирование личности в полиэтническом обществе и вопросы этносохранности // Мультикультурное образование как средство менеджмента разнообразия и интеграции в полиэтническом обществе. Материалы международной конференции 16–17 декабря 2004 года. Кишинэу, 2005. С. 115-119 и др.

⁸³ Кожухар В. Г. Этнические процессы и проблемы украинского образования в Молдове // Мультикультурное образование как средство менеджмента разнообразия и интеграции в полиэтническом обществе. Материалы международной конференции 16–17 декабря 2004 года. Кишинэу, 2005. С. 174-179 и др.

⁸⁴ Галинский И. Н. Приднестровский менталитет и приднестровское государство: реалии и перспективы // Мультикультурализм и этнополитические модели XXI века. Материалы научно-практической конференции. Женева, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. М., 2006. С. 52-58.

⁸⁵ Он же. Приднестровье в новых реалиях геополитического противостояния // Модели стабильности в Черноморско-Кавказском регионе. Материалы научно-практической конференции (Сочи, Россия, 23–24 марта 2006). М., 2006. С. 143-149.

ГЛАВА I.

КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫЕ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА И СВОБОДЫ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ В ПРУТО-ДНЕСТРОВСКИХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

В данной главе, содержание которой сконцентрировано на сфере нормативно-правовой базы, целью исследования является рассмотрение регламентации культурно-языковых и гражданских прав и свобод украинского населения республики в условиях иноэтничного окружения.

Исходя из поставленной цели сформированы и задачи исследования:

- проследить в динамике становление и развитие нормативно-правовой базы, регламентирующей культурно-языковые и гражданские права и свободы украинского населения республики. Здесь автор хотел бы дать небольшое пояснение. В связи с приднестровским конфликтом и образованием непризнанной Приднестровской Молдавской Республики на территории бывшей МССР *de facto* существуют две конституции, функционируют две нормативно-законодательные базы. Думается, что исследование истории и условий появления нормативно-законодательных актов позволит больше узнать друг о друге, а может быть, будет способствовать и лучшему взаимопониманию;
- остановиться на рассмотрении международных нормативно-законодательных актов, к которым присоединилась Республика Молдова и в которых затрагиваются проблемы национальных меньшинств;
- определить тенденции, складывающиеся в национальной политике и формировании гражданских ценностей национальных меньшинств, в том числе и украинцев, на двух берегах Днестра.

В качестве гипотезы исследования выступают следующие моменты:

- проблема нормативно-правового обеспечения в области культурно-языковых прав и свобод отдельно взятого национального меньшинства в Республике Молдова не может рассматриваться в отрыве от процессов, протекающих в этнополитической жизни молдавского сообщества;
- эволюция нормативно-правовой базы по обеспечению прав и свобод национальных меньшинств в Республике Молдова представляет собой процесс;
- в ходе построения нормативно-правовой базы в области национальной политики и гражданского воспитания законодательство Республика Молдова и непризнанной ПМР создали нормативно-правовой блок, оказывающий влияние на формирование ценностных ориентиров у взрослого населения и особенно у подрастающего поколения.

Нормативно-правовая база РМ в области межэтнических отношений, а также защиты прав национальных меньшинств начала складываться с конца 80-х – начала 90-х годов.

Проблема межнациональных отношений и функционирования языков в годы Советской власти занимала умы узкого круга специалистов. Партийные государственники уделяли ей одностороннее внимание, направленное на создание новой социалистической общности – советского народа, что привело к простому переписыванию ленинско-сталинских постулатов от съезда к съезду, без особой заботы о специфике регионов, союзных республик, идеологи которых, в свою очередь, руководствовались все теми же решениями центра, по-разному проявляя

свою инициативу¹. Наступило время, когда партийно-хозяйственная номенклатура (изначально вышедшая из рабоче-крестьянской среды) оторвалась от народных масс, отказываясь реагировать на оперативные вызовы времени.

«Трудно перечислить, сколько раз руководство ЦК КПСС и советского государства игнорировало дискомфортные для себя предупреждения специалистов о наличии серьезных проблем в межнациональных отношениях, в том числе в сфере языковой жизни», – пишет российский исследователь М. Н. Губогло².

Этносоциологи и этнологи, занимавшиеся изучением этносоциальных процессов в обществе, еще в начале 80-х гг. предрекали назревание серьезного коллапса – к ним не прислушивались. Прикладная гуманитарная наука не могла «докричаться» до правящих верхов.

К концу 80-х гг. XX в. выработанная в условиях советской государственности система законодательных актов, регламентировавшая межнациональные отношения и развитие этносоциальных групп населения, уже не могла соответствовать новым реалиям. Свидетельством тому является всплеск национального самосознания в регионах бывшего СССР в период его распада.

В сравнении с советским прошлым вопрос национального строительства превратился в первостепенный в странах новых демократий. Распространенный в этнополитологической литературе термин «парад суверенитетов», знаменующий провозглашение независимости правительствами бывших союзных республик, ознаменовался не менее эффективным, но куда более страшным «парадом» локальных конфликтов на националистической почве³.

В связи с этим тема нормативно-правового обеспечения национального вопроса в РМ, как в других республиках начала 90-х гг. XX в., будоражила умы огромного количества людей.

* * *

Проблему формирования законодательства, направленного на обеспечение прав и свобод национальных меньшинств, в том числе и украинцев Молдовы, необходимо рассматривать в контексте тех трансформационных процессов, которые претерпело общество на протяжении последних 15 лет. Естественно, это тема для отдельного исследования, но хотя бы очерковые сведения могли бы способствовать пониманию хода сложного феномена трансформации и его влияния на динамику законодательства по защите национальных меньшинств Молдовы.

Одним из показателей распада Союза ССР, как уже отмечалось, стал парад национал-радикальных движений, зародившихся еще во многих республиках СССР в последние годы Советской власти. Одинаковый сценарий трансформационных процессов четко показывает продуманный план акций, направленный на развал бывшей сверхдержавы, в котором были задействованы не только лидеры московского уровня, но и крупномасштабные геополитические механизмы⁴. Резко упавший авторитет Коммунистической партии, ставший особенно заметным в годы перестройки, привел к реорганизации государственных институтов сверху. Не осталась в стороне и Молдавская ССР. Так, уже 9 декабря 1988 г. выходит Постановление Совмина МССР № 382 «О постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 ноября 1988 г. № 1328 "О материально-бытовом обеспечении работников партийных органов государственной власти и управления, высвобождаемых в связи с реорганизацией аппарата"». Чистка сверху началась. Спустя полгода, 11 июня 1990 г., вышло постановление № 175 «Об упразднении Управления Делами Совета Министров МССР». Началась этническая и политическая чистка госаппарата. Была осуществлена попытка языковой чистки, и несколько позже, 21 сентября 1992 г., выходит Указ № 202 Президента Республики

Молдова М. Снегура «О некоторых мерах по обеспечению исполнения законодательства о государственном языке», в котором, в частности, говорится о снижении темпов изучения государственного языка, о необходимости расширения его функционирования. «Некоторые лица, занимающие ответственные должности, специалисты из разных областей народного хозяйства, игнорируя законодательство, сознательно тормозят реализацию законов о государственном языке». Следует заметить, что любая чистка по языковому принципу не могла не затронуть представительство национальных меньшинств в органах государственной и исполнительной власти. При этом, как справедливо отметил парламентский адвокат и депутат Парламента Республики Молдова нескольких созывов М. И. Сидоров, «совершенно не принималось во внимание, что нормы законодательства, регулирующие проблемы использования языков, должны были вводиться в действие поэтапно и требования о безусловном знании государственного языка представителями национальных меньшинств, претендующими на статус чиновника, могли быть предъявлены им не ранее начала 1994 г.»⁵. Показательной в этом смысле выглядит информация о количественном представительстве национальных меньшинств в министерствах и ведомствах республики⁶.

Разговор логично начать с рассмотрения динамики внутреннего законодательства, направленного на обеспечение прав и свобод национальных меньшинств в сфере языка, на примере украинского населения Республики Молдова.

В это время наступает полоса выступлений народных фронтов и интердвижений, провозглашения независимости и законов, закрепивших государственный статус языков мажоритарных этносов союзных республик.

Рассматриваемый пятнадцатилетний период в области национальной (не государственной, а именно национальной) политики, проводимой в Пруто-Днестровских районах страны, можно условно разделить на три этапа. Первый может быть назван этапом «самовыражения», он охватывает хронологические рамки конца 80-х – середины 90-х гг. XX в. Второй этап можно именовать временем «переосмысления» (причем каждая партия, политическое и общественное движение и, конечно, отдельный человек переосмысливали сложившееся далеко не одинаково). Начинается оно с приходом к власти аграриев в феврале 1994 г. и длится до 2000 г. Этап с 2001 по 2005 г. можно назвать «временем оттепели», когда во время очередных парламентских выборов к власти приходят коммунисты. В этот период смягчается проблема функционирования государственного языка, заметно более лояльным становится отношение к русскому языку и языкам нацменьшинств. Однако политические разногласия между двумя берегами Днестра вступают в новую фазу напряженности. Несколько комментариев к каждому из периодов в разрезе поднятой проблемы.

Этап «самовыражения». 25 мая 1989 г. М. С. Горбачев выступает на съезде народных депутатов СССР с докладом «Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР», в котором в «завуалированной форме излагалась идея расчленения государства по этническому принципу»⁷.

Признаком меняющейся действительности в Молдове стало и принятие 31 августа 1989 г. «Закона о статусе государственного языка Молдавской ССР» № 3464-XI, который фундаментально повлиял на судьбы всех жителей республики. Привычная в Союзе схема, при которой русский язык выступал в качестве языка межнационального общения (а по сути являлся государственным языком, функционирующим на всей 1/6 суши земного шара в лице одного государства), рушилась на глазах.

Этот документ внес поправку в статью 70-1 Конституции Молдавской ССР, в соответствии с которой молдавский язык провозглашался государственным, при этом гарантировалось обеспечение условий для развития и использования русского языка, а также языков населения других национальностей.

«Игра» по новым правилам требовала от национальных меньшинств принятия судьбоносных решений: те, кто не эмигрировал на этническую родину (а таких было немало), должен был адаптироваться к новым реалиям. По справедливому замечанию М. Н. Губогло, «большинство языковых законов (исследователь говорит о волне законодательных актов, принятых союзными республиками в 1989–1990 гг. в области функционирования языков, – В. С), наряду с внутренним (внутриреспубликанским) аспектом, затрагивают языковые интересы инонациональных групп, оторвавшихся от своей нации и оказавшихся в иноэтнической, или в инореспубликанской среде»⁸.

1 сентября 1989 года был принят Закон «О функционировании языков на территории Республики Молдова» № 3465-XI⁹. Он является основным нормативным актом, регулирующим данную сферу на территории республики. Закон состоит из преамбулы и семи глав. Его принятие способствовало резкому росту влияния этнообразующего фактора в развитии межэтнических отношений в Пруто-Днестровских районах Республики Молдова, причем не только среди мажоритарного молдавского этноса, но и в среде представителей гагаузского, болгарского, украинского и русского меньшинства.

Преамбула данного нормативного акта гарантировала обеспечение защиты конституционных прав и свобод граждан любой национальности, проживающих на территории государства, независимо от используемого языка в условиях равенства всех граждан перед законом: «Молдавская ССР обеспечивает на своей территории условия для использования и развития русского языка, а также языков населения других национальностей, проживающего в республике».

В Главе I документа (Общие положения), в ст. 1 отмечается, что «в соответствии с Конституцией (Основным Законом) Молдавской ССР государственным языком Молдавской ССР является молдавский язык, функционирующий на основе латинской графики». Молдавский язык в качестве государственного «применяется во всех сферах политической, экономической, социальной и культурной жизни и выполняет в связи с этим на территории республики функцию языка межнационального общения». Ст. 4 данной главы «гарантирует использование украинского, русского, болгарского, иврит, идиш, цыганского языков, языков других этнических групп, проживающих на территории республики, для удовлетворения национально-культурных потребностей».

В Главе II документа, в ст. 6, в частности, говорится: «В местностях, где большинство составляет население украинской, русской, болгарской или другой национальности, для общения используется родной или иной приемлемый язык». В ст. 7 для служащих различных сфер (здравоохранение, народное образование, культура, средства массовой информации, транспорт, связь, торговля, сфера обслуживания, жилищно-коммунальное хозяйство, правоохранительные органы, аварийно-спасательная служба и др.), «независимо от национальной принадлежности, в целях обеспечения права гражданина на выбор языка устанавливаются требования в части владения молдавским, русским, а в местностях с населением гагаузской национальности и гагаузским, языками на уровне общения, достаточном для выполнения профессиональных обязанностей».

Как показывает цитата из ст. 7, из списка языков, функционирующих на территории Республики Молдова, «выпали» украинский и болгарский. Возможно, это

объясняется тем, что в среде украинского и болгарского населения, наряду с родными языками был широко распространен русский, а в ряде населенных пунктов – и молдавский язык. Тем не менее, знак вопроса остается.

В ст. 8 отмечается, что «на проводимых в Молдавской ССР съездах, сессиях, пленумах, конференциях, собраниях, митингах и других мероприятиях выбор языка их участников не ограничивается».

В Главе III, посвященной использованию языков в органах государственной власти, госуправления и общественных организациях, указывается (ст. 10), что языком делопроизводства в местностях, где большинство составляет население украинской, русской, болгарской или другой национальности, может быть родной язык или иной (таким термином в документе часто именуется русский язык) с последующим переводом его на государственный язык.

Глава IV Закона посвящена регламентации языка делопроизводства по уголовным, гражданским и административным делам, арбитража, нотариата, органов регистрации актов гражданского состояния. Так, ст. 15 определяет осуществление по указанным направлениям делопроизводства на государственном языке или на языке, приемлемом для большинства участвующих в деле лиц. Последние в судебно-следственных действиях могут прибегать к посредничеству переводчика, а также имеют право выступать и давать показания на родном языке.

В Главе V определяется характер использования языка в сферах народного образования, науки и культуры. В соответствии со ст. 18 государство гарантирует право получать дошкольное воспитание, общее среднее, среднее специальное, профессионально-техническое и высшее образование на молдавском и на русском языках и создает условия для реализации права граждан других национальностей, проживающих в республике, на воспитание и обучение на родном языке (гагаузском, украинском, болгарском, иврите, идише и др.)¹⁰. В ст. 20 отмечается, что «в целевых национальных группах преподавание специальных дисциплин осуществляется на родном языке учащихся и студентов». Согласно ст. 22, государство берет на себя обязательства создавать необходимые условия для развития молдавской и гагаузской национальных науки и культуры, а также для научной и культурной деятельности на других языках, функционирующих в республике.

Глава VI очерчивает регламентацию языка в наименованиях и информации. В соответствии со ст. 24, названия площадей, улиц, переулков, городских районов образуются на государственном языке (в местностях с населением гагаузской национальности – на гагаузском), а в селах, где большинство составляет население украинской, русской или болгарской национальности, – на приемлемом языке. Тексты публичных объявлений, извещений, рекламы и другой визуальной информации оформляются на государственном языке, при необходимости – с переводом на русский язык, в соответствующих местностях – на государственном, а также гагаузском или русском языках. Наименования товаров, этикетки (ярлыки), маркировка, инструкции к товарам, произведенным в республике, а также любая визуальная информация, предоставляемая населению страны, оформляются на государственном и русском языках. В сельской местности, где большинство составляет население украинской, русской или болгарской национальности, визуальная информация может оформляться и на соответствующих языках.

Глава VII определяет характер государственной защиты языков, устанавливает порядок контроля и ответственности за несоблюдение языкового законодательства.

По большому счету, данный законодательный акт, принятый на закате Советской власти, выступил не только в качестве языкового кредо трансформирующейся Молдовы, он изменил вектор межнациональных отношений и

лег в основу последующих многочисленных нормативно-правовых актов, в том числе и новой Конституции.

Перевод молдавского языка на латинскую графику оказался неожиданным как для национальных меньшинств, так и для большинства представителей молдавского этноса. Латинская графика, введенная в тот период, привела к резкому сокращению компетентного понимания языка не только этническими меньшинствами, но и большинством молдаван, прежде всего в сельской местности¹¹.

Общество оказалось разделенным и по экономическим приоритетам (началось резкое социальное расслоение), и по языковому признаку. Четко выделились две большие группы населения: молдоязычные (в Украине, соответственно, – украиноязычные) и русскоязычные, причем обе эти группы были разнонациональными. В процессе дальнейшей этнополитической трансформации молдавская часть населения, в свою очередь, разделяется на молдоязычную часть и элитарную румыноязычную.

В отличие от Конституции 1978 г., в процессе обсуждения проекта которой поступившее от Союза писателей Молдавии предложение о предоставлении молдавскому языку статуса государственного не было поддержано¹², данный закон обеспечивал статус государственного языка на основе латинской графики только молдавскому языку. Произошла своего рода рокировка языковых ценностей. Впервые за последние 200 лет (за исключением межвоенного периода) была осуществлена попытка ограничить официальное влияние русской культуры и языка. Это, естественно, не могло не сказаться на ценностных идентификаторах как мажоритарного этноса, так и национальных меньшинств в Молдове.

Под напором мобилизованного лингвизма, ставшего лозунгом и идеологией начала 90-х годов, этнополитическая атмосфера в бывших союзных республиках, в том числе в Молдове, резко изменилась¹³.

Понятно, что столь серьезная проблема требовала предусмотрения целого комплекса программных мер по реализации. 29 сентября 1989 г. Правительство республики своим Постановлением утверждает «Государственную комплексную программу обеспечения функционирования языков на территории МССР» (№ 228 от 29.09.89). В документ вошли разделы, освещающие принципы функционирования молдавского, украинского, гагаузского, болгарского и еврейского (идиш) языков. Отдельные разделы Программы посвящены функционированию указанных языков, обучению на них и их изучению в учебных заведениях, использованию на телевидении, радио, в прессе, в культурной жизни, а также их исследованию. Подобные подходы были призваны стимулировать развитие этнических культур национальных меньшинств.

23 мая 1991 г. молдавский Парламент принимает решение об изменении названия *Молдавская Советская Социалистическая Республика* на *Республика Молдова*.

Судьбоносным решением для всех жителей СССР стало подписанное 8 декабря 1991 г. в Беловежской пуще (Белоруссия) соглашение руководителей России, Белоруссии и Украины, поставившее точку в существовании огромного государства.

5 июня 1991 г. Парламент Республики Молдова принимает Закон № 496 «О гражданстве» 14 (Закон аннулирован 10.08.2000)¹⁴.

Закон регламентировал порядок приобретения и утраты гражданства, определял правовой статус граждан Республики Молдова, порядок защиты государством своих граждан, систему приобретения, прекращения и восстановления гражданства, порядок обжалования по данным вопросам. Документ предусматривал

возможность двойного гражданства в Молдове. Так, в ст. 6 говорилось, что «гражданин Республики Молдова не может быть гражданином другого государства, кроме случаев, предусмотренных межгосударственными договорами, участницей которых является Республика Молдова». Здесь же подчеркивалось, что «только в интересах республики и в исключительных случаях граждане других государств могут стать и гражданами Республики Молдова специальным решением ее Президента».

Важно подчеркнуть, что в отличие от ряда других республик бывшего Советского Союза (например, стран Балтии) процедура оформления гражданства жителями Молдовы, вне зависимости от национальности и знания государственного языка, позволяла любому получить его без особых трудностей и проволочек¹⁵. Согласно комментарию к Базовому докладу о положении в области прав человека в Республике Молдова, «Первый Закон о гражданстве предоставил всем гражданам СССР, проживавшим на территории Республики Молдова в момент провозглашения ее суверенитета, гражданство Молдовы, независимо от национальности, языка, расы и т. д. Этот закон был признан европейскими экспертами одним из самых либеральных в Европе»¹⁶.

В дальнейшем, уже в Законе 2000 г., регламентация получения молдавского гражданства гражданами других государств значительно упростилась (ст. 24, 25 Закона № 1024 «О гражданстве»)¹⁷.

В 2004 г., спустя 13 лет со времени принятия первого закона, согласно данным переписи (где впервые была собрана информация о гражданстве), гражданство Молдовы было у 99,6% жителей, к гражданам других стран причислили себя 6,5 тыс. чел., без гражданства оказались 5,4 тыс. чел. Двойное гражданство имеется у 12,7 тыс. чел.¹⁸.

Распад Союза стал для большинства шоком и неожиданностью. В совершенно других условиях оказались молодые люди призывного возраста, в том числе и представители национальных меньшинств. Законы, затрагивающие такую составляющую гражданской идентичности, как воинская обязанность, естественно, влияли и на формирование гражданских ценностей. Например, 4 сентября 1990 г. в республике принимается Закон № 254 «О воинской службе граждан ССР Молдова»¹⁹, содержащий решение о прекращении призыва «граждан ССР Молдова на действительную воинскую службу в ряды Вооруженных Сил СССР». В нем ставилась задача создания собственной Национальной армии, а также разработки проекта Закона об альтернативной службе.

Этот документ провозгласил начало развала Советской Армии и одновременно вошел в число нормативно-правовых актов, возвестивших о кризисе советской гражданской идентичности.

В такой ситуации на законодательном уровне наступает конфликт советской и постсоветской гражданской идентичностей в Молдове.

В новых условиях молдавская гражданская идентичность получает официальное право на существование с провозглашением РМ своей независимости 27 августа 1991 г., когда Парламент республики принял Закон «О Декларации о независимости Республики Молдова»²⁰. Следует отметить, что в данном документе говорится об обеспечении прав представителей национальных меньшинств. В качестве суверенного и независимого государства Республика Молдова гарантировала «осуществление социальных, экономических, культурных прав и политических свобод всем гражданам Республики Молдова, включая лиц, принадлежащих к национальным, этническим, языковым и религиозным группам, в

соответствии с положениями Хельсинкского заключительного акта и принятых впоследствии документов, Парижской хартии для новой Европы»²¹.

Вышеперечисленные законы, естественно, затронули этнические, гражданские и патриотические чувства как национальных меньшинств, так и представителей мажоритарного этноса. Можно утверждать, что в порубежные с 90-ми годы трансформационные процессы и в обществе, и в душах людей приобретают необратимый характер.

* * *

Одним из неотъемлемых прав человека является его право на сохранение национальной и культурной самобытности, гарантированное многочисленными международными и внутренними нормативно-правовыми актами, к ряду которых присоединилась Республика Молдова (см. ниже).

Интерес к проблемам национальных меньшинств в Европе нашел отклик и в странах новых демократий. Следует напомнить, что международные нормативно-правовые акты имеют большую силу, нежели документы внутреннего законодательства. Учитывая ориентацию Молдовы на европейскую интеграцию, молодое государство не могло не уделять внимания этой стороне вопроса. Возможно, что акцент был вызван и еще одним нюансом. В связи с широким распространением русского языка в качестве официального языка общения, он прочно вошел в языковой актив полиэтнического населения края, став одним из наиболее используемых языков межэтнической коммуникации²². Как видно из вышесказанного, с обретением независимости положение русского языка изменилось, однако владение молдавским языком в обществе оказалось недостаточным, чтобы сразу заменить русский язык. Одновременно процесс этнического возрождения в обществе благоприятствовал интересу к языкам и культуре национальных меньшинств. Это было выгодно тем, что отвлекало от русского языка и в перспективе могло способствовать устойчивой схеме, в которой родной язык национального меньшинства выполнял бы внутриэтнические функции, а молдавский стал бы языком межэтнического общения. В России тоже происходили значительные перемены, и это не позволяло ослабевшему центру оказывать влияние на свои бывшие окраины. С другой стороны, в недавнем прошлом в союзных республиках усилилась политика Запада, заинтересованного в ослаблении в них российского влияния и распространения русского языка. Большая армия русскоязычных оказалась не нужна ни новой национальной элите, ни западным спонсорам, ни самой России, резко ослабившей в начале 90-х свои геополитические аппетиты.

В среде полиэтнических русскоязычных стали выделяться лидеры болгарского, гагаузского, еврейского, украинского, русского и других национальных движений.

Надо полагать, что эти факторы во многом предопределили появление в 1991–1992 гг. целого пакета Указов Президента и Постановлений Правительства, направленных на поддержку и обеспечение развития национальных культур представителей нацменьшинств²³.

В то время общество остро переживало процесс ревитализации, что не могло не сказаться и на национальной политике. На объективный процесс возрождения этнических культур и языков, получивший резонанс как сверху, так и снизу, могли влиять и настроения, нацеливающие на разъединение национальных меньшинств по «национальным интересам», для их отвлечения от общих ценностей и общего прошлого. Допустимо предположить, что благие намерения поддержать национальные меньшинства соответствующими законами, наряду с положительной

чертой – возрождением утраченной этничности, одновременно могли иметь и иную сторону.

Среди этого пакета документов первым стал Указ Президента ССР Молдова М. Снегура «О мерах по обеспечению развития украинской национальной культуры в республике» под № 64 от 22 февраля 1991 г. В нем, в частности, говорилось о «создании необходимых условий для развития культуры и обучения на родном языке лиц украинской национальности, проживающих в Республике Молдова», а также подчеркивалось важное значение реализации предусмотренных им мер:

- перевода (по желанию родителей) на украинский язык обучения и воспитания учреждений народного образования населенных пунктов с преобладанием украинского населения;
- подготовки в учебных заведениях Украинской ССР кадров учителей, культпросветработников, других специалистов для указанных населенных пунктов;
- обеспечения во всех вновь создаваемых учреждениях народного образования с украинским языком обучения необходимых условий для овладения каждым выпускником государственным языком ССР Молдова;
- создания в структуре Национального радио и телевидения соответствующих редакций для вещания на украинском языке;
- оказания Обществу украинской культуры единовременной финансовой помощи для содержания аппарата, приобретения инвентаря, оборудования и др. нужд;
- выделения на арендных условиях помещений для размещения Украинского культурного центра и его филиалов, библиотеки, редакции газеты «Просвіта».

Перед Правительством была поставлена задача рассмотреть данный вопрос и принять соответствующее решение по реализации предложений Общества украинской культуры в ССР Молдова. В документе подчеркивалась важность реализации мер, предусмотренных данным Указом, и отмечалось, что контроль за его выполнением берет себя Канцелярия Президента ССР Молдова.

Спустя почти два месяца, 25 апреля 1991 г. было принято Постановление Правительства, которое подписал Премьер-министр республики М. Друк, – «О выполнении Указа Президента ССР Молдова от 22 февраля 1991 года "О мерах по обеспечению развития украинской национальной культуры в республике"». В нем перед Министерством науки и образования ССР Молдова, Министерством культуры и культов, Национальным телевидением, Министерством материальных ресурсов, Министерством финансов, Исполкомом Кишиневского городского Совета народных депутатов, Местными Советами народных депутатов ставились конкретные задачи по реализации Указа Президента. Контроль за исполнением данного Постановления возлагался на Департамент ССР Молдова по национальным вопросам.

Разработка проектов этих документов и инициатива по их воплощению в жизнь принадлежит большому числу энтузиастов, национально-культурным обществам, депутатам Парламента – представителям нацменьшинств, различным государственным образованиям, в том числе и вышеуказанному департаменту²⁴. В тот период времени данные указы и постановления носили скорее декларативный характер²⁵, но их значение заключается в том, что в условиях трансформации в республике на государственном уровне была осуществлена попытка обратить внимание на проблему.

В первые годы независимости сказывалось и отсутствие опыта при составлении подобных документов

М. Н. Губогло, изучающий развитие идентичностей в странах постсоветского пространства, при характеристике Указа Президента «О мерах по обеспечению развития украинской национальной культуры в республике» и соответствующего Постановления Правительства обратил внимание на терминологическую разногласию в этих официальных документах. Так, исследователь подчеркивает, что украинцы в них именуется по-разному, «то "украинским населением", то "лицами украинской национальности" неопределенность в определениях касается и других представителей национальностей». Эти факты, по справедливому мнению ученого, свидетельствовали «о серьезных методологических трудностях этнической идентификации и стратификации в документах, посвященных конкретному национальному меньшинству»²⁶.

Определение языка мажоритарной этносоциальной группы населения единственным государственным языком в многонациональном государстве противоречиво особенно если он заменяет другой распространенный ранее язык. Служа, в новых условиях, делу внутринациональной консолидации, он одновременно провоцирует межнациональную дезинтеграцию. В последнем случае, естественно, возникает угроза политическому единству²⁷.

К сожалению, хрупкий политический и этнический мир в начале 90-х не выдержал испытаний переходного периода, и на молдавской земле в марте 1992 г. начались вооруженные действия между двумя берегами Днестра. Это столкновение вошло в список множества локальных военных конфликтов, прокатившихся по ряду стран социалистической системы. И одной волной дело не ограничилось. До сих пор сохраняется напряженность в Абхазии, Осетии, продолжает литься кровь в Чечне. В состоянии неразрешенного конфликта находится и расколота на две части Республика Молдова. В силу общего советского прошлого каждое из противостояний – это реакция на новые условия жизни, диктуемые временем и обстоятельствами. Именно последние в каждом отдельном случае оказались разными.

Волна конфликтов прошла в первой половине 90-х гг., и воюющие стороны, как в Молдове, так и в других точках, не смогли прийти к обоюдному решению и снятию напряженности, практически вплоть до выхода в свет этой работы.

На Днестре столкнулись две идентичности. С одной стороны, молдо-румынская (в зависимости от находящихся у власти партий и движений) языковая политика Кишинева, с другой – русскоязычная политика Тирасполя. Конечно, не одна только проблема языка была тому причиной. На реке пересеклись интересы двух культурных элит. Тут логично напомнить мнение американского политолога Д. Лейтина, подчеркнувшего в своем исследовании: «Сама политика идентичности – политика культурных элит, стремящихся сохранить границы, которые они представляют, – создает еще больше побуждений к жестокости, чем трения между группами идентичности»²⁸.

Многим стало ясно, что силовыми методами проблемы не решить. Одновременно сохранялась приверженность намеченным идеалам. Но Западная Европа прошла стадию силового решения вопросов. Вместе с тем, в США еще не так давно, в середине XX в., регламентировалось появление негров в общественных местах. Глобализация и развитие демократических институтов на Западе дают свои плоды. Что касается постсоветского пространства, то оно пока находится в стадии трансформации, переживая порой очень болезненные процессы.

Напряженность несколько снизилась после прихода к власти в Пруто-Днестровских районах республики в феврале 1994 г. Аграрно-Демократической партии Молдовы.

Новая политика ознаменовалась ослаблением преследования граждан по языковому признаку²⁹.

Наступило время частой смены правительств и перетягивания политического каната, начался нелегкий второй этап – «переосмысление».

Жизнь показала, что ряд законодательных актов нуждался в пересмотре временем. Так, провозгласившая суверенитет республика, которая пошла по пути капиталистического развития, нуждалась в пересмотре основного закона – Конституции государства, ибо прежняя, 1978 г., явно не отвечала новому выбранному курсу.

Приход свежих политических сил позволил поднять вопрос о новой Конституции, которая и была принята 29 июля 1994 г. Этот Основной Закон Республики Молдова очень походит на Конституцию Франции. Иные условия жизни, другая расстановка внутренних и внешних политических сил и авторитетов заставляли обращать внимание и на права национальных меньшинств. По мнению доктора истории, экс-депутата П. М. Шорникова, автора монографии «Покушение на статус», «Основной Закон республики провозглашал приоритет международных прав и свобод, отказ от обязательной для граждан государственной идеологии, фиксировал существование как публичной, так и частной собственности, а среди "основополагающих факторов экономики" первым называл рынок»³⁰. Конституция закрепляла за молдавским языком на основе латинской графики государственный статус, определяла положение других языков, функционирующих на территории государства. Русскому языку отводился особый статус, отличный от региональных языков³¹. В преамбуле к Конституции Республики Молдова, среди прочего, подчеркивается стремление «к удовлетворению интересов граждан иного этнического происхождения, составляющих вместе с молдаванами народ Республики Молдова». Здесь же отмечается приверженность общечеловеческим ценностям и общепризнанным принципам и нормам международного права. Последний принцип отражен и в разделе I, ст. 4 и 8.

В ст. 10 этого же раздела говорится о единстве народа и праве на самобытность. В п. 2 ст. 10 указывается, что «государство признает и гарантирует право всех граждан на сохранение, развитие и выражение этнической, культурной, языковой и религиозно самобытности» (иными словами, данная статья гарантирует право на перечисленные формы идентичности).

Ст. 13 Основного Закона регламентирует функционирование языков на территории государства. Государственным языком Конституция провозгласила молдавский язык функционирующий на основе латинской графики (п. 1). П. 2 данной статьи «признает и охраняет право на сохранение, развитие и функционирование русского языка и других языков, используемых на территории страны» (право на языковую идентичность). Здесь следует обратить внимание на факт закрепления конституционной статьей новой схемы функционирования языков, введенной еще законом о языках 1989 г.

В Конституции декларируется равенство граждан «перед законом и властями независимо от расы, национальности, этнического происхождения, языка, религии» и т. п. (ст. 16.).

Ст. 17–19 определяют гражданскую идентичность.

В ст. 35, освещающей право на образование в республике, говорится, что «государство обеспечивает в соответствии с законом право лица на выбор языка воспитания и обучения».

Неразрешенный конфликт с Приднестровьем и противостояние в южных районах страны в местах компактного проживания гагаузов заставили сделать

соответствующие выводы пришедших к власти аграриев, включивших в Конституцию статью 111, регламентирующую возможность обретения «особых форм и условий автономии в соответствии с особым статусом, установленным органическими законами»³².

Конституция принималась в уже расколотой войной Молдове. Выстрелы звучать перестали, но неурегулированность и противостояние сохранялись. В этих непростых условиях принимается новая Конституция, действие которой распространяется лишь на Пруто-Днестровские районы республики. Причем сложилась парадоксальная ситуация, когда, как отметил уже цитированный исследователь М. Н. Губогло, Конституцию государства принимал Парламент Республики Молдова, в котором не было ни одного представителя от Приднестровья³³.

На воспитание патриотических и гражданских чувств не меньшее влияние оказывает государственная символика: герб, флаг и гимн. Как и во многих странах новых демократий, в Республике Молдова она претерпела изменения.

3 ноября 1990 г. вступает в действие Закон «О Государственном гербе Советской Социалистической Республики Молдова», отменивший Положение о Государственном гербе Молдавской Советской Социалистической Республики, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 7 мая 1981 года (Ведомости Верховного Совета и Правительства Молдавской ССР, 1981, № 5, ст. 29. Согласно Закону, новый герб «представляет собой пересеченный по горизонтали щит, в верхней части которого – красное поле, в нижней – синее. В центре щита изображена голова зубра, между рогами которого – восьмилучевая звезда, справа от головы пятилепестковая роза, слева – полумесяц, обращенный и наклоненный вправо. Все элементы на щите золотистые (желтые). Щит помещен на груди орла, изображенного в натуральную величину, держащего в клюве золотой крест (орел-крестоносец), в когтях правой лапы – зеленую оливковую ветвь, левой – золотой скипетр»³⁴.

Практически тогда же в трансформирующейся Молдове законодательно вводится новый флаг. Своим решением от 24 мая 1990 г. Парламент принимает Постановление «Об утверждении Положения о Государственном флаге Молдавской Советской Социалистической Республики Молдова», второй пункт которого признал утратившим силу Положение о Государственном флаге Молдавской ССР, утвержденное Указом Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 24 декабря 1955 года (в редакции Указа Президиума Верховного Совета Молдавской ССР от 5 марта 1981 года). Новый флаг, «государственный флаг Молдавской ССР – триколор – представляет собой прямоугольное полотно, состоящее из трех равных цветных полос, расположенных вертикально в следующей последовательности от древка: синяя (лазурная), желтая и красная. В центре, на полосе желтого цвета, помещен Государственный герб Молдавской ССР. Соотношение между шириной герба и длиной флага равняется 1:5, соотношение между шириной и длиной флага – 1:2»³⁵.

Сложный и нелегкий путь был уготован молдавскому гимну. Накануне обсуждения проекта Конституции, под давлением фракции «Социалистическое единство» 7 июля 1994 г. Парламент отменил исполнение текста «Воспрянь, румын!» в качестве гимна. По воспоминаниям П. М. Шорникова, собрать большинство для замены флага и герба левые аграрии были уже не в силах³⁶. В связи с этим члены фракции «предложили исключить из проекта Конституции описание флага и герба: их, как и гимн, надлежало утвердить органическими законами»³⁷. На заседании Парламента 21 июля 1994 г. снова был поднят вопрос о

молдавской символике. Попытка левых обратиться к гербу и флагу времен Стефана Великого не получила поддержки основной массы аграриев. Раскол в Парламенте грозил принятию Конституции ³⁸.

Закон «О Государственном гимне Республики Молдова» ³⁹ был принят чуть позже, чем утверждены герб и флаг, – 22 июля 1995 г. О том, что языковой вопрос в первой половине 90-х гг. стоял очень остро, определяя многие политические решения, свидетельствуют слова текста нового гимна Республики Молдова, который исполняется только на государственном языке.

Limba noastră-i o comoară
In adâncuri înfundată,
Un șirag de piatră rară
Pe moșie revărsată.

Наш язык, наш клад нетленный,
От безверия укрытый,
Свет жемчужин драгоценных,
Над отчизною разлитый ⁴⁰.

Принятый в трансформационный период текст песни «Limba noastră» («Наш язык») на стихи Алексея Матеевича (1, 2, 5, 8, 12-я строфы) в качестве гимна Республики Молдова ⁴¹ можно назвать гимном языку. Остро стоявшая языковая проблема четко отразилась в принятии решения Парламента относительно смысловой нагрузки гимна. В полиэтнической стране, с крайне обостренной языковой ситуацией подобный гимн не мог выступить в качестве консолидирующей силы в сфере гражданского строительства.

Вышеперечисленные нормативно-законодательные акты были новыми и непривычными для населения республики. Положение нельзя сравнить даже с первыми годами Советской власти, когда вновь принятая пролетарская символика, в конце 80-х столь привычная, воспринималась далеко не однозначно. Несколько иначе сложилась ситуация в Приднестровье (см. ниже).

Если новая Конституция не повлияла на урегулирование приднестровской проблемы, то, в определенной степени, сказалась на процессе стабилизации в обществе. Ее принятие ознаменовало собой определенную либерализацию национальной политики в Пруто-Днестровских районах. В государственном строительстве был осуществлен новый шаг.

Принятый в трансформационный период текст песни «Limba noastră» («Наш язык») на стихи Алексея Матеевича (1, 2, 5, 8, 12-я строфы) в качестве гимна Республики Молдова ⁴¹ можно назвать гимном языку. Остро стоявшая языковая проблема четко отразилась в принятии решения Парламента относительно смысловой нагрузки гимна. В полиэтнической стране, с крайне обостренной языковой ситуацией подобный гимн не мог выступить в качестве консолидирующей силы в сфере гражданского строительства.

Вышеперечисленные нормативно-законодательные акты были новыми и непривычными для населения республики. Положение нельзя сравнить даже с первыми годами Советской власти, когда вновь принятая пролетарская символика, в конце 80-х столь привычная, воспринималась далеко не однозначно. Несколько иначе сложилась ситуация в Приднестровье (см. ниже).

Если новая Конституция не повлияла на урегулирование приднестровской проблемы, то, в определенной степени, сказалась на процессе стабилизации в обществе. Ее принятие ознаменовало собой определенную либерализацию национальной политики в Пруто-Днестровских районах. В государственном строительстве был осуществлен новый шаг.

Приход новых политических сил и сложившаяся в республике обстановка привела в апреле 1994 г. к приостановлению Парламентом Республики Молдова аттестации отдельных категорий служащих на знание государственного языка. Тогда

же была создана парламентская комиссия, которая совместно со специалистами пришла к выводу о том, что одной из причин, препятствующих проведению аттестации, послужила нереальность сроков, выделенных для овладения государственным языком, вызвали нарекания численность и профессиональный уровень педагогов, призванных работать на курсах по изучению госязыка⁴².

Однако изменившаяся ситуация не привела к увеличению представительства национальных меньшинств в числе государственных служащих в Республике Молдова⁴³.

1994 г. ознаменовался еще одним событием – появлением 13 августа «Концепции развития образования в Республике Молдова», вызвавшей реакцию на страницах прессы⁴⁴. Критики Концепции, в частности, обращали внимание на проблему регламентации доступа к образованию, отсутствие в обсуждаемом документе пункта о правах родителей на выбор языка образования⁴⁵. Столь активное внимание к данному документу объясняется по-прежнему остро стоявшим в обществе языковым вопросом.

В 1995 г. вступает в силу «Закон Республики Молдова об образовании» (№ 547 от 21.07.1995)⁴⁶. В ходе подготовки этого важного для страны документа был учтен ряд положений, прозвучавших в процессе обсуждения Концепции образования. В Законе указаны цели образования (ст. 5), среди которых:

- «в) уважение к правам и свободам человека независимо от его этнической принадлежности, социального происхождения и отношения к религии – принципам, закрепленным в Уставе Организации Объединенных Наций»;
- «с) подготовка ребенка к жизни в свободном обществе в атмосфере взаимопонимания, мира, терпимости, равенства между полами и дружбы между всеми народами, этническими, национальными и религиозными группами»;
- «е) воспитание уважения к родителям, к самобытности, языку и культурным ценностям своего народа, а также к национальным ценностям страны проживания, страны происхождения и других культур».

Данный Закон гарантирует право на образование «независимо от национальности, пола, расы, возраста, религии, социального происхождения и положения, политической принадлежности, наличия или отсутствия судимости» (ст. 6, п. 1). Опираясь на Конституцию и ст. 18, 19, 20 «Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова», он предусматривает право на выбор языка обучения и воспитания на всех уровнях и ступенях образования» (ст. 8), а также подчеркивает право граждан на воспитание и обучение на родном языке, обеспечение создания «необходимого количества учебных заведений, классов, групп, а также условий для их функционирования» (ст. 8, п. 2).

Важным демократическим проявлением является наделение родителей и опекунов правом:

- а) выбирать для детей учебные заведения и язык обучения;
- б) требовать соблюдения в учебном заведении прав и свобод ребенка (ст. 60).

Одновременно Закон обязывает все учебные заведения страны обучать учащихся государственному языку Республики Молдова (ст. 8, п. 3). Причем для выпускников высших учебных заведений обязательно знание государственного языка в пределах программы соответствующего учебного заведения (ст. 58). Одновременно Закон допускает создание высших учебных заведений с обучением и на других языках помимо государственного (ст. 25).

Одним из принципов, продекларированных Законом, является светский характер государственного образования, его свобода «от партийно-идеологической, политической, расовой и национальной дискриминации» (ст. 4).

Трансформация в условиях становления демократических институтов прослеживается и на уровне местного законодательства. Длительный процесс диалога между Кишиневом и Комратом дал свои положительные результаты, и 23 декабря 1994 г. Парламентом Республики Молдова был принят «Закон об особом правовом статусе Гагаузии (Гагауз Ери)» (№ 344-XIII от 23.12.94). Буквально через год, 31 октября 1995 г., Народное Собрание Гагаузии принимает «Местный Закон о функционировании языков на территории Гагаузии (Гагауз Ери)» (№ 3-1V/1 от 31.10.95). Закон был принят, как указывается в его преамбуле, в целях обеспечения функционирования молдавского, гагаузского и русского языков, использования украинского, болгарского и других языков на территории Гагаузии. В итоге в селе Ферапонтьевка Комратского р-на, практически единственном населенном пункте Гагаузии, где преобладает украинское население, учащиеся гимназии имеют возможность изучать свой родной язык. Автору работы довелось лично беседовать с лидерами хозяйства и руководством школы, – решением этой проблемы все довольны.

Аналогичная ситуация наблюдается и в соседнем Тараклийском районе ⁴⁷, где в украинском с. Мусаит созданы условия для изучения родного языка.

Конец 90-х гг. представлял собой не только рубеж XX столетия и тысячелетия, но и время подведения своего рода итогов в построении государств новых демократий. В связи с этим в политических и научных кругах начинают обсуждаться вопросы формирования в этих государствах политических наций, свидетелем чему являются материалы многочисленных конференций в России, Украине, Республике Молдова, в других странах на территории бывшего СССР. Возможно, этот факт в том числе повлиял на благую инициативу – попытку сплочения властью полиэтничного населения в новых условиях.

По инициативе Президента П. К. Лучинского 30 марта 2000 г. выходит Указ № 1396 от 30 марта 2000 г. о проведении этнофольклорного фестиваля. Этому же вопросу было посвящено решение Правительства Республики Молдова «О проведении этнофольклорных фестивалей» № 1106-596 от 7 апреля 2000 г. 4 июня 2000 г. в Кишиневе и уездах ⁴⁸ республики прошел первый Республиканский этнофольклорный фестиваль, организованный Департаментом межэтнических отношений совместно с Министерством культуры РМ и органами местного публичного управления. 29 января 2002 г. выходит Постановление Правительства Республики Молдова № 82 «Об этнокультурном фестивале» ⁴⁹.

* * *

Последние 15 лет оказались очень насыщенными в этнополитической жизни всего постсоветского пространства. Общее советское прошлое очень объединяет жителей бывших союзных республик, еще недавно живших в одной большой стране. Вместе с тем вполне понятно, что условия жизни стали иными. Прежде всего, сформировавшийся новый институт лидеров в странах постсоветского пространства не всегда заинтересован в сохранении доброй памяти о недавнем прошлом.

Одной из общих характеристик идеологии стран бывшей советской системы стала критика недавней действительности со стороны официальных идеологий. Появились многочисленные исследования по ранее малоизвестным периодам диктатуры пролетариата, репрессиям, проблеме вождизма. Аналогичная ситуация имела место и в Молдове начала 90-х. Так, избранный в марте 1990 г. новый Верховный Совет МССР во главе с М. Снегуром, 23 июня 1990 г. объявляет

незаконным Советско-германский договор о ненападении, больше известный как Пакт Молотова-Риббентропа⁵⁰. Проводится целый ряд научных конференций, посвященных этой проблеме, периодическая печать проявляет к ней повышенный интерес⁵¹. В 1994 г. выходит в свет монография молдавского историка и политика В. Пассата «Трудные страницы истории Молдовы (1940–1950 гг.)», пристальное внимание историков и общества приковано к проблемам исторического Пакта Молотова-Риббентропа⁵². Список можно продолжать.

Аналогичное внимание к негативным сторонам советского прошлого имеет место в России и Украине. В России выходит целый цикл исторических работ, посвященных ГУЛАГу, культуре личности, золоту партии, КГБ и т. п., публикуются произведения, подготовленные целой плеядой интеллигентов – учеными, писателями, журналистами. Украина выпускает работы, направленные на оценку Голодомора, репрессий, роли отдельных личностей в борьбе за независимость, например С. Бандеры, и др.

М. Н. Губогло в своей монографии «Может ли двуглавый орел летать с одним крылом?», посвященной законотворчеству в сфере этногосударственных отношений в России, констатировал, что нередко «с помощью зомбирующих стереотипов вся история советского периода изображается в черных красках... Одновременно замалчиваются или вовсе отрицаются реальные успехи в построении одной из двух влиятельных сверхдержав... Парадокс, рожденный этим противоречием – отмежеванием от советской истории и неоплаченным долгом именно перед этой же историей, сегодня является едва ли не самым сильным тормозом на пути формирования единой для всех граждан, независимо от их национальной и конфессиональной принадлежности, общероссийской гражданской идентичности»⁵³.

Ученый характеризует ситуацию, сложившуюся в многонациональной, разделенной на автономии и республики России. Однако в его наблюдениях прослеживается много общих черт с Молдовой, которая столкнулась с точно такой же проблемой, причем, наверное, в более острой форме – по отношению к истории (к советскому прошлому, самому названию истории как предмета, изучаемого в школах), и к территориальной целостности республики (последствия приднестровского конфликта, специфика гагаузской автономии, становление которой тоже пришлось на эти годы). Кроме того, следует учитывать маленькие размеры государства, где протекают названные явления и предпринимается множество манипуляций, в которые оказываются вовлеченными его граждане, на протяжении длительного времени делавшие свой выбор и формировавшие свои ценности. Особенно заметно это в городах.

Современный российский политолог С. Г. Кара-Мурза, рассуждая о влиянии манипулятивных технологий на современного человека, справедливо констатирует, что особенности сознания советских людей, привыкших доверять средствам массовой информации и столкнувшихся с обманом в начале трансформации общества, привели к тому, что они «утратили, хотя бы временно, способность к рассуждению исходя из здравого смысла». Причем автор подчеркивает, что это коснулось всех, «за исключением сельских жителей»⁵⁴. Сейчас правильнее было бы утверждать, что эти процессы хотя и замедлились в сельской местности, но все же идут. Тем не менее, если согласиться с тезисом Кара-Мурзы, получается, что основная часть жителей республики сохранила трезвую историческую память. Десятилетие экспериментов, стремление к лучшей жизни у большинства не увенчались положительным результатом. Здесь и сработала сохранившаяся историческая память и вера в позитивность будущего. Возможно, поэтому Коммунистическая партия Молдовы победила в парламентских выборах 2001 г. с

таким большим отрывом от конкурирующих партий. Думается, люди голосовали не только за идею, но и за стабильность. Народ испытывал ностальгию по отношению к коммунистическому прошлому, прежде всего как ко времени, когда он лучше и спокойнее жил, а от напряженного, нестабильного существования люди стали уставать.

При работе в экспедиции в украинском с. Бэлцата (в 2000 г.) мне пришлось беседовать с 55-летней крестьянкой, с возмущением выразившей мысль, которую часто приходилось слышать от многих сельчан из разных населенных пунктов Молдовы: «Да сколько же нам еще жить-то без уверенности в будущем, а как хочется увидеть детей счастливыми, а не горбатившимися на чужбине!». Эта фраза ярко отражает то, о чем думали жители Молдовы, идя на выборы. Наступил третий этап – «оттепель».

Надежда на решение языковой проблемы тоже связывалась с приходом коммунистов. Достаточно большой процент представителей национальных меньшинств Республики Молдова (по предварительным данным переписи 2004 г., осуществленной в Пруто-Днестровских регионах РМ, – 23,9%), особенно в городах, рассчитывал на придание русскому языку государственного статуса. У многих, прежде всего сельских жителей, сохранялась надежда на восстановление советского строя⁵⁵.

Приход коммунистов к власти не повлиял на языковую ситуацию, сложившуюся к середине 90-х гг., но отношение к русскому языку и языкам национальных меньшинств стало более лояльным.

Новым шагом в развитии законодательства, касающегося национальных меньшинств, стал **«Закон о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций»** (№ 382-XV от 19.07.2001), принятый Парламентом Республики Молдова. Судьба этого документа очень непростая, достаточно констатировать, что на рассмотрении законодательного органа РМ он находился на протяжении семи лет. К нему вполне применимы слова «закон, выстраданный временем». С точки зрения М. И. Сидорова, депутата Парламента Республики Молдова, возглавлявшего в период обсуждения и принятия документа парламентскую Комиссию по правам человека и национальным меньшинствам, этот документ занимает особое место в числе нормативных актов, регулирующих многие проблемы в области межэтнических отношений⁵⁶. Последний проект данного закона был представлен Парламенту в виде законодательной инициативы группы депутатов в мае 1995 г. Лишь в июле 1997 г. он был принят в первом чтении. Затем его подвергли серьезной доработке, в том числе с учетом ряда положений **Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств** (о которой речь пойдет ниже), но с тех пор до 2001 г. документ на рассмотрение Парламента не выносился⁵⁷. По справедливому замечанию М. И. Сидорова, это был еще один шаг в деле приведения внутреннего законодательства в соответствие с международными стандартами, прежде всего с Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств, ратифицированной Молдовой в 1996 г. Появление этого документа привело к необходимости приведения ряда ранее принятых законов и других юридических актов в соответствие с новым⁵⁸.

Он делится на преамбулу и пять глав, включающих в себя следующее:

Глава 1. Общие положения

В данном разделе производится попытка дать определение национальному меньшинству в условиях Молдовы. Этот факт обращает на себя внимание в связи с тем, что, согласно Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств, каждое

государство должно самостоятельно выработать дефиницию, под которую попадают национальные меньшинства.

В пояснении к Рамочной конвенции подчеркивается, что в данном документе не содержится определение понятия «национальное меньшинство». Считается, что на настоящем этапе невозможно дать такое определение, которое получило бы общее одобрение всех государств – членов Совета Европы⁵⁹. В термин «национальное меньшинство» вкладывается, прежде всего, политический смысл.

Различные страны по-разному интерпретируют это понятие. Например, в Китае национальными меньшинствами официально принято считать все народы страны, кроме самого многочисленного – китайцев. В Индонезии к ним относят только иммигрантов, отличая их таким образом от коренных жителей страны. Некоторые мусульманские государства выделяют национальные меньшинства не по этническому, а по религиозному признаку (например, в Иране к ним относят всех, кто не исповедует ислам). В странах Западной Европы национальными меньшинствами часто считают лишь этнические группы, которые, не имея равноправного статуса с господствующей нацией, стремятся к его достижению, иногда в форме автономии или государственной независимости. Некоторые европейские государства, в частности Франция, вообще отрицают наличие национальных меньшинств на своей территории. В США все граждане страны, вне зависимости от происхождения, являются американцами. Этнологи соседней с Молдовой Украины считают национальными меньшинствами этнические группы, отличающиеся своей национальной принадлежностью от большинства населения – украинцев⁶⁰.

Многочисленность определений данного понятия вполне объяснима. Каждая страна обладает своей этнической спецификой, имеет определенные политические устремления, в реализации которых немалую роль играет национальная политика.

Согласно Закону о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций, «под лицами, принадлежащими к национальным меньшинствам... понимаются лица, постоянно проживающие на территории Республики Молдова, являющиеся ее гражданами, обладающие этническими, культурными, языковыми и религиозными особенностями, отличающими их от большинства населения – молдаван, и осознающие себя лицами иного этнического происхождения» (ст. 1). Это определение было выработано на основании Рекомендации 1201 (1993 г.) Парламентской Ассамблеи Совета Европы о дополнительном протоколе по правам национальных меньшинств к Европейской конвенции по правам человека⁶¹. Для сравнения – официальное определение понятия «национальное меньшинство» в соседней Украине приводится в ст. 3.1 Закона «О национальных меньшинствах в Украине», где указано, что «нацменьшинствам относятся группы граждан Украины, которые не являются украинцами по национальности, проявляют чувство национального самоопределения и общности между собой»⁶². Таким образом, в украинском Законе дефиниции строятся на различии граждан, объединенных национальными групповыми интересами и не являющихся носителями этничности мажоритарного этноса, кроме того, согласно указанному документу, представителю нацменьшинства не обязательно быть гражданином Украины. Определение данного понятия в молдавском Законе о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций затрагивает более широкий спектр характеристик. Среди них – время проживания в государстве (например, этнографическая группа украинцев является исторической, так как проживает на молдавских землях со времени основания молдавской государственности); принадлежность к молдавскому гражданству; наличие этнических, культурных, языковых и религиозных

особенностей; осознание себя лицами немолдавского этнического происхождения. Слабой стороной этого определения является то, что оно ориентировано лишь на индивидуальную идентификацию личности, не затрагивая, в отличие от украинского Закона, общественных интересов национальных меньшинств.

Как и Рамочная конвенция, документ подчеркивает право любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, свободно выбирать, считаться ему таковым или нет (ст. 2). Таким образом, индивидуум, относящийся не к мажоритарному большинству, получает возможность выбирать, будет ли распространяться на него комплекс прав и свобод, регламентированный Законом о нацменьшинствах, или нет. Иными словами, такой индивидуум может принимать решение, будет ли он в дальнейшем ассимилирован или сохранит свою этническую самобытность в условиях иноэтничного окружения.

Примером тому может выступать мобильно реагирующая политическая элита⁶³, среди представителей которой имеется ряд лиц, принадлежащих к представителям национальных меньшинств, но в настоящее время подчеркивающих свою этническую принадлежность к мажоритарному этносу и даже к румынам (в силу политических интересов)⁶⁴.

Глава 2. Основные права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам

Эти права определяются ст. 4-17. Государство берет на себя обязательства по обеспечению равенства представителей нацменьшинств перед законом и равной защиты со стороны закона (ст. 4, п. 1), по созданию необходимых условий для сохранения, развития и выражения этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам (ст. 5, п. 1). Документ гарантирует национальным меньшинствам реализацию прав на получение дошкольного воспитания, начального, среднего, высшего и постуниверситетского образования на молдавском и русском языках и создает условия для реализации их прав на воспитание и обучение на родном языке, в том числе и украинском (ст. 6, п. 1). Важным является то, что государство берется способствовать обеспечению образовательного процесса с полным или частичным преподаванием на языках национальных меньшинств, а также разработке программ и учебно-методической литературы и подготовке педагогических кадров (ст. 6, п. 2). В ст. 8 и 12 говорится об использовании языков национальных меньшинств в местах их компактного проживания. В документе содержится информация о праве национальных меньшинств на использование своих фамилий, имен и отчеств (если таковые имеются в их родном языке), в том числе в официальных документах, – так, как это принято в их родном языке (ст. 1 б, п. 1). Данный пункт представляет собой актуальное достижение в деле соблюдения прав национальных меньшинств, тем более, что в ряде постсоветских стран проблема права на собственное имя продолжает оставаться на повестке дня (например, в странах Балтии).

Глава 3. Организации лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам

Раздел включает в себя ст. 18-22. В ст. 18 подчеркивается, что «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут осуществлять свои права как индивидуально, так и объединяясь в соответствии с законом в организации (землячества, общины, содружества, общества и т. п.) просветительного, культурного, религиозного и благотворительного характера». В ст. 19, п. 1 подчеркивается, что на этнокультурные организации распространяются такие же права, которые предоставляются общественным объединениям в соответствии с действующим законодательством. Очень важен п. 2 этой статьи, в котором отмечается, что «ни одна из организаций лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, не может претендовать на монопольное представительство

интересов соответствующего меньшинства». Данный пункт приобретает особую актуальность в условиях трансформирующегося молдавского сообщества, формирования института лидерства и неустойчивых политических образований, не гнушающихся использовать этнический фактор в своих корыстных интересах.

В тексте также указывается, что организации лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, пользуются поддержкой государства. Документ разрабатывался в условиях построения фундамента, ориентированного на формирование открытого сообщества, поэтому в нем столь большое внимание уделяется взаимодействию государственных институтов с этнокультурными организациями (ст. 20-22).

Глава 4. Право на представительство и участие в управлении

Этот раздел представляет собой принципиальный прорыв на качественно новый уровень межэтнических отношений. В отличие от этнических чисток в кадровой политике первой половины 90-х гг., данный законодательный документ отметил прав национальных меньшинств «на примерно пропорциональное представительство структурах исполнительной и судебной властей всех уровней, в армии, органах правопорядка» (ст. 24). Хотя данная статья вступила в определенное противоречие со ст. «О функционировании языков...», закрывающей иноязычным доступ к государственной службе⁶⁵, тем не менее, появление подобного положения в официальном документе свидетельствует о явной эволюции толерантности в молдавском законодательстве.

Органом, ответственным за проведение государственной политики в области межэтнических отношений в Республике Молдова, является Департамент межэтнических отношений, при котором в качестве совещательного органа выступает Координационный Совет этнокультурных организаций, куда входят руководители этнокультурных объединений (ст. 25).

Глава 5. Заключительные положения

Эта часть документа подчеркивает, в том числе, что при реализации прав национальных меньшинств подразумевается выполнение ими своих обязанностей по отношению к государству, в котором они проживают (ст. 27).

Принятие этого закона знаменательно двумя моментами: с одной стороны, государство сделало очередной шаг в сравнении с законами, вышедшими в 1991–1992 гг., регламентирующими права и свободы отдельно взятых этносоциальных образований, с другой, оно включило в общеполитическую жизнь и гражданское представительство национальных меньшинств Пруто-Днестровских районов РМ.

*Принятием этого закона начала закрепляться идея построения нации-государства, в основе которой лежит ценность гражданской идентичности – нация-население, в западноевропейском смысле*⁶⁶.

* * *

Трансформационный период, породивший хаос в умах и убеждениях миллионов, со временем стал испытывать потребность в оформлении определенной долгосрочной концептуальной идеи, в том числе в сфере межэтнических отношений. В результате в бывших союзных республиках – где раньше, а где позже – стали появляться концепции, регламентирующие приоритеты национальной политики.

В Республике Молдова путь к принятию **Концепции национальной политики** оказался нелегким и тернистым.

Для этого в обществе, прежде всего в руководстве страны, должны были сложиться настроения, нацеленные на формирование долгосрочных ориентиров в области национальных отношений.

Обращает на себя внимание то, что в процессе составления этого документа, равно как и Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций, наряду с профессиональными политиками принимали участие и такие специалисты, как историки, этнологи, лингвисты.

Вообще «вызревание» этого документа происходило достаточно длительное время. Впервые на широкое обсуждение он был вынесен руководством Департамента национальных отношений, под управлением Вероники Абрамчук, еще в 1996 г. Можно предположить, что инициирование данного документа в определенной степени было связано с принятием Концепции государственной национальной политики Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации примерно в то же время – 15 июня 1996 г. под № 909. В тот год Департамент выступил с инициативой о необходимости разработки концепции государственной политики в области межэтнических отношений, которая даже была включена в Программу Деятельности Правительства на 1997 г. Однако дальше разработки проекта документа дело не пошло⁶⁷. Думается, здесь не последнюю роль сыграла многополярность мнений по горячему вопросу межнациональных отношений. Сказалась и частая смена правительств, и противостояние этому документу многих чиновников среднего звена, пришедших в государственные структуры после кадровых чисток начала 90-х и остающихся на месте при смене многочисленных кабинетов министров и высших руководителей министерств и ведомств.

Жизнь не стояла на месте и позже: уже при следующем руководителе Департамента национальных отношений – Татьяне Стояновой – была возобновлена попытка продолжить работу по внедрению в жизнь новой редакции Концепции национальной политики. В 2000 г. была организована международная конференция «Интеграционные процессы в Республике Молдова», целью которой было обсуждение разработки национальной стратегии в деле укрепления интеграционных процессов в государстве. Но и эта попытка не поставила точку в данном вопросе. В то время республика находилась в предвыборной лихорадке. Вероятно, в связи с этим решение острого национального вопроса отложили.

За более чем пятилетний срок было подготовлено несколько вариантов документа, которые так и не были доведены до логического конца.

Тем не менее, эти инициативы административных структур, научных учреждений, отдельных политиков, ученых, рядовых граждан государства не были напрасными. Накапливался опыт, ведь каждый год жизни в трансформационных условиях вносил свои коррективы в текст документа, первая редакция которого просто устарела. Отшлифовывались шероховатости формулировок, велись дискуссии, выдвигались альтернативные проекты. Можно сказать, что обстоятельства дали время, а время предоставило возможность приобрести опыт тем, кто работал в сфере межэтнических отношений.

Безусловная победа коммунистов на выборах 2001 г., достаточно длительный срок пребывания их у власти и значительный перевес в Парламенте позволили поэтапно реализовать ряд политических документов из области национальной политики, в том числе и Концепцию.

Работа по подготовке проекта Концепции национальной политики была начата в 2002 г. В состав группы, разрабатывавшей документ, вошли депутаты Парламента, работники Департамента межэтнических отношений (под руководством генерального директора Татьяны Млечко), эксперты, в том числе представители этнокультурного движения в республике⁶⁸.

Обсуждение проекта Концепции, вынесенного на всеобщее голосование⁶⁹, оказалось таким же острым, какой является сама проблема, решению которой был призван способствовать документ, – об этом заявил в своем интервью газете «Кишиневские новости» председатель Парламентской комиссии по правам человека и нацменьшинствам М. Сидоров⁷⁰.

И действительно, дискуссия по поводу проекта Концепции вызвала резонанс в молдавской прессе. Она отличалась полярностью мнений. Положительную оценку проект встретил в публикациях газет «Независимая Молдова», «Кишиневские новости», «Русское слово» и др., в частности в интервью и статьях М. Сидорова⁷¹, Т. Млечко⁷², П. Шорникова⁷³, А. Скворцовой⁷⁴, В. Степанова⁷⁵ и др. Негативную оценку Концепция получила, в основном, в газетах «Flux», «Literatura și arta» и «Capitala». В последней, к примеру, появилось интервью доктора филологии, директора Национального Терминологического Центра Албины Думбрэвяну, выразившей, как она подчеркнула, мнение всех сотрудников Центра: «Концепция направлена против мажоритарного этноса»⁷⁶. Данная позиция, в принципе, касается основного спектра дискуссионных вопросов, относящихся, прежде всего, к проблеме функционирования русского и государственного языков, статуса русского языка, использования этнонима «молдаване» и глоттонима «молдавский язык». Что касается украинцев, болгар, гагаузов и других национальных меньшинств, получилось так, что их судьба обсуждалась в контексте тем вышеназванных дискуссий.

Длительная предварительная работа 19.12.2003 г. увенчалась принятием Парламентом страны «Закона об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова». Несколькими днями позже, 24.12.2003 г., вышел Указ Президента Республики Молдова о промульгации «Закона об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова».

Важной заслугой данного документа является то, что Концепция национальной политики Республики Молдова (далее – Концепция), провозгласила поликультурность и многоязычие народа Республики Молдова.

Документ ориентирован на перспективное развитие трех концептуальных положений: молдавская государственность, интеграция народа Республики Молдова, формирование гражданского общества.

Концепция включает в себя преамбулу, а также разделы, содержащие общие положения, принципы, цели и задачи национальной политики, принципы обеспечения последней.

При ее рассмотрении автор остановился на основных блоках вопросов, касающихся и украинского населения Республики Молдова.

Преамбула документа подчеркивает «актуальность разработки и принятия Концепции, обусловленной необходимостью определения принципов и задач национальной политики, направленной на укрепление независимости и суверенитета нашей страны, создание благоприятных условий для свободного развития всех этнических и языковых сообществ, их интеграцию в единый народ Республики Молдова».

Необходимо остановиться на нескольких нюансах, затрагивающих, в том числе, украинскую общность в Республике Молдова, влияющих на ее этническую и гражданскую идентичность.

Концепция отличается объективностью понимания сложившейся в обществе ситуации. Она констатирует, что народ Молдовы разделен не только Днестром и политическими амбициями, по-прежнему сохраняется разделение людей на владеющих государственным языком и всех остальных – русскоязычных. Да и в

отношении мажоритарного этноса ясная картина отсутствует. Вернее, ясно все, но опять-таки в обществе (прежде всего среди интеллигенции) нет единой позиции касательно названия государственного языка, права на существование истории Молдовы. Без четкого определения этих прописных истин общество обречено на нестабильность гражданственности в целом.

В Концепции изложены цели и задачи национальной политики государства. Документ ориентирован на формирование у граждан Республики Молдова общих ценностных установок, без которых не может состояться молдавская государственность. Прежде всего, это развитие молдавской национальной культуры, изучение государственного языка и истории Молдовы как основы молдавской национальной (политической) идентичности. Одновременно Концепция направлена на формирование уважительного отношения к сохранению и развитию языков и культур проживающих в стране представителей других национальностей.

Документ учитывает полиэтничность Молдовы и интересы мажоритарного этноса страны. Одним из приоритетов Концепции является укрепление молдавской политической и этнической идентичности. В свою очередь, молдавская этнообразующая идея продолжает существовать как право мажоритарного этноса доминировать над национальными меньшинствами. Молдавский язык, являющийся родным для этнического большинства, обладает статусом государственного и используется во всех сферах социальной коммуникации. Вместе с тем, на территории АТО Гагаузия за гагаузским и русским языками, наряду с молдавским, закреплен официальный статус. В Приднестровском регионе официальным статусом обладают молдавский, русский и украинский языки.

Дополнительные законодательные гарантии в республике получил русский язык, за которым, наравне с молдавским, законодательно закреплен статус языка межнационального общения. Документ справедливо отмечает сложившееся в республике молдавско-русское двуязычие, подчеркнув ориентацию на «создание реальных возможностей для того, чтобы русско-молдавское двуязычие стало реальностью». Данный тезис, находящийся в разделе «Общие положения», скорее, должен быть помещен в раздел IV, где говорится о задачах государственной национальной политики. Одновременно следует подчеркнуть актуальность и необходимость формирования в обществе активного билингвизма, тем более, что исторически сложившиеся в стране предпосылки к этому налицо. Кроме того, от воплощения русско-молдавского двуязычия во многом зависит интеграция русскоязычной части населения республики в полноценную жизнь страны. Документ констатирует: «Свободное развитие культур различных этнических и языковых сообществ в Республике Молдова является реальностью, успешно способствующей становлению и развитию общего духовного пространства и общего культурного наследия Молдовы».

Актуализация проблемы русского языка не теряет своего значения еще и как фактор, влияющий на объединение двух берегов Днестра. Языковая политика начала 90-х дополнилась блоком новых проблем, возвращенных временем и развитием внутренних и внешних факторов.

Наряду с развитием культуры и языка молдавского народа Концепция предусматривает развитие культур и языков представителей разных национальностей, проживающих в Республике Молдова, в том числе и украинцев. Уникальная гагаузская культура, а также украинская, русская, болгарская, еврейская, цыганская национальные культуры вносят значительный вклад в развитие общей духовной культуры народа Молдовы (важная дефиниция, раскрывающая идентификацию национальных меньшинств, их сопричастность). В республике

существуют многочисленные памятники культуры народов, населяющих этот край с давних времен. Взаимодействуя и взаимообогащаясь, различные культуры формируют общее культурное достояние нашей страны.

Авторы Концепции справедливо подчеркивают, что этническое, культурное и языковое многообразие является богатством Молдовы.

В контексте темы нашего разговора важно отметить ориентацию документа:

– в политической сфере – на «утверждение системы национальных ценностей, в основе которых лежит осознание всеми гражданами нашей страны своей принадлежности к народу Республики Молдова» (общегражданская дефиниция);

– в социально-экономической сфере – «на создание для всех граждан независимо от их этнической принадлежности и родного языка равных условий для их социального утверждения»;

– в сфере образования и культуры – на «реальное обеспечение развития молдавской национальной культуры, изучения молдавского языка и истории Молдовы как основных элементов молдавской национальной идентичности и гражданского сознания представителей всех этнических сообществ Молдовы»; «воспитание и образование подрастающего поколения в духе уважения к молдавскому языку, молдавской культуре и истории Молдовы как национально-духовной основы их общей родины» (формирование многонациональной молдавской нации), «обеспечение условий для дальнейшего развития функций русского языка» (статус языка межнационального общения), а также «государственная поддержка развития украинского, гагаузского, болгарского, иврита, идиша, цыганского (романи) и других языков этнических меньшинств, проживающих на территории нашей страны» (учет полиэтнических интересов постоянно проживающих национальных меньшинств);

– во внешнеполитической сфере – на «развитие межгосударственных отношений со странами, являющимися исторической родиной этнических меньшинств Республики Молдова», «на развитие связей с молдавской диаспорой», на «утверждение образа Республики Молдова как современного европейского демократического государства, члена международного сообщества, которое признает и применяет общепризнанные стандарты в области защиты прав и основных свобод человека, а также лиц, принадлежащих к этническим и языковым меньшинствам».

Концепция представляет собой документ, нацеленный на долгосрочную реализацию, что и предусмотрено в ее последнем, V разделе – «Обеспечение национальной политики». В нем, в частности, подчеркивается, что «национальная политика реализуется органами публичной власти посредством осуществления конкретных действий, направленных на достижение целей и выполнение задач, изложенных в Концепции», «в целях выполнения положений Концепции Правительством разрабатывается комплексная программа мер, предусматривающая мероприятия в области национальной политики... Комплексная программа утверждается Парламентом».

Документ оказался своевременным и злободневным. Главным итогом его появления стала попытка государства определить право молдавского народа на самоопределение и существование. Этот документ пропагандирует долгосрочное утверждение и развитие идеи молдавской идентичности. Еще одним моментом является попытка объединить полиэтничное сообщество на основе ценностей билингвизма. И если молдавско-русское двуязычие присутствует в обществе (как

справедливо отметили авторы Концепции), то сложностью данной идеи является то, что сообщество людей с ценностями, ориентированными на русско-молдавское двуязычие (к которому может добавляться, по крайней мере, еще один язык – болгарский, гагаузский и др.), только предстоит воспитать. Необходимо подчеркнуть, что в РМ существуют русско-молдавский и молдавско-русский билингвизм, причем последний находится на несравненно более высокой ступени развития, хотя и первый в данный период значительно эволюционировал. Таким образом, документ сфокусирован на построении пока не существующей системы национальных отношений⁷⁷.

В целом он направлен на укрепление молдавской государственности, на восстановление территориальной целостности страны, формирование гражданского общества, толерантного отношения между представителями разных национальностей, проживающих в республике.

Новым шагом в контактах с соотечественниками стало внимание к диаспоре. С этим вопросом столкнулись практически все страны, провозгласившие независимость в начале 90-х гг.⁷⁸ Интерес к проблеме новой диаспоры стал проследиваться и в науке⁷⁹. Жившие ранее в одной большой стране люди одной национальности вдруг оказались разделенными границами и таможенными. Попытка сближения и возобновления духовной связи с родиной стала не только их личной проблемой, но и определенным имиджем новых государств. Начались пути поиска решений. Появились первые государственные документы, ориентированные на поддержку соотечественников, проживающих за пределами страны⁸⁰. Следующим шагом стала организация и проведение конгрессов выходцев из Республики Молдова. Один из них, собравший евреев, выходцев из Республики Молдова, прошел в 1998 г. в Кишиневе⁸¹. Следующим стал «Первый Конгресс выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом», состоявшийся 7–9 октября 2004 г. Форум объединил своей работой молдаван, живущих в странах СНГ⁸².

Современных выходцев из Молдовы условно можно разделить на исторически проживающих вне пределов государства лиц, особенно в странах бывшего Союза, и вынужденных мигрантов – покинувших страну в силу тяжелого экономического положения. Уехавшие люди, среди которых есть немало представителей национальных меньшинств (в том числе и украинцев), после краха Советской власти оказались в состоянии кризиса профессиональной, религиозной, гражданской и, в определенном смысле, этнической идентичностей⁸³.

В силу безысходности они покинули Родину, пролонгировав тем самым свое неопределенное состояние. Многие из них уже не хотят возвращаться в Молдову, потому что не смогли найти здесь себе применения, а там, куда их забросила судьба, они вынуждены принимать правила игры той страны, где нашли работу, зачастую опустившись на более низкую социальную ступень. К поговорке «Человек ко всему привыкает», можно добавить – «особенно если он сделал выбор». Многие из этих людей или очень долго находятся за рубежом, или вообще не собираются возвращаться, или и то и другое. В любом случае их гражданская идентичность находится под угрозой, тем более если Родина не создает условий для их трудоустройства и защиты. Этническая идентичность более устойчива и живуча, но и она тогда, когда индивидуум в иноэтническом окружении пытается адаптироваться, чтобы выжить, способна привести к ассимиляции. Своего рода ассимилятивным мостиком выступает религиозная идентичность, которая может трансформироваться под влиянием окружения (католического или мусульманского). Наряду с религиозной идентичностью немалое значение играет семейная

(длительное нахождение вдали от дома зачастую приводит к разрушению семьи), ведя далее к изменению других идентичностей.

Права национальных меньшинств отражены и в ряде других законов: «Об удостоверяющих личность документах национальной паспортной системы» (№ 273, принят 09.11.94 // Monitorul Oficial, nr. 009 din 09.02.95, articolul 89), «О телевидении и радио» (№ 603-XIII от 03.10.95 // Monitorul Oficial, nr. 070 din 14.12.95, articolul 9)⁸⁴. Сюда же следует отнести закон «О прессе» (№ 243, принят 26.10.94 // Monitorul Oficial, nr. 002 din 12.01.95), «О культах» (№ 979, принят 24.03.92 // Monitorul Oficial, nr. 003 din 28.04.92), Закон Республики Молдова «О судеустройстве» (№ 514, принят 06.07.95 // Monitorul Oficial, nr. 058 din 19.10.95, articolul 641), «О рекламе» (№ 1227, принят 27.06.97 // Monitorul Oficial, nr. 067 din 16.10.97, articolul 5), «Об актах гражданского состояния» (№ 100-XV от 26.04.2001 // Monitorul Oficial, nr. 097 din 17.08.2001, articolul 765). Закон № 413-XIV от 27.05.99 «О культуре», принятый 27 мая 1999 г., гарантирует право каждого человека на культурную деятельность, независимо от национальной принадлежности, социального происхождения, языка и других обстоятельств. Ст. 13 предусматривает право любого лица на защиту своей культурной самобытности и т. п.

Показательной выглядит совокупность рекомендаций, сделанных в Базовом докладе о положении в области прав человека в Республике Молдова, подготовленном в рамках работы Координационного Комитета по разработке и реализации национального плана действий в области прав человека, Программы развития ООН в Молдове, Проекта «Поддержка национального плана действий в области прав человека в Республике Молдова». В разделе, посвященном положению в сфере обеспечения прав национальных меньшинств, в частности, указывается, что «с начала 90-х годов и по нынешний день» (2003 г.) представительство национальных меньшинств в центральных и местных структурах государственной власти снизилось до очень низких показателей. Одной из причин этого, объясняется в докладе, является плохое или недостаточное владение государственным языком представителями национальных меньшинств. В документе подчеркивается: «Ст. Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова играет чрезвычайно важную роль в этой проблеме»⁸⁵.

В названном докладе обращается внимание на трудность выбора языка при общении с представителями государственной власти, при устном или письменном обращении официальные инстанции. Подчеркивается, что имеет место «адаптация» имен и фамилий представителей нацменьшинств к нормам транскрипции государственного языка⁸⁶.

* * *

Необходимо сказать несколько слов о международных нормативно-правовых актах, затрагивающих проблемы национальных меньшинств, к которым присоединилась Республика Молдова.

Следует начать с того, что сами международные акты можно разделить на документы, принятые в рамках ООН, Совета Европы, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, стран СНГ.

Два главных принципа положены в основу всех международных документов, так или иначе определяющих права национальных меньшинств:

- принцип недискриминации, то есть равенства;
- принцип специальных прав⁸⁷.

Под термином особые (или специальные) права следует понимать комплекс мер, направленных на уравнивание прав национального меньшинства, проживающего в условиях иноэтничного окружения, правами и свободами, обеспечивающими

сохранение и развитие толерантного сосуществования, культуры, языка, паритетного представительства в центральных и местных органах управления. Следует добавить, что международные нормативно-правовые акты, направленные на защиту национальных меньшинств, не ограничивают их в праве овладения культурными и языковыми ценностями мажоритарного этноса, но создают условия для сохранения собственной этнокультурной идентичности. Молдавский историк А. Ю. Скворцова подчеркивает, что в идеале особые права сводятся к праву национального меньшинства на:

- сосуществование;
- использование и развитие родных культуры и языка;
- создание и функционирование школ для нацменьшинств с преподаванием на родном языке;
- гарантии политического представительства в органах, определяющих политику государства;
- создание разного рода автономных образований (культурной, территориальной, политической)⁸⁸.

Сказанное нуждается в пояснении. Многие международные нормативно-правовые акты ориентированы на личность. Но наряду с индивидуальными запросами личности у человека как существа коллективного присутствуют общественные запросы. Это касается и национальных меньшинств в части реализации их прав и свобод, поэтому международные нормативно-правовые акты учитывают и данную сторону проблемы.

Среди законодательных актов, принятых в рамках ООН, прежде всего, следует упомянуть «Всеобщую декларацию прав человека». К этому документу Республика Молдова присоединилась в июле 1990 г. Постановлением Парламента «О присоединении Республики Молдова к Всеобщей декларации прав человека и о ратификации международных договоров о правах человека» (№ 217 от 28 июля 1990 г.)⁸⁹.

Присоединение к Декларации стало своего рода эталоном демократичности. Она состоит из преамбулы и 30-ти статей. В преамбуле документа, в частности, подчеркивается, что «Генеральная Ассамблея провозглашает настоящую Всеобщую декларацию прав человека в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и все государства, с тем чтобы каждый человек и каждый орган общества, постоянно имея в виду настоящую Декларацию, стремились путем просвещения и образования содействовать уважению этих прав и свобод и обеспечению, путем национальных и международных прогрессивных мероприятий, всеобщего и эффективного признания и осуществления их...».

В контексте нашего разговора остановимся лишь на ее отдельных статьях. В ст. 2 Декларации подчеркивается, что человек вне зависимости от расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения должен обладать всеми правами и свободами, провозглашенными данным документом.

Ст. 16 подчеркивает равные права мужчин и женщин вступать в брак, без всяких ограничений по признаку расы, национальности или религии. Ст. 18 наделяет человека правом на свободу мысли, совести и религии. Ст. 22 гласит о том, что «каждый человек, как член общества, имеет право на социальное обеспечение и на осуществление необходимых для поддержания его достоинства и для свободного развития его личности прав в экономической, социальной и культурной областях через посредство национальных усилий и международного сотрудничества и в соответствии со структурой и ресурсами каждого государства».

Декларация уделяет внимание обязательному наделению человека правом на социальное обеспечение (ст. 23), на труд и охрану интересов трудящихся путем создания профсоюзов (ст. 24), на достойный жизненный уровень (ст. 25), на образование (ст. 26) и т. п.

В ней присутствуют статьи, гарантирующие человеку право на гражданство и его изменение (ст. 15). Наконец, ст. 21 наделяет человека возможностью равного доступа к государственной службе в своей стране.

Республика Молдова ратифицировала также «Международный пакт о гражданских и политических правах» (Постановление Парламента РМ № 217-XII от 28 июля 1990 г. «О присоединении Республики Молдова к Всеобщей декларации прав человека и о ратификации международных договоров о правах человека») и «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» (Постановление Парламента РМ № 217-XII от 28 июля 1990 г. «О присоединении Республики Молдова к Всеобщей декларации прав человека и о ратификации международных договоров о правах человека») ⁹⁰.

В этих двух документах более подробно раскрываются принципы, заложенные во Всеобщей Декларации прав человека ⁹¹.

За последние пятнадцать лет Республика Молдова присоединилась к большому количеству международных нормативно-правовых актов, которые касаются, в том числе, и правового обеспечения национальных меньшинств. Согласно Постановлению Парламента № 707-XII от 10 сентября 1991 г. «О присоединении Республики Молдова к международным правовым актам по правам человека» РМ присоединилась к целому пакету международных документов. Среди них следует выделить «Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации» (№ 2112, принят 21.12.1965 // Monitorul Oficial, nr. 000 din 10.09.1991), «Конвенцию о борьбе с дискриминацией в области образования» (№ 1512 от 15.12.60 // Monitorul Oficial, nr. 006 din 10.09.1991), «Заключительный акт Сопредседания по безопасности и сотрудничеству в Европе» (№ 0108 от 01.08.1975) // Monitorul Oficial, nr. 000 din 10.09.1991), «Конвенцию о предупреждении и пресечении преступления геноцида и наказания за него» (№ 707 от 09.12.1948) // Monitorul Oficial, nr. 006 din 10.09.1991), «Парижскую хартию для новой Европы» (от 21.11.1990) // Monitorul Oficial, nr. 000 din 10.09.1991), «Документ Копенгагенской встречи конференции по человеческому измерению СБСЕ» (от 29.07.1990) // Monitorul Oficial, nr. 000 din 10.09.1991).

Республика Молдова также присоединилась к «Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (№ 1298 от 24.07.1997) // Monitorul Oficial, nr. 054 din 21.08.1997), Рекомендации Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 1201 (1993) о дополнительно протоколе по правам национальных меньшинств к Европейской Конвенции по права человека. Определенная работа ведется и в рамках СНГ. Так, 21 октября 1994 г. была принята «Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам». Однако до настоящего времени Республика Молдова не ратифицировала ее.

Объем работы не позволяет подробно остановиться на рассмотрении каждого и международных документов. Поэтому автор заострит внимание лишь на двух из них, думается, весьма значимых.

Прежде всего, несколько слов следует сказать относительно «Рамочной Конвенции о защите национальных меньшинств» (далее – Рамочная Конвенция), ратифицированной Постановлением Парламента Республики Молдова (№ 1001-XIII от 22.10.1996 // Monitorul Oficial, nr. 072 din 07.11.1996). Как документ Рамочная Конвенция сравнительно молода.

В период присоединения нашей страны к Рамочной Конвенции в обществе, где треть населения принадлежала к представителям малых народов и этнических групп не мажоритарного этноса (по данным Всеобщей переписи 1989 г., в Республике Молдова – вместе с левобережными районами – проживало 64,5% молдаван и 34,5% представителей других национальностей), введение этнополитического термина «национальное меньшинство» (см. выше подходы к его пониманию), по сути, провозгласило РМ полиэтническим государством. При этом следует заметить, что тогда эта формулировка не применялась, она получила официальное распространение лишь с принятием Концепции национальной политики. Таким образом, при рассмотрении законодательной базы Республики Молдова видна динамика в развитии проблемы. Еще одной важной стороной является и то, что страны, присоединившиеся к Рамочной Конвенции, должны регулярно отчитываться о ходе выполнения обязательств по реализации документа. Кроме того, эти государства посещают эксперты Совета Европы, которым вменяется в обязанность контролировать положение дел на местах.

Рамочная Конвенция принимается на втором этапе («переосмысление»), но без нее принятие на третьем этапе («оттепель») «Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций» и «Концепции национальной политики» было бы весьма затруднительным, если не безнадежным делом. Этот документ послужил своего рода мостом между международными нормами законодательства и решением злободневных вопросов во внутреннем законодательстве по проблеме обеспечения прав и свобод национальных меньшинств.

Рамочная Конвенция состоит из преамбулы и пяти разделов. В преамбуле подчеркивается: члены Совета Европы и другие государства, подписавшие документ, должны принимать во внимание, что «цель Совета Европы заключается в достижении большего единства между его членами для сохранения и претворения в жизнь идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием».

Учитывая устремленность Республики Молдова к европейской интеграции, заложенная в документе цель представляла для молодого государства интерес. В качестве одного из методов достижения поставленной цели Рамочная Конвенция называет «защиту и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод».

Выше уже говорилось о том, что определение национального меньшинства в ряде стран мира дается по-разному. Поэтому сама Рамочная Конвенция не приводит своего определения данного понятия, тем самым не оказывая давления на те из них, которые присоединились к ней или только намереваются это сделать. Таким образом, документ предоставляет государствам, присоединившимся к Рамочной Конвенции, самим принимать решение, кого обозначать этим термином. Однозначным является лишь факт, что указанное понятие включает в себя часть населения, отличающуюся от большинства. В документе подчеркивается, что «лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут осуществлять права и пользоваться свободами, вытекающими из принципов, закрепленных в настоящей Рамочной Конвенции, в индивидуальном порядке, а также сообща с другими лицами» (Р. 1, ст. 3). Следовательно, документ учитывает как коллективные интересы национального меньшинства, так и индивидуальные интересы личности, принадлежащей к нему. Рамочная Конвенция подчеркивает ориентацию участников на поощрение «во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни полного и действенного равенства между лицами, принадлежащими к национальному меньшинству, и лицами, принадлежащими к основной национальной группе населения» (Р. 2, ст. 4.).

Целый ряд статей документа направлен на формирование в государствах – участниках Рамочной Конвенции толерантного отношения к проживающим в них нацменьшинствам. В Р. II, ст. 6, в частности, говорится о том, что «участники поощряют дух терпимости и межкультурного диалога и принимают действенные меры для содействия взаимному уважению, пониманию и сотрудничеству между всеми лицами, проживающими на их территории, независимо от этнической, культурной, языковой или религиозной принадлежности этих лиц...».

Далее отдельные статьи документа раскрывают права и свободы, гарантированные представителям национальных меньшинств. Причем в нем указывается, что «права и свободы, вытекающие из принципов, закрепленных в настоящей Рамочной Конвенции в той степени, в какой они являются предметом соответствующих положений Конвенции о защите прав и основных свобод или протоколов к ней, считаются соответствующими положениями последних» (Р. III, ст. 23). Производит впечатление многоаспектность гарантированных Конвенцией прав и свобод. В Р. II, ст. 7 говорится об уважении права национальных меньшинств на свободу мирных собраний, ассоциаций, свободу выражения и свободу мыслей, совести и религии. Ст. 9 поясняет, что понятие «свобода выражения» включает свободу придерживаться какого-либо мнения и получать и обмениваться информацией и идеями на языке меньшинства без вмешательства со стороны государственных органов, независимо от границ...». В Р. II, ст. 10, 13, 14 внимание участников Конвенции обращается на право использования и изучения представителями национальных меньшинств родного языка. Многие страны новых демократий столкнулись с проблемой реализации права представителей национальных меньшинств на собственное имя. В середине 90-х гг. подобные проблемы имели место и в Республике Молдова⁹². Рамочная Конвенция, в том числе, сыграла немалую роль в обеспечении возможности национальным меньшинствам «пользоваться своей фамилией и своим именем (отчеством) на языке этого меньшинства, а также права на официальное признание их в соответствии с предусмотренными их правовой системой условиями» (Р. II, ст. 11).

Документ обеспечивает возможность участникам «принимать меры в области образования и научных исследований с целью углубления знания культуры, истории, языка и религии их национальных меньшинств и основной национальной группы населения» (Р. II, ст. 12). Национальные меньшинства наделялись также правом «учреждать и организовывать свои собственные частные учебные заведения для целей образования и профессиональной подготовки» (Р. II, ст. 13).

Важной представляется тема, затрагиваемая в Р. II, ст. 15, где говорится о создании необходимых условий «для эффективного участия лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в культурной, социальной и экономической жизни и в ведении государственных дел, в частности в вопросах, их касающихся».

Действительно, в Департаменте межэтнических исследований Республики Молдова в Отделе образования на языках национальных меньшинств Министерства просвещения, в Институте межэтнических исследований Академии наук Республики Молдова (ныне – составная часть Института культурного наследия) работают представители национальных меньшинств, в том числе и украинцы, занимающиеся проблемами своей этнической группы и других нацменьшинств. Кроме того, при Департаменте межэтнических отношений в качестве совещательного органа функционирует Координационный Совет этнокультурных организаций, аккредитованных при ведомстве.

В Рамочной конвенции обращает на себя внимание еще ряд статей, касающихся государств-участников, которые, «в случае необходимости, принимают

меры в области образования и научных исследований с целью углубления знания культуры, истории, языка и религии их национальных меньшинств и основной национальной группы населения» (Р. II, ст. 12). Этот важный аспект реализуется в сети государственных и частных учебных заведений, а также в вышеназванном Институте.

Реализация прав и свобод предполагает и определенные обязанности членов сообщества, принадлежащих к национальным меньшинствам. Этим вопросам посвящен Раздел III Рамочной Конвенции, обязывающий «любое лицо, принадлежащее к национальному меньшинству, соблюдать национальное законодательство и уважать права других, в частности права лиц, принадлежащих к основной национальной группе населения» (Р. III, ст. 20). Документ также подчеркивает, что ничто в Рамочной Конвенции не может противоречить основополагающим принципам международного права, «принципам суверенного равенства, территориальной целостности и политической независимости государств» (Р. III, ст. 21), «не может быть расценено как ограничивающее или ущемляющее любые из прав человека и основных свобод, которые могут быть гарантированы законодательством любого участника или любым другим соглашением, в котором он участвует» (Р. III, ст. 22).

Четвертый раздел Конвенции посвящен системе контроля Советом Европы стран, присоединившихся к Рамочной Конвенции. В частности, за период после присоединения Республики Молдова к данному документу Департамент межэтнических отношений, ответственный за отчетность перед Советом Европы по исполнению Рамочной Конвенции, уже дважды готовил досье для Совета Европы и принимал делегации экспертов⁹³.

Последний, пятый раздел Конвенции определяет процедуру присоединения к ней и вступление его в силу. Причем, ст. 27 этого раздела подчеркивает, что данный документ открыт «для подписания государствами – членами Совета Европы. Вплоть до даты вступления Конвенции в силу она также открыта для подписания любыми другими государствами, приглашенными для этого Комитетом Министров. Она подлежит ратификации, принятию или одобрению». Эта статья, а также ст. 29, допускающая присоединение к Рамочной Конвенции «любого другого государства, не являющегося членом Совета», позволили Республике Молдова, провозгласившей основной целью своей внешней политики вступление в Совет Европы, присоединиться к документу.

* * *

Функционирование языков на территории Республики Молдова по-прежнему представляет собой узел проблем. Их разрешению во многом мог бы способствовать еще один международный документ – «Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств». В Европе она принята сравнительно недавно, 25 июня 1992 г.

Она состоит из преамбулы и пяти частей. Преамбула определяет основные положения, на которые опирался Совет Европы при составлении Хартии. В ней, в частности, делается упор на принципы, зафиксированные в Международном пакте о гражданских и политических правах, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, принимается во внимание работа, проделанная в рамках СБСЕ (Хельсинкский Заключительный Акт 1975 г.; Документ Копенгагенского Сопределения 1990 г.). Подчеркивается, что «защита и поддержка региональных языков или языков меньшинств в различных странах и регионах Европы представляют собой важный вклад в строительство Европы, основанной на принципах демократии и культурного

разнообразия в рамках национального суверенитета и территориальной целостности».

Учитывая исторически сложившуюся специфику национальных отношений и национальную политику в государствах Европы, Совет Европы подготовил подробный Пояснительный доклад, разъясняющий положения, отраженные в Хартии. В нем подчеркивается, что первостепенной целью документа является культурная: «Хартия призвана защищать и поддерживать региональные языки или языки меньшинств как находящуюся под угрозой исчезновения часть культурного наследия Европы» (Пояснительный доклад. Общие вопросы. П. 10).

В Пояснительном докладе указывается, что «Постоянная конференция местных и региональных властей Европы (ПКМРВЕ) разработала и представила проект Хартии еще до того, как в Центральной и Восточной Европе произошли кардинальные перемены, и исходя из потребностей стран, которые на тот момент уже были членами Совета Европы. Тем не менее, актуальность Хартии и реализованного в ней подхода для ситуации в странах Центральной и Восточной Европы нашла свое подтверждение в том значительном интересе, который проявляется представителями ряда этих стран к утверждению европейских стандартов в этой сфере» (Пояснительный доклад. Общие вопросы. П. 12).

В первой части Хартии даются определения понятий, применяемых в документе: «региональный язык», «территория, на которой используется региональный язык или язык меньшинства», «нетерриториальные языки». Первая часть – это своего рода введение, очерчивающее обязательства, предусмотренные ею по отношению к участникам; существующие обязательства; информируемость населения о правах и обязанностях, установленных настоящей Хартией; информатизацию заинтересованных властей, организаций и лиц о правах и свободах, установленных настоящим документом, и т. п.

Часть вторая Хартии посвящена раскрытию целей и принципов документа и должна применяться ко всем языкам, функционирующим на территории стран-участниц (ст. 2, п. 1).

Третья часть документа затрагивает меры, содействующие использованию региональных языков или языков меньшинств в общественной жизни в соответствии с обязательствами по ст. 2, п. 2, согласно которому страна-участница «...обязуется применять минимум тридцать пять пунктов или подпунктов, отобранных из положений Части III Хартии, включая по крайней мере по три, отобранных из ст. 8 и 12, и по одному, отобранному из ст. 9, 10, 11 и 13».

Третья часть включает в себя ст. 8 – образование; ст. 9 – судебные власти; ст. 10 – административные органы и государственные службы; ст. 11 – СМИ; ст. 12 – культурные мероприятия и средства их обеспечения; ст. 13 – экономическая и общественная жизнь; ст. 14 – межгосударственные обмены.

Четвертая часть документа касается вопросов его применения. Указывается механизм создания и работы Европейского комитета экспертов, занимающегося рассмотрением отчетов, представляемых различными сторонами; определяется система мер, позволяющих контролировать взятые страной-участницей обязательства по исполнению Хартии.

И, наконец, заключительные положения, содержащиеся в статьях 18–23, составлены по образцу, принятому в Конвенциях и соглашениях, заключаемых по линии Совета Европы. Как уже отмечалось, документ подчеркивает, что Хартия носит характер открытой конвенции, присоединиться к которой Комитетом Министров Совета Европы может быть предложено и государствам, не являющимся членами Совета Европы (ст. 20).

Еще в 1995 г. Республика Молдова заявила об обязательстве подписать и ратифицировать этот документ. Однако острота языковой ситуации в республике, сохранение напряженности с восточными регионами страны, экономическая нестабильность, довольно частая смена состава правительства⁹⁴ и другие факторы долгое время не позволяли Молдове вплотную вернуться к вопросу о присоединении и ратификации Хартии.

Лишь спустя семь лет РМ возвращается к рассмотрению вопроса о присоединении к Хартии. 11 июля 2002 г. республика подписывает Европейскую Хартию региональных языков или языков меньшинств. Начались действия по подготовке документа к ратификации. Большую работу в этом плане проделал Департамент межэтнических отношений, который привлек к этой деятельности представителей этнокультурных организаций, проанализировал действующее законодательство Республики Молдова в свете положений Части III Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств (в том числе в отношении украинского языка). Однако она не ратифицирована вплоть до настоящего времени.

Острота языкового вопроса в Пруто-Днестровском регионе Республики Молдова ведет к затягиванию ратификации этого документа⁹⁵.

В процессе обсуждения Хартии на страницах прессы развернулась серьезная дискуссия, подтвердившая сохраняющуюся напряженность языковой проблемы в Молдове.

Двусторонние соглашения

Историческая судьба Молдовы и Украины во многом роднит эти два государства, между жителями которых традиционно сложились добрососедские отношения. В новых трансформационных условиях взаимопонимание сохранилось, свидетельством чему – ряд договоров и соглашений между ними. 23 октября 1992 года в Кишиневе был подписан Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Молдова и Украиной (вступил в силу 5 января 1997 г.). Согласно его положениям, стороны гарантируют обеспечение прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, в полном соответствии с нормами, закрепленными в документах ООН и ОБСЕ. Стороны обеспечивают лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам и проживающим на территории соответствующей стороны, как индивидуально, так и совместно с другими членами своей группы, право на свободу выражения, на сохранение и развитие этнической, культурной, языковой и религиозной самобытности, а также защиту от любых попыток ассимиляции против их воли.

20 марта 1993 г. в Кишиневе было подписано Соглашение между Правительством Республики Молдова и Правительством Украины о сотрудничестве в области образования, науки и культуры. Вступление в силу данного Соглашения наступало после обмена дипломатическими нотами, в которых «договаривающиеся стороны уведомят друг друга о выполнении юридических требований, необходимых для вступления его в силу» (ст. 20). Оно заключалось на 5 лет. Его действие автоматически продлевалось на последующие 5 лет, если это не вызывало желания денонсировать его одной из договаривающихся сторон (ст. 19). В соответствии с Соглашением договаривающиеся стороны заявили о том, что будут прилагать все усилия «для сохранения и развития этнической, языковой и культурной самобытности граждан молдавской (румынской) национальности, проживающих на территории Украины, и украинской национальности, проживающих на территории Республики Молдова» (ст. 2). В этих целях стороны заявили, что в местах компактного проживания национальных меньшинств украинской и молдавской (румынской) национальности, в соответствии с потребностями граждан будут открывать дошкольные учреждения, школы с украинским языком обучения в Республике Молдова и с румынским языком обучения в Украине; будут способствовать созданию библиотек и обеспечению их литературой на родном языке национальных групп; будут поощрять открытие музеев, театров и иных учреждений, связанных с культурой другой страны (ст. 2). Ст. 3, в частности, предусматривала обмен студентами, аспирантами, преподавателями, научно-педагогическими кадрами, учеными и специалистами, выполнение общих научно-исследовательских проектов, проведение совместных научных конференций. Ст. 6

свидетельствовала о намерениях сотрудничать в области культуры. Указывались такие формы, как проведение Дней культуры Украины в Республике Молдова и Республики Молдова в Украине, сотрудничество между музыкальными и театральными учреждениями и коллективами. В документе говорилось о готовности сторон содействовать установлению памятников, бюстов и т. п. выдающимся личностям, связанным с историей и культурой Украины и Молдовы (ст. 9). Подчеркивалась необходимость поощрения книгообмена между странами, приобретения фильмов и видеопродукции, участия в фестивалях, обмена рекламными материалами и др. (ст. 9).

Межведомственные соглашения

Немалую роль в продвижении добрососедских взаимовыгодных соглашений сыграли профильные ведомства Молдовы и Украины, работающие в сфере образования, культуры и межэтнических отношений.

4 июня 1993 г. в г. Кишиневе было подписано Соглашение о сотрудничестве в области науки и образования между Министерством образования Украины и Министерством науки и образования Республики Молдова. На его основании между Министерством образования Республики Молдова и Министерством образования и науки Украины был подписан Протокол о сотрудничестве в области образования на 2002/2003 – 2003/2004 учебные годы.

19 февраля 1996 г. в г. Киеве было заключено Соглашение между Департаментом национальных отношений при Правительстве Республики Молдова и Министерством Украины по делам национальностей и миграции о сотрудничестве по вопросам национальных отношений.

Соглашение предусматривало сотрудничество данных ведомств по вопросам национальных отношений, оказание взаимного содействия в обеспечении прав украинцев, проживающих на территории Молдовы, и молдаван, проживающих на территории Украины.

По мнению М. Н. Губогло, в преамбуле Соглашения была сделана одна из наиболее корректных попыток идентификации национальных меньшинств⁹⁶.

В 1-й статье документа было дано определение национальному меньшинству в контексте Соглашения, отвечающее концептуальной адекватности приведенных дефиниций⁹⁷: «Граждане Республики Молдова, которые постоянно проживают на территории Республики Молдова и относят себя по этническим, культурным и языковым особенностям к украинскому национальному меньшинству» (с другой стороны – «к молдавскому национальному меньшинству»).

После визита в Республику Молдова Председателя Госкомитета Украины по делам национальностей и миграции Г. Г. Москаля в результате двусторонней встречи с Генеральным директором Департамента межэтнических отношений Т. П. Млечко 20 ноября 2002 г. был подписан Протокол. Стороны решили выступить с инициативой перед правительствами своих стран о создании двусторонней Смешанной межправительственной молдавско-украинской комиссии по вопросам обеспечения прав национальных меньшинств. Итогом совместной работы стало создание комиссии. 15 июля 2003 г. выходит Постановление № 882 Правительства Республики Молдова «Об утверждении Положения о Молдавской части Смешанной межправительственной молдавско-украинской комиссии по проблемам обеспечения прав национальных меньшинств и ее персонального состава»⁹⁸.

Время привнесло свои коррективы, заставив обратить внимание и на такой важный аспект, как межрегиональное сотрудничество. В рамках визита Президента Республики Молдова в Одессу и Одесскую область осенью 2002 г.⁹⁹ между Департаментом межэтнических отношений Республики Молдова и Управлением по делам национальностей и миграции Одесской областной госадминистрации Украины была подписана Программа сотрудничества между этими двумя ведомствами¹⁰⁰.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Наиболее активно последствия дореволюционного влияния России и дальнейшей советской языковой политики ощутили на себе республики европейской зоны – Украина, Белоруссия и Молдавия, исторически благосклонные к русскому языку и славянской культуре. Языковая ситуация, сложившаяся в этих республиках к 1989 г., характеризовалась активным действием русско-украинского, русско-белорусского и русско-молдавского билингвизма. Это обеспечило русскому языку широкое использование в данных регионах с одновременной

общей проблемой языков мажоритарных этносов, которые ко времени развала СССР стали терять свою престижность, заняв место бытовых, «кухонных» языков и языков национальной интеллигенции, пришедшей к власти с распадом СССР.

Иная ситуация сложилась в республиках Балтии, где языки этнического большинства в силу целого ряда исторических обстоятельств, которые являются темой для отдельного разговора, сохранили большее распространение.

² Губогло М. Н. Языки этнической мобилизации. М., «Школа русской культуры», 1998. С. 352.

³ Россия и последние войны XX в. 1989-2000. К истории падения сверхдержавы. М., «Вече», 2002. 480 с.

⁴ Губогло М. Н. Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности. С. 12.

⁵ Сидоров М. И. Рамочная конвенция в процессе приведения национального законодательства в соответствие с международными нормами // *Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale: mecanismul de implementare. Din materialele seminarului internațional. Chișinău, Comrat, Bălți, 9–11 noiembrie 1999.* P. 46.

⁶ Подробно см.: Шорников П. Законодательная база гражданского конфликта в Республике Молдова. Вестник Приднестровского университета. Серия: Гуманитарные науки, 2001, № 2; Guțu V., Bălan E., Stănilă L. *Relațiile interetnice – componența relațiilor sociale* // Мысль № 4(18), декабрь, 2002. Кишинев. P. 45-52.

⁷ Бабилунга Н. В., Берил С. И., Бомешко Б. Г. и др. Феномен Приднестровья. Тирасполь, РИО ПГУ им. Т. Г. Шевченко, 2000. С. 150.

⁸ Губогло М. Н. Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. М., «ЦИМО», 1993. С. 128.

⁹ Закон Республики Молдова о функционировании языков на территории Молдавской ССР // Вести, 1989, №9.

¹⁰ Необходимо отметить, что такое право предоставлялось и в Конституции 1978 г., а именно: согласно ст. 34, «граждане МССР различных рас и национальностей» имели «равные права..., возможность пользоваться родным языком и языками других народов СССР», а согласно ст. 43, граждане МССР имели право на образование и «возможность обучения в школе на родном языке». Вот этот последний пункт, следует признать, не работал, в Советской Молдавии была установлена система образования лишь на молдавском и русском языках.

¹¹ Автор каждый год выезжает в этнографические экспедиции в разноэтничные села Молдовы и неоднократно констатировал, что старшее поколение, после 50 лет, практически не читает молдавские газеты, потому что не понимает латинской графики, особенно в селах нацменьшинств.

¹² Бойко П. А. О Конституции МССР 1978 г. // Вехи молдавской государственности. Кишинев, «Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул Милеску», 2000. С. 233; Вероятно, на такое решение при принятии республиканской Конституции повлияла Конституция СССР, которая предусматривала «равенство всех граждан СССР различных рас и национальностей». Осуществление этих прав обеспечивалось «политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей СССР, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР» (ст. 36 Конституции СССР, 1978 г.). Другая, 45 статья Конституции СССР, равно как и статья 43 Конституции МССР 1978 г., гарантировала возможность получать образование в школе на родном языке. Немало было сделано, многое осталось нереализованным. Наибольшее благоприятствование получили языки союзных республик и русский язык, а вот что касается языков других национальных меньшинств, то они оказались заложниками системы: например, украинский язык имел такое же право на существование, как молдавский, но условия для его изучения были лишь в советской Украине. В Молдавии же можно было учиться на молдавском и русском языках (последний считался языком межнационального общения). Молдавские школы функционировали в Украине в местах компактного проживания молдаван, они сохранились после трансформации границы между Украиной и Молдавией, осуществленной в 1940 г.

Вообще считалось, что граждане, которые хотят учиться на своем родном языке, могут беспрепятственно переехать в ту союзную республику, где созданы условия для его изучения.

¹³ Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Ежегодный исторический альманах Приднестровья, 2000, № 4. С. 33.

¹⁴ Закон Республики Молдова о гражданстве // *Monitorul Oficial*, N. 006 din 30.06.1991.

¹⁵ 15 августа 2006 г. актив Союза украинцев «Барвінок» г. Кишинева и Общество Жінок українок, провели в украинской библиотеке города круглый стол «Роль украинцев Молдовы в построении Молдавского государства». На встречу были приглашены депутаты молдавского Парламента, принимавшие историческое решение о независимости Молдовы: Н. Олейник, С. Мыслицкая, М. Пласейчук, Н. Андроник, В. Урсу, которые в своих выступлениях отметили, что решение о демократическом предоставлении гражданства всем без исключения жителям бывшей МССР далось в нелегких условиях и дискуSSIONНЫХ баталиях. Ими была подчеркнута важность данного решения как одного из государствообразующих.

¹⁶ Базовый доклад о положении в области прав человека в Республике Молдова. Кишинэу, 2003. С. 72.

¹⁷ Закон № 1024 «О гражданстве» // *Monitorul Oficial*, nr. 098 din 10.08.2000.

¹⁸ Молдавские ведомости № 27 (827), от 12 апреля 2006. С. 2.

¹⁹ Закон «О воинской службе граждан ССР Молдова» // *Булетинул Офичиал*, № 008 дин 04.09.1990.

²⁰ Закон № 691 «О Декларации о независимости Республики Молдова», принят 27.08.1991 // *Monitorul Oficial*, nr. 011 din 30.12.1991.

²¹ Там же.

²² Губогло М. Н. Именем языка. М., «Наука», 2006.

²³ 9 июля 1991 г. выходит Постановление Правительства Республики Молдова «О мерах по обеспечению дальнейшего развития русской национальной культуры в республике». 12 августа 1991 г. Президент РМ издает Указ № 161 «О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению

социальных нужд еврейского населения Республики Молдова». 9 декабря 1991 г. Правительство Республики Молдова принимает Постановление № 682 «О претворении в жизнь Указа Президента Республики Молдова от 12 августа 1991 г. О мерах по обеспечению развития еврейской национальной культуры и удовлетворению социальных нужд еврейского населения Республики Молдова. 30 марта 1992 г. выходит новый Указ Президента РМ № 79 «О некоторых мерах по развитию болгарской национальной культуры». 23 июня 1992 г. принимается соответствующее Постановление Правительства РМ «О развитии национальной культуры болгарского населения Республики Молдова».

²⁴ Грек И. Департамент – это «серьез и надолго» // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări. Chișinău, «Cartea Moldovei». P. 27-28 (часть на молдавском языке). С. 31 (часть на русском языке).

²⁵ Там же.

²⁶ Губогло М. Н. Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности // В лабиринтах самоопределения и самоутверждения: этническая мобилизация национальных меньшинств. М., 2003. С. 376-377.

²⁷ Губогло М. Н. Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. С. 170.

²⁸ Лейтин Д. Д. Теория политической идентичности // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М., 1999. С. 101.

²⁹ На основании Постановления Парламента № 36-XIII от 1 апреля 1994 г. аттестация кадров на знание государственного языка была временно приостановлена. Согласно этому же документу, была создана комиссия, изучившая, совместно со специалистами, состояние дел, связанных с подготовкой к аттестации. По результатам ее деятельности члены комиссии пришли к решению, что не все категории граждан, предусмотренные статьей 7 Закона о функционировании языков на территории Республики Молдова готовы к аттестации. 17 июня 1994 г. Парламентом Республики Молдова было принято Постановление в мерах по обеспечению изучения государственного языка некоторыми категориями граждан Республик Молдова в целях выполнения ими служебных обязанностей, подписанное Председателем Парламента, будущим – Президентом Молдовы П. Лучинским.

³⁰ Шорников П. М. Покушение на статус. Кишинев, «Инесса», 1997. С. 218.

³¹ Там же.

³² Так, 23 декабря Парламент Республики Молдова утверждает Закон об особом юридическом статус Гагауз Ери (Гагаузия).

³³ Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья // Исторический альманах Приднестровья, 2000, № 4. С. 13.

³⁴ Закон № 337 «О Государственном гербе Советской Социалистической Республики Молдова», принят 03 ноября 1990 г. // Булетинул Официал, № 011 дин 03.11.1990.

³⁵ Постановление Парламента № 17, принято 24 мая 1990 г. // Булетинул Официал, № 005 дин 24.05.1990 Изменено Законом № 82-XII «О внесении дополнений в Положение о Государственном флаге Советской Социалистической Республики Молдова», принятым 05 июня 1990 // Булетинул Официал, № 006 дин 05.06.1990.

³⁶ Шорников П. М. Три проекта Конституции Республики Молдова // Вехи молдавской государственности. Кишинев, «Ассоциация ученых Молдовы им. Н. Спэтарул Милеску». С. 323.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 325

³⁹ Закон № 571 о Государственном гимне Республики Молдова, 22.07.1995 // Monitorul Oficial, nr. 045 din 17.08.1995. В дальнейшем документ изменялся 15.10.98, Закон о внесении дополнений в Закон № 160 «О Государственном гимне Республики Молдова» // Monitorul Oficial, nr. 105 din 26.11.1998 г. и nr. 543 от 12.10.2001 // Monitorul Oficial, № 141-143 din 22.11.2001.

⁴⁰ Матеевич А. М. Избранное. Перевод Д. Ольченко. Подготовка текста, составление, вступ. статья и примечания С. Пынзару. Кишинев, «Литература артистикэ», 1988. С. 44.

⁴¹ Ст. 1. Закона № 571 о Государственном гимне Республики Молдова, 22.07.1995 // Monitorul Oficial, nr. 045 din 17.08.1995.

⁴² Сидоров М. И. Рамочная конвенция в процессе приведения национального законодательства в соответствие с международными нормами. С. 46.

⁴³ Guțu V., Bălan E., Stănilă L. Relațiile interetnice – componenta relațiilor sociale // Мысль, № 4(18), декабрь, 2002. Кишинев. P. 53-55.

⁴⁴ См. Кишиневские новости, 12 ноября 1994 г.; Независимая Молдова, 28 сентября 1994 г.; Служба социальной справедливости, 30 ноября 1994 г. и др. Подробнее см.: Шорников П. М. Покушение на статус. С. 120-129.

⁴⁵ Шорников П. М. Указ. раб. С. 121-122.

⁴⁶ Закон Республики Молдова об образовании // Monitorul oficial al Republicii Moldova, nr. 62-63/692 din 09.11.1995.

⁴⁷ В соответствии с Законом о внесении изменений и дополнений в Закон об административно-территориальном устройстве Республики Молдова (№ 650-XIV 22 октября 1999 года), был образован уезд Тараклия, в состав которого вошло 27 населенных пунктов. 64% населения уезда составило болгарское население. Это единственный прецедент формирования в республике административно-территориальной единицы (без особого статуса) с учетом этнодемографического состава населения региона.

⁴⁸ Уезды сохранялись в республике до 2002 г.

⁴⁹ Постановление об этнокультурном фестивале // Monitorul oficial, nr. 157 din 5 februarie 2002.

⁵⁰ Пакт Молотова-Риббентропа и его последствия для Бессарабии. Кишинев, 1991; Стати В. История Молдовы. Кишинев, «S. p.», 2002. С. 396.

- ⁵¹ Шорников П. Под чужой вывеской. Рецензия на книгу «Пакт Молотова-Риббентропа и его последствия для Бессарабии». Кишинев, 1991;
- ⁵² Дело дошло даже до принятия Постановления Парламента «О международной конференции «Пакт Молотова-Риббентропа» и его последствия для Бессарабии», № 554 // Булетинул Официал, № 000 дин 09.04.91.
- ⁵³ Губогло М. Н. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., «Пробел», 2000. С. 46-47.
- ⁵⁴ Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., «Алгоритм», 2000. С. 335.
- ⁵⁵ Ностальгия по советскому прошлому и СССР подтверждается материалами этносоциологических исследований.
- ⁵⁶ Сидоров М. Законодательство Республики Молдова о правах национальных меньшинств // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări, Chișinău, «Cartea Moldovei». P. 31 (часть на молдавском языке). С. 34 (часть на русском языке).
- ⁵⁷ Сидоров М. И. Рамочная конвенция в процессе приведения национального законодательства в соответствие с международными нормами. С. 44-45.
- ⁵⁸ Ibidem. P. 31, 32 (часть на молдавском языке). Там же. С. 34,36 (часть на русском языке).
- ⁵⁹ Пояснительный доклад к Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Пункт 12.
- ⁶⁰ Культура і побут населення України. Київ, «Либідь». 1993. С. 282.
- ⁶¹ Сидоров М. Законодательство Республики Молдова о правах национальных меньшинств. P. 31 (часть на молдавском языке). С. 34 (часть на русском языке).
- ⁶² Відомості Верховної Ради України. 1992. № 36. Ст. 529.
- ⁶³ Следует отметить, что в современном обществе процессы в среде политической элиты протекают несколько иначе и более оперативно, нежели в среде рядовых граждан.
- ⁶⁴ Из этических соображений автор не называет фамилии в качестве примеров.
- ⁶⁵ Мера цивилизованности общества. Интервью с Петром Шорниковым, доктором истории, депутатом парламента в 1990-1998 г. // Кишиневские новости, 08.08.2003. С. 3; Шорников П. Концепция надежды // Независимая Молдова, 23.10.2003. С. 2-3.
- ⁶⁶ Авторитетный исследователь М. Н. Губогло в своей монографии «Идентификация идентичности» (2003 г.) высказывает мысль о том, что «Республика Молдова претендует на статус унитарного государства с предоставлением национальным меньшинствам некоторых прав на автономизацию. При этом в основу гражданской (государственной) идентичности закладывается не идея нации-государства в западноевропейском смысле (нация-население), а идея этноса-государства, когда нация понимается в восточноевропейском смысле (нация-этнос)» // Указ. раб. М., «Наука», 2003. С. 433-434.
- ⁶⁷ Абрамчук В. Прделанная нами работа не была напрасной // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări. P. 22 (часть на молдавском языке). С. 24 (часть на русском языке).
- ⁶⁸ Млечко Т. Системность, перспектива и последовательность // Независимая Молдова, 05.09. 2003. С. 4.
- ⁶⁹ Проект Концепции государственной национальной политики Республики Молдова // Независимая Молдова, 25.06.2003. С. 4-5.
- ⁷⁰ Безмятежным обсуждение Концепции не будет. Интервью с председателем Парламентской комиссии по правам человека и нацменьшинствам М. Сидоровым // Кишиневские новости. № 39 (658), от 01.08.2003. С. 1.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² Млечко Т. Системность, перспектива и последовательность...
- ⁷³ Шорников П. Концепция надежды...
- ⁷⁴ Сковцова А. Концепция государственной национальной политики Молдовы и международные стандарты прав нацменьшинств // Русское слово, № 15 (59), август 2003. С. 3.
- ⁷⁵ Степанов В. Манифест консолидации // Русское слово, № 14 (58), август 2003. С. 1,6.
- ⁷⁶ Ca să fie liniște în țară, proiectul Concepției trebuie modificat radical. Nadina Gheorghită - interviu cu Albina Dumbrăveanu // Capitala, № 73 (43), 20 septembrie, 2003. P. 2; Высказывания против Проекта Концепции имели место и в других номерах издания. Concepția politicii naționale de stat elaborată de Vladimir Voronin, este o încălcare flagrantă a drepturilor omului // Capitala № 71 (429), 13 septembrie, 2003. P. 3
- ⁷⁷ Этим он отличается от приднестровской схемы, которая придала государственный (de jure) статус трем языкам – молдавскому, украинскому и преобладающему (de facto) в регионе русскому, тем самым сохранив практически без изменений схему, распространенную в Приднестровье в годы Советской власти..
- ⁷⁸ Международный опыт защиты соотечественников за рубежом. Мировая и отечественная практика, М., 2003. С. 67-79; Конгресс соотечественников, проживающих за рубежом. 11–12 октября 2001 г. Итоговые материалы. М., «Дрофа», 2001. С. 182-184, 356-357, 399-404 (выступления представителей Республики Молдова и Приднестровья) и др.
- ⁷⁹ Полоскова Т. В. Современные диаспоры. Внутриполитические и международные аспекты. М., «Научная книга», 2002. 284 с; Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. Кишинэу, «Cartes», 2000. С. 20-35 (раздел, посвященный анализу нормативно-правовой базы и практики регулирования трудовой миграции) и др.
- ⁸⁰ Указ Президента Республики Молдова № 1638-11 от 30 августа 2000 г. «О поддержке и сотрудничестве с выходцами из Республики Молдова, проживающими за рубежом»; Постановление Правительства Республики Молдова № 1322 от 29 декабря 2000 г. «О некоторых мерах по поддержке выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом».
- ⁸¹ Постановление Правительства Республики Молдова № 883, от 18.08.1998 об организации Первого международного конгресса евреев – выходцев из Республики Молдова // Monitorul Oficial, nr. 081 din 03.09.1998.

⁸² Первый конгресс выходцев из Республики Молдова, проживающих за рубежом. Доклады, выступления, другие материалы. Кишинэу, 7–9 октября 2004. Chișinău, 2004. С. 86 и др.

⁸³ На момент переписи за пределами страны находились 273 тыс. граждан, из которых 130 тыс. – длительное время // Молдавские ведомости, № 27 (827), от 12 апреля 2006 г. С. 2; Приднестровский «Днестровский курьер», со ссылкой на данные Международной организации по миграции, дает несколько иные цифры – на конец 2005 г. по, за рубежом находятся около 571 тыс. граждан Республики Молдова, Большая их часть (58,2%) работает России, 18,9% – в Италии, 5% – в Португалии и 2% – в Греции // Днестровский курьер, № 47 (78), от 24.11.2005. С. 4.

⁸⁴ Млечко Т. П. Государственная политика Республики Молдова в сфере гармонизации межэтнических отношений // Aspecte juridice ale societății civile: relații și perspective. P. 35.

⁸⁵ Базовый доклад о положении в области прав человека в Республике Молдова. Кишинэу, 2003. С. 75.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Скворцова А. Ю. Права человека для всех в условиях этнического многообразия // Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale: mecanismul de implementare. Din materialele seminarului internațional. С. 64.

⁸⁸ Там же. С. 69.

⁸⁹ Постановление № 217, от 28 июля 1990 г. «О присоединении ССР Молдова к Всеобщей декларации прав человека и о ратификации международных договоров о правах человека» // Булетинул Официал, № 008 дин 28 юлие 1990, арт. 534.

⁹⁰ Постановление № 217 от 28.07.1990 г. «О присоединении ССР Молдова к Всеобщей декларации прав человека и о ратификации международных договоров о правах человека» // Булетинул Официал, № 008 дин 28.07.90, арт. 534.

⁹¹ Скворцова А. Ю. Права человека для всех в условиях этнического многообразия. С. 65.

⁹² В процессе сбора экспедиционного материала автору неоднократно доводилось слышать жалобы респондентов на неправильно оформленные документы, в которых, к примеру, имя Иван писалось Ион, Петр становился Петру и т. п. При работе с архивами Департамента национальных отношений Республики Молдова не раз приходилось встречаться с жалобами по подобным вопросам.

⁹³ В 1999 г. в связи с поручением Правительства Республики Молдова Департаментом был составлен первый официальный доклад Совету Европы о реализации Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств. Позже, в 2001 г., по запросу Совета Европы была подготовлена дополнительная информация к этому докладу. См.: Петухова В. Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: опыт реализации в Республике Молдова // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări. P. 162 (часть на молд. языке). С. 175 (часть на русск. языке).

⁹⁴ За период 1995–2001 гг. в Республике Молдова поменялось 5 составов правительств.

⁹⁵ В Сербии и Черногории присоединились к Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств. С 1 июля 2006 г. украинский язык получит на этих землях статус регионального языка. Украинская диаспора в Сербии насчитывает 5,5 тыс. чел. (сравним с количеством украинцев Республики Молдова по данным переписи 2004 г. – 283 тыс. 367 чел. (8,4%). После вступления в силу решения сербского правительства украинский язык будет использоваться в делопроизводстве местных органов власти, в судах, медицинских учреждениях, в учебных заведениях всех уровней. Газета «Днестровский курьер», № 15 (98) от 13 апреля 2006 г. (С. 3), со ссылкой на сайт Интернета (www.ostro.org), отмечает, что этот случай будет первым, так как украинский язык раньше не имел официального статуса ни в одной стране мира. Любопытна еще одна мысль, подчеркнутая в публикации, касающаяся и Республики Молдова: «Представители украинской диаспоры в Сербии утверждают, что с приданием украинскому языку нового статуса в общественной и культурной жизни диаспоры особых перемен не произойдет. В свою очередь, украинские эксперты не советуют властям Украины перенимать сербский опыт в отношении русского языка».

⁹⁶ Губогло М. Н. Национальные меньшинства Молдовы: генезис и типология идентичности. С. 377.

⁹⁷ Там же С. 378.

⁹⁸ Персональный состав Молдавской части Смешанной межправительственной комиссии по проблемам обеспечения прав национальных меньшинств: Вера Петухова – первый заместитель Генерального директора Департамента межэтнических отношений, председатель Молдавской части комиссии; Георгий Иваногло – заместитель Генерального директора Департамента межэтнических отношений, заместитель председателя Молдавской части Комиссии; Анжела Полякова – главный специалист управления международных связей и диаспоры Департамента межэтнических отношений, секретарь комиссии. Члены молдавской части комиссии Николай Черномаз – Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Молдова в Украине; Валерия Шейкан – первый заместитель министра культуры; Ион Черный – советник Главного управления Восточной Европы и Центральной Азии Министерства иностранных дел; Сергей Яцко – директор Государственной службы по проблемам культур; Татьяна Левандовская – заместитель начальника Управления международных связей и диаспоры Департамента межэтнических отношений; Алла Никитченко – главный специалист Управления национальных меньшинств Министерства просвещения; Василий Панчук – примар м. Бельцы. См.: Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări. P. 184 (часть на молд. языке). С. 198 (часть на русск. языке).

⁹⁹ Одесса – Кишинев: новые рубежи // Независимая Молдова, 05 ноября 2002 г. 100 См. Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări. P. 202-205 (часть на молдавском языке). С. 218-221 (часть на русском языке).

¹⁰⁰ См. Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Documente, date, fapte, comentări. P. 202-205 (часть на молдавском языке). С. 218-221 (часть на русском языке).

ГЛАВА II.
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО
В ОБЛАСТИ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
И СВОБОД УКРАИНЦЕВ, РАСПРОСТРАНЕННОЕ В ЛЕВОБЕРЕЖНОМ РЕГИОНЕ
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
(НЕПРИЗНАННОЙ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ)

Ситуация сложилась так, что в Республике Молдова, в период локальных конфликтов на территориях стран бывшего соцлагеря, тоже произошел вооруженный прецедент, Приднестровский конфликт перевернул новую страницу во взаимоотношениях двух берегов Днестра. Уже 15 лет осуществляются попытки нормализовать отношения между официальным Кишиневом и непризнанным Тирасполем. За достаточно длительный срок раскола в левобережных районах сложились непризнанные институты власти и такое же непризнанное вне этих пяти районов законодательство. То, что на территории Приднестровья проживает 159,984 тыс. украинцев, которые составляют третью часть всех жителей самопровозглашенного государства, требует коротко остановиться на законодательных актах, принятых в ПМР за последние полтора десятка лет и направленных на обеспечение их этнических и гражданских прав.

Приднестровские земли отличаются спецификой в отношении как своей истории, так и населения. Тремя основными этносоциальными группами, населяющими их, выступают молдаване, украинцы и русские¹. Перед самым распадом СССР, по результатам переписи 1989 г., население Приднестровья представляло собой наличие трех, практически равновеликих этносоциальных групп (93,6%), из которых молдаване составляли 39,9%, русские – 24,5% и украинцы – 28,3%². Всего в крае проживало 679,7 тыс. чел.

Согласно предварительным результатам переписи в этом регионе, 11 ноября 2004 г. молдаване насчитывали 31,9%, русские – 30,3%, украинцы – 28,8%, болгары – 2,5%, гагаузы – 0,8% и белорусы – 0,6%³. Всего в регионе проживало 555,5 тыс. чел.⁴

Непризнанная Приднестровская Молдавская Республика была провозглашена 2 сентября 1990 г. на Втором съезде народных депутатов всех уровней. За время своего существования данное образование создало внутри себя все атрибуты суверенного государства: Конституцию, систему законодательства, законодательную (Верховный Совет) и исполнительную (Президент и Кабинет Министров, судебная система и пр.) ветви власти, ввело свою государственную атрибутику (герб, флаг, гимн) и собственную валюту.

Исходя из поставленных целей и задач попытаемся рассмотреть систему обеспечения прав изучаемого украинского населения во внутреннем законодательстве самопровозглашенной ПМР (так как в связи со своим непризнанным статусом Приднестровье не может присоединяться к международному законодательству).

Несколько слов необходимо сказать о Конституции Приднестровья. В своих исследованиях идентичности М. Н. Губогло, подробно изучавший феномен Приднестровья, остановился на анализе Конституции, подчеркнув, что она принималась всенародно⁵. Он использовал понятие региональной идентичности, которое детально рассмотрел в своей фундаментальной монографии «Идентификация идентичности». По мнению ученого, «фундаментом и гарантом региональной идентичности населения Приднестровья является ее Конституция...

Буква и дух этой Конституции призваны утвердить симбиоз гражданской и региональной идентичности. И, похоже, до тех пор, пока не будут окончательно урегулированы отношения между Тирасполем и Кишиневом на надежной правовой основе, эти две идентичности будут совпадать, раскрывая смысловую нагрузку»⁶. Исследователь показал отражение в документе различных форм идентичности: национальной (ст. 43), конфессиональной (ст. 30), имущественной (ст. 37), гражданской (ст. 3) и др.⁷

Авторы краткого постатейного комментария Конституции ПМР Балала В. А., Берил Т. А., Калякин О. А., Карамануца В. И., Федорчуков Я. Ф. обращают внимание читателя на наличие в преамбуле характеристики приднестровского народа как многонационального, соединенного «общей судьбой на своей земле, ответственного за Родину перед нынешним и будущим поколениями»⁸.

В ст. 43, посвященной национальной идентичности, говорится, что «каждый имеет право сохранять свою национальную принадлежность, равно как никто не может быть принужден к определению и указанию национальной принадлежности. Оскорбление национального достоинства преследуется по закону. Каждый имеет право пользоваться родным языком, выбирать язык общения».

В ст. 3, затрагивающей гражданскую идентичность, подчеркивается равенство гражданства ПМР «для всех граждан, независимо от оснований его приобретения». Статья предусматривает возможность наличия двойного гражданства. Здесь же отмечается: «Иностранцы граждане и лица без гражданства пользуются правами и свободами граждан ПМР, если иное не установлено законом»⁹. Конституционный закон непризнанной ПМР «О гражданстве ПМР», принятый 10 июля 2002 г., также предусматривает наличие двойного гражданства, которое не влечет прекращения гражданства ПМР¹⁰.

Поданным «Приднестровья» от 17 марта 2006 г., в непризнанной ПМР насчитывалось 67 тыс. граждан Украины¹¹ (около 42% от общей численности украинцев в регионе). На 1 января 2006 г. 44,8% жителей Приднестровья обладали удостоверениями личности нового образца. Из них 189 тыс. человек – граждане Республики Молдова, 3176 – иностранные граждане или лица без гражданства¹².

Стремление получить гражданство еще одной страны объясняется не только патриотическими чувствами, но и еще целым рядом причин. Среди них: поиск утраченной стабильности, желание расширить свои экономические возможности, найти свое место под солнцем в условиях трансформационного прессинга и т. п.

Закон ПМР «О паспорте гражданина ПМР» затрагивает право на выбор этнической идентичности. В общих положениях подчеркивается, что «с согласия граждан в паспорте может производиться запись о национальности, соответственно национальности родителей. Если родители принадлежат к разным национальностям, то при выдаче паспорта впервые национальность записывается по национальности отца или матери в зависимости от желания получателя паспорта. В дальнейшем запись о национальности изменению не подлежит»¹³. В данном документе сохранены правила оформления национальной принадлежности, действовавшие еще в Союзе ССР, за исключением формулировки «с согласия граждан».

Одной из причин конфликта между двумя берегами Днестра стал языковой фактор. В отличие от Пруто-Днестровских районов Республики Молдова, где, как говорилось выше, государственным языком был провозглашен только молдавский язык на основе латинской графики, в самопровозглашенном Приднестровье «статус официального языка на равных началах придается молдавскому, русскому и украинскому языкам» (ст. 12). О болезненности языкового вопроса свидетельствует

то, что равноправный правовой статус молдавского, русского и украинского языков был закреплен Декларацией о суверенитете ПМР, принятой на первой сессии Верховного Совета ПМ ССР первого созыва 8 декабря 1990 г.¹⁴

8 сентября 1992 г. на очередной сессии Верховного Совета непризнанного Приднестровья принимается Закон о языках¹⁵, в ст. 4 которого, в частности, подчеркивается, что Верховным Советом ПМР принимается «Государственная программа развития языков в ПМР»¹⁶.

Законодательство непризнанного Приднестровья, в отличие от законодательства Республики Молдова, закрепило за письменной формой выражения молдавского языка «исконный кириллический алфавит»¹⁷. Причем в документе подчеркивалось, что «навязывание молдавскому языку латинского алфавита влечет за собой ответственность, предусмотренную законом»¹⁸.

Столь принципиальная позиция возникла на основе антирумынского противостояния, которое послужило еще одной причиной раскола страны. Проблема усугубилась за счет такой стороны многогранника идентичности, как вопрос этнической и гражданской идентификации молдаван двух берегов Днестра. По справедливому мнению М. Н. Губогло, «для части молдаван Правобережья возник мучительный вопрос о соотношении молдавской и румынской идентичностей. После объявления Приднестровья республикой для проживающих в ней молдаван стал актуальным вопрос о том, кто они такие? Остались ли они неотъемлемой частью молдавского этноса или обрели статус диаспоры? Точно такой же вопрос вправе себе задать и часть правобережных молдаван. Все смешалось. Где "центр" молдавского народа, где его диаспора? На правом или на левом берегу Днестра? Увы, несмотря на парадоксальность, эти вопросы обрели далеко не шуточное значение»¹⁹.

Продолжая мысль исследователя, можно констатировать, что проблема молдавской этнической и гражданской идентичностей не может не беспокоить представителей других национальностей двух берегов Днестра, ведь производные от молдавского этнонима присутствуют в названиях как Республики Молдова, так и непризнанной Приднестровской Молдавской Республики. Кроме того, в составе современной Румынии тоже находится историческая земля, с центром в г. Яссы, именуемая Молдовой (так называемая Запрутская Молдова). Таким образом, становится видно, какой запутанный клубок идентификационных нитей может получиться при разных этнополитических сценариях.

Закон «О культуре» призван «гарантировать гражданам ПМР право на сохранение и развитие своей культурно-национальной самостоятельности, защиту, восстановление и сохранение исконной культурно-исторической среды обитания (ст. 20 Конституции ПМР), обязав граждан уважать культуру, язык, традиции, обычаи и обряды многонационального народа ПМР (ст. 19 Конституции ПМР)»²⁰.

Еще в период противостояния, 12 марта 1991 г., Верховный Совет непризнанной ПМР принимает Постановление «О первоочередных мерах по сохранению самобытности молдавского народа, его языка и культуры». Позже, в 1992 г., выходит Постановление Верховного Совета ПМР о ходе выполнения Постановления Верховного Совета «О первоочередных мерах по сохранению самобытности молдавского народа, его языка и культуры»²¹. 14 августа 2003 г. подписан Приказ Министерства просвещения ПМР «Об утверждении и введении в действие I части разработки ("Режимул ортографик, ортоепик ал функционэрий лимбий молдовенешть ын Република Молдовеняскэ Нистрянэ") (Орфографические, орфоэпические нормы функционирования молдавского языка в ПМР)»²². Эти законодательные шаги, естественно, должны были отразиться на стереотипизации

идентификационных ценностей как молдаван, так и украинцев (шире – нацменьшинств) Приднестровья.

Говоря о законодательных актах непризнанной ПМР, нельзя не остановиться на законах, направленных на образование населения Левобережья Днестра. Закон ПМР «Об образовании» был подписан еще 19 апреля 1994 г. Одним из принципов политики в области образования в нем, в частности, провозглашается «связь с национально-культурными традициями» (ст. 4, п. 2)²³. Ст. 6 документа посвящена языку обучения. В ней, подчеркивается, что «кроме языка обучения, если он является одним из официальных языков ПМР, обучающиеся изучают второй официальный язык ПМР. Если язык обучения не является одним из официальных языков ПМР, то обучающиеся обязаны изучить один из официальных языков ПМР». Далее отмечается, что свобода выбора языка обучения обеспечивается созданием необходимого числа соответствующих образовательных учреждений, классов, групп и созданием необходимых условий для их функционирования»²⁴. Позже, 21 мая 2003 г., принят новый Закон «Об образовании»²⁵. Следующим витком законотворчества в области образования стал в Приднестровье 2005 год. Тогда принимается целый пакет «целевых программ» по развитию образования: Закон ПМР об утверждении Государственной целевой программы «Развитие образования на молдавском языке в ПМР» на период 2005–2009 гг.²⁶ и Закон ПМР об утверждении Государственной целевой программы «Развитие образования на украинском языке в ПМР» на период 2005–2009 гг.²⁷ Цель последней заключалась в формировании «целостной, разноуровневой, социализирующей системы образования на украинском языке в ПМР». При этом «базовым условием развития образования на украинском языке является право граждан выбирать для себя или своих детей язык обучения. Государство обязано создать условия для реализации потребностей граждан в получении образования на родном (украинском) языке. Это предполагает формирование в республике непрерывного образования на украинском языке»²⁸.

Все финансирование Программы на 2005–2009 гг. составило 928 970 руб. республиканского бюджета, без использования местных бюджетных средств²⁹.

На формирование и развитие национальной (этнической) и гражданской идентичности украинцев Приднестровья оказывают влияние Закон ПМР «Об объединениях граждан» (Сборник документов, принятых на 1-8 заседаниях 9 сессии Верховного Совета 1-го созыва и Президиумом Верховного Совета ПМР в июле–сентябре 1993 г. С. 50-66), Закон «О средствах массовой информации» (Собрание актов законодательства ПМР, № 15, 14 апреля 2003 г. Официальное издание. С. 1530-1548).

Как и в правобережных районах Республики Молдова, на гражданские чувства подрастающего поколения, по сути выросшего в годы независимости и конфликта, оказывают воздействие законы «Об обороне» (Официальный вестник, 2000, № 48-50. С. 8-13), «О мобилизационной подготовке и мобилизации» (Там же. С. 13-16.)

Несколько слов нужно сказать относительно сравнения символики непризнанной ПМР с государственной символикой правобережных районов РМ, о которой речь шла выше. «Закон о государственной символике ПМР» (Принят Палатой Законодателей ВС ПМР 3 июля 2000 г., одобрен Палатой Представителей ВС ПМР 18 июля 2000 г. // Официальный вестник 2000, № 48-50. С. 26-28).

В создании своих государственных символов Приднестровье пошло менее революционным путем, чем официальные правобережные районы Республики Молдова. Оно не стало отказываться от привычного вида герба МССР, оставив его изображение практически без изменений (та же звезда, серп и молот, восходящее

солнце, гирлянда из привычных колосьев пшеницы, увитых виноградной лозой, фрукты и початки кукурузы), изменилось лишь название непризнанной республики, написанное на трех языках (молдавском, русском и украинском) на красном полотнище, обвивающем эту гирлянду.

Что касается флага непризнанного Приднестровья, то им, по сути, остался флаг МССР.

Статьи 19-24 гл. 4. указанного Закона посвящены описанию гимна и норм его использования. Согласно ст. 19, «Государственным гимном Приднестровской Молдавской Республики является музыкальное произведение, созданное на основе музыки Б. Александрова на слова Б. Парменова, Н. Божко, В. Пищенко», дальше в документе подчеркивается, 41 музыка и текст посвящены Приднестровью и ценностям всего населения. Приведем для примера слова первого куплета:

*«Мы славу поем Приднестровью,
Здесь дружба народов крепка,
Великой сыновней любовью
Мы спаяны с ним на века.
Восславим сады и заводы,
Поселки, поля, города –
В них долгие, славные годы
На благо Отчизны труда».*

На одной из многочисленных конференций, посвященных трансформационным процессам в постсоветском пространстве, – «Новая Россия: политика и культура в современном измерении», которая проходила 17 января 2003 г. в Российском государственном гуманитарном университете, в докладе Е. Н. Соколовой прозвучала интересная для темы нашего исследования идея: «В гимне ПМР отражены наиболее характерные мотивы когнитивной составляющей приднестровской идентичности – прежде всего вера в дружбу народов, объединенных любовью к приднестровской земле, в которую вложен труд людей различных национальностей»³⁰.

Нужно сказать, что после вооруженного конфликта в Приднестровье имели место несколько сценариев дальнейшего развития событий, в которых украинский фактор играл не последнюю роль. Среди них – воссоединение с Молдовой на особых правах (автономия, федерация и т. п.), вхождение в состав непосредственно граничащей с ним Украины, вхождение в состав Российской Федерации и, наконец, построение независимого государства ПМР. За истекшие 15 лет подходы и позиции к судьбе края менялись, но точка еще не поставлена³¹.

Очередным витком напряженности стала «экономическая блокада Приднестровья», это произошло как раз во время завершения работы над рукописью. То, что Украина оказалась напрямую задействованной в данном инциденте, естественно, вызвало реакцию в Приднестровье. Так антиблокадный Координационный Совет Приднестровья (АКС–2006) призвал Президента ПМР Игоря Смирнова и Верховный Совет республики вынести на референдум вопрос о вхождении ПМР в состав России³². По словам корреспондента «Днестровского курьера», «возможность союза России и Приднестровья поддержали председатель Союза украинцев Приднестровья Василий Проценко и председатель Союза молдаван Приднестровья Валериан Тулгара. Последний также отметил необходимость координации усилий всех общественных организаций в этом вопросе»³³. Таким образом, становится видно, что при наличии в Приднестровье четко выраженной региональной идентичности, она может выступать двояко. С одной стороны, в ней подчеркивается принадлежность народа к региону, с другой,

учитывая провозглашение этим регионом собственной независимости, она становится основой (частью) гражданской идентичности, которая при стабилизации обстановки будет развиваться уже на новом, более устойчивом уровне. Причем региональная идентичность сохранится и станет выступать как своего рода стержень гражданской идентичности более высокого (общего) порядка, в зависимости от того, кого в качестве основного партнера изберет для себя Приднестровье (или изберут для него).

Что касается районов Республики Молдова, входящих в состав Пруто-Днестровского междуречья, можно утверждать, что внутренне они также испытывают на себе влияние региональных ценностей, традиционно сложившихся внутри региона. После исчезновения бессарабской идентичности на ее территории сохранились локальные, историко-географические региональные идентичности, может быть, не так ярко выраженные, но, тем не менее, существующие, например население исторического Буджака, ныне находящегося в составе Украины и Молдовы, и исторической Буковины, которая оказалась поделенной между тремя странами – Молдовой (земли бывшего Хотинского уезда), Румынией (регион Сучавы) и Украиной (область Буковина)³⁴. Уже в состоянии независимости Республика Молдова подписала с Украиной и Румынией Соглашения об открытии еврорегионов *Нижний Дунай* и *Верхний Прут*. Пока эти еврорегионы только начинают поиск себя, но кто может сказать, как они повлияют на региональную идентичность граждан, проживающих в них, когда этот механизм заработает (если он, конечно, начнет действовать в полную силу)³⁵. Поэтому изучение проблем идентичности, в том числе и через призму нормативно-законодательной системы, которая отражает уровень состояния и векторы ориентации общества, важно как с научной, так и с практической, прикладной точки зрения.

Одним из многочисленных различий между двумя берегами Днестра стало отсутствие в Приднестровье четко выраженной оппозиции Смирнову и его сторонникам, а значит и курсу, проводимому в области национальной политики и гражданского строительства в непризнанной ПМР. Объясняется это, прежде всего, отсутствием влияния на протекающие в Приднестровье процессы со стороны международных и европейских организаций. Ситуацию можно сравнить с белорусской: благодаря закрытости от влияния международных организаций Приднестровье и Беларусь в своем национальном строительстве сохранили приоритеты, сформированные в годы Советской власти, которые зиждутся, прежде всего, на базе русского языка и русских (шире – восточнославянских) духовных ценностей. В Республике Молдова ситуация сложилась иначе, возобладала западная, европейская ориентация, что, конечно, сказалось и на законотворчестве, и на национальном строительстве.

По сути дела, в одной стране работают две идеологии и нормативно-правовые системы, формируются разные гражданские ценности.

* * *

Итак, в этом разделе мы остановились на динамике и анализе нормативно-правовой базы, регламентирующей культурно-языковые и гражданские права и свободы украинского населения республики в условиях иноэтничного окружения. Практика показала, что анализ внутреннего и международного законодательства может осуществляться в комплексе проблемы законодательного обеспечения национальных меньшинств соответствующими правами и обязанностями. Причем изучение вопроса нормативно-правового обеспечения в области культурно-языковых прав и свобод отдельно взятого национального меньшинства в Республике Молдова

не может рассматриваться в отрыве от процессов, протекающих в этнополитической жизни молдавского сообщества.

В связи с Приднестровским конфликтом и образованием непризнанной Приднестровской Молдавской Республики на территории бывшей МССР, как уже отмечалось, *de facto* существуют две Конституции, функционируют две нормативно-законодательные базы. Думается, что рассмотрение становления и развития нормативно-законодательных актов, истории и условий их появления, как уже отмечалось, позволит больше узнать друг о друге, а может быть, в чем-то понять.

Нормативно-законодательные акты, затрагивающие защиту культурно-языковых прав и свобод украинского населения, равно как и других национальных меньшинств, влияют не только на их этническую защищенность, но и на укрепление гражданских ценностей, чувства *патриотизма* (это, по моему мнению, очень важное понятие в последнее время, под влиянием критики советского прошлого, стало наделяться негативным, ироническим смыслом, что, тем не менее, не снижает его значимости в современных условиях).

При более широком рассмотрении нормативно-законодательных актов, воздействующих на укрепление и развитие чувства гражданственности, с одной стороны, следует назвать комплекс законов, нацеленных на обеспечение защиты прав и свобод личности, а с другой – подчеркнуть важность обязанностей, направленных на воспитание чувства долга и любви к Отечеству (например, «О подготовке граждан к защите Родины» или Законы о государственной символике Республики Молдова и т. п.). Поэтому несколько слов нужно было сказать об этих нормативно-законодательных актах. Прежде всего, следует отметить, что в отличие от законов, затрагивающих этническую проблематику, данные документы подходят к обеспечению прав и обязанностей граждан не избирательно, а охватывают всех без исключения.

Распад СССР и произошедший конфликт, в том числе и гражданских ценностей, поставил массу людей перед выбором. Ностальгия по нереализованному прошлому, которая до сих пор присутствует в сознании огромной массы людей по всему бывшему СССР, включая Республику Молдова (это хорошо прослеживается в репертуарах многочисленных развлекательных теле- и радиопрограмм: «Старые песни о главном» (1, 2, 3...), «Retro-FM» и др., которые любят и слушают люди разных национальностей (и возрастов), в том числе и в Молдове)³⁶. Естественно, законы о службе в армии, о государственной символике и др. представляют собой систему ценностей, оказывающих наибольшее влияние на гражданскую идентичность молодежи, наиболее восприимчивой части трансформационного сообщества, в котором молодые люди сформировались как личности, не имея возможности, в отличие от старших поколений, сравнивать ценности прошлого и настоящего. Поэтому особое место в процессе государственного строительства должно занимать подрастающее поколение. Именно на него необходимо делать основные ставки. В связи с этим принципиально важным представляется формирование у молодежи ценностного восприятия «политической нации», хотя само создание ее соотносится с отдаленной перспективой, и то лишь в случае сохранения целостности молдавской государственности и планомерной работы в этом направлении, с учетом многочисленных тонкостей, влияющих на формирование общей системы ценностей полиэтнического сообщества. Следует помнить, что в странах Европы понятия «гражданское общество» и «политическая нация» отработывались веками. Ряд европейских государств, в том числе Франция, Германия, а также соседствующая с Молдовой Республика Румыния пошли по пути

национального строительства, конечной моделью которого является формула «политическая нация=государство=народ».

Наше сообщество, несмотря на колоссальные скорости современных преобразований, делает лишь первые шаги в государственном строительстве и нормализации нерешенного конфликта. За пятнадцать лет после распада СССР и военных действий на Днестре на обоих его берегах сформировалось новое поколение со своими ценностями, приоритетами и видением будущего.

В учебных заведениях правобережных районов Республики Молдова украинцы, как и представители других национальностей, столкнулись с распространением ценностей румынского языка, культуры, истории, сохраняющих приоритетность в кругу основной массы кишиневской интеллигенции и в настоящее время. В Приднестровье преобладает восточная ориентация, а большая часть интеллигенции Тирасполя связывает свои надежды главным образом с Россией. Это необходимо понимать, для того чтобы представить себе, с какой сложной проблемой предстоит столкнуться, когда речь заходит о формировании «политической нации». Кроме того, в процессе создания нормативно-правовой базы в области национальной политики и гражданского воспитания законодательство Республика Молдова и непризнанного Приднестровья сформировали нормативно-правовой блок, оказывающий влияние на построение ценностных ориентиров среди взрослого населения и особенно у подрастающего поколения.

Исключением графы «национальность» в паспортах Республики Молдова осуществляется попытка сместить акцент с этнических ценностей на гражданские. Но неотработанность ценностно значимых критериев в обществе, слабая экономика и неуверенность в завтрашнем дне значительно замедляют распространение патриотических чувств среди представителей разных этнических групп, многие из которых вне зависимости от национальности вынуждены искать лучшей доли на чужбине³⁷. В поисках заработка покинули родные очаги и многие жители Приднестровья.

Озабоченность вызывает проблема двойного гражданства, реально существующая в стране. Речь идет не о ратификации Парламентом Республики Молдова «Европейской конвенции о гражданстве», предоставляющей двойное гражданство в ряде исключительных случаев, а о массовом принятии гражданами Молдовы второго гражданства соседней Румынии и стран СНГ.

Очевидно, социально-экономические трудности в нашей стране не являются причиной нерешенности национальной проблемы, они выступают лишь печальным фоном, усложняя ее разрешение. Доказательство этому - национальные вопросы, возникающие перед вполне благополучными сообществами Великобритании, Канады и т. п. Тем не менее, в связи с бедностью нашего государства многие из 300 тысяч принявших румынское гражданство стремятся найти себе лучший заработок в Румынии или других европейских странах, рассчитывая в перспективе на скорейшее принятие Румынии в Европейское Сообщество. Таким образом, субъективная причина нехватки денег на жизнь может породить более глобальную (в государственном масштабе) проблему сохранения этнической, а возможно, и государственной идентичности как таковой. Нельзя забывать, что «множественная идентичность может существовать внутри одного человека только до тех пор, пока нет необходимости делать выбор»³⁸.

В данной главе была изложена история становления и развития нормативно-законодательной базы, касающейся прав национальных меньшинств и направленной на поддержку и развитие этнической и гражданской идентичностей украинского населения, которое нельзя рассматривать в отрыве от других

национальных меньшинств. Вопрос гражданской идентичности в законодательстве двух берегов Днестра затрагивает еще более широкий пласт проблем, в том числе судьбу мажоритарного этноса, межэтнические отношения, языковую ситуацию, сложившуюся в крае. Все они неразрывно связаны друг с другом, вместе с тем о каждой можно написать отдельную работу. Тематика является очень обширной, потому остановиться во всех подробностях на ней сейчас не представляется возможным.

Примечания

¹ Первое заселение Приднестровья молдавскими поселенцами относится к XVI в. Колонизация края носила народную (естественную) и правительственную (переселенческую) формы. Приток молдаван за Днестр усилился во второй половине XVII в. Молдавский исследователь В. С. Зеленчук констатировал, что к этому времени в Поднестровье уже известны такие крупные молдавские села, как Рашков, Дубоссары, Цекановка, Роги и др. (Зеленчук В. С. Население Бессарабии и Левобережного Поднестровья. Кишинев, «Штиинца», 1979. С. 45) Заселение молдаванами районов Левобережного Поднестровья продолжалось и в последующие века (История ПМР. Т. I, Тирасполь, РИО ПГУ, 2000. С. 188, 191).

Украинское казачество в крае активно проявляет себя еще в XVI в. Период XVI–XVII вв. в преломлении к приднестровским землям в исторической литературе называют «временем казачьих войн». Отсюда на Молдавию выступали многочисленные казацкие предводители: Свирчевский, Вишневецкий, Подкова, Лобода, Наливайко, Сагайдачный, Хмельницкий, Куницкий и др. (Зеленчук В. С. Указ. раб. С. 54; Степанов В. П. Восточные славяне Молдовы: миграционные процессы, межэтнические контакты, развитие и сохранение идентичности (XIV–XVIII вв.) // Мысль, № 3 (25), ноябрь, Кишинев, 2004. С. 70-83).

Русскими переселенцами Левобережное Поднестровье начало заселяться в середине XVIII (Зеленчук В. С. Указ. раб. С. 55).

² История ПМР. Т. II. Ч. 2, Тирасполь, РИО ПГУ, 2000. С. 105.

³ Бурла М. П. Социально-экономическое развитие Приднестровья: история, факторы, современной состояние проблемы и перспективы // Экономика Приднестровья. Тирасполь, «Экономика Приднестровья», № 8, 2005. С. 6.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья. С. 13.

⁶ Там же. С. 13-14.

⁷ Там же. С. 13.

⁸ Балала В. А., Берил Т. А., Калякин О. А., Карамануца В. И., Федорчуков Я. Ф. Конституция ПМР. Краткий постатейный комментарий. Приложение к журналу «Бюллетень экономической и правовой информации». Тирасполь, 2000. С. 5.

⁹ Закон ПМР «О гражданстве» подчеркивает, что «гражданин ПМР может иметь гражданство и другого государства – двойное гражданство, если это не противоречит законодательству того государства, гражданство которого желает приобрести гражданин ПМР» (Сборник документов, принятых 38-46 сессиями I созыва и Президиумом Верховного Совета ПМР в июле-сентябре 1992 г. Тирасполь, 1992. С. 54).

¹⁰ Конституционный Закон ПМР «О гражданстве». Принят Верховным Советом ПМР 10 июля 2002 г./м Собрание актов законодательства ПМР № 30, 29 июля 2002. С. 5642-5643.

¹¹ «Приднестровье», № 50 (2825), от 17 марта 2006 г. Для справки: по данным Посольства РФ в Республике Молдова (20.03.2002), в Молдове проживало 80 тыс. граждан России, 80% которых относилось к Приднестровскому региону // <http://www.moldova.ru>

¹² Сколько у нас граждан Молдовы // Человек и его права, № 05 (102) от 15 февраля 2006 г. С. 1.

¹³ Закон ПМР № 104-3-111 «О паспорте гражданина ПМР» от 5 марта 2002 г. С. 1630.

¹⁴ Балала В. А., Берил Т. А., Калякин О. А., Карамануца В. И., Федорчуков Я. Ф. Указ раб. С. 27.

¹⁵ Закон ПМР о языках в ПМР // Сборник документов, принятых XXXVIII–XXXVI сессиями I созыва и Президиумом Верховного Совета ПМР в июле–сентябре 1992 г. С. 93-112.

¹⁶ Там же. С. 95.

¹⁷ Там же. С. 96.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Губогло М. Н. Тяжкое бремя конкурирующих идентичностей. Опыт Приднестровья. С. 14.

²⁰ Балала В. А., Берил Т. А., Калякин О. А., Карамануца В. И., Федорчуков Я. Ф. С. 60.

²¹ Сборник документов, принятых XXXVIII–XXXVI сессиями I созыва и Президиумом Верховного Совета ПМР в июле–сентябре 1992 г. С. 112-114.

²² Собрание актов законодательства ПМР – 2003 г., № 36. С. 4260-4274.

²³ Закон ПМР об образовании // Сборник законодательных актов ПМР. Год изд. четвертый, № 2 – 1994 г. (апрель–июнь). Тирасполь, 1994. С. 44.

²⁴ Там же. С. 46-47.

²⁵ Закон ПМР «Об образовании». Подписан 27 июня 2003 г. № 294-3-III // Собрание актов законодательства ПМР – 2003. № 26. С. 3010-3036.

²⁶ Закон ПМР №533-3-111 об утверждении Государственной целевой программы «Развитие образования на молдавском языке в ПМР» на период 2005–2009 гг. // Собрание актов законодательства ПМР – 2005. № 7. С. 926-934.

²⁷ Закон ПМР №534-3-111 об утверждении Государственной целевой программы «Развитие образования на украинском языке в ПМР» на период 2005-2009 гг. // Собрание актов законодательства ПМР – 2005. № 7. С. 934-943.; Датой решения о разработке Программы стало Постановление Верховного Совета ПМР от 20 мая 2004 г. № 1628 «О ходе выполнения Постановления ВС ПМР от 28 ноября 2001 г. № 350 "Об утверждении государственных целевых программ Развитие образования на украинском языке в ПМР и Развитие образования на молдавском языке в ПМР"». Постановления ВС ПМР от 11 июля 2002 г. № 684 «Об утверждении Целевой программы "Учебник" на 2002–2006 годы». См. Приложение к Закону ПМР «Об утверждении Государственной целевой программы "Развитие образования на украинском языке в ПМР на период 2005–2009 гг."» // Собрание актов законодательства ПМР – 2005. № 7. С. 935.

²⁸ Там же. С. 936.

²⁹ Там же. С. 935.

³⁰ Соколова Е. Н. Политико-культурные механизмы формирования идентичности конфликтной группы (на примере русскоязычного населения Приднестровья). Материалы межвузовской научной конференции, проходившей в МГУ, 17 января 2003 г. // <http://liber.rsuh.ru/Conf/New-Russia/sokolova.htm>

³¹ Скворцова А. Ю. Народ Приднестровья – собственная идентичность? // Электронный научный журнал «Молдавское научное обозрение», www.iatp.md/academicreview

³² Ефимов Д. Какой вопрос вынесут на референдум? // Днестровский курьер, №16 (99), от 20 апреля 2006 г. С. 1-2.

³³ Там же. С. 2.

³⁴ Современные буковинские аналитики уделяют серьезное внимание проблеме «буковинизма» (региональная идентичность) // Буковина 1918-1940 pp.: зовнішні впливи та внутрішній розвиток (Матеріали і документи) Упор. С. Д. Осадчука. Чернівці., «Зелена Буковина», 2005. Добржанський О. Д. Національний рух українців Буковини другої половини XIX – початку XX ст. Чернівці «Золоті литаври». 1999.

³⁵ Проблемам еврорегионального сотрудничества и межэтнических отношений посвящены регулярно проводимые в г. Черновцы международные конференции. Среди них можно назвать серьезный научный форум «Этнические взаимоотношения на территории еврорегиона «Верхний Прут», который проходил в Черновцах в июне 2001 г. Там же в мае 2003 г. обсуждалась проблема «Еврорегионы: потенциал межэтнической гармонизации».

³⁶ 6 марта 1994 г. в результате совещания с народом из 62% населения республики 98% высказались за суверенную и независимую Молдову (Stati V. Istoria Moldovei în date. Chişinău, 1998. P. 420).

Любопытными в этом контексте выглядят данные официальной историографии Приднестровья. Согласно предварительным итогам специального исследовательского проекта «Национальные процессы, языковые отношения и идентичность», осуществленного специалистами Института этнологии и антропологии РАН, кафедры политологии Чикагского университета и Приднестровского госуниверситета, в 1998 г. 78% жителей левого берега считали себя еще гражданами бывшего СССР, по правую сторону Днестра этот показатель составил лишь 40%.

Значительно расходятся мнения левого и правого берегов по вопросу идентификации приднестровцев. Так, 48% респондентов правого берега Днестра соотносят приднестровцев с населением Республики Молдова. В свою очередь 15% приднестровцев обнаружили свое сходство с населением Молдовы. В то же время 44% жителей левого берега идентифицировали себя с уникальной этносоциальной общностью, а 83% выступили приверженцами укрепления ПМР и ее ориентации на восточнославянский союз (подробнее см.: Бабилунга Н., Бомешко Б. Приднестровский конфликт. Исторические, демографические, политические аспекты. 1998. С. 35-37).

³⁷ Проблема разных форм миграции давно занимает умы молдавских политологов. Ей не раз были посвящены монографии и различные научные форумы. См., например: Мошняга В., Евдокимова Л., Коман А., Краузе А., Руснак Г. Трудовая миграция в лицах: люди и судьбы. Кишинэу, «CARTES», 2000; Moldova, România, Ucraina: integrarea europeană și migrațiunea forței de muncă. Chişinău, «CARTES», 2000; Население Молдовы и трудовая миграция: состояние и современные формы. Кишинэу, Молд. ГУ, 2000 и мн. др.

³⁸ Лейтин Д. Теория политической идентичности. С. 8

ГЛАВА III.
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ И ВЕДОМСТВ,
СПОСОБСТВУЮЩИХ МОБИЛИЗАЦИИ ЭТНИЧЕСКОЙ И ГРАЖДАНСКОЙ
ИДЕНТИЧНОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ
В РЕСПУБЛИКЕ МОЛДОВА
(НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ)

В настоящей главе внимание заострено на деятельности ряда государственных институтов и ведомств, занимающихся вопросами изучения украинского населения Республiке Молдова, обеспечения их культурных потребностей.

Целью в данном случае выступает освещение создания государством возможностей изучения и поддержки украинской культуры в Молдове в научно-исследовательских структурах и в системе исполнительной власти. Исходя из этого ставится задача рассмотрения деятельности Отдела истории, языка и культуры украинского населения Республiке Молдова Института межэтнических исследований, а также Бюро межэтнических отношений Республiке Молдова.

В форме гипотезы исследования проблемы выдвигается тезис, что в процессе развития этнокультурного движения в Молдове круг актуальных для него проблем в жизни общества и конкретного национального меньшинства будет расширяться, равно как, с другой стороны, будут возрастать попытки манипулировать и управлять этим национальным меньшинством со стороны любых, более или менее серьезных политических сил в стране.

III.1. Институт межэтнических исследований АНМ

С обретением Республiке Молдова независимости стал актуальным вопрос об углублении изучения проблем прошлого и настоящего национальных меньшинств республiке. Сегодня их решением занимается ряд научно-исследовательских учреждений, высших учебных заведений и общественных центров РМ.

В результате в феврале 1991 г. в составе АН РМ был создан Отдел по изучению национальных меньшинств, с 1 января 1993 г. преобразованный в Институт национальных меньшинств АНМ. В начале 1999 года он получил новое название – Институт межэтнических исследований АНМ.

С учетом основного состава не молдавского населения были сформированы пять структурных подразделений, которые представляют наиболее многочисленные национальные образования Молдовы: Отдел истории языка и культуры украинского населения Молдовы, Отдел истории, языка и культуры русского населения Молдовы, Отдел гагаузоведения, Отдел болгаристики, Отдел истории и культуры еврейского населения Молдовы. Позже были открыты Отдел комплексных проблем и Сектор изучения истории и культуры цыган Молдовы.

Институт, несмотря на трудности и проблемы, диктуемые жизнью, провел большую поисковую и научно-исследовательскую работу. К 2000 г. вышло свыше 40 книг по различным аспектам истории, языка и культуры этносов и этнических групп, населяющих современную Молдову. Этой же тематике посвящено множество научных статей. Общий объем трудов Института в тот период составлял более 300 авторских листов¹.

Институт начинался не просто. У меня нет цели подробно освещать историю этого ведомства, но несколько слов о его становлении сказать все-таки необходимо. Первые шаги – в качестве самостоятельного Отдела, а затем в виде нового

Института – начинались в сложные и противоречивые годы этнических чисток. Многие русскоязычные научные кадры были вынуждены тогда покинуть землю, которую привыкли называть своей родиной. Те, кто остался, были объединены в Отдел национальных меньшинств. Специалисты были самые разные. Основу его составляли русскоязычные историки из Института истории. Среди них достаточно назвать имена И. А. Анцупова, И. И. Левита, Я. М. Копанского, Л. Е. Репиды, Н. Н. Червенкова. Сильным было также и филологическое направление, представленное К. Ф. Поповичем, К. Б. Шишканом, Г. А. Гайдаржи. Известные искусствоведы П. Ф. Стоянов, З. Л. Столяр и др. разрабатывали проблематику, связанную с музыковедением, и т. д.

Попытка объединить специалистов разных наук под крышей одного научного учреждения не всегда приносит желаемые плоды. Но в данном случае «эксперимент» удался. Многие объясняется тем, что в составе института оказались люди, которые уже сформировали собственное имя в науке. Средний возраст научных сотрудников структуры в 2000 г. среди докторов наук составлял 41,5 лет, среди докторов хабилитат – 66,4 лет². У них был опыт и многолетние наработки. Именно поэтому научная продукция в Отделе, а затем в Институте стала появляться сразу, практически без перерыва. Институт межэтнических исследований АНМ представлял собой уникальное научное учреждение, единственное в странах постсоветского пространства. Этот факт отмечали ученые и политики многих стран, о нем писали в зарубежной периодике (США, Болгарии, Румынии, России, Украины и др.). Но имела место и обратная, менее сильная сторона, характеризующая новую академическую структуру, – тематическая ориентация основной массы исследований на проблемы прошлого. Сюда же следует отнести тенденцию, прослеживаемую на протяжении всей истории института – отсутствие притока новых научных кадров, обусловившее старение исследовательского коллектива. А ведь преемственность поколений в науке заключается в передаче навыков научного исследования. К сожалению, экономическая ситуация в республике довольно длительное время не благоприятствовала привлечению молодежи в науку.

Несколько слов необходимо сказать о деятельности Отдела истории, языка и культуры украинского населения Молдовы. Как и другие отделы Института, он был представлен специалистами разных направлений: историками, филологами, фольклористами. К сожалению, не все направления, по которым была начата работа, со времени создания структуры развивались столь динамично, как того хотелось бы. Сказалась, прежде всего, экономическая проблема, которая повлияла на текучесть кадров и привела к тому, что многие перспективные направления (история украинцев Молдовы в средние века, в новое время, этнодемографические процессы среди украинского населения в XIX–XX вв.) оставались слабо изученными. Что касается исследований филологии и этнографии, то они, в силу наличия специалистов, осуществлялись на всем протяжении истории института.

Работу в Академии наук Молдовы первого десятилетия периода трансформации можно по праву сравнить с проверкой людей на выживание. Но, несмотря на низкую зарплату, длительные отпуска за свой счет, по данным заведующего Отделом украинистики, доктора истории В. Г. Кожухаря, шесть сотрудников отдела за 10 лет подготовили к изданию 14 книг (из которых к 2001 г. было издано лишь 9), опубликовали более 200 научных, научно-популярных и методических статей, докладов и т. п.³, свыше 100 раз выступили на радио и телевидении, прочитали доклады на 50 международных и республиканских конференциях⁴.

Большой вклад в дело сохранения и приумножения сведений об украинском литературном наследии в Молдове, неисчерпаемом фольклоре внес один из

основателей Отдела межэтнических исследований, а затем долгие годы (с основания института по 2001) его директор – академик Константин Федорович Попович *. Его научные интересы чрезвычайно обширны, он один из признанных авторитетов в области эминесковедения⁵, проблем истории и теории молдавского, украинского и русского литературоведения⁶. Это далеко не полный список интересов К. Поповича, известного также в качестве талантливого писателя.

С первых лет существования Отдела сотрудники занимались сбором и анализом фольклорного наследия украинцев Молдовы. Результат активной собирательской работы не заставил себя ждать. В 1994 г. была снаряжена экспедиция в северные регионы Республики Молдова с целью комплексного изучения культуры и быта украинцев края. Были собраны материалы, которые легли в основу сборника «Над садами пісня лине» (к сожалению, он до сих пор не издан, хотя работы по его подготовке к печати давно завершены). Другим книгам повезло больше. Уже в 1995 г. выходят в свет две монографии, посвященные украинскому фольклору, – «Співає Стурзовка» и «Satul Petrunca la cîntec și la joc». Обеспечить финансирование в те трудные годы было делом непростым. Помогли руководители акционерных сельхозпредприятий сел, благодаря которым книги увидели свет. Такой метод сегодня широко известен и активно используется, тогда же, в первые годы независимости, подобные коммерческие операции ученым приходилось делать впервые, учась на ходу. Считаю важным обратить внимание на данный аспект, ведь это были не просто деньги, вложенные в товар. Производился духовный продукт, необходимость которого в период национального возрождения понимали как ученые, так и многие руководители на местах, но, к сожалению, не везде.

Фольклор способен запечатлеть динамику этнических ценностей. И действительно, первые жители с. Петруня Глоденского р-на, выходцы из с. Каленкоуцы Грозинской волости Хотинского уезда, оказавшись в окружении иноэтничного молдавского населения, с течением времени испытали на себе ассимиляционное влияние. Как отметил доктор хабилитат Я. П. Мироненко, «несмотря на то, что в селе поются как молдавские, так и украинские песни, все-таки ведущей, определяющей традицией следует считать молдавскую»⁷ (одновременно обращает на себя внимание сохранение украинских ценностных идентификаторов). Над сборником работали все сотрудники Отдела украинистики: К. Ф. Попович (гл. редактор), Ю. П. Датий, Е. С. Чернега-Кожухарь, Я. П. Мироненко, В. Д. Панько и др. Активную помощь оказал молдавский фольклорист Г. Г. Ботезату.

Книга «Співає Стурзовка», вышедшая в том же году, знакомила читателя с украинским и молдавским фольклором другого села Глодянского р-на – Стурзовкой. Ее авторами и составителями выступили К. Ф. Попович (гл. редактор), Ю. П. Датий, Е. С. Чернега-Кожухарь, Я. П. Мироненко, В. Д. Панько. Издание вышло на украинском языке. В предисловии к нему К. Ф. Попович обратил внимание на сохранение в селе песенного богатства украинцев, молдаван и русских. Сборник свидетельствует о многожанровости украинских песен, сохранившихся и с удовольствием исполняемых в селе. Причем наряду с традиционными казачьими, лирическими, шуточными песнями здесь получили распространение украинские

* Константин Федорович Попович родился в 1924 г. в с. Романковцы Черновицкой области. Вернувшись с войны, закончил филологический факультет и аспирантуру на кафедре зарубежной литературы Черновицкого пединститута. Преподавал в вузе. С 1955 г. работает в молдавской Академии наук. К. Ф. Попович – академик АН Молдовы, почетный академик Высшей Школы Украины, член Союза писателей Молдовы и Украины. Творческая деятельность ученого и писателя отмечена многочисленными государственными наградами в Республике Молдова и за рубежом. Его перу принадлежит свыше 500 публикаций, включая 40 книг.

эстрадные песни последних десятилетий⁸. Песенный репертуар жителей с. Стурзовка позволяет проследить динамику развития песенного фольклора, влияние на него межэтнических контактов, делая еще одним важным источником в деле сохранения этнической идентичности.

С точки зрения нашего разговора рассматриваемая работа интересна тем, что благодаря сотруднику отдела В. Д. Панько*, выходцу из украинского с. Дану, о котором еще будет говориться, собран ряд песен-парованок⁹, исполнявшихся на «вечорнице» для симпатизирующих друг другу молодых людей. В неопубликованной монографии «Записки фольклориста», с которой мне любезно разрешил ознакомиться Виктор Дмитриевич, подчеркивается, что до данной публикации подобного описания украинского фольклора не было. Автор обратил внимание на сложную процедуру «парования», включавшую в себя ряд обязательных моментов: исполнение песни-парованки всеми присутствующими, пение «дяка» (ответного благодарственного слова), в случае отказа исполнить «дяка» пелись позорящие песни. Исследователь пришел к выводу, что данные фольклорные произведения имеют давнее происхождение и являются обрядовыми языческими песнями¹⁰. В продолжение допустимо предположить, что своей архаикой сохранившиеся песни-парованки свидетельствуют о древности проживания на данной территории славянского населения.

Изучая творчество В. Д. Панько как фольклориста, К. Ф. Попович обратил внимание на одну из мыслей исследователя, важную для нашей темы: «...речь идет уже о менталитете местных украинцев, который формировался на протяжении длительного времени под влиянием определенных условий и обстоятельств, в которых складывались их убеждения, формировалось самосознание и проявлялось самовыражение. Отталкиваясь от лингвистических посылок, Панько пишет: "Язык очень русифицированный. В связи с этим в сознании украинцев, проживающих в Дану (село в р-не Глодень – В. С), распространена мысль, что они «не украинцы», а «хохлы». Считается, будто украинцы иного уровня... Но эти люди являются носителями огромного богатства – разнообразных украинских фольклорных песен, которых здесь знают множество, причем многие из них старинные, которые трудно найти в Украине, где современная культурная жизнь своим стремлением оттолкнула то, что сохранилось нетронутым в условиях культурной изоляции"»¹¹.

Материалы следующей книги, «В земле наши корни», посвящены истории комплекса украинских сел Дану, Каменкуца и Николаевка р-на Глодень.

Она получилась более объемной и охватила не только народный фольклор, но и страницы истории сел, этнографический очерк, диалектологию. В работе над книгой приняли участие К. Ф. Попович (гл. редактор), Я. П. Мироненко, Ю. П. Датий, Е. С. Чернега-Кожухарь, В. Д. Панько. Из собранных, в основном в с. Дану, свыше 500 песен в сборник вошли 151 украинская и 13 молдавских. Впервые был опубликован «вечорницкий» цикл, заговоры и плачи¹². Обращает на себя внимание широкая жанровая окраска представленных в книге песен: календарно-обрядовая поэзия, песни, исполняемые на «вечорницах», лирическо-бытовые, шуточные, казацкие,

* Виктор Дмитриевич Панько родился 15 сентября 1944 г. в с. Дану Бельцкого уезда Республики Молдова в семье крестьянина. В 1973 г. закончил филологический факультет Бельцкого госуниверситета им. А. Руссо. С 1969 года по настоящее время Виктор Дмитриевич собирает фольклор. Собрано более 700 украинских, свыше 400 молдавских и 65 цыганских песен у жителей сел района Глодень. Часть этих материалов нашла отражение в названных выше книгах, вышедших в свет в 1995–1997 гг., и еще двух не напечатанных. Попытки осмыслить весь этот материал предприняты в нескольких томах неопубликованных «Записок фольклориста» и подготовленной В. Д. Панько диссертации «Песенный фольклор украинцев севера Молдовы».

рекрутские, солдатские песни – вот далеко не полный список, свидетельствующий о высокой песенной культуре, сохранившейся среди украинского населения вплоть до настоящего времени.

Позже, в 2000–2001 гг., сотрудники Института В. П. Степанов, В. Г. Кожухарь, Е. С. Кожухарь, Д. Е. Никогло при участии Я. П. Мироненко, совместно с коллегами из Киева к Петербурга осуществили комплексное исследование украинского села Мусаит, расположенного в Тараклийском уезде в окружении болгарских и гагаузских населенных пунктов. В подготовленной к печати рукописи содержится информация об этнографии и фольклоре мусаитцев, проблеме сохранения украинской идентичности в условиях иноэтничного окружения¹³.

Проделанная сотрудниками Отдела истории, языка и культуры украинского населения Молдовы работа по сбору материалов и подготовке к изданию целого ряда книг, затрагивающих вопросы фольклористики и этнографии, безусловно, способствовала распространению знаний как о самом украинском населении в республике, так и об этнической мобилизации внутри самих украинцев. На последнее повлияла и специфическая форма, которую взяли на вооружение сотрудники отдела и многих институтов гуманитарного направления АНМ – написание коллективных работ по отдельно взятым населенным пунктам. Подобного рода исследования легче оплатить, потому что есть заинтересованное лицо – хозяйство или лидер. В результате оказываются ответственными обе стороны – заказчик и исполнитель, а жители села с удовольствием листают книгу о своем селе, близких, самих себе. Естественно, это оказывает сильное этномобилизующее влияние, отличающееся локальным характером. Необходимо отметить, что подобный подход, конечно, не заменяет серьезной разработки научных направлений, а скорее, дополняет классическую академическую науку.

В рамках последней выполнен ряд книг, выпущенных сотрудниками отдела по различным научным направлениям. Появление подобных работ можно назвать следующим шагом в развитии украинистики в республике.

В 1998 г. выходит монография на украинском языке К. Ф. Поповича «Український театр на кишинівській сцені». В данном исследовании на основе периодических изданий конца XIX начала XX вв. и архивных сведений автор представил ход распространения украинского театрального искусства в крае, отметил высокий уровень восприятия молдавской публикой украинских театральных трупп, показал прогрессивное влияние украинского театра на формирование общественной мысли бессарабцев.

Произведения украинских писателей – И. Котляревского Д. Шевченко, Г. Квитки-Основьяненко и др.¹⁴, демонстрируемые на театральных подмостках края, знакомили публику с традиционно-бытовой культурой украинского народа, в определенной степени тем самым сохраняя ее. Так, влияние новатора украинской драматургии И. Котляревского сказалось на судьбе «этнографично-бытового театра позднего времени»¹⁵. Естественно, театральная сцена выступала еще одним рычагом в трансляции украинских ценностей, оказывая влияние на укрепление украинской идентичности, прежде всего в среде украинского населения края.

Очерковый характер носит еще одна работа академика – «Сторінки літопису», увидевшая свет в 1998 г. В ней автор анализирует творчество ярких украинских и молдавских писателей – М. М. Коцюбинского, Т. Г. Шевченко, И. Крянгэ, останавливается на произведениях современных авторов, пишущих на украинском языке и об украинцах, о богатом фольклорном наследии украинцев края (подробнее см. параграф IV.2 о роли художественной литературы в деле формирования и сохранения этнических ценностей, воспитания чувства толерантности).

В 2001 г. публикуется монография В. П. Степанова * «Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – начала XX вв. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев». В книге рассматривается становление и развитие этнографического изучения бессарабских украинцев XIX – начала XX вв. Представлена деятельность украинских, русских и молдавских ученых и журналистов, занимавшихся изучением традиционно-бытовой культуры украинского населения Бессарабии. Уделяется внимание историческим взаимосвязям, сложившимся в этнографической науке XIX – начала XX вв.

На основе исследования разнопрофильных рукописных и печатных источников в работе дана периодизация становления и развития этнографического изучения бессарабских украинцев. Рассматриваются подходы к проблеме их происхождения и расселения. Впервые после большого перерыва во времени автор обратил внимание на феномен русинства в истории украинского населения края. На основании проанализированных материалов был сделан вывод, что часть этнической группы украинцев Бессарабии – «русины» – являются коренными жителями края, другие, получившие в литературе и в официальных документах наименование «малороссы», представляют собой более поздних переселенцев.

Историографический анализ источников позволил сделать вывод, что основное число элементов материальной и духовной культуры местного населения можно считать общеукраинскими, с рядом региональных особенностей. Так, авторами, писавшими в исследуемый в монографии период, были зафиксированы уникальные этнические особенности украинцев Бессарабии: определенная специфика обработки сельскохозяйственных культур, в частности кукурузы, устройство традиционного жилища, ношение крайки и другие традиционные элементы костюма (в том числе, широкий пояс), своеобразие в прическе, в семейной обрядности (например – *втікання на піч*¹⁶), игры *при мерці* и ряд других характеристик, которые на Украине в изучаемый период были уже практически забыты или вообще не имели распространения.

Большая часть их культурно-бытовых черт имеет много общего с Карпатским и Подольским этнографическими регионами Украины. Количественное преобладание молдавского этноса способствовало ассимилятивным процессам в среде украинцев.

Материалы монографии свидетельствуют о том, что периферийное положение Бессарабии и длительное отсутствие местных научных центров (в отличие от центральных регионов Украины) сказались на освещении культуры и быта изучаемой этнической группы. Автор пришел к выводу, что значительную помощь в накоплении, анализе и распространении этнографических сведений об украинцах Бессарабии, наряду с местными краеведами, оказывали украинские и русские исследователи.

Несколько слов необходимо сказать также о двух небольших работах В. Д. Панько, которые он нашел возможность издать в начале 2000-х. Хорошо зная северные районы республики, исследователь продолжал деятельность по изучению культурного наследия украинцев. Результатом его краеведческих изысканий стала книга, посвященная 150-летию с. Стурзовка уезда Бэлць и 130-летию Свято-Успенской православной церкви этого села. На богатом фактическом материале в

* Вячеслав Петрович Степанов родился в 1969 г. в Кишиневе. Закончил исторический ф-т Кишиневского государственного педагогического университета им. И. Крянгэ, аспирантуру при Институте искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Рылского НАН Украины, доктор истории. Трудовая и научная деятельность В. П. Степанова связана с Институтом межэтнических исследований АНМ и Департаментом межэтнических отношений РМ. Автор 3-х монографий, 3-х книг в соавторстве, свыше 50-ти научных статей.

ней отражены происхождение и развитие населенного пункта, представлена информация об учреждениях и организациях, действующих в селе. Работа снабжена большим количеством фотографий, знакомящих с историей, буднями и праздниками населенного пункта. Книга написана таким языком, чтобы ее мог прочитать и понять каждый. Одним из важнейших правил краеведения является воспитание гражданственности и чувства любви к Родине. Именно эти цели прежде всего и преследовал автор. В трансформационный период они приобретают особую актуальность. Наши дети, обучающиеся в школах, могут сказать, когда был основан Рим, находящийся за тысячи километров отсюда, и затрудняются ответить, когда заложено село, в котором они родились и выросли. Они знают, какие города находятся на Темзе, Волге, Сене, и не знают, какие села расположены на Рэуте, Турунчуке, Копачанке. С сожалением следует констатировать, что нынешнее подрастающее поколение чаще всего даже не в состоянии перечислить населенные пункты от Сорок до Бельц. А ведь именно краеведение является одним из действенных рычагов воспитания чувства патриотизма.

Конечно, научная база работы могла бы быть основательнее, но главное достоинство книги – это описание судеб людей, неразрывно связанных с селом и Молдовой.

Еще одна брошюра, принадлежащая В. Д. Панько, касается таинственной и слабо изученной темы в области устного народного творчества – демонологии. Она посвящена украинским «примівкам» и молдавским «descîntece», сохранившимся до настоящего времени в памяти жителей его родного села Дану. Кроме того, автор поместил в своей книге свыше 60-ти народных примет, связанных с погодой и записанных у односельчан. Работа В. Д. Панько с точностью передает тексты заговоров, представляя собой новый источник как для специалистов, так и для всех, кто интересуется живым украинским словом. Слабой ее стороной является то, что она написана «с превышением скорости», а это сказалось на стилистике и на наличии вкрапившихся в текст опечаток.

В связи с экономическими проблемами, переживаемыми странами бывшего Союза после его распада, в Институте межэтнических исследований (и, собственно, во всей Академии наук), как уже отмечалось, наблюдалась большая текучесть кадров, люди элементарно должны были выживать. К сожалению, остались не законченными многие начатые исследовательские темы. Первые шаги в изучении «Истории украинцев Молдовы» осуществила Т. П. Савенко¹⁷. Темой «Украинское население Молдовы XX в.: этнодемографический аспект» занимался первый заведующий Отделом украинистики (1991–1997) – Ю. П. Датий^{*}, подготовивший первый рукописный вариант монографии¹⁸, которая, к сожалению, осталась незавершенной.

Проблемам материальной культуры украинского населения республики посвящено исследование (с 1993 – по наст. вр.) заведующего Отделом истории, языка и культуры украинского населения Молдовы В. Г. Кожухаря^{**}, над которым он продолжает трудиться и сейчас, опубликовав серию статей.

* Юрий Петрович Датий, 1954 г. р. Закончил исторический факультет Кишиневского государственного университета, в 1984 г. получил степень доктора истории. Автор монографии и ряда научных публикаций.

** Виктор Григорьевич Кожухарь родился в 1960 г. в с. Воронково Рыбницкого района Молдовы. Закончил исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, аспирантуру при Кишиневском госуниверситете, доктор истории. С 1998 г. – заведующий Отделом украинистики Института межэтнических исследований АНМ. Автор более 30 научных работ.

Сотрудники отдела В. Г. Кожухарь и Е. С. Кожухарь в настоящее время ведут работу по подготовке к печати сборника научных публикаций, связанных с актуальными проблемами украинистики, включающими историю и современность.

Надо подчеркнуть, что В. Г. Кожухарь приложил немалые усилия к изучению украинистики в республике. Перу Виктора Григорьевича принадлежит ряд интересных и злободневных работ, затрагивающих вопросы истории украинского населения Республики Молдова, его культуры и современные этнические проблемы. Среди них необходимо назвать такую его публикацию, как «Украинцы: прошлое и настоящее» (Мысль, № 3 (7), октябрь 1999. Кишинев. С. 88-89.). Здесь же следует указать и статьи автора, касающиеся историографии изучения украинского населения: «Проблемы исследования этнологии украинцев Молдовы (1950–1990 гг.)» (Ежегодник института межэтнических исследований АНМ. Т. I. «S. n.», 2000. С. 77-80), «Украиноведческие исследования в Молдове (1991–2001)» (Ежегодник Института межэтнических исследований АНМ. Т. II. «S. n.», 2001. С. 20-22).

Наряду с названными, для темы нашего разговора представляет интерес статья В. Г. Кожухаря «Украинцы Молдовы и процессы этнической интеграции» (Национальные образы мира: единство – разнообразие – справедливость. Материалы международной научно-практической конференции 22–23 октября 2003 г., Кишинев. Национальная комиссия по делам ЮНЕСКО в Республике Молдова, Конгресс русских общин Республики Молдова, Центр «Межкультурный диалог». Кишинев, 2003. С. 186-195.). Рассуждая в ней в традициях примордиализма, автор попытался дать характеристику общим тенденциям в сфере этнической мобилизации и межэтнической консолидации в республике, познакомил читателя с характеристикой ряда этнических процессов, рассмотренных Ю. В. Бромлеем¹⁹, в преломлении к молдавским реалиям. Обратил внимание на основные проблемы украинского населения в сфере образования и воспитания, культуры и науки, а также в средствах массовой информации.

В. Кожухарь заявил о том, что для реализации стратегии интеграции молдавское сообщество должно идти двумя путями: с одной стороны, обеспечивать возможности для укрепления этнической идентичности путем создания условий со стороны государства и, соответственно, мажоритарного этноса для равноправного развития представителей всех народов, проживающих в республике, с другой – формировать у национальных меньшинств устремления к определенным самоограничениям в «объемах и масштабах возрождения своих этнокультурных и этноментальных характеристик»²⁰. Подобный подход к построению европейской либеральной модели национальных отношений встречается в работе другого молдавского исследователя, Н. Н. Визитея, на которого ссылается автор²¹.

В своих научных публикациях В. Кожухарь акцентирует внимание на необходимости сохранения украинских этнических ценностей и языка в Молдове²². Эти проблемы затрагивали в своих публикациях и другие исследователи отдела²³.

Вообще, надо отметить, что научные статьи и выступления на конференциях представляют собой более мобильный, нежели монография, источник распространения научного знания, в том числе в деле пропаганды этнических и гражданских ценностей.

В качестве очень важной деятельности, направленной на укрепление и поддержание украинской этнической идентичности, следует назвать тесное взаимодействие данного отдела с Министерством просвещения, учебными заведениями республики. Его сотрудники проводят большую научно-методическую работу, принимают участие в написании учебников, в организации и проведении

республиканских олимпиад по украинскому языку и литературе²⁴. Давно и плодотворно в этом направлении работает Е. С. Кожухарь*.

Автор данной монографии, работая в отделе, выпустил ряд публикаций, посвященных проблемам изучения украинцев в источниках и литературе XIX – начала XX вв.²⁵, их этнической истории²⁶.

Институт межэтнических исследований, немало сделавший для изучения этнически процессов, происходящих в республике, в силу слабого финансирования и осторожности руководства, избегавшего изучения современной ситуации в стране, в конечном результате замкнулся на проблемах исследования прошлого и, к сожалению, на 14 году своего существования, в ходе реформы АН Молдовы был закрыт, но его структурные подразделения, в том числе и Отдел украинистики, сохранены в новом академическом учреждении – Институте культурного наследия АНМ. Как будет развиваться украиноведение и вообще изучение проблем нацменьшинств в Молдове – покажет время.

Мне не безразлично писать об Отделе украинистики и Институте, потому что именно там я начал свою трудовую деятельность, получил первые навыки научной работы. Так сложилось, что учреждением, в котором мне довелось трудиться далее, на протяжении последних пяти лет, был Департамент межэтнических отношений (ныне – Бюро межэтнических отношений) – структура, призванная осуществлять государственную политику Республики Молдова в области межэтнических отношений, направленную на сохранение и развитие этнической, культурной и языковой самобытности, реализации конституционных прав граждан.

III.2. Бюро межэтнических отношений Республики Молдова

Прежде чем перейти к освещению конкретных вопросов, касающихся решения Бюро проблем национальных меньшинств Молдовы, считаю необходимым дать краткое описание становления и специфики его работы.

Годы развала Союза и трансформации общественных приоритетов, когда этнические ценности требовали реакции со стороны провозгласивших независимость государств в построении национальной политики, в новых условиях в правительственных структурах многих из них стали возникать аналогичные ведомства: в России – Министерство по делам национальностей, в Республике Беларусь – Комитет по делам религий и национальностей при Совете Министров, в Украине – Государственный Комитет по делам национальностей и миграций.

В силу того, что этноязыковой фактор в Молдове имел большое значение, Департамент оказался в центре ряда острых событий. В связи с напряженной обстановкой в республике, в ноябре 1990 г. было подписано Постановление Верховного Совета ССР Молдова «О неотложных мерах по достижению гражданского согласия в ССР Молдова», в котором в п. 3 Правительству ССР Молдова вменялось образовать Департамент по национальным вопросам²⁷. 16 ноября Постановлением Правительства ССР Молдова № 444 Государственный Департамент ССР Молдова был создан²⁸.

* Екатерина Сергеевна Кожухарь родилась в 1961 г. в г. Ульяновка Кировоградской области Украины. Закончила филологический факультет Кишиневского государственного университета и аспирантуру при Российской Академии педагогических наук (г. Москва), доктор педагогики. С 1993 г. – старший научный сотрудник Отдела украинистики Института межэтнических исследований АНМ. Автор более 70 научных и учебно-методических работ, в том числе курсов по украинскому языку и литературе для 1–12 классов, учебников по украинскому языку и литературе для 1–9 классов.

Языковой проблемой, остро вставшей перед республиками бывшего Союза, особенно в отношении госязыка, в Молдове было призвано заниматься другое ведомство – образованный в 1991 г. Департамент языков²⁹. Его создание ставило своей целью:

- контроль над соблюдением законодательства о языках и выполнением Комплексной государственной программы по обеспечению функционирования языков на территории Республики Молдова;
- контроль над введением в обиход унифицированной отраслевой терминологии, правильной номенклатуры, усовершенствованных и стандартизированных формуляров и бланков;
- организацию и координацию мероприятий по упорядочению национальной ономастики;
- контроль над функционированием учебных центров и курсов румынского и других языков для взрослых, независимо от формы собственности, а также над разработкой программ, учебников, словарей, справочников и другой учебно-методической литературы для взрослых;
- контроль над деятельностью государственных, кооперативных и частных предприятий, множащих и реализующих заказчикам печатную продукцию (формуляры, бланки);
- оказание министерствам, государственным департаментам, органам местного самоуправления, учреждениям, предприятиям и т. п. практической помощи в подготовке формуляров, типовых бланков, в корректировании и унификации наименований организаций, предприятий, хозяйств и др., в стандартизации отраслевой терминологии, а также поддержки других мероприятий по переходу на официальный язык Республики Молдова³⁰.

Таким образом, Департамент национальных отношений занимался вопросами национальных меньшинств, а Департамент языков следил за румынизацией страны³¹. По сути, Государственный департамент языков должен был выполнять функцию по натурализации населения вне зависимости от национальности, осуществляя контроль над исполнением языкового законодательства в Молдове.

Департамент национальных отношений можно назвать барометром этнической политики государства на разных этапах. За пятнадцать лет независимости она была разной. Поэтому данный орган, как исполнительный, вынужден был выступать в качестве реализатора принятых указов и постановлений вышестоящих структур. За анализируемый период было осуществлено немало преобразований в этом ведомстве. Неоднократно, при сохранении основных направлений деятельности, менялось его название, что позволяло, прежде всего, производить кадровые замены, вводить в название новые, приоритетные для пришедшего к власти кабинета направления деятельности³².

СТРУКТУРА				
Департамент по национальным вопросам (1990–1994)	Департамент национальных отношений (1994–1998)	Департамент национальных отношений и функционирования языков (1998–2001)	Департамент межэтнических отношений (2001–2005)	Бюро межэтнических отношений (2005 – наст. время)

К многочисленным изменениям в названии ведомства приводила нестабильность государственного курса и частая смена ориентиров. При последнем переименовании из названия Бюро даже выпало слово «республиканское»³³.

Приоритетными направлениями ведомства, как бы ни менялось его название, оставались: межэтнические отношения, работа с диаспорой, позже подключилось функционирование языков.

Отношение к этой структуре всегда было разным. Будучи ее сотрудником с 1999 по 2005 гг., я много раз слышал противоречивые отзывы о ней. С одной стороны, учитывая серьезные этнические и языковые проблемы, стоящие перед сообществом, по мнению ряда лиц, статус и значение ведомства должны были на порядок возрасти, Департаменту необходимо было обрести министерский статус. Это даже стало своего рода дежурным обещанием высоких чиновников на днях рождения сменяющих друг друга генеральных директоров Департамента. С другой стороны, в парламентских кругах неоднократно возникала дискуссия о том, что такая структура дублирует функции ряда ведомств: Министерства образования, Министерства иностранных дел и Министерства культуры, а потому существовать не должно. Подобного рода дискуссии заканчивались, как правило, ничем со ссылкой на то, что в других странах бывшего Союза такие ведомства есть: «Значит, и у нас должно быть...».

На эффективность деятельности этой организации не могло не наложить отпечаток отсутствие юридических полномочий и финансовых средств, а также специалистов, работающих по профилю ведомства в регионах, которые получали бы из его бюджета зарплату³⁴.

Существует еще одна сторона медали, которую следует учитывать, – это фигура первого лица ведомства, Генерального директора.

В настоящее время очень серьезный интерес проявляется к тендерной проблеме. Немалое значение тендерные особенности имеют и в современной политике, пристальное внимание тендерному вопросу стали уделять и современные этнологи³⁵. В контексте нашего разговора следует констатировать, что, за исключением первого Генерального директора Государственного департамента Республики Молдова по национальным вопросам, В. Гребенщикова* (1991–1992 гг.), и сменившего его и. о. руководителя ведомства С. Бозбей (1992–1994 гг.), последующими директорами структуры были дамы: З. Окунская**, В. Абрамчук***, Т. Стоянова****, Т. Млечко*****, О. Гончарова*****.

* Виктор Григорьевич Гребенщиков, 1954 г. р., в 1977 г. окончил Кишиневский государственный университет, до 1985 г. работал преподавателем в средних школах ряда районов Молдовы, с 1985 по 1990 г. – в редакции газеты Оргеевского района «Plaiul Orheian», с июля 1990 г. по январь 1991 г. – в Госканцелярии Республики Молдова, старшим консультантом Премьер-министра, с ноября 1991 г. по июль 1992 г. – Генеральным директором Государственного департамента по национальным вопросам Республики Молдова.

** Зиновия Николаевна Окунская, 1950 г. р., окончила Кишиневский государственный университет. До августа 1991 г. работала в школе № 55 г. Кишинева, на комсомольской и партийной работе. В 1994–1995 гг. была Генеральным директором Департамента национальных отношений.

*** Вероника Абрамчук, родилась в 1958 г. в с. Петрушень Рышканского р-на, окончила Кишиневский государственный университет, работала в Государственном архиве и преподавателем истории в средних школах № 35 и 36 г. Кишинева. С ноября 1995 г. по июнь 1998 г. возглавляла Департамент национальных отношений Республики Молдова.

**** Татьяна Петровна Стоянова, родилась в с. Валя Пержей Чадыр-Лунгского р-на. Закончила факультет иностранных языков Кишиневского государственного университета. Работала преподавателем, директором школы, в 1982–1990 гг. была депутатом органов местного публичного управления. С 1992 по 1998 г. работала начальником Управления образования на языках национальных меньшинств Министерства образования и науки Республики Молдова. В 1998–2001 гг. – Генеральный директор Департамента национальных отношений и функционирования языков. В 1998 г. прошла специализацию в Колумбийском университете (США), подготовив научную работу, посвященную проблемам полилингвистического образования и интеркультурного взаимодействия.

***** Татьяна Петровна Млечко, 1956 г. р. Закончила филологический факультет Кишиневского госуниверситета, доктор педагогических наук, работала заведующей Отделом истории, языка и культуры

Нисколько не умаляя роль женского начала в общественной жизни, хотел бы, наоборот, подчеркнуть, что образ женщины в традиционном обществе занимал особое место в решении общественных проблем. Назначение дамы на пост руководителя ведомства, призванного сближать народы, проживающие в крае, оберегать этнические ценности, представлять молодое государство на международных встречах – что может быть символичнее? Другое дело, что в сфере политики, долгое время узурпируемой мужчинами, особенно в бывшем СССР, еще сохранилась традиция оберегать прекрасный пол, назначая дам на почетные и в то же время менее ответственные должности³⁶ (конечно, бывают исключения).

Однако менее ответственная, на взгляд чиновников, должность в госструктуре – не значит, что она беспроблемная.

В первые годы своего существования Департамент столкнулся с многочисленными нерешенными этнополитическими и этнокультурными вопросами, возникшими в первые годы самостоятельности Молдовы. Условно их можно отнести к двум разным направлениям: разработка основополагающих документов в сфере национальной политики; каждодневная, не менее важная, работа с документами, гражданами, различными государственными органами и этнокультурными организациями.

Первоначальный этап существования Департамента был довольно плодотворным в сфере работы по подготовке пакета указов Президента и соответствующих постановлений Правительства, направленных на поддержку этнических культур национальных меньшинств (см. главу II).

Немалую помощь в этой деятельности оказали этнокультурные организации, в том числе и Общество украинцев Республики Молдова³⁷, с которыми тесно сотрудничало ведомство со дня своего формирования³⁸.

Департамент активно работал с этнокультурными организациями, поддерживал их становление. Сотрудничество было тесным еще и потому, что большинство его специалистов были представителями этих организаций³⁹. Понимая значимость печатного слова в деле пропаганды, ведомство непродолжительное время выпускало газету «Гражданин Молдовы». Его первый Генеральный директор В. Гребенчиков подчеркивал, что в ней Департамент стремится «утверждать в обществе идею взаимного уважения разных культур и граждан различного этнического происхождения»⁴⁰.

Процесс возрождения этнических культур сопровождался религиозным ренессансом. Этническая духовная культура народа была напрямую связана с религиозными ценностями, кроме того, с уничтожением Советской власти перестал насаждаться атеизм. Наоборот, люди потянулись к вере за стабильностью, которой им так недоставало. Появившиеся этнокультурные организации начали искать в вере поддержку своим этническим ценностям. Церкви превратились в центры, объединяющие верующих, в том числе по этническому признаку. Восстановленный костел открылся для поляков и части немцев, армяне посещают свою армянскую

русского населения Молдовы Института межэтнических исследований АНМ, член Президиума Международной Ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ), Президент Центра научных и культурных инициатив в Молдове. В 2001–2003 гг. – Генеральный директор Департамента межэтнических отношений РМ. Автор монографии «Быть или не быть?» (Кишинев, «Инесса», 1999), посвященной проблемам функционирования русского языка в постсоветской Молдове, публикаций по проблемам социолингвистики и национальных отношений.

***** Ольга Игоревна Гончарова, родилась в 1957 г. в г. Кишиневе. Закончила Кишиневский государственный университет. В 1979–1992 гг. работала преподавателем английского языка в Республике Куба, в кишиневских высших учебных заведениях. С 1992 по 2004 гг. являлась сотрудником ряда акционерных обществ. С 2004 г. – Генеральный директор Департамента межэтнических отношений РМ.

церковь, евреи – синагогу, Свято-Георгиевская церковь известна в городе как русская. Естественно, этнические общины стали брать над этими храмами своего рода шефство. У украинцев Кишинева первоначально возникла проблема с помещением для своей церкви (ныне церковь св. Владимира). Департамент содействовал Обществу украинской культуры, возглавляемому А. Майстренко, в решении этого вопроса⁴¹.

В то время еще выходило периодическое издание украинцев Молдовы «Просвіта». По мере сил и возможностей Департамент оказывал ему свою поддержку⁴².

В 1991–1992 гг. имели место увольнения людей с работы по этническому признаку⁴³. И хотя в ведомстве работали люди разных политических взглядов и этнической принадлежности, атмосфера вынуждала реагировать на подобные сигналы⁴⁴. Ответной реакции требовали и прямые экстремистские угрозы в адрес национальных меньшинств⁴⁵.

В связи с возросшей миграцией в первые годы после провозглашения независимости Молдовы Департаменту приходилось отвечать на письма граждан, желающих переехать на этническую родину, в том числе в Украину⁴⁶.

Последующий период в истории ведомства (1994–1998 гг.) был не из легких. За это время сменились два его руководителя, место скоропостижно ушедшей из жизни Зиновии Окунской заняла Вероника Абрамчук.

Обстоятельства толкали Департамент к тому, чтобы сформулировать платформу государства в национальном вопросе и предложить ее руководству страны. В это время в Департаменте рождается инициатива по разработке Концепции государственной политики в области национальных отношений⁴⁷. Был подготовлен ее проект, однако политическая обстановка не позволила продолжить работу в этом направлении⁴⁸. Но накопленный опыт в деле подготовки столь серьезного документа был важен.

1 июня 1996 года при Департаменте национальных отношений торжественно открылся Дом национальностей, объединивший этнокультурные организации республики. Это был значительный шаг в деле сплочения общественных этнокультурных объединений, в том числе и украинских, при государственном ведомстве республики. С тех пор Дом национальностей стал неотъемлемой частью Департамента, а позже Бюро межэтнических отношений.

Серьезным испытанием явилось объединение в 1998 г. двух ведомств – Департамента национальных отношений и Департамента языков – в одно, в Департамент национальных отношений и функционирования языков. Это логичное решение одновременно натолкнулось на диаметрально разные позиции работников двух частей ведомства, которые в миниатюре как бы копировали ситуацию, сложившуюся в общественной жизни республики. По сути, получилось, что Управление функционирования языков продолжало проводить политику, направленную на внедрение ценностей румынского языка, заниматься контролем над исполнением языкового законодательства в стране, регламентируя, прежде всего, использование русского языка. Управление же национальных меньшинств, в соответствии со своим названием, защищало права и свободы нацменьшинств, которые, наряду с проблемами возрождения своих этнических культур и языков, вынуждены были решать еще одну, продолжая в обществе относиться к русскоязычным. Таким образом, Департамент, призванный заниматься комплексной проблемой национальной политики в государстве, изнутри раздирали внутренние противоречия. Выходом из создавшейся ситуации стал курс руководителя ведомства Т. П. Стояновой на укрепление демократических и общечеловеческих ценностей.

Эта бесприоритетная ориентация, которой в политических кругах в качестве идеологических штампов оперировали как справа, так и слева, позволила в определенной степени сбалансировать Департамент и получить определенную известность в структурах Совета Европы, занимающихся вопросами национальных меньшинств. Непростая политическая обстановка в республике привела к тому, что вместо разработки внутренних законодательных актов по национальной политике Департамент нашел нишу в проведении разного рода конференций, конгрессов и семинаров, что в конечном итоге способствовало популяризации в обществе поднимаемой ведомством проблематики (см. ниже).

За период с 1998 по 2001 г. Департамент провел ряд международных форумов, посвященных проблемам нацменьшинств и межэтнических отношений, функционирования языков в полиэтничном сообществе, интеграции и идентичности, а также значению и роли международных правовых документов, направленных на защиту национальных меньшинств и интеграцию молдавского сообщества.

Деятельное участие в подготовке и проведении этим ведомством международных и республиканских научно-практических конференций принял Институт межэтнических исследований. Его сотрудники, наряду с работниками Департамента и этнокультурных (в том числе украинских) организаций, активно выступали при обсуждении актуальных вопросов на форумах: «Этническая мобилизация и межэтническая интеграция» (Кишинев, 1998 г.); «Единство народа Республики Молдова и проблемы идентификации этносов» (Кишинев, 1999 г.); «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств: механизм реализации» (Кишинев, Бельцы, Комрат, 1999 г.); «Немцы Республики Молдова: история и современное положение» (Кишинев, 1999); «Молдова, Румыния, Украина: интеграция в европейские структуры» (Кишинев, 1999); «Права национальных меньшинств: международные и национальные стандарты и их реализация» – обучающий семинар (Кишинев, Вадул-луй-Водэ, 2000); «Интеграционные процессы в Республике Молдова. Разработка национальной стратегии» (Кишинев, 2000). Последняя встреча, как видно из названия, представляла собой попытку выйти на создание концептуального документа, направленного на укрепление социальной интеграции, целью которой, по определению руководителя Департамента, явилось «формирование сплоченного демократического гражданского общества»⁴⁹. На конференции прозвучали доклады известных обществоведов республики, но практики (политики) не были настроены тогда на объективный язык науки. К сожалению, в обществе возобладали дезинтеграционные настроения. В силу политической разобщенности в руководстве страны нельзя было найти четкую линию, направленную на формирование единых ценностей, способных сплотить сообщество. Кроме того, сказался и заниженный статус Департамента⁵⁰, что не укрепляло его авторитет в политических кругах Молдовы. А выход на европейские структуры, с которыми руководство наладило деловые отношения, не раз вызывал устные нарекания со стороны вышестоящих государственных инстанций.

Однако работа порождала опыт – проводимые ведомством (при участии международных миссий, аккредитованных в Молдове, Центра по правам человека, Института межэтнических исследований АНМ, высших учебных заведений республики и других организаций) научно-практические конференции, семинары, круглые столы играли и продолжают исполнять важную роль в использовании научного потенциала при определении практических мер решения проблем межэтнических отношений и совершенствования национальной политики государства. Распространению информации об обсуждаемых вопросах

способствовало издание на средства Департамента материалов ряда вышеперечисленных встреч⁵¹.

При его финансовой поддержке увидели свет книги ряда молдавских ученых: «Meditații și confesiuni» К. Ф. Поповича (Chișinău, 2000); «Население Молдовы в интеграционных процессах» Л. Е. Репиды (Кишинев, 2000); «Словарь гагаузских географических терминов» И. В. Дрона (Кишинев, 2001). Монография В. П. Степанова «Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – начала XX вв. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев» (Кишинев, 2001), также изданная на средства Департамента межэтнических отношений, как раз посвящена украинской проблематике. Конференц-зал Департамента межэтнических отношений давно является местом презентации новых изданий.

Ситуация изменилась, как и название Департамента, вместе с приходом к власти коммунистов. Преимущественное большинство, занятое ими в Парламенте и, соответственно, в Правительстве, позволило сфокусировать внимание на ряде давно назревших документов: «Законе о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций», «Концепции национальной политики». Этот период в жизни данного ведомства можно назвать плодородным в деле разработки основополагающих документов в сфере национальной политики.

Назначенная в 2001 г. на должность руководителя Департамента Т. П. Млечко внедряет в структуру ведомства новое подразделение – Управление информации и мониторинга межэтнических отношений. Возглавил его П. М. Шорников – известная фигура в политических и научных кругах*.

За время своего непродолжительного существования управление, позже переименованное в отдел, занималось сбором, обобщением и накоплением информации о социально-культурных нуждах органов национальных сообществ Молдовы, вопросами национальной и гражданской идентичности, анализом СМИ, освещающих проблемы национальных отношений в полиэтническом обществе, функционирования в нем языков и т. п. Управление стало формировать Банк данных по проблематике национальных отношений в Республике Молдова.

Одним из методов мониторинга языковой, социально-культурной, гражданской и этнической идентичностей стали регулярно проводимые опросы⁵² общественного мнения среди представителей национальных меньшинств. Результаты некоторых из них, посвященных изучению положения украинцев республики, нашли свое отражение на страницах главы V настоящей работы.

За время существования отдела опросами было охвачено свыше 3,5 тыс. чел.⁵³ – представителей разных социальных, языковых и этнических сред.

Такое направление деятельности, как мониторинг в области национальных отношений, проблем идентичности, языковых предпочтений в полиэтническом обществе, не имело аналогов в системе исполнительных государственных структур Молдовы. Факт недолгого существования этого структурного подразделения в составе Департамента, думается, можно объяснить тем, что сотрудники ведомства стали приводить в своих отчетах и публикациях полученные данные, отражающие реальное положение дел на местах, что, в частности, в связи с болезненностью

* Петр Михайлович Шорников родился в 1949 г. в с. Пересечина Оргеевского р-на Молдавии. В 1973 г. окончил исторический факультет Кишиневского государственного университета. В 1984 г. получил ученую степень доктора истории. Долгое время работал в Институте истории АН МССР. С 1990 г. – сопредседатель, а затем председатель Республиканского Совета Движения за равноправие «Унитате–Единство». В 1990–1998 гг. был депутатом Парламента Республики Молдова. Активно занимается журналистикой, преподает в вузах республики. Автор ряда монографий, около 150 научных и публицистических работ.

нерешенной языковой проблемы, встречало неоднозначную реакцию в вышестоящих структурах власти.

Именно неопределенность в указанной сфере в 2000–2005 гг. наложила отпечаток на работу другого подразделения Департамента – Управления языков и межэтнической коммуникации, которое в ходе очередной реструктуризации ведомства было объединено с Управлением национальных меньшинств и межэтнических отношений⁵⁴. Сейчас его возглавляет молодой и инициативный специалист Игорь Валерьевич Пивовар^{**}. С проблемами национальных меньшинств он был знаком еще студентом, получив опыт в одной из общественных этнокультурных украинских организаций – Обществе украинской культуры Республики Молдова. По завершении учебы молодой юрист решил связать свою судьбу с работой в правительственном учреждении, занимающемся проблемами межэтнических отношений и функционирования языков.

Контактам национальных меньшинств с этническими родинами способствует работа Управления внешних связей и диаспоры Департамента (а ныне Бюро) межэтнических отношений. В настоящее время это важное направление возглавляет Татьяна Михайловна Левандовская^{***}.

В межгосударственной деятельности Бюро можно назвать осуществление взаимодействия между аналогичными структурами других бывших союзных республик и Бюро межэтнических отношений, поддержку этнокультурных организаций молдаван в странах СНГ, Балтии и Европы, в том числе и в Украине. Одной из новых форм взаимоотношений с соседями стало региональное сотрудничество с пограничными регионами Украины и Молдовы – Одесской областью и Буковиной.

В связи с тем, что после принятия закона о языках 1989 г. прошло много времени, Департамент выдвинул инициативу об актуализации деятельности в сфере языкового законодательства. С этой целью было инициировано принятие Постановления Правительства Республики Молдова № 167 от 26 февраля 2001 г.⁵⁵, проект которого был разработан специалистами Департамента межэтнических отношений⁵⁶.

Созданные на местах лингвистические центры в городах Бельцы, Сорока, Единец, Кагул, Кишинев (при Департаменте межэтнических отношений), были обеспечены государственной финансовой помощью, в размере 500 000 лей⁵⁷, комплектами учебно-методической литературы, словарей, справочников, компьютерным оборудованием⁵⁸. Однако после упразднения уездов и возврата к

^{**} Игорь Валерьевич Пивовар родился 22 июля 1979 г. в г. Казатине, в Украине. В 1996 г. закончил среднюю школу в г. Бессарабка Республики Молдова и поступил на юридический факультет МолдГУ (специальность – «право»). После окончания вуза в 2001 г. принят на работу в Департамент (ныне Бюро) межэтнических отношений. В 2006 г. окончил Академию публичного управления при Президенте Республики Молдова. В настоящее время занимает должность начальника Управления национальных меньшинств, межэтнических отношений и функционирования языков Бюро межэтнических отношений. В 2006 г. награжден Дипломом Правительства Республики Молдова II степени.

^{***} Татьяна Михайловна Левандовская родилась в г. Кишиневе, закончила Харьковский университет культуры в 1972 г. Является слушателем Академии публичного управления при Президенте РМ. С 1986 по 1992 г. работала директором Национальной библиотеки (ранее – б-ка им. Н. К. Крупской) Республики Молдова. С 1992 г. – сотрудник Департамента по национальным вопросам (ныне – Бюро межэтнических отношений Республики Молдова). Является одним из старейших и опытных сотрудников ведомства. Работала главным специалистом, консультантом, заместителем начальника управления в разных подразделениях Департамента. В настоящее время является начальником Управления международных связей и диаспоры. Труд Т. М. Левандовской отмечен Правительством Республики Молдова: в 2006 г. ей присвоено почетное звание «Om emerit».

районной системе, часть материальных средств была утеряна в ходе очередной неразберихи, да и сами центры сохранились на местах не везде.

Совместно с ПРООН в Республике Молдова Департамент выступил в качестве инициатора и координатора международного проекта «Язык как средство социальной интеграции». В его рамках специалистами АН Молдовы были разработаны учебные пособия нескольких уровней по изучению государственного языка. Были подготовлены также электронные обучающие версии по госязыку, напечатаны карманные словари с переводом на языки меньшинств (тиражом 21 500 экз.). В процессе работы над проектом были созданы 64 группы, в которых получили знания по государственному языку свыше 1 000 слушателей – представителей национальных меньшинств, в том числе и украинцев.

Подготовленные материалы учебных пособий были также подарены библиотекам республики. После завершения проекта Департамент, уже переименованный в Бюро межэтнических отношений, продолжил оказывать помощь желающим освоить государственный язык. В 2004 г. при ведомстве работала группа по обучению государственному языку студентов. На следующий год круг желающих расширился. Однако эти, по сути, единственные бесплатные курсы по обучению молдавскому языку населения государства не могут решить проблему в целом. Вопрос относительно знания госязыка в стране по-прежнему остается нерешенным.

На недочеты в деятельности ведомства в области реализации языкового законодательства, в частности, было указано в Постановлении Правительства Республики Молдова № 48 от 23.01.2003⁵⁹. В том же году Департамент несколько раз возвращался к рассмотрению данного вопроса⁶⁰. Для выполнения вышеуказанного Постановления Коллегия Департамента межэтнических отношений утвердила состав республиканской комиссии по разработке Государственной комплексной программы по поддержке функционирования языков на территории Республики Молдова из 15 чел.⁶¹, было принято решение о подготовке этого документа. При ее создании главным отличием нового подхода от того, который был принят в 1989 г., являлась ориентация на развитие всех языков, функционирующих на территории республики. Члены комиссии, ответственные за разработку предложений по функционированию в республике языков (молдавского, русского, украинского, гагаузского, болгарского), многократно обсуждали данный вопрос со специалистами Управления языков и межэтнической коммуникации. Уже на этом этапе стало видно, что языковая проблема в обществе остается одной из наиболее острых и по-разному, порой диаметрально противоположно понимаемых, а потому требующих пристального внимания.

В разработке предложений по молдавскому языку участвовали только специалисты Управления языков и межэтнической коммуникации Департамента, так как Институт лингвистики АНМ отказался сотрудничать с Департаментом в этом вопросе.

Над частью, относящейся к русскому языку, работали: Р. Горшкова, главный специалист Министерства просвещения РМ; Т. Зайковская, зав. Отделом языка, истории и культуры русского населения Молдовы Института межэтнических исследований АНМ; В. Костецкий, ректор Славянского университета РМ; И. Сандлер, зав. Отделом обучения национальных меньшинств Министерства просвещения РМ.

Часть, касающуюся украинского языка, разрабатывали: В. Кожухарь, зав. Отделом истории и культуры украинского населения Молдовы Института межэтнических исследований АНМ; Е. Кожухарь, старший научный сотрудник того же отдела; Е. Осередчук, председатель благотворительного фонда украинских

художников «Вщродження»; В. Морару, председатель Общества украинских женщин РМ; Г. Роговая, председатель общества «Просвіта» им. Т. Шевченко.

Не менее авторитетными были рабочие группы, трудившиеся над проблемами распространения болгарского и гагаузского языков.

В результате совместной работы 1.03.04 проект Государственной комплексной программы по поддержке функционирования языков на территории Республики Молдова, согласованный с министерствами и департаментами, был представлен в Правительство (№ 01-109)⁶². 26 марта 2004 г. он был возвращен для дополнительного согласования с Академией наук, филологическими кафедрами МолдГУ, педагогического госуниверситета им. И. Крянгэ и для усовершенствования его в соответствии с последними предложениями и отзывами, а также для последующего представления в Правительство Республики Молдова до 15 мая 2004 г. после повторного отзыва Министерства юстиции.

В ходе дальнейших событий отказавшийся сотрудничать с Департаментом Институт лингвистики Академии наук Молдовы прислал негативный отзыв на проект, не приняв участия в работе комиссии. В связи с этим Департамент межэтнических отношений направил в Правительство письмо (№ 02-277 от 07.05.04) с просьбой утвердить своим распоряжением состав новой комиссии по реактуализации Государственной комплексной программы по поддержке функционирования языков на территории Республики Молдова (некоторые специалисты, входившие в состав первой комиссии, были освобождены от занимаемых должностей или сами поменяли место работы).

Разногласия в процессе подготовки к ратификации очень важного для полиэтнической Молдовы документа – «Хартии региональных языков или языков меньшинств» – также привели к приостановке работы по данному направлению.

В ответ на письмо Департамента (№ 02-277 от 07.05.04) Правительство Республики Молдова информировало его руководство о том, что, учитывая разногласия, работу над Программой целесообразно временно приостановить⁶³.

К сожалению, расхождения при работе над языковым законодательством по-прежнему характеризуют полярные взгляды на проблему.

Со времени своего основания Департамент стал государственным учреждением, объединившим этнокультурное движение республики. Статус общественного консультативного органа при Департаменте был закреплен за Координационным Советом Постановлением Правительства Республики Молдова № 554 от 27.07.1994⁶⁴. Но уже начиная с 1992 г. Координационный Совет проявил себя в неформальной деятельности⁶⁵. 27 ноября 2001 г. было принято Положение о Координационном Совете этнокультурных организаций, который был утвержден Генеральным директором Департамента межэтнических отношений 22 декабря 2001 г.⁶⁶. Согласно Положению, в состав Совета входят руководители (или их заместители) (но не более 1 чел.) общественных объединений нацменьшинств, зарегистрированных и состоящих на учете при Департаменте, Генеральный директор Департамента, его заместители, а также начальник управления национальных меньшинств и его заместитель, ассоциированные члены Совета, которыми являются руководители (или их заместители) (но не более 1 чел.) вновь созданных общественных объединений нацменьшинств в течение одного года со дня подачи заявления о постановке возглавляемых ими организаций на учет при Департаменте⁶⁷.

В соответствии с Положением, Совет возглавляют два сопредседателя – Генеральный директор Департамента (ныне Бюро) межэтнических отношений и представитель одного из этнокультурных обществ (последний избирается ежегодно)⁶⁸. Совет включает в себя 6 профильных секций, курирующих основные направления

деятельности общественных этнокультурных объединений, аккредитованных при Департаменте (ныне Бюро) межэтнических отношений: секцию общин и ассоциаций; секцию культурно-просветительских организаций; секцию женских организаций; секцию молодежных и детских организаций; секцию организаций по науке и образованию; секцию организаций дружбы и сотрудничества с зарубежными странами. Рабочим органом Совета является Правление из 17 человек, которое избирается ежегодно. В его состав входят и руководители вышеназванных профильных секций⁶⁹.

Как справедливо отметила одна из опытейших сотрудниц Департамента, работающая в нем практически со дня основания, Т. М. Левандовская, Совет стал одним из механизмов защиты интересов национальных меньшинств и позволяет их представителям участвовать в следующей деятельности: обсуждении и разработке предложений и рекомендаций по проектам законов и других нормативно-законодательных актов, затрагивающих интересы нацменьшинств; изучении и формировании общественного мнения в области национальных отношений; выполнении функции посредника между этническими меньшинствами и государственными органами, принимающими решения в сфере их непосредственных интересов⁷⁰.

По мнению Н. К. Олейника, который был сопредседателем Координационного Совета этнокультурных организаций при Департаменте (2000–2001 гг.), после создания этого совещательного органа «между Департаментом и этнокультурными организациями сложились отношения сотрудничества»⁷¹.

Наряду с организациями других многочисленных национальных меньшинств в состав Координационного Совета сейчас входит 8 обществ, представляющих интересы украинцев Молдовы. Внутри себя они создали свой Координационный Совет украинских организаций, что позволяет коллективно решать общие злободневные проблемы⁷².

С момента вступления в силу «Закона о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций» Департамент межэтнических отношений совместно с Коллегией этого ведомства, а также Координационным Советом и Правлением Координационного Совета этнокультурных организаций начали более тесно взаимодействовать с Комиссией Парламента Республики Молдова по правам человека и национальным меньшинствам⁷³.

Немало внимания ведомство уделяло поддержке в проведении всякого рода национальных праздников нацменьшинств. Ряд из них уже стало традицией отмечать массово, они хорошо известны в республике. Среди них можно назвать регулярно проводимые Дни славянской письменности и культуры, отмечаемые в мае, и Этнокультурный фестиваль, который проходит в третье воскресенье сентября. Эти мероприятия способствуют налаживанию взаимопонимания между представителями разных этносов, укрепляют этническое самосознание, способствуют формированию общих культурных ценностей, в том числе и среди украинцев края.

Подводя краткие итоги, следует констатировать, что за годы своего существования Департамент, в качестве исполнительного государственного органа, немало сделал для развития этноправового обеспечения и создания условий для этнокультурного развития нацменьшинств.

Вместе с тем надо отметить, что он занимался любыми вопросами содействия национальным меньшинствам, в том числе и украинцам (см. Приложение № 6), но не развивал систему поддержки самого мажоритарного этноса – молдаван, за

исключением государственного языка, который в стране все чаще назывался румынским, что, в конечном итоге, оказывало влияние на формирование представлений о Департаменте как о подразделении, занимающемся проблемами национальных меньшинств. В силу этого ведомство даже приобрело неофициальное название – «Департамент меньшинств». Из 87 этнокультурных организаций, аккредитованных при нем, по данным на 2005 г.⁷⁴, нет ни одной организации, защищающей интересы мажоритарного этноса, который тоже нуждается в поддержке.

Примечания

¹ Степанов В. П., Червенков Н. Н. О деятельности Института межэтнических исследований АН Республики Молдова // *Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale: mecanismul de implementare. Din materialele seminarului internațional. Chișinău, Comrat, Bălți, 9-11 noiembrie, 1999.* P. 107.

² Форма № 7. Приложение к Отчету о деятельности в 2000 г. Института межэтнических исследований АНМ. Отчет о работе с кадрами в 2000 г. // Автор благодарен доктору филологии Т. В. Зайковской (бывшей тогда ученым секретарем ИМИ) за предоставленные материалы о деятельности Института.

³ Кожухарь В. Г. Украиноведческие исследования в Молдове (1991–2001) // *Anuarul Institutului de Cercetări Interetnice. V. II. Chișinău, 2001.* P. 22.

⁴ Там же. С. 22.

⁵ К. Ф. Попович. *Eminescu. Viața și opera.* Chișinău. A.Ș.E.M., 2001. (Книга вышла уже в пятом издании).

⁶ В годы Советской власти К. Ф. Попович был редактором серии коллективных монографий: Молдавско-русско-украинские литературные и фольклорные связи. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1967; Молдавско-русско-украинские литературные связи второй половины XIX в. Кишинев, «Штиинца», 1979; Молдавско-русско-украинские литературные связи начала XX в. Кишинев, «Штиинца», 1982. Позже, уже будучи директором Института межэтнических исследований, К. Ф. Попович выпускает серию работ, посвященных проблемам молдавского, украинского и русского литературоведения в Молдове. См.: Popovici C. *Meditații și confesiuni.* Chișinău. «Paragon», 2000. 296 p.; он же. *Сторінки літопису (до українсько-молдавських фольклорно-літературних взаємин і проблем історії та самобутності українців Молдови).* Кишинів, «Paragon», 1998. 242 с.; он же. *Литературная тетрадь.* Кишинев, «Paragon», 1999. 240 с.

⁷ *Satul Petrunca la cântec și la joc: Din istoria și poezia populară a satului Petrunca – Glodeni* // Popovici C. F. (redactor-șef). Chișinău, 1995. P. 47.

⁸ *Співає Стурзовка: Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глоденського р-ну Молдови* // Попович К. Ф. (гол. ред.). Кишинів, 1995. С. 10 и др.

⁹ Там же. С. 30-32.

¹⁰ Панько В. Записки фольклориста. Устное народное творчество украинцев Севера Молдовы. Статьи. Исследования. Размышления. Материалы. Т. I. А-М (рукопись). Л. 89-90. Ксерокопия рукописи хранится у В. Д. Панько вс. Дану Глоденского р-на. Автор выражает свою признательность В. Д. Панько за предоставленную возможность поработать с рукописью.

¹¹ Попович К. Ф. *Сторінки літопису.* С. 50-51.

¹² *В земле наши корни: история, традиции и фольклор сел Дану, Каменкуца и Николаевка Глоденского района.* Исследования и материалы. Кишинев, 1997.

¹³ Степанов В. П. Проблема сохранения инонационального населения в условиях национального меньшинства в Республике Молдова: по результатам этносоциолингвистического исследования украинского населения с. Мусаит Тараклийского уезда // *Moldova între est și vest: identitatea națională și orientarea europeană* 28 octombrie – 1 noiembrie 2001. Chișinău, 2001. P. 205-217.

¹⁴ Попович К. Ф. *Український театр на кишинівській сцені.* Кишинів. 1995. С. 7.

¹⁵ *Енциклопедія українознавства.* Т. 3. Львів, 1994. С. 1151.

¹⁶ Подробнее см. параграф IV.2 данной монографии.

¹⁷ Кожухарь В. Г. Украиноведческие исследования в Молдове (1991–2001). С. 21.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См. Кожухарь В. Г. Указ. раб. С. 187-190.

²⁰ Указ раб. С. 194.

²¹ Визитей Н. Н. Национальная идея и проблема гражданской идентичности // *Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice.* Chișinău, 2000. С анализом взглядов данного автора читатель сможет познакомиться в параграфе III.3 настоящей монографии.

²² Кожухарь В. Г. Украинцы Молдовы: этнокультурная характеристика // Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice. Materiale conferinței din 4-5 mai 1999, rapoarturi și comunicări. Chișinău, 2000. С. 72; он же. Українці Молдови: минуле і сучасне // Україна – Молдова: історична спадщина і перспективи розвитку співробітництва: Матеріали науково-практичної конференції за міжнародною участю 26–27 червня 2002 р. Одеса: ОРІДУ УАДУ, 2003. с. 52-56; Educația multiculturală. Chișinău, «Vector», 2005. Р. 174-178 и др.

²³ Датий Ю. П. Проблемы культурного развития украинского населения Молдовы // Славянские культуры в инациональной среде. Материалы международной научно-практической конференции. Май, 1995. Кишинев, «Парагон», 1995. С. 47-52.; Датий Ю., Чернега Е. Проблемы функционирования и сохранения украинского языка и этноса в Молдове // Регулирование использования языков в полиэтническом обществе. Материалы международной конференции. 14-15 декабря 1995 г. Кишинев, 1996, С. 42-45.

²⁴ Кожухарь В. Г. Україноведческие исследования в Молдове (1991–2001). С. 22.

²⁵ Наряду с вышеназванной монографией в период работы в отделе В. Степановым были опубликованы следующие статьи по проблеме: Традиційно-побутова культура українців Бессарабії на сторінках Кишинівських Епархіальних відомостей (на укр. яз) // 2-й міжнародний конгрес українців. Доклади і повідомлення. Історіографія українознавства етнологія, культура. Львів, 1994. С. 249-252; Культура и быт украинцев Бессарабии в рукописях «Одесского общества истории и древностей» // Материалы международной научно-практической конференции «Славянские культуры в инациональной среде». Кишинев, 1995. С. 107-109; Культурные взаимовлияния в среде украинского населения Молдовы: история и перспективы // Доклады и сообщения международной научно-практической конференции 29.09.1999 «Этническая мобилизация и межэтническая интеграция: истоки, факторы, горизонты. Кишинев, 1999. С. 38-39 и др.

²⁶ К вопросу о происхождении украинского населения Бессарабии // Мысль. Теория, практика, публицистика, № 2. Кишинев, 1998. С. 38-48.

²⁷ Постановление № 357 «О неотложных мерах по достижению гражданского согласия в ССР Молдова», принято 14.11.90 // Булетинул Официал, nr. 011 din 14.11.90.

²⁸ Постановление № 444 «Об образовании Государственного департамента ССР Молдова по национальным вопросам» принято 16.11.90 // Булетинул Официал, N 000 din 16.11.90.

²⁹ Hotărîre nr. 72 «Cu privire la funcțiile de bază, structura, personalul scriptic și Regulamentul Departame tului de Stat pentru Asigurarea Funcționării Limbilor Vorbite pe Teritoriul Republicii Moldova» (extras), adopt 10.02.92 // Monitorul Oficial, nr. 002 din 28.02.92.

³⁰ Постановление № 36 «Об основных функциях, структуре, штатном расписании и Положении о Государственном департаменте языков» принято 29.01.93 // Monitorul Oficial, nr. 000 din 29.01.93.

³¹ Шорников П. М. Лингвистическая полиция – инструмент национальной политики в Республике Молдова (1991-1994) // Общественная мысль Приднестровья, № 1, Тирасполь, 2005. С.48-55.

³² В разные годы ведомство носило различные названия: 1990-1994 г. – Департамент по национальным вопросам. В 1994 г. с приходом аграриев к власти выходит Постановление № 554 «Об утверждении Положения о Департаменте национальных отношений и его структуры», принято 27.07.94 // Monitorul Oficial, nr. 000 din 30.07.94; в 1998 г. утверждается новая структура, Положения и штатная численность Департамента национальных отношений и функционирования языков (Постановление об утверждении структуры, Положения и штатной численности Департамента национальных отношений и функционирования языков № 998, принято 28.09.98 // Monitorul Oficial, nr. 092 din 08.10.98). В 2001 г. выходит новое Постановление об утверждении структуры и штатного расписания Департамента межэтнических отношений, № 594, принято 06.07.2001 // Monitorul Oficial, nr. 078 din 12.07.2001 articolul 3. Позже, в 2005 г., в связи с очередной реорганизацией Департамент называется Бюро – Постановление об утверждении структуры и предельной штатной численности Бюро межэтнических отношений, № 553, принято 08.06.2005 // Monitorul Oficial, nr. 083 din 17.06.2005.

³³ См. Monitorul Oficial al Republicii Moldova, nr. 59-61 (1658-1660), от 15 апреля 2005 г. С. 17. Игры с названиями и приоритетными направлениями ведомства сильно напоминали ситуацию с российским Министерством национальностей, также претерпевшим многочисленные переименования и трансформации. Подробнее см.: Губогло М. Может ли двуглавый орел летать с одним крылом? Размышления о законотворчестве в сфере этногосударственных отношений. М., 2000. С. 13-18.

³⁴ Непродолжительное время в составе уездных Советов была предусмотрена должность специалиста по функционированию языков и межэтническим отношениям. Однако данная единица финансировалась из местного бюджета, и, как правило, этими вопросами поручали заниматься чиновнику уездного совета в качестве дополнительной нагрузки к его основным функциональным обязанностям. Естественно, это сказывалось на результативности работы. После упразднения уездных советов указанные штатные единицы на местах были сокращены.

³⁵ Bejan-Volc I. Relațiile gender rural: un imperativ al timpului. Chișinău, Centrul Ed.poligr. Al USM, 2004. 221 p.

³⁶ Ярким показателем в этом смысле является то, что ни один из руководителей Департамента не был переведен на должность, равную по статусу, не говоря уже о более высоком назначении.

³⁷ Из интервью с Председателем общества, депутатом Республики Молдова Н. К. Олейником.

³⁸ Гребенщиков В. Культурное многообразие – богатство нашего общества // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Chișinău, «Cartea Moldovei», 2003. P. 16 (на молдавском языке). С. 17 (на русском языке).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ В тексте не представляется возможным привести всю переписку, которую вел Департамент по вопросу, поэтому в качестве примера приведем лишь письмо под № 02-249 от 21.10.1991 г., адресованное Генеральным директором В. Гребенщиковым на имя министра культуры и культов Республики Молдова И. Унгуряну: «Уважаемый господин министр! Общество украинской культуры Республики Молдова обратилось в Государственный Департамент по национальным вопросам с просьбой оказать содействие в регистрации и открытии христианской автокефальной церкви в г. Кишиневе. Члены руководства общества объяснили, что продолжительное время эта проблема не решается. Просим ответить письменно о причинах, на основании которых отказывается в регистрации церкви».

Позже, в феврале 1991 г., состоялись встречи зам. Генерального директора Департамента по национальным вопросам Г. Я. Якубович (одновременно являвшейся заместителем председателя Общества украинской культуры) и специалиста Департамента Ю. И. Максимова с Генеральным директором Департамента по культурам г-ном Владом, с главой Кишиневской метрополии и др., на которых поднимались вопросы регистрации и открытия украинской автокефальной православной церкви в г. Кишиневе. Департамент по национальным вопросам принял участие в организации встречи руководителей Комиссии Верховного Совета Республики Молдова по культуре и культурам, митрополита Владимира – главы Молдавской ортодоксальной церкви и митрополита Антония – главы украинской Автокефальной Православной церкви.

В результате этой встречи была достигнута договоренность о регистрации:

– украинских религиозных общин и украинских приходов, расположенных на территории Республики Молдова в составе Молдавского патриархата;

– молдавских религиозных общин и молдавских приходов, расположенных на территории Украины в составе Украинской Автокефальной церкви. Впервые в Республике Молдова была зарегистрирована украинская религиозная община в г. Кишиневе (сертификат № 309 от 18 февраля 1992 г.)

⁴² Постоянная комиссия Парламента Республики Молдова по правам человека и Департамент обратились с письмом к премьер-министру Республики Молдова г-ну В. Муравски (02-287/20.11.1991 г.): «Многоуважаемый господин Премьер-министр! Постоянная комиссия Парламента Республики Молдова по правам человека и Государственный Департамент Республики Молдова по национальным вопросам ходатайствуют положительно рассмотреть просьбу Общества украинской культуры в Республике Молдова о выделении для издания общества – еженедельника «Просвіта» восьми комнат в здании Дома печати по ул. Пушкина 22. Председатель комиссии А. Арсени, Генеральный директор В. Гребенщиков».

⁴³ Шорников П. М. Покушение на статус. Кишинев, 1997. С. 61-68.

⁴⁴ Гребенщиков В. Указ. раб. P. 15 (на молд. языке). С. 17 (на русск. языке).

⁴⁵ В качестве примера можно привести письмо за № 03-239 от 10.07.92 г., написанное Генеральным директором Департамента по национальным вопросам В. Гребенщиковым в Генеральную Прокуратуру:

**«Прокурору Республики Молдова
г-ну Постовану Д. Х.**

**Копия: гр-нам: Кушнир В. Ф., Новиковой В. П.,
Правиковой И. и другим
г. Кишинев, ул. Сельская, 107/1, кв. 1.**

Направляется для рассмотрения по принадлежности и принятия мер коллективное заявление граждан Кушнир В. Ф., Новиковой В. П., Правиковой и других, всего 16 человек, проживающих в домах №№ 107/1 и 107/2 по ул. Сельской в пос. Гидигич, на разбросанные в их почтовые ящики угрозы в письменной форме следующего содержания: „Россияне, казаки, смирновисты сняли маску с лица. Вся мировая общественность знает, что вы оккупанты Молдовы, фашисты. Нет пощады вам! Убирайтесь как можно быстрее! Гнев и жажда мести душит народ. За каждого невинного человека, погибшего на земле Молдовы, мы отомстим вам. Тут жизни вам не будет. Геноцид против молдавского народа обернется против вас не завтра, а сегодня. Матушка Россия ждет фашистов и оккупантов, она их защитит.

НЕМЕДЛЕННО УБИРАЙТЕСЬ! Не хотим пачкать вашей кровью благородную землю Молдовы. Народные мстители”.

Принимая во внимание, что противостояние на национальной почве в Молдавской гидрогеологической экспедиции не прекращается, есть факты избиения, самоуправного выселения из квартир, прошу проверить заявление граждан и о результатах проверки сообщить заявителям и в копии в Государственный департамент по национальным вопросам.

Приложение: заявление и один экземпляр предупреждения.

Генеральный директор

/В. Гребенщиков/».

Документ хранится в архиве автора.

⁴⁶ Примером может служить один из многих ответов – на письмо гражданина Петрищева Г. П., желающего переехать на Украину.

19.02.92

03-72

Уважаемый Геннадий Павлович!

На Ваше письмо от 30.1.92 г. отвечаем, что между Республикой Молдова и Украиной пока нет никаких соглашений, регулирующих миграционные процессы. Если вы желаете выехать в Украину, то можете сделать это беспрепятственно, никаких законов, запрещающих выезд из Молдовы, не существует. Вы должны обратиться в соответствующие органы Украины и получить разрешение на въезд и информацию о возможности трудоустройства и получения или постройки жилья.

О заключении соглашения между Молдовой и Украиной в области миграции будет сообщено в средствах массовой информации.

Согласно Закону Украины о пенсионном обеспечении переселенцам из других государств, не работавшим на Украине, пенсии исчисляются из расчета среднемесячного заработка работников соответствующей профессии и квалификации в Украине на время назначения пенсии (по данным соответствующего профсоюза), а при условии уплаты полностью необходимой суммы страховых взносов в Пенсионный фонд Украины – на общих основаниях.

Заместитель Генерального директора Г. Якубович».

Документ хранится в архиве автора.

⁴⁷ Абрамчук В. Нужна концепция // В лабиринтах самоопределения. Этническая мобилизация национальных меньшинств. Автор-составитель Е. М. Губогло. М., «ЦИМО», 2003. С. 58-62; Грек И. Департамент – «это всерьез и надолго» // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Chișinău, «Cartea Moldovei». P. 28 (на молд. языке). С. 31 (на русск. языке).

⁴⁸ Для представления ситуации, сложившейся в тот период, лучше всего предоставить слово непосредственно В. Абрамчук, прокомментировавшей отношение к Департаменту со стороны других официальных структур того времени в одном из своих интервью: «Когда ждать примирения народов? В Департаменте национальных отношений РМ прошла пресс-конференция по результатам его работы за год. Генеральный директор Вероника Абрамчук заметила, что прошлый, 1997-й, для Департамента был нелегким... К сожалению, правительство так и не утвердило основное их детище – проект Концепции политики государства в области межэтнических отношений, другими словами, „программу примирения народов Молдовы”. В. Абрамчук заявила, что исполнительные власти нарушили тем самым Положение о порядке рассмотрения подобных документов, превысила свои полномочия и Госканцелярия. Правительство, увы, не оказало ни малейшей финансовой поддержки группе ученых, разрабатывавших проект. Руководитель Дома национальностей надеется, что проект все же примут до предстоящих парламентских выборов. Хотя... „Я сделала вывод, что в правительстве идет активное лоббирование антидепартаментской политики! – сказала Вероника Михайловна. – Уже более года ждем ответа на представленную нами программу по изучению госязыка представителями нацменьшинств, рассчитанную до 2000 года. Представители нашего департамента не были приглашены к участию в разработке нашумевшего правительственного постановления № 1038 от 7 ноября 1997 года «Об утвержден и и Положения и порядке проведения конкурса на замещение вакантной государственной должности в органах публичной власти». Что это – случайность?».

Помимо ”прений” с правительством Департамент национальных отношений в течение года активно работал с этнокультурными обществами, в прошлом году провел много всевозможных мероприятий, подготовил немалое количество документов по просьбе министерств и ведомств. Сотрудники Департамента приняли участие в ряде международных форумов и семинаров, ну, и самое главное: Департамент, по мере возможности, защищал интересы нацменьшинств: боролся за сохранение русских школ, детских садов... А вскоре в Молдову прибудет российская делегация Министерства по делам национальностей и региональной политике - подписывать межведомственное соглашение.

Посетовала В. Абрамчук и на то, что Департамент нацотношений получает средства из правительственного резервного фонда, который зачастую к концу июня скудеет. Вот если бы он финансировался по отдельной бюджетной статье!..» // И. Святченко. Кишиневские новости, 13 февраля 1998 г.

⁴⁹ Стоянова Т. П. Приоритетные направления государственной политики по укреплению социальной интеграции в Молдове // *Procesele integraționiste din Republica Moldova. Elaborarea strategiei naționale*. Chișinău, 2000. С. 264.

⁵⁰ Грек И. Департамент – это «всерьез и надолго». Р. 28 (на молд. языке), с. 31 (на русск. языке).

⁵¹ Mobilizarea etnică și integrarea interetnică: Izvoare. Factori. Orizonturi. Conferință științifico-practică. 29 septembrie 1998; Convenția-cadru pentru protecția minorităților naționale: mecanismul de implementare. Din materialele seminarului internațional, Chișinău, Komrat, Bălți, 9-11 noiembrie 1999; Unitatea poporului Republicii Moldova și problema identității etnice. Materiale conferinței din 4-5 mai 1999, raporturi și comunicări. Chișinău, 2000; *Procesele integraționiste din Republica Moldova. Elaborarea strategiei naționale*. Chișinău, 2000 и др. Внимание издательской деятельности Департамента всегда уделяла молдавская пресса (см., например: Независимая Молдова, 14 декабря 2000).

⁵² Основная масса проводимых опросов носила пилотный характер. В отличие от дорогостоящих опросов, позволяющих оперировать репрезентативными цифрами, пилотные способны указывать лишь на тенденцию изучаемых процессов, но и это было немаловажно для оперативности работы на начальной стадии. Среди публикаций, представляющих полученные цифры, можно назвать ряд работ, написанных автором за время работы в данном Управлении: Степанов В. П. Проблема сохранения инационального населения в условиях национального меньшинства в Республике Молдова: по результатам этносоциоллингвистического исследования украинского населения с. Мусаит Тараклийского района // *Moldova între Est și Vest: identitatea națională și orientarea europeană*. Chișinău, Centrul Ed. al USM, 2001. Р. 205-217; он же. Das Problem der intrerethnischen Perzeption in einer multiethnischen Gesellschaft (am Beispiel der nördlichen Regionen der Republik Moldova) (на нем. яз.) // *Modell einer Regionalpartnerschaft. Kärnten-Czernowitz*, 2002. Р. 178-181; он же. Национальная идентичность и языковые предпочтения в межэтническом диалоге: по материалам этносоциологического опроса в Республике Молдова // *Minoritățile naționale și relații interetnice: tradiția europeană și experiența noilor democrații pentru Moldova. Materialele simpoziului I internațional*, 28-29 iunie 2002. Iași, 2002. С. 143-157; он же. Проблеми національної ідентичності українців Молдови // *Україна-Молдова: историческое наследие и перспективы развития сотрудничества. Материалы научно-практической конференции с международным участием*. 26-27 июля 2002. Одесса, 2003. С. 109-121; он же. Поняття «чужий» в уявленнях молдаван Півночі Бессарабії (на укр. языке) // *Єврорегіони: потенціал міжетнічної гармонізації*. Збірка наукових праць. Матеріали міжнародній науковій конференції 17–18 квітня 2003 р. Чернівці, «Букрек», 2004. С. 167-180; он же. Проблема межэтнического восприятия в полиэтническом обществе (на примере северных регионов Республики Молдова) (на русском и молдавском языках) // *Етнічні взаємини на території Єврорегіону «Верхній Прут»*. Міжнародна наукова наукова конференція 8–9 червня 2001 р. Чернівці, «Букрек», 2004. С. 359-380; он же. Образ этнического чужого в русском анекдоте и в сатирических карикатурах современной периодики Молдовы // *Славянские чтения*. Вып. 2. Мат-лы научно-теоретической конференции. Кишинев, 2004. С. 61-76 и др.

⁵³ Шорников П. М. Новое направление работы Департамента – мониторинг // *Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova*. Chișinău, «Cartea Moldovei». Р. 36 (на молд. языке). С. 40 (на русск. языке).

⁵⁴ Постановление № 553 «Об утверждении структуры и предельной штатной численности Бюро межэтнических отношений», принято 08.06.2005 // *Monitorul Oficial*, nr. 083 din 17.06.2005.

⁵⁵ Постановление № 167 «О национальной программе по улучшению изучения государственного языка Республики Молдова взрослым населением (2001–2005 гг.)», принято 26.02.2001 // *Monitorul Oficial*, nr. 027 din 06.03.2001.

⁵⁶ Герман Ч. Содействие изучению государственного языка взрослым населением // *Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova*. Chișinău, «Cartea Moldovei». Р. 131 (на молд. языке). С. 141 (на русск. языке).

⁵⁷ Постановление № 1374 «Об утверждении Программы мероприятий по внедрению государственного языка, финансируемой из средств Фонда по внедрению государственного языка на 2001 год», принято 07.12.2001 // *Monitorul Oficial*, nr. 152 din 13.12.2001, articolul 41.

⁵⁸ Герман Ч. Указ. раб. С. 132 (на молд. языке). С. 142 (на русск. языке).

⁵⁹ Постановление № 48 «О деятельности Департамента межэтнических отношений», принято 23.01.2003 // *Monitorul Oficial*, nr. 009 din 28.01.2003.

⁶⁰ Материалы Коллегии Департамента «Об актуализации Государственной комплексной программы по поддержке функционирования языков на территории Республики Молдова (1989 г.)» от 10.06.03. и «О предложениях к проекту Государственной комплексной программы по поддержке

функционирования языков на территории Республики Молдова (по предложениям рабочих групп)», от 07.10.03 // Текущий архив Бюро межэтнических отношений.

⁶¹ Состав республиканской комиссии по актуализации Государственной комплексной программы по поддержке функционирования языков на территории Республики Молдова:

Млечко Т., Генеральный директор Департамента межэтнических отношений. Председатель комиссии; Бэрбуцэ И., директор Института лингвистики АНМ, сопредседатель комиссии; Герман Ч., начальник управления языков и межэтнической коммуникации Департамента межэтнических отношений, секретарь комиссии;

Думбрэвяну А., директор Национального терминологического центра;

Бабенко О., зам. министра просвещения РМ; Кожокару Т., зам. министра просвещения РМ;

Банкова И., зав. Кафедрой гагаузского языка и литературы Госуниверситета г. Комрат;

Кара Н., доктор конференциар Кафедры русской филологии МолдГУ, зам. председателя Научного общества болгаристов РМ;

Зайковская Т., зав. Отделом языка, истории и культуры русского населения Молдовы Института межэтнических исследований АНМ;

Костецкий В., ректор Славянского университета РМ;

Кожухарь Е., старший научный сотрудник Института межэтнических исследований АНМ;

Константинович Е., доктор хабилитат филологии Института лингвистики АНМ;

Червенков Н., доктор хабилитат истории, зав. Отделом болгаристики Института межэтнических исследований АНМ;

Чимпоеш Л., доктор филологии, зав. Отделом гагаузоведения Института межэтнических исследований АНМ;

Шейкан В., зам. министра культуры.

⁶² Текущий архив Бюро межэтнических отношений за 2004 г.

⁶³ Текущий архив Бюро межэтнических отношений. Материалы коллегии от 18 июня 2004 г.

⁶⁴ Постановление № 554 «Об утверждении Положения о Департаменте Национальных отношений и его структуры», принято 27.07.94 // Monitorul Oficial, nr. 000 din 30.07.94.

⁶⁵ Млечко Т. Координационный Совет этнокультурных организаций как механизм взаимодействия власти и общества // Funcționarea instituțiilor democratice în statutul de drept. Materiale ale conferinței teoic etico-științifice internaționale, 25–26 ianuarie 2003 (mun. Bălți) / Red. șt. Gh. Costachi. Chișinău, F.E.P. «Tipografia centrală», 2003. P. 89.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Положение о Координационном Совете этнокультурных организаций при Департаменте межэтнических отношений // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Chișinău, «Cartea Moldovei P. 118 (на молд. языке). С. 116 (на русск. языке).

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Левандовская Т. Общественные объединения национальных меньшинств Республики Молдова и интеграционные процессы // Procesele integraționiste din Republica Moldova. Elaborarea strategiei naționale. P. 197.

⁷¹ Олейник Н. Отношения сотрудничества // Departamentul Relații Interetnice al Republicii Moldova. Chișinău, «Cartea Moldovei». P. 96 (на молд. языке). С. 93 (на русск. языке).

⁷² Более подробно о Координационном совете украинских организаций см. ниже.

⁷³ Впервые совместное заседание Коллегии Департамента межэтнических отношений и Комиссии Парламента по правам человека и национальным меньшинствам состоялось 30 июля 2003 г. На нем были обсуждены вопросы взаимодействия Департамента с Комиссией Парламента по исполнению Постановления Парламента № 1293-XVot 25 июля 2002 г. «О результатах контроля исполнения Закона о правах лиц принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций».

⁷⁴ Текущий архив Бюро межэтнических отношений Республики Молдова; Для сравнения: по данным Государственного Комитета по делам национальностей и миграции на территории Украины в 2003 г. функционировало 778 национально-культурных организаций, 28 из которых имели всеукраинский статус, 36 центров культуры, а также дома народного творчества, центры фольклора и этнографии, свыше 1160 национальных коллективов художественной самодеятельности, музыкальных и фольклорных коллективов национальных меньшинств (среди которых – 227 театров и театральных трупп, 338 танцевальных коллективов, 343 хоровых коллектива, 258 музыкальных ансамблей), 20 русских театров, а также театры, которые транслируют венгерскую, польскую и крымскотатарскую культуры. Кроме того, в 367 библиотеках функционируют отделы литературы на языках национальных меньшинств (Колісник В. Національно-етнічні відносини в Україні: теоретичні засади та конституційно-правові аспекти. Харків, «ФОРІО», 2003. С. 102).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование современности налагает особую ответственность. Ведь многие события еще не получили в историографии устоявшейся оценки. Дополнительной трудностью является то, что множество материалов и документов недоступно. Специалистам известно, что вплоть до сих пор многие факты Второй мировой войны остаются нераскрытыми, потому что еще живы те, кто заинтересован в их сокрытии. Что же говорить о событиях гораздо более свежих – поставить точку в их анализе придется еще не скоро. Потому автор и выбрал очерковый жанр исследования.

В области правотворчества Республика Молдова, как и многие государства бывшего Союза ССР, сделала свой выбор в пользу построения гражданского общества. Однако его строительство представляет собой длительный процесс создания не только соответствующего работающего демократического законодательства, но и условий для бесперебойной деятельности системы государственных и общественных институтов, чьи усилия направлены на обеспечение формирования гражданских ценностей, поддержки и развития неправительственного этнокультурного движения.

В настоящее время в республике функционирует целый ряд государственных учреждений, чья деятельность призвана способствовать обеспечению интересов граждан в реализации их этнокультурных прав. Это Бюро межэтнических отношений Республики Молдова, Отдел образования национальных меньшинств Министерства просвещения и молодежи, Институт межэтнических исследований АНМ, влившийся в августе 2006 г. в Институт культурного наследия АНМ (с сохранением своих структурных подразделений, занимающихся проблемами истории, языка и культуры украинцев, русских, гагаузов, болгар, евреев, цыган и представителей других национальностей, проживающих в нашем государстве. Здесь же следует назвать Центр по правам человека в Республике Молдова и др.

В Базовом докладе о положении в области прав человека в РМ констатируется, что страна добилась ощутимых результатов в деле защиты прав национальных меньшинств и располагает законодательной базой, которая в этой сфере, в целом, соответствует международным стандартам, но «проблема состоит в том, что в некоторых случаях механизмы внедрения законов либо недостаточно развиты, либо не работают совсем. С другой стороны, никакие законодательные рамки, независимо от степени их совершенства, не смогут заменить и гарантировать дружелюбие, этническую терпимость и гармонию межэтнических отношений в случаях, когда этнические сообщества плохо осведомлены друг о друге, не желают сближения, искусственно изолируются, относятся пренебрежительно к представителям других национальностей и считают свою национальность значительно лучше других, обвиняют друг друга во всевозможных бедах, не осознают себя в качестве неотъемлемой части общества, отказываются от диалога и компромиссных решений»¹.

Понятно, что речь идет о Приднестровье, в котором за годы конфликтной ситуации было выработано свое внутреннее законодательство, регламентирующее, в том числе, этноправовые и этноязыковые взаимоотношения. В Республике Молдова, как было отмечено, в настоящее время реально функционируют две законодательные базы: одна в правобережных, другая в левобережных районах. На этих двух территориях наличествует разная государственная символика (гимн, герб и флаг). Различные нормы гражданского воспитания преподаются в учебных

заведениях и в рядах вооруженных сил. На обоих берегах Днестра уже выросло целое поколение людей с разными взглядами и ценностями.

В силу этого для оптимизации этнического и гражданского факторов в сообществе Молдовы необходимо, учитывая сложившуюся в республике ситуацию, создать условия для продолжения переговорного процесса с непризнанной ПМР, для чего рассмотрев все возможные варианты обустройства расколовшегося государства².

За последние 15 лет этническая жизнь украинцев Молдовы не стояла на месте. *Эволюция нормативно-правовой базы по обеспечению прав и свобод национальн меньшинств в Республике Молдова представляет собой процесс.* Создана система этноправовой государственной защиты национальных меньшинств, в том числе и украинце открыты учебные заведения, в которых изучается украинский язык как предмет, сформировалась этническая интеллигенция в лице педагогов, художников, общественных деятелей, в меньшей степени писателей. Но политическая воля к самоорганизации следует констатировать, оставляет желать большего. В целом их поведение соответствует характеристике, данной профессором И. П. Варзаром представителям «украинских романцев»: «Интеллектуальные силы у украинских романцев просто-таки велики: до сотни разнопрофильных ученых высокой квалификации; до тридцати писателей, поэтов, публицистов; две сотни вузовских ученых и преподавателей, пять народных артистов десять заслуженных артистов; масса учителей, врачей, музыкантов... Редкая иноэтническая община в Украине могла бы сравниться потенциалом с молдорумынами! А потому, отвечая на Ваш вопрос откровенно, с печалью констатирую: силы есть, а политической воли к самоорганизации... – этой воли, к сожалению, мало. Может быть, пока...»³.

Еще одним важным выводом является следующий: проблему гражданской идентификации отдельного этнического образования – будь то украинцы, русские или болгары Молдовы – нельзя рассматривать в отрыве от общегражданской политики. Для государства не должно быть граждан первого и второго сорта. Поэтому справедливыми выглядят рекомендации, которые нашли отражение в Базовом докладе о положении в области прав человека в Республике Молдова (см. выше) в котором, в частности, подчеркивается необходимость постоянного мониторинга по соблюдению прав представителей национальных меньшинств и соблюдению законодательства; разработки и принятия конкретных законодательных и административных мер по обеспечению соответствующего участия представителей нацменьшинств в работе госучреждений и в структурах местной публичной администрации; создания условий со стороны государства для изучения госязыка представителями нацменьшинств, претендующими на публичные должности; составления лидерами этнокультурных организаций ежегодного отчета по оценке положения национальных меньшинств и мер по его улучшению; повышения внимания к мерам, направленным на повышение уровня знаний в области прав национальных меньшинств и др.⁴

Гражданские ценности неразрывно связаны с учетом этнических интересов представителей разных этнических и языковых групп. Их формирование представляет длительный процесс, который даст свои плоды только в будущем поколении. «В итоге, на протяжении, как правило, продолжительного периода сотрудничества народов в данной стране – вокруг и на базе титульного народа – возникает единогосударственная политическая нация»⁵.

Необходимо подчеркнуть, что наряду с естественными процессами этнической эволюции в трансформационный период особое распространение получает конструирование развития этносоциальных организмов⁶.

Озабоченность вызывает и проблема двойного гражданства, вставшая в республике в целом. Например, в Приднестровье свыше 100 тыс. чел. – граждане Российской Федерации⁷.

В 2004 г., спустя 13 лет со времени принятия первого закона о гражданстве, согласно данным переписи, впервые была собрана информация о гражданстве следующего содержания: гражданство Молдовы оказалось у 99,6% жителей. К гражданам других стран причислили себя 6,5 тыс. чел., без гражданства оказались 5,4 тыс. чел. Двойное гражданство имеется у 12,7 тыс. чел.⁸. Следует полагать, что это лишь официальные сведения. Свыше 300 тыс. граждан Молдовы, среди которых немалое количество украинцев республики, являются гражданами соседней Румынии. Причины этого явления имеют в своей основе как идеологические, так и экономические корни. Например, большинство людей, принявших румынское гражданство, осуществили этот шаг, прежде всего, в связи со стремлением к улучшению условий жизни, надеясь на скорейшую интеграцию Румынии в ЕС. Так, субъективная причина безденежья может породить более глобальную (в государственном масштабе) проблему сохранения этнической, а возможно и государственной идентичности.

Важным представляется концептуальное решение межнационального вопроса. Актуальным является поиск компромиссной формулы языкового взаимодействия. Особое внимание необходимо уделить поддержке и развитию культур и языков нацменьшинств и малых народов. Одной из характеристик современной этнополитической жизни Европы является ее ориентированность на сохранение и развитие национальных меньшинств, их культур и языков. Поэтому к данной проблеме наблюдается столь пристальный интерес в странах новых демократий, на которые в годы трансформации западные страны стали активно влиять своей идеологией, привнося в постсоветское сообщество как прогрессивные идеи в развитии общества, так и социальные болезни, которые были практически неизвестны. Исходя из Европейского законодательства, можно сделать вывод: никто не собирается притеснять национальные меньшинства. Этот принцип транслируется и на страны новых демократий. Но нацменьшинства, в свою очередь, должны придерживаться определенных правил: соблюдать законы страны проживания, знать язык и уважать культуру мажоритарного этноса.

Нормализация социально-экономической жизни также послужит дополнительным стимулом в деле изучения государственного языка. Работа по укреплению экономики прекратит возросшую до небывалых размеров трудовую миграцию, ограничив, таким образом, этнополитическую распыленность населения, сосредоточив внимание, в частности, на государственном языке как экономически наиболее выгодном. Необходимо подчеркнуть, что это лишь один из факторов, способных содействовать распространению ценностей языка мажоритарного этноса среди национальных меньшинств.

Необходима гуманитаризация образования. Граждане Республики Молдова разных национальностей должны больше знать друг о друге, для чего в учебных заведениях необходимо ввести обязательный курс «Народоведения».

Серьезного внимания требует работа по повышению правовой культуры граждан – мажоритарного этноса, представителей национальных меньшинств, в первую очередь должностных лиц на местах. Это будет способствовать борьбе с правовым нигилизмом, пренебрежительным отношением к закону, на что обращают внимание

правоведы⁹. Воплощение этих первоочередных мер будет значительно содействовать гражданской мобилизации сообщества Молдовы, обеспечит динамичное развитие этнического фактора в этнокультурных средах, полиэтнического государства в целом.

Следует констатировать, что истекшее шестнадцатилетие в Молдове позволяет выделить определенную динамику в сфере этнокультурного движения украинского населения Молдовы. Условно его можно разделить на три периода – *бурление и пробуждение, оформление и становление, осмысление и ожидание*. Первый начинается с 1989 г. и доходит до 1993–1994 гг., когда в процессе этнополитического бурления происходит рождение основной массы республиканских этнокультурных объединений. С этого времени наступает новый период в жизни ЭКО, его можно довести до конца 90-х, начала 2000-х гг. К этому времени относится *оформление и становление* этнокультурного движения украинцев в правобережных районах Молдовы, начиная с двух центров – Кишинева и Бельца. Аналогичная ситуация наблюдается в Приднестровье, где основными центрами украинского возрождения выступают Рыбница, Дубоссары и Тирасполь. Этот процесс протекал нелегко и в определенной степени зависел от развития внутреннего законодательства по поддержке национальных меньшинств, в том числе и украинцев. Поэтому третий период (2001–2005 гг.) можно охарактеризовать как время законодательного подтверждения прав национальных меньшинств в правобережных районах республики (см. характеристику соответствующего периода в главе, посвященной освещению нормативно-правовой базы в области культурно-языковых и гражданских прав и свобод украинского населения, действующей в Пруто-Днестровских районах Республики Молдова), который можно образно назвать временем *осмысления и ожидания* (где осмысление постигло, в первую очередь, национальную интеллигенцию и лидеров этнокультурного движения украинцев). Назвать этот период временем осмысления заставил тот факт, что за названный период был принят ряд законов, чрезвычайно важных для этнокультурного развития представителей национальных меньшинств республики, в том числе и украинцев. Прежде всего, речь идет о «Законе о правах лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, и правовом статусе их организаций», «Законе об утверждении Концепции национальной политики Республики Молдова».

Необходимо отметить следующее:

- в процессе трансформации общественных ценностей и резком повышении роли этнического фактора в общественной жизни активизировались пассионарные личности, включившиеся в процесс этнокультурного возрождения;
- этнокультурное общественное движение представляло собой школу демократии, в которой приходилось учиться буквально по ходу дела;
- в процессе этнокультурного строительства институт лидерства, в том числе в среде одной этнической группы – украинцев, расширился, равно как и круг проблем, которыми занимались общественные украинские объединения. В связи с этим увеличивалось и само число этих организаций, их представительств на местах, а также количество их лидеров;
- обращает на себя внимание этнополитическая активность ряда этнокультурных организаций республики, в том числе нацеленная на включение украинского населения в решение государственных проблем, представительство в государственных органах управления;

– вызывает озабоченность недостаточное контактирование этнокультурных организаций двух берегов Днестра в связи с нерешенностью приднестровской проблемы.

Автор допускает, что в полиэтническом обществе, коим является Республика Молдова, появление на определенном этапе нескольких этнокультурных организаций, представляющих интересы одного национального меньшинства (например, 8 украинских организаций в правобережных районах Республики Молдова, такое же количество русских, 11 цыганских – при этом речь идет об ЭКО только с республиканским статусом), выступало действенным рычагом по манипуляции отдельным национальным меньшинством, в связи с тем, что с возникновением большего количества организаций появлялось и большее количество лидеров, на интересах которых можно было играть. Использование этнокультурного разнообразия стало серьезным фактором, которым стечением времени стали манипулировать все более или менее серьезные политические силы в стране.

С другой стороны, существование нескольких этнокультурных организаций может свидетельствовать о том, что в ходе развития этнокультурного движения – в данном случае украинского – определились естественные ниши, или сферы деятельности, в которых каждая из них нашла свое применение.

В процессе дальнейшей жизни в этнокультурном движении появилась такая форма коллективного сотрудничества, как Конгресс украинских (соответственно русских и др.) этнокультурных организаций (в правобережных районах Республики Молдова), Союз украинских организаций им. А. Бута (в непризнанной ПМР) для координации совместных усилий.

Одновременное их включение в состав Координационного Совета этнокультурных организаций как совещательного органа при Департаменте (позже Бюро) межэтнических отношений Молдовы явилось серьезной школой толерантности и политической культуры. Этому же способствует проведение многочисленных совместных полиэтнических мероприятий (ежегодный Этнокультурный фестиваль, Дни славянской письменности и культуры, праздник «Limba noastră»¹⁰ и др. акции), способствующих воспитанию толерантности, чувства общности и взаимопонимания. Здесь же следует констатировать, что украинская община Приднестровья также активно участвует в праздниках, проводимых в непризнанной ПМР (те же Дни славянской письменности и культуры), но в оторванности от украинцев правобережных районов Молдовы.

Основываясь на проанализированных документах и материалах, следует констатировать, что в Республике Молдова просматривается картина многообразия и многоступенчатости этнической, языковой и даже гражданской идентификации. Очевидно также и то, что этнический и региональный факторы в стране значительно преобладают над гражданским и государственным. Немалую роль в деле консолидации представителей разных национальностей, в силу специфики своей деятельности вне зависимости от политической конъюнктуры, сыграло Бюро межэтнических отношений РМ. Эта организация оказывала посильную поддержку Институту межэтнических исследований, который, являясь уникальным учреждением в системе АН бывших стран СССР, выступал в нелегкое время трансформации центром, сохранившим и приумножившим научные данные об этносоциальных группах населения, проживающих в государстве.

Сохранение структурных подразделений реструктурированного Института межэтнических исследований, влившегося в качестве составляющей (Центр этнологии) во вновь созданный Институт культурного наследия в системе АН

Молдовы, вселяет надежду на дальнейшее развитие комплексных исследований межэтнических отношений в сфере изучения культурного наследия полиэтнического населения, называющего Молдову своей Родиной.

В заключение следует констатировать, что проблема этнической и гражданской идентичностей в полиэтническом обществе требует пристального комплексного внимания и изучения как практиками-политиками, так и аналитиками.

Примечания

¹ Права национальных меньшинств // Базовый доклад о положении в области прав человека в Республике Молдова. Кишинэу, 2003. С. 71.

² Надо отметить, что среди аналитиков нет общего представления о форме возможного объединения Молдовы. Например, один из путей нормализации обстановки ряд аналитиков и политиков видят в федерализации государства. Однако эта идея воспринимается по-разному. Приведем несколько примеров. Ион Варта: «...Если пойдем по пути федерализации, усилится напряженность в межэтнических отношениях...» («Ликвидация истории румын – навязчивость, доходящая до пароксизма» // «FLUX», 21 februarie, 2003); Еужен Холбан: «Все, кроме "бессарабских румын", – мигранты. Поэтому федерализация государства неприемлема в принципе» («Право на правду» // *Literatura și arta*. 10 aprilie 2003); Агентство Инфотаг: «Дж. Сорос против урегулирования приднестровской проблемы путем федерализации Молдовы» (*Moldova Azi*. 2002. 21 октябрь, www.azi.md; Николай Бучацкий: «Молдова окончательно подтвердила свою приверженность федеративному устройству нового государства. Есть, правда, несогласие националистической оппозиции...» («Новый год – новые надежды») // «Независимая Молдова». № 8-3 (3217-3218) С. 5; О. С. Галущенко: «В существующей сегодня ситуации молдавскую государственность еще можно спасти от ликвидации при помощи такого сравнительно менее болезненного средства, как федерализация» («Федерализация как предпоследнее средство спасения молдавской государственности») // Ежегодный исторический альманах Приднестровья, № 9. 2005. С. 14. Цитирование можно продолжать, но и без того видно, что острота проблемы будущего двух берегов Днестра уже перестала быть только внутренним делом расколотой страны.

³ Варзар І. Із контекстів минулих літ. В концептуальних і мемуарних вимірах. Книга 1 Держава і народ етносу політологічному дискурсі. «ФАДА ЛТД», Київ, 2003. С. 360. Хочется напомнить уважаемому читателю, что представителей численно больших, но политически слабо выраженных групп населения американский исследователь Д. Лейтин причисляет к носителям «конгломератной идентичности».

⁴ Там же. С. 76-78.

⁵ Там же. С. 301.

⁶ См. Малахов В. С. Неудобства с идентичностью // Идентичность. Хрестоматия. Москва – Воронеж Издательство Московского психолого-социального Института; Воронеж, издательство НПО «МОДЭК», 2003. С. 42-45.

⁷ И снова о гражданстве // Русский рубеж, № 28 (130), 22 сентября 2006. С. 8.

⁸ Молдавские ведомости, № 27 (827), 12 апреля 2006 г. С. 2.

⁹ Сидоров М. Обеспечение и защита основных прав и свобод человека // *Procesele integraționiste din Republica Moldova. Elaborarea strategiei naționale*. Chișinău, 2000. P. 166.

¹⁰ Любопытно, что праздник «Limba noastră», изначально официально введенный в качестве Дня румынского языка – «Limba noastră sea română», с течением времени и развития этнического сознания национальных меньшинств Республики Молдова во многих местах их компактного проживания стал праздноваться как День родного языка того национального меньшинства, которое преобладает в данном населенном пункте. В Тараклийском р-не – болгарский язык, в АТО Гагаузия (Гагауз Ери) – гагаузский язык, в местах компактного проживания украинцев – украинский и т. п. С течением времени обстановка изменилась, праздник языка получил более обобщенное название «Limba noastră-i o sotoară». Этому способствовало время и народная мудрость.

Выступая с интервью газете «Русское слово», генеральный директор Департамента межэтнических отношений Ольга Гончарова, говоря о проведении праздника «Limba noastră» в 2004 г., подчеркнула, что у «многих он (праздник – В. С.) постоянно вызывает тревогу и переживания: чей это праздник и какой он? А он очень простой... наш язык – это кладовая. И каждый язык – это маленький бриллиант в едином культурном и лингвистическом наследии Молдовы» // Гончарова О. И. Люди сами должны осознать важность билингвизма. Интервью газете «Русское слово», № 24 (92), декабрь, 2004. С. 3.

Rezumat

Dezvoltarea identității etnice și civice a ucrainenilor din Republica Moldova în condițiile mediului poliethnic constituie subiectul acestei monografii. În baza studierii legislației în vigoare îndreptate spre asigurarea realizării drepturilor și libertăților etnoculturale a populației, autorul urmărește dinamica procesului legislativ, luând drept exemplu pe ucrainenii de pe ambele maluri ale Nistrului. Este prezentată, de asemenea și activitatea Institutului de Cercetări Interetnice AȘM și Biroului Relații Interetnice al Republicii Moldova în calitate de organ executiv ce realizează politica în domeniul relațiilor naționale. Cartea este destinată istoricilor, etnologilor și politologilor, dar și profesorilor, studenților și tuturor celor interesați de procesele etnopolitice și etnoculturale din Republica Moldova.

Резюме

В монографии рассматривается развитие этнической и гражданской идентичности украинцев Республики Молдова, проживающих в условиях иноэтничного окружения. На основе анализа действующего законодательства, направленного на обеспечение реализации этнокультурных прав и свобод населения, автор рассматривает его динамику на примере украинцев края обоих берегов Днестра. В монографии также представлена деятельность Института межэтнических исследований АНМ и Бюро межэтнических отношений Республики Молдова в качестве органа исполнительной власти, реализующего политику в области национальных отношений. Книга предназначена для историков, этнологов и политологов, а также для преподавателей, студентов и всех, кто интересуется этнополитическим и этнокультурным строительством в Республике Молдова.

Summary

The monography contains the investigation in the development of ethnic identity of Moldovan Ukrainians residing in other ethnic environments. On the basis of the analysis of the acting legislation directed to the provision of the realization of ethnic and cultural rights and freedoms of the population, the author investigates its dynamics considering the Ukrainians on the both sides of the Dnestr as an example. The activities of the Institute of National Minorities of Academy of Science in Moldova and of the Bureau of Interethnic relations in the Republic of Moldova as an organ of the executive power implementing the policy in the realm of international relations is given in the monograph. The book is intended for historians, ethnologists or political scientists as well as for students and everybody who is interested in ethno-political and ethno-cultural integration in the Republic of Moldova.

ЭТНОЛОГИЯ

KEITH HITCHINS

HISTORY AND IDENTITY IN THE NOVELS OF ION DRUȚĂ

My main purpose in this paper is to investigate the definition of Moldavian offered by the contemporary Moldovan novelist Ion Druță, that is, to see what answers he gives to a series of questions that inevitably come to mind in any discussion of ethnic or national identity: What qualities distinguished the Moldavian? Were these qualities eternal, or did they change over time? What values, spiritual or material, held the Moldavian community together? Were these values constantly in flux, merely moral adaptations to the passing times, or were certain values permanent, inbred, one might say? To suggest answers to these questions I am going to use four of Druță's novels¹: "Frunze de dor" (1957), a tragic love story with the Second World War as a constant, if distant, presence; "Povara bunătății noastre" (1970), a narrative of the effects of war and peace and of continuous ferment in the Moldavian village in the first half of the twentieth century; "Clopotnița" (1972), an inquiry into the uses of history and a defense of spiritual values from the perspective of a village schoolteacher; and "Biserica Albă" (1982), a meditation on identity and faith in Moldavia set in the time of the Russo-Turkish War of 1787–1792.

I approach the theme of my paper as a historian, and thus I ask the questions historians usually ask and use the methods they usually use. I read Druță's novels as, in a sense, documents or original sources, to be analyzed and compared, and, then, on the basis of these researches I made generalizations and drew conclusions. I was following my own interests, too. The origins of modern nations and the formation of national identities have long intrigued me. In these and other questions I am fascinated by the continuity of the historical development of peoples over long periods of time, and I am continually asking myself and others how much of the past is preserved in the present and thus how much we owe the past for the way we live and for the values that guide us. It is, then, in this spirit and with such aims in mind that I turned to the novels of Ion Druță.

I know that he is not a historian, at least not in the strict sense of the term. He is an artist who is pursuing his own creative aims and uses his own means to achieve them. As a fiction writer he is concerned with such matters as theme, plot, structure, character, and language. I also know that in composing his novels he did not intend to produce documents for professional historians to pore over and from which to extract the raw materials for scholarly monographs and conference papers. But I am certain that he wanted all his readers to ponder the questions that were important to him and that he was at great pains to set before them in an engaging form and a lively prose.

Although Ion Druță may not approach history in the same way a professional historian does, he nonetheless displays a keen understanding of how history influences society in general and affects individuals in particular. His enthusiasm for history is contagious; he is Horia Holban, the village teacher in "Clopotnița" who reveres history as the preserver of memory and as a moral guide. But Druță's method is different from that of the professional historian. Rather than describing battles or other events directly and in detail, he allows wars and high politics to be reflected in the daily lives and inner feelings of his characters. This is his way of measuring general social progress and individual moral stability.

Ion Druță's knowledge of Moldavian history is broad and his meditations on its meaning for the Moldavian people are profound, and thus he is able to place the heroes of his novels, the peasants and their village communities, in a proper setting. He relishes the

sweep of history in "Povara bunătății noastre", while in "Biserica Albă" his factual command of events and his portrayal of leading figures are exemplary. In both novels, and in "Frunze de dor" and "Clopotnița" as well, history is an active force; it is a shaper of character over long centuries and a reinforcer, if not a creator, of values. In the long run, Druță tells us, a people must know their own history; otherwise, they will not know themselves and will not be able to chart their course through a fickle present to an elusive future.

In his novels Ion Druță, perhaps without realizing it, is participating in the great scholarly debate about the origin and nature of the modern ethnic nation, a debate that has intensified since the middle of the last century. The debaters, the theorists of nationhood, fall into three main categories: the primordialists, who argue that nations are natural social phenomena, living organisms, that have existed since the earliest times; the modernists, who insist that nations are the products of modern capitalist, industrial society and are, in essence, constructed by elites; and, finally, the historical ethno-symbolists, who emphasize the continuity of nationformation between past and present, but also recognize the powerful influence of social and economic change in bringing nations into being. I am inclined to place Ion Druță among the historical ethno-symbolists because of his respect for history and tradition and his belief in the rootedness of national character, on the one hand, and, on the other hand, his recognition of social and economic forces as powerful molders of community solidarities and individual psyches.

Ion Druță is clearly at home with the inhabitants and villages of rural Moldavia. He was born in the village of Horodiște in 1928, and thus he not only observed the village from the inside, but participated in it, absorbing its atmosphere, its traditions and speech, and its sense of destiny and its sense of humor. Many of the figures in his novels are drawn from the members of his family or other persons he knew in the village. Their daily routines and their inner struggles attracted him especially, and he described them in concise, discriminating prose. He practiced his craft first in numerous short stories, his first volume of collected stories, "La noi în sat", being published in 1953, before he moved to long fiction with "Frunze de dor". It is not surprising that among the writers he most admired – Bunin, Chekhov, Tolstoy – Ion Creangă, the keen observer of the Moldavian village from the inside, occupied a key place in his creativity.

When it came to questions of identity, for Druță the quintessential Moldavian was the peasant. He shows us this over and over, and he makes no effort to hide his admiration for the peasants. They are, for him, the true creators of history because they bear the burdens of society and hold society together over the long term by preserving its faith and values and by transmitting them to future generations. There is no more striking statement of his belief in the mission of the peasant than the contrast he draws in "Biserica Albă" between Catherine the Great of Russia and her court and courtiers and the peasant Catherine "the Small" and her village and neighbors. The preoccupation of the Russian court in St. Petersburg, the gossip and the petty rivalries are far removed from the daily struggle for existence, the real life of the peasants in the village of Ocolina. The court and its residents are, as Druță presents them, the products of civilization, a cosmopolitan world that has lost its roots, whereas the peasants are the molders of culture and are close to nature and thus have remained true to themselves. The leading figures of all four novels, then, are peasants. They and the collectivities in which they live – the villages Ocolina ("Biserica Albă"), Ciutura ("Povara bunătății noastre"), and Valea Răzeșilor ("Frunze de dor") – embody the spirit of Moldavia at any given time.

Druță avoids idealizing his peasants or treating the village as an unchanging model of community, as many populist writers in Romania and other countries in the latter nineteenth and early twentieth century were wont to do. He does not insist that peasant

society must remain fixed in time. Nor does he view change coming from the outside as a threat to the community and thus something to be resisted at all costs. He shows in "Frunze de dor" and "Biserica Albă", for example, how peasants by no means lived isolated lives in patriarchal villages, and with superb artistry he portrays the effects of far-off events on individual minds and collective consciences.

Despite the persistence of change, Druță shows us how the new had a mixed reception in the village. Mircea Morariu, one of the heroes of "Povara bunătății noastre", integrated himself with relative ease into the socialist order at the end of the Second World War. His experiences of war had taught him to think differently about land, which he had always yearned for, and now, having returned to Ciutura, he became a collective farm manager. But, Druță suggests, Morariu's transformation came too quickly, as he had not yet fully assimilated the moral values of the new era.

Others in the village resisted modernity. Onache Cărăbuș, Morariu's father-in-law, was a representative figure of the Moldavian village between the World Wars, and, for Druță, he is the quintessential peasant. He was deeply attached to the land and to the traditions and rituals of the countryside, but his experiences of life, from war to the travail of the interwar years, brought him to the point of crisis, which he finally resolved by seeking a balance between the old and the new. It was the same with Gheorghe Doinaru, one of the heroes of "Frunze de dor", who wants to follow in the footsteps of his father and grandfather, but the nature of life itself, of history, continually frustrates him. In the end, he trusts his moral sense to rescue him from his dilemma and guide him toward a new life.

Change, then, Druță tells us, is by no means an extraordinary occurrence in peasant society. Peasants could, and did, free themselves from age-old custom, even from their attachment to the land. They could take up new occupations and become intellectuals, as did Horia Holban, the teacher of history in "Clopotnița". "Povara bunătății noastre" can be read in its entirety as a narrative of village transformation, political, economic, and moral, in the first half of the twentieth century, as Ciutura and Onache Cărăbuș's family and neighbors experience wars, collectivization, and the uncertainties of the future.

Druță is careful to place events and individuals in historical perspective. He does not perceive change in the village as representing a sharp break between the present and the past. He readily acknowledges that economic and social life changed with the collectivization of agriculture, but he suggests in "Povara bunătății noastre" that the roots of collectivization may be discovered in the traditional way of life of the village, in other words, that the collectivization of agriculture harmonized with the age-old collective spirit of the village. As a consequence, it seems natural to him that such a blending of the new and the old should take place. But he inquires further into the process and asks what precisely is the mechanism that ensures the continuity of life in the village, despite man-made and natural calamities and even the weight of history. The answer, he discovers, lies in the spiritual values of the community, values that define character, that enable the peasants to maintain their identity and at the same time adapt to new circumstances and, in the end, achieve new social harmonies. The spiritual foundations of community, he argues, have come together gradually through the experience of many lifetimes, even centuries. It may be tempting for us to see change as occurring only in the outward forms of life, in economic structures and social organization, but Druță shows us again and again how the inner life of peasants, too, the way they think about existence past and present, is slowly modified in response to changes in their surroundings, a course reflected in the personal crises of Onache Cărăbuș and Gheorghe Doinaru.

In his first three novels Druță explores the various traits that define the peasant and, hence, for him, the Moldavian – love of the land, creative labor, attachment to tradition, refractoriness in the face of change, and a search for balance between competing forces,

and he wrestles with the nature and effects of change that are the constant companions of his peasants. He perseveres in all these endeavors with consummate artistry and a subtle understanding of peasant psychology. Yet, I cannot escape the feeling that he is not entirely satisfied with the results of his inquiry, that he has still to clarify in his own mind what it was that held the Moldavian peasant community together.

I think that Druță's long search for the defining trait of the Moldavian peasant comes to fruition in his fourth novel, "Biserica Albă", published in 1982. He discovers it in the peasants' religious faith, their Christianity. The novel as a whole may be read as an essay on peasant spirituality and the place of religion in the life of rural Moldavians. Druță's theologian, so to speak, the person who presents the ideas and sentiments of their faith is Paisie Velicicovschi, a monk renowned throughout the Orthodox world for his piety who as the spiritual leader of the Monastery of Neamț from 1779 until his death in 1794 exercised great moral influence in Moldavia. He expounds the teachings of an Eastern Orthodoxy that is profoundly opposed to the materialism of this world and is turned, instead, toward the eternal spiritual values of the world beyond. Catherine of Ocolina shows how Paisie's teachings could be applied in daily life. Her steadfast faith is a combination of simple Christian teachings fused with a peasant's attempts to explain the mysteries of existence using the means available to her, including myth. Her determination to rebuild the village church after its destruction in war and her insistence that it be white, as it had always been, represent the unshakeable faith of the Moldavian peasant.

The white church itself symbolizes the sacred values that have guided the village, and the Moldavians, on their perilous temporal journey. In the end, Druță tells us, the foundation of community lies in a people who has preserved their spirituality intact through the ages. It is this deeper sense of identity, this knowledge of self, he insists, that forms the essence of nationhood and has enabled the peasant and, hence, the Moldavian to endure.

Note

¹ I have used the texts of the novels as published in Ion Druță, "Scrieri", 4 vols. (Chișinău: Literatura Artistică and Hyperion, 1989–1990). My acquaintance with Druță's works goes back to the 1970s, when I was reading on the history and literature of Bessarabia and the Moldavian SSR. Then, in Paris in 1985 I met him at a book-signing for the French edition of his "Biserica Albă", and later that year he sent me from Moscow his "Избранное", 2 vols. (Москва: Молодая гвардия, 1984). On his work the following have been especially helpful: Andrei Hropotinskii, "Problema vieții și a creației. Studiu critic despre opera lui Ion Druță" (Chișinău, 1988); essays by Mihai Cimpoi and Alexandrina Cernova, among others, in "Aspecte ale creației lui Ion Druță", Mihail Dolgan and Haralambie Corbu, editors (Chișinău, 1990); and Mihai Cimpoi, "O istorie deschisă a literaturii române din Basarabia" (București, 2002). Of numerous works on the novel, the following have been valuable for the present project: James C. Simmons, "The Novelist as Historian: Essays on the Victorian Historical Novel" (The Hague, 1973); Katerina Clark, "The Soviet Novel: History as Ritual", 3rd edition (Bloomington, Indiana, 2000); "Theory of the Novel. A Historical Approach", Michael McKeon, editor (Baltimore and London, 2000); and many stimulating essays in the marvelous "Il romanzo" 5 vols., edited by Franco Moretti (Torino, 2001–2003).

Rezumat

În articolul de față se pune problema identității etnice moldave, reflectate în patru nuvele ale scriitorului moldav Ion Druță. Pe fundalul evenimentelor istorice aprinse și adesea turbulente a perioadei sf. sec. XVIII – mij. sec. XX scriitorul examinează calitățile, care îl deosebeau pe un țăran, care a fost pentru el un reprezentant veritabil a identității moldave. După căutări îndelungate scriitorul face concluzii în nuvela sa "Biserica Albă", că spiritualitatea, evidențiată, în particular, în forma creștinismului popular, în tine determină identitatea țăranului (și, ca urmare, moldoveanului) și tot odată neputința sa de adapta condițiile social economice în schimbarea sa constantă.

Резюме

В настоящей статье рассматривается вопрос молдавской этнической идентичности отраженной в четырех произведениях молдавского писателя Иона Друзэ. На фоне ярких весьма бурных исторических событий периода конца XVIII – середины XX вв. он исследуя качества, которые

отличали крестьянина, являвшегося для него носителем истинно молдавской идентичности. После длительного поиска он приходит к выводу в свое четвертом романе «Белая Церковь», что духовность, проявляющаяся, в частности, в форме народного христианства, в конечном итоге определила суть крестьянина (и, следовательно, молдаванина) и его неспособность принять непрерывно изменяющиеся социально-экономические условия.

Summary

This paper explores the question of Moldavian ethnic identity as presented in the four novels of the Moldovan writer Ion Druta. Against a vivid and often turbulent historical background covering a period from the late eighteenth century to the middle of the twentieth he examines the qualities that distinguished the peasant, who represented for him the true Moldavian. After a long search he concludes in his fourth novel, "Biserica Alba", that spirituality, manifesting itself in particular in the form of a popular Christianity, ultimately defined the peasant and, hence, the Moldavian, and enabled them to adapt to continuous social and economic change and to endure.

COLORANȚII NATURALI DIN ANTICHITATE

În arealul carpato-danubiano-pontic vopsitul popular din Republica Moldova a fost practicat, mai ales, în secolele XVII–XIX atât în scopuri decorative, cât și în cele utilitare. Tradiția vopsitului însă vine din cele mai îndepărtate timpuri, folosindu-se coloranți de origine vegetală, animală sau minerală. Astfel, istoria vopsitului este nemijlocit legată de proveniența coloranților naturali și a modurilor de utilizare a lor.

Există numeroase mențiuni din perioada antică de utilizare a plantelor tinctoriale în vopsitorie, cosmetică, deghizare etc. în țările cu tradiții vechi, cum ar fi China, India, Babilonia, Egiptul sau Grecia. Spre regret, referitor la arealul carpato-danubiano-pontic, astfel de date practic lipsesc sau sunt foarte sumare.

Coloranții de origine vegetală. Scopul nostru este de a examina acest domeniu sau cel puțin de a atrage atenția asupra lui. Ca urmare, vom face o analiză a florei existente în arealul dacic din acele vremuri. În alte țări, cu o istorie scrisă mai bogată, se știe că anumite specii de plante au stat la baza obținerii coloranților vegetali. Dacă facem o incursiune în istoria botanicii, constatăm că și în arealul carpato-danubiano-pontic au existat astfel de plante ca: budathla – limba boului, miruță (*Anchusa officinalis*); coadama – limbariță, limba broaștei (*Plantago lanceolata*); coicilida – păpălău, cireașă ovreilor (*Physalis alkekengi*); dieleina – măsălăriță, sunătoare (*Hypericum perforatum*); mizela – lămioară, cimbru de gradină (*Thymus vulgaris*); olma – soc (*Sambucus ebulus*, *Sambucus nigra*); sciare – varga ciobanului, scăiuș (*Dipsacus silvestris*); Șimpeax – pătlagină (*Plantago lanceolata*, *Alii septenvira*); usazila – arariel, limba câinelui (*Cynoglossum officinale*); stirsozila, talbela – fierea pământului (*Centarium minus*). Printre ele întâlnim și cuvinte autohtone cum ar fi: Anin, Brândușă, Gorun, Măceș, Strugure ¹.

Reieșind din exemplele enumerate ar fi logic să presupunem, că unele dintre ele erau utilizate ca surse tinctoriale, deoarece era ușor de a le obține din flori, fructe, rădăcini, sau chiar tulpini. Pe vremea respectivă din Indigofera tinctoria se obținea un albastru-frumos, inițial în India, apoi și în Europa, mai ales în Franța, cu timpul fiind cunoscut și în arealul românesc. Asemeni, din *Rubia tinctoria* se obținea un roșu-portocaliu, iar din Grozamă (drobiță) – o vopsea galben-portocalie. Din lichenii din speciile *Rocella* și *Lecanora* se extrăgea colorantul Orcin, care era principalul component al renumiților coloranți de culoare galbenă Orseille ².

Acești coloranți vegetali, alături de alții, au fost pe larg utilizați în vopsitoria populară în secolele ulterioare, până la apariția coloranților sintetici mult mai accesibili.

Folosirea funinginii de esențe lemnoase era foarte răspândită la producerea cernelii încă din anii 2700–2500 î. Hr., care a început să fie utilizată în Egipt și China, pentru scrierea pe papyrus, pergament sau pe pereți. Cerneala se producea din funingine și seu animal sau vegetal.

Coloranții de origine animală. Alte surse de coloranți folosite de om pe parcursul istoriei au fost sursele tinctoriale de origine animală, ce se conțineau în sânge, fiere, urină etc. Cu timpul gama lor s-a lărgit, obținându-se coloranți mai valoroși.

Unul dintre cei mai vechi coloranți cunoscuți de origine animală a fost Coșenila sau Roșul de Coșenilă, obținut din diferite specii de Gândaci de Cochenille. Colorantul era cunoscut în Egipt, Grecia antică, Peru, Mexic, Armenia, mai târziu pătrunzând în Europa, inclusiv în arealul românesc. Lacul de aluminiu al Coșenilei (Carmin sau Chermes) încă din antichitate era utilizat în cosmetic ³.

Trebuie de menționat faptul că gândacii de Coșenilă sunt crescuți până în prezent de populația din localitatea Lanzaretre de pe insulele Canare. Colorantul se folosește ca agent tinctorial, dar și în alimentație, farmaceutică, cosmetică, pictură.

Pe larg era utilizat și *Purpurul antic*, extras din moluștele *Murex bandaris*. El fiind cunoscut la Roma, în Egipt etc. Fenicienii erau renumiți atât prin producerea colorantului, cât și a textilelor colorate într-un roșu-stânjeniu frumos. Ei comercializau aceste mărfuri în țările din nordul Africii, sudul Europei, ajungând până la insulele britanice.

Gălbenușul de ou din vechime era utilizat în calitate de colorant galben-portocaliu, mai ales în cosmetică.

Legendele mărturisesc că în antichitate știau să prelucreze sângele, fierea, urina pentru a obține unele culori mai speciale. De exemplu, vechii egipteni foloseau contra încărunțirii "sânge negru de vițel fiert în ulei", "sânge negru de corn de taur", sau "grăsime neagra de șarpe". Romanii își vopseau părul în negru cu o soluție preparată din sângele lipitorilor, care erau lăsate să se descompună în vin sau în oțet ⁴.

O specie de moluște – *Caracatița* (Moluscă de cerneală) are o glandă de cerneală neagră din care se obținea o vopsea cunoscută sub denumirea de "Sepie" sau "Tuș de China" ⁵. Din excrementele șerpilor și ale păsărilor se obținea un colorant roșu-purpuriu sub denumirea de Murexid ⁶.

Vopselele de proveniență animală au avut aceeași soartă, ca și cele vegetale, s-au folosit frecvent până la apariția coloranților sintetici.

Pigmenții minerali. O altă categorie de coloranți folosiți în vopsitorie au fost pigmenții minerali, proveniți din minereuri metalifere, ce prezintă oxizi sau săruri ale unor metale cromofore, cum ar fi fierul, cromul, zincul, plumbul ⁷.

Despre utilizarea pigmentilor respectivi în vremurile antice ne vorbește comentariul unei harți vechi al arealului carpato-danubiano-pontic, care indică zăcămintele minerale autohtone exploatare în perioada antiromână și în primele secole ale erei creștine. Astfel din vremuri străvechi erau cunoscute și exploatare zăcămintele de cupru (aramă) la Baia de Aramă (Mehedinți), Roșia (Arad), Altân-Tepe (Dobrogea), Ciclova (Banat) etc. Azuritul și Malahita (hidrocarbonați de cupru) încă din vechime erau folosiți pentru obținerea diferitor vopsele. Ceramica în albastru sau verde era ornamentată cu oxizi de cupru.

Minereurile de fier erau extrase la Baia de Fier (Gorj, Teliuc, Remetea), Baia Mare (Sătmăr), Ghelar (Hunedoara), Vascău (Bihor), Reșița (Caras), Turda (Transilvania), Mădăraș (Ciuc), Cepsă (Banat) ⁸. Pe bază de fier erau cunoscute mai multe feluri de minerale (ocru, siena, miniu, umbra) care din timpurile cele mai vechi erau exploatare în Carpați, unele dintre ele fiind utilizate la vopsirea fibrelor naturale, a pieilor, la decorul locuințelor și lăcașelor sfinte, la decorul ceramicii, în cosmetică (deghizare), cât și la derularea unor acțiuni magice.

Minereuri polimetalice (cupru, crom, zinc, plumb, mercur) se găseau la Baia Mare (Sătmăr), Oravița (Caras), Rodna (Năsăud), Turda (Transilvania), Țebea (Hunedoara) ș. a.

Din surse minerale se utiliza *Albul de zinc* (mai întâi la greci), în scopuri cosmetice sau la decorul ceramicii ⁹, *Albul de plumb* adus de pe insula Rodos.

Tot din vremuri vechi era cunoscut și *Albastrul de cobalt* cu ajutorul căruia ceramica primea o culoare de un albastru-intens.

Un pigment roșu-carmin denumit Cinabru (Chinovar) se extrăgea dintr-o mină din Transilvania și se utiliza la prepararea vopselelor pentru zugrăvitul pereților sau pentru pictură.

În calitate de pigment albastru în multe țări antice (Egipt, Persia, China, India, Babilon, Arabia; cu timpul și în Europa) a pătruns așa numitul Azur, Lazurit, din care se prepara o vopsea rezistentă la căldură și umezeală ¹⁰.

De asemenea erau cunoscuți din vremuri vechi *Miniulde fier* și *Miniul de plumb* – pigmenți renumiți de culoare roșie, cu ajutorul cărora se făceau diferite vopsele ¹¹.

În limitele teritoriului carpato-danubiano-pontic în scopuri decorative se utiliza calcarul, piatra de var, huma, argila colorată – în cosmetică, la zugrăvitul pereților etc.

În scopuri cosmetice sau de deghizare se utilizau diferite sulimanuri, ca, de exemplu sulimenea de culoare albă ce se obținea din humă, argilă albă, calcar; de culoare roșie – din ocru sau unii pigmenți roșii, iar cea de culoare neagră – din funingine sau cărbune fin divizat.

Mărturii directe cu privire la utilizarea surselor minerale menționate în calitate de pigmenți sunt puține, însă este cunoscut faptul că în acea vreme ceramica era decorată în alb, galben, roșu, negru, cafeniu etc. La fel și unele lăcașuri sfinte erau zugrăvite în diverse culori. Sunt dovezi că bogăția munților Carpați și a câmpiilor din arealul corespunzător, erau frecvent utilizate în zugrăvire, deghizare, cosmetică etc. Această muncă a fost efectuată de populația geto-dacă, ulterior daco-romană și prelungită în perioadele următoare. Unele din rețetele elaborate în vechime sunt valabile și în zilele noastre.

În concluzie menționăm, că istoria veche a surselor tinctoriale folosite în vopsitorie de către geto-daci, în mare parte este învăluită de ceață, datorită insuficienței de surse bibliografice găsite și păstrate până în prezent în comparație cu situația altor popoare – Grecia, Egipt, China, India. Un alt motiv ar fi și faptul absenței scrisului în perioada antică în arealul carpato-danubiano-pontic, multiplele invazii ale barbarilor și popoarelor cuceritoare, nu în ultimul rând și așa numitul "mileniul tăcerii" (0-1000 d. Hr.) din care nu s-au păstrat date scrise nici în scrieri autohtone, nici în sursele scrise ale popoarelor vecine atât în plan istoric, în general, cât și în plan etnografic – în cazul dat vorbind despre utilizarea surselor tinctoriale în arta decorativă.

Din alt punct de vedere, arealul carpato-danubiano-pontic și în zilele noastre, dar și cu milenii în urmă, avea o floră și faună bogată, la fel de numeroase erau și bogățiile minerale (Carpații). Luând toate acestea în considerație, consultând și datele corespunzătoare despre sursele tinctoriale utilizate în acea vreme de popoarele învecinate (Grecia Antică, Roma), cât și a unor mai îndepărtate (China, India), se poate presupune, că și în arealul carpato-danubiano-pontic cel puțin o parte din sursele existente pe atunci erau cunoscute și utilizate. Ca mărturie suplimentară pot servi mostrele zugrăvite în alb, ocru sau negru pe pereții peșterelor sau a unor lăcașuri religioase, depistarea unor pigmenți albi, roșii în mormintele daco-sarmaților din acea vreme, însă un martor mai esențial ar fi vasele din lut din perioada antică, decorate în alb, roșu, verde etc. descoperite în toate regiunile arealului în cauză.

Deci cu un grad de risc putem presupune că și arealul în studiu era familiarizat cu utilizarea unor surse tinctoriale de proveniență vegetală, animală sau minerală, în vopsitorie, zugrăvire, cosmetică. Rămâne de precizat care anume coloranți s-au folosit cu adevărat folosiți în arta decorativă a strămoșilor noștri.

Note

¹ Russu I. I. Limba traco-dacilor. București, 1967. P. 97, 98, 103, 112, 120, 122, 126, 129.

² Неницеску К. Д. Органическая химия. Т. I. Москва, 1962. С. 481.

³ Șofranksy Z. Basarabia: Coșenilă sau Cerveț? Carmâz sau Karmin? // Analele științifice ale Universității de Stat din Moldova. Voi. III. Chișinău, 2003. P. 244; Владимиров А., Осипов Н. Магия цвета. Москва, 1965. С. 21.

⁴ Cosmovici L., Zisu L. Ghid cosmetic – sfaturi practice. București, 1982. P. 14.

⁵ Биологический энциклопедический словарь. Под ред. М. К. Гилярова. Москва, 1989. С. 714.

⁶ Karrer P. Cours de chimie organique. Leningrad, 1960. P. 1038.

⁷ Daicoviciu H. Dacii. Chișinău, 1991. P. 25.

⁸ Giurescu D. G. Istoria ilustrată a românilor. București, 1981. P. 8.

⁹ Владимиров А., Осипов Н. Указ. раб. С. 44.

¹⁰ Там же. С. 61.

¹¹ Там же. 1965. С. 43; Mihalcu M. Fața nevăzută a formei și culorii. București, 1996. P. 162.

Rezumat

Studiul cuprinde, într-o formă generalizată problemele legate de vopsitul cu coloranți naturali în spațiul carpato-danubiano-pontic. Sunt relevați succint coloranții vegetali obținuți din diferite plante, ierburi; coloranții de origine organică (sânge, fiere, urină) și pigmentii minerali proveniți din minereuri metalifere, ce prezintă oxizi sau săruri ale unor metale cromofore, cum ar fi fierul, cromul, zincul, plumbul. Se enumera un șir de coloranți obținuți din sursele indicate: colorantul galben Orseille, Roșul de Coșenilă, Albul de zinc, Albastrul de cobalt, Cinabru etc. În concluzie se poate spune, că coloranții naturali au fost utilizați pe larg pe parcursul istoriei și în mod direct au contribuit la dezvoltarea vopsitului tradițional românesc.

Резюме

В данном исследовании рассматриваются особенности крашения природными красителями в карпато-дунайско-понтийском регионе. Кратко описаны различные красители растительного и органического происхождения (кровь, желчь, моча и др.), а также пигменты, получаемые из металлосодержащих минералов – оксидов или солей ряда металлов (желтая охра, красная кошениль, цинковые белила, синий кобальт, киноварь). Следует отметить, что натуральные красители широко использовались на протяжении всей истории, способствуя развитию традиционного окрашивания.

Summary

This research focuses on the traditional dyeing of various artefacts of the past in the region of settlement of Ro-manian peoples. It provides an overview covering the vegetal dyestuffs obtained from different plants and herbs; the dyestuffs of organic origin (blood, bile, urine). Mineral pigments were used for painting or dyeing of various construction materials (produced from metal ore, such as oxide and salts of Iron, Chrome, Zinc, Lead etc.). Examples of dye-stuffs obtained from the examined sources are the following: The yellow of Orseille, The Red of Cosenila, The Zinc White, The Cobalt Blue, The Chinabru, etc. It can be concluded that the natural dyestuffs were widely utilised during the history and contributed directly to the development of the Romanian traditional chromatics.

**CONSIDERAȚII ASUPRA SISTEMULUI DE VALORI:
IMAGINI ETNOSOCIOLOGICE DIN VIATA SATULUI**

Abordarea temei privind imaginea etnosociologică a satului moldovenesc impune o înțelegere deplină a timpului pe care îl trăim și o dragoste nestăvilită față de baștină, de viața civilizației și de cultura noastră – acestea dându-ne forță de regăsire și de reconstruire a valorilor naționale, legate de lumea frumosului și a grijilor cotidiene, trăite alături de cei scumpi și dragi, trecute prin școala mamei "Cei șapte ani de acasă" și institutul comunității "Gura lumii".

Timpurile pe care le trăim ne impun a ne regăsi în lumea științelor universale, pentru a revedea unele practici în contextul național și a ne cunoaște mai bine unul pe altul pentru o conlucrare durabilă¹.

Legile nescrise ale comunităților rurale, constituite în baza obiceiurilor și datinilor, determină comportamentul indivizilor, temelia relațiilor sociale ale tipurilor de oameni alcătuind izvorul lumii intime. Noțiunea de "cunoaștere de sine" apare în interiorul individului, care își proiectează "eul" său, iar în realitate are loc un dialog cu sine, după care urmează o "rupere de tăcere", o reacție, o manifestare de sine, o atitudine, un stereotip de comportament.

Analiza fenomenului social cu ajutorul materialului etnologic, descrierea calitativă a formelor vieții cotidiene în baza acțiunilor indivizilor scot în evidență semnificații sociopsihologice și moduri de constituire a realității sociale, norme comportamentale, care au un rol important în formarea individului ca personalitate și în menținerea ordinii sociale.

Cercetările, efectuate în diverse zone ale țării, au fost orientate spre analiza *fenomenului de sociabilitate*, care prezintă o serie de caracteristici ale omului de la sat, acestea fiind și un studiu al caracterelor naționale, ale temperamentelor regionale și mentalităților sociale, ceea ce face posibilă specificarea lor. Astfel la nivel familial am observat o *sociabilitate internă*, care are legătură cu procesul de gospodărire, și o *sociabilitate externă*, – aceasta se referă la prieteni, relații de muncă, de studii, de mediu social etc. În acest context sociologul francez G.Tarde susține, că *conversația este "un exercițiu continuu și general al sociabilității"*, o componentă esențială a manifestărilor sociale, o formă de dialog, un proces de autoafirmare a individului – toate fiind legate nemijlocit de mentalitatea persoanei sau a grupului social și constituie ansamblul de predispoziții, atitudini, deprinderi, orientări intelectuale și morale, cognitive, afective etc.

În studiul dat, paralel cu utilizarea metodelor de descriere și de interpretare a acțiunilor sociale, se utilizează procedee etnometodologice, se studiază modalitățile practice ale conduitei sociale².

În acest context subliniem că în știința europeană, privitor la studiile despre om, există o tendință de cercetare a problemelor referitoare la *identitatea socială, individuală și la gender*. Cercetarea *gender* înseamnă "studierea comportamentului feminin și a celui masculin, a gândirii și comunicării, a atitudinii societății față de personalitate și a posibilităților ei de a se autorealiza în funcție de stereotipurile de rol-gen, create nu de natură, ci de societate"³ – acesta fiind un domeniu științific hibrid, când fenomenul studiat atinge frontierele diverselor discipline.

Cercetările etnosociologice asupra genurilor direcționează *sistemul gender rural*, care înseamnă și *un sumar de imagini ale satului moldovenesc*, exprimă un produs, ca rezultat al proceselor imaginare despre sine și despre alții, determină identitatea femeie-bărbat drept un parametru al personalității și evidențiază individualitățile social-culturale ale

genurilor, acestea constituind indicatorii principali într-o cercetare gender, care sunt determinați în baza orientărilor valorice ale femeilor și bărbaților de la sate, caracteristica cărora demonstrează interdependența în relația "individ-individualitate-personalitate". Chintesența în relația "Sistem gender-caracteristică-personalitate" o constituie formarea valorilor, "instruirea și educația valorică ca primele trăsături de bază ale personalității ce determină motivele, comportamentul și formează aptitudinile și caracterul..."⁴.

Așadar, sistemul orientărilor valorice se caracterizează printr-o structură complexă și ține de relații sociale concrete. *Orientările valorice trebuie prezentate ca un spațiu dinamic "bine măsurat", adică fiecare dimensiune, ce corespunde unui anumit aspect al relațiilor sociale, pentru fiecare personalitate înseamnă o părere diferită*⁵. "Constructorul multinivelar al orientărilor valorice, – menționează savantul N. A. Berdiaev, – la nivel general determină trei tipuri de valori: spirituale, sociale, materiale"⁶. Cum explicăm aceste valori în cercetarea etnosociologică?

Valorile moral-spirituale determină necesitățile personalității de a cunoaște, de a învăța cât mai multe lucruri, dirijază tendințele omului spre frumos și bine, au un caracter estetic și uman. Valorile sociale țin de stimulul social, de activități și succese sociale etc. *Valorile materiale* determină necesitățile personalității de a acumula. Unele determinative ale valorilor sunt și trăsături specifice ale personalității: curiozitatea, demnitatea, responsabilitatea, inițiativa, sociabilitatea, dărnicia etc. Pentru personalitate unele forme caracteristice de comportament devin mijloace de realizare și de consolidare a trăsăturilor valorice. După argumentele savantului W. James conținutul relației "personalitate-valoare" distinge un "eu" material, un "eu" social cu aspecte multiple și un "eu" spiritual, care unifică tendințele discordante ale individului⁷.

Sociologul german Max Weber analizează rolul individului în cadrul acțiunii umane, din rolul agentului construiește o adevărată arhitectură socială, în cadrul căreia indivizii acționează și se raportează unii la alții într-un climat sociocultural de răspunsuri adecvate "așteptărilor" declanșate de comportamentul celorlalți⁸.

Sociologul american Talcott Parsons ia ca factor explicativ al acțiunii indivizilor valorile și contextul cultural. După Talcott Parsons comportamentul indivizilor este în funcție nu de determinări materiale în ultima instanță, ci doar de acceptarea unor valori, idei și simboluri, indivizii acționează intenționat, conștient, pe baza cunoașterii și acceptării valorilor generale⁹.

În această ordine de idei menționăm că *cu cât crește socializarea* individului prin intermediul modelelor socioculturale, ca modele comportamentale acționale, pe baza cărora el învață ce trebuie să facă pentru alții și ce trebuie să aștepte de la alții, *cu atât crește dependența* lui de structurile organizaționale, funcționale și operante în care este integrat și implicit de sistemul social ca sistem global – aceasta constituie una din ipotezele științifice ale cercetării imaginii etnosociologice a relațiilor dintre oamenii de la sate.

Este necesar să menționăm că pentru a descrie imaginea unui sat trebuie să cunoaștem care este *rolul familiei* în procesul de integrare socioculturală a individului, care îndeplinește niște funcții bine definite și însușește o școală a mamei și a tatei, a vecinilor, a prietenilor etc, aceste obiective determinând "Cei șapte ani de acasă". Este cunoscut rolul familiei în asigurarea continuității neamului, ea fiind unicul grup care se dezvoltă din interior, furnizând membri tuturor celorlalte colectivități. Deci, *familia ca grup social de bază a culturii, a limbii, a obiceiurilor și a tradițiilor, alcătuiește un determinativ fundamental în dezvoltarea cercetărilor noastre*. În societatea contemporană familia, membrii ei superiori (mama și tata), poziția lor socială, starea materială, nivelul de pregătire profesională ale acestora, locul unde trăiesc, mediul sociocultural în care se află, concepția lor despre viață, orientările lor valorice etc. determină factorii obiectivi și

subiectivi care influențează permanent asupra modului de trai și asupra comportamentului *individului*. Această teză constituie ipoteza explicativă în cercetarea noastră.

Cadrul obiectiv și optim de formare și dezvoltare pleneră a personalității părinților este statutul profesional, ce constituie un tip de activitate, care dezvoltă aptitudinile, talentele, capacitățile, demonstrează un anumit stil de viață, mod de gândire, diverse comportamente etc. Părinții ca personalități autentice sunt cei care acumulează cunoștințe despre lumea înconjurătoare și au o viziune clară despre ceea ce se petrece în satul în care trăiesc, în colectivul de muncă, ce se întâmplă în familie etc. Raporturilor (dintre membrii familiei, rude, colegii de serviciu, prieteni etc.) pe care părinții le stabilesc cu lumea naturală și cu cea socială, le corespunde un anumit grad de conștientizare, pe care numai ei îl posedă – acesta fiind un proces cognitiv dialectic. Deci, *capacitatea de a înțelege realitatea ca o relație de armonie-echilibru-stabilitate, pe de o parte, și ca o opoziție-conflict-schimbare-devenire, pe de altă parte, trebuie să stimuleze permanent cunoașterea pentru formarea valorilor materiale și moral-spirituale*. Cu cât aceste raporturi-relații se realizează mai repede, cu atât membrii familiei, oamenii din comunitățile rurale conștientizează fenomenele de schimbare mai operativ și tind spre o transformare a acțiunii, a realității. Aceasta constituie o ipoteză lucrativă într-o cercetare de teren.

Astfel, în baza cercetărilor de teren dispunem de un material inedit "despre eu", "despre sine" și "despre ei", "despre alții". Reprezentanțele *despre sine și despre alții*, analiza acestor determinative constituie *imaginea pe care individul o construiește toată viața și este o structură complexă, la formarea căreia contribuie stereotipurile, îndeosebi cele de comportament*.

În acest context considerăm că mecanismul social-tradițional de educație în familia și societatea rurală, obiceiurile și datinile, în perioada de tranziție la un nou mod de viață, își schimbă obiectivele și încărcătura social-psihologică. Comportamentul tradițional, "modelele și normele de trai rural" pentru mulți tineri devin banale, ei preferând, îndeosebi, să-și determine scopul din start căutând mijloace pentru a fi realizat. Analizii acestui fenomen urmăresc tendința deformării valorilor tradiționale și aparența noilor tipuri de personalități. Deci, normele social-tradiționale nu coincid cu obiectivele personale ale individului în prezent și acestea stimulează procesul de discordanță a personalității în contemporaneitate, activizând *fenomenul de individualizare a omului*. Astfel, ambele genuri vor să fie libere, năzuiesc spre autorealizare și autoafirmare, în același timp aceste determinative generează *ura, egoismul, invidia, indiferența, înstrăinarea* etc.

În literatura științifică se afirmă că "individul, pentru care libertatea înseamnă lipsa restricțiilor și care nu are perspective de viitor, nu înțelege pentru ce trebuie să fie liber, consideră această libertate drept un blestem. De fiecare dată când el rămâne singur simte în suflet un vacuum și este cuprins de nostalgie" ¹⁰.

Unii savanți confirmă că societatea este constituită din oameni care se orientează după alții (*other-directed*), aceștia neavând scopuri vitale stabile ¹¹. Astfel are loc o înstrăinare și o degradare a individului, – se duce o luptă între vechi și nou. Aceste fenomene s-au aflat și în atenția reputatului psihanalist Freud, care menționa că contradicțiile dintre natură instructivă a omului și lumea civilizată inevitabil duc la un conflict între om și societate. Acest conflict are loc atât în interiorul personalității cât și între individ și societate. După Freud această contradicție, în principiu, nu poate fi rezolvată. *În astfel de situații persoana trebuie orientată spre a se adapta la mediul existent...* ¹². Conținutul formulei "personalitate-relații interpersonale-adaptare" ne mai amintește și de gândirea lui Durkheim referitor la legăturile dintre organizarea socială și autonomia individuală.

Cele relatate denotă viziunile autoarei asupra relațiilor socioculturale ale genurilor rurale în contextul teoriilor și practicilor universale dintr-o perspectivă etnosociologică.

Strategia și tactica cercetărilor noastre concretizează o realitate social-rurală exterioară, obiectiv structurată – *acest cadru științific este legat de metodologiile care stau în spatele metodelor și tehnicilor de cercetare-adaptare și de modul în care teoriile tradiționale au fost aplicate la segmentul social femei-bărbați din comunitățile rurale.*

Studiind mediul rural e necesar să ținem cont, că știința contemporană, îndeosebi știința despre om, este de neconceput fără cunoașterea categoriilor de diferențiere a genurilor, a formelor de stratificare a acestora, a stereotipurilor de feminin și masculin, a metodelor de socializare a genurilor etc.

De faptul cum este recunoscută poziția femeii în raport cu cea a bărbatului depinde rolul lor în familie, în educarea copiilor și în societate, posibilitatea acestora de a se implica într-o activitate ¹³.

Imaginea etnosociologică a satului este direct raportată la opera creatoare a comunității, care depinde în egală măsură de femeie și de bărbat, de situația materială a familiei, de climatul sociomoral al ei, de trănicia gospodăriei unde își petrec viața membrii familiei. Dezvoltarea durabilă a societății moldovenești rurale este determinată de relațiile armonioase dintre membrii superiori ai familiei și copii, între care trebuie să existe pe parcursul vieții o puternică legătură sufletească. *În afara cadrului familial*, menționează 92% de respondenți din mediul rural, viața oamenilor aproape că nu are rost.

Privitor la trănicia familiei savanții menționează, *că femeia milenii a asigurat existența căminului familial și treptat s-a situat la un nivel egal cu cel al bărbatului, în unele privințe fiind chiar superioară lui. Bărbatul a înălțat-o la situația de egalitate și apoi de superioritate netă, atât pe pământ, cât și în cer, ca pe o zeiță a tuturor bucuriilor, a fericirii omenești. În această calitate de la urmă femeia este chemată să apere casa și pe ai săi, să aducă succes la vânatoare, să facă roditoare vitele și ogoarele desțelenite cu brâzdarul primitive* ¹⁴.

În acest context credința creștină cere să ne revedem atitudinile, comportamentul, să fim înțelegători, ne învață că "mama, prin iubirea ei veghetoare și jertfelnică, este cea care pătrunde cu iubirea și cu rugăciunea în sufletul bărbatului ei și al copiilor. Ea este cea care mângâie, alină și asigură pacea..." – ne învață savantul teolog Olivian Pop ¹⁵.

În imaginea satului de ieri se înscrie iubirea cea mare care înseamnă, mai întâi, iubirea de noi, pe care o purtăm cu sine dăruind-o celor din jur și, în primul rând, celor din familie. În prezent tendința respondenților de la sate de a ameliora relațiile între oameni este evidentă. Pentru a avea rușine și mult respect se pronunță 46% din actorii sociali, iar pentru multă răbdare și bunăvoință – 42%. Deci, aproape fiecare al doilea locuitor din mediul rural de vârstă între 16 ani și peste 60 de ani simte o necesitate pentru schimbări serioase în relațiile "unul față de altul". Valorile tradiționale evidențiate în răspunsul a 47% de respondenți sunt – *atitudinea față de muncă, de prelucrarea pământului, de folosirea apei etc. – acestea constituind o avere fără de preț a neamului* ¹⁶.

Legătura spirituală între viața omului de la sat și tot ce face el constituie în mentalitatea lui un motiv complex și multidimensional, iar necesitățile practice, gândurile, ideile, emoțiile etc. direcționează orientările valorice ale oamenilor din comunitățile rurale.

În acest context menționăm că satul moldovenesc a constituit în toate timpurile o unitate organică prin respectarea legilor nescrise, a normelor sociale și spirituale de viață, acestea condiționând formarea convingerilor și deprinderilor – toate însemnând un complex de cerințe și necesități.

Pentru a explica o serie de aspecte rurale este necesar să analizăm modul de trai al genurilor rurale, relațiile dintre oameni, procesele de interacțiuni și reacții, comportamentele individuale și colective etc.

Materialul empiric al cercetărilor noastre caracterizează viziunile oamenilor din comunitățile rurale prin conținutul expresiilor tradiționale – "Cei șapte ani de acasă" și

"Gura lumii". Majoritatea experților ajung la concluzia că aceste două expresii populare se completează una pe alta și formează un cerc static, modificându-și de la caz la caz determinativele sociale, culturale și psihologice.

Cercetările de teren confirmă această teză științifică prin – fiecare al treilea om de la sat susține că "Cei șapte ani de acasă" înseamnă "tot ce este bine și frumos", iar fiecare al doilea actor social înțelege că "Cei șapte ani de acasă" înseamnă: *calitate și educație, cultură și dăruire, educația în familie care nu poate fi înlocuită nici de o altă instituție, spirit gospodăresc în toate, dragoste de baștină, de neam, inteligentă și mândrie de sine.*

Prin "Gura lumii" cea mai mare parte a oamenilor de la sat înțeleg: *ceea ce a fost ieri, ce este azi și că acest fenomen va exista veșnic, că aceasta exprimă un barometru, de care trebuie să ținem seama, pentru a recunoaște greșelile, a ne revedea pe noi înșine, pentru a nu intra în "gura lumii". Acest fenomen există din moși-strămoși și înseamnă mai des lucruri rele decât bune, înseamnă o durere mare sufletească. Actorii sociali menționează, că dacă te vorbește lumea de rău, aceasta înseamnă: necaz, lacrimi, invidie, egoism, înstrăinare, indiferență*¹⁷.

Erupțiile social-psihologice din societate continuă insistent să molipsească satul de penurie materială și spirituală. Pentru a înțelege mai profund ce se întâmplă cu oamenii din comunitățile rurale în anumite situații, cum reacționează și cum se schimbă, este necesar să aplicăm teoria savantului sociolog american Ciarlz Horton Cooly despre "eu în oglindă", conform căreia omul își închipuie cum este, că "ideea de eu" se formează sub influența factorilor exteriori, în primul rând, a părerilor celor care te înconjoară, acestea formând trei componente:

- așa cum eu par celuilalt;
- așa cum acesta mă apreciază pe mine;
- rezultatul aprecierii ca un simț de mândrie, înjosire sau de umilință.

În contextul dat pe teren urmărim o tendință de modelare-stereotip – de a te cunoaște pe tine însuși și pe altul, întrebându-te: *Cine sunt eu? Prin ce mă deosebesc de cineva? Cine este el, ea? Prin ce se deosebesc ei unii de alții?* Despre tendința omului spre identitate personală, spre o individualitate unică¹⁸ a scris reputatul Erich Fromm. *Conform rezultatelor implementării acestei teorii în contextul rural am constatat că oamenii de la sat se identifica unii cu alții, își găsesc asemănări și deosebiri, îndeosebi aceste calități le întâlnim la cei cu studii superioare de o vârstă mijlocie și înaintată, preponderent femei.*

Cele relatate determină rata orientărilor valorice ale genurilor rurale, iar geneza acestora este exprimată prin conținutul noțiunilor de "frumos", "bine", "fericire", "cumsecădenie", "responsabilitate" etc. Ca argumente științifice servesc răspunsurile a 70% de femei și bărbați pentru care "fericirea" înseamnă *o căsătorie reușită, o familie aprovizionată material, înseamnă membri sănătoși ai familiei, stimă și respect în relațiile familiale. Pentru fiecare al cincilea subiect de vârstă 16–30 ani "fericirea" semnifică, în primul rând, valori materiale, studii superioare fără plată, o căsătorie calculată, un loc de muncă după hotare sau în țară, dar bine plătit, dragoste între soți. Peste 61% de femei și 67% de bărbați opinează că nu se simt bine în familie și în societate pentru că "suntem egoiști și invidioși". Mai mult de 66% de femei și 61% de bărbați consideră că situația în societate și în familie se poate schimba spre bine, dacă "femeile și bărbații se vor împăca cu adevărat unul cu altul", "se vor conforma situațiilor", "se vor ajuta în activitățile gospodărești". În răspunsurile actorilor sociali (femei) se solicită, ca "bărbații să-și asume mai multe griji și responsabilități pentru familiile lor". Către această opțiune tind 49% de femei și 37% de bărbați, iar pentru ca "generația tânără să studieze în mod special problema relațiilor între genuri" se pronunță 45% de femei și 44% de bărbați chestionați*¹⁹.

O primă valoare socială pentru femei și bărbați o constituie situația materială, iar ca valori familiale tradiționale rămân a fi – *școala mamei și a bunicii, răbdarea și înțelepciunea – ca niște condiții indispensabile de a face lucruri bune și frumoase* ²⁰.

Concluziile de ansamblu ale acestei încercări de sinteză a ideilor conturate în jurul – imaginii satului în perioada de tranziție la relațiile de piață argumentează conceptul, în viziunea autoarei, ca *diverse teorii științifice universale sunt utile dat fiind că acestea dau naștere unor idei noi, care pot fi implementate în contextul Programului Național Satul Moldovenesc*.

Problemele prezentate mai sus pun în lumină importanța relațiilor între genurile rurale prin reconștientizarea și valorificarea tradițiilor și obiceiurilor în contextul educației multiforme între genuri, punând accentul pe studiul relațiilor interumane și interetnice, intrafamiliale și interfamiliale, interpersonale și intergrupale, pe studiul relațiilor de neam și vecinătate, relațiilor socioculturale, socioafective etc.

Am prezentat așa cum ne-am propus câteva aspecte pentru elaborarea practică al unui model de dezvoltare a satului moldovenesc, care nu ține de matematică (din punct de vedere metodologic) și nu este nici strict economic (din punct de vedere teoretic), ci prospectiv, sociocultural și sociopsihologic. Astfel natura modelului (imaginii) nu poate fi decât teoretică-conceptuală, urmând ca punctele de reper, teoria problemei studiatei să fie dezvăluită și argumentată științific de specialiști din diferite domenii, dat fiindcă la baza dezvoltării durabile a satului moldovenesc de mâine, în lumina Programului Național Satul Moldovenesc se află relațiile între oamenii din mediul rural și orientările lor valorice în perioada de tranziție.

Cercetarea actuală s-a extins spre spații noi, astfel asumându-ne o datorie morală casă descifrăm unele aspecte neglijate dar deloc neglijabile. Istoria mentalităților și sensibilităților rurale trebuie să intereseze cercetătorii științifici. Comportamentul cotidian al oamenilor de la sate, mutațiile pe care le cunoaștem la nivelul mentalității și sensibilității acestora pot oferi explicații plauzibile faptelor legate de "*Cei șapte ani de acasă*" și "*Gura lumii*", de formula fericirii, de barometrul relațiilor între genuri în familie și societate.

Un cadru legal la nivelul unui program de acțiune al fiecărui sat ajustat la Programul Național Satul Moldovenesc, ar fi incomplet fără următoarele măsuri socioculturale:

- mărirea numărului de consilieri (pe lângă primării) prin cooptarea băștinașilor;
- formarea asociațiilor băștinașilor;
- elaborarea Planului de acțiuni a satului (conform Programului Național Satul Moldovenesc)

prin:

- efectuarea diagnosticului satului;
- lansarea Programului sub genericul "Calitate și Morală";
- organizarea asistenței sociale și psihologice pe lângă spitale, primării;
- "O surpriză pentru tine" de Hramul satului (totalurile anuale);
- lansarea "foilor volante", reclame pe "Panoul de onoare", pregătirea și derularea filmelor documentare etc.
- organizarea diverselor concursuri prin intermediul televiziunii și radioului republican;
- dezvoltarea micului business (meșteșuguri artistice, obiective de deservire socială etc);
- lărgirea infrastructurii rurale (biblioteci, case de cultură, grădinițe de copii etc);
- elaborarea monografiilor satelor și a monografiilor biografice;
- formarea băncilor de informații;

- editarea revistei "Viața satului" (la nivel republican) și realizarea emisiunii televizate "Satul moldovenesc" (fără a fi înlocuită "Baștină") cu participarea savanților-experti (în scopul însușirii experiențelor avansate);
- construirea blocurilor locative (în scopul atragerii tinerilor specialiști).

Din această perspectivă satul va avea posibilitate să coreleze momentele majore din viața cetățenilor în așa fel, încât acestea să corespundă cerințelor noi din comunitate, ceea ce va însemna un pas hotărâtor în procesul de integrare europeană.

Note

- ¹ Bejan-Volc Iu. Relațiile gender rural: imperativ al timpului. Chișinău, 2004.
- ² Grunberg L, Miroiu M. Gen și educație. București, 1997.
- ³ Ibidem.
- ⁴ Бандинтер Э. Феминизм // Опыт словаря нового мышления. Москва, 1989.
- ⁵ Психологический журнал, том 20-21, № 2-5. Москва, 2000.
- ⁶ Психологический журнал, № 1. Москва, 1986.
- ⁷ Larousse. Dicționar de sociologie. București, 1996.
- ⁸ Ibidem.
- ⁹ Ibidem.
- ¹⁰ Кон И. С. Социология личности. Москва, 1967.
- ¹¹ Ibidem.
- ¹² Ibidem.
- ¹³ Studii Gender, nr. 1 /4. Chișinău, 2001.
- ¹⁴ Chirica V. Cu femeia prin milenii: mit și realitate. Iași, 1997.
- ¹⁵ Pop Olivian. Gânditori creștini despre rolul femeii în mântuirea lumii. București, 1999.
- ¹⁶ Bejan-Volc Iu. Relațiile gender rural: imperativ al timpului. Chișinău, 2004.
- ¹⁷ Ibidem.
- ¹⁸ Фромм Э. Душа человека. Москва, 1992.
- ¹⁹ Materiale / Cercetări de teren, Zonele de Centru, Sud, Nord, anii 2000 (nr. 450), 2003 (nr. 1000).
- ²⁰ Bejan-Volc Iu. Relațiile gender rural: imperativ al timpului. Chișinău, 2004.

Rezumat

Realitatea și cunoașterea sunt noțiuni cheie într-o cercetare pentru a reda imaginea etnosociologică a satului moldovenesc. În acest context am reușit parțial să argumentăm teza "cum este posibil ca înțelesuri subiective să devină obiective, iar activitatea umană să producă o lume de valori".

Резюме

Реальность и познание являются ключевыми понятиями в исследовании этносоциологического образа молдавского села. В этом контексте частично аргументирован следующий тезис: «как могут субъективные понятия стать объективными, а активность людей – создавать общечеловеческие ценности».

Summary

The reality and the cognition in the author's opinion are the key notions in an ethnic-sociological research of the image of Moldovan village. In this context the thesis "how it is possible that subjective meanings become objective and that the human activity produces human values" is partially supported.

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИЙ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ ГАГАУЗОВ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Несмотря на усилия исследователей, вопрос о происхождении гагаузов остается до сих пор дискуссионным. Одни склонны придерживаться уже устоявшейся точки зрения о том, что гагаузы являются потомками северо-тюркских племен (печенегов, половцев, узов), другие отстаивают их сельджукско-анатолийское происхождение, третьи полагают, что в этногенезе народа не последнее место принадлежит протоболгарскому компоненту. Основная причина такой жаркой полемики состоит в отсутствии письменных источников и археологических памятников, которые могли бы пролить свет на эту проблему, а также в том, что в настоящее время нет возможности (по объективным причинам) изучить самый важный период этнической истории гагаузов, именуемый в научной литературе «балканским». Изучение этногенеза народа – прерогатива историков, археологов, лингвистов, антропологов и, конечно же, этнографов. Каждая область науки использует свои методы в процессе исследования данной проблемы. При отсутствии источников этнографы призваны осуществлять поиск, путем сравнительно-исторического анализа, типологически сходных явлений в культуре как соседних народов, так и этносов, входящих в единое языковое пространство (в нашем случае общетюркское). Традиционная этнография пока не знает иных методов исследования. Поэтому вполне естественно, что в ходе работы происходит привлечение данных других дисциплин (истории, антропологии, лингвистики, географии и т. п.), что способствует выявлению эволюции некоторых элементов и, пусть даже иногда гипотетически, позволяет очертить те или иные этапы в этнической истории народа. Изучение системы питания представляется весьма важным, поскольку данный компонент является одним из самых консервативных в традиционно-бытовой культуре и обладает способностью сохранять архаичные элементы, принадлежащие более ранним периодам истории народа.

В этнографической литературе по изучению традиционно-бытовой культуры гагаузов существуют работы, в которых идет речь о некоторых архаичных видах пищи. Так, в начале XIX в. В. А. Мошков отмечает, что сдгек является наиболее древним видом хлеба. Технология его приготовления и термин, его обозначающий, «...роднят гагаузов с народами тюркской расы» и особенно с тюрками-кочевниками¹.

Значительно позже, во второй половине XX в. появляются труды, в которых традициям питания гагаузов уделяется гораздо больше внимания. В монографии С. С. Курогло указываются обрядовые виды пищи, выделяются общепалканские элементы. В ней проводятся параллели с традициями других тюркских народов. Рассматривая обрядовый цикл *emiş* (изюм), автор отмечает наличие аналогичного обряда у крымских и оренбургских татар, а также у тюркских народов Средней Азии. При этом он приводит терминологические соответствия. Например, у крымских татар кувшин, в котором приносили изюм, назывался *куман-емыш*, у оренбургских татар изюм и другие сладости обозначались словом *кишмиш*. С. С. Курогло приходит к выводу о том, что по своему составу и происхождению гагаузский обряд близок к тюркским традициям².

Впервые вопросы эволюции некоторых видов пищи гагаузов были рассмотрены в работе М. В. Маруневич. Весьма интересным, на наш взгляд, является наблюдение автора, касающееся традиционного блюда *раға*. Анализируя древнейший вид пищи – *таран*, представляющий собой похлебку из сушеных шариков

из теста и сыра, распространенную у многих народов с кочевым прошлым, М. В. Маруневич приходит к выводу о том, что поздними разновидностями этого кушанья можно считать часто употребляемые у гагаузов супы с лапшой, а также блюдо *uuta çorba*. В данной работе впервые представлена попытка выявления в традициях питания гагаузов элементов, являющихся общими для Балкано-Дунайского региона. К ним относятся: сырный пирог (*kurma*), приготовление жертвенного животного (*kurban*), блюдо из пшеничной крупы (*bulgur*), соленья (*turşu*) и др. При этом автор отмечает, что многие из перечисленных традиций были свойственны народам, проживающим на территории Передней Азии, а также тюркским этносам³.

Происхождение традиционного гагаузского блюда манса рассматривается в статье С. С. Курогло и Д. Е. Никогло. Авторы приходят к выводу о том, что данный элемент появился у гагаузов еще на территории Болгарии в результате этнокультурных взаимовлияний с венецианцами и генуэзцами в период средневековья⁴.

В статье Д. Е. Никогло «К вопросу о сочетании аграрных и скотоводческих элементов в обрядовой пище гагаузов», опубликованной в 1998 г., впервые высказывается предположение, что пшеничная крупа в обрядовом блюде *kurban* могла появиться у предков гагаузов еще до перехода за Дунай, во время пребывания в степях Северного Причерноморья. Автор отмечает, что, находясь в этом регионе, они могли контактировать со славянами, которые уже приняли христианство и занимались земледелием и у которых вареная каша (кутья) считалась священной и приносилась в жертву⁵.

В своей монографии «Система питания гагаузов XIX – начала XX вв.» и в ряде статей Д. Е. Никогло выделяет архаичные элементы и более поздние напластования в системе питания гагаузов. Автором предпринята попытка распределения традиций питания в соответствии с этапами этнической истории народа – *добалканский, балканский, бессарабский*. Впервые в научный оборот вводятся обозначения *добалканские, балканские, бессарабские традиции*⁶.

Данное исследование – итог многолетней работы автора. В его основу легли материалы докторской диссертации, а также полевые материалы последних трех лет, собранные им в гагаузских и болгарских селах Молдовы и Болгарии. Его задача состоит в том, чтобы по мере возможности выявить эволюцию некоторых видов пищи гагаузов в соответствии с этапами этнической истории народа и обозначить специфические черты, проявляющиеся в процессе трансформации тех или иных элементов системы питания этноса.

* * *

Следует подчеркнуть, что автор данной работы придерживается известной точки зрения о происхождении гагаузов, согласно которой они являются потомками северо-тюркских племен (печенегов, половцев, узов) и их этническая история распределяется по трем историко-хронологическим пластам (*добалканскому, балканскому и бессарабскому*). В данной статье, учитывая дискуссионный характер указанной теории, мы, умышленно абстрагируясь от результатов вышеупомянутого исследования, подчеркнем, что эволюция традиций питания народа **условно** укладывается в два (а не в три) хронологических пласта: *балканский* и *бессарабский*. Под данными терминами подразумеваются как пространственно-временные понятия, обозначающие ареал расселения гагаузов и их предков в различные периоды этнической истории, так и наименования самих периодов этнической истории народа. «*Балканский*» связан с формированием гагаузского этноса на Балканах (в частности, в Северо-Восточной Болгарии) и его проживанием здесь до

переселения в Южную Бессарабию, «бессарабский» – с пребыванием на территории Южной Бессарабии после переселения⁷.

Принцип **условности** указывает на то, что границы очерченных выше временных и пространственных пластов невозможно четко определить в силу динамичности этнических процессов, выразившихся в миграциях этнических общностей, в этнокультурных взаимовлияниях и, как следствие этого, в типологическом сходстве многих элементов, принадлежащих различным по происхождению этносам.

В качестве аргумента следует подчеркнуть, что *балканский* пласт традиций питания – явление весьма неоднородное. Это объясняется тем, что исторически территория данного региона, входящая в такую историко-этнографическую область, как Юго-Восточная Европа, представлена сразу несколькими хозяйственно-культурными типами (далее – ХКТ), среди которых выделяются ХКТ плужного (пашенного) земледелия в сочетании с домашним скотоводством, отгонного скотоводства, кочевого скотоводства⁸.

Кроме того, общеизвестно, что связь Балкано-Дунайского региона с тюркским миром не прерывалась на протяжении многих веков. При этом происходил взаимообмен азиатских степных (скотоводческих) хозяйственно-культурных традиций с традициями ХКТ плужного земледелия и домашнего скотоводства. Весьма важным является то, что Южная Бессарабия (именно Буджак) явилась тем естественно-географическим и историческим «коридором», который обозначил этот взаимообмен.

Таким образом, в традициях *балканского* пласта можно выделить как архаичные элементы, так и более поздние черты: компоненты, имеющие прямые аналогии с кочевой скотоводческой культурой и культурой земледельцев.

Исследование показало, что традиционные способы обработки и хранения мяса и молока гагаузов, а также термины, обозначающие некоторые виды пищи и утвари, в основном совпадают с традициями и названиями, присущими культуре кочевых в прошлом народов.

Так, например, наиболее древними способами обработки мяса является вяление на открытом воздухе или под воздействием дыма (*pastirma*), обжаривание мяса в котлах и хранение его в кожаных мехах и глиняных корчагах (*kaurma*). Обработка молока и получение молочных продуктов также сохранили свои архаические черты. Как и кочевники, гагаузы применяют способ сычужной ферментации при изготовлении брынзы. Аналогии прослеживаются и в изготовлении кислого молока (*yuurt*), сметаны (*kaumak*), вторичных продуктов – сладкого творога (*nuur*) и т. д.⁹

Древнейшими видами блюд являются мучные изделия и похлебки: *uuma corba*, *corba*, *bulamat*, *cörek*, *lokum*. Все эти способы отмечены в этнографических исследованиях по проблемам пищи народов с кочевым прошлым, а некоторые термины зафиксированы в «Древнетюркском словаре», составленном на основе материалов Махмуда Кашгарского, относящихся к XI в.¹⁰

В первую очередь обозначим те термины гагаузского языка, которые имеют лексические соответствия в «Древнетюркском словаре». Например, древнетюркское *etmäk* («хлеб») соответствует гагаузскому слову *ekmek* с той же семантикой¹¹. Древнетюркское *cöräk* – гагаузскому *cörek* в значении «пресная лепешка». Древнетюркскому слову *cobra* («похлебка, варево») в гагаузском языке соответствует *çorba* («суп») ¹². В данном случае произошла метатеза: *br* на *rb*. В таком видоизмененном облике это слово дошло до настоящего времени. Термин *çorba* «суп, похлебка» имеет соответствие в ряде языков: тур. – *çorba*, казах. –

сурпа, ног. – шорпа, кумык. – шорва, узб. – шурво, а также болг. – чорба и молд./рум. – *ciorbă*¹³.

Древним термином является название *bulamac*, обозначающее в гагаузском языке вид похлебки из пшеничной муки, поджаренной на масле. В «Древнетюркском словаре» этому слову соответствует вариант *bulyama* в значении «постная болтушка без приправы»¹⁴.

Архаичный характер присущ древнетюркскому термину *joyurt* – «кислое молоко»¹⁵. У гагаузов бытует термин с аналогичным корнем (*yuurt*) в этом же значении. Данное название распространено в ряде тюркских языков. Например: тур. – *yogurt*, туркм. – *ёгурт*, кирг. – *жуурат*, кумык. – *ювурт*¹⁶.

Особо хочется остановиться на термине *qaq et* с отмеченным в «Древнетюркском словаре» значением «сушеное мясо»¹⁷. Турецкий исследователь (Б. Ёгель) отмечает, что сушение мяса, то есть его вяление на открытом воздухе, является традиционным способом приготовления для системы питания турок. В турецком и в других тюркских языках он называется *kak et* или *какаç*¹⁸. У гагаузов и болгар, проживающих в Болгарии, мясо, приготовленное подобным образом, также носит название *какаç*¹⁹.

Однако в настоящее время на территории Южной Бессарабии данный термин уже вышел из употребления. Гагаузы, болгары, молдаване, румыны и другие народы используют вместо него лексему *pastirma* (ср. рум/молд. *pastramă*, болг. *пастърма*), который также обозначает вяленое копченое мясо. Необходимо отметить, что слово *pastirma* отсутствует в «Древнетюркском словаре». Этимологический анализ терминов позволяет прийти к выводу о том, что название *какаç* или *kak et*, возможно, древнее, чем *pastirma*.

Значительный интерес представляет мучное изделие под названием *lokum*. В гагаузских селах Болгарии, а также на территории Молдовы, например в Копчаке, данное название обозначает блюдо в виде кусочков дрожжевого или пресного теста, которые заливаются маслом и выпекаются на противне²⁰.

В других населенных пунктах (к примеру в Комрате) этим термином называют кусочки теста, жаренные в большом количестве жира. Наряду с указанным названием в селах Комратского района бытует слово *gogoloş/gogoleni* (от молд./рум. *socoloş* – комок, шарик). Лексема *lokum* распространена в ряде тюркских языков и, вероятно, появилась у гагаузов намного раньше, чем термин *gogoloş*. У ногайцев слову *lokum* соответствует значение «лепешка из пресного теста, жаренная на масле»²¹. Этнографы отмечают, что подобное блюдо (жаренные в бараньем жире или масле кусочки теста) – *баурсаки* является «сугубо скотоводческим» и бытует в кухне ряда тюркских народов – казахов, башкир, ногайцев²². По мнению исследователей, технология приготовления блюда (жарение в масле или жире животного) восходит к кочевому быту²³.

К архаичным явлениям относится традиционное блюдо *uuta çorba*. Данный термин имеет соответствия в ряде тюркских языков: тур. *отаç*, ног. – *уумаш сорпа*, тат. – *умач*, башк. – *уумач*, кумык. – *увмач гьалва*, а также узб. – *умоч*. Технология приготовления аналогична гагаузскому варианту²⁴.

В эту же группу элементов входит один из способов приготовления мяса под названием *çoban kuzusu* (букв.: «ягненок по-чабански») ²⁵. Готовили его только чабаны. Предварительно выпотрошенную тушку ягненка, приправленную солью, перцем и всевозможными травами, заворачивали в собственную шкуру, а затем выпекали в прогоревших углях. Аналогичное кушанье под названием *кууи кебаби* бытует у турок²⁶.

По мнению авторов «Этнографии питания...», этот способ выпекания (жарка на углях или в золе в яме, засыпанной землей или заваленной камнями, на которых разводится

костер), является наиболее древним. Он известен кочевникам Евразии и восходит к доскотководческому (охотничьему) ХКТ лесостепной и степной зоны²⁷. Известный специалист в области истории огузских народов С. Г. Агаджанов отмечает, что данный способ был знаком огузам Средней Азии. Указанное блюдо, по его словам, представляло вид шашлыка (*būryan kebabi*) из кусков баранины, завернутых в шкуру и испеченных в горячей золе²⁸. Архаичность данного явления отмечают и турецкие исследователи²⁹. Такое же кушанье характерно для традиций некоторых народов, населяющих кавказский регион (даргинцев, лезгин)³⁰.

Отголоском древних скотоводческих традиций, связанных с языческими верованиями, является обычай жертвоприношения животного – *kurban*, который был адаптирован в канву христианских обычаев и ритуалов, обрел свои новые черты и нашел свое место в обрядах народного календаря. Одним из аргументов, подтверждающих архаичность данной традиции, служит тот факт, что гагаузы, как и древние тюрки, для обряда выбирали чаще всего животное белой масти³¹. Специфичным для обрядов, зафиксированных лишь в некоторых гагаузских селах (с. Казаклия), является совместное вкушение печени жертвенного животного на праздник св. Георгия (*Hederlez*). Как показало исследование, данный элемент не характерен для болгар, проживающих в Бессарабии, но бытует у казахов и некоторых других тюркских народов³². Специалист по тюркской мифологии А. М. Сагалаев отмечает, что в тюркской культуре печень считалась органом не просто жизненно важным, а сопричастным рождению и приравнивалась к детородному. Ей приписывалась сила плодородия, сила, дающая начало новой жизни. Клишированными образами тюркской эпики являются богатырь, рожденный отцом из печени, и отцовская печень³³.

Дальнейшее изучение символических аспектов системы питания и религиозно-магических функций пищи гагаузов, возможно, позволит выявить истоки данного феномена.

Особое внимание следует обратить на некоторые предметы утвари, предназначенной для хранения мясных и молочных продуктов. У гагаузов до сих пор бытует способ заготовки брынзы в обработанных овечьих шкурах-бурдюках (*tulum*), что тоже является, на наш взгляд, отголоском древних скотоводческих традиций. У румын и молдаван также существует аналогичный элемент (*brînză de burduf*), истоки которого восходят к быту пастухов горных районов Карпат, занимавшихся отгонным скотоводством. Этот древнейший способ имеет аналоги у тюрк-кочевников и других народов с кочевым прошлым³⁴. Подобная утварь, сделанная из шкур овец и коз, у различных народов носила разные названия (тур. – *tulum*; туркм. – *тулум*; алт. – *торсук*; башк. – *тулып*)³⁵. В тюркском словаре В. Радлова термин *тулум* (вариант *тулуп*) означает «кожаный мешок без швов»³⁶.

Исследователь этнографии башкир С. Н. Шитова объясняет, что башкирское выражение «*толоплай тунап алорта*» (снимать шкуру, не разрезая) бытует у многих народов, которые не только использовали данный термин (*тулум*, *тулуп*, *тулып*), но и знали этот тип посуды из шкур овец или телят. Среди них тувинцы, хакасы, каракалпаки, уйгуры, азербайджанцы³⁷. Аналогичная утварь из кожи для хранения сыра существовала и у лезгин³⁸. В гагаузском языке тоже существует подобное выражение, ставшее фразеологизмом: «*kuzuyu tulum soymaa*».

Хранение продуктов в емкостях, сделанных из кожаных мешков, а также из желудков коз и овец, являлось очень рациональным, так как они сохранялись в таких сосудах довольно длительное время и даже улучшали свои питательные свойства³⁹.

Последние полевые материалы свидетельствуют о том, что еще в 70-е годы XX в. в некоторых гагаузских селах, в том числе в Чишмикиое, это явление еще бытовало. В селе Джолтай, которое исследователи считают наиболее архаичным, до сих пор в домах старожиллов можно обнаружить этот реликт кочевого быта. Кроме кожаных мешков для хранения молочных продуктов, гагаузы использовали и обработанный мочевого пузыря животного (*şışiriga/şuşurunga*)⁴⁰.

Специфическим для предков гагаузов являлось потребление пищи за круглым деревянным столиком – *sofra*. Этот обычай дошел до наших дней. Аналогичная мебель была у болгар, турки гагаузов на территории Северо-Восточной Болгарии. Большие деревянные столы устанавливали лишь при приеме гостей, в праздники или во время различных обрядовых застолий. Об этом сообщает в своих исследованиях В. А. Мошков. Он

отмечает, что в обыденной жизни гагаузы «...по-прежнему придерживаются древних обычаев кочевников, принимая еду за низеньким деревянным столиком, сидя просто на земле, без всяких скамеек и табуреток, в лучшем случае, положив под себя подушку». По его мнению, круглый старинный стол по устройству очень близок к прототипу всех столов – к простой доске, укладываемой в древности прямо на землю. Позже под него стали подкладывать деревянные чурбаки, превратившиеся затем в ножки⁴¹.

По наблюдениям М. В. Маруневич, в гагаузских селах еще помнят о небольших круглых столешницах с чуть завышенными краями по окружности, прибитых к небольшой колоде, что придавало столику вид перевернутой шляпы. Вероятно, поэтому в народе он назывался *sofra paraliya* – стол-шляпа (молд/рум. *pălărie* – шляпа)⁴². Нам удалось обнаружить данный элемент в этнографическом музее села Бешалма⁴³. Как отмечает известный археолог, исследователь культуры хуннов С. И. Руденко, подобные столики с завышенными краями были распространены среди центральноазиатских скотоводческих народов. Их находили при раскопках гунно-сарматского времени в Туве, на Алтае, в курганах Ферганы⁴⁴. Этот факт свидетельствует об архаичности данного элемента в культуре гагаузов.

К традициям «балканского» пласта относятся и элементы, в большей степени принадлежащие земледельческому ХКТ. Это разнообразные мучные изделия, блюда из круп, овощей, фруктов (*kurma, pidă, kabaklı, bulgur, manca, laana, laana mancasi* и т. д.).

Кроме того, к этому периоду относятся способы заготовки и хранения овощей (*turşu*), сушеных фруктов, производство своеобразной приправы – пасты из красного перца (*düümâ biber/dumatî*), а также изготовление вина.

В это же время появляются обрядовые виды пищи, отражающие языческо-христианский синкретизм: многочисленные виды обрядового хлеба, вино.

Традиционное для гагаузов блюдо *манса* также можно считать «балканской» традицией. (Данный термин обозначает еще и общее название всех вторых (не жидких) блюд, то есть еды горячего приготовления, готовой к употреблению.) В турецком языке, в отличие от гагаузского и болгарского, слово *manca* не обозначает конкретное блюдо. Оно имеет значения «жратва», «еда для кошек и собак» и относится к аргю. В настоящем исследовании мы придерживаемся точки зрения болгарских лингвистов, авторов болгарского этимологического словаря, которые считают, что термин *manca* – итальянского происхождения (итал. *mangiare* – есть, кушать; *mangia* – еда; фр. *le manger* – еда восходит к лат. *manduco*)⁴⁵. Вероятно, он был заимствован предками гагаузов (и болгарскими) от венецианских и генуэзских моряков еще на Балканах в XIV–XV вв.⁴⁶.

О связях населения Каварны (Карбоны) с итальянскими и генуэзскими факториями в период средневековья существует многочисленная историческая литература⁴⁷. Специфичность этого блюда для гагаузов доказывается еще и тем, что в традициях питания других тюркских народов отсутствует как блюдо, так и термин, его обозначающий.

С точки зрения типологии, обозначенные выше традиции – явления региональные. Тем не менее, в такой «региональности» специфика прослеживается в названиях пищи, где налицо обилие тюркской терминологии (*kurma, kabaklı, akıtma, sarma* и др.). Не менее важным этноспецифическим элементом системы питания гагаузов, сформировавшимся в балканский период, является скудость «сладких» традиций, в отличие от многих восточных народов, в том числе, тюркских. Весь ассортимент традиционных сладостей у гагаузов состоит лишь из пирога с тыквой (*kabakı*), домашних конфет (*halvîța*), сладкого виноградного сиропа (*pekmez*), пасхального кулича (*paska/kozonak*), сладкой каши на молоке (*sütles*). Аналогия общетюркской традиции обильного сладкого угощения существует только в свадебном обряде *Emis/Çotra*.

Дальнейшая судьба народной системы питания гагаузов связана с последующим, бессарабским, периодом истории народа.

* * *

Бессарабский пласт традиций питания наравне с региональными, главным образом, южнобессарабскими, чертами содержит также архаичные и наиболее поздние элементы балканского периода.

Этот факт подтверждает неизбежную «регионализацию» многих традиций и позволяет говорить о формировании южнобессарабской субмодели питания.

На уровне южнобессарабских традиций гагаузскую специфику можно усматривать в приготовлении солений. Гагаузы при заготовке последних (как и других видов пищи (*pastirma*, *kaurma* и т. д.) отдают предпочтение более острому, перченому компоненту, что сближает их традиции с болгарскими и отличает от румын и молдаван региона, которые не увлекаются острыми блюдами.

У гагаузов Южной Бессарабии заимствованными (у соседей по региону) традициями можно считать обычай передавать в дар родственникам умершего курицу или овцу через могилу, а также и обрядовать сладостями, бубликами, фруктами обрядовое дерево (*dal*) (молд/рум. *rom*). В этой связи нельзя не принимать во внимание, что эти явления характерны не для всех гагаузских сел. Обрядование поминального дерева отсутствует в гагаузских селах Вулкэнештского района и в традициях гагаузов Болгарии.

В целом эволюция традиций бессарабского пласта отличается потоком молдавского влияния. Об этом свидетельствуют некоторые элементы в системе питания гагаузов, являющиеся результатом этнокультурных контактов с народами по бессарабскому региону. Полевые исследования, проводимые автором в гагаузских селах Болгарии, позволили определить, что в традициях питания гагаузов на территории Бессарабии, в отличие от гагаузов Болгарии, появился борщ с капустой (*laana borcu*), кислый квас (*borç*). Заимствование происходит и на уровне терминологии. Например, из молдавских говоров в гагаузский язык проникли следующие названия мучных изделий: *gogoloș* (молд/рум. *cocoloș*), *turta* (молд/рум. *turtă*), *plaçinta* (молд/рум. *plăcintă*) и т. д.

Тем не менее, исследование показало, что если даже в каком-либо явлении, связанном с пищевыми традициями гагаузов, имеет место заимствование из других языков (молдавского/румынского и болгарского), в гагаузском языке существует ряд собственно тюркских терминов, являющихся их синонимами. Например: *lokum* (*gogoloș*), *çorek* (*pita*, *turta*), *pidă* (*plaçinta*) и т. п.

Необходимо отметить, что наиболее подверженными заимствованиям в гагаузском языке чаще всего выступают названия мучных изделий, тогда как терминология тюркского происхождения, обозначающая мясные, молочные продукты и блюда, приготовленные из них, остается первозданной. Это еще раз подтверждает тезис о том, что скотоводческие традиции у гагаузов имеют архаичные корни. В принципе терминология, служащая для наименования мясных блюд, утвари и посуды, а также ряда других видов пищи, в основе своей является тюркской и носит довольно устойчивый характер.

В результате эволюции традиций в настоящее время наблюдается утрата некоторых элементов преимущественно древнего происхождения. Так, постепенно исчезает из быта бессарабских гагаузов сладкий сироп (*pekmez*) и напитки (*şerbet* и *ayran*), имевшие ярко выраженный ориенталистский характер. Реликтовый характер несет в себе традиция использования кожаных мехов (*tulum*). Все эти элементы в новых условиях потеряли свое назначение и представлены в редуцированной или в уже редко встречающейся, реликтовой форме.

В свою очередь, молдавская кухня обогатилась за счет гагаузских заимствований. Молдаване, проживающие в этноконтактной зоне южной части Бессарабии, заимствовали у соседнего гагаузского населения блюдо *gözlemă* (молд. диал. *ghiozliomea*) – пресная лепешка с творогом. Традиционное для гагаузов блюдо *manca* также вошло в рацион жителей некоторых молдавских сел южных районов республики (молд. диал. *mange*).

Региональный характер присущ следующим тюркским терминам, распространенным в языках других народов, населяющих Юго-Восточную Европу: гаг. *sarma*, молд/рум. *sarmale*, болг. *сърми*, тур. *sarma*; гаг. *pastirma*, тур. *pastırma*, молд/рум. *pastrama*, болг. *пастърма* и т. д. Но для гагаузов как для единственного тюркоязычного народа, проживающего на территории Бессарабии, данные термины выступают в качестве показателя национального своеобразия, одного из этноспецифических элементов. Их анализ и выводы по этой части взаимовлияний не всегда однозначны. Например, традиция особого способа вяления мяса, свойственная тюркским народам Передней и Средней Азии и степным кочевникам, получила распространение среди молдаван не обязательно в связи с этнокультурными контактами только с гагаузами, но, скорее всего, и с другими тюркскими народами: турками, ногайцами, средневековыми тюркскими племенами печенегов, узов, куман и др., у которых такой способ

приготовления вяленого мяса был обычным явлением, известным под тем же названием (гаг. *pastırma*). То же самое можно сказать о терминологии и традициях обработки молочных и мясных продуктов, а также о терминах, связанных с некоторыми видами традиционной утвари⁴⁸.

* * *

Таким образом, данное исследование позволяет прийти к ряду выводов. Изложенные материалы показали, что *балканский* пласт – явление неоднородное. Подавляющее количество его элементов находят аналогии с традициями тюркоязычных народов, у которых в прошлом было кочевое хозяйство. Об этом свидетельствуют как типологические, так и терминологические соответствия. Поэтому мы не можем отрицать наличие добалканского пласта в пищевых традициях гагаузов.

В отношении системы питания гагаузов, традиции этого пласта представляют собой более раннюю модель питания, где доминировало потребление мясных и молочных продуктов. В научной литературе отмечается, что данная модель, называемая *мясо-молочной*, характерна для кочевых народов, основным занятием которых было скотоводство⁴⁹. Согласно результатам настоящего исследования, многие из рассмотренных нами элементов сохраняются в той или иной степени в быту гагаузов по сей день. Этот факт указывает на большую консервативность системы питания в ряду других компонентов традиционно-бытовой культуры. В этом контексте следует привести мнение этнографов, специалистов по традициям питания различных этносов, которые отмечают, что «...модель питания в реликтовой или видоизмененной форме продолжает существовать и тогда, когда породивший ее ХКТ давно уже сошел с исторической сцены»⁵⁰.

Таким образом, «*добалканский*» пласт в культуре гагаузов включает в себя довольно хорошо сохранившиеся архаичные элементы, восходящие к ХКТ кочевого скотоводства. Все это позволяет еще раз убедиться в том, что этногенез гагаузов и их ранняя этническая история связаны с историей тюркских племен евроазиатских степей. Исследованные в работе явления, составляющие древнетюркский лексико-этнографический субстрат, несут на себе этноспецифическую печать, которая отличает гагаузский этнос от других народов, проживающих на территории Молдовы⁵¹.

Балканский пласт традиций свидетельствует о том, что гагаузский этнос сформировался именно на Балканах. При этом процессы этногенеза гагаузов совпали со сложными этапами смены ХКТ, что выразилось в переходе от кочевой жизни к оседлости и земледелию, с одной стороны, и принятии православия – с другой. И то и другое обеспечило в дальнейшем становление гагаузского народа как органичной части мира народов Юго-Восточной Европы и его причастность к этнокультурному развитию этого региона.

Включая в себя «*добалканские*» элементы, данный пласт впитал и более поздние традиции. Например, появление большого количества мучных изделий, блюд из круп, овощей, фруктов (*kırma, pidä, kabaklı, kolaç, bulgur, manca, laana/laana mancasi, turşu* и т. д.) свидетельствует о формировании новой, зерно-мясо-молочной системы питания, на базе предшествующей мясомолочной. Кроме того, в этот период под влиянием христианства происходят изменения в сакрализации обрядов и ритуалов, а также атрибутов, их сопровождающих, среди которых одно из главных мест отводится пище: обрядовому хлебу, мучным изделиям, вину, мясу и т. п.

Думается, что примером адаптации более ранних верований к христианской религии может служить упомянутый выше ритуал вкушения печени жертвенного животного во время празднования *Hederlez*, который совпадал с православным праздником Днем св. Георгия. В данном случае вкушение печени происходило в церкви. При этом каждый должен был перекреститься, отведать кусочек и затем положить деньги на стол. Ход этого ритуала по своей сути аналогичен вкушению *koliva* – вареных зерен пшеницы, сопровождающих многие христианские обряды. Иными словами, вкушение *koliva* и печени символизировало причастность к совершаемым таинствам. С другой стороны, адаптацию к новой религии нельзя рассматривать в отрыве от приспособления к новому типу хозяйства. Поэтому данный элемент можно квалифицировать как результат взаимодействия двух различных культур: земледельческой (оседлой) и скотоводческой (кочевой). При этом печень, возможно, являлась принадлежностью скотоводческой культуры, а *koliva* –

земледельческой. На основании вышесказанного можно предположить, что данное явление иллюстрирует основную суть *балканского* периода – смену ХКТ и принятие православия. Однако наши предположения нуждаются в дальнейшем исследовании.

Остается невыясненным происхождение гагаузского обряда *emiș*, который имеет аналогии с обрядами других тюркоязычных народов. Влияние *балканских* традиций усматривается в употреблении синонимичного названия *goda*, что свидетельствует о болгарском влиянии на терминологию (ср. болг. *годеж* – сватовство).

Бессарабский пласт характеризуется тем, что система питания гагаузов в принципе «повторила» на новом месте привычную для них *балканскую* региональную модель питания в сочетании с добалканскими элементами.

На основе данной субмодели питания в конкретных природно-климатических, исторических и демографических условиях Буджака в течение XIX в. сформировалась современная национальная система питания гагаузов. При этом следует отметить, что их традиции питания в силу типологической близости с культурой местного населения, обусловленной принадлежностью Южной Бессарабии и Северо-Восточной Болгарии к единому ХКТ, не претерпели существенных изменений после переселения. Однако этнокультурные взаимовлияния все же имели место. Результатом межэтнического взаимодействия гагаузов, болгар – носителей балканских традиций, с одной стороны, и молдаван, украинцев и др. – с другой, явилось создание южно-бессарабской модели питания, свойственной для всего региона Южной Бессарабии. Для наиболее четкого восприятия эволюцию некоторых видов пищи автор попытался представить в таблице (см. Приложение).

* * *

Основной вывод заключается в том, что у гагаузов особенности этнического характера в какой-то мере связаны с древними элементами добалканских кочевых скотоводческих традиций. На данные архаичные традиции гармонично наложились балканские, а впоследствии и бессарабские черты. Те и другие подкреплены общим для ареала Юго-Восточной Европы ХКТ и единым конфессиональным фоном, в частности православием. Так, в конечном итоге, сложилась специфика пищевых традиций гагаузов XIX – начала XX вв.

Таким образом, исследование традиций питания гагаузов показало, что в этой области культуры существует немало элементов, имеющих аналогии с культурой кочевых в прошлом народов. Следовательно, нельзя отрицать, что в формировании гагаузского этноса участвовали тюркские кочевые племена. Задача состоит в том, чтобы выяснить, в какой степени это участие проявилось в этногенезе гагаузов.

Данный аспект изучения гагаузской традиционно-бытовой культуры, в том числе и системы питания, открывает широкий простор для дальнейших историко-сравнительных и этногенетических изысканий. Настоящую работу можно считать лишь первой попыткой такого исследования.

Примечания

¹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1902, № 4. С. 32.

² Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980. С. 51, 53.

³ Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев, 1988. С. 160-163.

⁴ Курогло С. С., Никогло Д. Е. К проблеме этнокультурных взаимосвязей гагаузов с другими народами (на примере терминологии традиционной гагаузской кухни) // *Știința*, 1995, № 1. С. 15.

⁵ Никогло Д. Е. К вопросу о сочетании аграрных и скотоводческих элементов в обрядовой пище гагаузов // *Al III-lea Simpozion național de istorie și retrologie agrară a Moldovei. Chișinău, 23-24 octombrie 1998*. P. 40-41.

⁶ Никогло Д. Е. Традиционная пища гагаузов: отголосок прошлых эпох // *Мысль*, 1998, № 4; она же. Система питания гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев, 2004.

⁷ Под этими терминами подразумеваются также традиции, возникшие на данных территориях в соответствующий исторический период. См. Никогло Д. Е. Некоторые элементы традиционной пищи гагаузов как этногенетический источник // *Сборник научных трудов Комратского университета*. Комрат, 1999. Т. II. С. 89-98; она же. Система питания гагаузов... С. 152-166.

⁸ Иванова Ю. В. Историко-этнографическая область Юго-Восточная Европа и ее хозяйственно-культурные типы // *Этнографическое обозрение*, 1994, № 2. С. 41-43; она же. Формирование культурной общности народов Юго-Восточной Европы // *Исторические и историко-культурные процессы на Балканах*. М., 1982.

- ⁹ Шаханова Н.Ж. Традиционная пища казахов как историко-этнографический источник (по материалам кочевых и полукочевых групп). Дисс. канд. истор. наук. Ленинград, 1987. С. 263-295; Фиельструп Ф. А. Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. Ленинград, 1930. С. 276.
- ¹⁰ Культура жизнеобеспечения и этнос. Ереван, 1983. С. 22; Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обычаи и обряды как показатель межнационального своеобразия и межнациональных связей // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. С. 156. С.158-159; Древнетюркский словарь. Ленинград 1959.
- ¹¹ Древнетюркский словарь...
- ¹² Там же.
- ¹³ Гаджиева С. Ш. Кумыки, М., 1961. С. 151; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев в 19 – начале 20 вв., М., 1976. С. 206; Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков // Этнографическое изучение быта и культуры узбеков. Ташкент, 1972. С. 105; Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана, М., 1966. С. 119.
- ¹⁴ Древнетюркский словарь...
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Оразов А. Материальная культура прибалханских туркмен в конце XIX – начале XX века (по материалам этнографии туркмен). Ашхабад, 1965. С. 50; Гаджиева С. Ш. Материальная культура кумыков XIX – начала XX века. Махачкала, 1960. С. 202; Айтабаев М. Т. Пища киргизов XIX – начала XX вв. // Известия АН Киргизской ССР, 1963. С. 15.
- ¹⁷ Древнетюркский словарь...
- ¹⁸ Ögel V. Türk kültür Tarihinin gırgırs. Türklerde yemek kültürü; Göktürklerde Osmanlılara. Ankara, 1991. S. 379.
- ¹⁹ Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов... С. 154.
- ²⁰ Добруджа. Этнографически, фолклорни и езикови проучвания. София, 1974. С. 252.
- ²¹ Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... С. 207.
- ²² Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г. Злаки в повседневной, праздничной и обрядовой пище башкир в конце XIX – начале XX века // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX века. Москва, 1979. С. 118.
- ²³ Студенецкая Е. Н. Пища и связанные с ней обычаи и обряды... С. 158.
- ²⁴ Шаниязов К. Ш. О традиционной пище узбеков... С. 102; Шарифуллина Традиционная пища и кухонная утварь у касимовских татар // Историческая этнография татарского народа. Казань, 1990. С. 72; Гаджиева С. Ш. Материальная культура ногайцев... 1976. С. 206; Шитова С. Н., Гаделгареева Р. Г. Злаки... С. 101.
- ²⁵ Данный термин не зафиксирован автором в исследуемых гагаузских селах. Название блюда было найдено Г. А. Гайдаржи в Чадыр-Лунге.
- ²⁶ Курылев В. П. Хозяйство и материальная культура турецкого крестьянства. Москва, 1976. С. 111.
- ²⁷ Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Москва, 1981. С. 122.
- ²⁸ Огузские племена Средней Азии IX–XIII вв. (Историко-этнографический очерк) // Страны и народы мира. Вып. X. Москва, 1971. С. 187.
- ²⁹ Ögel V. Türk, kültür... S. 331.
- ³⁰ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин XIX – начала XX вв. // Москва, 1988. С. 262; Гаджиева С. Ш., Осланов М. О., Пашаева А. Г. Материальная культура даргинцев. Махачкала, 1967. С. 280.
- ³¹ Денисов П. В. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары, 1969. С. 58.
- ³² Шаханова Н. Ж. Символические аспекты традиционной свадебной трапезы казахов // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Ленинград, 1989. С. 58-69.
- ³³ Сагалаев А. М. Урало-алтайская мифология. Символ и архетип. Новосибирск, 1991. С. 69.
- ³⁴ Кишбеков Д. Кочевое общество. Алма-Ата, 1984. С. 52.
- ³⁵ Шитова С. Н. Утварь из кожи у башкир // Хозяйство и культура башкир в XIX – начале XX века. Москва, 1979. С. 166; Пахутов А. Е. Традиционная пища монгольских народов как историко-этнографический источник. Дисс. канд. истор. наук. Москва, 1978. С. 126-131.
- ³⁶ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 3. Санкт-Петербург, 1905 (Цит. по Шитовой С. Н. Указ. соч. С. 166).
- ³⁷ Шитова С. Н. Утварь из кожи у башкир... С. 166.
- ³⁸ Агаширинова С. С. Указ. соч. С. 252-274.
- ³⁹ Этнография питания народов стран Зарубежной Азии. Москва, 1981.
- ⁴⁰ Никогло Д. Е. Некоторые элементы традиционной пищи гагаузов... С. 89-98; Она же. Национально – специфические особенности традиционной пищи гагаузов // Педагогический журнал, 1999, № 1-2. С. 77-80.
- ⁴¹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1902, № 4. С. 34-35.
- ⁴² Маруневич М. В. Указ. соч. С. 167.
- ⁴³ Фонды Государственного этнографического музея с. Бешалма, № 3301.
- ⁴⁴ Руденко С. И. Культура хуннов и ноинулинские курганы. Москва-Ленинград, 1962. С. 30-33.
- ⁴⁵ Dictionnaire étimologique et Historique. Париж 1989; Български етимологичен речник. Т. 3. 1971. С. 645.
- ⁴⁶ Курогло С. С., Никогло Д. Е. К проблеме этнокультурных взаимосвязей гагаузов с другими народами (на примере терминологии традиционной гагаузской кухни) // Ştiinţa, 1995, № 1. С. 15.
- ⁴⁷ Курогло С. С., Никогло Д. Е. К проблеме... С. 15; Карпов С. П. Итальянские морские республики и южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. Москва, 1990; Каварна от древности до осво-бождението. София, 1984. С. 97.
- ⁴⁸ В этом контексте следует также отметить устойчивость терминологии персидского и арабского происхождения (наравне с тюркской), прочно вошедшей в тюркские языки и обозначающей некоторые виды пищи, посуды и утвари гагаузов.
- ⁴⁹ Этнография питания... С. 6.

⁵⁰ Этнография питания... С.249.

⁵¹ Никогло Д. Е. Система питания гагаузов... С. 174.

Приложение

Эволюция некоторых видов традиционной пищи гагаузов

	ДОБАЛКАНСКИЙ ПЕРИОД*	БАЛКАНСКИЙ ПЕРИОД	БЕССАРАБСКИЙ ПЕРИОД
МЯСНЫЕ ВИДЫ ПИЩИ и БЛЮДА	KAURMA	KAURMA	KAURMA
	PASTIRMA (КАК ЕТ)	PASTIRMA (КАКАС)	PASTIRMA
	SIZIRMA	SIZIRMA	SIZIRMA
	РАСА (<i>вареное мясо животного</i>)	РАСА (<i>холодец</i>)	РАСА, ТАУКРАСАСИ (<i>куриный холодец</i>)
	BAHUR	BAHUR (BABU)	BAJUR (BABU, SALTISON)
		SUCUK	SUCUK
	BÛRYAN	BURYAN (ÇOBAN KUZUSU)	COBAN KUZUSU
ÇORBA (<i>жидкая похлебка на мясном бульоне</i>), д-т. (CORBA)	ÇORBA (<i>жидкая похлебка на мясном бульоне</i>)	CORBA (<i>жидкая похлебка на мясном бульоне</i>)	
МОЛОЧНЫЕ ВИДЫ ПИЩИ и БЛЮДА	YUURT, д-т. (JOYURT)	YUURT	YUURT
	PUNIR	PUNIR	PIINIR
	IISIMIK	IİŞIMIK	IİŞIMIK
	AYRAN	AYRAN	-
	ÇÖREK (CORAK)	ÇÖREK (PITA)	COREK (PITA)
	PAZLAMA	PAZLAMA	PAZLAMA
ХЛЕБ, МУЧНЫЕ И КРУПЯНЫЕ ВИДЫ ПИЩИ и БЛЮДА	LOKUM	LOKUM (KIRDA)	LOKUM (KIRDA, GOGOLOŞ)
		GOZLEMĂ	GOZLEMĂ
		KOLAÇ	KOLAÇ
		PIDĂ	PIDA (PLĂCINTA)
		KIIRMA	KIIRMA
		KABAKLI	KABAKLI
		AKITMA	AKITMA
		LALANGI	LALANGI
		KAÇAMAK	MĂMĂLIGA
	UUMA ÇORBA (OGMAÇ)	UUMA ÇORBA	UUMA CORBA
	BULAMAÇ (д-т BULYAMA)	BULAMAÇ	BULAMAC (CANDRA)
		SLITLES	SUTLES
	SUT ÇORBASI	SUTLES CORBASI	

* Выявляя наиболее архаичные элементы у предков гагаузов, относящиеся к данному пласту, автор имеет в виду лишь вероятность наличия указанных видов пищи, доказанную аналитическим путем, не претендуя на их точное название в соответствующий исторический период. В этой колонке в скобках обозначены термины, бытовавшие у кочевых огузов, зафиксированные в «Древнетюркском словаре» и в этнографических исследованиях, посвященных питанию народов с кочевым прошлым. Жирным шрифтом обозначены устойчивые традиции, сохранившиеся по сей день.

		SARMA/DOLMA BIBER	SARMA/DOLMA BIBER
		KOLIVA	KOLIVA
	BULGUR?	BULGUR	BULGUR
ОВОЩНЫЕ ВИДЫ ПИЩИ И БЛЮДА		KALLĀ	KALLĀ
		MANCA	MANCA
		LAANA MANCASI	LAANA MANCASI
		KARTOFI MANCASI	KARTOFI MANCASI
		PATLACAN MANCASI	PANLACAN MANCASI
		TURŞU	TURŞU
		FASOLA	FASULĂ
		LAANA CORBASI	LAANA CORBASI
		LAANA BORCU	LAANA BORCU
		MERCIMEK CORBASI	MERCIMEK CORBASI
	DUUMA BIBER	BIBER POVIDLASI	
ЛАКОМСТВА И НАПИТКИ		BOZA	BOZA
		ŞARAP	ŞARAP
	BEKMAZ (ОГУЗЫ)	PEKMES	PEKMES
		(H)OŞAF	(H)OŞAF
		ŞERBET	-
	ŞIRA?	ŞIRA	ŞIRA
ОВОЩНЫЕ ВИДЫ ПИЩИ И БЛЮДА	KURBAN (ЖЕРТВЕННЫЙ ЯГНЕНОК НА ВЕРТЕЛЕ)	KURBAN (ЖЕРТВЕННЫЙ ЯГНЕНОК НА ВЕРТЕЛЕ), ЯГНЕНОК С ПШЕНИЧНОЙ КРУПОЙ (BULGUR)	KURBAN (ЖЕРТВЕННЫЙ ЯГНЕНОК НА ВЕРТЕЛЕ), ЯГНЕНОК С ПШЕНИЧНОЙ КРУПОЙ (BULGUR)
		KOLIVA	KOLIVA
		KOLAÇ	KOLAÇ
		ÇOREK / PITA	ÇOREK / PITA
		PASKA	PASKA /KOZONAK

Rezumat

În articol este prezentată evoluția elementelor de alimentație tradițională a găgăuzilor în conformitate cu etapele principale ale istoriei etnice. Cele mai arhaice sunt elementele de alimentație prezente în cultura popoarelor cu un trecut de viațuire nomadă. Convențional, aceste elemente sunt numite "prebalcanice". Tradițiile balcanice au apărut la strămoșii găgăuzi pe teritoriul Bulgariei de Nord-Est. Strat basarabeian este caracterizat prin influența moldovenească, care este prezent, într-un grad mai mare, în denumiri.

Резюме

В статье представлена эволюция элементов системы питания гагаузов в соответствии с этапами этнической истории народа. Наиболее архаичными являются те из них, которые встречаются в культуре народов, в прошлом имевших кочевое скотоводческое хозяйство. Такие элементы условно названы добалканскими. К балканским традициям относятся те виды пищи и блюда, которые появились у предков гагаузов на Балканах, а именно на территории Северо-Восточной Болгарии. Бессарабский пласт характеризуется молдавским влиянием, которое в большей степени проявляется в названиях.

Summary

In the article, the evolution of elements of the traditional Gagauz cuisine according to stages of ethnic history of the people is presented. The most archaic elements are the ones to be found in the culture of people in the past having a nomadic cattle breeding. These elements are conditionally named "Pre-Balkan". Balkan traditions are characterized by those kinds of food and meals that ancestors of Gagauz developed on the Balkans (territory of Northeast Bulgaria). Bessarabian stratum is characterized by the Moldavan influence that to a greater extent is shown in names.

CONSIDERAȚII PRIVIND ACTIVITATEA MEȘTEȘUGĂREASCĂ ȘI INDUSTRIALĂ ÎN LOCALITĂȚILE GERMANE DIN BASARABIA ÎN SEC. XIX – ÎNC. SEC. XX

La sfârșitul secolului al XIX-lea Basarabia era împărțită în ceea ce privește agricultura în două părți: partea sudică, care se întindea până la valul Traian de Sus, unde predomina creșterea vitelor și partea de nord, caracterizată prin creșterea cerealelor. Această delimitare a regiunii Basarabia era condiționată, pe de o parte, de condițiile climaterice și, pe de altă parte, de trecutul istoric, de prezența turcilor și tătarilor și de îndeletnicirile de bază ale acestora.

Una dintre premisele colonizării sudului Basarabiei cu populație germană, bulgară, găgăuză, elvețiană etc. era aspirația guvernului țarist de a crea o zonă de contrast economic în sud-estul Imperiului rus. Poziția geografică a coloniilor germane a fost un prim factor care a favorizat dezvoltarea ascensivă a coloniilor. La aceasta se adăuga suprafața de pământ relativ mare pe care au primit-o coloniștii, precum și spiritul gospodăresc german. Cele enumerate mai sus vor contribui la dezvoltarea agriculturii (a ramurii cerealiere, a viticulturii, pomiculturii și a creșterii vitelor) – domenii ale economiei în care germanii i-au întrecut cu mult pe alți coloniști, dar și pe țărani moldoveni. Deși observată mai puțin, activitatea meșteșugărească și industrială, de asemenea, a fost prezentă în cadrul comunității germane, aceștia aducându-și aportul lor la dezvoltarea relațiilor marfă-bani.

Deoarece la venirea lor în Basarabia toți imigranții au fost împrăștiți cu pământ, inițial, meșteșugurii le-a revenit în rândurile germanilor un rol secundar. Incipient, această activitate depășea foarte rar acoperirea necesităților locale. Conform unei statistici de la sfârșitul anului 1825 din 8999 persoane, care locuiau în 19 colonii (aici este inclusă și Șaba, colonizată la început doar cu elvețieni), marea majoritate o constituiau agricultorii. Astfel că doar 229 dintre ei erau meșteșugari, dintre care 85, adică mai mult de o treime, locuiau în Sărata, în celelalte 17 colonii primare germane existente la acel moment activau 139 de meșteșugari ¹. În 1827 au fost înregistrați 334 de meșteșugari (croitori – 26, cizmari – 52, țesători – 80, lemnari – 14, dulgheri – 34, rotari – 16, fierari – 29, lăcătuși – 3, brutari – 13, producători de bere – 7, rachieri – 3, muncitori în prelucrarea tutunului – 1, dogari – 6, pietrari – 21, strungari – 14, tapițieri – 4, mănușari – 2, tăbăcari – 1, gravori – 1, grădinari – 6, ciasornicari – 1) ². Unul din motivele creșterii numărului de meșteșugari poate fi considerat minoratul, potrivit căruia de dreptul de moștenire a pământului se bucura fiul mai mic, ceilalți fiind în căutarea unor noi proprietăți de pământ sau a altor ocupații. Producția în această perioadă continua să aibă un caracter meșteșugăresc. Toate operațiile de producție erau executate de obicei de 1–2 oameni (meșterul și ucenicul său). Încă nu apăruseră întreprinderi de mărimi mari sau medii bazate pe diviziunea muncii și utilizarea tehnicii avansate.

În 1861 erau doar 3 fabrici, toate aflându-se în Tarutino, una dintre ele fiind o filatură de bumbac cu un volum de producție în valoare de 850 ruble și 2 de tutun cu 3 950 de ruble de argint. Produsele acestor manufacturi se comercializau local. În 1862 ambele fabrici de tutun au fost închise, iar filatura de bumbac și-a continuat activitatea cu un volum de producție de 950 ruble de argint ³.

Abia în anii '50 ai sec. al XIX-lea în unele colonii germane apar posibilități de a confecționa obiecte meșteșugărești nu doar la comandă ci și pentru a fi realizate în afara regiunii Basarabia. Alt-Posttal (Malojaroslawetz II), Wittenberg (Malojaroslawetz I) și

Teplitz erau în perioada de administrare țaristă cunoscute de la gurile Dunării până în Caucaz prin construcția carelor. De asemenea, înalt apreciate și mult căutate erau furcile confecționate în colonia germană Paris și scările produse în Neu-Elft (Fere-Champenoise II) și Alt-Elft (Fere-Champenoise I) ⁴.

Strâns legat de cultivarea cerealelor era morăritul. În primii ani de existență a coloniilor germane se utilizau morile de vânt. Ulterior în rândurile coloniștilor germani au căpătat o răspândire apreciabilă și alte tipuri de mori ⁵. În 1827, în coloniile germane erau 22 mori cu tracțiune cabalină, 16 de vânt și 3 de apă (1 în Krasna pe râul Cogâlnic și 2 în Tarutino pe Anciocrac) ⁶. Dar după necesitate în prelucrarea cerealelor se utilizau și râșnițele. Spre exemplu, la 1828 în 17 colonii existente (fără Sărata) în 1933 familii, au fost înregistrate 491 râșnițe. Prin urmare, la 3-4 familii revenea câte o râșniță ⁷.

În anii '70 ai sec. XIX, în gospodăriile țărănești au apărut morile cu aburi. Cele mai multe mori de acest fel reveneau coloniștilor germani. La mijlocul anilor '70 ei posedau 7, iar peste 10 ani erau deja 16 în 14 sate (cu motoare de 10 cai putere). Morile nu erau mari, fiind adaptate necesităților locale. La fiecare moară activau câte 2-3 lucrători. Se măcina de obicei grâu, seacă, porumb, orz ⁸.

Către începutul sec. al XX-lea au apărut și întreprinderi mari. Spre exemplu, moara cu aburi a lui G. F. Grossgans din Friedenstal, fondată în 1889, măcina 160 mii de puduri de cereale anual.

Poate fi remarcată o tendință în rândurile etnicilor germani de a construi mori în satele foștilor țărani de stat, coloniștilor din Balcani și a țăranilor de pe moșiile boierești, iar uneori – și în orașe. În rezultat, la începutul sec. XX întreprinzătorii germani aveau în proprietate 20 de mori situate în afara localităților lor, inclusiv 14 – în sudul Basarabiei.

Pe lângă unele mori funcționau și oloinițe. Ele erau puse în mișcare de aceeași mașină cu aburi. Întreprinderi de acest gen au funcționat în satele: Leipzig, Friedenstal, Kulm, Dennewitz, Krasna etc. ⁹.

Unii etnici germani înstăriți din județul Akkerman au deschis mici întreprinderi de prelucrare alânei, utilizând materia primă a clienților: în Tarutino din anul 1865 funcționa atelierul de tors a lui L. Steinke, având 5 lucrători care produceau pe an 500 puduri de fire. De asemenea, familia Iserț avea ateliere de tors, de postav și de vopsit cu câte 2-6 muncitori, cu un volum de producție de la 500 până la 1200 puduri fiecare. În Tatarbunar ei mai dețineau un atelier de postav cu 4 muncitori ¹⁰. Conform jurnalului de verificare a întreprinderilor industriale și de comerț din 1884 în Tarutino exista o fabrică de postav aflată în proprietatea lui K. D. Iserț, negustor care făcea parte din a II-a gildă. Fabrica era pusă în mișcare de către un locomobil de 8 cai putere. Era deservită de un maistru și 6 muncitori. Se prelucrau materiale în valoare de 80 000 de ruble; anual se realiza producție în valoare de 88 000 ruble, iar profitul constituia 2 000 ruble. Se lucra la comandă ¹¹.

W. L. Steinke, urmașul lui L. Steinke, a lărgit atelierul în ceea ce privește sortimentul și volumul producției. Astfel, în 1913 această întreprindere era înregistrată în îndrumarul oficial ca fabrică de postav, lână, fire toarse și vată, cu un motor cu aburi de 8 cai putere, cu 10 muncitori și un volum anual de producție de 10 000 ruble ¹².

J. Höhn a pus bazele producerii cunoscutului în sudul Rusiei în momentul respectiv a «plugului german basarabean». El a deschis în anul 1854, în Hoffnungstal un atelier, unde se confecționau aceste pluguri din fier, care a funcționat până în 1866. În același an întreprinzătorul, care între timp se îmbogățise, și-a transferat atelierul în Odesa, transformat ulterior într-o uzină. Plugurile produse în Hoffnungstal erau vândute atât în Basarabia, cât și în gubernia vecină Herson.

În 1884 întreprinzătorii Hobbacher, Layher, Wurch și Jundt au deschis în Sărata o turnătorie de fier mecanică care evoluase dintr-un mic atelier. Întreprinderea se specializa în producerea mașinilor de prelucrare a materiei prime agrare, a plugurilor pentru îngrijirea viței de vie etc. Ei s-au acomodat la cerințele marilor proprietari de vii și a micilor gospodării

țărănești, realizând producția sa atât în Basarabia, cât și în gubernia Herson. După ce s-a consolidat din punct de vedere economic, firma a început să scoată pe piață secerătoare mecanice, vânturătoare, mașini de recoltat porumb etc. Această uzină a funcționat până la primul război mondial. La începutul sec. XX aici lucrau 120, iar în 1913 – 150 muncitori, volumul de producție fiind de 120–130 mii ruble pe an.

O astfel de uzină de mașini agricole a 3 proprietari germani activa din anii '80 ai sec. al XIX-lea în Tarutino. În primul deceniu al sec. XX la această întreprindere lucrau 30–50 de muncitori¹³.

1906 este anul fondării fabricii de mașini agricole a lui Friedrich Lutze din Sărata. Fiind inițial dogar, cu 10 ani înaintea deschiderii întreprinderii, acesta a început să producă vânturătoare, primind chiar și patent pentru îmbunătățirile operate acestor tipuri de mașini agricole. În 1908 activau 50 lucrători. Fabrica producea și teascuri, pluguri cu 2 brăzdare etc.¹⁴.

Spre mijlocul anilor '40 ai sec. XIX în rândurile etnicilor germani au fost înregistrați și câțiva proprietari de arteluri pentru extragerea sării. În Sărata exista un proprietar care se ocupa cu extragerea și comercializarea sării. El deținea 2 arteluri care extrăgeau 60 000 puduri de sare. În Gnadental erau 3 proprietari care dețineau 6 arteluri ce extrăgeau o cantitate de 180 000 puduri (informația este din anul 1844)¹⁵.

Deși în activitatea meșteșugărească și industrială a fost încadrat un număr mic al populației germane din Basarabia, totuși ea a jucat un rol determinant în dezvoltarea economică al localităților germane, iar mijloacele tehnice mai avansate pe care le utilizau și le produceau germanii au fost preluate de către alte etnii din regiune.

Note

¹ Baumgärtner R. Deutsche Bauernleistung am Schwarzen Meer // Heimatkalender der Bessarabiendeutschen. I Hannover, 1973. P. 33.

² Статистическое описание Бессарабии собственно так называемой, или Буджака. Одесса, 1899.1 С. 188, 218.

³ Бессарабский областной статистический комитет. Т. I. Кишинев, 1864. С. 75-76.

⁴ Becker J. Bessarabien und sein Deutschtum. Württemberg, 1966. P. 86-87.

⁵ Ibidem. P. 87.

⁶ Бессарабский областной... С. 188-217.

⁷ Arhiva Națională a Republicii Moldova (ANRM), f. 305, inv. 1, dos. 236. P. 27-28.

⁸ Анцупов И. А. Промышленное предпринимательство в частновладельческих хозяйствах Бессарабии (70-90-е годы XIX в) // Вопросы экономической истории Молдавии эпохи феодализма и капитализма. Кишинев, 1972. С. 184.

⁹ Ibidem. С. 185.

¹⁰ Ibidem. С. 189.

¹¹ ANRM, f. 134, inv. 3, dos. 449. P. 85 verso-86.

¹² Анцупов И. А. Op. cit. С. 189.

¹³ Ibidem. С. 202-203.

¹⁴ Häfner H. Handwerk, Gewerbe und Industrie in Bessarabien // Heimatkalender der Bessarabiendeutschen, Hannover, 1980. P. 69.

¹⁵ Анцупов И. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870 гг.). Кишинев, 1978. С. 170.

Rezumat

În prezentul articol se investighează meșteșugurile și industria în localitățile etnicilor germani în sec. XIX – începutul sec. XX în Basarabia. În primii ani după sosirea etnicilor germani în Basarabia în economia lor meșteșugurile jucau un rol secundar. În a doua jumătate a sec. al XIX-lea au apărut întreprinderi industriale care utilizau mașini cu aburi și muncitori salariați. Producția meșteșugarilor germani a găsit răspândire printre locuitorii Basarabiei și a regiunilor vecine.

Резюме

В настоящей статье исследуются ремесло и промышленность в селах этнических немцев в XIX – начале XX вв. в Бессарабии. В первые годы после прибытия этнических немцев в Бессарабию в их экономике ремесло играло второстепенную роль. Однако уже во второй половине XIX века появились промышленные предприятия с использованием паровых двигателей и наемных рабочих. Продукция немецких ремесленников нашла распространение среди жителей Бессарабии и соседних областей.

Summary

This article investigates the trade and industry in the villages of ethnic Germans in the XIX – the beginning of the XX Century. At the beginning of the Germans' arrival in Basarabia the trades played a secondary role in their economy. In the second half of the XIX Century industrial enterprises appeared which used steam-engines and hired employees. The production of German craftsmen and enterprisers was spread among Basarabian and neighbouring regions' inhabitants.

FAMILIA ETNIC MIXTĂ ÎNTRE ECHILIBRU ȘI DEZECHILIBRU

*Toate familiile fericite se aseamănă între ele.
Fiecare familie nefericită însă este nefericită în felul său.*

Lev Tolstoi

Familia este una dintre cele mai complexe entități sociale. Bunăstarea familiei depinde nu doar de relațiile dintre soți, copii și părinți, dar și de condiții externe: istorice, economice, politice, culturale, etc. În familie sunt satisfăcute diverse necesități și interese umane. Cu toate că este unanim acceptat rolul familiei în socializarea personalității, influența familiei asupra relațiilor interetnice nu a fost încă suficient studiată. În dependență de perioada istorică concretă, familiei îi revin o serie de responsabilități. În cadrul societății noastre, la etapa actuală, familia este chemată să îndeplinească următoarele funcții ¹:

- *Funcția de solidarizare*; are în vedere ajutorul reciproc, colaborarea mutuală, respectul între parteneri, ajutorul în caz de accidente, boală. Ea presupune participarea activă la viața de familie și asumarea unor responsabilități. La baza acestei funcții stau înțelegerea, cunoașterea, dragostea și altruismul.

- *Funcția biologic-sexuală*, care constă în satisfacerea trebuințelor sexuale.

- *Funcția de procreare*, care asigură continuitatea speciei.

- *Funcția psiho-afectivă*; un climat familial pozitiv asigură membrilor săi posibilitatea recreării și reconfortării.

- *Funcția economică*; pentru buna desfășurare a vieții și activității grupului familial, soților le revine sarcina de a asigura, prin contribuția lor, o serie de condiții de ordin material (locuință, mobilier, obiecte de uz casnic, îmbrăcăminte, etc).

- *Funcția educațională*; părinții exercită influențe educaționale și de socializare asupra copiilor prin două modalități: în mod direct, prin acțiuni organizate și dirijate, utilizând o serie de metode și tehnici educative și indirect, prin modele de conduită proprie, precum și prin climatul psihosocial existent în grupul familial. Această funcție cuprinde alte 4 subfuncții: instrucțional-formativă, psiho-morală, social-integrativă și cea cultural-formativă.

În familia etnic mixtă, socializarea are un dublu sens: pe de o parte, prin ea se urmărește prezervarea limbii, a tradițiilor familiale de origine, iar pe de altă parte, o asimilare cât mai largă a culturii majoritare ². Sub influența regulilor existente în familie și societate, la copii se pot forma diverse prejudecăți și stereotipuri cu caracter etnic sau național. Cu toate că timpul poate modifica aceste păreri, convingerile din copilărie nu pot fi ignorate. Dacă familia este armonioasă, iar părinții contribuie la educarea corectă, în spirit umanist a copiilor, această familie poate fi o sursă de pace și armonie internațională ³.

Cercetătorii ruși sunt de părerea că atitudinea față de alte etnii este direct proporțională cu ambivalența relațiilor emoționale în familie ⁴. La persoana educată într-o familie în care predomină relațiile formale și drastice, o parte din agresivitatea acumulată se reflectă asupra celor pe care individul îi consideră „diferiți” (de multe ori asupra persoanelor de altă etnie, cultură). Cercetări efectuate asupra persoanelor cu viziuni antisemite au demonstrat existența atitudinii negative față de alte etnii, independent de prezența relațiilor cu membrii respectivelor etnii. Mai mult, subiecții antisemiți au fost rugați să-și exprime atitudinea față de două popoare ce în realitate nu existau. Reacția a fost negativă, ca și față de celelalte grupuri percepute ca „străine”. Aceste persoane în schimb, își supraapreciau propriul grup etnic ⁵.

Nu-i ușor să accepți lângă tine un al doilea, când deseori nu te accepți pe tine. Și totuși, vine o zi când decizi să te căsătorești, să începi un alt mod de viață alături de ea sau de el, de ființa care îți place, așteptând să-ți aducă tot ceea ce tu însuți nu ai putut aduce în viați sau locuința ta. Te gândești uneori că poate el sau ea nu-i ceea ce ai așteptat, pe măsură și producă schimbarea mult râvnită. Iar dacă aceste temeri personale mai sunt susținute din exterior (rude, situație materială instabilă, probleme la serviciu, etc, armonia din familie se poate diminua până la dispariție, iar familia devine una dezorganizată⁶. În acest caz, familia interetnică este și mai vulnerabilă. Pe lângă cauzele generale ce pot alimenta conflicte, mai sunt prezente și diferențele cu caracter etnic. Spre exemplu, domnul B., 30 ani, moldovean, căsătorit de doi ani cu o ucraineană, într-o perioadă de dezechilibru marital, prezintă următoarele acuze: „Soția mea nu comunică în limba română, iar când mergem la o petrecere cu prietenii și vrea s-o facă, nu-i ajung cuvinte, are emoții și nu știe ce spune. Astfel, mă pune! și pe mine într-o situație neplăcută. Eu însă consider că ea nici nu vrea să învețe, din cauză că eu am acceptat să vorbim limba rusă în familie”. Desigur, aici mai este vorba și de diferențecă caracter subiectiv, stereotipuri etnice, sau pur și simplu lipsă de stimă și dragoste. (Exemplele aduse sunt extrase din investigațiile asupra familiilor etnic mixte, efectuate în sudul Moldovei la sfârșitul anului 2005.)

În cartea sa, *Sociologia educației*, Stelian Scăunaș prezintă mai multe cauze ale dezorganizării familiei⁷:

Aceste cauze pot fi căutate în procesul de socializare desfășurat în familia de origine, deci cu mult timp înainte de întemeierea propriei familii nucleare, în maniera în care s-a constituit cuplul marital și, mai cu seamă, în felul în care se exercită rolurile maritale ca urmare a unor factori subiectivi dar și obiectivi:

Când *socializarea primară* nu se realizează corect din diferite motive, în primul rând în situații de deces a unuia dintre părinți, divorț, abandon familial, hiper sau hipoautoritate parentală, etc, pot avea loc manifestări deviate la minor, care, în multe cazuri, își vor pune amprenta pe conduita lui când își va întemeia propria familie conjugală.

O altă cauză a insuccesului marital poate fi căutată în *modul de constituire a cuplului marital*. Dacă este o căsătorie din necesitate, interes, sau pur și simplu pentru că asta fac toți, se poate ajunge ușor la instabilitate maritală. Un alt factor important este *acomodarea maritală*. Aceasta presupune corecții, concesi și tolerări reciproce. Opusul acomodării maritale, îl constituie *rigiditatea maritală*, exprimată prin tendința simultană a partenerilor de a-și conserva și impune „modelele relaționale” contradictorii, dizarmonice, frustrante reciproc. Multe dintre cauzele care duc la dezorganizarea vieții familiale sînt legate nemijlocit de *exercitarea funcțiilor* specifice familiei. Dacă oricare dintre aceste funcții înregistrează deficiențe, apar automat germenii instabilității conjugale.

Disfuncțiile comportamentului erotico-sexual și de procreare. În urma cercetărilor privind cuplurile conflictuale, s-au relevat disfuncții ale comportamentului sexual la 52,2% din cazuri, predominând: frigiditatea, ejacularea precoce, impotență psihogenă, tulburări de dinamică sexuală, absența de cultură erotico-sexuală⁸.

Teama de sarcină și absența dorinței de a avea copii sunt simptome obișnuite ale unor insatisfacții reciproce pe linie afectivă și ale unor frustrații sexuale, echivalând cu refuzul conștient sau inconștient de perpetuare a cuplului, ca o consecință a neîmplinirii sale afective.

Altă funcție a familiei este cea *economică*, aceasta aflându-se evident sub imperiul unor factori externi familiei, de natură socio-economică. Pauperismul familiei duce, de cele mai multe ori, la insecuritate și instabilitate în exercitarea celorlalte funcții, acționând prin: hipoalimentație, carență igienică, lipsa spațiului locativ, climat psihic influențat de griji, supărări, nesigurantă, care conduc la denaturarea relației dintre membrii familiei,

dezinteres față de problemele educative (pe prim plan apare necesitatea de a face față trebuințelor materiale imediate, asemenea situații nu lasă părinților nici timp și nici disponibilități sufletești pentru a se ocupa de copii, pentru a le oferi un sistem valid de motivații), nesiguranța în fața zilei de mâine, anxietate care se transmite și copiilor, deprinderi alimentare greșite, care fac organismul mai vulnerabil în fața bolilor⁹. În dependență de apartenența etnică, înțelegerea acestei funcții este diversă. În cadrul unor etnii, bărbatul este acel care trebuie să asigure material familia, femeii revenindu-i obligațiile casnice; în alte etnii însă, ambii parteneri merg la serviciu pentru a asigura financiar familia, treburile casnice împărțindu-le la fel. În dependență de apartenența etnică, diferă și percepția „pragului sărăciei”. Unii știu să se mulțumească cu ce au, alții sînt într-o veșnică goană după resurse materiale.

Atunci când *funcția afectivă* a familiei (de solidaritate și coeziune) este carentată, ea poate constitui o cauză a instabilității cuplului conjugal. Persoanele imature afectiv sînt neliniștite, anxioase, au tendința de a se manifesta prin gesturi și expresii accentuate, adesea violente, nu sunt capabile de discreție. La membrii diferitor etnii, nevoia de afecțiune este resimțită diferit.

Drept exemplu, poate servi domnul G., 60 ani, moldovean, căsătorit cu o ucraineană: „Atunci când în familie au apărut copiii, soția mea s-a modificat radical, dăruind toată afecțiunea copiilor. Credeam că atunci când ei vor crește, se vor căsători, soția mea se va schimba. Dimpotrivă, acum a o mai împarte și cu nepoții, uitând cu totul de mine. Am observat asemenea manifestări la mai multe reprezentante ale etniei soției mele”.

Gelozia, un complex afectiv negativ privitor la infidelitatea partenerului, de multe ori ireală, este prezentă, de obicei, la majoritatea persoanelor, dăunând prin subminarea încrederii și respectului reciproc, ajungându-se uneori la violență, agresivitate, paranoie, etc. Un exemplu de gelozie „bolnavă” poate servi dl. T., 40 ani, de etnie găgăuză, care devine gelos chiar și atunci când soția moldoveancă privește un alt bărbat sau discută cu el.

Infidelitatea are de asemenea, multiple implicații biopsihosociale asupra partenerului, iar când este descoperită poate duce la destrămarea cuplului conjugal.

Cunoașterea limitată a specificului etniei celuilalt. Practica ne demonstrează că cunoașterea specificului etniei partenerului înainte de căsătorie este benefică, amplificând toleranța față de deosebirile sesizate.

Referitor la *funcția educativă* a familiei, se poate afirma că marea majoritate a cauzelor instabilității și dezorganizării familiale își au izvorul în carențele exercitării acestei funcții. Atât sub aspectul educației părinților, cît și sub cel al educării copiilor, deficiențele educative pot duce la comportamente deviate, uneori dezastruoase pentru întreaga familie.

Se poate spune aici că există o puternică interdependență între cauzele care duc la dezorganizarea familiei. De cele mai multe ori, la instabilitatea vieții conjugale își dau concursul mai multe cauze, care apar și se amplifică, determinând, în cele mai nefericite situații, falimentul familial.

Soarta fiecărui om este determinată în primul rînd de el însuși, de capacitatea lui de gândire și abordare conștientă a lumii înconjurătoare. Doar libertatea îi dă puterea de a planifica, iar puterea, la rîndul ei, îi dă libertatea de-a aplica în practică cele planificate. Chiar dacă drumul deviată al omului este influențat genetic sau de alte persoane, rolul său nu scade. El este acela care trebuie să aleagă. Putem întâlni oameni, viața cărora decurge într-o permanentă tăcere și frică. Ei sunt destul de nefericiți și, de regulă, nu fac nimic pentru a depăși această condiție, obișnuind să arunce vina asupra sorții sau a lucrurilor exterioare. În psihologie, ei sunt numiți oameni avînd locul controlului extern¹⁰. Spre exemplu: într-o familie moldo-rusă, locuitoare în or. Chișinău, copii merg la școală rusă, limba de comunicare în familie devenind cea rusă. La întrebarea „De ce?”, părinții răspund:

"Școala rusă era mai aproape de casă". Spre deosebire de ei, cei cu locul controlului intern, se axează pe propriile capacități, gânduri și dorințe. Ei consideră că viața fiecărui om este în propriile mâini, sau „cum îți vei așterne, așa vei dormi”. Drept exemplu, poate servi doamna D., moldoveancă, 40 ani, căsătorită cu un bărbat de etnie bulgară. La întrebarea „De ce bulgar?”, ea a enumerat un șir de calități pe care le apreciază la soțul său, a spus că l-a cunoscut foarte bine înainte de căsătorie, având astfel suficient timp să se gândească, iar acum este mulțumită de alegerea pe care a făcut-o. Altcineva, cu locul controlului extern, ar fi răspuns: „așa a fost să fie, sau el a fost cel ce mi-a cerut mâna, sau așa au vrut părinții”.

Desigur, în dependență de locul controlului, partenerii din familia interetnică vor avea tendința să-și rezolve cu orice preț divergențele, ignorând factorul etnic, sau dimpotrivă, utilizându-l cu succes, sau să lase totul în voia sorții, mulțumindu-se cu răbdarea.

În scopul depășirii acestor bariere și pentru a evita destrămarea familiei, literatura de specialitate ne oferă un șir de „sfaturi” utile. Spre exemplu, în cartea sa, *Elemente de psihologii a cuplului*¹¹, Iolanda și Nicolae Mitrofan, citându-l pe Benson, enumera șase obligații de bază pe care trebuie să și le asume cei ce vor să se căsătorească, indiferent de proveniența lor etnică. Acestea sunt:

1. Să fii sincer, deschis, corect și demn de încredere. Pentru ca partenerii să dezvolte sentimente de încredere reciprocă, ei trebuie să fie onești și să se stimeze unul pe celălalt.
2. Să-și împartă în mod echitabil sarcinile și răspunderile ce revin relației. Această obligație va varia, desigur, în funcție de înțelegerile din cadrul cuplului. Pentru unii, de exemplu, e normal ca ambii să aibă slujbă și să-și împartă egal sarcinile gospodăriei. Pentru alții însă, „regula” cere ca unul dintre soți să lucreze în cadrul familiei și celălalt înafara ei.
3. Să fii prieten cu celălalt și să-i oferi suport, empatie și simpatie când este necesar.
4. Să comunici cu partenerul. Dar atenție, comunicarea trebuie să fie „cu” partenerul, și nu orientată unilateral „către” partener. Comunicarea eficientă solicită în egală măsură și ascultare.
5. Să oferi afecțiune și satisfacție sexuală partenerului.
6. Să te oferi voluntar în a-ți ajuta partenerul. Aceasta înseamnă să încerci mereu să fii dispus în a face diferite lucruri pentru soție (soț) fără a fi rugat.

Pentru că „bunele intenții și sinceritatea în dragoste sunt necesare, dar nu suficiente pentru a garanta vitalitatea, solidaritatea și cu atât mai mult creșterea și evoluția unei legături fericite de-a lungul anilor”, doi psihologi americani – Connel Cowan și Melwin Kinder¹² – au lansat 11 reguli pentru a ne putea păstra iubirea și armonia în familie de-a lungul anilor:

1. *Suntem creatorii relației dintre noi.* Deși cei mai mulți dintre noi „cresc” crezând în magieși alchimie amoroasă, relațiile armonioase sunt fructul unui efort. Cursul unei relații familiale nu este determinat de șansă sau destin, ci rezultă din decizia conștientă și responsabilă a fiecăruia. Cercetările ne demonstrează că partenerii din familiile interetnice înțeleg și respectă mai bine această regulă decât cei din familiile intraetnice.
2. *Dragostea se poate atenua, dar niciodată nu moare.* Chiar dacă dragostea pare absentă într-o relație, altceva o eclipsează. Când într-un mariaj se produc lucruri dezagreabile sau soții divorțează, ei fac totul ca nici o flacără să nu se reaprindă, pentru că au nevoie să se împace cu decizia pe care au luat-o. Sentimentele negative au tendința să le mascheze pe cele pozitive sau chiar să le ascundă. Indiferența emoțională devine un mijloc de apărare în frica de a fi răniți. Dragostea revine, ea însă poate fi mascată, conștient alungată, sau se poate lovi de „zidul” falselor orgolii și încăpăținări.
3. *Partenerul nu este o... soluție.* Chiar dacă dragostea este una dintre cele mai mari experiențe ale vieții, ea nu este o soluție a problemelor noastre interioare. Singurii responsabili de propria „vindecare” suntem noi înșine.
4. *Dragostea înseamnă acceptarea, nu schimbarea personalității celuilalt.* Iubirea înseamnă respectarea libertății celuilalt și acordarea creditului necesar pentru ca acesta să devină mai bun. Și întotdeauna el o va face, tocmai pentru că are sentimentul că este iubit și acceptat.
5. *Cei care se iubesc nu își citesc gândurile.* Pentru a ne putea face cunoscuți reciproc, trebuie să ascultăm și să răspundem, nu să așteptăm pasiv un fel de „intuiție magică” din partea partenerului.

6. *Nu ești ceea ce spui, ci ceea ce faci.* Cuvintele pot fi încărcate de bune intenții, dar ceea ce facem în final contează mai mult.
7. *Infidelitatea otrăvește întotdeauna iubirea.* Valorile tradiționale ale căsătorii nu s-au dezvoltat doar ca o alternativă de a sanctua mariajul, sau pentru a limita libertatea individuală în funcție de criterii moralizatoare. Ele au fost create empiric de-a lungul timpului și reflectă comportamente care revitalizează iubirea.
8. *A face reproșuri înseamnă a nu fi responsabil.* Reproșul ascunde de fapt teama noastră de a ne schimba, dar el antrenează resentimente și o lentă diminuare a iubirii. Cu cât acceptăm mai mult să fim responsabili de calitatea vieții noastre, cu atât mai puțin încercăm nevoia de a blama pe alții și cu atât devenim mai fericiți.
9. *Dăruirea este binevenită.* Ea oferă un model de generozitate și de atenție care încurajează reciprocitatea. Nu dăruieți pentru a primi, faceți un bine de dragul binelui. O bună regulă ar fi: dăruiește 70% și cere 30%.
10. *Dragostea nu pedepsește, ea iartă.* A ierta nu înseamnă a uita, ci pur și simplu a te purifica de toate acestea, revenind la punctul din care, îndepărtându-te de suferință, să poți opta definitiv și constant pentru sentimentele pozitive. Numai astfel, armonia dintre noi poate regenera lumina.
11. *Relațiile stabile se modifică mereu.* Este fundamental să știm a aborda schimbarea și chiar criza într-o manieră pozitivă, să o putem integra ca pe o experiență de autodepășire și de „creștere”.

Stabilitatea în căsătorie depinde, în mod paradoxal, de rata crescută a asumării creative a schimbărilor sub semnul deschiderii reciproce și al abilității de desfacere a „nodurilor” pe parcursul evoluției relației. Iar pentru desfacerea acestor „noduri”, este necesară iubirea.

Dreptul la decizie asupra căsătoriei aparține în mod exclusiv individului și orice imixiune în această decizie a celor doi parteneri poate avea consecințe nedorite. Nici o persoană în afara cuplului în devenire nu are dreptul să hotărască în alegerea partenerului de viață și cu atât mai puțin dreptul să promoveze un anumit gen de familii interetnice sau intraetnice. Acest fapt este valabil și pentru articolul în cauză, care-și propune doar armonizarea relațiilor în familie.

Note

¹ Mitrofan I., Mitrofan N. Familia de la A. Ia Z. București, 1991. P. 156.

² Tucicov-Bogdan A. (coordonator). Familia interetnică în societatea civilă din România. București, 1998. P. 65.

³ Гасанов Н. Н. Межнациональный брак и семья как фактор национального согласия. Махачкала, 2004. С. 3.

⁴ Антилогова Л. Психологические факторы межэтнических конфликтов. Омск, 2004. С. 7.

⁵ Ibidem. P. 8.

⁶ Petroman P. „Sfânta” noastră familie. Timișoara, 1997. P. 120.

⁷ Scăunaș S. Sociologia familiei. Sibiu, 1997. P. 11.

⁸ Mirofan I. Cupul conjugal. Armonie și dezarmenie. București, 1989. P. 115.

⁹ Dimitriu C. Constelația familie și deformările ei. București, 1973. P. 265.

¹⁰ Берн Эрик. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Москва, 1988. С. 175

¹¹ Mitrofan I., Mitrofan N. Elemente de psihologie a cuplului. București, 1996. P. 148.

¹² Cowan C, Kinder M. Les femmes qu'ils aiment, les femmes qu'ils quittent. Paris, 1989. P. 238.

Резюме

В данной статье представлены теоретические аспекты этнопсихологического исследования межэтнических семей. Автор перечисляет некоторые причины конфликтов в межэтнических семьях, а также предлагает различные возможности для улучшения семейной жизни.

Summary

In this article, the theoretic aspects of ethnical and psychological investigation in interethnic families are investigated. The author lists some reasons of conflicts in interethnic families as well as various possibilities to improve the family life.

В. Г. КОЖУХАРЬ

К ВОПРОСУ О «ПОЛИТИЧЕСКОМ РУСИНСТВЕ» В МОЛДОВЕ

Многовековая история украинцев Молдовы тесно связана с историей как нашего края, так и всего украинского народа. Научными исследованиями в данной области профессионально занимаются сотрудники группы этнологии украинцев Института культурного наследия АНМ. И хотя сделано в этом отношении немало, к сожалению, остается еще немало «белых пятен».

В последнее время кое-кто в Молдове решил «закрасить» часть из этих «пятен» весьма своеобразно. Так, вышло несколько работ авторов-любителей, посвященных так называемому «русинскому вопросу»¹. Эти статьи достаточно далеки от науки и, по идее, не подлежат научной критике. Но мы не можем пройти мимо них. Если, предположим, в одной из точных наук какой-нибудь любитель выдвинул бы и активно пытался «обосновать» теорию, весьма далекую от науки, специалисты очень быстро развенчали бы его, и на положении общества в целом это практически никак не отразилось бы. В общественных же науках дилетанты считают себя вправе выдвигать и «обосновывать» с усердием, достойным лучшего применения, совершенно антинаучные теории. Только здесь такого рода «ошибки» чреватые очень серьезными последствиями. Сравнение с точными науками, конечно, весьма условно. Следует напомнить известное выражение о том, что, если бы геометрические аксиомы затрагивали чьи-то интересы, то их давно бы опровергли.

Но вернемся к «русинскому вопросу». Основное внимание мы уделим книге С. Суляка «Осколки святой Руси», так как в ней концентрируются идеи всех вышеупомянутых публикаций. Как справедливо отметил директор Института политических и этнонациональных исследований Национальной Академии наук Украины академик И. Ф. Курас в рецензии на указанную работу, развернутое опровержение всех неверных положений, которые содержит эта немалого объема книга, потребовало бы другой книги не меньшего объема². Поэтому мы сосредоточимся только на отдельных позициях автора, которые, на наш взгляд, составляют суть его «теории».

Не будучи специалистом, С. Суляк легко углубляется в далекие археологические периоды, в отношении которых и профессиональные ученые-археологи избегают категоричных выводов-аксиом. Но все же специалисты располагают серьезными научными наработками, на основе которых могут делать определенные выводы. С. Суляк утверждает, что история русинов берет свое начало в XV в. до н. э.³ В то время как, по свидетельству признанных украинских ученых-археологов, древнейшие письменные упоминания о славянах датируются первыми столетиями нашей эры, о них пишут древние авторы – Плиний Старший, Тацит, Птолемей, Иордан, Прокопий⁴. Далее он относит скифов, сарматов и аланов к славянам⁵. Официальная археология давно установила, что скифы, сарматы и аланы – это ираноязычные группы, а венеды, анты и скловены – славяне; у древних славян нет иранских корней. Можно говорить только об определенной связи между ними в форме ассимиляции славянами остатков ираноязычного населения в более поздние времена.

Считаем, что автору не мешало бы обратиться сначала к трудам признанных в мире специалистов-археологов Владимира Барана, Леонида Железняка и многих других, чьи научные исследования базируются на энциклопедических знаниях в

соответствующей области, владении последними мировыми научными достижениями⁶.

Одним из главных неверных положений С. Суляка, на наш взгляд, является построение такой последовательности понятий, как «русины» – «русские». Оно основано на сходстве понятий и вводит в заблуждение неискушенного читателя. Так, автор ссылается на труды молдавских летописцев Григория Уреке, Евстафия Логофета, Семиона Даскала и др., которые содержат «ценные сведения о русском (выделено нами – В. К.) населении Молдавии XIV–XVIII вв.». «Показательна молдавская трактовка в историографии русинов вопроса о русинской идентичности. Молдавские летописцы называют русинов Молдавского княжества, как и жителей соседней Подолии и Галицкой Руси, просто "рушь", то есть "русские"»⁷. Опять же «русские». Во-первых, каким образом русские в качестве коренного населения могли оказаться в XIV–XVIII вв. в Молдавском княжестве, Подолии и Галицкой Руси, если наукой уже доказано, что ареал формирования русских как этноса – это Верхнее Поволжье, и сформировался русский этнокультурный комплекс в XIV–XV вв. на основе славянско-византийских традиций Киевской Руси в финно-угорском окружении в условиях зависимости от татар⁸? Во-вторых, автор элементарно путает понятия «руський» («руський язык», «руські люди») и «русский». «Русский» – это потомок Древней Руси, но никак не русский. В-третьих, автор, возможно, не знает, что в старомолдавском языке «руссами» («рушь») называли именно украинцев или праукраинцев. Этим названием их отличали от русских, именовавшихся «московитами», позже – «москалями». Об этом свидетельствуют многочисленные древние источники, в которых в понятия «русы» и «московиты» вкладывался совершенно разный смысл. Так, в документе от 1 июля 1589 г., где речь идет о льготах, дарованных господарем Петром Хромым боярину Чакиру на купленное им поместье, и об освобождении от всех налогов и повинностей крестьян, которые в нем поселились, независимо от национальности указывается, что «руси, или мунтяни, или сьрби, или гречи, или московитин, или влаху, или буд что за языка будет, а они да имеют от нас освобождение на работи нам не жадного нашу работу»⁹. То есть «рус» и «московитин» четко разделяются. Этноним «украинец» распространяется не сразу, а потому население, которое проживало в Украине, имело множество локальных названий; некоторые из них сохранились как названия отдельных этнографических групп украинцев – лемки, бойки, гуцулы, полищуки, литвины и др.¹⁰ Стремясь обосновать свой тезис, автор пишет: «Как данность, как факт, не требующий доказательств, рассматривали их (русинов – В. К.) принадлежность к русскому народу и исследователи истории и этнографии русинов (руснаков) Бессарабии, творившие в середине XIX – начале XX в.»¹¹. И ссылается при этом на А. И. Защука, А. С. Афанасьева-Чужбинского, П. А. Несторовского. Однако тот же П. А. Несторовский, прекрасно знавший историю и культуру русинов, говоря о расхождениях между русинами и украинцами восточных губерний, подчеркивал их общность в основных признаках этноса – «вере, языке и внутреннем духовном укладе». Во внешнем облике (одежде и т. п.) этнограф также видел много общего у русинов Бессарабии с украинцами Галиции и Австрийской Буковины, которые тоже называли себя русинами¹².

Для того чтобы доказать «русские» этнические корни русинов, С. Суляк пытается подчеркнуть их этнографическое отличие от украинцев, особенности их народных обычаев, обрядов, например календарного цикла. Он скорее признает близость русинов к молдаванам, но только не к украинцам: «Некоторые праздники, бытовавшие у русинов, праздновали и молдаване, но не малороссы и галичане»¹³. И при этом в качестве примера приводит новогоднее празднование «Маланки»,

сопровождая его образцами классического украинского фольклора¹⁴. Рекомендуем автору обратиться хотя бы к одной из многочисленных основательных научных работ по вопросам украинской традиционно-бытовой культуры – монографии О. Курочкина «Українські новорічні обряди: "коза" і "Маланка" (з історії народних масок)» (Опішне, 1995. 392 с.).

С. Суляк проявил не вполне уважительное отношение к терминологическому аппарату. Так, руснаки у него – то «одна из этнографических групп русинов»¹⁵, то «этнос»¹⁶ (причем «русинский», а в скобках добавляется «руснакский», что побуждает воспринимать данные слова как синонимы), то «народность» (и этот термин приводится сразу же после очередного «напоминания» автора о руснаках как об одной из этнографических групп русинов¹⁷); в другом месте после термина «русины» в скобках добавляется «украинцы», «гуцулы», «руснаки»¹⁸, которые тоже воспринимаются как синонимы (получается, что русины – это и украинцы, и гуцулы, и руснаки, а гуцулы – это не украинцы). На четвертой странице обложки своей книги С. Суляк утверждает, что руснаки сегодня представляют собой вторую по численности этническую группу после молдаван. А украинцев, что же, – нет вообще? Или все украинцы – руснаки? Вконец запутавшись, он признает, что русины – это не нация, и придумывает новый «научный» термин в отношении этнического сообщества – «русины и их потомки».

Тема «политического русинства» давно уже обратила на себя внимание и стала предметом специальных научных разработок многих известных ученых Польши, США, Украины, Молдовы¹⁹.

В чем же проблема? Кто такие русины на самом деле? И откуда появилось «политическое русинство»?

Русинами на протяжении столетий называли себя жители Закарпатья, Восточной Галиции, Буковины, Польши, бывшей Югославии и др. стран. В этом этнониме воплотилась историческая память о Киевской Руси, жители которой с XII в. известны как «русины». Он сохранился на значительных территориях потому, что местное славянское население было длительное время оторванным от материнских земель, в разные периоды попадало под власть Австро-Венгрии, Венгрии, Чехословакии, Российской империи и др. Иноязычное и иноконфессиональное окружение, репрессии, насильственная ассимиляция привели к своеобразной консервации языка, культуры, этнонима русинов. В сложных исторических условиях они вынуждены были вести борьбу за выживание, что обусловило поиски внешней силы, способной им помочь и спасти от уничтожения. Украина, которая не имела своей государственности и сама находилась под гнетом империи Романовых, такой силой быть не могла. Поэтому в XIX в. часть лидеров русинского движения – А. Добрянский, А. Духнович, И. Сильвай, Е. Фенцик и др. – ориентировалась на царскую Россию. Это так называемые «москвофилы», которые считали необходимым использовать русский литературный язык – «язык образованного сословия» – в художественном творчестве, прессе, образовании. На самом деле это было так называемое «язычие» – смесь русского и церковнославянского языков с незначительными местными диалектными вкраплениями и мадьяризмами. «Москвофилы» (например, А. Духнович, а позже и А. Павлович) проявили трагическую «раздвоенность» личности, так как прекрасно понимали отличие своего народа от русских и единство с украинским народом («жиєм тут тим же серцем і душой, с тим же словом і во Вірі той самої») ²⁰, тем не менее готовы были идти на компромисс с великим русским народом, так как не видели другого спасения для «малого карпаторусинского народа», кроме великой «матушки России» ²¹.

Но в последней четверти XIX в. на пути «москвофильства» встает новое общественное движение – «народовство». Его представители – новая интеллектуальная элита – начали писать и издавать литературные произведения на живом народном языке. Новая литература создавалась под сильным влиянием творчества Т. Г. Шевченко, И. П. Котляревского и других классиков украинской литературы. В отличие от русского языка и мертвого «язычия» (на котором не было написано ни одного ценного литературного произведения), украинский литературный язык нашел здесь своего благодарного читателя по причине того, что язык местного населения (русинов) был украинским (в диалектной форме), а потому более близким, чем русский. На живой народный язык перешли и известные представители буковинской литературы Юрий Федькович и Ольга Кобылянская²².

На Буковине борьба за введение фонетического правописания, которая длилась 30 лет, завершилась только в 1895 г. Тогда в народных и средних школах Буковины было введено преподавание на украинском языке в нормах, которые соответствовали литературному языку конца XIX в., что имело большое значение для определения того, что русины по этнической принадлежности являются украинцами. И в конце XIX – начале XX в. русины уже идентифицируют себя как украинцы, а в 30–40-е гг. на Буковине этноним «русины» практически исчезает²³.

В украинской этнологической науке вопрос об отдельной этнической принадлежности русинов вообще не ставится: для ученых-этнологов русины – это однозначно и безвариантно украинцы, типологически и генетически, также как и гуцулы, бойки, лемки, подоляне, полищуки и др. Многочисленные исследования материальной и духовной культуры во всех ее проявлениях (хозяйственная деятельность, жилище, питание, одежда, обычаи и обряды, язык, фольклор и т. п.) разных этнографических групп украинцев на глубинном этнологическом срезе выявляют полную принадлежность русинов к украинскому народу. Речь может идти об особенностях традиционной культуры русинов, их языка, разнообразных этнокультурных контактов и взаимовлияния, но никак не об их других этнических корнях.

Русины, которые проживали в Бессарабии (одна часть из них – автохтоны, другая – переселенцы из соседней Буковины), оказались в иных условиях, чем их одноплеменники из Буковины, Галиции и Закарпатья. С начала XIX в. они попали в состав Российской империи и пребывали среди единоверцев; находились в тесных контактах с украинцами как с «материковой» Украины, так и с местными; мирно проживали совместно с молдаванами, в какой-то мере ассимилировались, но не утратили своего языка и культуры. И поэтому у русинов Бессарабии были еще более благоприятные условия для общеукраинской консолидации, которая произошла в конце XIX – начале XX вв. Об этом свидетельствуют данные первой переписи Российской империи, осуществленной в 1897 г., когда из 330 тыс. «малороссов» (официальное название украинцев того времени) только 64 человека выделили себя как русины²⁴. А С. Суляк утверждает: «Мои предки, как и более 500 тыс. граждан Молдовы, всегда считали себя русинами (руснаками)»²⁵. В течение XX в. процесс общеукраинской консолидации русинов Бессарабии практически завершился. Правда, и сегодня в некоторых украинских селах Молдовы можно услышать самоназвание «руськи» (повторяем, не следует путать с этнонимом «русские»), хотя чаще они называют себя «хохлами» (это несколько пренебрежительное название сохранилось со времен царской России, когда украинские казаки выбривали голову, оставляя «хохолки»). Но никогда нам не приходилось слышать от респондентов самоназвание «русин» или «руснак». В последнее время наиболее распространенным самоназванием является «українець». Наш опыт научных

экспедиций в украинские и смешанные молдавско-украинские села, где проживают выходцы из так называемых русинских сел Буковины (Яблона, Дану, Стурзовка, Новые Фундуры Глодянского р-на, Тецканы Бричанского р-на, Братушаны Единецкого р-на, Бэлцата Криулянского, Максимовка Ново-Аненского р-на и др.) красноречиво свидетельствует, что эти «руські люди», или «хохлы», говорят на украинском языке в одном из его диалектных вариантов, их традиционно-бытовая культура (материальная и духовная) является, безусловно, украинской²⁶. Кроме того, не только официальные данные переписей 1989 и 2004 гг., но и последние этносоциологические исследования говорят о том, что жители этих сел идентифицируют себя как украинцы²⁷.

Как считают специалисты, если до времени национально-освободительной борьбы в начале XX в. этнонимы «Русь» и «русины» свидетельствовали о рудиментарности заостренного мышления, то с начала Первой мировой войны их использование носило уже политический характер. По замечанию известного украинского ученого А. Гринева, «как политическая проблема русинство не имеет никаких политических корней, разъединяя, в конце концов, украинский народ на основе схожести понятий "русин" и "русский"»²⁸.

Конечно, русины не исчезли как этническая группа. Это самоназвание еще используется (правда, очень ограниченно) в украинском Закарпатье, а также в восточных районах Словакии, в сербской Воеводине и граничащих с ней районах Хорватии.

Новое политическое русинство организационно оформилось в 1990 г. «Общество подкарпатских русинов», созданное 20 февраля 1990 г., сначала маскировалось как «областное культурно-просветительное общество», но в действительности сразу же занялось политикой. Его лидеры требуют от Украины придать Закарпатью статус «автономной республики», признать закарпатцев отдельным народом – русинами, отказаться от литературного украинского языка, создать отдельный русинский язык и т. д.²⁹.

Что касается «русинского литературного языка», то известные украинские ученые-лингвисты достаточно обоснованно подтверждают, что язык русинов – это один из диалектов украинского языка (см.: Українська мова. Енциклопедія. Київ, Видавництво «Українська енциклопедія» ім. М. П. Бажана, 2000. С. 526-527).

Понятно, что требования лидеров «политического русинства» угрожают территориальной целостности, политической стабильности и государственности Украины. В этом заинтересованы определенные недружественные Украине силы, которые из-за рубежа поддерживают и морально, и материально это «движение».

Однако вернемся к Молдове. Вышеназванные работы С. Суляка свидетельствуют о попытках распространить «политическое русинство» и в нашей стране. И это также небезопасно для государственности Молдовы, у которой и без того немало внутренних нерешенных проблем, не в последнюю очередь связанных и с сепаратизмом. Поэтому поддерживать русинское движение в его нынешнем политизированном виде наше государство не может и, надеемся, не будет. Тем более, что это способно привести к непониманию и осложнению отношений между Молдовой и Украиной.

С. Суляк обвиняет – правда, не очень понятно, кого – в том, что русинов в Молдове едва ли не преследуют. Если бы шла речь о научных исследованиях по истории, культурному наследию русинов Молдовы, изучению диалектных особенностей их языка, материальной и духовной культуры, издании соответствующей литературы, проведении культурных мероприятий – то кто же против этого?! Но речь идет о другом: «Считая себя русином, свою национальную

принадлежность я определяю как русский (русин), считая русинов субэтносом русского (выделено нами – В. К.) народа и, в отличие от других, никому не навязываю своего мнения»³⁰. С. Суляк может определять свою национальную принадлежность как угодно, мы рады мирно сосуществовать с представителями любого этноса. Но свое мнение он достаточно активно навязывает. Его публикации, которые мы коротко рассмотрели, вводят людей в заблуждение. Кроме того, он создал особую общественную организацию «Русь», целью которой является «сохранение традиций и культуры второго по численности коренного населения Молдавии – руснаков (выделено нами – В. К.), потомков древнерусского населения Карпато-Днестровских земель, сохранивших до настоящего времени свою культурную идентичность, язык, веру, самоназвание»³¹. Думается, что даже самого неискушенного читателя мы смогли убедить в том, что у русинов, при всем уважении к их самобытности, никак не может быть сейчас своего отдельного языка и культуры, в корне отличных от украинских, тем более в Молдове. Мы считаем, что «политическое русинство» не имеет никаких оснований для развития в нашей стране. У них нет, да и не может быть, своей интеллектуальной и политической элиты (за исключением, вероятно, одного С. Суляка). Сами русины как этническая общность остались только в истории, давно став этнографической группой украинского народа. Даже в Западной Украине, казалось бы, колыбели русинства, по данным Всеукраинской переписи 2001 г., автохтонное население – русины – массово (за исключением 10 человек) определили себя как украинцы³².

А С. Суляк, продолжая пропагандистскую деятельность, не только активно публикуется, но и принимает участие в организации и проведении международных конгрессов русинов разных стран³³.

Здесь мы становимся свидетелями использования давно известной и наработанной схемы, когда определенная научная проблема из чисто научной плоскости переводится в политическую.

Примечания

¹ Руснак В. «Идея общерусского единства у руснаков» // Мысль. Кишинев, 2004, № 1 (23) февраль; Суляк С. Г. Руснаки Бессарабии. Почему им нет места в учебниках истории? // Мысль. Кишинев, 2003. № 4 (22) ноябрь; Суляк С. Г. Осколки святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии. Кишинев, 2004. 240 с; Суляк С. Я горжусь, что я русин // Мысль. Кишинев, 2005. № 2 (27), май.

² Курас І. Ф. (академік), Майборода О. М. (доктор історичних наук), Мандебура О. (кандидат історичних наук). Висновок Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України щодо книги С. Г. Суляка «Осколки святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии». Рукопис // Архів групи етнології українців Інституту культурних надбань Академії наук Республіки Молдова. № 306/161-1-5. 03.08.2004.

³ Суляк С. Г. Осколки святой Руси. С. 164.

⁴ Иордан. О происхождении и деянии гетов. М., 1960. С. 72; Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950. С. 156, 295 и др.

⁵ Суляк С. Г. Осколки святой Руси. С. 10.

⁶ Баран В. Д. Давні слов'яни. Київ, 1998. 336 с; Балущок В. Етногенез українців // Народна творчість та етнографія. Київ, 2002. № 1-2. С. 26-33; Залізник Л. Л. Первісна історія України: Навч. посібник. Київ, 1999. 263 с.; его же. Нариси стародавньої України. Київ, 1999. 256 с.

⁷ Суляк С. Г. Осколки святой Руси. С. 11.

⁸ См.: Залізник Л. Л. Первісна історія України: Навч. Посібник. Київ, 1999. С. 22-229; он же. Про історичні витоки українського народу // Українознавство. Календар-щорічник. 2001. Київ, 2000. С. 53-60.

⁹ Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы в 3-х т. Т. 1 (1408–1632). М., 1965. С. 188.

¹⁰ Украинцы. М., 2000. С. 44-45.

¹¹ Суляк С. Г. Осколки святой Руси. С. 12.

¹² Несторовский П. А. Бессарабские русины. Варшава, 1905. С. 7.

¹³ Суляк С. Г. Осколки святой Руси. С. 111.

¹⁴ Там же. С. 111-112.

¹⁵ Там же. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 17.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ См.: Мишанич О. Від підкарпатських русинів до закарпатських українців: Історико-літературний нарис. Ужгород. Карпати, 1991. 61 с.; его же. «Карпаторусинство», його джерела й еволюція у ХХ ст. Київ. Відродження. 1992. 56 с.; его же. Карпати нас не розлучать: Літературно-критичні статті і дослідження. Ужгород. Срібна Земля. 1993. 282 с.; его же. Політичне русинство і що за ним: Науково-публіцистичні праці. Ужгород. Гранда. 1993. 47 с.; «Карпаторусинство»: історія і сучасність: Доповідь На I Конгресі Міжнародної асоціації українців (м. Київ, 27 серп. – 3 верес. 1990 р.) та I конгресі Респ. асоц. українознавців (Київ, 20–23 груд. 1990 р.). Київ: АТ «Обереги», 1994. 32 с.; Мишанич О. Політичне русинство – українська проблема: Доп. На III Конгр. Міжнар. Асоц. українців (Харків, 26–30 серпня 1996 р.). Київ: АТ «Обереги», 1996. 32 с.; его же. Політичне русинство. Історія і сучасність. Ідейні джерела закарпатського регіонального сепаратизму: Доп. На IV Міжнар конгр. Українців, (Одеса, 26–29 серп. 1999 р.). Київ: Обереги, 1999. 48 с.; его же. «Энциклопедия покарпатской Руси» і що за нею?: Доп. на V Міжнар. конгр. Українців. (Чернівці, 26–29 серп. 2002 р.). Київ: Стилдос, 2002. 36 с.; его же. «Карпаторусинство»: історія та сучасність // Етнонаціональні процеси в Україні. Київ, 2001. С. 362-404; Буркут І. Г. Формирование национального самосознания русинского населения Бачки и Срема (к. XIX – нач. XX вв.) // Нация и национальный вопрос в странах Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX – начале XX вв. М.: Ин-т славяноведения и балканистики СССР, 1991; его же. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль. Кишинев, 2004. № 2 (24) май. С. 65-71; его же. «Карпаторусинство»: історія та сучасність // Етнонаціональні процеси в Україні. Київ, 2001. С. 362-404; Степанов В. Труды по этнографии населения Бессарабии XIX – начала XX вв. Очерки истории этнографического изучения бессарабских украинцев. Кишинев, 2001. С. 44-45; его же. Восточные славяне Молдовы: миграционные процессы, межэтнические контакты, развитие и сохранение идентичности (продолжение темы) // Мысль. Кишинев, 2004. № 3 (25) ноябрь; Гринів О. Етногенез українців західного регіону як спростування концепції політичного русинства // Народознавчі зошити. Двомісячник Інституту народознавства НАН України. Львів, 1988. № 3. С. 256, 261 и др.

²⁰ Духнович О. Твори: 4 т. Пряшів, 1968. Т. 1. С. 337.

²¹ Культура українських Карпат: традиції і сучасність. Ужгород, 1994. С. 12.

²² Буркут І. Русины Буковины: историческая судьба этнонима // Мысль. Кишинев, 2004. № 2 (24) май. С. 68.

²³ Там же. С. 70-71.

²⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. III. Бессарабская губерния. СПб., 1905. С. 70.

²⁵ Суляк С. Я горжусь, что я русин // Мысль. Кишинев, 2005. № 2 (27). С. 92.

²⁶ См.: Кожухарь В. Г. Материальная культура вчера и сегодня // В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Николаевка и Каменкуца Глодянского района. Исследования и материалы. Кишинев, 1997. С. 132-148; его же. Українознавчі дослідження в Молдові // Наш родовід. Кишинів, 2000. С. 34-37; его же. Материальная культура украинцев Молдовы: проблемы исследования // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. III. Кишинев, 2002. С. 77-80; его же. Господарська діяльність українців села Воронково Рибницького району // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. IV. Кишинев, 2003. С. 96-103; его же. Украинское село Молдовы как объект научного исследования // Satul moldovenesc. Chişinău, 2005; Кожухар В. Г., Кожухар К. С. Матеріальна культура і господарство українців у говірці села Воронково // Українці Придністров'я (матеріали етнографічних досліджень). Одеса, 2005. С. 41-83; Кожухар В. Г. Традиційно-побутова культура українців Бессарабії в художніх творах К. Ф. Поповича // Академик Константин Попович. Человек. Ученый. Писатель. Кишинев, 2006. С. 472-480 и др.; Кожухар К. С. Мовні особливості фольклору села Стурзовка // Співає Стурзовка. Збірка українського та молдавського фольклору с. Стурзовка Глодянского району Молдови. Кишинів, 1995. С. 25-29; ее же. Восточнороманский компонент в украинских говорах севера Молдовы // Славянские культуры в инациональной среде. Кишинев, 1995. С. 154-157; ее же. Украинский говор села Дану // В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Николаевка и Каменкуца Глодянского района. Исследования и материалы. Кишинев, 1997. С. 117-132; ее же. Словарик местных слов и выражений // В земле наши корни. История, традиции и фольклор сел Дану, Николаевка и Каменкуца Глодянского района. Исследования и материалы. Кишинев, 1997. С. 382-385; Датий Ю. П., Чернега Е. С. Проблемы функционирования и сохранения украинского языка и этноса в Молдове // Регулирование использования языков в полиэтничном обществе. Кишинев, 1996. С. 42-45; Кожухарь Е. С. Украинские говоры севера Молдовы // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии

наук Молдовы. Т. 1. Кишинев, 2000; ее же. Вивчення українських говірок у Республіці Молдова // Ежегодник Института межэтнических исследований Академии наук Молдовы. Т. III. Кишинев, 2002. С. 123-130; Кожухар К. С. Особливості навчання української мови в Республіці Молдова // Педагогический вестник. Кишинев, 2004. № 15-16. С. 17-31; ее же. Діалектизми в романі К. Поповича «Бентежний світанок» // Академик Константин Попович. Человек. Ученый. Писатель. Кишинев, 2006. С. 481-485 и др.

²⁷ Кожухарь Е., Кара Н., Киртоака Д., Никитченко А., Стоянова Т. и др. Международные стандарты по защите прав национальных меньшинств и положение украинцев и болгар в местах компактного проживания в Республике Молдова. Кишинев, 2003.

²⁸ Гринів О. Етногенез українців західного регіону як спростування концепції політичного русинства // Народознавчі зошити. Двомісячник Інституту народознавства НАН України. Львів, 1988. № 3. С. 258, 259.

²⁹ Мишанич О. Карпаторусинство: історія і сучасність // Етнонаціональні процеси в Україні. Київ, 2001. С. 376.

³⁰ Суляк С. Я горжусь... С. 92.

³¹ Суляк С. Осколки святой Руси. Кишинев, 2004 (4-та сторінка обкладинки).

³² Курас І. Ф. (академік), Майборода О. М. (доктор історичних наук), Мандебуря О. (кандидат історичних наук). Висновок Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАН України щодо книги С. Г. Суляка «Осколки святой Руси. Очерки этнической истории руснаков Молдавии» (Кишинев, 2004. 240 с). Рукопис // Архів відділу українознавства Інституту культурних надбань Академії наук Молдови. № 306/161-1-5. 03.08.2004.

³³ Михайлов П. В. В Сучаве, у русинов Румынии // Время. Кишинев, 2006. № 80 (1243). 14 июня 2006. С. 7.

Rezumat

În articolul propus sunt examinate unele probleme legate de apariția, conținutul și de încercările răspândirii „rutenismului politic” în Moldova.

Резюме

В статье рассматриваются некоторые проблемы, связанные с возникновением, содержанием и попытками распространения «политического русинства» в Республике Молдова.

Summary

In this article, the problems connected with appearance, content and attempts of dissemination of "political rusinism" in the Republic of Moldova are examined.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Т. В. ЗАЙКОВСКАЯ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ –
ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ

Диалог осознается как проблема в XX в., причем особенно активный интерес к нему отмечается начиная с последней его четверти, когда идея диалога становится доминирующей. Попытки проблематизации диалога (и полилога) вызвали оживление внимания целого ряда исследователей к пронизанным установкой на диалог-понимание трудам М. Бахтина, М. Бубера, Г. Гадамера и др.

Язык, составляя неотъемлемую часть познания мира, вместе с тем отражает взаимодействие между психологическими (в том числе и связанными с национальной психологией, национальным характером), коммуникативными, функциональными и культурными факторами, которые оказывают значительное влияние на осуществление процесса взаимопонимания. Здесь же кроются и корни причин недоразумений, непонимания, а зачастую вследствие этого и неприятия Другого.

Речевое сообщение строится в расчете на понимание, являющееся той предпосылкой, на которую опирается передача опыта, знаний, переживаний, а текст (в широком плане) и его понимание являются двумя сторонами одного и того же логико-лингвистического процесса декодирования смысла, что в конечном итоге зависит от личностного фактора, от способности придать смысл, исходя из индивидуального смыслового контекста с учетом взаимодействия всех составляющих сложного комплекса познавательных процессов человека. Целостный смысл текста можно постичь, лишь учитывая все те пласты смысла, которые возникают в результате взаимодействия между текстом и контекстом. Контекстом принято называть экстралингвистические отношения, делающие текст осмысленным. «Смысл вербального текста создается не только лексическими и другими языковыми средствами, но и смысловыми блоками, которые выработаны человеческой деятельностью и закреплены в сознании данной культурной общности за их материальными, предметными носителями, не имеющими знаковой природы. Лингвистически упорядоченные знаки вербального текста выступают в тесном взаимодействии с широким миром внеязыковых смыслов»¹. Однако – и это очень важно – в процессе понимания смысла текста нельзя упускать из виду и того, что внутри каждого акта человеческого понимания совершается выход за рамки *индивидуального сознания* и происходит обращение к коллективному сознанию, к сфере бессознательного.

В основе недоразумений (а практически любое непонимание чревато конфликтом той или иной степени) находятся разнообразные причины, в том числе: 1) национально-культурная специфика и различия в культурных традициях, 2) структурно-языковые, 3) психологические и другие особенности.

Структурно-языковые причины коммуникативных недоразумений довольно многообразны. Они могут быть связаны с различными аспектами: лексическим, семантическим, синтаксическим и т. д.

Употребляя те или иные лексемы, говорящие чрезвычайно часто вкладывают в них неодинаковые значения. Яркими примерами в этом отношении могут служить

обобщенные характеристики (чем обобщеннее смысл, чем более многозначно слово – тем больше возможностей для семантических вариантов) типа *добрый, хороший, умный* (русск.), *добър, добър/хубав, умен* (болг.), *bun, bun/frumos, deștept* (рум.) и т. п. Действительно, что такое добрый человек? Незлой, хороший, щедрый? А хороший? Диапазон определений ума так широк – от банальной хитрости и практичности до мудрости... Причем, как показывают наблюдения, не всегда все значения используемых в речи многозначных слов бывают отражены в словарях. В процессе коммуникативного акта говорящие используют различные значения этих полисемантических лексем, вкладывают в них разный смысл, исходя из собственного и коллективного опыта практической деятельности, а также из соответствующих критериев оценки.

Однако, учитывая, что подобные слова оказываются очень важными для общающихся (об этом говорит, помимо прочего, высокая частотность употребления, с их помощью производится оценивание тех или иных людей, качеств и т. д.), надо помнить, что они таят в себе опасность недоразумений.

Первые две лексемы в русском языке в процессе исторического развития четко разделились (слово *добрый* в значении 'хороший' является устаревшим, стилистически отмеченным), хотя сами по себе значения 'добрый' и 'хороший' в значительной мере пересекаются (см. материалы словарных статей). Болгарский и румынский языки, будучи распространены в балканском ареале и обладая в связи с этим целым рядом сходных системных черт, для слова *хороший* выдвигают по два эквивалента, причем *хубав* и *frumos* имеют также значение 'красивый'. В русском языке отголоски исторической связи слов *красивый* и *хороший* ощущаются в значительно меньшей степени, чем в двух других языках, например: *Она красивая женщина (Она красива)*. – *Она хороша собой* (только краткая форма). К слову *сказать*, уменьшительная форма от слова *хороший* уже существенно меняет свое значение, ср.: *хороший ребенок – хорошенький ребенок*.

При детальном рассмотрении словарных значений указанных слов в одном языке, а тем более при их сравнении в разных языках обнаруживается множество различий в отношении их семантики (см., например, Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой; Dicționar rus-român. G. Volocan ș. a): выясняется, что объемы семантического наполнения указанных трех слов в разных языках не совпадают².

Заключая сказанное, приведем фрагмент из интервью З. Островской с психологом, исследователем проблем взаимопонимания В. Знаковым:

«– Чем объяснить то, что люди, общаясь, употребляют одинаковые слова, более того, вкладывают в эти слова одинаковый смысл, но при этом друг друга не понимают?»

– Я не могу согласиться с тем, что если люди вкладывают в слова одинаковый смысл, то они могут не понять друг друга. Понятие "смысл" – это очень тонкое, я бы сказал, главное понятие. И всегда непонимание между людьми возникает из-за того, что они вкладывают в одинаковые слова разные смыслы. В любом многозначном слове человек выбирает одно из значений, то, к которому он небезразличен и к которому он активно относится... Большое влияние на формирование смысла оказывает этика (понимание всегда включает представление о должном): как я могу или не могу поступать по отношению к другому. Непонимание здесь может быть связано с тем, что ценностные оценки зависят от индивидуального знания, ценностно-смысловой сферы личности... Поэтому непонимание – это всегда разные смыслы»³.

Национально-психологическая специфика находит свое проявление на границе между бессознательным и сознательным, так как носит произвольный характер и не зависит от воли человека.

В качестве примеров проявления национально-психологической специфики и противопоставления (в психологическом отношении) различных национальных сообществ, а также их восприятия со стороны Другого могут послужить впечатления человека, волею судьбы оказавшегося в положении наблюдателя новых для него нравов и поведения (причем отнюдь не однородных, не мононациональных, а самых различных), а потому аналитически оценивавшего их свежим и острым взглядом. Речь идет о воспоминаниях князя С. Д. Урусова, служившего губернатором Бессарабии в начале XX в. Так, описывая свои встречи с бессарабцами в качестве официального лица, он с самого начала подчеркивает: «Прием просителей в Кишиневе – обряд в Великороссии неизвестный. Приемная моя обыкновенно наполнялась раза три–четыре в день, так что мне приходилось выходить к посетителям через каждый час. Они говорили чуть не на десяти разных языках, из которых мне были знакомы не более двух. Великороссы, малороссы, поляки, евреи, турки, греки, армяне, болгары, немцы-колонисты, швейцарцы из села Шабо, какие-то гагаузы и, наконец, в огромном количестве молдаване – совершенно ошеломляли меня первое время. Молдаване стояли на коленях, держа на головах прошения, и потихоньку бормотали свои просьбы, глядя в землю; евреи и особенно еврейки жестикулировали и наседали так, что приходилось от них пятиться...». Далее, описывая свою поездку по краю, он говорит и о живущих здесь русских, которые теперь представляются ему несколько иными, чем в России, и которых он воспринимает иначе – сравнивая: «Когда пароход наш подошел в праздничный день к пристани села (посад Вилков – Т. З.), мы увидели оригинальную для Бессарабии картину разряженной, веселой, несколько буйной и подвыпившей чисто русской толпы – мужчины в кумачовых красных рубашках, женщины в ярких платках и „полушалыниках“..., с бусами на шее, с подсолнухами за пазухой столпились у пристани и смотрели на приезд губернатора весело и смело, с тем оттенком лукавой критики и готовой выступить наружу насмешки, о котором я начинал забывать среди флегматически-ленивого, покорного... населения Бессарабии... Они держались очень приветливо и любезно, но довольно бесцеремонно галдели, перекидываясь между собой шутками и остротами и громко смеясь удачным выходкам своих остроумцев. Надо упомянуть, что мужчины были почти все под хмельком»⁴. Автор подчеркивает также богатую одаренность и тесную сплоченность евреев, добродушие и незлобивость молдавского коренного населения, в котором «нет большой подвижности и стремления к накоплению богатств; будучи первыми непосредственными производителями ценностей, местные жители не умеют их сберегать и обменивать», в чем их «всегда превосходили евреи», и отмечает множество других характеристик различных национальностей.

Сложившиеся у автора воспоминаний субъективные впечатления в значительной степени соответствуют реальности того времени, что поддерживается и другими источниками. Многое с тех пор изменилось и в поведении, и в психике представителей описанных чиновником национальных сообществ края. Ему, однако, удалось заметить и почувствовать тонкие различия их психологическо-поведенческой специфики. Если учесть также, что родные языки многих из этих людей не просто отличаются друг от друга, а принадлежат к разным языковым группам, то сложность всей коммуникативной картины становится очевидной.

Представители различных культур, носители разных языков, вступая во взаимодействие в процессе общения, нередко оказываются в ситуациях, связанных с разнообразными недоразумениями, не понимают причин и оснований поведения друг

друга, что ведет к его неверному оцениванию, ложным выводам и, как следствие, – осложняет и без того непростой процесс диалога. Язык является не только средством общения, но и выражением той или иной культуры, а различия в этнических культурах, как известно, могут быть чрезвычайно глубокими.

В данном контексте возникает вопрос об обучении второму и т. д. языку, причем в языковой ситуации нашей страны особую остроту данная проблема приобретает в отношении государственного языка. В связи с этим необходимо отметить несколько чрезвычайно важных критериев, которые разработаны в трудах ряда исследователей и должны обязательно учитываться при выполнении лингводидактических задач указанного характера: «Иноязычная текстовая деятельность не может быть адекватно воспринята и переработана инофонным реципиентом, если она не будет рассматриваться при его обучении как нечто отличное от его собственной текстовой деятельности не только вербальным материалом, но и лингвокогнитивными характеристиками, обусловленными национально-специфической системой „мировидения” и „полуосознанных знаний”, – системой, в основе которой лежат ассоциации, общепринятые в среде носителей данного языка и культуры... Проникновение в смысл услышанного текста наступит лишь в том случае, когда обучаемые научатся „видеть” (вернее „слышать”) ассоциативный фон, структурирующий и конституирующий высказывание»⁵. Следовательно, при обучении второму языку «нужно строить их не в дихотомии „родной язык / неродной язык”, а в соотношении „язык / культура I” и „язык / культура II”»⁶. Широко включаемые в последнее время в учебный процесс интерактивные методы обучения открывают дальнейшие перспективы при выполнении вышеуказанных лингводидактических задач.

Люди, как правило, очень чувствительно относятся к своим традициям и обычаям, предпочтениям и вкусам, поэтому целесообразно учитывать их при общении и стараться не нарушать. Национально-психологические особенности отличаются значительной устойчивостью: они не подвержены непосредственному, сиюминутному воздействию текущей реальности. Относительная консервативность национально-психологических особенностей выступает важнейшей предпосылкой их сопоставления у представителей различных общностей.

Устойчивость функционированию национально-психологических черт придает национальное самосознание. Его значение заключается в фиксировании национально-психологической специфики и отделения/противопоставления (в психологическом плане) на их базе национальных обществ друг от друга. «Национальное самосознание есть осознание людьми своей принадлежности к определенной этнической общности, осмысление своего положения в системе общественных отношений, понимание национальных интересов, взаимоотношений своей нации с другими общностями»⁷. Оно обладает многоуровневой структурой. В его состав входят следующие компоненты:

- осознание этнической идентичности, национальная самоидентификация;
- представление об этнодифференцирующих и этноконсолидирующих признаках;
- самовосприятие, отношение к себе;
- этнические стереотипы;
- этнические чувства и т. д.

Исследователями были предприняты также попытки выделить стержневые особенности различных культур. К примеру, У. и К. Стефаны указывают следующие основополагающие измерения культур:

- индивидуализм, или индивидуалистическая культура (ориентация на автономного индивида, на личность); коллективизм, или коллективистическая культура (направленность на групповые цели, опора на тот или иной коллектив – семью, племя, общину, трудовой коллектив, религиозную группу, этнос, государство в целом);
- степень толерантности к отклонениям от принятых в культуре норм;
- степень избегания неопределенности и/соответственно, потребности в формальных правилах;

- маскулинность/фемининность (оценка в культуре характеристик, рассматриваемых в качестве стереотипных, обязательных для мужчин и женщин, а также степень поощрения традиционных тендерных ролей);
- оценка природы человеческого существа как «хорошей», «плохой» или «смешанной»;
- сложность культуры, степень ее дифференциации;
- эмоциональный контроль, степень допускаемой эмоциональной выразительности в поведении;
- близость контактов или допустимые в общении дистанции и прикосновения;
- дистанция между человеком и властью, степень неравенства между вышестоящими и нижестоящими; степень поддержания статусных различий между представителями культуры;
- высокая контекстность – низкая контекстность (максимизация – минимизация различий в поведении в зависимости от ситуации);
- дихотомия человек – природа (степень господства человека над природой, подчинения природе, жизни в гармонии с природой);
- ориентация культуры во времени (на прошлое, настоящее или будущее);
- степень предпочитаемой активности членов общества, принадлежащих к данной культуре (стремление быть, становиться или делать);
- ориентация культуры на поощрение чувства вина или стыда (культуры вины и культуры стыда).

Эти характеристики могут быть выявлены и проанализированы применительно к ситуации в нашей стране с целью прогнозирования потенциальных затруднений, непонимания и недоразумений в ходе вербального общения, в процессе межкультурной коммуникации, учитывая тесную связь между языком и культурой.

Примечания

¹ Богуславская Г. П. Язык, культура и проблема понимания // Язык и культура. Тезисы междунар. конф. Ч. I. Киев, 1993. С. 53-54.

² Словарь русского языка. Под ред. А. П. Евгеньевой. В 4-х тт. Москва, 1981–1984; Dicționar român-rus. Alc. G. Bolocan, T. Medvedev, T. Voronțova. București–Moscova, 1980.

³ Знаков В. «Трудиться понять ближнего...» // Человек, 1998, № 5. С. 87-88.

⁴ Урусов С. Д. Записки губернатора. Кишинев, 2005. С. 44. С. 216-217.

⁵ Халева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. Москва, 1995. С. 280.

⁶ Там же. С. 277.

⁷ Кукушин В. С, Столяренко Л. Д. Этнопедагогика и этнопсихология. Ростов-на-Дону, 2000. С. 107.

Rezumat

În cadrul problemei comunicării interculturale, o atenție specială în articolul propus se acordă diferitor cauze a neînțelegerii (specificul lingvicultural, psihologic, național-cultural, diferența tradițiilor culturale ș. a.). Luând în considerație legătură strânsă dintre limbă și cultură, se conturează direcția prognozării dificultăților potențiale în procesul comunicării verbale, întrucât ele pot produce neînțelegere, ci deseori, ca urmare și neacceptare a Celuilalt.

Резюме

В рамках проблемы межкультурной коммуникации особое внимание в статье уделяется разнообразным причинам непонимания (национально-культурная специфика и различия в культурных традициях, структурно-языковые, психологические и другие особенности). С учетом тесной связи между языком и культурой намечается направление прогнозирования потенциальных затруднений в ходе вербального общения, так как они могут породить непонимание, а зачастую вследствие этого и неприятие Другого.

Summary

In this article within the frameworks of the problem of intercultural communication the special attention is paid to different reasons of incomprehension (national and cultural peculiarities, differences in cultural traditions, structural, linguistic and psychological peculiarities, etc.). Taking into consideration intimate connections between language and culture, forecast of possible potential difficulties in the process of verbal communication is marked, because they can produce incomprehension and as a consequence alienation.

ХУДОЖЕСТВЕННО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДНОГО ПЕРЕВОДА (НА ПРИМЕРЕ УКРАИНСКИХ ВЕРСИЙ «ПЛУГУШОРА» – «ГЕЙКАННИЙ»)

Основной фонд традиционных классических хэитур в художественной форме издавна отражал сельскохозяйственный труд, который, разумеется, с течением времени обогатился новыми элементами, свойственными повседневной жизни. Этот процесс закономерен – фольклорное произведение постоянно обрастает новыми подробностями, сообразно с изменяющейся действительностью. В настоящее время «"Плугушор" широко распространен и является одним из перспективных бытующих жанров молдавского фольклора»¹. Как отмечает Н. М. Бэшу, в ряде румынских сел Северной Буковины (Новоселица, Хотин, Секурень), которые окружены многочисленными украинскими поселениями, обряд, связанный с исполнением «Плугушора», частично исчезает, заменяясь украинской традицией, называемой «*si pleasul*» (от русск. *пляс* – танец), «*si muzica*»².

В дальнейшем мы сосредоточим свое внимание преимущественно на разборе словесного компонента этого ритуального действия в классическом «Плугушоре» и в его украинских версиях.

Разбираемые нами тексты украинских вариантов «Плугушора» бытуют в селе Рого-нешть Ботошанского уезда и в селе Негостина Сучавского уезда Румынии под наименованием «Гейкання», основанным на междометии «Гей! Гей!» (рум. «Хей! Хей!»), имитирующем понукание волов, которым участники обряда перемежают свое исполнение, отделяя каждую тираду (ср. классическая «Хэитура», образованная подобным же образом).

В общefольклористическом плане можно сослаться на замечание В. И. Чичерова, что названия новогодним песням-колядкам даются по припеву, имеющему форму восклицания³. Отсюда пошли «*коляда*», «*овсень*», «*виноградье*» у русских; «*щедривка*», «*колядка*» – у украинцев. Само название «Гейкання» позволяет ощутить степень близости украинских текстов к румынским.

Количество стихов в классическом «Плугушоре» может достигать до 400⁴, а по некоторым версиям – и до 500⁵, в нем описано обычно 5–15 сцен. Эти сцены связаны с важнейшей ипостасью крестьянина – хлебороба, кормильца всех остальных слоев общества («*Să nu fie foame'n țară*»), в полной мере осознающего эту свою почетную и ответственную миссию. Н. М. Бэшу справедливо отмечает: «Более чем какие-либо другие фольклорные произведения, хэитуры выражают ценные мысли народа о чувстве чести и гордости пахарей по отношению к своему труду. Эти чувства связаны с реальными заслугами сельских тружеников, ведь именно они выращивают хлеб – основную пищу для общества»⁶. Потому-то, по-видимому, и раскрываются в произведениях этого жанра нравственно-этические моменты, подчеркиваются моральные устои крестьянского общества: ведь основной нравственный критерий в нем, мерило человеческих качеств в целом – это отношение к труду. Очевидно, это явилось отчасти и причиной перевода фольклорных произведений другого народа на украинский язык: сама тема их близка и понятна украинским крестьянам, родственным по глубинному, сущностному своему духу крестьянам – создателям хэитур. Ведь культ земли у тех и других существует изначально, преломляясь у каждого народа по-своему.

А. Н. Веселовский, исследуя проблемы синкретизма и эволюции жанров, обращается к «Плуговой песни» у румын, упоминая при этом и об украинских

щедровок: «В Малороссии ребятишки ходят под Новый год, посыпая зерном хозяев и хаты..., после чего поется "посыпальница"» (ср. рум. *sămănatul* – Л. Д.):

*А в полі, в полі сам плужок ходе,
А за тым плужком сам Господь ходе,
Святый Петро погоняе.
Богородица істи носила,
Істи носила, Бога просила:
Зароды, Боже, жито, пшеицю,
Жито, пшеницю, всяку пашницю.*

Подражательное действие румынского обряда переселилось в миф, в легенду, подсказанную на этот раз апокрифом о том, как «Христос плугом орал»; иногда пашущими являются святые: Василий, Илья и др.»⁷.

В традиционном «Плугушоре» вся история выращивания хлеба от сева до уборки, молотьбы, помола и выпекания калачей воспроизведена детально, с полным знанием дела, ведь крестьяне – одновременно и творцы хэитур, следовательно, повествуют сами о себе, будучи превосходно знакомыми на практике с мельчайшими подробностями всего процесса возделывания хлеба. «Гейканья», рассматриваемые нами, также передают весь цикл сельскохозяйственных работ, вплоть до выпекания калачей и раздачи их всем членам семьи. В то же время в традиционных щедровках («плугах») описание истории выращивания хлеба заключается перевозкой его в амбары: «Тай зайдемо шістьми волами, шістьми волами, трьома возами»⁸. Думается, что этот факт весьма показателен и может служить одним из дополнительных аргументов в пользу переводного характера «Гейканний».

В данном случае нас интересует не столько вопрос о заимствовании и наслоении различных обычаев и обрядов, сколько реальные возможности и конкретные пути словесного оформления этих процессов, их художественно-эстетического выражения. Следует отметить, что именно этот аспект рассматриваемой нами проблемы наименее разработан в фольклористике. При убедительных утверждениях относительно различных фольклорных влияний, заимствований, напластований у различных народов в разные исторические эпохи, об общих генетических источниках и индивидуальных специфических особенностях тех или иных обрядов и обычаев чрезвычайно мало внимания обращается на то, что происходит при этом с вербальным художественно-эстетическим оформлением традиционного обрядового материала; почти незамеченным остается вопрос о том, почему наслоения и совпадения обнаруживаются не только на уровне действия, но и на уровне словесного выражения. Обращаясь к тому или иному обряду, заимствующая сторона, как нам представляется, не может полностью абстрагироваться от его текстового оформления. Ассимиляция или адаптация инородных обрядов и обычаев происходит, в определенной мере, и через ассимиляцию и адаптацию либо текста в целом, либо отдельных его частей. Иначе чем объяснить многочисленные тождества в фольклорных версиях различных народов в разные исторические периоды, в том числе и в рассматриваемом нами «Плугушоре» и «Гейканья», как его версии?

Для понимания принципов народного перевода столь значимого эпического произведения, как «Плугушор», необходимо вникнуть в сложный исторический процесс, подготовивший почву для тех версий перевода, которые мы сейчас разбираем: румыны заимствовали у славян ритуальные действия с определенным словесным оформлением⁹, создали на их основе поэтическое произведение с лирическими описаниями, многочисленными персонажами, разнообразными

композиционно-художественными приемами (диалог, антитеза, параллелизм, гипербола, сравнение, повтор, метафора), пронизанных особой символикой, затем это фольклорное произведение с определенным словесным наполнением заимствовали украинцы Румынии, которые наложили текст на уже существующий ритуал, переработав этот текст, сократив его для более полного оформления ритуала с целью усиления его основной функции – аграрно-магической.

Основываясь на данных, полученных в результате анализа украинского перевода «Плугушора», можно сделать некоторые предварительные выводы об отличии народного перевода от авторского.

Первый вывод заключается в том, что народный перевод (речь идет о поэтическом переводе, а не подстрочном) значительно короче оригинала. В народном переводе срабатывает тенденция к сжатию, резюмированию. Это, скорее, вольный перевод, так как многие персонажи и отдельные эпизоды сюжета вообще отбрасываются, очевидно, бессознательно. Причины этого еще надо тщательно исследовать, исходя из структуры обряда, из семиотических систем контактирующих языков, из понимания того, что «состав одного языка не сходствует с составом другого и что во всяком языке слова получают силу и знаменование свое, во-первых, от корня, от которого они происходят, во-вторых, от употребления... Каждый народ имеет свой состав речей и свое сцепление понятий»¹⁰. Кроме того, рассуждая о народном переводе, всегда надо учитывать представления народов о мире, их социальный и исторический опыт. В переводе, который осуществляется профессионалом, наблюдается обратное явление. Переводчик старается переводить близко к тексту, не упуская сюжетных звеньев, описаний. И в результате авторские «переводы обычно длиннее оригинала. Существуют словарные единицы, структуры и идеи, которые требуют пояснительных фраз, и переводчики предпочитают скорее вносить добавления для большей ясности, чем опускать что-либо для большей простоты»¹¹.

Второй вывод вытекает из первого: для авторского перевода важно «вызвать у читателей тоже стилистическое впечатление (выделено нами – Л. Д.), какое испытывают читатели подлинника»¹². Эту же мысль высказал А. К. Толстой, размышляя над переводом «Коринфской невесты»: «Я думаю, что не следует переводить слова и даже иногда смысл, а главное, надо передавать впечатление. Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы в ту же сферу, в которой находится читатель оригинала, и чтобы перевод действовал на те же нервы»¹³.

Это явление, с несколько иных позиций, рассматривал в своих работах Ю. Найда, называя его «динамическая эквивалентность»¹⁴. Согласно его теории, динамическая эквивалентность - это свойство перевода, в котором его содержание передано таким образом, что реакция читателей перевода в основных чертах соответствует реакции читателей оригинала. Понятие реакции включает в себя понимание заложенной в тексте информации и восприятие его экспрессивной характеристики. Найда делает акцент именно на соответствии реакций, а не на их тождестве, так как это невозможно из-за различий в культурно-историческом опыте разноязычных читателей. На работы Ю. Найды ссылается в своих рассуждениях и А. Д. Швейцер, подчеркивая, что «максимально точная передача эмоциональной окраски подлинника является необходимым условием адекватного перевода»¹⁵.

В народном переводе, где практически отсутствуют лирические отступления и делается упор на фиксации какого-либо действия (ибо действие ритуально), во главу угла ставится не стилистическое впечатление, а смысл. Рискнем высказать предположение, что, возможно, это происходит на уровне подсознания, оттого что в прошлом «Плугушор», также, как и хождение с плугом у славянских народов, имел

ярко выраженный аграрно-магический смысл: имитация пахоты и сева призвана была способствовать удачной сельскохозяйственной работе, пожелание добра и счастья хозяевам должно было принести удачу и достаток в их дом. Поэтому при переводе произведения надо было сохранить его основную функцию – магическую, а это возможно только в том случае, если передан основной смысл фольклорного текста.

Остановимся теперь на художественно-стилистических особенностях народного перевода традиционного «Плугушора» на украинский язык.

В молдавском/румынском «Плугушоре» при описании необыкновенно богатого урожая, выросшего на поле у Василе, встречается сравнение колоса с воробьем:

<i>Era'n spic ca vrabia,</i>	<i>Был в колосе, как воробей,</i>
<i>Era'n pai ca trestia.</i>	<i>Был в стебле, как тростник.</i>

Обращаясь к генезису плуговых песен и устанавливая зависимость украинской щедровки от символики молдавского «Плугушора», это словесное клише отмечает Г. К. Бостан при анализе молдавско-украинских параллелей в календарно-обрядовой поэзии. Он также обращает внимание на отсутствие у украинцев сравнения спелого колоса с воробьем, оно интерпретировано иначе: «Колосся, як птиця»¹⁶. Употребление гиперонима в данном случае придает сравнению неопределенный характер, а «отнюдь не является поэтической константой, подобно молдавской "Era'n spic ca vrabia"»¹⁷.

В украинских переводах сохранено только одно из этих сравнений («Солома, як тростина»), второе же не было перенесено, хотя образ воробья сохраняется, причем именно в данном месте произведения, однако в совершенно другой художественной функции – как угроза урожаю: «Колос горобці об'їдають». Незнакомое сравнение отмечается, зато тут же подставляется свое, привычное: «Пшениця, як ліс».

Особую точку зрения в отношении рассматриваемых нами словесных клише – «колос, как воробей, стебель, как тростник» – высказывает В. Чиримпей, который склонен считать эти формулы древнейшими реликтами аграрной поэзии предков индоевропейских народов, заселявших Балкано-Карпатский ареал и территорию к северу от Черного моря¹⁸.

Еще один пример, но уже более развернутого и сложного характера, касается того элемента текста «Плугушора», в котором говорится, что его исполнители не являются жителями данного села, и рассказывается, откуда они прибыли. В произведении в шуточной форме повествуется о неких вымышленных местах, где баба пашет землю плугом, в который запряжены девушки:

<i>Dar nu sîntem de pe aici-colea,</i>	<i>Мы не из этих мест,</i>
<i>Și ne temem, c'om însera.</i>	<i>И боимся, что нас застанет ночь.</i>
<i>Și avem de trecut pe la Cîmpulung,</i>	<i>Нам надо проехать через</i>
<i>Unde trag fetele plug</i>	<i>Кымпулунг,</i>
<i>Și o babă bătrîna,</i>	<i>Там, где девушки тянут плуг,</i>
<i>Cu puha de lînă</i>	<i>И старуха шерстяной плеткой,</i>
<i>Cu harapnicul cînd le hîrșnea,</i>	<i>Кнутом хлещет девушек,</i>
<i>Singe din piept le curgea</i> ¹⁹ .	<i>Кровь течет из их груди.</i>

Рассматриваемый отрывок текста, как нам представляется, имеет очень глубокие исторические корни и изначально воспринимался исполнителями и слушателями не как шуточное, а как магическое словесное оформление ритуального действия. Указывая на суеверный магический характер обряда опахивания –

проведения борозды при помощи плуга вокруг селения – известного главным образом у народов Восточной Европы, С. А.Токарев отмечает: «Обряд совершается женщинами, иногда при полном недопущении мужчин, чаще ночью; исполнительницы раздеваются до рубашек или даже донага, в плуг впрягается какая-нибудь старуха либо девушка, участницы обряда находятся в возбужденном состоянии, нередко проявляющемся в эксцессах... Источники апотропеической силы – плужное железо, женская сила жизни и плодородия»²⁰. С течением времени магический смысл слов затушевывается (ибо исчезает обряд, который они оформляют) и начинает восприниматься исполнителями действия как нечто удивительное, нелепое, комичное и страшное одновременно. Если вдуматься в смысл стихотворных строк, то перед нами раскрывается не реальная картина мира, а как бы антимир, где возможно пахать землю, запрягая в плуг девушек. Между реальным миром и антимиром связующим звеном выступает Баба, лишённая жалости, стегающая девушек до крови плеткой. Есть основания предполагать, что образ этой Бабы сродни героине русских сказок – Бабе-яге (об образе последней см.: Пропп В.²¹).

В украинских же вариантах наблюдается полное переосмысление данного элемента содержания, также начинающегося словами, в которых подчеркивается, что исполнители прибыли из другой местности: «Ми не е з цего села». Из какой же? И вот дальше перед нами разворачивается картина фантастической страны изобилия, характерной для украинского фольклора:

*Ми з того села,
Що колачі по вербах,
Плоти з кубасів,
Молоко тече.*

*Мы из того села,
Где калачи на вербах,
Заборы из колбас,
А молоко течет потоками.*

Такой символ изобилия есть в фольклоре разных народов, достаточно вспомнить русские «молочные реки с кисельными берегами». Однако здесь дело заключается, собственно, не в наличии или отсутствии параллельного образа или символа, а в том творческом подходе к переводу, которое изначально положено в его основу. Впрочем, дальше в украинском тексте все же появляются запряженные в плуг «дівки», погоняемые бабой – в одном варианте, в других «баба» трансформируется в «старого діда», который запрягуе не девок, а «дві–трі бабі». В некоторых вариантах «Гейканний» мы имеем дело с сознательной контаминацией - переводная эпическая песня (хотя в украинских вариантах «Плугушора» это уже, скорее, плуговая песня, чем эпическое произведение) + шуточная украинская песня. Такое непосредственное внедрение элементов украинской народной поэзии в переводной текст, обусловлено, на наш взгляд, с одной стороны, тем, что комическое часто имеет очевидную национальную специфику, с другой, тем, что элементы текста, построенные на комических эффектах, вызывают затруднения при переводе.

Обращает на себя внимание обильное использование в украинских переводах числительных, либо отсутствующих в оригиналах, либо не совпадающих по месту употребления. В качестве иллюстрации последнего утверждения приведем такой пример: в оригинал ь-ном тексте основной персонаж запрягает 12 волов, чтобы вспахать поле, а в украинских переводах он запрягает уже 12 кобыл, да и цель у него теперь другая – надо отвезти зерно на мельницу (в хэитуре в этом случае речь идет о 9 кобылах – произошла своеобразная контаминация образа). Среди отсутствующих в оригиналах числительных – 2, 4, 5, 10, 700. Например, когда мельничиха начала печь калачи, она, взяв «питльовані сита» и «питльовані корита»,

«удесятьох розчинила, у п'етьох замісила». Или пример, когда бадика Васили гору «разорав на двое, на троє, на четверо, на п'ятеро, на шестеро»; возможно, этот процессе показан так дробно, чтобы подчеркнуть тщательность обработки земли – элемент, которого также нет в оригинале, где указано на то, что по вторникам пахали по лугам, по средам – по холмам, по четвергам – по логам и т. д. (кстати, русский перевод этой хэитуры тоже опосредованно, через наименование дней недели, передает использование числительных – вторник, четверг, то есть второй, четвертый). Эти числительные разнообразны, и причины их ввода в столь значительном количестве в сравнительно небольшие переводные тексты представляются труднообъяснимыми, похоже, они, действительно, зачастую «используются произвольно по какой-то народной традиции с забытым первоначальным смыслом»²², хотя и являют собой так называемые магические числа, входящие в определенные числовые формулы, характерные для фольклорных произведений²³.

В рассматриваемом нами аспекте весьма интересен вопрос о ряде румынских слов, оставленных в украинских версиях без перевода (*бадіка*, по *букаті*, *мантилина*, *таркатый* (конь) и др.). Причины существования этих лексических вкраплений в текстах нельзя трактовать однозначно. Некоторые из них выполняют определенную эстетическую роль, поводом для сохранения других послужила сама языковая структура и т. д.

В украинские переводы «Плугушора» перенесен ряд художественных особенностей молдавского/румынского оригинала, разумеется, с учетом специфики контактирующего языка. В качестве примеров могут служить частое обращение к использованию упомянутой внутренней рифмы: «синиці в колісниці», «два медведі напереді», «орчик у корчик» (ср. «în lungiș și'n curmeziș», «la certat și la mustrat»), сохранение в переводе рефрена «Mînați, copii! Hăi, hăi!» («Тягніть, хлопці. Гей! Гей!» или «Гоніть, мой хлопці. Гей! Гей!»), сохранение некоторых тропов в определенных местах текста (с учетом своего мировидения, используя характерные для своего народа образы и символы). При этом создается впечатление, что метафора или же сравнение, основанное на метафоре, гипербола и другие тропы с большим трудом способны вводиться в переводной текст, ср. вышеприведенное сравнение колоса с воробьем в оригинале и переосмысленное сравнение колосьев с лесом в украинском переводе. Очевидно, именно метафора и ряд других фигур наиболее тесно и тонко связаны с эксплицитной, глубинной стороной того национального, самобытного, которое представлено в фольклоре, которое уже отстоялось в нем, да и в самом языке. Это, видимо, те фигуры, которые впоследствии как бы застывают, как указывает А. Н. Веселовский²⁴, становятся привычными для одного народа, входя составной частью в общую гармонию их восприятия мира, и не могут быть походя восприняты другим народом, которому их еще надо прочувствовать, пропустить через свое мировосприятие, так как «образ, привычный и даже несколько стершийся с точки зрения носителя одного языка, может оказаться свежим и оригинальным для носителя другого языка»²⁵.

Среди других фигур, использованных в украинском переводе, приведем гиперболу «сімсот женців» (семьсот жнецов), которых Васили нанял для уборки урожая, антитезу «напереді вогонь горить, ззаду вода замерзає» и т. п. Указанные параллели прослеживаются в целом ряде работ²⁶. Но это – собственные тропы украинцев, они не перенесены из оригиналов, а привнесены в них. Хотя, разумеется, в оригинальных текстах представлено большое количество различных фигур, наполнение у них совсем иное, характерное для молдавского/румынского фольклора и для румынского языка.

Все вышесказанное позволяет говорить о том, что народные переводы «Плугушора» на украинский язык родились в результате творческого, а не механического процесса переноса иного мировосприятия на собственную почву. Они актуализируют их содержание, основываясь на своем представлении о мире.

Примечания

- ¹ Бэешу Н. М. Трудовые и эстетические идеалы календарной поэзии // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 174.
- ² Băieșu N. Tradițiile calendaristice la românii în fosta Uniune Sovietică // Imagini și permanente în etnologia românească. Chișinău, 1992. P. 45.
- ³ Чичеров В. И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX веков. М., 1957. С. 116.
- ⁴ Спатару Г. Эволюция драмем популяре молдовенешть // Эстетика молдавского фольклора. История, поэтика, музыкология. Кишинев, 1974. С. 113.
- ⁵ Бэешу Н. М. Трудовые и эстетические идеалы календарной поэзии // Фольклорное наследие народов СССР и современность. Кишинев, 1984. С. 175.
- ⁶ Бэешу Н. М. Фолклорул ритуалик ши вяца. Кишинэу, 1981. P. 67.
- ⁷ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 230-231.
- ⁸ Бостан Г. К. Взаимосвязи молдавского и украинского календарно-обрядового фольклора // Очерки молдавско-русско-украинских литературных связей. Кишинев, 1978. С. 37.
- ⁹ Caraman P. Colindatul la români, slavi și alte popoare. Studiu de folclor comparat. București, 1983. P. 525.
- ¹⁰ Шишков А. С. Рассуждения о старом и новом слоге русского языка. СПб., 1803. С. 36-40.
- ¹¹ Barht G. French to English // Meta, 1971. Vol. 16, № 1 -2. P. 43.
- ¹² Петров С. О пользе просторечия // Мастерство перевода. М., 1970. С. 95-96.
- ¹³ Толстой А. К. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1964. С.214.
- ¹⁴ Nida E. Science of translation // Language. 1969. Vol. 45, № 3; Nida E., Taber C. The theory and practice of translation. Leiden, 1969.
- ¹⁵ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 142.
- ¹⁶ Бостан Г. К. Типологическое соотношение и взаимосвязи русского и украинского фольклора. Кишинев: Штиинца, 1985. С. 39.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Чиримпей В. А. Дин стрэфундул миленилор //Литература ши арта, 1984, № 52. P. 52.
- ¹⁹ Поезия популярэ а обичеюрилор календариче. Алкэт. Г. Ботезату, Н. Бэешу ш. а. Кишинэу, 1975. P. 254.
- ²⁰ Токарев С. А. Сущность и происхождение магии // Исследования и материалы по вопросам первобытных религиозных верований. М., 1959. С. 53.
- ²¹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 52-112.
- ²² Петканова Д. Средневековна литературна символика. София, 1994. С. 53.
- ²³ Мифы народов мира. Т. I-II. М., 1992; Косвен М. О. Очерки истории первобытной культуры. М., 1957. С. 152-153.
- ²⁴ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 92.
- ²⁵ Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М., 1973. С. 145.
- ²⁶ Бостан Г. К. Типологическое соотношение и взаимосвязи русского и украинского фольклора. Кишинев, 1985. С. 36; Колядки та щедрівки. Зимова обрядова поезія трудового року. Упоряд, предметова і примітки О. І. Дея. Київ, 1965. С. 158; Народы пісні Буковини в записках Юрія Федьковича. Упоряд склали прим. О. І. Дей та О. С. Романець. Київ, 1968. С. 32; Чебан И. Д. Молдавская народная лирическая поэзия. Кишинев, 1973. С. 84.

Rezumat

În articolul de față se examinează versiunea ucraineană a „Plugușorului” tradițional – «Гейканья». Autorul analizează texte concrete, înregistrate pe teritoriul Republicii Moldova și României. În centrul atenției autorului se află două probleme principale: deosebirea traducerii folclorice de cea autoricească și particularitățile artistic-stilistice ale traducerii populare.

Резюме

Данная статья посвящена рассмотрению украинских версий традиционного «Плугушора» – «Гейканья». Автор анализирует конкретные фольклорные тексты, зафиксированные на территории Республики Молдова и Румынии. Основное внимание уделено выявлению отличий народного перевода от авторского и анализу художественно-стилистических особенностей народного перевода.

Summary

This article dedicates to Ukrainian versions „Гейканья” of the traditional "Plugușor". The author analyses the concrete folklore texts. This texts were written on the territory of the Republic of Moldova and Romania. The author pays special attention to two main problems: the differences between folklore and author's translation and artistic and stylistic features of the folklore translation.

УКРАЇНСЬКА ПОЕТЕСА В. КИТАЙГОРОДСЬКА

Китайгородська Віра Микитівна народилася 5 грудня 1961 року в селі Нагорянах щирого таланти Кельменецького району Чернівецької області (колишнього Хотинського повіту Бессарабії). Досить рано муза скорила її серце, і вже в 1972 році на сторінках місцевої преси з'являються її перші вірші. Згодом, під час навчання в Чернівецькому університеті, твори поетеси поширюють географію своєї популярності – друкуються в обласних часописах, в колективних поетичних збірках. У 1986 році, у видавництві «Карпати» (Ужгород), виходить друком її перша поетична збірка «Виноградна колиска». В тому ж році її приймають до Національної Спілки письменників України. З 1990 року Віра Микитівна працює в редакції обласної газети «Буковинське віче» спочатку оглядачем, потім заступником редактора, а з 1997 року – головним редактором. Разом з тим редагує дитячу газету «Дзвіночок».

Відгомін заспівів і роздумів талановитої поетеси все більш стверджує її славне ім'я, про що свідчать наступні збірки: «Сонце вночі» (1999), «Декаданс» (2001) і «Ловіння вітру» (2005). Остання книжка нашої поетеси в певній мірі являє собою селективну збірку, тобто антологію, в яку, нарівні з новими творами, ввійшли і вірші попередніх років. Якщо в перших збірках Віри Китайгородської окреме місце займали епічні твори з певними сюжетами історичних подій, бувальщин, легенд, в «Ловінні вітру» спостерігаємо певну селекцію і в якійсь мірі перший поетичний звіт. Саме в цій збірці почесне місце посідає медитативна поезія, філософська, соціальна і громадянська тематика, пейзажна та інтимна лірика. Основними джерелами натхнення цих циклів, як правило, є сторінки історії, соціальне і духовне буття народу.

Судячи з тематики, поетики, форми самовиразу, авторка цих творів не тільки обдарована оригінальним хистом художнього бачення дійсності, а й досить широким спектром поетичного розмаїття.

У самій суттєвості поетичного доробку Віри Китайгородської перетинаються відгуки національної класичної поезії з елементами місцевого фольклору, з оригінальним, самобутнім виразом буковинського розголосу, з відгомінами елементів світової літератури, в яких нерідко так гармонійно сходяться буденні людські марноти з високофілософськими горизонтами.

У творах поетеси багато символічного й узагальнюючого. Отже не випадково сама книга відкривається трьома сонетами, які присвячені життєдайним явищам: вітру, сонцю і дощу. А в кожному з цих сонетів чимало сенсу і повчального глузду. Вітер, судячи з усього, – це дух святий і доля; двигун історії і «сила, що носить хмари руками».

Загадковість втілення таких величних і непорівнянних універсальних якостей надає самому явищу надбожествену силу, якій підвладно все, що твориться під небесним склепінням.

Метафоричне втілення всіх цих феноменів надає творам Віри Китайгородської певну піднесеність і загадковість.

*Може, се він нам записує ноти
На верховіттях дерев і роздоллі,
Може, се він нам шукає роботи
І роздає неприкаяні ролі.*

У цих інтерogaціях покоїться все... Навіть для того, щоб вирішити такі повсечасні питання, як свобода, «треба у нього (у вітра – К. П.) набратися духу».

увазі недалеке наше минуле з його реаліями, після яких «І все почнеться, як було: / Герої, мітинги, розправи, / І зіслання, і переправи, / І в терню Синове чоло».

Повторення подій і етапів минулих часів, стверджується далі, приведуть до тихжеі нелюдських випробувань, через які пройшли попередні покоління, увінчані терновий вінком – символом мук і страждань самого сина Божого Ісуса Христа.

А новий владики світу, який прийде правити наступними поколіннями, буде таким же, хіба що в іншому облачанні:

*І вдягне мантію раба
Чи рясу панотця новітню,
А чи корону позолітну
І скаже: се – нова доба.*

При цьому згадується великий Емінеску, земляк поетеси по місцю започаткування літературної творчості, сучасник Французької Комуни, котрий мріяв про краще життя, яке обіцяли, так би мовити, нові творці. Прикро вражений незбутніми надіями, він в розпачі скаже: «Formele se schimbă, iar răul a rămas» (Форми змінилися, а зло залишилося). Наша поетеса мала на увазі той же соціальний маскарад, бо ж ті, що в «позолітних коронах» об'явили «нову добу», «...складали віщу твердь,/ Вони підніжжя мурували/ Для невсипущої навали,/ Що волі заподіє смерть».

Хто його знає? Може, ми тут дещо не в ті нетрі подалися. Але ж поети, як відомо, від Бога віщуні за вдачею, і їх пророкування нерідко збувалися. Бо, як каже авторка «Ловіння вітру», «Митець несе їх на чолі,/ В руках – святенник,/ А соловейко – на крилі, Бо він – натхненник».

На жаль, збувалися не тільки зоряні сни митців, а і повні сліз їх пророчі темні нічні покути.

У книжці Віри Микитівни не має розділів або тематичних циклів. Сама збірка політематична, багатоаспектна і художньо різнобарвна. Для того, щоб дати їй повну характеристику, довелось би на кожному творі спеціально зупинитися, аналізувати його, коментувати і давати йому певну оцінку.

Для того, щоб представити її хоча б в загальних рисах і надати об'ємність її змісту, напрошується тематичний принцип підходу до розгляду окремих магістральних поетичних розсудів авторки. І тут, очевидно, раціонально починати розгляд саме з соціально-національного розголосу, тобто з тих акордів, з яких відкривається поетична сповідь поетеси. І почнемо з «Преображення» – єдиної поеми, яка увійшла до цієї збірки. Ідеться тут про заплакану історію краю. Хоча твір дещо декларативний, без картинних ситуацій і людського гоміну, в нього закладені переконливі соціально-філософські координати, які виражують на поетичних хвилях.

У поемі відбита багатогранність історії краю, в якій центральне місце займає останнє сторіччя. І починається вона з смутного акорду третього розділу:

*Вночі збиралося на сльоту,
Ходили хмари в колиби
І ніч від чорної роботи
Лягала спати між гроби.*

І тут воно починається. Торкнемося хіба що окремих епізодів, в яких торочиться історія краю. Мов ті хмари осінні, сходилися сюди непрошені гості.

*То солодкаве: «Прошу пана!»
То «Тутен Морген!», то «Друм бун»...
Як заживе опівдні рана,
То пополудні – знов галун.*

А ті «галуни» не переставали навідуватися на ці землі. І все тут було... І хотинське повстання, яке так і зал и шилося «незагоєною уразою» і Татарбунари, а надалі і не перерахувати. Зрештою, настали часи, коли «Тряслася чорна вантажівка,/ Тримала гвер чужа рука».

І це не натяки, а та страшна дійсність, яка на багато років засіла в наших краях. Це та правда, про яку її сучасники навіть пошепки боялися говорити. І справді:

*А люди тихо говорили,
Як в дощ, коли тріщать громи,
Лиш пси над світом голосили,
І небо капало слізьми.*

І рече сьогодні наша сучасниця про те, що тут відбулося, – коли

*Історія стояла осторонь,
Вона дивилася з гори.
Вона за часом і за простором
Вмивала кров'ю прапори.*

У цих образах, втілених в переконливі афоризми, точаться криваві події, які пролунали над нашими змореними нивами. І пора не стояла, а творила свою історію.

*І одягала у фуфайки
Та олов'яні кирзаки,
Й безликі плодила шайки,
І рудники, і Соловки...*

І далі:

*...Війна посипала окропом,
Під кожну хату підійшла:
За кожним мужем і за хлопом,
Як сваха з чорного села.*

Ніби підводячи підсумок страшним подіям, що охопили богом забуті час і простір, в яких опинилися ці землі, авторка поеми зажурливо прошепче:

*Сідала курява на сонце,
Ішла худоба з череди.
Дивився Бог в своє віконце
Із неба, в пролісок, сюди.*

І що тут кинулось в око Всевишньому? Марія – «Донька Лук'янаТречкосія/ Смиренна жінка вікова». Саме вона і є тим свідком, через сприймання якого і проходять всі події поеми. Це і є літописець і суддя, який пантрує за всім, що відбувається на протязі всього твору. А через своє віконце Господь Бог за всім спостерігає. І бачить він:

*Марія тут ховала брата,
Чийогось сина і любов.
Його пристрелили солдати,
І день стояв без хоругов.*

Така була пора і та дійсність, яку вона породила. А було тут усе. І війна, і Соловки, і Колима, розстріли і мордування.

До речі, ці мотиви присутні не тільки в поемі "Преображення". Вони наскрізно проходять через всю збірку "Ловіння вітру". Так, наприклад, в рядках "До української ідеї", звертаючись до своєї ліричної героїні, поетеса проголошує:

*Ти – не рабівна й не царівна,
Ти – плугатарка, як і ми,
В коліні першім – Бондарівна,
У другім – бранка Колими.*

Тут коротко, в декількох словах охоплена вся історія попередніх поколінь – співвітчизників. Як бачимо, колишня Бондарівна, тобто звичайна плугатарка в недалекому минулому, опинилася серед бранок, полонянок Колими.

У цих рядках закладені самі священні принципи щодо ставлення тої ж Бондарівни до скривдженої долі своїх братів. Адже саме вона – плугатарка Бондарівна, а відтак вона ж і полонянка Колими, гордо несе гідну правду, «немов Месія хрест», за що поетеса довірливо звертається до неї:

*І я люблю тебе, як рідну,
Ні, я люблю тебе, як честь.*

Саме за правду, яку Бондарівна з гордістю відстоює, і люблять її як честь, яка навіть вища, ніж родинне чуття.

До речі, місця, куди засилали «неугодних» відзначали не тільки конкретними географічними назвами, а й просто узагальнюючим словом «зона». Наприклад, у вірші «У цвіту!» про ці Богом прокляті землі прямо сказано:

*А там – солонна зона,
Там – зима пустельна і сліпа.*

Ця же тема знаходить свою конкретизацію у вірші «Спл ива на морі білина», де йдеться про вислання наших земляків на сибірські простори.

*Їх на етап, на Колиму
Беруть щоночі,
Їм вічний ворон з полину
Цілує очі.*

І далі:

*Ми вийшли з зон.
Не всі, не всі.
Ми там – під заростями глоду –
Через тернини, по росі
Пустили квіти на свободу.*

А міста ті і справді немилосердні і холодні, бо ж «...там зима. І з неба білий хлопчик/ Розмотує холодне полотно» («Настрій»).

Це були часи лихоліття, які позбавляли людину останніх надій на людське майбуття. І тут знов зринали смутні думки про холод і наругу:

*Буде зимно. Буде знов Сибір?
Будуть знову нам вовки рябіти,
Буде знову світом поговор,
Що підуть у найми наші діти?*

Ці думки певною мірою стикаються зі змістом вірша «З історії діалектики», де йдеться про можливе повторення страшеного другого «пришестя».

У збірці Віри Китайгородської чимало віршів, в яких бринить незадоволення тим, що твориться навколо. Так звані демократичні перетворення насправді далекі від того, на що сподівався народ. Саме тому поетеса і попереджує земляків, аби були настороженими до того, що діється в країні.

*Поволі, пане мій, поволі,
Нас знов прив'яжуть до стовпа.
Хотіли дихати на волі,
А воля, братчику, сліпа.*

(«Поволі, пане мій, поволі»)

Умови, які складаються останнім часом, загрожують тим правам, яких добилися нещодавно. Поетеса звертається до народу, закликає його отямитися, не дати себе завести в якісь нетрі.

*Ідіть напроти: люди, панство,
Питайте, хто се вас веде,
Вас тьма, і це теменне чванство
Само за мури забреде?*

(«Поволі, пане мій, поволі»)

Тут же ідеться про сьогоднішні політичні заколоти, які збитошно відбиваються на буденності сучасників. Поетеса має на увазі діячів, які заради особистої вигоди збивають зпантелику своїх співвітчизників. У вірші «Як женуть колону три сліпці» (за Олександром Воронюком) вона вважає, що все те, що робиться навколо – омана, а ті, які проводять таку політику, виконують свою останню роль. І авторка заодно докоряє тим, які так легко піддалися «трюмом сліпцям»:

*Коли натовп вірить у дверці,
У вельможну милість і свободу, –
Се – з гнізда упалі горобці,
А не гонор вільного народу.*

Поетеса не визнає вельможної милості і свободи, яку оголошують пожилці палаців, бо ж серед них немає добродіїв. І саме на це питання вона в іншому вірші («Рух по колу») категоричним запитанням відповідає:

*Хто вам подасть мечі,
Скаже стіною стати.
Хто підбере ключі,
Щоб відімкнути ґрати?*

Такі громадянські, соціальні акценти набирають особливої актуальності саме на крутих перегонах, бо ж в переломні періоди люди повністю відкривають свою душу, звичайно, якщо вона у них є.

Відповідь саме на це питання авторка збірки дає в рядках «З приводу нашої ментальності». Категоричність самої відповіді і справді повна громадянської сумлінності і принциповості.

*Про яку відповідальність мова йде?
Ми свою ментальність поховали,
Ми її вигонили з грудей,
Ми її ганьбою плюндрували.*

Далі на рівні філософських сентенцій поетеса осуджує тих, які давно розсталися з елементарною шляхетністю, або поміняти її на дзвінку монету.

*Ми не люди, люди відійшли,
Ті, що мали Совість, Бога, Духа.
Ми взяли вельможні кандали,
Що дзвенять і заливають вуха.*

*То ж не чути, як торгують честь,
І мораль ведуть батракувати,
Як кричать товпі: «Христос воскрес!»
І здають товариша до страти.*

Звичайно, в цьому нічого нового для історії нема. Душевних карликів завжди було більше, ніж великодушних патріотів і героїв. Справа, однак, в тому, що поетеса веде річ не про далеку історію, а про те, що відбулося вчора і продовжує творитися сьогодні.

Основоположні мотиви, якими відкривається збірка «Ловіння вітру», надалі перемежуються з такими ж життєтворчими явищами, імперативами і клейнодами, якіх називає сама авторка. Серед них чимало різної величини коштовностей і

категорій, які розіграні в творі «Ти сі слова не руш». Ідеться в ньому про такі різні чуття, як свобода і печаль. Оцінюючи їх на фоні всесвіту, поетеса вважає, що кожне сприйняття окремих категорій почуття носить свій суб'єктивний характер, тобто «Стільки на світі душ –/ Стільки було свободи», та «Стільки було очей – стільки було печалі». Словом, кожна людина по-своєму сприймає різні почуття, різні події, явища, факти, бо ж у кожній з них є свої особисті, суб'єктивні, притаманні тільки їй рецепторні особливості. І лише одне почуття є вічним, присутнім в кожному людському серці, а саме «клейнод любові».

Звичайно, кожна любов складає окрему історію, окремий роман переживань, скрут, пригод, але тільки воно – саме почуття кохання – є єдиним, магістральним для кожної людської істоти.

Картин і мотивів кохання не так і забагато в збірці нашої поетеси. Навпаки, мабуть і замало їх. Але всі вони закуті в міради звеличеного і задушевного, бо ж двері, до яких іде закоханий,

*...скриплять, як буки в бурю,
Вони тяжкі, як срібла твердь.
Димить акація і курить,
І в ній – життя моє. І смерть, –* скаже ліричний герой.

У цій пантеїстичній картині, де загадковість перетинається з «димом акації», поріг, за яким розкине свої обійми жадане царство.

*Я знаю: зараз буде стріча,
І скоро поїзд загуде,
І ця долоня чоловіча
Мене прихилить до грудей.*

Ця картина не інакше як кульмінація, за якою наступить розв'язка з зітханнями або сльозами нестямного щастя. І поетеса дає волю наступному спалаху:

*А сніг акації нетлінний,
Він все накриє, замете
Дві тихі постаті камінні
І царство наше золоте.*

(«Роман»).

Мотиви кохання, як правило, рояться на лоні природи, гомонять в нестямі водограїв людського життя і в нестерпному очікуванні. То ж скільки в осінніх, тужливих розмаїттях людських бентежних, ліричних зітхань...

*Вже осінь не воздасть тепла сповна,
Його вночі розмикали пришельці.
І лиш тополя, біла і одна,
Горить, як свічка на блакитнім скельці.*

Цей тужливий заспів натякає на наступні події, які зумовлять бажане і необхідне, неминуче:

*Ти не шуми. Не вій. Не вивівай.
Ти пригорни сю землю охололу,
Ти їй про сон шовковий заспівай,
Накрий її плащем, тугу і голу.*

І треба сподіватися, що все тут сходиться на тому сні, який, і справді, заслуговує «шов-кової пісні», в якій і скривається таємнича мета.

Матінка-земля, яка нас породила, завжди жде нас. Воістину, як казали древні слов'яни, «земля еси – в землю йди». Вона, мати-годувальниця, вдихнула в нас життя, дала всю сут-тевість благоговійного чуття кохання і хист продовження людського роду. І зрештою

*«Вона тебе колись пригорне так
І заспіває, і чоло пригубить.
Бринить в горі метелик, як літак.
Тобі бринить. Бо він востаннє любить».*

У цій сцені зустрічі людини з могутньою, вседайною землею, з просторами, в яких людина, мов той метелик, свою останню любов зустрічає, скрізь буяють вітри і співає природа. Саме тому в віршах Віри Китайгородської, як і слід було здогадатися, все вквітчане лісами і садами, всім чим нас обдарувала ненька-земля.

Віра Китайгородська – неабиякий майстер і розкриття чар і загадковостей навколишніх красот. Уміння знайти відповідні афористичні еквіваленти і барви для їх відображення і справді гідні пензля чаклунів. Глянемо і ми на один з цих нарисів вечірньої пори.

*Сніг відходив поночі, як турки,
Потемнів, осунувся і зник.
Вечір хоче гратися у жмурки,
І не проти місяць-молодик.*

Такий яскравий пейзаж, в якому вечір збирається «гратися у жмурки» з молодиком – рідкісне явище навіть в есенінських персоніфікаціях природи.

І це не одинока метафора, яка прикрашає збірку поетеси. Таких перлин і, справді, чимало в ній. Вони тут поруч, туляться одна до другої. Процитуємо декілька з них:

*Які зітхання. Ніч яка.
Усьому хочеться шептати.
І ловить місячна ріка
Форель в свої шовкові шати.*

І як тут не згадати есенінське:

*Какая ночь, я не могу,
Не спится мне,
Какая лунность;
Еще в душе я берегу
Давно утраченную юность...*

І далі по тексту:

*Часи старі, часи нові.
Де та межа? Де ті кордони?
Як тихий вечір у траві
Бере собі весну у жони.*

Парування шлюбом тихого вечора з весною – поезія найвищого лету, той вир, за яким не буває чвар і непорозумінь.

А далі виникають картини, на фоні яких зринають людські переживання, думи і сподівання. І все воно пов'язане з певними місцями, з певними пригодами.

*Сей цвіт, що ще лишився в Чернівцях,
Його лиш горстка – цвіту черемшини.
Гряде мороз і б'є у серце цвях –
Тонкий і довгий – як нічні години.*

Порівняння цвяха в серці з нелегкими нічними годинами знову ж таки винахід поетеси, який дає можливість зрозуміти суть самого явища. Саме воно – явище нелегких нічних годин ще більш яскраво зринає в інших рядках на цю ж тему:

*Ся ніч безсонна.
Ніч моя.
Заснуло сонце в кукурудзі,
Шукає місяць солов'я,*

А той сокоче сіно в лузі.

Таку жваву картину, яку склали сонце, що влаштувалося на ніч в кукурудзі, і місяць, який розшукує в лузі солов'я, справді, рідкісний винахід поетичного сюжету в ліричному заспіві.

У такому ж лірико-епічному звучанні поетеса присвячує свій вірш батькові, в якому бринять розголоси пієтету і розпач розлуки. І тут, на такому ж фоні всесвітнього олтаря, зринає поезія:

*Гусне і сиплеться світло,
Завтра – різдвяний вертеп,
Небо зірками засліпло,
Вітер під небом затерп.*

І знову ж неочікувані тропи, які надають віршам особливої принадливості. Саме в такій атмосфері поетеса звертається до батька, який давно покинув цю землю. Молитовно звучать її слова:

*Тату мій, царю небесний,
Наша пора настає.
Сиплеться сніг безшелесний –
Звідти, де ти в мене є.*

Через всю збірку Віри Микитівни магістрально проходять думки і міркування про місце і роль поезії і митця в суспільстві. І починає поетеса свої розсуди з розмови з солов'єм буковинської словесності Юрієм Федьковичем, в день його 170-річчя.

Охрестивши його символічним ім'ям «пана Гординського», поетеса з благоговінням об'являє:

*Вас закружляє історія в білому танго.
Вам відвінують зі слів золотих парастас,
Вам на кептар начіпляють медалей і рангів.*

У цьому романтичному ареалі поетеса бачить узагальнюючі процеси відродження і визнання рідного народу. І хоч «нація дуже повільно виходить з тюрми», визнання її світочів – ознака перемоги і тріумфу. Це «Нація, – з гордістю декларує поетеса, – бачить себе в історичному люстрі». І далі: «Пане Гординський, се нація вчиться мольби,/ Се прокидається кінь на гуцульське весілля».

У цьому контексті додамо, що Ю. Федькович був не тільки патріотом своєї нації. Він завжди виступав за міцну дружбу між народами, і зокрема гуцулів, тобто місцевих українців, з волохами – місцевими румунами і молдованами. Наприклад, в своєму творі «Буковина» він рече:

*Буковино, Волощино,
Мати моя, ненько!
Як на тебе подивлюся,
Гуляє серденько.*

*Там ті гори,
Наше море.
Поля золотіють.
Гуцул косу несе в росу,
Волох просо сіє.*

А що може бути більш величним, ніж дружба між народами в процесі праці?! На завершення авторка узагальнює свою розмову з співбесідником оголошенням про гідність і гордість нації, яку вона представляє:

*Пане поете, тут нація горда жиє,
І не вмирає, а лиш кам'яніє у глибі.*

*Ви запитайте, чи волю приймає, чи страх,
А чи одягне кайдани липкі, чи корону,
Пане поете, цей нарід – не впійманий птах.
Він кам'яніє, але не здає оборону.*

Ці звернення носять узагальнюючий характер і адресовані вони не тільки Ю. Федько-вичу, а й сучасним митцям, і не тільки їм. Тут скоріше ідеться про загальне кредо митця, про його місію в переломні часи.

Тема про роль поета і його місце в суспільстві – провідна в збірці «Ловіння вітру». Тут розглядаються всі риси і прагнення митців, які покликані не тільки для того, щоб оспівувати кохання і його безсмертні завіти, а і для того, щоб закликати до звитяжних подвигів, боротися за соціальну справедливість і завжди бути на передніх позиціях. Саме тому поетеса відмежовується від митців, які далекі від інтересів народу і пантрукують тільки свої особисті розрахунки. На її думку, такий віршомаз далекий від божого дару:

*То він сумує, то кує,
То сонно дише,
То слово вицвіле своє
Лівшею пише.*

(«До плачу ієропоетів»)

У своїх закликах до братів-поетів авторка збірки нагадує їм про ідеали, про священні інтереси, для рішення яких вони і приходять на цю землю. В таких випадках доводиться попереджувати недбайливих, нагадувати їм про священні заповіді:

*Не плач, поете, не питай,
Де взяти сили.
І Україну не ховай
В сиру могилу.*

*Ти ще не вийшов із облог
Душевних пусток,
Не зрозумів: єдиний Бог –
Свободи згусток.*

(«Спливла на морі білина»)

У другому вірші («Диктант для писаря») накреслені деякі з мажорних відповідальностей і обов'язків, якими поета нагородив Всевишній з першого дня його пришествя на грішну землю.

*Він духом янгола живе,
Він ловить час в шовкову сіту.
Поет – се грім, що небо рве,
Щоб напоїти спрагу світу.*

Ці могутні риси, які притаманні поетичній вдачі, і зумовили ті чудові потенціальні можливості, які скриваються в їх нетрях. Саме тому поетеса з такою вірою і впевненістю звертається з закликом до народу, до читача:

*Коли поет іде на ви
Осердям роду і народу,
Несіть блакитні хоругви –
Він поведе вас на свободу.*

(«Про квітку безсмертника»).

Rezumat

În articolul de față se propune o scurtă prezentare, cu unele analize succinte, a operei poetice a doamnei Vera Kitaigorodski, născută în raionul Kelmeneț, regiunea Cernăuți. Poezia dnei V. Kitaigorodskieste realizată în limba ucraineană.

Резюме

В данной статье представлен краткий анализ поэтического творчества Веры Китайгородской (род. в Кельменецком районе Черновицкой области) на украинском языке.

Summary

In this article the author presents short analyses of Vera Kitaygorodskaya's poetry (born in Kelmenetskii district of Chernovtsi region) in the Ukrainian language.

**ПРОЗА Я. ТИХМАНА КАК МЕЖКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН ХХІ ВЕКА
(БЫТ И ПРИТЧА В СИСТЕМЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ)**

Наступившее новое тысячелетие, едва переступив рубеж первого своего пятилетия, уже успело породить целый ряд культурологических феноменов, заслуживающих серьезного научного осмысления. Предпринимать такого рода осмысление «по горячим следам» достаточно рискованно, однако не предпринимать его означало бы пустить процесс функционирования культуры на самотек; между тем одна из задач современной культурологии – нащупать биение пульса сегодняшнего и завтрашнего дня, рассмотреть контуры формирующихся тенденций, выделить из общего потока новейшей культуры явления знакового характера.

В числе таких знаковых явлений – художественно-мемуарная проза Якова Тихмана, которая представляется нам межкультурным феноменом, типологически характерным для современной Европы в целом и для поликультурной ситуации Молдовы в частности: еврейский мальчик из маленького украинского местечка Зиньков стал одним из лидеров современной бизнес-элиты Молдовы и вместе с тем – самобытным русским литератором начала ХХІ века.

Первая книга «зиньковской прозы» Тихмана вышла в свет сравнительно недавно¹ и сразу вызвала определенный читательский интерес своей неподдельной свежестью, искренностью и непосредственностью. Как вскоре выяснилось, маленькая повесть о местечковом свате Мотле получила органичное продолжение². Объединенный текст цикла зиньковских миниатюр и романа «Мотл-Шотхен» мы и выносим ныне на суд научной общественности, ибо именно этот текст, взятый *in concreto*, представляется нам заслуживающим исследовательского осмысления.

Простодушно-незатейливая на первый взгляд, эта проза отнюдь не так проста, как может показаться. Она лукаво таит в себе множество глубинных смысловых пластов, открывающихся постепенно, как постепенно открывались глубинные пласты Руссо-Таможенника или Пиросмани... Внешний, зримый, почти осязаемый пласт текста (условно говоря, реалистически-бытовой) полон точных и живых подробностей, сочных деталей, ароматов, красок и звуков, создающих своеобразный эффект узнавания, некое «**дежа вю**»; хочется воскликнуть: да, это он, тот самый, безвозвратно ушедший в Лету, трогательный и чуточку смешной мир восточноевропейского местечка, легендарного «**штетла**», о котором теперь можно только ностальгически вздыхать и который по-прустовски живет еще в потаенных глубинах памяти нашего поколения – на уровне скорее чувственном и подсознательном, чем чисто интеллектуальном.

Здесь следует отметить, кстати, что еврейское местечко – **штетл** – еще ждет своего системного научного осмысления в различных аспектах: как восточноевропейский исторический феномен, как общеевропейское культурное достояние, как специфический литературный хронотоп, как особая культурологическая мифологема etc. С этой точки зрения текст Тихмана – неоценимый источник запечатленной бытовой культуры «штетла», неповторимый аромат которого доносит до нас сквозь время миниатюра «Чем пахнет Зиньков»:

«Каждый день в Зинькове имеет свой особый запах. По понедельникам и вторникам Зиньков пахнет пивом. Зиньковский пивзавод очень старый... В начале недели пиво развозят по магазинам, чайным и буфетам... В четверг и пятницу село пахнет колбасой. Зиньковскую колбасу знают по всей Украине... В четверг колбасу делают, и в тот же вечер, и в пятницу колбасу делают. Накануне базара ее коптят

почти в каждом дворе. В эти дни воздух насыщен копченостями и чесноком – они перебивают даже запах самогона...

Накануне субботы село пахнет баней... В воскресенье село пахнет базаром... Если это вечер в августе, все село пахнет сливами. В больших медных котлах варят сливы.

А если это весенние дни накануне Пасхи, то по всему селу разносятся запахи пышных пасок, мацы и разноцветных крашенок. И если у вас нет насморка, то в Зинькове вы точно определите, какой сегодня день»³.

Украинцы, поляки и евреи (православные, католики и иудеи) живут бок о бок, как добрые соседи, в этом почти сказочном, лубочном, расписном и ярком, как пасхальное яйцо, мире. Однако идиллический местечковый быт, при всем его ностальгическом очаровании, как уже было сказано, – только внешний, поверхностный слой тихмановского текста, под которым кроются другие, глубинные, мощные пласты метафорических, символических, мифологических значений, философских размышлений о вечных общечеловеческих ценностях, о жизни и смерти, о добре и зле, о том, что в мире много мудрости и много печали...

В специфике реализации указанных пластов особое значение имеет хромотопная поэтика текста, своеобразная игра со временем и пространством. В этом замкнутом **идиллическом хромотопе**, который на первый взгляд кажется вневременным, на самом деле есть свой ход времени, однако он определяется не сиюминутными общественно-политическими событиями, а круговоротом естественного ритма жизни, органично вписанного в вечный круг бытия.

Однако идиллия местечковой жизни – казалось бы, вечная – была жестоко разрушена безжалостным ходом Истории. О трагедии Холокоста написаны уже многие тысячи страниц, художественных и документальных. Не повториться, найти свои слова, которые были бы единственно верными, и при этом не впасть ни в излишнюю патетику, ни в чрезмерную сентиментальность – задача для художника в высшей степени сложная. Тихман ее решает скупыми, почти протокольными средствами:

«Людей загоняли в штольню прикладами автоматов. Потом шуцманы замуровали вход». А далее эти внешне бесстрастные строки, этот подчеркнуто скупой синтаксис простых предложений дополняет столь же скупая и сдержанная пейзажная зарисовка: «В те дни было очень ветрено. Под порывами ветра метались ветви высоких тополей и лип. По утрам большие, как никогда, капли росы падали с листьев одна за другой»⁴.

Такой **«крупный план»**, такая **лакримоза природы**, поднимающая музыку текста до высот Реквиема, выводит **хромотопную структуру** романа на **вселенский уровень**. Не случайно другой военный эпизод, где фашисты сжигают заживо людей в амбаре, образно решается через неслышный **диалог звезд в ночном небе**:

«Сквозь дыры в крыше на измученных людей смотрели звезды, большие и малые. Рахель подумала, что эти же звезды сейчас смотрят на Мотла и так же, как ее Мотл, соединяют людей... Амбар пылал, двери были заколочены...

Мотл, сжавшийся в комок у холодной стены окопа, смотрел на звезды. Вдруг выступили слезы, и ему показалось, что звезд стало больше...»⁵.

Вспомним еще раз название первой книги автора: «Свет упавшей **слезы**»; к метафоре слезы мы еще обратимся в ходе предстоящего далее компаративистского анализа.

Пока же отметим, что дополняет эту картину «мироздания по Тихману» другой хроно-топный символический пейзаж: первый послевоенный снег, выпавший в ту

ночь, когда родились первые дети послевоенной эры. «Снег покрывал черную землю, и даже ночью от него было бело и светло»⁶.

Примечательно, что и сказка, завершающая первую книгу, заканчивается тем же символическим мотивом снега, от которого на душе светло и радостно. Так замыкается новый круг бытия, и свет побеждает тьму.

Будучи несомненно самобытным, тихмановский текст вместе с тем связан множеством очень прочных нитей с мировой литературой. Вероятно, здесь уместно вспомнить известную мысль М. М. Бахтина о том, что в литературе существует объективная **память жанра**, логика традиции, подключающая автора к определенной историко-культурной цепи независимо оттого, осознает ли сам автор эту свою принадлежность.

В этой связи пристального внимания заслуживает жанровая природа рассматриваемого текста. Это, безусловно, **роман** со всеми присущими роману коллизиями, сюжетными ходами, интригами, психологическими портретами и т. д.; но вместе с тем это в значительной степени **автобиографическая** и **мемуарная** проза, глубоко личная дань памяти тем, кто ушел в небытие, кто сгорел в огне войны, и обращение к тем, кто пришел, чтобы сменить нас на вечной земле... И в то же время, это **притча**, многозначная, как и положено истинной притче. Наконец, последнее по списку, но не по значимости: это «зиньковские хроники» – именно хроники в том первоначальном эпическом и мифологическом значении, которое объединяет Библию и Шекспира, древние летописи и семейные предания. Некоторые из интертекстуальных связей поливалентного тихмановского текста мы попытаемся раскрыть в ходе предпринимаемого компаративистского анализа.

Одну из граней такой интертекстуальности условно можно обозначить как **«три судьбы Мотла в еврейской словесности»**. Как нам представляется, «Мальчик Мотл» Шолом-Алейхема, «Повесть о рыжем Мотэле, господине инспекторе, раввине Исаяе и комиссаре Блох» Иосифа Уткина и «Мотл-Шотхен» Якова Тихмана – три литературных текста, хронологически маркирующих целое столетие идишитской и русско-еврейской литературы⁷.

Напомним, что первая публикация серии рассказов Шолом-Алейхема о мальчике Мотле датируется 1907 г. (еврейский еженедельник «Дос юдише фолк», Вильно). В 1910 г. вышел русский перевод отдельным изданием под названием «Дети черты». Таким образом, еврейская литература XX века в значительной мере начиналась с маленького Мотла, сына кантора Пейси.

Затем на просторах бывшей Российской Империи, в том числе и в пределах пресловутой «черты оседлости», забурлили революционные страсти. Именно тогда поэт Иосиф Уткин написал свою поэму о рыжем портняжке Мотэле (первая публикация появилась в 4-м номере московского журнала «Молодая гвардия» за 1925 год). Полузабытая ныне, поэма Уткина отнюдь не так однозначно апологетична по отношению к Советской власти и не так проста в плане поэтики, как это может показаться на первый взгляд. В частности, она таит в себе скрытые библейские аллюзии и пародийно-иронические коннотации. Феномен Уткина как поэта, по нашему мнению, явно недооценен литературоведческой наукой, что мы и попытаемся показать далее.

Однако прежде всего необходимо хотя бы пунктирно обозначить **общие точки**, объединяющие все три текста в единую историко-литературную цепь, а также **ряд принципиальных различий**, касающихся специфики жанра, сюжетосложения и типологии персонажей.

Так, бросается в глаза сквозная общая черта анализируемых текстов: **серьезно-смеховое единство, слияние лирического и юмористического начал поэтики**

как отличительная константа еврейской ментальности вообще, как первооснова мировосприятия героев и авторов, для которых смех сквозь слезы и слезы сквозь улыбку – органичная норма и суть жизненной позиции.

На языковом уровне во всех трех текстах указанная константа реализуется через такие приемы, как **сказ, лексическая, синтаксическая, интонационная стилизация, тропика и др.** Объем настоящей статьи не позволяет подробно проанализировать указанные лингвостилистические приемы, требующие специального сопоставительного рассмотрения.

Остановимся несколько подробнее на другой общей черте, которая представляется доминантной; это, условно говоря, **топос Земли Обетованной**, скрытый в подтексте всех трех произведений.

Персонажи Шолом-Алейхема мечтают, конечно же, о ней – о земле, текущей молоком и медом. Однако контекстуальным синонимом Земли Обетованной выступает Америка. Именно туда и отбывает мальчик Мотл:

«Ура, мы едем в Америку! Где она, эта Америка? Не знаю. Знаю только, что это далеко, ужасно далеко! Туда нужно ехать и ехать до тех пор, пока не приедешь /.../ Колеса катятся. Мы качаемся и подпрыгиваем. Я подскакиваю на облучке и чуть не скатываюсь вниз от радости. Щекочет в горле. Петь хочется. Едем, едем, едем в Америку!»⁸

Справедливости ради отметим попутно, что эта метонимическая подмена Земли Обетованной Америкой была характерна не только для массовой еврейской ментальности XX века, – более того, она сотворена изначально не еврейской, а американской культурой. Именно американская культура, особенно в ее пуританском варианте, была весьма склонна мифологизировать Америку, позиционируя ее как некий равноценный эквивалент Холилэнда. **Пуританский миф**, возникший в менталитете первых американских переселенцев, питало прежде всего Писание, и особенно две его первые книги – Бытие и Исход, история избранного народа и его вхождения в землю обетованную. Для пуритан основой их собственной истории испытаний стала история скитаний израильского народа под водительством Моисея. Когда пуритане писали о Новом Свете, свою жизнь они часто описывали аллегорически, пользуясь библейской типологией, библейскими метафорами и символами.

«Пуритане привнесли в американскую литературу иудейское чувство чудесного, ожидание тысячелетнего царства – хилиазм, давшее начало формированию американской мечты, которую описал в конце романа «Великий Гетсби» (1925) Скотт Фицджеральд»⁹, – пишут Ричард Руланд и Малькольм Брэдбэри в своей истории американской литературы «От пуританизма до постмодернизма». Однако хилиазм – это отдельная проблема, требующая опять-таки специального культурологического рассмотрения; в рамках настоящей статьи мы посчитали необходимым затронуть ее хотя бы «по касательной».

Хронотопная структура поэмы Уткина, к которой мы переходим, также чрезвычайно показательна. Действие происходит в Кишиневе, причем достаточно условном; реальный Кишинев в 1925 году, когда писалась поэма, уже находился в составе Румынии, но для Уткина это несущественно. Существенно для него другое: контекстуальным аналогом Святой Земли выступает родной дом:

*Сколько домов пройдено,
Столько пройдено стран.
Каждый дом – своя родина, свой океан.*

И под каждой

*Слабенькой крышей,
Как она ни слаба, -
Свое счастье,
Свои мыши,
Своя судьба*¹⁰.

В такой системе координат особенно значимой становится пародийная аллюзия на поэму Блока «Двенадцать».

В самом деле, сопоставим тексты.

У Блока:

*Гуляет ветер, порхает снег.
Идут двенадцать человек.
Винтовок черные ремни,
Кругом – огни, огни, огни...
Свобода, свобода,
Эх, эх, без креста!*

У Уткина:

*Ветер гнусит у околицы,
Горю раввина вторит.
По торе раввин молится,
Гадает раввин
По торе.*

У Блока:

*...Так идут державным шагом –
Позади – голодный пес,
Впереди – с кровавым флагом,
И за вьюгой невидим,
И от пули неведим,
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной россыпью жемчужной,
В белом венчике из роз –
Впереди – Иисус Христос*¹¹.

У Уткина:

*На базаре
Мэд волнуется.
И не Мэд,
Весь ряд:
На вокзал по улице
Прошел отряд...
Но не к этому доводы,
Главное (чтоб он сдох!) –
В отряде
С могоендовидом
Мотька Блох!*¹²

Так начинается вторая глава поэмы, названная «Кишиневские чудеса», и это название глубоко не случайно: еврейский Кишинев становится топосом, где происходят библейские чудеса.

В таком контексте метонимическая замена блоковского **Христа** (с **белым венчиком из роз**) на **Мотьку Блоха** (с **могоендовидом**) носит прежде всего пародийно-сниженный характер, адресованный революционному пафосу Блока; отметим кстати ироническое созвучие фамилий **Блок-Блох**, вызывающее

читательские коннотации с «блохой». Но, вместе с тем, отнюдь не только этот сниженный пласт значений обнаруживается в поэтике Уткина. В самом деле, задумаемся: по Кишиневу **в сторону вокзала** идет отряд, возглавляемый не Христом, а Мотлом-Моисеем с могоендовидом, который, таким образом, снова ведет свой народ из рабства, погромов и нищеты в царство свободы и справедливости...

Обращаясь к Тихману, обнаруживаем, что типичный зиньковский пейзаж содержит ряд константных кодовых топосов, как бы растворенных в общем контексте, но ориентированных редуцированно опять-таки на Землю Обетованную. Вот они:

«Старая **турецкая крепость** была недалеко от дома Трахтов. Внизу, под холмом, красивая широкая река текла с запада на юг. Вдали виднелась водяная мельница, ближе к крепости – пивной завод и костел. Слева – красивый став и **купола церкви**, а справа, на холме, – **еврейское кладбище**»¹³.

Вычленив из текста **старую турецкую крепость, костел, купола церкви и, наконец, еврейское кладбище**, мы получим Зиньков как средоточие всех мировых религий, то есть, иначе говоря, – как **хронотопную модель Иерусалима**.

Таким образом, перед нами все тот же общий **топос Земли Обетованной**, скрытый в подтексте всех рассматриваемых произведений.

Перейдем, наконец, к различиям. Они могут быть рассмотрены, как уже было заявлено, на уровне жанра, типологии героев, сюжета. Что касается жанровых отличий, они очевидны: цикл повестей у Шолом-Алейхема, поэма у Уткина, роман у Тихмана. Все три жанровых образования объединяет, однако, их общая **эпическая** природа, что чрезвычайно важно.

Наибольший интерес представляет, как нам кажется, типология главных героев, которая видится ключевой для осмысления рассматриваемой проблематики.

Мотл Шолом-Алейхема – прежде всего мальчик, ребенок, дитя человеческое, затерянное в огромном мире, но в нем заложен позитивный оптимистический потенциал, закодированный в его безыскусном афоризме «Мне хорошо, я сирота».

Мотл Уткина – персонаж весьма неоднозначный, многоликий. Он – маленький портняжка, сирота, как и герой Шолом-Алейхема.

Но он же – комиссар, революционный лидер. При этом он – пародийный двойник Блока. И, наконец, как уже было сказано, в подтексте он – духовный вождь еврейства, вооруженный могоендовидом и призванный вывести народ из рабства.

Третий в этом литературном ряду, Мотл Тихмана, прежде всего «Шотхен», то есть сват, сват по духу, по призванию, по своей гуманистической функции. Дело его жизни – соединять человеческие судьбы-половинки, объединять разрозненный мир, чтобы род людской продолжался. На протяжении романа он из полукомической фигуры местечкового свата, знающего толк в хитростях своего деликатного ремесла, вырастает до трагических масштабов библейского Иова, которого Всевышний подвергает невыносимым испытаниям, отбирая у него все, даже детей. И как Иову, Бог в конце концов дарует Мотлу новых детей, а затем еще и возвращает прежних.

И, наконец, главное различие трех сопоставляемых персонажей – сюжетная развязка их судеб.

Мальчик Мотл, напомним, отправляется искать свое еврейское счастье в Америку.

Финал поэмы Уткина подчеркнуто полярен по отношению к шолом-алеихемовскому: рыжий портняжка Мотэле принципиально отказывается уезжать в Америку; он остается дома, дабы «штопать наши прорехи»:

*Золото хуже меди,
Если рукам верите...
И Мотэле
Не уедет,
И даже
В Америку.
Не-ет, он шагал недаром
В ногу с тревожным веком.
И пусть он – не комиссаром,
Достаточно –
Че-ло-ве-ком!
Можно и без галопа
К месту приехать:
И Мотэле будет штопать
Наши прорехи¹⁴.*

Третий наш герой, Мотл-Шотхен, уезжает из Зинькова в Израиль, и главная его свадьба еще впереди, а Зиньков остается в душе героев нежным воспоминанием местечкового прошлого...

Другая аллюзия в тексте Тихмана, которую хотелось бы отметить – шекспировская: это история современных Ромео и Джульетты. Дважды воплощается в романе классический мотив разлученных влюбленных, однако развязки у него разные. Первый раз это печальная история любви Ивана и Элочки, которые были созданы друг для друга, но все откладывали свой союз, потому что их близкие упрямо не желали отдавать любимое чадо «чужому». А потом красавица Элка сгорела заживо в огне фашистского костра, оставив своего суженого навеки одиноким... И та же ситуация пугающе повторяется в истории Мони и Марии, причем в этот раз на пути влюбленных оказывается сам Мотл. Так судьба послала Свату испытание, перед которым он дрогнул и чуть было не совершил непоправимое; с упорством безумца цепляясь за прошлое, он едва не уничтожил то, во имя чего жил.

Но дети нового поколения, к счастью, оказались в чем-то мудрей и сильней родителей. Они сумели сами спасти и сохранить свою любовь, – сын Двойры, некогда согрешившей с украинцем-пастухом, и дочь Мотла, которую буквально с того света, из братской могилы вытащила украинка Вера. (Кстати, отметим библейскую символику имен: Моня – Эммануил – переводится как «С нами Бог»; Мария, по христианской символике, – Богородица. А ее приемная мать – Вера; она и объединила влюбленных...). Так шекспировская аллюзия переплетается с библейской.

В этой связи отметим другую интертекстуальную переключку. Одно из самых пафосных, возвышенных и прекрасных мест романа – монолог прощания героя с Зиньковым:

«Мы помним все: и дожди, и запах, когда варится сливовое повидло, почему-то похожий на звук колокола, и вкус драгоценной древесной смолы, и то, как пружинит под ногами летняя пыль. Все, что ты дала нам, мы приняли, – говорил Моня, обращаясь к земле. – Что можем мы дать тебе, кроме любви?.. Кто-то любит тебя, оставаясь здесь. Кто-то уносит эту любовь в другие края, как ветер уносит семя. Но от этого она не слабеет, а, может быть, наоборот, становится еще сильнее... Не знаю... Знаю только, что ты и мы – одно. Где бы мы ни были... Я слеплен из тебя, а ты несешь на себе мой след. Нет следа четче того, который оставляет ребенок...»¹⁵.

И поскольку Зиньков, как уже было сказано, есть местечковый аналог Иерусалима, то этот монолог выступает как контекстуальный парафраз на библейский текст: «Аще забуду тебя, Иерусалиме, да прильпнет язык мой к гортани моей...» (Псалом 136).

Отсюда – следующий круг сложных аллюзий, вписывающий тихмановскую прозу в гуманистическую традицию русской литературы, самобытным продолжателем которой автор предстает, и связанный с «достоевской» темой слезинки страдающего ребенка и утраты детей, о чем уже упоминалось ранее. (В этом смысле «Свет упавшей слезы» воспринимается аллюзией на известную формулу Достоевского о слезинке ребенка как высшей этической ценности.)

Напомним, что в «Братьях Карамазовых» также напрямую цитируется строка 136 псалма об Иерусалиме. Ей предшествует предсмертная просьба Илюши Снегирева: «Папа, не плачь..., а как я умру, то возьми ты хорошего мальчика, другого... назови его Илюшей и люби его вместо меня». Реакция отца знаменует абсолютное неприятие подобного замещения: «Лицо его было исступленное, губы дрожали. Он встал пред обоими молодыми людьми и вскинул вверх обе руки. – Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика! – прошептал он диким шепотом, скрежеща зубами. – *Аще забуду тебя, Иерусалиме, да прильпнет...* Он не договорил, как бы захлебнувшись...».

Неслучайность библейской ориентации этого горестного отцовского бунта подчеркнута не только обращенным к небу жестом вскинутых рук, но и повторной акцентуацией ссылки на Иерусалим в последующем диалоге Коли Красоткина и Алеши Карамазова:

«– Это что он такое про Иерусалим... Это что еще такое?»

– Это из Библии: «Аще забуду тебя, Иерусалиме», то есть если забуду все, что есть у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...

– Понимаю, довольно...»¹⁶.

Что же касается Зинькова-Иерусалима, то в высшей степени закономерно, что именно зиньковский дух межкультурного единения и интернационального братства торжествует на свадьбе молодых влюбленных Мони и Марии, превращая ее в грандиозный ликующий «пир на весь мир» (по Некрасову) и одновременно – в новый аналог шиллеровско-бетховенского вселенского хора «Обнимитесь, люди мира!».

И, завершая этот разговор о прозе Тихмана, отметим еще один круг интертекстуальных аллюзий. Он заключается в том, что на карте мировой культуры, где уже давно обозначены Лондон Диккенса и Париж Бальзака, Петербург Достоевского и Одесса Бабеля, Ершалаим Булгакова и Витебск Шагала, Касриловка Шолом-Алейхема и Рашков Шрайбмана, – появилась еще одна крохотная, но ярко и тепло светящаяся точка: Зиньков Тихмана. И это теперь навеки.

Примечания

¹ Тихман Я. В. Свет упавшей слезы. Кишинев, 2003.

² Тихман Я. В. Мотл-Шотхен. Кишинев, 2005.

³ Тихман Я. В. 2003. С. 68-69.

⁴ Там же. С. 46.

⁵ Там же. С. 44.

⁶ Тихман Я. В. 2005. С. 57.

⁷ Впервые опыт подобного тройного сопоставления был предпринят нами в докладе на VIII Международном Конгрессе Европейской Ассоциации исследований по иудаике летом 2006 г. См.: Kleiman R. Three fates of Motle in modern Jewish literature // European Association for Jewish Studies. VIII International Congress. Moscow, 2006. P. 155-156.

⁸ Шолом-Алейхем. Собр. соч. в 6 т. Т. 3. М., 1960. С. 88,95.

⁹ Rulând R., Bradbury M. From Puritanism to Postmodernism. New York, 1991. P. 16.

¹⁰ Уткин И. Стихотворения и поэмы. М.–Л., 1966. С. 269.

¹¹ Блок А. А. Соч. В 2 т. Т. 1. М., 1955. С. 528, 534.

¹² Уткин И. Указ. соч. С. 273, 274.

¹³ Тихман Я. В. 2005. С. 24.

¹⁴ Уткин И. Указ. соч. С. 286, 287.

¹⁵ Тихман Я. В. 2005. С. 252, 253.

¹⁶ Достоевский Ф. М. Собр. соч. в 30 тт. Т. 14. С. 507, 508. Подробнее об этой аллюзии у Достоевского см.: Клейман Р. Я. Достоевский: константы поэтики. Кишинев, 2001. С. 104-109.

Rezumat

Chiar la începutul sec. XXI, Y. Tihman a propus în romanul său, scris recent, varianta unui Motl evreiesc-pețitor de vocație, cu o profundă esență umanistă. Articolul prezintă o analiză comparativă intertextuală a cărții.

Резюме

В самом начале XXI в. Я. Тихман в недавно завершеном романе представил свой вариант еврейского Мотла – свата по духу, призванию, по глубинной гуманистической сути. В статье книга осмыслиется как объект интертекстуального компаративистского анализа.

Summary

In the very beginning of XXIth century Jacob Tichman in recently finished novel proposed his own variant of Jewish Motle where this character was a matchmaker in spirit, in calling, in deep humanistic essence. This book is examined in the essay as an object of intertext comparative analysis.

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В ПОДРОСТКОВО-ЮНОШЕСКОЙ ПРОЗЕ

1. Подростковое одиночество

Говоря о проблеме одиночества, мы привыкли связывать его, в основном, с людьми пожилого возраста. Известный российский поэт, наш земляк Кирилл Ковальджи пишет:

*Никто. Нигде. Никогда.
Вот оно – одиночество.
Нет у него ни отчества,
Ни имени. Пустота¹.*

Как бездомный пес, это чувство увязывается за многими. И избавиться от него не просто. Пристает оно и к подросткам, и к юношам, и к мужающим молодым людям, и к взрослым, и к престарелым. И в каждом возрасте есть у одиночества своя специфика.

Попытаемся, опираясь на исследования американского психолога Эрика Г. Эриксона², определить его самые общие отличительные черты. (Характеризуя возрастные особенности, специально признаки одиночества он не выделяет.)

Итак, в подростковом периоде одиночество вызвано, на наш взгляд, преимущественно чувством неполноценности, которое обусловлено сознанием своей некомпетентности и неконтактности (подробнее см. ниже).

В юности одиночество во многом, полагаем мы, подготовлено «диффузным, расплывчатым "Я", ролевой и личностной неопределенностью» и, добавим, новыми психосексуальными интересами, не встречающими ожидаемого понимания.

В молодости одиночество не в последнюю очередь обусловлено неудовлетворенной потребностью «в интимной психологической близости с другим человеком, включая сексуальную», а также с чувством изолированности.

В период взрослости одиночество может быть вызвано ощущением появившейся стагнации, топтания на месте.

И, наконец, в зрелом возрасте (или старости) к одиночеству человека могут привести разочарованность и отчаяние.

Однако целый ряд ученых-психологов, среди которых И. С. Кон, С. В. Кривцова, И. В. Дубровина и др., полагают, что вообще это переживание – «возрастное новообразование».

Оно обладает специфическим свойством, которое дает о себе знать «впервые в подростковом возрасте в результате развития познавательной и эмоциональной сферы личности и перехода подростка на новый уровень самосознания»³.

Позволим себе некоторую художественную вольность, утверждая, что есть все-таки у одиночества «Имя». И это – Отрочество, которое в дальнейшем нюансируется, приобретая характер «многоимья», как у некоторых народов Востока. Есть у него, на наш взгляд, и «Отчество». И скорее всего, это – Пустота, как удачно обозначил данное состояние Кирилл Ковальджи.

Ученые указывают на два момента в переживании одиночества, а также в его влиянии на личность подростка.

Во-первых, одиночество обогащает его внутренний мир, дает возможность ощутить себя личностью, раскрыть своеобразие.

Во-вторых, это переживание способно в то же время вызвать отчаяние, депрессию, спровоцировать поведенческие аномалии и даже привести к суициду.

Но почему все же у человека всегда возникает боязнь перед перспективой остаться одному? В чем причина? Чтобы понять это противоречивое явление, заглянем вглубь истории. Там, на заре цивилизации, человек, оставшийся один, погибал. Он был не в состоянии в одиночку противостоять окружающему миру. И потому для него в первобытном обществе не существовало ничего страшнее изгнания. Это наказание – отлучение человека от сообщества, обречение его на одиночество – оказалось весьма живучим. Оно дошло до наших дней и сохранило в своей «сердцевине» основное – страх.

Наказание одиночеством в наши дни стало более изощренным: это и обструкция, и бойкот, и «заговор молчания», и отказ от общения, и заключение в пенитенциарных учреждениях в камеру-одиночку, и отлучение от «тела» в супружеской жизни и пр.

Одиночество начинается с осознания изолированности, отъединенности. Оно приносит боль, когда человек связывает свою обособленность с отсутствием друзей, любви, живого человеческого общения.

«Для одиночества, – пишет Т. Хопрова, – необходима сила характера. Легче долгое время переносить других, чем самого себя, – уже по одному тому, что других все же приходится переносить в жизни лишь отчасти, а не всецело»⁴.

А вот силы-то характера у подростка и не хватает. И он особенно остро переживает это сложное психологическое состояние – одиночество. Нередко избегая контактов со сверстниками, он втайне испытывает в них настоящую потребность.

Подобные переживания хорошо переданы в повестях русских прозаиков Молдовы – Лидии Латьевой («Чудинка», «Ирка», «Братва»), в рассказах Софьи Шапошниковой («Парашют не раскрылся»), Александра Шишкана («Семь городов "Сиболы"»), Анатолия Клименко («Окно в степь») и др.

Что же вызывает у подростка «синдром одиночества»?

Психологи приводят несколько групп факторов. К первой относят особенности этого возраста⁵. Прежде всего – стремление познать себя как личность. Но для самоанализа у подростка недостает еще опыта. Это порождает неуверенность в собственных силах, что усугубляется несоответствием его характера найденному идеалу.

Возникает убеждение, что его, подростка, никому не понять, а до глубин внутреннего мира никому не добраться. Подросток начинает оценивать себя как неповторимую личность: он ни на кого не похож, понять и оценить его никто не в состоянии. Это убеждение загоняет подростка в клетку одиночества.

Кроме того, в этот и без того сложный период подросток пытается перейти от привычного общения с родителями и другими авторитетными для него взрослыми, на преимущественный контакт со сверстниками. Однако достаточного опыта общения с ними у него нет, он не получает ожидаемого понимания и замыкается, что, естественно, ведет к переживанию одиночества.

В то же время подросток, чтобы разобраться в себе, нуждается в уединении. Но если уход от общения становится нормой, это уже свидетельствует о каких-то отклонениях в психике.

Типичные для подросткового возраста кризисы – кризис идентичности и кризис самооценки – также ведут к одиночеству.

Во вторую группу факторов входят личностные особенности подростка: «застенчивость, заниженная самооценка, завышенные требования к себе или другим, нереалистичные ожидания и представления о любви, дружбе и общении и т. п.»⁶.

К третьей группе можно отнести социальные факторы. Это отсутствие круга общения, разрыв дружеских отношений, отторжение сверстниками и др.

К четвертой – все, что связано с семьей подростка, с типом семейного воспитания. Определяющую роль тут играют дисгармоничные отношения в семье – отсутствие доверия и уважения, конфликты, физическое насилие и т. п.

Все это препятствует воспитанию навыков нормального человеческого общения, отдаляет подростка. Неверие в его силы со стороны взрослых порождает в душе неуверенность, укрепляет его убеждение в своей никчемности, неспособности, несостоятельности. А это ведет к одиночеству.

Различают три его вида:

- временное (которое можно сравнить с внезапным приступом болезни);
- ситуативное (возникшее в связи с каким-либо стрессом – разлукой, смертью близкого человека и т. д.);
- хроническое (вызванное длительным отсутствием общения).

Что же советуют специалисты? Психологи, как и писатели, считают, что необходимо «разделить переживание». В книге «Когда Ницше плакал» И. Ялом в свое время писал: «Одиночество существует только в одиночестве. Разделенное одиночество умирает».

Дисгармоничность отношений в семье толкает подростка за пределы дома. И чаще всего он ищет возможность разделить свое одиночество на улице, в компании гитаристов-любителей с их культом силы, которые приобщают новичков к «музыкальному наркотику»⁷.

Но настоящим музыкальным фанатом подросток становится лишь на концертах рок-музыкантов. Там он развивает чрезвычайную интенсивность чувствования, что нередко доводит его до суицида.

Неразделенное внимание кумира заставляет фэна страдать, рождает автоматизм привязанности. Подросток обклеивает свое жилище плакатами, фотографиями, вырванными с «мясом» клочками одежды кумира и т. д. Он зажигает свечи у его фото и способен часами не сводить с него глаз.

Самоизолируясь от мира, подросток отвергает былые ценности и авторитеты и подражает лишь своему избраннику во всем – в одежде, манере говорить, в поведении и т. д. И идет этот «музыкальный наркоман» за своим божеством до конца. Уход из жизни кумиров, как правило, вызывает эпидемию суицида.

Дарья Аптекарева пишет: «...Самоубийства фанатов – давно известное явление. В 1994 г. смерть лидера группы "Nirvana" спровоцировала целую эпидемию суицида (многие фэны группы до сих пор считают своим долгом засунуть в рот дуло пистолета, достигнув 27 лет – возраста, когда застрелился Курт Кобейн)».

Не менее потрясающи и факты ухода из жизни фэнов после гибели Виктора Цоя. Общее количество самоубийств увеличилось тогда «на 30%, в основном за счет подростков. На почве любви к погибшему солисту "Иванушек Интернэшнл" Игорю Сорину девушки в возрасте 12-15 лет выпрыгивали из окон»⁸.

Ученые полагают, что многое в жизни подростков зависит от самих музыкантов – от их репертуара и поведения на сцене. Ведь песня – «не просто набор слов и рифм, – справедливо считает психолог А. Сучкова, – а некое сообщение, посылаемое аудитории»⁹.

И если песня агрессивна, несет в себе призыв к действию, то она неизбежно вызовет адекватную реакцию у подростка – он совершит экстремальный поступок. Но когда песня лирична, она пробуждает в жадно внимающем слушателе желание разделить свои эмоции с дорогим человеком, заглянуть в свою душу и найти там светлые мотивы.

Что же все-таки делать? И как помочь подростку, живущему на границе – между детством и юностью? Прежде всего, думается, следует начать с себя. Чем гармоничнее отношения в семье, тем больше вероятность того, что подросток найдет понимание. А это главное. Он должен почувствовать, что не одинок, ибо именно это острое ощущение своего одиночества толкает его к непоправимому шагу.

Чутким вниманием и тактом к фантазиям подростка, его сомнениям, пробуждающемуся в душе неверию в ценность сущего отличаются взаимоотношения взрослого Алексея и подростка Тимки в повести писателя Молдовы Вадима Чиркова «Остров Гризоль»¹⁰.

Медленно, ненавязчиво Алексей раскрывает перед Тимкой истинные ценности жизни, богатства, тайны и романтику природы, прекрасное, заключенное во всем, что окружает человека на Земле.

И подростковый нигилизм отступает. Подросток сознает: он не одинок, его понимают, с ним дружит, а не отвергает мир.

Стремление уйти от одиночества, выразить протест тем, кто его, подростка, не понимает, приобретает порой уродливые и даже пугающие формы.

На рубеже тысячелетий в условиях обострившейся в мире катастрофики сознания, когда многие взрослые, живя в состоянии постоянного стресса (неустроенность, отсутствие работы, нестабильность политической и экономической жизни и пр.) разводятся, уходят в загул, прибегают к суициду как способу вырваться из замкнутого круга, подросток остается один на один с жизнью. Куда, за кем идти?

Он теряет веру в порядочность, надежность, любовь, религию. Бог, который не может его защитить, перестает быть опорой: нет больше Рая. Вдали маячат очертания Ада. И тогда становящийся человек ищет поддержку у антипода Бога – у сатаны.

Наиболее яркое свое выражение это находит на Западе. Однако сегодня, по вине кино и телевидения, активно насаждающих культ крови и насилия, указанную тенденцию можно уже наблюдать во многих других странах мира, в том числе и в Молдове.

И потому отнюдь не случайно, что американский рок-певец и музыкант Мэнсон становится, к сожалению, эталоном для некоторой части подростков. Ему, создающему культ Сатаны (в старину, кстати, этим словом – сатан – называли противника), подростки безгранично верят и готовы исполнить любое его желание.

В Сатане подросток начинает видеть единственного спасителя. Ему он молится, поклоняется, приносит жертвы, ради него кладет порой на алтарь новой веры даже собственную жизнь, но прежде по «черному списку» старается устранить тех, кто «недостойн» Сатаны (Канал ДТВ, 14.10.2005).

Чтобы быть замеченным, выделиться из общей массы, подросток вырезает на теле знаки Сатаны, прокалывает язык, уши, нос, руки, использует обряды и ритуалы сатанизма, заводит змей, черных котов, ставит у изображений Сатаны – своеобразного иконостаса – свечи.

Характерной чертой времени становится, как мы уже отмечали, необычайная интенсивность чувствования подростка, чему способствует «тяжелый» рок, музыка, зомбирующая его, поднимающая из глубин подсознания темные силы. И подростки, окруженные плотной аурой негатива, не выдерживают натиска – уходят из жизни в тот, иной, параллельный мир Ада, где царствует их «спаситель» – Сатана. Чувства подростка, как мы видим, эмансипированы тут до земного предела.

2. Юношеское одиночество

Характеризуя юность, Эриксон связывает ее с появлением у представителей этого возраста чувства непохожести на других, неповторимости и, в то же время, личностной неопределенности.

Девушки и юноши расширяют рамки своих ролей, но не усваивают их до конца, а как бы постоянно меняют маски.

Они по-новому чувствуют время, у них шлифуется самосознание, формируются психосексуальные интересы и дают о себе знать патогенные процессы.

Проблемы юношеского одиночества, поиска общения, понимания и любви поднимают в своих произведениях молдавские прозаики Николае Есиненку, Николае Виеру, Николае Русу, Андрей Бурак, Аурелиу Бусуйок (в романе «Один перед любовью»); литераторы, пишущие на русском языке, – Аркадий Малашенко (повесть «Я приду за тобой, Амгуэма»), Валентина Батяева (сборник рассказов и повестей «Белый соболь удачи»), Ирина Найденова (сборник рассказов «Сквозь солнечный дождь»), Владимир Цеслюк (повесть «Дом под снос») и др.

Сложные чувства ненужности, неконтактности, отверженности, желание быть замеченным и услышанным, если уж не в земном, то хотя бы в параллельном мире – в Мировом городе – на небесах – испытывает взрослеющий герой Андрея Белозерова (г. Тирасполь) в его повести «Всегда сейчас»¹¹. Не найдя понимания, не в силах справиться с гнетущим одиночеством, его герой с ранимой душой подростка кончает жизнь самоубийством.

Кто виноват, когда утрачена вера? Что делать, если тебя не слышат и на небесах? Виноват во всех бедах – Бог, считает, например, молодой человек Павел М. из города Тимишоара (Румыния). И его, Бога, надо судить.

Это он толкнул Павла в руки дьявола, из-за него Павел совершил убийство!

И М. подает исковое заявление в суд, носящее анекдотический характер, но недвусмысленно говорящее о глубине психологической травмы, которую нанесло ему время, лишив веры. Этот факт, взятый из реальной жизни, – крик отчаявшегося человека наших дней.

«Я, – обращается он в суд, – нижеподписавшийся Павел М., отбывающий в настоящее время наказание в виде 20 лет лишения свободы за убийство, прошу возбудить уголовное дело в отношении Бога, проживающего на небесах и представленного здесь Румынской православной церковью, по факту следующих преступлений: обман, укрывательство, злоупотребление властью, манипулирование людьми, взяточничество».

Можно, конечно, усмехнуться, прочитав этот иск, посчитать его бредом умалишенного или, наконец, просто шуткой. Но вот мотивировка иска. Молодой человек считает, что Бог во время крещения младенца взял на себя обязательство беречь Павла от бед и от Сатаны. А вместо этого требовал только дары. И Павел оказался в руках Дьявола.

В трудную минуту необходимо было внимание, но его, увы, не было. И тот, иной мир, остался глух к мольбам человека.

Другой молодой герой, из повести российского писателя Александра Волкова «Каждый из нас» (www.proza.ru.2005), испытывает острое чувство одиночества с подросткового возраста, затем оно преследует его в юношеские, в студенческие годы, наконец, даже после счастливой женитьбы, потому что вскоре гибнет его беременная жена. И страх перед одиночеством заполняет его душу.

Но вот концовка повести: герой лежит на операционном столе (сердце) и слышит как просит, как умоляет спасти его бухгалтерша из соседнего отдела той конторы, где он работает.

И он думает, умирая: «Бухгалтерша... и как она умудрилась прорваться? Ну хоть сейчас не одинок буду. Страшновато немного».

Но он уже уходит из жизни с улыбкой, ибо получил в последние минуты опору, веру и понимание. Слова сотрудницы вытеснили из его души одиночество и даже стали изживать страх. Другими словами, человеку нужна психологическая поддержка. В любом возрасте. Она должна способствовать «преобразованию одиночества в позитивное переживание».

Для этого, полагают ученые (М. А. Галагузова, Н. Н. Загрядская и др.), для подростка, например, следует создать определенные внутренние условия формирования его желания, готовности изменить ситуацию, для чего помочь ему понять причину его одиночества, преодолеть страх, неуверенность, вооружить навыками самопознания.

Далее следует изменить некоторые внешние условия для превращения состояния одиночества в положительное переживание, для чего способствовать налаживанию отношений с семьей, сверстниками, школой. Все сказанное относится и к юношескому возрасту.

Однако эти рекомендации носят лишь самый общий характер. У каждого подростка и юноши – свое одиночество. И нет ключа, который подошел бы ко всем замкам.

Примечания

¹ Ковальджи К. Зерна. Книга краткостишй. М., 2005. С. 37.

² Анциферова Л. И. Эпигенетическая концепция развития личности Эрика Г. Эриксона // Принцип развития в психологии (отв. ред. Л. И. Анциферова). М., 1978. С. 212-242.

³ Киселева В. Подростковое одиночество: причины и последствия // Воспитание школьников, № 6 М., 2003. С. 47.

⁴ Хопрова Т. Антон Григорьевич Рубинштейн. М., 1987. С. 90.

⁵ Киселева В. Указ. раб. С. 47.

⁶ Ibidem. С. 48.

⁷ См. об этом в фильме автора «Никушор из племени ТВ». Молдова-филм, 1975 и в его повести «Колесо над пропастью» (М., 1980), в которых подросток Никушор сходится с уличной группой горемузыкантов-Дирижером, Громом и Прилипалой.

⁸ Аптекарева Д. Фанатки без оглядки (Музыка программирует подростков на суицид) // Аргументы и факты. 2005, № 14. С. 17.

⁹ Ibidem. С. 17.

¹⁰ Чирков В. Здесь ключ от города. Кишинев, 1977.

¹¹ Информация // Кишиневские новости, 2005, 21 октября. С. 10.

Rezumat

În articolul de față este vorba despre singurătatea adulților și adolescenților, despre reflectarea acestei probleme în literatura rusă din Moldova.

Резюме

В статье речь идет о подростковом и юношеском одиночестве и отражении этой проблемы в русской литературе Молдовы.

Summary

In this article, teenage and young people loneliness is studied as well as the reflection of this problem in the Russian literature of Moldova.

С. П. ПРОКОП

**ХРОНИКА ОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ДИСКУССИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ МОЛДОВЫ II ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА)**

В становлении местной русской литературы немаловажную роль сыграли литературные дискуссии. Вызванные различными «раздражителями», они, по сути, явились той «лакмусовой бумажкой», окрашивание которой свидетельствовало о том, что русская литература, вписывающаяся в общий республиканский литературный контекст, жива. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения, что споры о поэзии, ее роли в духовной жизни общества, о периодах подъема и кризиса уже сами по себе говорят о том, что поэзия продолжает вдохновлять не только самих поэтов, но и критиков. Ведь литература жива лишь тогда, когда ее читают, ее обсуждают, о ней думают, о ней говорят. И коль в дискуссиях заходит речь о ее современном состоянии, о перспективах развития, значит, включенность в общий литературный и критический процесс – бесспорна. Круг проблем, связанных с развитием литературы, в частности поэзии, сужается или расширяется в зависимости от Времени, вернее, Эпохи.

В середине 70-х в рамках всесоюзного литературного контекста широкий резонанс обрели дискуссии, развернувшиеся на страницах журнала «Вопросы литературы». В одной из них речь шла об определенных тенденциях в движении поэзии. Признавая право критиков на полемическую заостренность положений и выводов, носящих дискуссионный характер, редакция журнала поддержала разговор о состоянии современной поэзии, опубликовав целый ряд материалов: «Необходимые противоречия поэзии» (В. Соловьев)¹, «Если внимательно взглядеться» (И. Денисов)², «В поисках главного слова» (В. Акаткин)³, «Поэт говорит о времени и о себе» (Г. Эмин)⁴, «Необходимы ли противоречия в поэзии?» (Г. Асатиан)⁵, «Поэзия в свете информационного взрыва» (Вяч. Куприянов)⁶. «Не поэзия кризисна, она – зеркало, она кричит о кризисах мира», – цитировали А. Вознесенского участники полемики.

Не менее страстными по накалу и проблематике были дискуссии, вынесенные на страницы периодических изданий нашей республики. Они стали событием в литературной жизни Молдовы, поразив разнообразием поставленных вопросов и проблем. Так, например, спор о басне, в которую включились Г. Перов и М. Хазин, вызвал немало интересных мыслей о ее специфике как стихотворного произведения, о функции афоризма в ней, о роли поэта-сатирика и т. д.⁷

Поводом к серьезной дискуссии, которая началась на страницах газеты «Молодежь Молдавии» в 1987 году, послужила статья нескольких молодых авторов «Разговор начистоту» в журнале «Кодры»⁸. На нее отреагировал А. Бродский статьей «Затмение»⁹. В поле зрения известного в те годы переводчика попали два десятых номера журнала «Кодры» – за 1986 и 1987 годы. Оба они были созданы силами молодежной литературной студии при редакции журнала. Первое, что «задело» А. Бродского – вступительное слово К. Шишкана к одному из номеров, в котором говорилось о том, что «речь идет не о литобъединении начинающих», а о «профессиональной мастерской», объединившей в своих рядах талантливый актив пишущих на русском языке молодых авторов республики – поэтов и прозаиков, переводчиков и критиков, успешно участвующих в литературном процессе». А.

Бродский, отметив упрек, высказанный в адрес литературной критики, которая якобы молчит, не реагируя на выходящие в свет их первые и вторые книги, начал по сути большой и серьезный разговор о творчестве молодых.

«Почему у нас так мало хороших русских „молодых” авторов?», «Почему эти „молодые” такие пожилые?», «Почему по пять-семь лет лежали в литературной консультации Союза писателей рукописи, не удостоившиеся даже обсуждения в русской секции?» – эти отнюдь не риторические вопросы автор статьи адресовал главному редактору известного в те годы литературного журнала, упрекнув тем самым его еще и в том, что в обоих номерах внимание критика могли бы привлечь произведения «подающих надежду» и других молодых авторов: С. Мосовой, Е. Шатохиной, В. Толкова, С. Сиволобова, И. Гергенрёдера, И. Нестеровской, В. Ткачева, Н. Сундеева, В. Костишар, которые в него не вошли. Однако А. Бродский занял двойственную позицию, заявив, что «первый студийный номер „Кодр” все-таки не слон, чтобы его можно было „ухитриться” не заметить». Не замечен он в силу того, что «не блещет из ряда вон выходящими художественными открытиями, не воспеть которые было бы непростительно». И тут же, противореча себе, в рассуждениях о поэзии молодых замечает, как «живое женственное дыхание и легкость выделки рассказов С. Мосовой» доставляют ему «радость общения с художественным текстом, вызывая сочувствие к светлой душе, замотанной бытом и однообразной работой», как «доботно и просто» пишет С. Сиволобов. Не обходит своим вниманием и В. Толкова, единственного, которого, как он считает, «трудно упрекнуть в бескрылости». Проявив алогичность своих критических умозаключений, критик заключает, как выносит приговор: «Так или иначе, продолжая разговор о двух молодежных номерах „Кодр”, я считаю нужным со всей определенностью повторить: в общем и целом наша литературная критика мало что потеряла. Да, есть отдельные по-своему примечательные индивидуальности, есть пристойно-профессиональный орган, но если говорить всерьез и без экивоков, как требуют студийцы, то придется положить руку на сердце признать бедность и провинциальность нашей молодой русскоязычной литературы, ее очевидное отставание от острых проблем современности, ее бескрылость и вялость». И далее критик конкретизирует: «При всем желании быть снисходительным и терпимым мне трудно отыскать сколько-нибудь приметные литературные достоинства в бескровной фантастике Алексея Злотника или якобы юмористических рассказах Александра Кирия, или в напрочь лишенных личного отпечатка стихах Владимира Полушина».

Признав плодотворной лишь деятельность литобъединения при «старой» еще «Мо-лодежке», которым руководил Кирилл Ковальджи и которое явилось хорошей школой для многих поэтов и прозаиков среднего поколения, г-н Бродский называет бесплотным существованием и работу литобъединения в Бендерах (рук. А. Айзеншарф). «В положении Золушки, – считает критик, – оказывается поэт или прозаик, работающий в Кишиневе на русском языке и не завоевавший всесоюзной известности: в республике его читательская аудитория узка, а в Москве и своих таких хватает».

Фактически перечеркнув то немногое, что было достигнуто молодыми поэтами в указанные годы, А. Бродский тем самым показал несостоятельность необъективной критики, предвзятого отношения к реальным достижениям молодых авторов, которые впоследствии доказали, и не единожды, свою профессиональную пригодность многочисленными поэтическими книгами, изданными не только в республике, но и за ее пределами.

Первым откликнулся на статью А. Бродского Н. Сундеев, попытавшийся в статье «В искаженном свете»¹⁰ выразить чувство внутреннего протеста. Прежде всего, им было остро поставлено вопрос о целях и задачах литературной студии. Отметив как положительный факт начало разговора на страницах газеты о проблемах молодой литературы, Н. Сундеев, тем не менее, подчеркивает определенную тенденциозность, «односторонность автора» (то есть А. Бродского) в освещении так называемых «достоинств» опубликованных в молодежных номерах журнала «Кодры» произведений. Основные разногласия с критиком наметились, прежде всего, в вопросах и задачах литературной студии. Рассуждая на эту тему, Н. Сундеев признает, что «молодые русскоязычные литераторы республики» находились в очень тяжелой ситуации. И тем благотворным переменам, которые происходили внутри Союза писателей, молодые (а это, в основном, 30–40-летние уже литераторы) были обязаны поддержке главного редактора «Кодр», с помощью которого они решили попытаться сдвинуть дело с мертвой точки. С этой целью создавалась литературная студия, для этого выпускались молодежные номера. Другими словами, была дана возможность «выйти к читателю тем, чьи произведения в застойную пору лежали без движения в долгом ящике». И, как верно подметил Н. Сундеев, «не о саморекламе и собственном процветании думали студийцы, а о помощи менее удачливым собратьям, поиске новых имен, и в конечном счете – о нормальном, без разрывов между поколениями, ходе литературного процесса».

Еще один немаловажный вопрос затронул в своем материале Н. Сундеев, – о литературной критике. Молодой еще в те годы автор видит положительное уже в том, что с появлением «молодежных» номеров «Кодр» «наметились какие-то сдвиги в лучшую сторону, вырисовались контуры живого и полезного дела». Произведения многих из «запоздавших» увидели, наконец, свет. Появились основания говорить и о литературной преемственности, о подросшей смене тем, кто удобно обосновался, как считает Н. Сундеев, в Союзе писателей. После того как вышел в свет первый молодежный номер журнала «Кодр», его создатели ждали откликов в печати, делового, обстоятельного разговора, который мог бы помочь им в дальнейшем, при составлении новых номеров такого рода.

Помимо всего вышесказанного, нельзя не отметить, как пишет и Н. Сундеев, и «порочную практику замалчивания первых и вторых книг». «Группа молодых литераторов, вошедших в литературу за последнее десятилетие: В. Ткачев, О. Максимов, Н. Сундеев, Я. Топоровский, А. Юнко (по 2 книги), Л. Щербнева, А. Милях, В. Косарев, В. Чудин, Л. Фельдшер (по 1 книге)», не была избалована рецензиями, передачами по радио и на телевидении. Никто не спешил перечисленных поэтов назвать «поколением», едко замечает В. Голков, а тем более «поголовно талантливыми», как их назвал А. Бродский.

С высоты сегодняшнего дня явственно видно, что, на самом деле, критика тех лет, как верно подметил и Н. Сундеев, по сути, отмахнулась от целого поколения зрелых литераторов, к списку имен которых можно было бы присовокупить и тех, чьи журнальные публикации «тоже нуждались в оценке». Это имена С. Мосовой, Е. Шатохиной, А. Злотника, В. Костишар, В. Полушина, С. Кутанина, В. Суязова и самого Н. Сундеева. Дело в том, что в определенных кругах сложилось мнение, в значительной мере усугубляющее ситуацию. Во-первых, бытовало ложное представление о том, что настоящую литературу делают в центре, а не на периферии; во-вторых, преобладала атмосфера критической безгласности; в-третьих, существовала размытость оценочных ориентиров.

Вполне справедливо Н. Сундеев обвиняет в пренебрежительном отношении к писателям-землякам А. Бродского, который приписывает молодой русскоязычной

литературе республики «бедность и провинциализм», «отставание от острых проблем современности», «бескрылость и вялость».

Однако не столько ситуация, сложившаяся в те годы в литературной сфере, сколько представленная А. Бродским в искаженном свете деятельность литературной студии вызвала чувство внутреннего протеста.

Литературная дискуссия, в которой основным был вопрос «Легко ли быть молодым писателем?», вызвала большой интерес не только у читателей, но и у самих молодых писателей. В начале 1988 года к дискуссии подключился Валентин Ткачев статьей «Обнаженная негритянка на фоне белых лебедей». Вместо того чтобы спокойно и доказательно продолжить начатый разговор о судьбах молодой поэзии, В. Ткачев расцвел дискуссию ярлыками и обвинениями в адрес А. Бродского, статья которого, на его взгляд, «написана вбездокзательно-наобумной манере, в духе печально известных традиций», является «образцом литературного политиканства». Обвиняя А. Бродского в противоречивости, автор статьи гневно клеймит и «некоторых литдеятелей, пытающихся заработать авторитет авторитарными же способами», объясняя это присутствием у них «комплекса самодостаточности». И, тем не менее, были и среди них, по мнению В. Ткачева, те, кто в эпоху застоя, в атмосфере «бесчеловечного равнодушия» помогали «официально и морально» молодым. Среди них: К. Семеновский, М. Фильштейн, Г. Сквиренко, Н. Савостин, Г. Немчинов, М. Арсеньева, М. Хазин, А. Коркина.

«А. Бродскому, – продолжает далее В. Ткачев, – очевидно, хотелось фокусировать, "Мерседесов" и эдельвейсов, ананасов в шампанском и устриц в серебряном корытце. А наткнулся он на обычный литературный процесс». Согласившись хоть в одном с А. Бродским, что «нужны достойные, не запятнанные литературным политиканством люди, которые бы заинтересованно разбирали творчество молодых, помогали им, руководствуясь при этом не интересами национальной или групповой принадлежности, а степенью литературной одаренности», В. Ткачев, по сути, затронул еще одну важную проблему. Речь идет о литературной критике, которая менее всего нужна была литературным чиновникам, так как она мешала «манипулировать общественным сознанием, создавать и сокрушать репутации, мешала назначать своих подобострастных любимцев на роль талантов».

В середине января 1988 года в дискуссию включилась А. Юнко статьей «Потерпевшие претензий не имеют?»¹¹. Высказав озабоченность по поводу отсутствия читательских откликов, которые во многом внесли бы ясность в спор, возникший между издателем, юным новоявленным критиком, литературным консультантом Союза писателей и представителем молодежного журнала, А. Юнко попыталась определить цель развернувшейся полемики. А именно: совместно выработать что-то вроде положительной программы решения уже изложенных проблем. В действительности, появление дискуссии на страницах молодежной газеты – явление положительное, отрадное. У молодых писателей появилась возможность прямо и откровенно поспорить о сложности становления молодого литератора. Одно из главных противоречий А. Юнко видится в сквозной мысли А. Бродского, суть которой заключается в том, что «если молодая русская литература так худосочна, провинциальна и т. п., то стоит ли огород городить, повествуя о ее мытарствах? А если стоит – значит, не такая уж бедная и бескрылая. Пора назвать и обстоятельства ее бедственного положения». «Главное, – пишет далее А. Юнко, – что огорчает в "Затмении" – это поверхностная оценка деятельности студии журнала "Кодры"». Встав на защиту литературной студии при журнале «Кодры», А. Юнко отмечает: «А ведь студия – это первая попытка поломать сложившуюся в

республике практику, при которой молодые со всем и всяким своим творчеством оставались за дверьми литературы».

Далее А. Юнко останавливается на статье В. Ткачева, не разделяя его «приязни к А. Коркиной (в те годы – литературному консультанту СП)», считая, что «именно у нее долгими годами лежали, старели, гнили на корню рукописи молодых». И приводит пример книжки В. Суязова, которая «13 (!) лет томилась у литконсультантов». Не желая возлагать вину за все беды застоя и за бездействие русской секции на этих двух литераторов, А. Юнко считает, что все-таки в те годы многое зависело от отличного желанья литконсультанта, и поэтому призывает не сеять между «нашими» и «вашими» раскол и взаимное недоверие: надо бороться с проблемами, а не друг с другом. В связи с этим автор статьи предложила целую систему неотложных мер, способных выправить положение, в котором оказалась молодая литература. «Во-первых, – заявила она, – необходимы «компетентные люди, которые охотно работают с начинающими авторами. Во-вторых, нужен обязательный выход в печать самого ценного из созданного самодельными авторами». Это должно стать системой для городских, районных и республиканских газет, для журналов. «В-третьих, обязательно нужна помощь СП в подготовке коллективных сборников участников литобъединений, координации действий, поездок молодых поэтов в литобъединения и т. п.». Следующий этап, по мнению А. Юнко, – литконсультации. И не только в Союзе писателей, но и во всех печатных органах, куда, как правило, и самотеком приходят письма, и обращаются «бесхозные» авторы.

Среди сделанных ею предложений было и немало конструктивных, например, возобновление выпуска литературного альманаха, который позволил бы более оперативно, чем сборники, – раз в год–два – предлагать читателю новинки.

В этой же статье она затронула проблему критики, которой коснулись и все участники дискуссии: «Это больная наша проблема. Нет критиков, нет критики – и страдает литературный процесс, и страдает читатель, лишенный верного ориентира». А. Юнко предлагает принять ряд мер для развития этого направления: «Поискать перспективных ребят в школах, вузах, на филологическом и журналистском факультетах, в литобъединениях. Журналы могли бы объявлять конкурсы на лучшую критическую статью. Из лучших материалов можно отобрать сборник «Молодые о молодых». Наконец, можно подумать и о фонде поощрительных премий журналов, газет, творческого союза – за лучшее стихотворение, рассказ, повесть, роман, сборник, статью».

16 февраля 1988 в дискуссию вступил В. Косарев. Обозначив возникшую проблему молодых писателей как проблему прерванного поколения, автор увидел ее в «стыковом звене», выпавшем из общей цепи. И даже если она появилась, считает В. Косарев, «пролетариям пера» надо бы стоять плечом к плечу, или спина к спине, а не превращать дискуссию во внутрицеховую свару и делать из нее сериал. Считая, что основной ошибкой всех полемистов является деление на «наших и ваших», и подчеркнув, что «есть более достойные зоны кипения страстей», В. Косарев высказался за «нормальный, духовно кипучий, искрометный, но здоровый литературный процесс с попутным решением всех тех проблем, которые в своих статьях пытаются решать полемисты».

Без лишних высказываний и упреков, без деления на «ваших и наших», попыталась расставить точки над *i* и Елена Шатохина, вступив в дискуссию обширной статьей «У парадного подъезда». Основная проблема заключалась, по ее мнению, в том, что поколение «между тридцатником и сороковником» задержалось у парадного подъезда Литературы. «Одна критикесса сказала, что это поколение

"диких" – по контрасту с "окультуренным", привитым поколением, которое долгие годы стабильно издавалось, сидело на постах в журналах и издательствах, захватив монополию на диктат литературного процесса», –выразила свое видение этой проблемы Е. Шатохина. И, отметив как положительный факт инициативу журнала «Кодры» издавать произведения молодых авторов, попыталась определить причины появления «запоздавшего поколения», к которому причислила С. Чернолева, А. Юнко, Н. Сундеева, В. Батяеву, Л. Щебневу, О. Максимова, В. Ткачева. Призвав к более решительным мерам, автор статьи отмечает: «Иначе это "запоздавшее поколение" не успеет к своему "поезду", и мы навсегда потеряем его из виду на шумящем и толкающемся литературном полустанке». Дав не совсем адекватное определение понятию «литературный процесс», что, на взгляд автора статьи, есть «напряженное внимание к духовному состоянию литературы, ее "корням и кронам", к программе литераторов, ее поискам и ответам, к вопросам, заданным в книгах, в статьях, стихах, прозе», Е. Шатохина приходит к скороспелому выводу об отсутствии этого процесса в республике. Хотя, по большому счету, она затронула серьезную проблему «отцов и детей» в литературе: с одной стороны, бюрократов от литературы, уютно обосновавшихся в своем писательском особняке, с другой, – молодого талантливое поколение, задержавшегося у парадного подъезда этого особняка, имя которому Литература.

28 мая 1988 редакция газеты «Молодежь Молдавии», подводя итоги литературной дискуссии, поставила точку, подчеркнув, что вопросы о литературном процессе, о месте молодых, об уровне их творчества относятся к разряду вечных, которые всегда должны оставаться открытыми.

Много лет спустя, в 2003 году А. Юнко в интервью газете «Аргументы и факты»¹², уже постфактум, скажет: «Наша республика никогда не была литературной провинцией», объясняя это тем, что «жить в Молдавии и не писать стихи – противоестественно».

Примечания

- ¹ Вопросы литературы, 1974, № 2.
- ² Там же.
- ³ Вопросы литературы, 1974, № 3.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Вопросы литературы, 1974, № 10.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Октябрь, 1955, № 9; Днестр, 1957, № 9.
- ⁸ Кодры, 1987, № 10.
- ⁹ Молодежь Молдавии, 19 ноября 1987.
- ¹⁰ Молодежь Молдавии, 3 декабря 1987.
- ¹¹ Молодежь Молдавии, 16 января 1988.
- ¹² Аргументы и факты, № 27, июль 2003.

Rezumat

În articolul de față discuția literară, desfășurată în paginile ziarelor republicane, a dezvăluit nu atât veșnicul conflict dintre generații, cât a demonstrat valoarea criticii literare în republică, încadrarea literaturii ruse a tinerilor în contextul literar comun.

Резюме

В настоящей статье литературная дискуссия, развернувшаяся на страницах одного из молодежных изданий много лет назад, не столько обнаружила вечную проблему противостояния поколений, сколько показала состоятельность литературной критики в республике, включенность молодой русскоязычной литературы в общий литературный контекст.

Summary

In this article, the literary discussion developed on pages of the youth edition many years back that did not discover much of the eternal problem of opposition of generations however, it showed solvency of literary criticism in the republic, process of implication of the young Russian literature in the general literary context.

К. С. КОЖУХАР

**ФОНЕТИЧНІ ОСОБЛИВОСТІ УКРАЇНСЬКИХ ГОВІРОК
В РЕСПУБЛІЦІ МОЛДОВА (ВОКАЛІЗМ)**

Як свідчать матеріали експедицій¹ та «Атлас української мови»², обстежені українські говірки, що побутують на теренах нашої країни, за своїми фонетичними, морфологічними, синтаксичними та лексичними особливостями, належать до південно-західного та південно-східного нарічч української мови. Українські говірки, що функціонують у прикордонних зонах, становлять продовження ареалів тих діалектів, які знаходяться на суміжній території України; це окраїнні зони покутсько-буковинського (північ) і подільського (північний схід) говорів південно-західного наріччя та степового говору (південь, південний схід) південно-східного наріччя. Покутсько-буковинські говірки поширені також у центрі країни в селах Криулянського і Ново-Аненського р-нів. Однак діалектна картина української мови в республіці значно строкатіша. У багатьох селах, заснованих переселенцями з різних регіонів, внаслідок складного процесу взаємодії різноговіркових елементів, привнесених їх носіями, витворилися самобутні українські говірки, котрі ввібрали в себе окремі риси тієї чи іншої говіркової основи. Яскравим прикладом таких взаємодій є говірка с. Іванча Оргеївського р-ну, де тісно переплелися елементи покутсько-буковинських, карпатських, подільських говірок південно-західного наріччя та середньонадніпрянського і степового говорів південно-східного наріччя³.

Крім того, українські говірки, що побутують у нашій країні, мають особливий шлях розвитку, зумовлений, насамперед, відокремленістю й тривалою ізоляцією від «материнського» мовного масиву, що, в свою чергу, спричинилося до консерватизму діалектних систем, свідченням чого є численні давні й реліктові форми, що давно стали архаїзмами в літературній мові чи збереглися лише в окремих населених пунктах або в мові осіб старшого віку чи відомі з записів діалектологів попередніх часів.

Кожний говір чи діалект являє собою систему, яка певними своїми ланками відрізняється від системи решти діалектів і від системи літературної мови. Кожна говірка, в свою чергу, має свою фонологічну систему, що відрізняється від фонологічної системи сучасної української літературної мови як складом фонем, так і відмінною в багатьох випадках звуковою реалізацією їх, частотністю вживання і дистрибуцією⁴.

Щоб точніше передати особливості звукових різновидів діалектного мовлення, ми викорисковуємо фонетичну транскрипцію, в якій, окрім літер українського алфавіту, для позначення окремих звуків використовуються ще такі знаки:

/e^u/ – для звука більш високого піднесення і вужчого, ніж /e/, середнього між /e/ /u/, але ближчого до /e/;

/u^e/ – для звука більш низького піднесення і ширшого, ніж /u/, середнього між /u/ та /e/, але ближчого до /u/;

/e/ – для звуженого, напруженого /e/;

/o/ – для звуженого /o/;

/o^y/ – для звука, проміжного між /o/ та /y/, але ближчого до /o/;

/y^o/ – для звука, проміжного між /y/ та /o/, але ближчого до /y/;

/y/ – для нескладового /y/;

/w/ – для білабіального, тобто губно-губного /в/;

/r/ (q) – для задньоязикового проривного дзвінкого, відповідника глухого /к/: г'анок;

/л/ – для препалатального л;

/dz/ – для афrikати /dz/;

/дж/ – для афrikати /дж/;

Часткова втрата дзвінкості приголосних позначається малими буквами відповідних глухих приголосних: /z^c/, /ж^ш/, /б^п/ тощо.

Часткове одзвінчення глухих приголосних передається малими буквами відповідних дзвінких приголосних: /с^з/, /ш^ж/, /п^б/ тощо.

М'якість приголосних передається знаком "мінута" (');

Напівм'яка вимова приголосних позначається знаком (');

Наголос позначається знаком акута: *táto*, *dúmka*.

Назви обстежених населених пунктів подаються скорочено.

У даній статті ми розглянемо лише відмінні від літературної мови особливості вокалізму місцевих українських говірок.

Для українських говорів у цілому, і для говірок, що побутують на теренах Республіки Молдова, істотним є розрізнення наголошеного і ненаголошеного вокалізму.

Відмінність у вимові голосних залежить, в основному, від наголошеності складу, вокальної гармонії та від сусідства попередніх і наступних м'яких приголосних.

У наголошених позиціях голосні звуки в усіх обстежених говірках вимовляються виразно і ясно, якщо немає впливу м'яких приголосних. Виняток становлять лише голосні /e/ та /и/ у деяких говірках півночі, котрі мають відмінну артикуляцію та наявність у них звуженого /ô/.

Фонема /a/

У сучасній українській літературній мові фонема /a/ – нелабіалізований голосний заднього ряду, низького підняття.

У деяких говірках Бричанського р-ну наголошене /a/ після /й/ на початку слова заступається звуком /e/, в ненаголошеній позиції - /i/: *йцэ, йейца, йе'йэц, йийэц* (яйце, яйця, яєць) (Тецк.), *хадз'ейка* (Стурз.), хоча зустрічається і *хадз'айка, хаз'айка*. Таке явище відзначається у північній смузі говорів східного і середнього Полісся⁵.

У позицій після /й/ ненаголошений /a/ в говірці с. Мусаїт заступається звуком /e/: *йер'ік* (ярок).

Заміна наголошеного /o/ звуком /u/ спорадично зустрічається в закінченнях дієслів 3-ої особи множини 2-ої дієвідміни теперішнього часу: *бой'уц':а* (Гол.), *б'іжут* (Тецк.).

Ненаголошений /o/ в деяких говірках півночі виступає як звук, близький до /o/, а саме /o^a/, як у східній частині наддністрянських та в лемківських говірках: *wo^aр'іл'а* (варила) (Гол.); *по^aтел'н'а* (сковорідка чи форма для випікання хліба) (Стурз.).

Ненаголошене /a/ у ряді числівників у всіх обстежених говірках вимовляється як /i/: *дэв'ім'/дэв'ім', дэс'ім'/дэс'ім', ч'у^eти^eрнац'ім', двáц'ім', тріц'ім', тріц'ім'* тощо. В Яблоні зберігається /a/, але приголосний /ц'/ виступає як дещо подовжений твердий звук /ц':, наприклад: *ште^uрнац:ат, у^oде^uнац:ат*. У говірці с. Тецкани на місці /a/ після твердого /ц'/ виступає звук, близький до /u^e: *уоди^eнаци^eт', ште^uрнациет', двáциет'*.

У Воронково, де побутує говірка, яка належить до подільських говірок української мови, на місці сучасного літературного /a/ зберігся етимологічний /o/: *хол'áва* (халява), *чобáн* (чабан), *богáтий* (багатий, небідний), а також *обрикóси, плóтим*. Таке саме явище має місце і в говірці с. Мусаїт, в котрій виявлені риси степових і наддніпрянських говорів: *отлáсн'і* (атласні), *обрикóси* і *аби^eркóси*. Етимологічний /o/

характерний і для говірок півночі країни: *гор'áč'уй*, чи *го'раач'уй*, *кол'áč'*, *богáтий* (Дану, Стурз., Ябл.), *богáч'ка* (Ябл.), *колáш'ч'* (Тецк.). У цих селах вживається і слово багато у значенні "немало", однак воно диференціюється з богдто "заможнo": *жиўйт богáто*. Фонема /o/ виступає й у лексемі *часнік* у говірках, що побутують на півночі країни: *ч'оснік*, *ч'оснóк* (Стурз., Дану, Ябл.), *ш'ч'оснóк* (Тецк.). Взагалі наявність /o/ в словах типу *багато* – реліктова риса, адже заміна /o/ на /a/ фіксується пам'ятками, починаючи з XIII століття.

Фонема /o/

Як і в середньонаддніпрянських говірках, у сучасній літературній мові фонема /o/ в її основному вияві є голосний заднього ряду, середнього піднесення, з незначною лабіалізацією.

У говірці села Голяни /o/ в сусідстві з губними і носовими у наголошеній позиції виступає як звук більш широкий і обнижений – *o°:лo°пил*, як у східній частині наддністрянських говірок⁶. Схожий звук виникає і в говірці с. Стурзовка: *пo°тáшк'и* (круглі дрючки, розташовані вздовж лойтряка).

У цих же говірках перед складами з голосними високого піднесення, перед звуженими голосними і перед м'якими приголосними звук /o/ набуває звуження: *wo°д'и* – *водá*, на *wo°зі* – *вóза*. У Стурзовці на початку слова перед м'яким приголосним звуком з'являється дифтонгічний звук /yo/: *yo°р'ч'ик*. У говірці с. Тецкани і в позиції перед твердими приголосними звуками вимовляється дифтонг /yo/: *yo°дá*, *yo°рo°та*, *yo°рo°на*, *yo°рáти*.

У всіх обстежених говірках півночі Молдови, крім Тецкан, та в центральній зоні, де побутують покутсько-буковинські говірки, зафіксоване змішування звукових рядів /o/ та /y/, помірно або сильне укання. Перед наголошеним або побічно наголошеним складом з голосним високого піднесення /y/, /i/ та перед голосним середнього піднесення /o/ і навіть перед голосними низького піднесення /a/ та /u/ (с. Яблona, Кірпіцька говірка) звук /o/ наближається у вимові до /y/ або збігається з ним: *ту°б'и*, *су°б'и*, *гу°рбуц'ика* (мереживо), *пу°р'іг*, *чу°лв'ік*, *ву°рo°та*, *гу°во°р'іти*, або *ву°го°р'іти* *ку°мo°ра*, але *кошáра* (перед а), *ту°д'и* (тоді), *ку°гу°тк'и* (сережки), *ку°л'аду°вáти*, *у°бo°ра*, *пе°ре°у°рáли*, *ву°сну°внóму*, *у°де°над'ц'ат*, на *пу°д'и* (на поді – на горищі), *ду°й'или* *ку°рo°ву*, *ку°н'и*на (конина), *ну°ву* (нову). У Тецканах /o/ наближається до /y/ лише в позиції перед складом з /i/: *то°б'и*, *со°б'и*.

У говірці с. Стурзовка початковий ненаголошений /o/ через стадію /y/ переходить в /y/ – нескладове: *усл'ін* (ослін), *ул'ій* (олія), а в числівниках один, одна, одне, одні в /i/: *йно°го* (одного), *йна* (одна), *йну* (одну).

У говірці с. Мусаїт внаслідок впливу з боку південно-західних діалектів також спостерігається тяжіння /o/ до /y/ в названих позиціях: *ту°б'и*, *су°б'и*, *то°д'и*, *сво°й'и*, *бо°лит'*, *го°лова*, *ву°рo°та*, *по°уб'ідаймо*, до *у°б'іду*, *чу°лв'ік*, *у°з'д'огó* (ось), *пу°й'ихали*, *у°л'йа*.

Майже зовсім не зафіксовано змішування рядів /o//y/ в подільській говірці с. Воронково: *комo°ра*, *олo°ра*, *коц'убá*, *осл'ін*, *обрóчка*, *кожóх*, *гор'ихи*. Виняток становлять декілька слів: *шо°лом'и*на (курудзиння), *куo°шиел'óк* (русизм кошильок – гаманець). Незначне укання спостерігається і в говірці с. Іванча: *у°гу°рк'и* (огірки), *лу°вo°ска* (повозка), *ку°чу°вáлис'а* (кочували), *у°стовп'іла* (остовпіла), *ку°мфe°ти* (з рос. конфети).

Явище укання в українських говорах досить давнє, у письмових пам'ятках воно широко відбивається уже з XIV ст., а поодинокі приклади трапляються ще і в староруських пам'ятках XI ст. Окремі слова в укаючій формі закріпилися як літературна норма: *будяк*, *парубок*, *пурхати*, *тупцювати* та деякі інші⁷.

Водночас у деяких говірках зафіксовані і так звані гіперичні явища, характерні для міждіалектних контактів, а саме перехід /y/ в /o/ в ненаголошеній позиції: *пóкот'* (покуття), *ромíн* (румун) (Мус); *окривáли* (укривали) (Вор.); *сос'ím* (сусід), *сос'ímка* (сусідка), в *Окрайíн'і* (в Україні), *окрайíнс'ке си^елó* (українське село), *ромíни* (румуні) (Ів.).

На місці сучасного /o/, що постав з /e/ (< е, ь) після шиплячих та /y/ перед історично твердими приголосними, що притаманно загальноукраїнській мові, у деяких говірках зберігся етимологічний /e/: у *не́го* (Стурз.); *це́го, це́му і ц'óго, ц'óму* (Мус.); *йеди^ена́к, йеди^ени́ц'а* (один син чи дочка у батька), *ше^усто́му, вче́ра, вче^урашн'ий, же^улуд'я* (жолуді) (Вор.); *ш'ч'э́би* (щоби) (Ябл.), *шестóй, с'ед'мо́й* (Тецк.); *ше́стий, учéра, позавче́ра, до це́го* (Ів.). У говірці с. Іванча явище переходу /e/ в /o/ поширилося навіть на ті слова, в яких літературній мові вимовляється /e/, порівн.: діал. *сте́жочки* та літ. *сте́жечки*.

Ще більш поширене явище переходу /o/ в /i/ у ненаголошеній позиції: *йидéн, йидна́, пібра́вса* (оженився) (Стурз.); *йидéн* (Ябл); *йидéн, йидна́, вóс'імди^ес'ат с'ід'мом* (Вор.); *ш'істо́й* (шостий), *ш'істо́го* (шостого), *с'ід'мо́го* (сьомого), *йидна́, йімú, йидéн* (Мус.)

В окремих випадках зустрічається перехід /o/ в /a/: *кан'у́шн'а, партáдка, кар'áл'і, зáпанка* (Вор.); *кац'убá і ку^оц'убá* (Мус), *карава́й* (Ів.), *салóма, скаворóтка* (Паск.).

Випадіння звука /o/ в окремих словах зафіксовано в говірці с. Іванча: *в'ни* (вони), *в'гон'* (вогонь), *хт'іли* (хотіли) ⁸.

Фонема /y/

Основний вияв фонему /y/ – голосний заднього ряду високого піднесення, виразно лабіалізований. У ненаголошених складах звуковий вияв фонему /y/ в деяких південно-західних говорах виявляється звуками більш обниженими: *зу^обúло, ту^орбу^овáти*.

Як ми вже зазначали, у багатьох обстежених говірках фонема /y/ в ненаголошених складах виступає на місці /o/. У говірці с. Мусаїт навпаки – /o/ заступає /y/: *йáблоки, дúка йáблон', озвáр* (узвар), *пóкот'* (покуття).

В окремих випадках вона заступається іншими фонемами: *чéл'істи* (челюсти у печі), *звéрхи* (зверху) (Вор.).

Крім того, фонема /y/ може також виступати у ролі проклітика: *узáвтра* (Мус).

Фонема /y/ заступається /a/ і навпаки у говірці с. Поляни: *сте́рн'á колáача* (колюча) і *бой'уц'а* (бояться).

У говірці с. Іванча епізодично зустрічається зіяння (випадіння приголосного перед /y/ і, як наслідок, співпадання двох голосних: *ка́у* (кажу), *ска́у* (скажу), *куутá* (когута) ⁹.

Фонемі /e/ та /i/

У подільських і степових говірках основний вияв фонему /e/, як і в літературній мові, є звук переднього ряду, середнього піднесення, нелабіалізований, ненапруженої артикуляції: *плéт'ана, пéрвий, мéл'ниц'а*; /i/ – звук переднього ряду, високо-середнього піднесення: *тин, рúба, лий*.

Ненаголошені голосні /e/, /i/ у подільській говірці с. Воронково у вимові наближаються один до одного. Наближення ненаголошеного /e/ до /i/ через підвищення його артикуляції і /i/ до /e/ через розширення, обниження його призводить у більшості випадків до змішування цих голосних: *се^улó/си^елó, си^естра́/се^истра́, ви^есно́йу/ве^исно́йу, зи^елéна/зе^илéна, ми^ене́/ме^ине́, ви^ено́/ве^ино́, рóби^емо/рóбе^имо*.

У говірці с Мусаїт ненаголошений /e/, а в деяких випадках і наголошений, наприклад, *чѳрис* (через), заступається /i/: *мижá* (межа), *пирил'ák* (переляк), на *стипѳ* (на степу), *чиринкѳ* (черенки), *типѳр* (тепер), *чиривѳки* (черевики), *спирѳá* (спочатку).

В окремих говірках півночі (села Тецкани, Білявинці Бричанського р-ну, Голяни Єдинецького р-ну), ненаголошений /i/ вимовляється як напружений /ê/: *бѳдѳм прáжѳтѳ*, *цѳбѳл'у* (будемо смажити цибулю), *истѳ* (їсти) *бѳбл'ѳк*, *налѳснѳкі*, *пѳр'ѳ* (вареник). У селах Дану, Яблону, Стурзовка Глодянського р-ну вимова ненаголошеного /i/ в корені слова також наближається до /e/: *вѳногрáд*, *дѳтѳна*, *сѳжу крѳчу*, *кѳрнѳца*. Близький звук до /ê/ вимовляється також у закінченнях дієслів I-ої і II-ої особи множини: *ми крѳчѳмо*, *ви крѳчѳтѳ*.

Наголошені /e/, /i/ у названих говірках мають дещо обнижену артикуляцію. На місці наголошеного /i/ може виступати обнижений напружений звук /e/ або дифтонгічний ie/: *сѳр/сиѳр* (сир), *брѳнза/бриѳнза* (бринза), *сѳний* (синій), *жѳр* (жир), *жѳто* (жито), *слѳѳка* (сливка), *дѳн'а* (диня), *пал'анѳца* (паляниця), *вѳл'ѳк'ѳ/вѳл'ѳт'ѳ* (великий) *вѳшн'а* (вишня), *помѳйї* (помії), *сѳжу і сиѳду*, *крѳчу* і *криѳчу* (Тецк.); *пѳйте*, *вѳшн'а* (Дану, Ябл.та ін.); *вѳш'ч'ѳ* (вище), *затрѳмалас* (затрималась), *п'їдтрѳмка* (підтримка) (Стурз.); *пал'аниѳца*, *сиѳр* (Біл.).

У деяких говірках у закінченнях називного відмінка множини іменників 1-ої і 2-ої відміни, основа яких закінчується задньоязиковим /k/, звук /i/ (<ы) у наголошеній позиції розширився у напрямі до /e/: *св'їшт'ѳ/св'їшк'ѳ*, (свічки), *д'їѳк'ѳ* (дівки), *парупк'ѳ* (парубки) *лошк'ѳ* (ложки), *вѳл'к'ѳ* (виделки) (Біл., Тецк.). Такі зміни відзначено у наддністрянських та волинських говорах. У говірці с. Голяни /e/ фіксується не тільки в наголошеній позиції: *у'ѳѳрт'ѳ* (огірки), *миѳст'ѳ* (миски), *св'їч'т'ѳ* (свічки), *д'їѳт'ѳ* (дівки), *парупт'ѳ* (парубки), і *нóшт'ѳ* (ніжки), *нóжѳт'ѳ* (ножі), *вѳдѳл'т'ѳ* (виделки), але *б'їл'ч'ук'ѳ* (кільця на софці, на які навішували колодку), *їайѳшнѳк'ѳ* (маслюки), *скатѳрк'ѳ* та ін.

Крім того, у ненаголошених позиціях відзначено перехід:

– /e/ в /i/: *в'їс'їл'а* (весілля) (Гол, Стурз.), *ч'їпл'áли* (чепляли), *знáйїш* (знаєш), *питáйїц'а* (питається) (Вор.), *м'їн'ї* (мені) (Мус); *ш'ч'їйїш* (чуєш) (Тецк.);

– /e/ в /o/ в ненаголошених і наголошених складах: *вс'о* (все) (Вор.), *їс'о* (усе) (Тецк.), *родзїна* (резина) (Гол.);

– /i/ в /i/: *мал'їна*, *сморóд'їна*, *молот'їлка*, *кол'ект'їв'їзáц'їйá*, *ком'їнóк*, *завѳїжка* (Вор), *з'їмá*, *на з'їму*, *соб'їрáйц'а* (Мус.), *в'їпив*, *в'їпивка*, *в'їробив* (Ябл., Кірп.); *к'їрнѳца*, *крѳш'ч'їтѳ* (кричите) (Тецк.); *в'ї виѳршїти*, *в'їсáтк'ѳ* (висадки) (Паск.);

– /i/ в /a/: *т'áрнѳца* (криниця) (Тецк.).

Фонема /i/

Фонема /i/ літературної мови, середньонаддніпрянських говірок і багатьох південних діалектів має основним виявом голосний звук переднього ряду (піднесення язика при артикуляції високе), нелабіалізований; вимова цього звука вузька, напружена й гостра. Згідно зі слухним зауваженням В. А. Богородицького, цей голосний чується як "чисте, м'яке або тонке і, без жодного відтінку е, що спостерігається при *и*"¹⁰.

У говірках сіл Голяни, Тецкани, Білявинці, Стурзовка виступає дещо звужений ///на місці давніх /ять/ та /о/, /e/ в нових закритих складах: *хл'їп* (хліб), *с'їно*, *на двóр'ї*, *в'їн*, *с'їм*, *з'їл'а*, *рем'їн'*, *вóс'їн'/уóс'їн'*, *кам'їн'а*. У названих говірках приголосні /d/, /t/, /n/ вимовляються яку молдовських говірках, і в позиції перед /i/ вони або не пом'якшуються, або вимовляються напівпом'якшено: *д'їѳка/д'їѳка*, *німїй/н'їмїй*, *ніс/н'їс*, *сніп/сн'їп*, *стіл/ст'їл*, *на тім/на т'їм*, *здїймїла/зд'їймїла*, *а ді-ца* (а дивіться, Стурз.).

Нормою української мови є перехід давніх звуків /o/, /e/ що знаходилися у відкритих складах, у звук /i/ в новоутвореному закритому складі; внаслідок цього виникло чергування звуків /o/ та /e/ з /i/: *на стол'ї – ст'їл, на пе'ч'ї – п'їч*. У говірці с Іванча нарівні з закономірним переходом спостерігається і так званий проміжний етап, коли на місці /o/ та /e/ виникає звужений звук /y/ *н'уч* (ніч), *д'урка* (дірка). Таке явище притаманне карпатським говорам.

У деяких випадках на місці /i/ виступають звуки:

– /ɪ/: *помі'дѳр, помі'дѳрки, дѳрка, оги'ркі, цви'тут', трѳтий, жітний, ги'л'ака* (будь-яке дерево) (Вор.), *ги'л'цѳ* (гільце), *ли'жанка, пи'рипи'чка* (перепічка), *спидніця і сп'їдніц'а, сирникі* (сірники) (Мус); *дѳрка, шѳст'* (шість), *шисна'дц'їт, жінка* (жінка), *сѳний* (синій) (Тецк.); *пѳпил', ги'л'ака* (гіпляка), *пидвѳда* (підвода), *лишчїна* (ліщина) (Ів.);

– /e/ *цвѳтѳ* (цвіте), *уѳсен'* (осінь) (Тецк.); *д'ѳрка, д'ѳрт'ѳ* (дірка, дірки, Гол.); *п'ѳчка, п'ѳц* (піч) (Вор.); *Андрѳйа, п'ѳчка* (Мус); *л'ѳтнайа* (літня) (Ів.);

– /y/ *двојорѳдний, двојорѳдна* (двоюрідний, двоюрідна) (Вор.);

– /a/: *вѳшки* (віжки) (Стурз.);

– /o/: *поднѳс, поддувѳло, подокѳн'їк, але п'їдп'їчок, откѳс* (прибудова), *поднав'ѳс, подвѳл, шчѳтка і шч'їтка* (Вор.); *сѳлнич'ка* (сільничка), *бѳйнич'ка* (дерев'яний посуд для збивання масла), *горол'їч'к'ї* (голірніці), *војна, окол'ѳт* (Стурз.); *пѳпол'* (попіль), *с'їл', але сѳл'ѳу* (Мус).

Діалектне наголошування

Діалектне наголошування досить часто різко відрізняється від літературного. Порівняйте: *брѳтѳв – братѳв, гѳлубцѳ – голубцѳ, рѳля – рѳлля, кѳти – котѳ, брѳнѳти – бринѳти, намастѳмо – намѳстѳмо, приносѳли – принѳсили, вѳйѳлка – вѳялка, каганѳец – каганѳець, мѳйа, твѳйа, свѳйа* (північний регіон); *на двѳр'ѳх* (дверях), *гус'ѳм* (гусям), *кур'ѳм* (курям), *вѳйѳ* (вія), *поклѳду* (покладу), *друѳу* (іншу), *друѳѳ* (інше), *Україна* (південь) тощо.

Аналіз системи наголошеного й ненаголошеного вокалізму обстежених українських говірок у Молдові виявив значну здиференційованість на досить обмеженій території. В основі одних говірок лежить монодіалектне, а якщо точніше, то моноговіркове підґрунтя, в інших простежуються фонетичні особливості різних діалектних систем, що свідчить про особливий шлях їх розвитку, обумовлений історико-демографічними, лінгвістичними та іншими чинниками. Ми виявили чимало архаїчних і реліктових особливостей у системі голосних фонем, котрі були притаманні різним етапам розвитку українсько)мови, складні процеси взаємодії і взаємовпливів, відмінності фонологічних систем, у тому числі і від літературної мови.

Представлений у статті матеріал не дає повної уяви про систему вокалізму місцевих українських говірок, через те що охоплює тільки незначну кількість українських сіл. Для всебічного і ґрунтовного її опису необхідні подальші дослідження.

Примітки

¹ У статті представлені матеріали, зібрані під час комплексних експедицій відділу українознавства та індивідуальних експедицій автора до українських та українсько-молдовських сіл республіки. Наводимо перелік населених пунктів і їх скорочені назви: Стурзовка (Стурз.), Яблѳна (Ябл.), Дану, Сорока (Сор.) Глодяньського р-ну; Голяни (Гол.) Єдинецького р-ну; Білявинці (Біл.), Тецкани (Тецк.) Бричанського р-ну, Паскауци (Паск.) Ришканського р-ну. Іванча(Ів.) Орґеївського р-ну, Белцата (Белц.) Криулянського р-ну, Максимівка (Макс.) Ново-Аненського р-ну, Мусаїт (Мус.) Тараклійського р-ну, Воронково (Вор.) Рибницького р-ну.

² АУМ.Т. 1-2. 4. 2- 13. Київ, 1984-1988, а також підготовлений до друку Т. 3. Ч. 2-17.

³ Див.: І. Сорочинский, О. Суховий, Л. Шевченко. Самобытность языковой культуры жителей Иванчи // Голуб В., Сорочинский И. Иванча. Страницы истории села. Орхей, 2001. С. 99-111.

⁴ Жилко Ф. Т. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1966. С. 4.

⁵ Див.: Лисенко П. С. Фонетичні і морфологічні особливості говірок Димерського р-ну на Київщині // Полтавсько-київський діалект – основа української національної мови. Київ, 1954. С. 83.

⁶ Жилко Ф. Т. Згадана праця. С. 41.

⁷ Дзендзелівський Й. О. Конспект лекцій з курсу діалектології. Ч. 1. Фонетика. Ужгород, 1965. С. 21.

⁸ І. Сорочинский, О. Суховий, Л. Шевченко. Самобытность языковой культуры жителей Иванчи // Голуб В., Сорочинский И. Иванча. Страницы истории села. Орхей, 2001. С. 100-101.

⁹ Там само. С. 109.

¹⁰ Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики. Казань, 1913. С. 378.

Rezumat

În articolul de față sunt descrise particularitățile vocalismului unora dintre graiurile ucrainene din Moldova.

Резюме

В статье описываются особенности вокализма некоторых украинских говоров Молдовы.

Summary

In this article, specificities of vocalism of some ukrainian dialects on the Moldavian territory is described

V. I. SYRF

НЕКОТОРЫЕ ПОЭТИКО-СТИЛЕВЫЕ СЛАГАЕМЫЕ И ИХ ФУНКЦИИ В ГАГАУЗСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Поэтику и стилистику гагаузской народной сказки характеризуют те же черты, что и сказки других народов: зачин, эпическое повествование и концовка; простой языки стиль; устойчивые поэтические формулы; художественные приемы гиперболлизации, контраста, повторов и др. Основная идея сказки – неизбежность и закономерность победы добра над злом, этим и объясняется ее сюжетное построение и использование в ней различных элементов поэтики, позволяющих выразительно обрисовать стойкость героя, его действия и поступки в борьбе за счастье.

Своеобразие сказочного стиля обычно находят в том, что народная сказка наполнена традиционными формулами. Результаты их исследования были опубликованы нами ранее ¹.

В данный момент нас интересуют другие художественные средства народной сказки, используемые также для идеализации сказочного героя: гипербола, контраст, повтор, градация. Для облегчения понимания названия сказок в настоящей статье даны в переводе на русский язык, при этом двухбуквенное сочетание *дж* обозначает специфический звук гагаузского языка – звонкий аффрикативный согласный.

Гипербола является одним из наиболее устойчивых и распространенных художественных приемов в гагаузской волшебной сказке. В ней соединены чудеса и обыденное, яркая фантазия и будничные детали. Благодаря гиперболе перед нами вырастают необычные образы народного героя и его помощника или противника.

Гипербола – это увеличение размеров. Сказка преувеличивает способности или свойства как самого героя и его помощников, так и его противников, а также препятствия, преодолеваемые ими. Герой наделен необыкновенными качествами: он рождается и растет чудесным образом, обладает богатырской силой.

«Бир адам пек фукаараймыш, онун вармыш бин ушаа да олмуш таа бир. Саадыч (правильнее будет *нуна* или *кумэтру* – В. С.) буламамышлар, ани онун адыны койсун, да анасы кенди коймуш адыны Бинбир-Иван, нечин ки о бин биринджиймиш ичерда. Бинбир таа дуудуйнан имаа истемиш, нечин ки о дуумуш йолдан дышары – пек буук хем аталы ушак» ². («Один человек был очень беден, у него была тысяча детей и появился еще один. Крестного отца не нашли, чтобы тот дал ему имя, и мать сама назвала его Бинбир-Иван, потому что он был тысяча первым ребенком в доме. Бинбир еще с рождения есть попросил, ведь он родился чересчур большим и сильным ребенком».)

Еще более гиперболизируются помощники героя, чаще всего сверхъестественными качествами обладают конь и орел. Вот так, например, характеризуется гигантская птица *Kartal*:

«Сок гестеміш – Kartal Vançuyulan sirtinda meydana konmuş, harman kadar bir er kaplamış (okadar büyükmuş)» ³. («Немного времени прошло, и Картал с Ванчу на спине приземлилась на площади у дворца, охватив собой огромное пространство (настолько была велика)».)

Гипербола используется и при описании противников героя – они наделяются огромной физической силой, а также устрашающими чертами:

«Чыкмыш Бинбир-Иванын онуна бир Джендем-бабусу: бурнусу кыврыкмыш, гозлери кара хем теркенмиш, аурдунун биринда пойраз есармиш, ббурунда катран кайнармыш, кырк сажин узун сачларыймыш»⁴. («Вышла навстречу Бинбир-Ивану Джендем-бабусу: нос крючком, глаза черные и страшные-престрашные, из одной челюсти северный ветер дует, в другой деготь кипит, волосы длиной в сорок сажень».)

Победа над столь могучими противниками еще более возвышает и прославляет героя, тем самым идеализируя его, представляя в качестве народного защитника, борца против зла и несправедливости.

Следующим широко распространенным художественным приемом в гагаузской народной сказке является **контраст**. Противопоставление в сказке встречается в двух видах: внешнем и внутреннем.

Внешнее проявляется в выстраивании оппозиции представителей добра и зла, что отражается в образах героя и его противника: «Dādunum kizi şeremetmiş, yalrakmiş, gözälmiş, babunum sa kizi haylazmiş, çirkinmiş, sertmiş»⁵. («Дедова дочь была трудолюбива, приветлива, красива, а бабина дочь была ленива, безобразна, вспыльчива».)

«Прием резкой контрастности образов позволяет сказочникам оттенить в герое все лучшее, возвышающее его в глазах слушателей, в чудовище – все отрицательное, мерзкое, достойное осуждения и сатирического осмеяния», – отмечает современный исследователь фольклора Н. В. Новиков⁶.

Внутреннее протипоставление состоит в проявлении контраста в самом образе, когда в нем сочетаются низкое и высокое, безобразное и прекрасное. Таковы, например, положительные герои – младший сын (Küllü Pepeleşku, Delicä) и ленивец из ленивцев, которые в начале сказки изображаются никчемными, неряшливыми, но в финале оказываются красивее и умнее своих старших братьев и других соперников. Таков же образ помощника героя – коня: «Иван пинер бейгирä. Пиндиджää гиби бейгир дöнер да бир забун мырцогадан туйан хем чимчирик гиби хызлы бир ат олэр»⁷. («Иван садится на коня. Как только всадник садится, конь преобразуется: из тощей клячи становится упитанным и быстрым, как молния, конем».)

Как видно из примера, прием внутреннего контраста используется в сказке для показа скрытой сущности изображаемого.

«Замечательное искусство сказки... в том и состоит, что она, раскрывая перед слушателями лучшие качества героя, проявляемые им в борьбе, в столкновениях, в острых конфликтах, тщательно скрывает и маскирует их до поры до времени от окружающих его лиц», – пишет Н. В. Новиков⁸.

Одним из распространенных и типичных художественных приемов гагаузской народной сказки является также **повтор**, который продлевает сказочное повествование. Его предназначение состоит в том, чтобы усложнить препятствия, которые предстоит преодолеть герою, действие замедляется, а сказка лучше запоминается.

Время сказки связано с восприятием сказочного. Многократность действия измеряется системой повторов, которые и формируют ритм сказочного времени. Ритм создает напряженность до момента совершения героем подвига, то есть до кульминации сюжета. До этого время в сказке течет медленно, повторы поддерживают состояние ожидания. После совершения героем подвига начинается ритмический спад – снижается напряжение ожидания, сказка завершается.

Многократны, чаще всего троекратно препятствия, воздвигаемые перед героем. При этом каждое последующее препятствие (или задание) намного труднее и

сложнее предыдущего. Это явление характерно и для другого художественного приема сказочной формы – **градации**, наращивания эффекта: сказочные мотивы располагаются так, что каждый последующий эпизод или мотив дается с усилением действия.

Герой ловит сначала чудесную птицу *Yanar-Kuşu* и отдает ее боярину. Алчный боярин вместо благодарности посылает героя привести девушку-красавицу *Dünnää Gözeli* и, наконец, триста дойных морских кобылиц, принадлежащих красавице⁹.

Такое повторение используется в сказке не только для того, чтобы показать нарастающую трудность выполняемых героем задач, но и тем самым возвысить его на фоне возрастающей жадности боярина.

Другой вид повтора – **ретардация** (< лат. *retardio* – замедление, задержка) – служит, как уже отмечалось, для замедления действия. До мельчайших подробностей повторяются целые эпизоды. Возьмем для примера сказку «Чорлан»¹⁰.

У родителей шестеро детей, потом мать чудесным образом рождает еще одного мальчика (*Çorlan*). Все братья и сестры проходят путь в логово чудовища (*Terägöz*), и все семь раз идет описание пути и встречи с противником.

Все действия в древнем фольклоре представляются как весьма интенсивные, не такие, какие совершает обыкновенный человек. Единственное средство выразить эту интенсивность – повторить действие несколько раз. Этим же, видимо, можно объяснить прием утроения в фольклоре вообще и в сказках в частности. Кроме того, повторы призваны выразить силу эмоционального напряжения сказочника, передающегося и слушателям.

Таковы некоторые поэтико-стилевые слагаемые, наиболее часто используемые в гагаузской народной сказке. Они направлены на идеализацию главного героя и соответствуют сказочной традиции народа. Как и другие компоненты поэтики (композиция, стилистические формулы), художественные приемы также создают красочность повествования, цельность образов, выразительность их облика и поведения в сказке.

Примечания

¹ См.: Сырф В. И. Традиционные стилистические формулы в гагаузской волшебной сказке // Этнопоэтика и традиция: К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Гацака. М., 2004. С. 364-367.

² Гагауз фольклору. Собр. и сост. Н. И. Бабоглу. Кишинев, 1969. С. 154-155.

³ См.: Ванчу в подземном царстве. Архив автора. Вулканештский р-н, с. Дерменжи, 1960 г. Информ. К. М. Дерменжи, 46 лет. Запись Г. А. Гайдаржи.

⁴ Гагауз фольклору. Указ. соч. С. 157.

⁵ См.: Дочь старика и дочь старухи. Архив отдела гагаузоведения АНМ. Комратский р-н, г. Комрат, 1959 г. Информ. А. С. Колца, 43 года. Запись Е. К. Колца.

⁶ Новиков Н. В. Сатира в русской волшебной сказке. Записи XIX – начала XX века // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.–Л., 1957. Т. II. С. 47-48.

⁷ Гагауз фольклору. Указ. соч. С. 155.

⁸ Новиков Н. В. Указ. соч. С. 46.

⁹ См.: Ана созу. 5 октября 1991.

¹⁰ См.: Чорлан. Архив автора. Чадыр-Лунгский р-н, с. Бешгиоз, 1994 г. Информ. Ф. Д. Градинарь, 68 лет. Запись В. И. Сырфа.

Rezumat

Articolul, în baza materialului publicat și a manuscriselor, prezintă o analiză în premieră pentru folcloristica găgăuză a procedeelelor și mijloacelor artistice – hiperbola, contrastul, repetiția, gradația – larg răspândite în tradiția poetico-stilistică a poveștilor populare. Mijloacele și procedeele artistice respective contribuie la o memorizare mai bună a poveștii și la o reproducere mai precisă a ei. Este prezentată, de asemenea, directiva funcțională a lor în corespundere cu idealurile morale și estetice ale poporului găgăuz.

Резюме

В статье на основе опубликованных и рукописных материалов впервые в гагаузской фольклористике рассматриваются такие художественные средства, как гипербола, контраст, повтор, градация, широко распространенные в поэтико-стилевой традиции гагаузских народных сказок. Данные художественные средства и приемы способствуют лучшему запоминанию сказки и более точному ее воспроизведению. Представлена также их функциональная направленность в соответствии с эстетическими и нравственными идеалами народа.

Summary

In this article, on the basis of some published and written sources, for the first time in the study of Gagauz folklore, the tropes that are widely used in the poetic and style tradition of folk-tales are studied: hyperbole, contrast, reiteration and gradation. These artistic means and methods contribute to the better remembering of a tale and to more precise

reproduction of it. Their functional orientation is also presented in accordance with aesthetic and moral ideals of the people.

Ж. И. КУШНИР

СЮЖЕТООБРАЗУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ «ЕВРЕЙСКОЙ ТЕМЫ» В «ПУШКИНСКОМ ДОМЕ» А. БИТОВА

В настоящей статье предполагается рассмотреть функцию «еврейской темы» в структуре романа «Пушкинский дом».

С нашей точки зрения, «еврейская тема» играет роль скрытой пружины в развитии сюжета «Пушкинского дома», композиция которого представляет собой сложное переплетение, полилог нескольких сюжетно-жанровых констант¹, причем полилог карнава-лизованный. Своеобразие творческого решения Битовым «еврейской темы» заключается, среди прочего, в том, что она воплощается через мотив фаустианы, восходящий к Гете, Пушкину и Достоевскому.

Напомним, что М. Бахтин писал: «Все такие мировые образы, как Фауст (и органически связанные с ними сюжеты и типы построения целого произведения, то есть жанровой разновидности), должны быть пересмотрены в свете народно-праздничной, карнавальной подосновы мировой литературы. Их анализ окажется несравненно сложнее, их смысл несравненно глубже и, так сказать, предельнее в свете их подлинной традиции и ее сложной истории»².

В романе Битова карнавальное начало проявляет себя, например, в такой коллизии, как **дуэль князя и антисемита на незаряженных пушкинских пистолетах в Пушкинском Доме из-за Пушкина**. Дуэль по-карнавальному завершается «смешной смертью» героя. Выстрелить из незаряженного пистолета нельзя; Митишатъев и не стреляет в Леву Одоевцева, а шутовски воспроизводит звук выстрела детской игрушкой (шариками с пистоном). Но готовый к жертвенной смерти герой, будучи в состоянии священного безумия и алкогольного отравления, не понимает, что выстрел шутовской. Падая, Лева опрокидывает шкаф и в кровь разбивает голову. Теперь уже и его противник думает, что Лева умер: «...три! – Лева вздрогнул... В третий раз автор не выдержал халтуры жизни и отвернулся в окно. Раздался хлопучечный выстрел. Легко запахло серой. Митишатъев, что ли, подкинул и поймал свой шарик?.. <...> Пространство скособочилось за плечами автора. <...> шкаф еще фанерно подпрыгнул, треснул и поскрипел, для окончательности. Лева же лежал неподвижно, ничком, как упал.

Митишатъев был несколько озадачен произведенным эффектом» [2, 309]³.

Сцена дуэли – вторая кульминация в романе и карнавализованная метафора Армагеддона; но к этой решающей битве герой оказывается готов лишь после **первой кульминации, которая целиком основана на «еврейской теме»**.

Структура «Пушкинского дома», стремящаяся к этой кульминации – при всей постмодернистской сложности романа, – преследует одну цель: спровоцировать Леву Одоевцева на то, чтобы он осуществил свое высокое предназначение – вопреки почти полной невозможности этого. Он должен восстановить цепь времен, неявно распавшуюся, вернуться к жизни в истинном ее варианте.

Этот мотив предназначения битовского героя связан с «Фаустом» Гете: в гетевском «Прологе на небесах» Бог уподобляет Себя садовнику, который, глядя на зазеленевшее деревце, предвидит и цветение, и плоды. Ради этого осуществления Он и дает герою «беспокойного спутника» – Мефистофеля, которого называет

плутом («der Schalk»). М. Элиаде придает этому прозвищу специфически-смеховой оттенок, называя Мефистофеля «буффомом»⁴. Спутником Левы, который, начиная со школьной скамьи, провоцирующе-странно вмешивается в его жизнь, оказывается буффон Митишатъев, явный антисемит и как бы принципиальный «подонок» (буффон утверждает: «Подонок сейчас – человек главный» [2, 202]).

Хотя Бог, Мефистофель, их спор о человеке заданы в битовском «Прологе» неявно, его многоплановая связь с гетевскими «Прологом на небесах» и «Положением во гроб» представляется нам очевидной. В романе Бог – «тот ледяной небесный взор, что смотрел вупор и не мигая седьмого ноября на вышедшие на улицы толпы...» [2, 7]. Мефистофель представлен ветром, который, по-видимому, именно в качестве «расплаты» за нечестие, за это массовое и публичное празднование годовщины Октябрьской революции, бесчинствует в городе. Ветер олицетворен – описан как существо, чьи действия осознанны. В его власть отдано и безжизненное тело героя – реминисценция Мефистофеля, хлопчущего над мертвым телом Фауста. Мефистофель, однако, представлен также и Митишатъевым. Описание ветра лексически перекликается с описанием этого персонажа, который воровски удирает с места своего преступления, от безжизненного тела Левы. Сравним:

«...Ветер **мчался** дальше, **как вор**, и **плащ** его **развевался**» [2, 9].

И: «Перемахнул решеточку и пошел не оглядываясь, <...> **стремительно и бегливо**. Полы его **пальто раздувались**. <...> Он подумал на секунду, что это **улика**» [2, 310].

Бесовская сущность Митишатъева (причем проявляемая исключительно по отношению к Фаусту – Леве) сомнений не вызывает. Черт гетевского «Фауста» требует у героя форменной продажи души. Митишатъев тоже в конце концов высказывается открыто: «Вот, отвечай, **плати душой**, как мы! Мы уже **всю выплатили**, там и было чуть» [2, 299]. Как будет показано далее, это требование напрямую связано с **мотивом антисемитизма**, который Митишатъев лживо инкриминирует Леве.

Митишатъев и до этой кульминации не слишком усердно скрывал от Левы свою функцию: «Ведь тебе кажется, что тобой особенно интересуются силы зла, ведь тебе кажется? Я тебе скажу: действительно, интересно. Я ведь как на тебя напоролся? Смотрю: не сволочь... Ах, ты, думаю, чем же он не сволочь?! Все, как у сволочи, а не сволочь! Ну, стал испытывать. Испытывать, известно, наше, **сил зла**, дело. А ты не испытываешься. Из-под всего выкручиваешься» [2, 291].

В битовской фаустиане (так же, как у Гете) мотив предназначения связан с мотивами продажи или спасения души. Метонимической заменой продажи души является ее утрата. Именно это грозит герою; «торжественное закрытие души Льва Одоевцева» – вот экстремум разрушения, которому он должен противостоять, и главная опасность, его подстерегающая. Возникает реминисценция Пера Гюнта: «И Лева никогда бы уже не знал, какой он на самом деле, – потому что его бы уже не было» [2, 199-200]. Как известно, погибшую душу гетевского Фауста ангелы выкрадывают из-под носа у Мефистофеля и возносят в небеса; но перед этим герой умирает. В «Пушкинском доме» такой сюжетный ход невозможен: степень карнавализованности текста допускает лишь «смешную смерть» и непременно карнавальное воскресение героя. У Битова аналогом гетевского спасения-вознесения души становится участие героя в малом Армагеддоне, который архетипически предполагает воскресение воинов света. Именно так, мы полагаем, следует интерпретировать кульминационную дуэль героя с его личным бесом. (Отметим, что мотив смехового Армагеддона так же, как неперемный эллипсис его

названия, характерен для Битова. В финале романа «Ожидание обезьян» после эсхатологических мотивов исчезновения воздуха и неба по ходу следования танков ГКЧП возникает мотив противостоящего им небесного воинства; персонаж воскресает из мертвых и пирует со своим alter ego под защитой ангелов.)

В дуэли гетевского «Фауста» человек (Валентин) нападает на черта, желая отомстить за поруганную женскую честь. В преддуэльной драке «Пушкинского дома» происходит почти то же самое, и вновь не без участия «еврейской темы»: «Даже все бабы твои – **ихние**...» [2, 300], – заверяет Митишатъев. «Ихние» в устах персонажа – контекстуальный синоним евреев с характерным сниженным пренебрежительным оттенком. Слова Митишатъева в какой-то мере можно рассматривать как момент узнавания. Дело в том, что при всей яркости женских образов романа, их этническая принадлежность никак не акцентируется. Они, разумеется, могли бы оказаться и еврейками тоже. В принципе евреями могли бы оказаться и все поголовно Левины школьные однокашники – к этой идее устремлена вызывающе безумная логика Митишатъева, который заводит однажды слевой разговор по поводу школьной виньетки: «А как ты думаешь, сколько у нас в классе было **евреев**?». Лева не мог припомнить «ни одной еврейской фамилии», и тут Митишатъев разразился разоблачениями: «А Кухарский, по-твоему, кто? <...> **Еврей** он, **еврей**. А Москвин, по-твоему, не **еврей**? <...> И Тимофеев твой – тоже **еврей** <...> Потехин? Ха-ха... Лева – ты святая душа! Конечно же, **стоцентный**! <...> Слушай, князь..., – как-то испытующе, секретно заговорил вдруг Митишатъев, – а ты сам, часом, не **еврей**? <...> И друзья у тебя все были **евреи**» [2, 195-196], – из-за своей как бы навязчивой идеи Митишатъев произносит слово «еврей» и его контекстуальные синонимы («**Мойша**») около двадцати раз; но, заговорив после этого о Фаине, ее этнической принадлежности не касается. Так что женские образы «Пушкинского дома» никаких этнических ассоциаций (вплоть до первой кульминационной сцены романа) не вызывают.

Своеобразная же их переключка с женскими образами гетевского «Фауста», на наш взгляд, несомненна. Альбина – это Гретхен, та, по сути добродетельная и по сути не любимая женщина, с которой связаться попутал черт; Фаина – прекрасная Елена, не очень подходящая в качестве жены. Во-первых, она метонимически едва ли не призрак («Как он умудряется, не сводя с нее глаз, настолько не видеть ее? Насколько ее не видеть, что, глядя в этой повести его глазами, и мы – не видим ее?..» [2, 149]), а во-вторых, герою приходится мириться с ее постоянными исчезновениями, которые становятся все более длительными, и с ее неверностью, которая маскируется все менее тщательно. Фауста, впрочем, все это не останавливает. Мотив Левиной роковой любви восходит к сюжету охтонической возлюбленной: Елена Троянская, Манон Леско, Кармен, Одетта де Креси, блоковская Фаина.

Именно хтоничность Фаины в сочетании с ее еврейством и дадут возможность Митишатъеву спровоцировать Леву на драку, предшествующую дуэли: «Так невыносима была мысль, что, если *то, что тогда могло быть, было*, то как же Митишатъев, сволочь, смеет сейчас...» [2, 302].

«Третью же Левину женщину назовем простым **русским** именем Любаша. Любимая, нелюбимая и любая» [2, 187], – пишет автор, что в дальнейшем как бы входит в противоречие с этнической характеристикой Левиных «баб» Митишатъевым. Впрочем, с ней входят, пожалуй, в противоречие и «**одинокая**, безродная красота Фаины» [2, 179], и **предполагаемая белокурость** «бледной Альбины». Лева в начале знакомства мысленно называет ее «эта **моль**»; она схожа с «какой-то репродукцией Гирландайо»; наконец, она внутренне схожа с самим

князем Одоевцевым, чем и вызвана его стойкая нелюбовь к ней. «**Она была, как Лева**, – вот в чем дело» [2, 172-173]. Возникает реминисценция юной стэндалевской аристократки Матильды де Па-Моль, очень светлой блондинки, тоже второй и тоже как бы нелюбимой возлюбленной героя.

С нашей точки зрения, существует несколько объяснений этого устойчивого несовпадения между авторским и митишатьевским восприятием этнических черт Левиных женщин.

Одно из таких объяснений – карнавальность текста, смеховое уничтожение границ. Человек, по Битову, карнавально полиэтничен. В «Ожидании обезьян» карнавальная полиэтничность становится одним из основных мотивов: «Кто из нас не был евреем... Тут без пол-литры не разберешься. <...> смешно делиться на евреев и русских <...>» [4, 191]. Типичный антисемитский бред Митишатьева, приписывающий скрываемое еврейство всем и каждому, преобразуется у Битова в **карнавальную травестию**: продолжив ее, Лева причисляет к евреям и самого Митишатьева (раз уж все друзья Левы – евреи), и даже Пушкина («Пушкин – черный семит» [2, 197]), то есть всех, от беса до святого.

Другое объяснение этого феномена таково. Поскольку сюжетно для автора «еврейская тема» является средством спасения души Левы, то существенны вовсе не этнические черты евреев, а те коллизии, которые вокруг евреев создаются и по сути вообще ни к каким этническим чертам отношения не имеют. Именно потому женщины Левы лишены этих черт. (Подобный эффект в романе заранее подготовлен сообщением автора, что Лева до окончания школы «**не знал** (и это буквально) таких слов, как: <...> **еврей** и **жид**» [2, 102].)

Эти коллизии и их влияние на человека рассмотрены в романе на примере еще одного персонажа, Исаяи Бланка, о еврействе которого мы узнаем сразу. Оно представлено **архетипическими чертами**, восходящими к библейским текстам: имманентный интерес к этике, доброжелательность и «та нечастая печать физической чистоты, какая бывает у давно богатых и давно цивилизованных людей, **в прочих же условиях** эта черта **все-таки индивидуальна**... Бланк как бы мог общаться с кем угодно, с последней сволочью – и оставался все тем же отчужденным Бланком, без пятнышка» [2, 261]. К образу Бланка мы еще вернемся.

Сюжетной основой битовского романа является соотнесение мотивов высокого предназначения и счастья. Мотив счастья восходит, с нашей точки зрения, к пушкинской «Сцене из Фауста». «Ты с жизни взял возмуждань дань. **А был ли счастлив?**» – этот вопрос, заданный Мефистофелем, становится основным. Отсутствие счастья здесь приравнено к недостижению предназначения, к утрате души и, в конечном счете, к тотальному разрушению (приказ Фауста: «Все утопить!»).

Герой отмечен мучительной печатью несчастья потому, что недостижимость счастья – это непреодолимая особенность эпохи, последствия жестокой социальной и духовной катастрофы, которая дана опосредованно, неявно, она как бы не вполне осознается персонажем. Эта же катастрофа в битовском романе «Ожидание обезьян» предстает в образе обезлюдившего после коллективизации пространства – «небесной северной деревеньки Турлыково» [4, 160]. И вокруг Левы тоже как бы нет практически никого. Дед – Модест Одоевцев – умер, предварительно отрекшись от себя, чтобы не «отняли» [2, 93]. Отец Левы, Николай Одоевцев, безнадежно и бесславно, ради карьеры, отрекся и от Модеста, и от собственной сущности. Лева ощущает эту пустоту и невольно стремится ее залатать, «примеряя» [2, 41] то вместо деда, то вместо отца – дядю Диккенса. Но дядя Диккенс, «старый алкоголик», некровный родственник семьи Одоевцевых, «рантье реабилитанса» [2, 34, 36], с его

культом чистоты, которая ассоциируется с посмертной чистотой обряженного покойника, – тоже нежив. Возникает реминисценция персонажа из «Дядюшкиного сна»: Р. Клейман выявляет мотив, связывающий подобный ритуал «ряженья» с образом «полупокойника»⁵. Левина попытка обрести в дяде Диккенсе свой утраченный род оканчивается ничем.

В романе «Человек в пейзаже» эта катастрофа, разрушение жизненного пространства будут отслежены Битовым последовательно: земля, вода, воздух и, наконец, дух. «Дух! Какой еще никем не ловленный разбой кипит на его этажах!» [4, 119]. Но уже в «Пушкинском доме» найден карнавальный образ предельного разрушения духа вплоть до полной его утраты; это – неопознанность героя на Страшном Суде. «Мы, **водевильно же**, представляем себе затруднения Господа <...> Бросает в папку: "Неопознаны на Страшном Суде"» [2, 214]. Исчезновение тотальное: не только физическое, социально-историческое, моральное, но и запредельное.

Левин порыв к счастью в этом пространстве обречен; его попытка быть собой, быть любимым, любить – безнадежна; причем катастрофа не является для Левы оправданием. Это лишь данность, которую он, несмотря на непосильную тяжесть задачи, должен преодолеть, восстановив единство распавшегося времени. Таким образом, Лева оказывается не только карнавальным, но и трагическим героем. Гетевское определение, по которому «трагический герой не может быть ни безусловно виновным, ни вполне невинным»⁶, в точности описывает и битовского «скомпрометированного героя»⁷, который ни в чем не виноват, но во всем виновен.

Спасение и катарсис происходят в романе карнавально-парадоксальным образом (как в «Фаусте»), в результате провокации Мефистофеля-Митишатъева, имеющей явный оттенок шутовства и возрождающего смеха. Провокация Мефистофеля у Пушкина («А был ли счастлив?») не спасла героя. Битов, наследуя именно пушкинской постановке вопроса, разрабатывает иной финал.

Как уже было сказано, именно в финале «еврейская тема» становится чуть ли не основным инструментом работы надлевой сил неба и ада: иначе угодить бы ему в папку «Неопознаны на Страшном Суде». Современный Фауст совестлив, не падок на явный грех; поймать героя Мефистофеля практически не на чем, хотя бес уже и с женщиной его спал, и вообще выделывал совершенно невероятные штуки, одним словом – «растратился бескорыстно, в огромной степени на Леву» [2, 203]. Но бес Митишатъев не желает отступить от князя Одоевцева. Virtuозно блефуя, он выставляет Леву антисемитом и откровенно требует, чтобы Лева душой расплатился за этот грех. Таким образом «еврейская тема» постепенно приводит к выявлению сил, подготавливая дуэль. В конце концов Лева видит «зло, геометрический его объем» [2, 306] и, утратив свою раздробленность, аморфность, отторгает его. Рассмотрим, как это происходит.

«Еврейская тема» представлена поистине мистериальной «драмой непринадлежности» беса Митишатъева (ведь бес был низвергнут с неба и не принадлежит более к числу ангелов Света). Разыгрывается мистерия карнавальной парой персонажей: антисемит-мизантроп и еврей-гуманист. Причем если бы еврей не был гуманистом (или гуманист – евреем), то скрытая пружина не сработала бы.

Антисемитизм Митишатъева запрограммирован. В качестве демона он не может совершать формальные вызовы этическому началу; суть же антисемитизма – именно в таком вызове. Впрочем, свой антисемитизм Митишатъев объясняет именно с позиций мистериальной драмы: «Ведь почему мы евреев не любим? <...> Мы принадлежность в них не любим, потому что сами не принадлежим. Между прочим, задумывался, что в тебе евреи любят? Как раз принадлежность. Господи, да я об

аристократизме в десять раз больше знаю, понимаю и вижу, чем ты, а тебе и знать не надо! <...> Вас, как и евреев, можно уничтожить только физически!» [2, 292]. Драма непринадлежности – генезисная драма черта.

Реплики Митишатъева постоянно дwoятся на смысловом уровне: он ведет речь от имени бесов, а Лева и читатель воспринимают это как разговор от имени ортеговского «человека-массы». И вполне обоснованно, поскольку без одержимости нечистым человек – образ и подобие Божие – в человека-массу не превратится: «Да не хорошие мы! а нас больше! (Если речь идет о бесах, то имя им легион, а людей уж точно меньше – Ж. К.). Когда ты это-то поймешь, усвоишь и нам полезен станешь? <...> Ведь нас много, и мы все поодиночке, прекрасно зная и понимая механизмы жизни, низость друг друга, – у нас нет сил, и каждого из нас – мало! А вас мало, но вы одно, и каждый из вас не один, а много, и, не понимая, вы сильны!» [2, 294].

Впрочем, ангелическая природа Митишатъева - пусть даже это природа падшего ангела – ощущаетсяевой: «все-таки что-то было в этом Митишатъеве!». А бедненький бес не устает человеку завидовать (подобно ангелам в «Иосифе и его братьях» Манна). «Нечестно. <...> Ни за что **человеку** такое...» [2, 303, 292].

Мефистофель у Гете не может справиться с Фаустом в одиночку, нуждаясь «в помощи собратьев»⁸. Подобно этому, приводит своих подручных и его битовский двойник: «"Слетаются..." – думал Лева» [2, 265].

Однако ни бес Митишатъев, ни подручный его бес, стукач Готтих, не могут настоящему поддеть Леву.

Именно в этот момент на сцене появляется еврей-гуманист Исайя Борисович Бланк, благородный старик. Бланк тоже бес, однако по совместительству – пророк Исайя. Как такое возможно, мы объясним ниже, а здесь продолжим описание сложного механизма спасения Левиной души силами неба и ада. Почему для этого был необходим именно еврей-гуманист?

Митишатъев с профессиональной ловкостью передергивает, обвиняя Леву в пресловутой «опутанности **ими**»: «<...> ты опутан **ими** с ног до головы! Ты заметь, ты самый неискренний, самый лживый человек становишься, когда тебе надо им показаться...» [2, 300]. Митишатъев пользуется тем, что к этому моменту Лева, как ни странно, действительно уже «опутан» Бланком. Но «опутывал» его не еврей, а гуманист. Выдать одно за другое – в этом вся хитрость Митишатъева и состоит.

Как пророк Исайя, Бланк олицетворяет высшие силы, в том числе Бога, поскольку образ Бланка метонимически связан с константой отца. Митишатъев стремится подменить понятия и ударить не по «опутанности», а по Левиной принадлежности высшим силам, которым Лева следует, но из-за своей растерянности и аморфности делает это неловко.

Что же такое Исайя Борисович Бланк, «этот воспаленный очаг Левиного предательства» [2, 297]? Принадлежность к евреям драмой не является – Бланк воплощает драму принадлежности к гуманистам. О том, что он ко всему еще и пророк Исайя, материалистически настроенный Бланк не подозревает.

Автор же очень заботится, чтобы читатель не упустил из виду эту ипостась Бланка. Бесы вевоей буффонаде издевательски называют его **пророком Исайей**⁹. Лева относится к нему как к некоей этической инстанции: «мнение Бланка, казавшееся таким незначительным в карьерных выкладках, словно бы, странно даже, именно оно, это пустяшное мнение, как раз что-то и значило, **причем не только по-человечески** – от него-то как раз что-то и зависело. То, с чем опасней всего не посчитаться...» [2, 263].

Как пророк, Исаяя Борисович обладает мощным этическим императивом. Но Бланк позволил себе обезопасить этот этический потенциал до состояния «гуманитета». И потому персонаж (как в сказках Гофмана) оказался не только пророком, но также бланком, простым бланком. Беднягу до этого состояния расплющил «гуманитет», о котором автор уже отзывался в «Похоронах доктора» с такой яростью, именуя его «обезьяньим» и поминая с ним рядом «принципы и порядочность» как то, «чего не снесли их носители» [3, 282]. (Оксюморон содержит оскорбление не гуманитету, а обезьянничанью – тупому, утратившему представление о целях. Если гуманитарет здесь и оскорбляют, то с позиций, противоположных ницшеанским, – с позиций Моисеева этического неистовства.) Бланк стремится к безупречности, и это понятно. Когда государственный антисемитизм навязывает человеку негативный имидж, есть реальная опасность, стремясь к безупречности, себя вообще утратить («Бланк – пустое место») [2, 299]. Утрата себя – это и есть впадение в бесовство; довели человека до этого, или он сам дошел – почти не важно.

Контакт с реальностью Исаяю Бланка уже практически не интересует. Он заинтересован лишь в сохранении и подпитке «гуманитета». Доброжелательность, свойственная Бланку, превращается просто в акробатическое упражнение: «Всякий раз его сознание, описав фантастический логический круг, взмыв спиралью, обернувшись, находило себе объяснение любому человеческому поступку с гуманистической точки зрения, когда еще не все потеряно, рано ставить крест и т. д. (Любопытно только, что, при такой его способности, для Бланка существовала группа людей, объединенная одной всего лишь общею чертою, группа, на которой крест был им поставлен заранее. Но – тем лучше становилось остальное большинство...)» [2, 262]. Перед нами момент не просто бегства от реальности, но агрессии к ней.

Каким же именно образом Бланк «опутал» Леву? Когда тот оказался в невыносимой этической ситуации, Бланк попросту пригласил его в свое убежище: «благородный Бланк выдал Лева огромным аванс», заверив Леву, что тот себя вел вполне незапятнанно в полном бланковском смысле слова, так что Лева даже сам ему поверил – и с тех пор «при встрече Лева уже предавался ему как пороку, сладострастно разыгрывая то, что хотел видеть Бланк» [2, 263].

Лева против гуманитета не вооружен, скорее – предрасположен. Оскорбить Бланка как еврея Лева не мог также, как не мог когда-нибудь не оскорбить в Бланке приверженца «гуманитета». Вот на эту сложную комбинацию и рассчитывал Митишасьев в качестве беса: что спяну Лева не разберет, которого из двух Бланков оскорбил.

Потому-то оскорбление, нанесенное Бланку, оказалось чрезвычайно невнятной вещью в романе, который во всех остальных деталях неизмеримо четок. Оскорбления, нанесенного еврею, в сущности, не было. Но «скрытая пружина» романа сработала идеально, а значит, «еврейская тема» у Битова в конечном итоге спасает русскую душу; правда, для полного эффекта преображения Левы его личному бесу Митишасьеву пришлось совершить еще одно поругание, но об этом речь позже.

Оскорбление же, нанесенное гуманисту, описано в романе вполне четко. Нетрудно догадаться, что та единственная категория людей, на которой Бланк поставил крест, – антисемиты. Митишасьев в нее идеально вписывается. «Лев Николаевич, что же вы молчите?» [2, 275] – восклицает Бланк, судя по всему, именно тогда, когда Митишасьев навязывается ему в сыновья, пусть и в случайные, нарушая таким образом тщательно охраняемую Бланком границу между собой и

злом. И поскольку совершенно опьяневший – стараниями все того же Митишатъева – Лева при этом молчит, то оказывается соучастником.

Эпизод, когда собираются за одним столом Лева, Митишатъев, Готтих и Бланк, перекликается с мифемой «Братьев Карамазовых», которую у Битова мистериально разыгрывают бесы и Фауст. «Прибавлю еще, что Иван Федорович имел тогда вид посредника и примирителя между отцом и затеявшим тогда большую ссору и даже формальный иск на отца старшим братом своим, Дмитрием Федоровичем.

Семейка эта, повторяю, сошлась тогда вся вместе в первый раз в жизни»¹⁰. Бедному Леве досталась роль Ивана Федоровича; Бланк – «благородный старик» [2, 260] – оказывается неблагородным стариком Карамазовым; «рыжий мальчик» [2, 255] Готтих, получается, Алеша; а Митишатъев – Митя. Возможно, битовский вариант слова «Мефистофель» восходит к этому имени. Митишатъев – это Мефистофель в маске Мити Карамазова. Одновременно он и Смердяков, незаконный сын, орудие отцеубийства. Набиваясь в сыновья Бланку, Митишатъев выдает эту свою суть. Неудивительно, что Бланк нервозно реагирует на метонимического Смердякова, другими словами, на своего Смертякова. Впрочем, убийство отца метонимически замещается его поруганием и поруганием купленного им хлеба.

У Достоевского покушение на отца носит оттенок бунта против Бога. А значит, падшему ангелу Митишатъеву и подобает стремиться к поруганию Бланка, а также втягивать в это занятие Леву. Тот аморфно, как спящий или мертвый, поддается митишатъевскому торможению, не в силах противостоять бесу из-за своей расколотости. Соучастие героя в злодеянии оказывается, как у Достоевского, невольным, но не против воли: «Что? Я не слышал... – говорил Лева с митишатъевской улыбочкой на лице. Улыбочка плавала в бесформенных уже чертах, как клецка в супе» [2, 275].

В результате Митишатъев, хоть и передергивая, имеет логическое право предъявлять Леве счет от имени своего ведомства, то есть по всей форме предъявить права ада на Левину душу, шантажируя героя его низостью («Ага! попался...») [2, 299]. Логика у черта вполне адская, а значит, лживая. Но герой измучен, а степень фальшивости этого счета и при ясном уме неуловима.

Это предъявление и есть первая кульминационная точка поединка между Фаустом и чертом. Но вычленить ее трудно: ситуация закамуфлирована автором, даже не воспринимается как отдельная сцена. Серой и то не пахнет – как это произойдет в момент дуэльного митишатъевского как бы выстрела по Леве. Эта незамечаемость – тоже прием: «от искушения ведь и можно лишь выкрутиться, преодолеть – нельзя. <...> Не признать искушение – вот победить его!» [2, 293].

Опять возникает диалог констант: сюжетная линия «Фауста» и искушение святого; причем в сюжете о Фаусте продажа души заведомо происходит, а в сюжете о святом – заведомо нет. Лева не святой, но душу нечистому не отдает, вполне бессознательно умудрившись не заметить того, что ему предлагали, а значит, вывернуться, заслужив завистливо-восхищенную аттестацию беса: «Какой ты все-таки... Верткий князь» [2, 304].

Вместо пререканий по поводу требуемой души, Лева начинает выяснять отношения: что он такого нечаянно Митишатъеву сделал? Бес объясняет: **ничего** ему Лева не сделал, на бесов не работал, а надо бы. И хочет бес от Левы именно сотрудничества: «<...> чтобы ты больше не путался с **ними** – ты нам нужен! Ты – князь! Ты – русский человек!» [2, 300].

Слова Митишатъева продолжают двоиться. «Они» – это высшие силы, которые бес метонимически замещает евреями; черт претендует на душу русского князя (аллюзия на святого Владимира-князя) и огорчен его приверженностью силам неба.

Опять возникает диалог констант, на этот раз – с «Бесами». Стиль Верховенского (по отношению к Ставрогину) совершенно идентичен митишатъевскому. Начиная с «ты нам нужен», до «гипнотизма лести» [2, 300] беса аристократу. Интонации Верховенского: «Я никого, кроме вас, не знаю. Вы предводитель, вы солнце, а я ваш червяк»¹¹. А вот подвывания Митишатъева: «Ты один у меня. Что я без тебя? **Фан-том!** Атом и фонтан... Фантик я!» [2, 300]. Ставрогин слевой реагируют на это в один голос: «Помешанный, – прошептал Ставрогин»¹². «Ты сумасшедший, – сказал Лева. – Я наконец понял. Ты сумасшедший, ты маньяк» [2, 300].

Дуэли с Мефистофелем в «Бесах» нет, но и герой Достоевского тоже под прицелом у беса:

«Он выхватил опять револьвер; Ставрогин серьезно посмотрел на него.

– А что ж, убейте, – проговорил он тихо, почти примирительно.

– Фу, какую ложь натащит на себя человек! – так и затрясся Петр Степанович. – Ей-богу бы убить! Подлинно она плюнуть на вас должна была!..»¹³.

«– <...> все-таки дурак! За что только тебя твоя Фаина так любит! – никак не мог понять...» [2, 307] – в сцене дуэли вторит ему Митишатъев.

Инерция послушного следования Левы за Митишатъевым продолжается некоторое время даже в форме противоборства: как усиление «отношений» с ним, а значит – движение к нему.

Митишатъев последовательно посягает на Левину принадлежность чему-либо или на все, что ему принадлежит. Сначала – на Фаину, и Лева послушно бьет ему морду, ощущая при этом нечто вроде возвращения к цельности, но затем это ощущение вновь ускользает. Затем – на Левину свободу, не-рабство внутри системы, и Лева послушно громит шкаф с диссертациями, чтобы доказать, что ему «не слабо».

Митишатъев доходит до логического завершения в глумлении над всем, что дорого Лeve: пытается натянуть на себя посмертную маску Пушкина, то есть подменить собою все и окончательно, при Левином попустительстве и присутствии. (Опять возникает константа «Бесов»: свобода, которой они искушают, – свобода разрушения, глумления, гибели). Маска оказывается мала. Для беса это лишь игра, которой он не придает особого значения. Но для Левы – точка пробуждения, размежевания собственной сущности с низким началом. Дуэль он трактует как «отказ от отношений, это прекращение их самой возможности». «Митишатъев все удивленнее взглядывал на Леву, лицо его странно светлело. "Однозначен... – непонятно пробормотал он себе в ответ. – Однозначен!"» [2, 308].

Пара Лева – Митишатъев мгновенно «переворачивается»: теперь Лева – преследователь и активная сторона («ястреб»), а бес – сторона атакуемая («зайчик») [2, 306]. Итак, перед нами – малый и по-битовски карнавальный Армагеддон и Левино озарение, которое смотрится священным безумием.

Константа священного безумия взаимодействует здесь с константой карнавального дурака и с константой Дон Кихота, с его ритуальной, метафизической и карнавальной битвой со злом.

Так происходит преобразование Левы в воина света: «Он был безумен. Это то слово. Широко расставились его глаза иплыли по бокам лица, как две холодные рыбы. Щетина проросла на его посмертной маске. Волос вдруг стало много –

спутанные кудри. Шея стала худой, свободно торчала из воротничка. Был он совершенно спокоен. Руки его так висели, ни к чему» [2, 306].

И так же по-карнавальному происходит его гибель, чтобы возродиться «больше и лучше» – это и означает в данном случае победу.

В результате смехового, карнавального акта трагический разлом времени-эпохилевой преодолен: «<...> он чувствует <...>, что он *вернулся*. <...> Помнится, хотел он установить однажды точку, с которой все началось, точку, в которой все прервалось <...>. Вот он и стоит в этой точке» [2, 337].

Спасение героя у Битова оказывается возможным лишь по вертикали (как для гетевского Фауста). Его выход вверх – наследование Одоевцеву-деду, истинное наследование, которого Лева так неудачно добивался: не горизонталь академической ковровой дорожки, а взлет в небо. «А тут: сзади – пропасть, впереди – небытие, слева-справа – под локотки ведут... Зато небо над головой – свободно!» [2, 348-349], – у Модеста Одоевцева только и жизни, что наверху. Земля для него отменена, осталась только вертикаль.

Битов в карнавально-анекдотической форме воспроизвел суть всех литературных диалогов героя с нечистым. Суть – в скрытой дуэли, которая в «Пушкинском доме» становится явной. Это – развернутая метафора исполненного муки противоборства, которое восходит к «Братьям Карамазовым» и продолжается в манновском «Докторе Фаустусе»; пушкинского Фауста мы видим после поражения в невидимой дуэли. В дуэли «Пушкинского дома», о которой можно столько гадать, ради кого она: ради Фаины, ради Бланка, ради Пушкина, – ставкой в любом случае тоже являлась именно душа героя: «Ничего, кроме полноватой (на мучном, без витаминов) души, чуть бледной от недостатка света <...> – у Левы не было. Душа – была» [2, 102].

Таким образом, мотив антисемитизма введен в сложную систему константных сюжетных структур как мистерия бесовской непринадлежности высшему началу. Однако бес – обманутый обманщик: в «Пушкинском доме» (равно как у Гете) бесовская сила, желая зла, творит добро. Следовательно, соединив «еврейскую тему» с сюжетной константой «Фауста», Битов через смеховой катарсис «снимает» момент антисемитизма, который терпит поражение в своей основной битве, в малом Армагеддоне.

Примечания

¹ Подробнее о константах сюжетно-композиционной метонимии. См.: Клейман Р. Я. Достоевский: константы поэтики. Кишинев, 2001. С. 98-125.

² Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. С. 236.

³ Здесь и далее цит. по: Битов А. Империя в четырех измерениях. Харьков; М., 1996. Первая цифра в квадратных скобках обозначает том, вторая и далее – страницы. Далее подчеркивания А. Битова выделяются курсивом; полужирный курсив наш.

⁴ Eliade M. Lucrurile de taină. București, 1996. P. 123.

⁵ Клейман Р. Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев, 1985. С. 76.

⁶ Гете И. В. Собр. соч. в 10 т. М., 1975–1980. Т. 10. С. 399.

⁷ Битов А. Азарт, или Неизбежность ненаписаного // Звезда. 1997. № 7. С. 114.

⁸ Гете И. В. Собр. соч. в 10 т. М., 1975–1980. Т. 2. С. 424.

⁹ См.: [2, 260-261].

¹⁰ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 12 т. М., 1982. Т. 11. С. 20.

¹¹ Там же. Т. 8. С. 404.

¹² Там же. С. 405.

¹³ Там же. Т. 9. С. 74.

Rezumat

În lucrare se cercetează funcția formării subiectului "temei evreiești" în romanul lui A. Bitov "Casa Pușkin". Romanul se tratează ca o împletire complicată a câtorva constante de subiect și gen din care cea de bază este Faustiana, care își are originea în operele lui Goethe, Pușkin și Dostoevski.

Резюме

В работе исследуется сюжетобразующая функция «еврейской темы» в романе А. Битова «Пушкинский дом». Роман трактуется как сложное переплетение нескольких сюжетно-жанровых констант, из которых основной является фаустиана, восходящая к Гете, Пушкину и Достоевскому.

Summary

This work examines plot constituting function of the "Jewish theme" in 'Pushkin House' by A. Bitov. The novel is interpreted as complex interweaving of several constants of the plot and genre, the main of them is Faustiana tracing to Goethe, Pushkin and Dostoevsky.

И. А. ИЖБОЛДИНА

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ОЧЕРКОВ ДМИТРИЯ СУРУЧАНА

Дмитрий Дмитриевич Суручан (1856–1902) – активный сотрудник, корреспондент и обозреватель газет «Новороссийский Телеграф» и «Бессарабский Вестник», известный своими научными статьями по историческим и социальным вопросам: «Наброски бессарабской жизни», «Земельные нужды хлебопашцев Бессарабии», «Сельское ростовщичество в Бессарабии», «Продовольственные нужды и население Бессарабии» и др., в 80–90-е гг. XIX века находился в авангарде демократической журналистики края. В этой личности сходились публицист и художник слова, главной темой интересов которого была судьба бессарабского народа в прошлом, настоящем и будущем. В основе художественных очерков Суручана – сюжеты из жизни бедствующих крестьян, кочующих цыган, кишиневских нищих; они рисуют социальную и национальную характерность жизни Бессарабии конца XIX столетия. Особенности проблематики такой прозы в том, что затрагиваются проблемы социального и нравственного состояния «среды», воплощенные в отдельных личностях. Художественный очерк Суручана – это портретный очерк (как, например, «Пахомка нищий»¹, в котором наблюдается сосредоточенность на характере, судьбе, биографии героя – пьянчуги и попрошайки, изображаемого в пассивном конфликте с окружающим его миром), а также проблемный очерк. Примером последнего служит произведение «Несчастные»², повествующее о кочевых цыганах, отражающее противоречивый узел национально-социальных отношений в молдавском селе: «Три дня обычной законной стоянки возле села цыганского табора миновали. Сельская полиция приказала шороям (воронам, рум. *siogoi* – И. И.) убраться вон. И они, несчастные, убрались»³. Герои этих очерков представляют собой глубоко реалистические образы, которые настолько метко схвачены, что приобретают типические черты: «Вид у нашего Пахомки был такой же невзрачный, как и у всех вообще бесприютных, оборванных, нищих людей. Плюгавый, от старости сгорбленный, с морщинистым испитым лицом, украшенным мясистым, багрово-красным от пьянства носом, из-под которого, словно щетина, торчали седые усы»⁴.

Дмитрий Суручан был двоюродным братом археолога Иона Суручана (поэтому, как пишет Г. Безвиконный⁵, его интересные исследования о Бессарабии былых времен также причислялись двоюродному брату, гораздо более известному), а также правнуком питаря⁶ Касияна Суручану, ктитора (основателя) монастыря Суручены – поместья и одноименного села. Отец писателя, также Дмитрий, был председателем межевого ведомства Бессарабии 1869–1875 гг., дослужился до чина действительного статского советника (умер в 1896 г.). Вместе с братьями и их детьми Суручаны составляли довольно многочисленное семейство, игравшее значительную роль в общественной жизни Кишиневского уезда, где были председателями земства, депутатами и т. д. Родившись в 1856 г. в Бессарабии, где прожил всю жизнь, Д. Суручан впервые начал публиковаться в Одессе. В 1888 г. в «Новороссийском Телеграфе» он опубликовал статью к 20-летней годовщине

реформы в Бессарабии (14 июля 1868. г.)⁷. В том же году и в той же газете была опубликована другая статья Суручана – «Чиновники Бессарабии и десятинщики Новороссии». Другое исследование появилось в 1892 г. в «Новороссийском календаре». Оно было посвящено цыганам Бессарабии. Работа эта представляется тем более значительной, если принять во внимание, что Суручан был одним из первых исследователей этой проблемы и использовал в основном лишь семейный архив усадьбы Суручень. В следующем, 1893 году он написал о народном обеспечении. Это лишь те статьи, которые мы знаем, безусловно, есть еще и другие. Д. Суручан был активным членом ученой архивной комиссии Бессарабии. В «Записках» этой комиссии (Т. I. С. 387) из Протокола заседания от 13 февраля 1899 г. узнаем о важном сообщении нашего литератора, касающемся бессарабских резешей. На основе своей коллекции документов Суручан впервые обнародовал сведения, подтверждающие «древность резешских поселений», которые уходят в те времена, когда «прямые предки местных резешей прятались в Кодрах от варварских нашествий, избегая сражений с дикими ордами», когда «эти древние жители жили в лесах, в малых общинах, что замедлило их культурный прогресс»⁸. Вот почему, утверждает Суручан, с прекращением этих нашествий «письмо и даже болгаро-славянский язык» «без столкновений революционного характера проник в румынские канцелярии и церкви»⁹. На основании этого сообщения Д. Суручана ученая архивная комиссия решила собирать копии резешских грамот, чтобы более детально исследовать данный вопрос. К сожалению, Д. Суручан не смог продолжить свои исследования. Он умер 16 августа 1902 г. Во время революции 1917–1918 гг. усадьба в Суручене была разграблена, и многочисленные рукописи бессарабского литератора погибли в огне.

Будучи этническим молдаванином, Дмитрий Суручан позиционировал себя русским литератором, привнесшим в русскую словесность молдавский колорит, который питал его литературный талант. В процессе взаимодействия культур, а именно при контакте с молдавской культурой, у российского читателя складывается определенное отношение к ней, обусловленное национально-специфическими различиями, существующими между родной и чужой культурами. Эта встреча и взаимодействие в текстах производит интересные эффекты адаптации, переосмысления, домысливания – создания культурного фона Бессарабии. Иными словами, в художественных очерках Д. Суручану удавалось репрезентировать культурное молдавское пространство таким образом, что русская литература Бессарабии получила не просто тексты, осложненные наличием инокультурных элементов, а своего рода культурный феномен.

Современный читатель творчества Суручана видит перед собой в первую очередь социально значимые произведения: в реалистической, строго объективной манере автор создает беспристрастное изображение реальности, быта и человеческого характера. Художественные образы Суручана – отражение бессарабской действительности, но переплавленное в горниле творческого сознания писателя, в них выражена сущность и общественное значение определенного типа людей. В его произведениях очень мало светлых, радостных красок, ведь образное пространство его очерков занимает изображение различных социальных изгоев, являвшихся представителями определенных слоев и классов той эпохи, что было ведущей тенденцией художественной прозы конца XIX в. Галерея созданных Суручаном художественных образов – дань эпохе, но в основе каждого находится молдавский национальный характер. Все они в своей совокупности составляют особенности национальной действительности Бессарабии конца XIX столетия.

В творчестве писателя нашлось место также и этнографическим зарисовкам. В художественном очерке «Наброски бессарабской жизни. Сельские мотивы»¹⁰ он красочно и лирично описывает праздник русалок «сербаторя русалилор». «Среди бессарабских селян, – пишет Д. Суручан, – и по сие время сохранилось поверье в существование злых духов, имеющих женский образ и носящих наименование "русалии". Суеверные лица убеждены в том, что русалки очень мстительны. Кто не будет в дни их праздника в честь их пить и веселиться, а будет работать в своем и чужом хозяйстве, на того русалж могут сильно рассердиться и, в отмщение за слушание, отнять у непокорного разум, говоря проще, с ума свести».

Рассказы Д. Суручана содержат уникальные для нас исследования этнографического характера. Он всесторонне проанализировал и охарактеризовал народные обычаи, связанные с празднованием Нового года, где говорил о жизненных невзгодах, о вековой имущественной зависимости крестьян: «Много, очень много трудится изо дня в день, не разгибая спины, сельский молдаванин, вот почему наступление одного из больших годовых праздников является для него особенно важным событием»¹¹.

Национальная специфика жизненного материала в произведениях Суручана обнаруживает себя многопланово и разнообразно: в «обстановочных» контекстах, в непосредственных комментариях к конкретному слову, в описании национально-самобытных бессарабских реалий. Речевые характеристики персонажей содержат большое количество молдаванизмов, аккумулирующих социально-историческую информацию, сведения о национальном характере. Художественное творчество писателя всегда является мощным механизмом духовного преображения действительности, оно формирует особое культурное пространство, позволяющее читателю понять мир и самого себя. Культурное пространство Дмитрия Суручана – социально-исторический срез эпохи – жизнь бессарабцев конца XIX столетия.

Примечания

¹ Пахомка ниций // Новороссийский Телеграф, 1888, № 4290. С. 1.

² Несчастные // Бессарабский Вестник, 1892, № 756. С. 2.

³ Там же, № 761. С. 2.

⁴ «Новороссийский Телеграф», № 4290. С. 1.

⁵ Bezviconi G. Profiluri de ieri și de azi. Editura librăriei universitare Cărbăș, București, 1943. P. 226.

⁶ Питарь – в средневековых Молдавии и Валахии титул, который жаловался боярам, занимавшимся снабжением хлебом господарского двора и войска, а также надзором над господарскими пекарнями.

⁷ Новороссийский Телеграф, №№ 4130, 4140, 4182.

⁸ Bezviconi G. Profiluri de ieri și de azi... P. 227.

⁹ Там же.

¹⁰ Суручан Д. Д. Наброски бессарабской жизни // Бессарабский Вестник, 1890, № 212. С. 2.

¹¹ Суручан Д. Д. Встреча Нового года у молдаван Бессарабии // Бессарабский Вестник, 1891, № 389. С. 4.

Rezumat

În acest studiu este prezentată o viziune sintetică privind creația literară a lui Dumitru Surucean – colaborator activ la ziarele «Novorossiiskij Telegraf» și «Bessarabskij Vestnik», binecunoscut publicist și om de litere basarabean de la finele secolului al XIX-lea.

Резюме

В данной статье обзорно представлено литературное творчество Дмитрия Дмитриевича Суручана – известного в конце XIX в. бессарабского публициста и литератора, активного сотрудника газет «Новороссийский Телеграф», «Бессарабский Вестник».

Summary

This article surveys a literature activity of Dmitrij Dmitrievic Surucian, an active collaborator of newspapers «The Novorossiiskij Telegraf» and «The Bessarabskij Vestnik», well known bassarabian publicist and writer of the late XIX century.

ИСТОРИЯ И МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНТАКТЫ*Д. И. ХАЙДАРЛЫ***РУССКО-МОЛДАВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В XVIII в.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

Русско-молдавские отношения в том виде, в котором они существовали в XVIII в., осуществлялись на уровне глав государств, а также представителей руководящих кругов обоих государств. В этом виде они были инициированы – в рассматриваемый период – даже не правителями Молдавского княжества, а господарем Цары Ромыняски (Валашского княжества) Константином Брынковяну еще в 1698 г. Им владела идея освобождения Дунайских княжеств из-под турецкого господства при помощи православного русского оружия. В первые годы XVIII в. связи Бухареста с Москвой, а позже с Санкт-Петербургом, интенсифицировались. Для облегчения осуществления этих связей, а также для поддержания планов по борьбе с турками К. Брынковяну прилагал все усилия для того, чтобы в Яссах на господарском престоле находились его ставленники – к примеру, господа Константин Дука или Михай Раковицэ. Оба означенных господаря помогали К. Брынковяну поддерживать связь с русским правительством; оба они, без сомнения, разделяли его политические взгляды и довольно быстро завели собственную переписку с Москвой. Они предоставляли Петру I различную информацию, в первую очередь, военного характера.

Особенно отличился в этом отношении Михай Раковицэ. В 1709 г., в период, предшествовавший Полтавской битве, реальная возможность военной помощи со стороны крымского хана, которая могла быть оказана шведскому королю после его соединения с Мазепой, активизировала эпистолярную связь между русским командованием и Михаилом Раковицэ. Последний, располагая собственными информаторами, которых он содержал при Османской Порте, а также при крымском хане, смог предоставить России самые точные и подробные сведения относительно намерений крымского хана, его действий, которые могли спровоцировать Порту к вмешательству в русско-шведский конфликт, предрасположенности сановников Порты к тому, чтобы позволить втягивание Османской империи в этот конфликт, и, особенно, о передвижениях татарского войска во главе с ханом Девлет-Гиреем.

Можно констатировать, что точность предоставленных данных, правильная оценка господарем военно-политических тенденций, выведенных из этих данных и предоставленных в распоряжение Петра I, повлияли на эволюцию русско-шведского военного противостояния на Украине весной и летом 1709 г. Невзирая на угрозу, которую представляло татарское войско в этот отрезок времени, полученные от Михаила Раковицэ сведения позволили русскому командованию сделать вывод, что сановники Порты не решатся на то, чтобы разрешить татарскому хану вмешаться в вооруженный конфликт, и, следовательно, дали возможность русскому войску не распылять свои силы: «предупрежден – значит вооружен». Таким образом, Петр I сумел сконцентрировать русские силы в момент решающего столкновения – факт, повлиявший на исход битвы, – что и было продемонстрировано событиями, произошедшими на поле боя под Полтавой в день 27 июня 1709 г.

И в самом деле, как и был проинформирован русский царь, в день сражения хан Девлет-Гирей находился во главе татарского войска лишь у Перекопа; отсутствие разрешения со стороны сановников Порты не позволило ему оказать шведам обещанную им ранее помощь.

Как известно, после понесенного поражения Карл XII бежал к Бендерам, под защиту турок. При их содействии он разбил свой лагерь под Варницей.

Пытаясь довести свою деятельность, направленную против Карла XII, до логического завершения, Михай Раковицэ планирует во взаимодействии с офицерами русской армии – бригадиром Кропотовым и полковником Туркулецом (кстати, молдаванином на русской службе), посланными Петром I с этой целью к границам Молдавии во главе специального кавалерийского отряда, – нападение на отряд шведского короля и поимку Карла XII и Мазепы в тот момент, когда они должны были находиться в пути к границам Украины. Однако план был деконспирирован, по всей видимости, боярином, посланным господарем вести разведку при Юсуф-паше в Бендерах.

«Узнал, однако, Юсуф-паша, и Михай Раковицэ был смещен, увезен в Истанбул и закрыт», по выражению турецкого хрониста тех времен. Все же турки не были полностью уверены в правдивости упомянутого боярина, в противном случае это стоило бы господарю не места, а головы.

Подобная участь постигла и следующего господаря, Николая Маврокордата, заподозренного сановниками Порты в поддержании секретных связей с Петром I, которые облегчили нападение отдельных русских частей на контингент шведов, находившийся тогда в Молдавии.

Итак, поддержание отношений с русским командованием расценивалось турками как «неверность». Таким образом, сместив двух «неверных» господарей, турки посадили на трон «верного» – Димитрия Кантемира, заключившего 13 апреля 1711 года с Петром I небезызвестную Луцкую конвенцию о союзе. В последовавшей затем Прутской кампании царя Петра первое боевое столкновение произошло между молдаванами и буджакскими ногайцами. Горя нетерпением атаковать противника, отряд всадников из состава тех, которые собрались под знамена Д. Кантемира, самостоятельно проник в Буджакскую степь еще до подхода русской кавалерии. Этот молдавский отряд всадников, достигнув Буджака, вступил в боевое столкновение с сильным отрядом ногайской конницы, «разгромил ногайцев и гнал их, рубя, более двух миль», о чем 18 июня 1711 г. с удовлетворением доносил Петру I фельдмаршал Шереметьев.

Сам факт этого столкновения, как и его исход, отражает состояние общественного мнения в Молдавии в данную эпоху.

Помимо этого боя, молдавские вооруженные силы, сформированные Д. Кантемиром, участвовали в решающей битве при Станилештах 8–10 июля 1711 г. Неудачный исход этого сражения и заключенное по его окончании соглашение предопределили уход русской армии из Молдавии. Вместе с ней страну покинуло около четырех тысяч человек, сторонников Димитрия Кантемира, переселившихся вместе с ним во владения России.

В России Д. Кантемира ждала иная судьба – поместья, собственный дворец в усадьбе, дворец в Царском Селе, высокие государственные посты, приближенные к императору, признание в европейских академических кругах.

С целью противодействия влиянию России и пресечения развития антитурецкой борьбы, так ярко проявившейся в Молдавии во время правления Д. Кантемира, сановники Порты ввели в Молдавии новый политический режим, получивший в историографии наименование турко-фанариотского. Господари, избиравшиеся до

того представителями местных боярских родов из своей собственной среды, были заменены на назначаемых турками из рядов греческих сановников, проживавших в квартале Фанар в Константинополе. Это была не простая замена господарей, а смена политической системы правления. Правители назначались непосредственно Портой; прибывая в Яссы в сопровождении своего фанариотского окружения и оставляя своих родственников в Константинополе практически в качестве заложников султана, они таким образом продолжали полностью зависеть от благорасположения сановников Порты.

Вследствие этого при фанариотских господарях, в целом верно служивших интересам турецкого султана, Молдавия была лишена возможности вести собственную внешнюю политику. Поэтому ситуация меняется: если до 1711 г. было достаточно господарей, пытавшихся заключить союз с Россией (среди которых следует упомянуть и Антиоха Кантемира, старшего брата Д. Кантемира, в годы своего правления отправлявшего посольство в Россию с предложениями о союзе), фанариотские господа в основном занимались сбором разведывательных данных – обычным образом сведения о России предоставлялись сановникам турецкой Порты, хотя не редки были случаи, когда информацию о турках они же предоставляли в распоряжение российских властей. Новый режим привел также к быстрой сменяемости фанариотских господарей на молдавском престоле. Тем самым господарский престол в Яссах все больше становился игрушкой в руках сановников Порты, что только усиливало зависимость Молдавии от турок. Противодействовать этой тенденции молдавские бояре не могли ввиду недостаточности сил и средств. Проводниками противоположной концепции были Кантемирешты, внуки Д. Кантемира, тем самым являвшиеся потомками местной господарской фамилии. Ими владела идея восстановления в Молдавии сильной наследственной господарской власти, что, по сути, привело бы к европеизации страны в ущерб восточному влиянию (в этой связи достаточно вспомнить калейдоскопичность смены турецких султанов, ставших одно время игрушкой в руках янычарского корпуса) и привело бы к уменьшению зависимости от турок. Особенно ярко борьба двух тенденций проявилась во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг.

Летом 1739 г. имела место кампания фельдмаршала Миниха, входе которой он направляет свою армию к Молдавии. В русских войсках находятся сыновья Антиоха Кантемира. О надеждах внуков Д. Кантемира изгнать турок из Молдавии узнает тогдашний господарь Григорие II Гика. После поражения турецко-татарского войска в генеральном сражении при Ставучанах 17 августа и занятия русскими войсками Ясс 3 сентября 1739 г., верный турецкому султану Григорие Гика бежит, преследуемый по пятам и, в конце концов, достигает Галаца, где и разбивает свой лагерь. Внуки Д. Кантемира не сумели его захватить лишь вследствие недостатка времени. Ввиду заключения мира русские войска начали покидать Яссы, что доставило огромное облегчение Григорие Гике, за которым, тем не менее, продолжал еще некоторое время гоняться русский кавалерийский отряд под предводительством самих Кантемирештов. От поимки отрядом в 500 казаков, которых послал Константин Кантемир «взять языка» (уже после прекращения боевых действий), поскольку Кантемирешты узнали о передвижениях господаря, Григорие Гику спасла лишь помощь буджакских ногайцев.

Следует, однако, сказать, что протурецкая позиция, занимаемая фанариотскими правителями, воздействовала на флюктуацию общественного мнения в княжестве. Молдавские летописцы, являвшиеся представителями местных боярских родов, с гораздо меньшим энтузиазмом пишут в этот период о пришествии русских войск в

Молдавию, что очень отличается от тона молдавских летописей дофанариотского периода.

Совершенно иная картина предстает в годы русско-турецких войн последней трети XVIII в. – 1768–1774 гг. и 1787–1791 гг. Причин тут несколько. Одной из них являлась двойная турецко-татарская эксплуатация внутренних ресурсов княжества, достигшая в 60-е годы столетия своего апогея. Кроме того, все более прорусскую позицию занимали фанариотские господа, которыми постепенно овладевала идея вооруженной борьбы против турок и которые с этой целью использовали Молдавию как базу для накопления ресурсов в предстоящей борьбе за освобождение Греции – что так ярко проявилось позднее, во времена этеристского движения в начале 20-х годов следующего, XIX столетия.

Помимо этого, следует принять во внимание и сиюминутную обстановку – в результате победоносной кампании армии Румянцева в 1770 г. те немногочисленные представители правящих кругов, которые были настроены протурецки, утратили свои позиции, и власть перешла к молдавскому Дивану, сформированному из членов местного боярства. Формы сотрудничества бояр Дивана с русским командованием достаточно разнообразны. Среди них следует упомянуть, к примеру, проведение первой после 1595 г. переписи населения в Молдавии. По распоряжению Румянцева перепись производилась боярами – представителями молдавского Дивана. По поводу причин, побудивших его к проведению переписи, П. А. Румянцев писал: «Ежевременно повторяемые от поселян и другого звания обывателей жалобы на управляющих в земле в неуравнительном и пристрастном податей и повинностей расположении и происходящих при том наглостях заставляют искать способов надежных к прекращению сих злоупотреблений и к положению основательных правил для сборов».

Действительно, процесс взимания податей в княжестве в XVIII в. носил крайне неупорядоченный характер, поскольку, по сути, традиционным образом не были установлены даже их максимальные размеры и частота их взимания для большинства податных категорий населения княжества.

В результате проведения переписей 1772–1773 и 1774 гг. мы имеем теперь в распоряжении ценнейший документ, позволяющий судить о количестве и составе населения, а также о социальных отношениях в княжестве той эпохи.

В период русско-турецкой войны 1768–1774 гг. на стороне русской армии сражалось, по данным различных исследователей, не менее 10 000 молдавских волонтеров. Сведения о них отражены в вышеупомянутых переписях. В ходе русско-турецкой войны 1787–1791 гг. эта цифра возросла до 12 000 человек.

Деятельность русского военного командования в регионе в эти годы носила для Молдавии объективно благотворный характер. Дело в том, что проживавшие в южной части Пруто-Днестровского междуречья буджакские ногайцы, обычно при помощи крымских татар, с начала века и до 1770 г. предприняли не менее 7 крупных грабительских акций, опустошая территорию княжества. Уже 6 августа 1770 г. граф П. Панин заключил, после понесенных турецко-татарскими войсками поражений, конвенцию с предводителями Буджакской орды, в силу которой в том же году графом было переведено из Буджака на восток, в район реки Кубани, не менее 12 000 буджакских ногайцев. Подобные переселения имели место и в последующие годы. Вследствие этого прекратилось вековое татарское и ногайское давление на пределы Молдавии, а также завершилась двойная турецко-татарская эксплуатация княжества, что привело к преодолению ряда застойных явлений в экономике страны, а также к более плотному заселению центральных районов Пруто-Днестровского

междуречья представителями оседлых народов. Как свидетельствуют многочисленные источники, плотность заселения этого региона в предыдущий период была гораздо ниже, чем, к примеру, в Запрудской Молдавии, поскольку именно он больше всего страдал от татарско-ногайских вторжений.

Каково же было к подобным перемещениям отношение самих ногайцев? С этой точки зрения представляют интерес 3 документа, хранящиеся в Архиве Внешней Политики Российской империи, в фонде 112.

Документ № 1.

«1770 г., август 6.

Под Бендерами, командующему второй русской армией графу Панину: Присяга эдисанских и буджакских мурз и старшин графу Панину об отделении от турецкой области, чтоб состоять под протекциею ея великой Всероссийской Императрицы на древних правах. Грамота заверена всеми эдисанскими и буджакскими начальниками и духовниками.

Печати приложены (26 печатей)».

АВПРИ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1, 1768–1775. «Дела четырех орд: Эдисанской, Буджакской, Джембуйлуцкой, Едичкульской». Л. 22 об.

Документ № 2.

«1770 г., август.

Письмо Императрице от мурз эдисанских и буджакских.

От присяжных Вашему Императорскому Величеству присяжное наше письмо. Мы ныне находимся между реками Бугом и Днестром, Эдисанской и Буджакской орды татара, с графом Паниным учинили договор, что мы от Порты Оттоманской отщепились и отдаем под протекцию Императрицы.

Быть в правах и владениях вольными, податей не требовать.

Подписи эдисанских мурз:

Джан Мамбет мурза, Сулейман Шах мурза, Темир Султан мурза, Джан Темир мурза. Буджакские мурзы:

Кан мурза Хаджи, Гарах мурза, Джан Темир мурза, Кан Мамбет мурза, Вели Шах мурза, Мамбет мурза, Бей Мурза мурза».

АВПРИ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1, 1768–1775. Л. 32.

Документ № 3.

От 13 января 1772 г.

Письмо Джан Мамбет бея, Джан Темир бея и Абдул Керим эфенди графу Панину.

Императрица, изволила нас под свой августейший покров принять и все милостивейше позволила нам переселиться на места предков наших, по имевшемуся у нас желанию в Кубанскую сторону, куда мы благополучно и прибыли».

АВПРИ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 1, 1768–1775. Л. 67 об.

Судя по тону посланий, ногайцы были вполне удовлетворены подобным положением вещей. Их можно понять: Прикубанские, Сальские степи и степи Кума-Маньчской впадины значительно превосходят по площади территорию Буджака, где вольнолюбивые кочевники чувствовали себя крайне стесненно.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что позиция, занимаемая правящими кругами, непосредственно влияла на флюктуацию общественного мнения в княжестве. Кроме того, можно констатировать, что деятельность русского

командования имела объективно благотворные последствия для различных групп населения в регионе.

Литература

1. Бантыш-Каменский Н. Н. Реестр делам крымского двора с 1474 г. по 1779 г. Симферополь, 1893.
2. Бычков А. Ф. Румянцев-Задунайский, 1725–1796, его письма к Екатерине II, к князю Потемкину и к графу В. А. Зубову. Русская старина, № 8, 1873.
3. Глаголева А. П. Русско-турецкие отношения перед Полтавским сражением. Полтава. Москва, 1959.
4. Дмитриев П. Г. Народонаселение Молдавии. Кишинев, 1973.
5. Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы. Т. III. Москва, 1970.
6. Ион Некулче. О самэ де кувинте. Летописецул Цэрий Молдовой. Кишинэу, 1969.
7. Масловский Д. Ф. Материалы к истории военного искусства в России. Москва, 1980.
8. Молдавия в эпоху феодализма. Т. VII, ч. I, II. Переписи населения Молдавии 1772-1773 и 1774 гг. Сост. Дмитриев П. Г. Кишинев, 1975.
9. Мохов Н. А. Дружба ковалась веками. Кишинев, 1980.
10. Мышлаевский А. З. Война с Турцией 1711 года (Сборник материалов). С.–Петербург, 1898.
11. Панин Н. И. Из бумаг графа Н. И. Панина, 1770. Русский архив, кн. III, 1878.
12. Письма и бумаги Петра Великого. Вып. 2. Т. XI. Москва, 1964.
13. Россия и освободительная борьба молдавского народа против османского ига 1769-1812 гг. Кишинев, 1984.
14. Семенова Л. Е. Дунайские княжества в системе международных отношений. Москва, 1994.
15. Boicu L. Principatele romane in raporturile politice internaționale (secolul XVIII). București, 1986.
16. Ciobanu V. Relațiile politice româno-polone între 1699 și 1848. București, 1980.
17. Cronica anonimă a Moldovei 1661–1729 (Pseudo-Amiras). București, 1975.
18. Cronici turcești privind țările române. Voi. 2. ed. Guboglu M. București, 1974.
19. Cronici turcești privind țările române. Voi. 3, ed. Mehmet M. A. București, 1980.
20. Тсаци V. Moldova in relațiile politice internaționale (1763–1774). Chișinău, 1999.
21. Urechia VA. Documente dintre 1769–1870. București, 1889.
22. Veliman V. Relațiile romano-otomane (1711–1821). Documente turcești. București, 1984.

Rezumat

În articol propus sunt examinate unele aspecte politice ale relațiilor moldo-ruse pe parcursul secolului al XVIII-lea.

Резюме

В данной статье рассматриваются некоторые политические аспекты молдавско-русских отношений на протяжении XVIII в.

Summary

In this article, some political aspects of the Moldovian-Russian relations during 18-th century are studied.

О. С. ГАЛУЩЕНКО

**НАЧАЛО ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ УКРАИНИЗАЦИИ
В МОЛДАВСКОЙ АССР (20-е гг. XX в.)**

На протяжении всего времени существования Советской власти национальный вопрос занимал в ее деятельности подчиненное положение. Исключением стали, в какой-то мере, 20-е годы. Борьба за победу и укрепление диктатуры пролетариата сопровождалась многочисленными репрессиями, в том числе и против интеллигенции. В 1922 г. были депортированы многие творческие личности, среди которых – несколько десятков из Украины¹. «Союз» красных и зеленых, вместе борющихся против восстановления дореволюционных порядков, стал ослабевать. Этим попытались воспользоваться противники большевиков. На обострение межнациональных противоречий обратил внимание В. И. Ленин. После образования СССР, XII съезда РКП(б) и Четвертого совещания ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей (9–12 июня 1923 г.) положение по сравнению со временами гражданской войны существенно изменилось, началось проведение политики коренизации.

В Украине перешли к активным действиям по украинизации. Был проведен анализ существующего положения вещей. В справке ЦК КП(б)У «Количественный и национальный состав Украины», подготовленной в 1923 г., отмечалось:

«а) Украина не представляет собой страну однонациональную, чисто украинскую, а имеет нацменьшинства в лице нескольких десятков национальностей, из коих численностью особо выделяются русские (15%) и евреи (7%).

б) Украинцы в своем подавляющем большинстве являются крестьянами и живут в селах. В городах, особенно в губернских, большинство населения составляют русские и евреи, за исключением г. Полтавы»².

Доля коммунистов среди украинцев была существенно ниже, чем среди национальных меньшинств, что сказывалось на национальном составе руководящих работников. Особо выделялся вопрос об украинском языке. Например, в сентябре 1923 г. в Украине издавалось только 15 украинских газет, или, с учетом тиража, 1 экземпляр в день на 200 грамотных украинцев. Не часто применялся украинский язык в делопроизводстве. Авторы справки считали, что подобрать требуемое количество управленцев, уже владеющих им, труднее, чем научить имеющих работников. Такого же мнения придерживалось губернское руководство: «Поэтому все губкомы приняли решительные меры к обучению работников украинскому языку. Некоторые ГК уверяют, что это дело ближайших месяцев (Подольский ГК). Другие губкомы, например Харьковский, думают, что к 1 января 1924 г. успеют перевести делопроизводство всех учреждений губернии»³.

В конце 1923 г. – начале 1924 г. в проведении украинизации были получены определенные результаты. Состоявшийся 20–22 марта 1924 г. пленум ЦК КП(б)У в своей резолюции по отчету Политбюро и Оргбюро указал на «значительные достижения в деле украинизации низовых органов (советских и частично партийных) и очень слабые успехи в украинизации руководящих органов (окружных, губернских, центральных). Вместе с тем пленум отмечает, что, как общее правило, на заседаниях этих органов члены партии, знающие украинский язык, говорят по-русски, что затрудняет проведение украинизации.

...Пленум предлагает всем партийным и советским руководящим органам ускорить переход на ведение заседаний на украинском языке, в этих целях все

товарищи, владеющие украинским языком, обязаны на всех заседаниях (партийных, советских, хозяйственных и других) говорить по-украински»⁴.

Вопрос о содержании процесса украинизации, о формах и методах ее проведения, в том числе и среди национальных меньшинств, стоял довольно остро. В апреле 1925 г. пленум ЦК КП(б) Украины сделал следующее разъяснение: «Украинизировать, то есть перевести на украинский язык общественно-политическую и культурную жизнь и строительство, и тем самым, конечно, и работу советского и партийного аппарата, обеспечив нужды нацменьшинств»⁵. Украинизация предполагала не только изучение имевшимися кадрами украинского языка, но и массовое выдвижение этнических украинцев на руководящие должности, быстрое развитие украинской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Проведение политики коренизации в УССР вызвало повышенный интерес у зарубежных украинцев. Так, издававшаяся в Польше газета «Дто» писала, что важнейшим моментом в украинизации для Советской власти была переделка национальной украинской души в интернациональную, уничтожение любых национальных ценностей и замена их интернациональными. Однако скоро коммунисты поняли, что к душе народа можно подойти только на его родном языке. Газета подчеркивала чисто утилитарное значение украинизации для коммунистов. Но фактически они своей работой дают возможность украинцам надлежащим образом использовать мероприятия Советской власти. Поэтому украинцы должны считать этот маневр коммунистов большим приобретением для украинской нации⁶. Часть украинских интеллектуалов на практике пыталась изменить эту общесоветскую формулу и начала создавать культуру, социалистическую лишь по форме, но национальную по содержанию.

Проведение политики украинизации и первые результаты не остались незамеченными в среде русских эмигрантов. Например, философ и историк Г. П. Федоров писал: «Мы присутствуем при бурном и чрезвычайно опасном для нас процессе: зарождении нового украинского национального сознания, в сущности, новой нации. Убить ее невозможно, но можно работать над тем, чтобы ее самосознание утверждало себя как особую форму русского самосознания»⁷.

К моменту образования автономной республики аппарат государственных и общественных организаций в разных районах этой территории уже был в значительной мере украинизирован. Была также переведена на украинский язык работа многих школ. В отчете Балтского окружного комитета КП(б)У за май–июнь 1924 г. сообщалось, что 5 районов украинизированы полностью, 5 – на 75% и лишь один оставался в то время слабо украинизированным. 28 июля 1924 г. Подольский губком партии рассмотрел вопрос «Об украинизации». В постановлении отмечалось:

«Окончательным сроком полной украинизации губернии назначить 7 ноября, день 7-й годовщины Октябрьской революции.

...Начиная с 1-го августа прекратить прием в советские учреждения сотрудников, не знающих украинского языка, допуская в исключительных случаях прием служащих, не знающих украинского языка, отбирая у них обязательство изучить украинский язык в определенный срок».

В это время из сотрудников, работавших в 33 губернских учреждениях Подолии, хорошо знали украинский язык 700 человек, слабо знали – 725, не знало – 183. В конце года прошла новая проверка. За пять месяцев был принят на работу 161 человек, в том числе 14 не знавших украинского языка. Они были зачислены на службу по специальному разрешению Президиума губернского исполкома⁸.

Некоторые представители украинской интеллигенции отрицательно отнеслись к идее создания в Приднестровье МАССР. В докладе секретаря Молдавского обкома партии И. И. Бадеева «Об итогах проведения национальной политики в АМССР» в первые месяцы после ее образования отмечалось: «История бывшего Балтского уезда показывает, что до 1922 года украинская интеллигенция активно поддерживала политический бандитизм и петлюровщину.

В данный момент, в связи с общим поворотом интеллигенции к Советской власти, указанные традиции постепенно изживаются.

В связи с организацией АМССР, часть не молдавской интеллигенции Крутянского района, предполагая немедленное введение молдаванизации, агитировала против создания АМССР, но при обнародовании декларации, признавшей украинский язык равноправным с молдавским, указанное явление изжито и больше таких случаев не наблюдается»⁹.

В течение первого года после создания Молдавской АССР на реальное проведение национальной политики властям не хватало ни сил, ни времени. 29 сентября 1925 г. Президиум ЦИК МАССР принял решение о создании комиссии по молдаванизации и украинизации советского аппарата. Ей было поручено в месячный срок определить основной язык каждого из районов республики, провести учет учителей, определить состав работников учреждений, ведомств и организаций по знанию ими языков, разработать план, наметить сроки проведения украинизации и молдаванизации¹⁰.

Руководство республики считало, что теперь наряду с украинизацией аппарата необходимо проводить и его молдаванизацию, причем прежде всего именно последнюю. В постановлении по докладу названной комиссии от 28 января 1926 г. бюро Молдавского обкома партии отметило: «Принимая во внимание необходимость и возможность украинизации учреждений АМССР, составление срока украинизации в АМССР увязать с темпом украинизации на Украине... Взять курс на то, чтобы на заседаниях обкома, ЦИКа, СНК и др. организаций работники говорили на украинском и молдавском языках»¹¹. В феврале-марте в некоторых наркоматах были организованы кружки по изучению украинского языка. Их выпускники должны были свободно писать, читать и общаться с посетителями на украинском. Учителя, видимо и сами не очень подготовленные, применяли на занятиях только чтение вслух, диктанты с переводом, упражнения в разговорной речи¹².

Конечно, невозможно было в такой ситуации проводить украинизацию так же быстро, как в УССР. Тем не менее, 2 февраля 1926 г. комиссия по украинизации и молдаванизации постановила: «...считать возможным с 1 марта перевести делопроизводство на украинский язык, на основании постановления ВУЦИКа, а по изучении молдавского языка перейти на таковой». 9 февраля 1926 г. бюро обкома партии отодвинуло срок окончания украинизации на два месяца – до 1 мая того же года¹³.

Весной 1926 г. по заданию НК РКИ УССР в Молдавии работала специальная комиссия, обследовавшая проведение национальной политики в автономии. В своем докладе она отметила, что, поскольку украинизация не проведена до конца, сотрудники, не владеющие украинским языком, продолжают приниматься в общем порядке, а не по специальному разрешению, как того требовало законодательство¹⁴.

В это время из 377 руководящих работников Молдавской АССР 154, или 40,8%, были этническими украинцами. Однако из них только 41 человек (26,6%) свободно владел родным языком, 61 – слабо и 52 не знали украинского. Всего же к первой категории (хорошо знающих украинский язык) относились 53 руководящих

работника, ко второй (слабо знающих) – 142 и к третьей (не знающих) – 182 человека. Из 2 073 сотрудников центрального, районного и местного аппаратов, по неполным данным, могли писать по-украински 1 147, читать – 1 627 и говорить – 1 346 человек. Правда, последние две цифры включали в себя и 1 147 свободно владевших украинским¹⁵.

Украинизация в различных учреждениях проходила по-разному. Так, например, в НКВД при 31% сотрудников первой категории аппарат был украинизирован полностью. То же и в ЦИКе при 18%. А наркоматы здравоохранения (12%) и просвещения (10%) только приступили к ней. В докладе проверочной комиссии описывается, как практически проводилась украинизация: «От руководителей учреждений зависит то, насколько последние твердо ставят этот вопрос перед сотрудниками учреждений. Наркомвнуделом, на основании постановления Президиума ЦИКа, был издан приказ по наркомату о переводе делопроизводства на украинский язык. После этого нарком стал принимать бумаги на подпись только на украинском языке. Это в большой степени способствовало тому, что к моменту обследования делопроизводство было уже переведено на украинский язык. Остальные наркоматы так твердо этого вопроса не ставили, в результате получилось отставание одних и быстрый и своевременный переход других»¹⁶.

Аппарат общественных организаций был украинизирован еще слабее. Если некоторые бумаги и писались по-украински, то между собой и с посетителями сотрудники продолжали говорить по-русски. «В этой части, – отмечали авторы доклада, – также много зависит от руководителей учреждений. Нет указаний со стороны их (руководителей), чтобы владеющие украинским языком сотрудники говорили исключительно на нем. Это в значительной мере не только не способствует украинизации аппарата, а задерживает ее ход»¹⁷.

Отставание в темпе украинизации от остальной территории УССР обусловило проезд некоторых работников в Молдавию: «Характерно, что ослабленный темп украинизации аппарата на территории АМССР способствовал, до некоторой степени, приезду работников из УССР, например: по союзу Работпрос с января месяца по апрель прибыло 3 человека из УССР по нежеланию изучать украинский язык. Обратных случаев не было»¹⁸.

Этнические украинцы составляли значительную часть членов Коммунистической партии, комсомола, профсоюзных и других организаций Молдавии, но их доля была ниже, чем в составе населения. Например, на первое декабря 1925 г. в партии они насчитывали только 28,2%, в профсоюзах – 42%. В 1925/26 г. в сельских советах украинцев было 50,9%, в районных исполкомах – 38,4%, в ЦИК Молдавской АССР – 23%¹⁹.

Не простым для межнациональных отношений было положение в системе образования, где доля украинцев также была ниже, чем процент национальных меньшинств (за исключением болгар), но выше, чем доля молдаван. Украинские школы сравнительно хорошо снабжались учебниками. Из общего количества выданных школам в 1925/26 учебном году книг на украинском языке было 60%, а клубам и хатам-читальням – 46%²⁰.

В своих выводах проверочная комиссия акцентировала внимание на том, что уже украинизированный от 50 до 100% аппарат управления Балтского округа после создания Молдавской АССР, воспользовавшись ослаблением внимания, вновь русифицировался, руководители ведомств, партийные ячейки, общественные организации не проявили должной инициативы. «Делопроизводство обследованных ведомств, – отмечалось в выводах, – за исключением Балтского РИКа и

наркомвнудела, не переведено на украинский язык к указанному декретом ВУЦИКа (1/1-26 г.) и постановлением (Молдавского – О. Г.) обкома КП(б) У (1Л/-26 г.) сроку.

...Фактическое состояние украинизации центральных, районных аппаратов, за исключением Наркомвнудела, Совнаркома и Балтского РИКа, находится в зачаточном состоянии. К молдаванизации аппарата еще не приступлено... Не украинизированы аппараты и работа общественных организаций»²¹. Проверочная комиссия предложила вместо одной общей комиссии по молдаванизации и украинизации создать при ЦИКе две отдельные, а также в районах с большинством молдавского населения украинизацию вообще не проводить, все силы сконцентрировав на молдаванизации. 25 мая Молдавский обком партии не согласился с этими предложениями. В его постановлении сказано: «Считать, что решение бюро обкома в части украинизации учреждений АМССР к 1-му мая не выполнено. Срок украинизации продлить до 1-го июля». При основной, центральной комиссии предлагалось создать две подкомиссии по молдаванизации и украинизации. Молдавским районам рекомендовалось ускорить молдаванизацию, но об отмене в них украинизации не говорилось»²².

8 июня 1926 г. Президиум ЦИК МАССР принял постановление «О молдаванизации и украинизации советского аппарата». Статья 1-я гласила: «Во всех государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях в гор. Балте и в районах Балтском, Крутянском, Бирзульском и Ананьевском перевести все делопроизводство на украинский язык не позже 1-го июля 1926 г.»²³.

Отношения между молдаванами и украинцами в автономной республике можно определить как дружественные. Иногда возникали конфликтные ситуации. Так, например, случилось в августе 1926 г. на курсах учителей. По агентурным сведениям ГПУ, на них «с докладом от молдавских учителей выступил Решетников (учитель Алексеевского р-на) и в очень резких словах обвинил украинское учительство и косвенно устроителей курсов в угнетении молдавской нации в лице молдавских учителей.

...В действительности кроме дружеских шуток по адресу молдаван ничего от массы учительства не было видно, и вдруг резкое заявление, что украинцы вообще угнетают молдаван.

Вообще чувствовалась искусственность создавшегося конфликта. Интересно, что в поддержку решения молдаван выступил Мадан, служащий наркомпроса, и в довольно пространной речи наговорил много всяких глупостей, которых никто не ожидал от Мадана, считавшегося до сих пор умным человеком. Он говорил, что у украинцев существует тенденция державной нации. Получилось так, что молдаване, нужно это или нет, обязательно должны были возмутиться. Все же дело пошло из-за того, что молдавские курсы, предполагавшиеся ранее отдельно от украинских, были потом слиты в одни, и из-за того украинские курсы называли курсами активистов. Это-то, кажется, наиболее обидело молдаван»²⁴.

В 1927 г. произошло некоторое обострение отношений между украинцами и поляками в Балтском районе. В селе Станиславовка «взаимоотношения с украинским населением ненормальные, они (крестьяне – О. Г.) считают себя поляками, – хотя польского языка не знают, все же они стремятся к изучению его и развитию даже с шовинист, стороны (так в тексте – О. Г.). Поэтому была организована польская школа и с[ельский] с[овет], украинцы запротестовали против национального сельсовета, и он вел свою работу на украинском языке, недели 2 тому назад во время съезда советов поступили жалобы на то, что сельсовет считается польским, а работает на украинском языке... Некоторые ненормальности

имеются между поляками и украинцами в с. Слободо-Рашкове, в меньшей степени, чем в Станиславовке, но на той же почве»²⁵.

В декабре 1926 г. была проведена Всесоюзная перепись населения. Согласно ее данным, в Молдавии проживало 277 515 украинцев, или 48,6% от общей численности населения. Из них мужчин было 135 340 человек, женщин – 142 175. В городах проживало 29 455 украинцев (35,8% от общего количества горожан), в сельской местности – 248 060 (50,7%) человек. В составе городского населения украинцы были в относительном большинстве, а сельского – в абсолютном²⁶. Более половины городских украинцев (51,2%) были грамотными. В сельской местности этот показатель достигал 34,8%. Средний уровень грамотности украинцев в МАССР составил 36,6%²⁷.

Положение в сфере образования на украинском языке характеризуют данные обследования на 1 января 1927 г. Из 373 начальных школ автономии украинцев было 217. В них занималось 18 663 человека. Многонациональный состав населения Молдавии обусловил наличие школ с двумя языками преподавания. Украинско-русских начальных школ насчитывалось 4 (242 школьника), украинско-молдавских – 19 (2 478). В это время работала одна украинско-польская школа с 76 учащимися. Имелось также несколько смешанных немецко-украинских и немецко-русских школ, в одной школе занятия в разных классах велись на трех языках²⁸.

Школ с семилетним сроком обучения в МАССР на 1 января 1927 г. было 35, из них в 11 занятия велись на украинском языке (3 547 учащихся). Также в это время работало 9 украинско-русских семилеток с 3 394 школьниками²⁹. По данным упомянутой выше проверочной комиссии, школы второй ступени охватывали детей разных национальностей весьма неравномерно. Из общего количества учащихся молдаван было 4,4%, украинцев – 34,6%, евреев – 45,5%, немцев – 3,5%, русских – 10,9% и т. д. В 1928 г. 84,7% школьников – украинцев учились на родном языке³⁰.

Таким образом, приведенные в статье материалы показывают, что украинизация в Приднестровье начала осуществляться еще до создания Молдавской АССР. После образования автономной республики она была продолжена, но в меньшем масштабе и более медленными темпами, чем на остальной территории Украины. Это объясняется необходимостью проведения молдаванизации, которой партийные и советские органы уделяли первостепенное внимание. В конце 20-х – начале 30-х годов в реализации национальной политики были достигнуты существенные результаты. В соответствии с Конституцией МАССР 1925 г. украинский язык был одним из официальных языков автономии, на нем уже в 20-е годы оформлялись документы в сельских советах, райисполкомах и некоторых центральных органах власти. Украинское население Молдавии получало образование на родном языке, на украинском издавались газеты и другая печатная продукция. Этому весьма способствовала стабильность норм и правил украинского языка, по сравнению с молдавским, что существенно облегчало его изучение и практическое использование.

Труднее проходила украинизация молдаван и национальных меньшинств. Она более успешно развивалась в молодежной среде, что было связано с изучением украинского языка и литературы в школе и большими возможностями адаптироваться к изменяющейся обстановке, чем у людей старшего возраста.

Примечания

¹ Адамський В. Депортація української інтелігенції в контексте становлення тоталітарного режиму // Розбудова держави. Київ, 1996, № 8. С. 40-44.

² Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 16, д. 1408, л. 2.

³ Там же, л. 2-18.

⁴ Там же, д. 1393, л. 42.

⁵ Там же, д. 1394а, л. 83.

⁶ Архив общественно-политических организаций Республики Молдова (АОПОРМ), ф. 49, оп. 1, д. 600, л. 4.

⁷ Цит. по: Баграмов Э. Национальная идея в Евразийском контексте // Евразия. Народы. Культуры. Религии. Москва, 1996, № 1. С. 13.

⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 16, д. 1535, л. 7.9; д. 1547, л. 152, 156; King C. The Moldovans. Romania, Russia, and the Politics of Culture. Stanford, 1999. P. 76.

⁹ АОПОРМ, ф. 49, оп. 1, д. 222, л. 60.

¹⁰ Там же, д. 662, л. 19.

¹¹ Там же, д. 521, л. 12.

¹² Там же, д. 622, л. 19, 22.

¹³ Там же, д. 521, л. 16, д. 661, л. 2.

¹⁴ Там же, д. 622, л. 26.

¹⁵ Там же, л. 27, 28.

¹⁶ Там же, л. 31.

¹⁷ Там же, л. 32.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же, л. 44, 45; д. 663, л. 22.

²⁰ Там же, д. 622, л. 41-43.

²¹ Там же, л. 17, 47, 48; См. подробнее: Національні процеси в Україні. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 57, 58.

²² АОПОРМ, ф. 49, оп. 1, д. 622, л. 51; д. 521, л. 55.

²³ Там же, д. 548, л. 2, 2об.

²⁴ Там же, д. 585, л. 94.

²⁵ Там же, д. 1102, л. 2, 3.

²⁶ Молдавия. Статистические материалы. Балта, 1928. С. 221.

²⁷ Там же. С. 223, 224, 226.

²⁸ Там же. С. 238, 239.

²⁹ Там же.

³⁰ АОПОРМ, ф. 49, оп. 1, д. 663, л. 41; Грекул А. Расцвет молдавской социалистической нации. Кишинев, 1974. С. 75.

Rezumat

In articol este abordat procesul de ucrainizare în Republica Autonomă Sovietică Socialistă Moldovenească în anii 20 ai sec. XX.

Резюме

В статье анализируется процесс политики украинизации в Молдавской АССР в 20-е годы XX в.

Summary

In this article, the process of Ukrainization policy in Moldavian ASSR in the 20-s is analyzed.

**STATUTUL SOCIAL-JURIDIC AL ROMILOR DIN ȚARA MOLDOVEI
ÎN PERIOADA MEDIEVALĂ (SEC. XV–XVIII)**

Date precise cu privire la apariția romilor în Țara Moldovei nu sunt cunoscute până în prezent. Lipsa documentelor se datorează în primul rând, vitregiei vremurilor, precum și instabilității modului de trai al locuitorilor care din pricina năvălirilor barbare se refugiau adesea în munți, luând cu sine numai lucruri de primă necesitate. Primul document ce atestă prezența lor în acest teritoriu, menționează statutul de robi al romilor: „8 iulie 1428 – Domnitorul Moldovei Alexandru cel Bun, dăruia Mănăstirii „*Adormirii*” din Bistrița, 31 de sălașe de „țigani” (*celiadî țiganî*)”. Această mențiune este atestată și la M. Kogălniceanu care relatează în scrierile sale că romii au pătruns în Moldova în timpul lui Alexandru cel Bun, care le-ar fi dat „*aerul și pământul pentru a rătași, focul și fierul pentru forja*”. Totodată, autorul susține ideea că romii și-au făcut apariția concomitent în Moldova, Ungaria și Germania în al nouăsprezecelea an al domniei lui Alexandru cel Bun (1417), însă această opinie nu este confirmată documentar. Ulterior, sunt amintite în ordine cronologică daniile oferite de domnitori mănăstirilor Moldovița (1434), Probota (1443) etc, unde romii erau dăruiți în calitate de servitori. Astfel, în Moldova ca și în Muntenia, romii de la primele atestări documentare, au avut același statut social privat de libertate, cu trecerea timpului numele de „rom/țigan” devenise sinonim cu acela de „sclav/rob”¹.

În istoriografia română originea robiei în principatele dunărene nu a constituit obiectul unui studiu independent, în general, fiind acceptată ideea că originea robiei este anterioară constituirii Țării Moldovei. Istoricii N. Iorga, M. Kogălniceanu, G. Potra, Th. B. Scurtulescu, considerau că romii erau inițial robi ai tătarilor, fiind ulterior preluați de populația română după ce acestea (tătarii) au năvălit masiv în acest teritoriu din stepa situată la nord de Caucaz după 1241. Alți autori, printre care se evidențiază printr-un studiu aprofundat Al. I. Gonța, explică apariția robiei în țările române prin luptele băștinașilor cu diferite popoare, inclusiv cu tătarii, luptă în care prizonierii capturați împreună cu servitorii lor (printre care un grup masiv îl constituiau *romii fierari și potcovari*) erau transformați în robi². Această argumentare se pare a fi cea mai plauzibilă, fiind în mare parte confirmată și de cronicile perioadei date. În epoca medievală, războaiele de agresiune au fost pentru majoritatea popoarelor modul cel mai rapid de îmbogățire, prin turmele de vite acaparate și mai ales prin captivi luați, care erau ulterior antrenați la munci silnice. Cauzele acestei înrobiri masive au fost influențate de un caracter strict economic, și anume nevoia acută de brațe de muncă ce era resimțită în țările române în această perioadă. Populația acestor meleaguri, cu poziția sa geografică în care s-a născut și s-a dezvoltat, a fost, din veacul al treilea după Hristos, victimă la o serie de năvăliri din partea multor triburi nomade. Toate triburile care s-au succedat în acest neîntrerupt șir de migrații nu și-au însușit, desigur, numai bunurile materiale de care aveau nevoie, ci și oameni captivi. Fără nici o îndoială că soarta prizonierilor de război nu era decât robia. După cruciade, când țările române, prin poziția lor, participau la marele comerț, numărul redus al țărănilor și faptul că aceștia nu erau buni meșteșugari, mai ales fierari, de care acum era mare nevoie, i-au determinat pe domnitori și pe stăpânii feudali să-i constrângă pe romi să se fixeze pe domeniile lor; aceștia pierzându-și astfel libertatea. În Moldova, marea majoritatea romilor au fost aduși din Țara Românească (care la rândul lor, au ajuns aici prin filiera balcanică, și nicidecum caucaziană)³.

Documentar se atestă o permanentă deplasare de romi din Țara Românească în Moldova. Cronică Moldo-Germană ne informează spre exemplu: „În luna martie, în ziua 7 anul 6979[1471], într-o joi, a pătruns Ștefan voievod în Muntenia și în aceeași zi, a avut o

mare bătălie cu Radu voievod, pe un câmp, lângă un târg numit Soci. Acolo a omorât multă oaste și le-a luat 17 000 de țigani (romi) cu dânsul în robie”. La fel, Letopisețul Țării Moldovei (autor Gr. Ureche), relatează alt caz relevant de capturare în robie a romilor, în urma războaielor duse între domnitorii Ștefan cel Mare (Țara Moldovei) și Radu cel Frumos (Țara Românească): „A luat Ștefan Vodă cetatea Teleajănelui (1 octombrie 1474) și a tăietu capetele pârcașilor, și muierile lor le-au robitu, și mulți țigani au luat și cetatea au ars-o”. Cu toate că unii autori contestă cifrele exagerate de romi luați în robie, totuși aceste relatări exprimă pe deplin amploarea fenomenului robiei în țările române ⁴.

Cauza ce a stat la baza hotărârii romilor de a rămâne în Moldova, nu este pe deplin elucidată. Spre deosebire de majoritatea confrăților lor, ce au migrat în Europa Occidentală și de Est, ulterior în Ucraina și Rusia, aceste șatre nu au fost de acord de a-și pierde libertatea și de a fi luate în robie, alegând calea migrației continue în detrimentul sedentarizării forțate. Totuși, robia în Moldova era mai „ușoară”. Primul lucru, și cel mai important, era că robul din Moldova nu putea fi condamnat la moarte de stăpânul său. Avem mărturii și hrisoave domnești prin care boierii, care îndrăzneau să ucidă un rob, erau aspru pedepsiți. Robii romi moldoveni se bucurau de o libertate economică mult mai mare decât în dreptul roman, având posibilitatea de a stăpâni o mică proprietate de care dispuneau după voința lor. Orice tranzacție contractuală asupra bunurilor sale cu terțe persoane era valabilă în fața oricărei instanțe din țară. Având dreptul de proprietate asupra bunurilor sale, robul putea vinde, cumpăra, dona și testa. Spre deosebire de sclavul roman, robii din Moldova aveau dreptul să apară în fața instanțelor judiciare, spre a-și dovedi drepturile sale. Pe de altă parte, faptul că romii devenind robi, au rămas în acest teritoriu, este condiționat de gradul înalt de toleranță a populației autohtone, spre deosebire de occidentali, unde romii erau prizonieri în permanență de instituțiile opresive statale și clericale. Robia romilor în Moldova apare în documentele emise de cancelaria țării în secolele XV și XVI ca o instituție patronată de stat. Autoritatea centrală a statului feudal, reprezentată prin domnie, înzestrată cu cele trei puteri, legislativă, judecătorească și executivă, pe care le exercită asupra locuitorilor, avea în același timp și latitudinea de a dispune de robii prinși în lupte, împărțindu-i dregătorilor ori mănăstirilor. Ceea ce trebuie de remarcat, însă, e faptul că atât în Țara Românească cât și în Moldova, primele danii cunoscute documentar sunt făcute mănăstirilor și numai după aceea apar și boierii, ca stăpâni de robi. Deși numărul actelor moldovenești care cuprind informații despre țigani în înțelesul de robi străini nu sunt așa de multe, totuși ele sunt suficiente și destul de bogate în date pentru a putea reconstitui starea socială, economică și juridică a țiganilor robi și a instituției robiei în Moldova în secolele al XV-lea și al XVI-lea. Ceea ce ne lipsește din aceste izvoare sunt numai mențiunile despre faptul, cum au apărut ei în Moldova și când vor fi transformați ei în robi, căci din actele domnești îi putem constata existând, doar, ca robi, în puterea statului, chiar de la începutul sec. al XV-lea, fără alte amănunte explicative ⁵.

Clasificarea populației de robi țigani din Moldova, trebuie să aibă la bază criterii precise, care să evite eventualele confuzii și suprapuneri, care apar adesea în literatura privitoare la această problemă. Primul criteriu, esențial, este cel al dependenței de stăpân. Primul care aplică această clasificare în practică a fost domnitorul Țării Moldovei, Vasile Lupu. Din acest punct de vedere, *Pravila lui Vasile Lupu* (un cod de legi adoptat în 1646) prevedea că robii țigani se împărțeau în robi domnești, robi mănăstirești și robi boierești.

Mihail Kogălniceanu, împarte robii domnești din Țara Moldovei în patru categorii:

- 1) *Rudarii* sau *aurarii* care aveau singuri dreptul de a căuta aurul în râuri și în nisipurile munților, plătind o dată pe an fiecare doamnei (soția domnitorului) ca dar trei sau patru drame (1 dram = 3,23 g) de aur. Din timpul prințului Cantemir, prințesa Moldovei primea un tribut de 1600 drame sau 4 ocale, de aur pur. În 1764, Ștefan

- Racoviță a primit de la aurarii săi, al căror număr urca la 240 persoane, 1254 drame de aur fin. *Rudar* – țigan aurar, vine probabil de la rudărie – groapă de unde se scot metale, (sensul corect al cuvântului *rudar*, în prezent, este lucrător, cioplitor în lemn).
- 2) *Ursarii* sau dansatorii ursului, mergeau prin orașe și sate cu urși prinși de mici din munții Carpați și pe care i-au dresat pentru diferite dansuri – „*tananaua*”. Pentru prevenirea accidentelor, romii aveau grijă să tocească unghiile și dinții și de a le arde ușor ochii acestor animale pentru ca să nu vadă prea clar. Totodată, urșii erau folosiți și în calitate de tămăduitori a diferitor boli, spre exemplu, la călcatul șalelor. Acești țigani, dintre care unii erau geambași (vânzători de cai), plăteau guvernului un tribut anual între 20 și 30 piaștri (monedă de argint).
 - 3) *Lingurarii* erau cei ce făceau linguri, coveți și vase din lemn; ei plăteau același tribut ca și ursarii și erau cei mai civilizați dintre cele patru clase de robi țigani ai domnitorului. Ei erau primii romi care începuseră să-și construiască locuințe fixe la periferia satelor ce se aflau în preajma pădurilor.
 - 4) *Lăieșii* erau oamenii fără căpătâi și fără o meserie fixă. Erau muncitori salahori, constructori, fierari ca și fabricanți de pieptene din os. Erau țiganii cei mai corupți și cei mai liberi, în același timp, aveau permisiunea de a colinda pe întreg cuprinsul țării. Ei plăteau statului un tribut anual de 30 de piaștri și aveau libertatea să-și pască caii în împrejurimile drumurilor și satelor. Majoritatea lor trăiau din furturi și prădăciuni. Deși sunt foarte îndemânatici în tot ceea ce fac, ei muncesc foarte puțin, își petreceau ziua dormind, iar noaptea mergeau după pradă. Atunci când lucrau, ei preferau să confecționeze diferite obiecte din metale (chei, cuie, osii pentru căruțe) pentru necesitățile țăranilor cu care veneau în contact. Pentru toate aceste lucrări rudimentare întrebuițau scule de fierărie pe care le cară după ei. Tot această categorie de țigani se ocupa cu confecționarea armelor (puști, sulite, săbii, etc). În timp ce bărbații dormeau sau lucrau, femeile ieșeau în drum ghiceau și dezlegau visele, promițând celor ce le ascultă bani mulți și soții tinere și fidele.

Nici una dintre cele patru clase de țigani descrise de Kogălniceanu nu avea locuințe fixe. Vara ei locuiau în corturi, iar iarna în locuințe sub pământ (bordeie) pe care le săpau la marginea pădurilor în apropierea unor sate, unde își puteau pune în valoare talentul de meșteșugari și în același timp puteau să fure. Zece până la cincisprezece familii (sălașe) erau sub conducerea unui bărbat ales de către aceștia. În Moldova acești conducători se numeau juzi, care erau subordonați unui bulibașa. Acești bulibași erau aleși din familii care dăduseră deja asemenea conducători, erau mai înaintați în vârstă, mai bine îmbrăcați și mai impunători. Alegerea se făcea în aer liber, în prezența tuturor, iar cel ales era aruncat de trei ori în sus. Odată cu terminarea ceremoniei, romii se despart mândri ca niște prinți electori ce tocmai au desemnat un împărat. Pentru a se distinge din mulțime, juzii și bulibașii purtau barbă și umblau călare, cu o mantie de purpură, ciubote roșii sau galbene, cu o căciulă din piele de miel semănând a bonetă în stil frigian și un bici din trei curele cu care pedepseau țiganii prinși la furat sau cu alte netrebnicii. Juzii și bulibașii erau confirmați de către conducătorul militar al țării - marele hatman. Bulibașii plăteau hatmanului tributul strâns cu ajutorul juzilor, fixau taxele, comunicau voința stăpânirii, judecau în anumite condiții; astfel bulibașii se bucurau de o autoritate destul de mare asupra confrăților lor, romii se temeau de ei mai mult chiar decât de hatman și de domnitorul însuși. Din tributul pe care-i strângeau, bulibașii încasau doi piaștri la sută, aveau dreptul de a-i pedepsi pe cei vinovați și erau datori să dea guvernării socoteală de locul în care se aflau supușii lor ⁶.

Grupul cel mai numeros dintre robii particulari l-au format cei mănăstirești, proveniți în cea mai mare parte din donații domnești și boierești. Pe diverse căi, mănăstirile au ajuns să stăpânească un număr foarte mare de robi țigani. Biserica a popularizat și susținut

ideea legitimității robiei, a robului bun, credincios și harnic. Robii mănăstirești au avut un regim juridic și de viață deosebit de cel al robilor domnești. Depinzând de stăpân, fiind legați de curțile mănăstirești, libertatea de mișcare a robilor țigani era foarte restrânsă și controlată îndeaproape. A fost o perioadă de timp, când o parte din rezervele de pământ ale mănăstirilor erau lucrate numai de robi. Cantitatea de muncă cerută robilor depindea numai de pretențiile stăpânului. N-a existat nici un fel de prevedere legală care să fixeze îndatoririle în muncă. Robii mănăstirești care locuiau în jurul sau chiar în incinta mănăstirii erau obligați să facă diferite munci speciale. Robii romi erau folosiți fie la munca câmpului, fie ca meseriași. Atunci când nu aveau ce să facă în câmp, erau folosiți la tăiatul și căratul lemnului. Roabele erau folosite la toarcerea lânii. Când lucrau în alte părți, robii romi erau oprimați prin intermediul unor sume de bani pe care trebuiau să le plătească mănăstirile. Biserica a tras foloase și de pe urma "hideniei" (confiscarea averii) boierilor, fiindcă unii dintre robii acestora, preluați de domni, erau dăruți episcopilor sau mănăstirilor. Motivarea de bază a daniilor domnești și a celor boierești de robi țigani mănăstirilor era ca, egumenul și călugării să le facă pomeniri anuale și să se roage pentru ei, pentru înaintașii și urmașii lor.

Față de Țara Românească, numărul robilor dăruți de domnii moldoveni mănăstirilor, în secolul al XV-lea, este redus. Dania lui Alexandru cel Bun din 8 iulie 1428, este cea mai mare și conține 31 sălașe de țigani. Următoarele făcute de fiul său, Ștefan Voievod mănăstirii Moldovița (12 iulie 1434) și mănăstirii Probota (1 mai 1443) cuprind de la două până la patru sălașe. Numai Ștefan cel Mare a făcut o danie, la 16 martie 1490, mănăstirii Putna, de 11 sălașe de robi. Nici în secolul al XVI-lea daniile de robi făcute de domnii moldoveni mănăstirilor nu sunt prea mari, variind între unul și douăzeci de sălașe. Vom avea astfel, la mănăstirea de la Dobrovăți – 18 sălașe de țigani, la Pângărați 3 sălașe, la Berzunț 18 sălașe, la Secu 10 sălașe, la Sf. Sava din Iași și în satul ei, Stroiești, 13 sălașe, la Agapia 4 sălașe, la Aron Vodă 6 sălașe, Dragomirna, cu 8 sălașe, și cea de la Solea, zidită de Ștefan Tomșa, cu 10 sălașe de țigani ⁷.

Trebuie de menționat însă, că numărul robilor acestor mănăstiri crește repede datorită și daniilor făcute de boieri, care în general, au depășit pe cele domnești, precum și înmulțirii lor prin naștere. Numărului robilor mănăstirești a sporit și prin căsătoria oamenilor liberi cu țigănci sau țigani ai mănăstirii. Regula a fost că acești oameni să devină robi, ei și urmașii lor. Interesant este că nu numai oameni "fără căpătâi", ci chiar și unii care aveau o oarecare situație acceptau să între în categoria robilor prin asemenea căsătorii, fiind „vrăjiți de frumusețea” roabelor rome. Un oarecare, Vasile Timirașul, la 14 noiembrie 1755, a dat un zapis egumenului de la mănăstirea Neamț, prin care declara că s-a "învoit" de bună voie să se căsătorească cu o fată a lui Găgea țiganul "țigancă dreaptă a mănăstirii", pentru care s-a dat "rob mănăstirii ca și dânsa". Și mai adăuga că nu numai el, dar și feciorii și nepoții săi aveau să rămână robi în veci ai mănăstirii. În secolele XVII–XVIII, înrobirea prin intermediul căsătoriei era relativ des întâlnită. Acest fapt a produs încălcarea vechilor norme ale obiceiului pământului, deoarece persoanele libere căsătorindu-se cu roabe țigance (și invers) deveneau robi. În 1743, *Așezământul lui Constantin Mavrocordat* stabilește, că românul (sau româncă) ce se căsătoreau cu un țigan, nu mai poate fi transformată în rob. Procesul dat a fost oarecum oprit, în 1785, când prin *Sobornicescul hrisov* se interzic căsătoriile între un moldovean și o țigancă (și invers) și declară nevalabile aceste căsătorii, iar copiii născuți din asemenea căsătorii sunt considerați țigani. Există un mare număr de documente care privesc stăpânirea mănăstirilor asupra robilor. În arhivele acestor lăcașe se păstrează actele de donație și de întărire date de domni, cele de donație din partea boierilor, statistici și izvoade (liste) etc.; în unele se consemnează, cu detalii, proveniența robilor, numele lor și al copiilor pe care-i aveau, meseria și chiar eventualele procese avute cândva pentru ei ⁸.

În sfârșit, ultima categorie de robi, robi de categoria III, erau romii boierești sau particulari. Robii boierești proveneau din daniile domnești, cumpărări, moșteniri, zestre și pradă de război. Daniile de robi făcute de domni erau de obicei legate de sate, poiene, bălți. Aceasta arată că robii locuiau pe moșiile dăruite de domni boierilor. Boierii dispuneau de deplin de robii lor, ca de orice bun mobil sau imobil, îl puteau vinde, dona, schimba, zălogi, lăsa moștenire etc. Vânzările și cumpărările, ca și împărțirile, erau întărite de către domni. Robii au constituit pentru boieri o sursă ieftină de brațe de muncă. În economia unui domeniu boieresc robii au jucat un rol important, în primul rând ca servitori și meșteșugari, dar, într-o măsură mai mică, și ca lucrători agricoli. Știri cu privire la boierii moldoveni proprietari de robi, găsim în documentul cu data de 22 septembrie 1411, când Șoldan Petru a fost miluit cu satul de robi de pe Șomuz numit Tămîrtășeuți. Șoldan Petru este primul boier proprietar de robi cunoscut nouă astăzi din Moldova și Țara Românească. În general, însă, boieri dăruți cu robi țigani, atât în sec. al XV-lea cât și în al XVI-lea, sunt foarte puțini. Am putea semnală aici pe marele vornic Petru Hudici, dăruit cu 2 sălașe de țigani la curtea lui de la Mândrești pe Șiret, la 14 aprilie 1435; pe Oancea marele logofăt, dăruit la 15 iulie 1445, cu sate pe Răut și Satul Mare în ținutul Suceava și cu 3 sălașe de țigani; pe Mihul marele logofăt, fiul protopopului luga, cu satul Vânători de pe Bistrița și cu 6 sălașe de țigani, la 25 ianuarie 1446; pe Ivan Porcu paharnicul, dăruit din partea domniei la 27 iulie 1448 cu satul și curtea lui de la Porcești, pe Valea Neagră și cu 11 sălașe de țigani. În secolele al XVI-lea și al XVII-lea, daniile domnești de robi țigani au continuat să se facă dintre așa-zișii robi domnești sau din cei veniți în țară și considerați ca atare. Asemenea daniile primeau boierii care făcuseră domnului servicii deosebite, consemnate în documente subformula: "pentru credincioasa slujbă". Alexandru Ioan Calimach, domnul Moldovei, dăruiește în 1798 niște țigani lui Petrache Cazimir, fost mare stolnic; "spre răsplătirea slujbelor sale ce-au slujit și slujește țării acesteia cu credință și cu silință". Afară de rezerva domnească pe care nu o știm niciodată cât de mare era, din lipsa măcar a unui catastih rămas până acum, boierii aveau drept de a avea robi proveniți din dreptul săbiei – *jus gladii*, dar întărit de domn⁹.

A doua clasificare importantă a robilor romi este propusă de Ioan C. Panaitescu, ce are la bază un criteriu mai complex de categorisire a robilor în dependență de modul de viață și meșteșugurile practicate de romi în perioada medievală. Astfel, cercetătorul clasează robii țigani, în trei categorii: Nomazi, Șătrari și Vătrași.

a) Țiganii *nomazi* se numeau toți aceia care nu aveau nici un căpătâi, nici un adăpost, umblau vagabonzi din loc în loc, din țară în țară, trăind ascunși prin pădure, purtându-și copiii în cărcă.

b) Țiganii *șătrari*, ziși și de *laie*, se numeau acei romik care deși practicau un mod de viață nomad, aveau totuși, corturi ambulante (șaraban) unde se adăposteau în șatrele lor. Aceștia la rândul lor, după meșteșugurile pe care le făceau, aveau diferite numiri, așa ca:

b₁) *Lingurari*, se numeau acei care prelucrau articole din lemn ca: linguri, coveți, albi, donițe, lopeți, furci, fuse pentru tors lână, războaie de țesut, gherghefuri etc. Ei își aveau așezate șatrele lor prin păduri, unde găseau și material pentru executarea meseriei lor;

b₂) *Fierari*, care confecționau diferite articole de fierărie: zăvoare, belciuge, scoabe, cârlige, balamale, lăcate, bineînțeleș în mod primitiv, însă erau de mare folos locuitorilor, căci în perioada dată aceste articole erau aduse din străinătate în puține cantități, care nu erau suficiente pentru toate cerințele. Aceștia își aveau așezate șatrele pe la marginea satelor și a târgurilor;

b₃) *Potcovari*, aceștia aveau specialitatea lor de a confecționa potcoave și cuie (caele) pentru potcovitul cailor, meserie specială a lor, pe care continuă să o practice până în prezent. Ei se așezau pentru înlesnirea meseriei lor unul lângă altul, de aceea și astăzi vedem străzi care se numesc a potcovarilor;

b₄) *Spoitori*. Spoitul vaselor de aramă, un articol foarte indispensabil gospodăriei și care necesită curățirea lor prin spoire. Acest meșteșug este specialitatea romilor, care au rămas brevetati în această specialitate, căci nu au fost întrecuți de nimeni până în prezent. Unii din țigani au încercat a lucra articole mai fine în argintărie: din ei s-a format casta argintarilor.

b₅) *Zlătari*, se numeau romii domnești care strângeau aurul din nisipul râurilor, însă din cauză că nu mai puteau plăti birul către stăpânire, au trecut robi la boieri. Pe la începutul sec. al XVI-lea ei erau așezați pe locul unde s-a clădit biserica din Zlătari, de unde și-au luat numele. O parte din acești țigani erau *cărămidari*, *zidari* și *salahori*. Multe din clădirile frumoase ale boierilor de la țară și chiar din orașe, au fost lucrate cu ajutorul robilor, care drept plată, de multe ori nu primeau nici mâncarea convenită;

b₆) *Ciurari*. Acești meseriași nu lucrau decât ciure mici și ciure mari: cele mici pentru cernutul făinii, iar ciurele mari pentru curățitul grânelor. Însă, cu timpul fabricile au început producerea acestor articole mult mai perfecționate, cele ale romilor nu erau la fel de bine vândute. Cu toate acestea, meseria lor a fost de mare interes în perioada medievală pentru populația locală, deoarece până la apariția acestui grup de romi, făina nu se cernea, iar grânele se vânturau cu lopețile.

b₇) *Ursari*. Erau apreciați, căci nefiind în țară nici menajerii, nici circuri, când apăreau țigani cu ursul, aproape toată populația se aduna să-i vadă. De aici și proverbul: „*Se ține lumea după el ca după urs*”. Țigani plecau după reprezentare cu sacul plin de făină și cu gologanii în pungă. Ei nu se mulțumeau, numai să joace ursul, ci totodată, să calce pe bolnavii care sufereau de șale, sau vindeau câteva fire de păr de urs, ca bune pentru sperietură.

Țigani, cărora nu le-au plăcut meșteșugul părinților, de *lăcătuși*, *potcovari*, *spoitori* etc, au părăsit aceste ocupații căutându-și o altă meserie mai rentabilă, și cu timpul au deveni țolari. Cumpărând haine vechi cu un preț mic de la persoanele înstărite sau făcând schimb, oferind diferite articole de menaj ca: farfurii, sticle, căni, pahare, cratițe etc, în schimbul unor haine ponosite, pe care ei le prelucrează, vânzându-le cu un alt preț la populația săracă.

c) Țigani de vatră (*vătrașii*). Aceștia, fiind meseriași, însă, din cauză că nu puteau să-și plătească dările către stat, se treceau de bună voie robi boierești sau mănăstirești, care erau obligați să răsplătească dările lor către stat. Căci de alt avantaj nu se bucurau, erau robi neîmbrăcați, flămânzi, nedormiți, desculți. În schimb, însă erau bătuți și disprețuiți, considerați mai rău ca animalele, nu se vorbea de ei ca de o ființă omenească, ci ca de un animal. Se zicea atâtea suflete de țigan, ca și cum s-ar fi zis atâtea suflete de vită.

Totodată, vânzarea de robi în sec. XVIII, în timpul stăpânirii fanariote, ajunsese să se facă pe o scară atât de întinsă, încât robii erau special îngrășați înainte de vânzare, deoarece fiind vânduți cu cântarul, valoarea lor depindea de greutatea pe care o aveau. Ocaua de carne de rob se vindea cu doi galbeni, roaba (femeia) era plătită mai puțin cu o treime decât bărbatul, iar copiii nevârstnici cu jumătate de preț. Chiar și sugarii se vindeau cu cântarul. Cei mai puțin prețuiți erau „*țigani bătrâni și sterpi*”¹⁰.

Presiunea aboliționismului occidental și colapsul precipitat al sistemului feudal aveau să determine și în principatele dunărene abolirea „*sclaviei țiganilor*”. În Țara Moldovei, abolirea sclaviei s-a desfășurat în trei etape:

1. Romii robi mănăstirești sunt prima categorie de robi eliberați din sclavie de domnitorul Mihai Sturza la 31 ianuarie 1844, în baza legii „*pentru regularizarea țiganilor mitropoliei, a episcopilor și mănăstirilor îndeobște*”.

2. A doua categorie de robi eliberați în Moldova au fost romii robi domnești, eliberați la fel de M. Sturza prin legea din 14 februarie 1844.

3. Ultimii romi eliberați din sclavie au fost romii robi particulari, ce aparțineau boierilor. Domnitorul Grigore Alexandru Ghica abolea robia romilor boierești la 10 decembrie 1855 prin „leguirea pentru desființarea sclaviei, regularea despăgubirii și trecerea emancipaților la dare”¹¹.

Note

¹ Grigoraș N. Robia în Moldova. De la întemeierea statului până la mijlocul secolului al XVIII-lea // Robia țiganilor în Țările Române. Moldova. Romii din România – studii și documente istorice. București, 2000. P. 76.

² Achim V. Țigani în istoria României. București, 1998. P. 31.

³ Sali N., Duminica I. Emergența societății civile. Romii în Republica Moldova: între toleranță și prejudecăți. Chișinău, 2006. P. 41.

⁴ Portret în cronică: Ștefan cel Mare și Sfânt (1504–2004). Suceava, 2004. P. 23-24, 53.

⁵ Scurtulencu Th. B. Situația juridico-economică a țiganilor în Principatele Române // Romii în istoria României. Antologie și bibliografie. București, 2002. P. 12.

⁶ Kogălniceanu M. Schiță asupra istoriei, moravurilor și limbii țiganilor // Robia țiganilor în Țările Române. Moldova. Romii din România – studii și documente istorice. București, 2000. P. 243-245.

⁷ Gonța Al. I. Cercetări cu privire la robia țiganilor din Moldova în veacurile XIV–XVI // Robia țiganilor în Țările Române. Moldova. Romii din România – studii și documente istorice. București, 2000. P. 189-190.

⁸ Ibidem.

⁹ Potra G. Contribuțiuni la istoricul țiganilor din România. București, 2001. P. 87-90.

¹⁰ Panaitescu Ioan. C. Robii. Aspecte țigănești. București, 1928. P. 35-40.

¹¹ Sandu M. Romii din România: repere prin istorie. București, 2005. P. 18.

Rezumat

În acest articol sunt analizate unele aspecte ale statutului social-juridic al romilor din Moldova în perioada medievală. Pe parcursul evoluției istorice a comunității romilor din Moldova s-a schimbat treptat modul lor de trai și nivelul lor de integrare în societate. În dependență de acest factor important și în baza altor criterii specifice s-a realizat o clasificare a diferitor neamuri de romi prezente în acest teritoriu în perioada medievală.

Резюме

В данной статье рассмотрены некоторые аспекты социального и юридического статуса молдавских ромов в средневековый период. На протяжении исторической эволюции ромской общины в Молдавии постепенно стал изменяться их бытовой уровень развития, что является основополагающим фактором для их классификации.

Summary

In this article, some aspects of the social and legal status of the Moldavian Roma in the medieval period are considered. During historical evolution Roma communities in Moldova, their lifestyle and socialization gradually became to change. Depending on these factors and basing on other specific indices, the classification of various Romakin groups represented on this territory in that period was conducted.

LES ROMS DE BESSARABIE SOUS LE GOUVERNEMENT DU MARÉCHAL ION ANTONESCU

On pose souvent des questions-piège par rapport à la politique du gouvernement Antonescu envers les Roms, notamment: y avait-il une politique particulière envers les Roms pendant le gouvernement Antonescu? Et quand cette politique était-elle singularisée? Quelles étaient les étapes de la déportation des Roms en Transnistrie? Est-ce que la politique du gouvernement Antonescu envers les Roms était une condition d'ordre interne ou externe?

Ce sont quelques questions auxquelles j'essayerai de répondre dans la deuxième et la troisième parties. En ce qui concerne la dernière question je veux répondre en prenant comme base les rapports faits aux séances du Conseil des Ministres. Donc, chaque fois quand le Conseil des Ministres discutait *le problème tzigane*, on ne disait jamais qu'il existait des choses imposées de l'extérieur. A la séance du 13 octobre 1942 a eu lieu une discussion concernant les suggestions données par Killinger¹ au Gouvernement Antonescu par rapport au problème juif. Mais Mihai Antonescu, vice-président du Conseil de Ministres, a infirmé ce fait, en expliquant que ce n'étaient que de faux bruits et que toutes les décisions étaient prises uniquement par le Gouvernement, sans aucune influence². Quant aux documents d'archives, je n'ai pas trouvé des données qui puissent prouver la collaboration entre Antonescu et Hitler dans le problème de la déportation des Roms en Transnistrie pendant les années 1942–1944.

Viorel Achim affirme relativement à ce sujet, que la politique du gouvernement Antonescu envers les Roms était indépendante par rapport à ce qui se passait en Allemagne et dans les pays occupés par le III Reich³.

J'ai constaté aussi, sur la base des matériaux des séances du Conseil des Ministres, que le problème des relations entre les Roumains et les Allemands abordé très souvent était d'ordre économique⁴.

La situation démographique: les recensements de 1941 et du 25 mai 1942

La politique d'Antonescu concernant la déportation des Roms en Transnistrie a commencé par le recensement des Roms du 25 mai 1942⁵. Ce recensement constituait la première étape de la politique du gouvernement Antonescu en singularisant la politique envers les Roms.

Ainsi, les premiers documents visant les Roms datent de 1942 et ces documents sont sur le recensement des Roms du 25 mai 1942. Pourtant, le problème tzigane a été abordé pour la première fois à la séance du Conseil des Ministres du 7 février 1941⁶.

En dépit du fait que le Gouvernement Antonescu a effectué un recensement général⁷ une année plus tôt, en 1941⁸, il a décidé de faire un recensement plus fin, en recensant les Roms encore une fois (en secret).

Tous les groupes ethniques ont été recensés au recensement de 1941 à l'exception des Juifs⁹. A ce moment tous les Juifs de Bessarabie étaient déportés en Transnistrie¹⁰.

Au recensement du 25 mai 1942, les inspections des gendarmes ont reçu l'ordre d'effectuer le recensement le 31 mai 1942 ayant l'obligation d'envoyer les résultats le 10 juin 1942¹¹. Ultérieurement, on a ordonné de les recenser le 25 mai 1942 et envoyer les listes nominales avec les Roms recensés à la date de 31 mai 1942¹². Ces décisions ont été prises par le maréchal Antonescu et elles ont été transmises au Ministère de l'Intérieur et ensuite à l'Inspection Générale de la Gendarmerie¹³.

La date de l'ordre concernant le recensement de 1942 a été changée, parce que le gouverneur de Transnistrie le professeur Gheorghe Alexianu a écrit à la Présidence du

Conseil des Ministres qu'il y avait besoin des bras ¹⁴. Cette sollicitation a été adressée au maréchal Antonescu, dont la décision a été de faire le triage des bras parmi les personnes suivantes: «1) les vagabonds et les Tziganes du pays sans métier; 2) les travailleurs sans lopins de terre et sans métier, ainsi que les réfugiés» ¹⁵.

En même temps, le maréchal Antonescu a décidé d'évacuer obligatoirement les personnes indiquées dans le premier point et bénévolement les personnes indiquées dans le deuxième point ¹⁶.

Le Ministère de l'Intérieur a donné à l'Inspection Générale de Gendarmerie le schéma du recensement des Roms, à savoir: «1) les Tziganes nomades (*chaudronniers (caldarari), lingurari* ¹⁷ etc.) 2) les Tziganes sédentaires (récidivistes, sans moyens d'existence, sans aucune occupation et qui constituent un danger pour l'ordre public)» ¹⁸.

L'Inspection Générale de Gendarmerie a donné à la Direction Générale de Police l'ordre No. 34.050 du 17 mai 1942 sur la base duquel chaque direction régionale de police a effectué le recensement du 25 mai 1942 ¹⁹.

Tous ces Roms ont été enregistrés avec leurs familles, c'est-à-dire chaque autorité de police a dressé un tableau statistique, en deux exemplaires, par catégories, à savoir:

1. «*sălas* (seulement pour les nomades),
2. le nom, le prénom, hommes, femmes et enfants,
3. animaux,
4. chariots,
5. occupations» ²⁰.

Ainsi, les critères d'un nouveau recensement n'étaient pas plausibles et pour cette raison on a recensé certaines personnes qui n'étaient pas des Roms. Par exemple, deux familles de Roumains ²¹ du district Lapusna de Bessarabie et deux familles de Roumains du district Cahul qui avaient été déportées en Transnistrie ²². Ultérieurement, ces personnes ont été déportées en Transnistrie et elles sont revenues dans le pays après leurs réclamations à la Présidence du Conseil des Ministres ²³. Beaucoup de pétitions ont été envoyées au Roi et à la Reine ²⁴.

Après le recensement et jusqu'aux nouveaux ordres, tous les Roms spécifiés dans les tableaux statistiques ne pouvaient pas partir à l'extérieur du district ²⁵.

Le sujet concernant le recensement des Roms du 25 mai 1942 n'a pas été abordé aux séances du Conseil des Ministres ²⁶. Le maréchal Antonescu dirigeait personnellement le processus de la déportation des Roms en Transnistrie mais, à cause de sa maladie, il n'a pas été présent aux séances du Conseil des Ministres qui ont eu lieu durant la période de la réalisation du recensement ²⁷.

Donc, les Roms de Bessarabie recensés pendant le recensement de 1941 ²⁸ étaient en nombre de 8204 personnes ²⁹. Les Roms nomades bessarabiens étaient en nombre de 3 (trois) *salase* / 104 personnes ³⁰, sur la base du recensement de 25 mai 1942 dans les communes rurales et les communautés urbaines (le nombre total des Roms nomades en Roumanie était, selon ce recensement, de 36 *salase* / 8374 personnes) ³¹. La situation statistique des Roms sédentarisés était dans les communes rurales et les communautés urbaines la suivante ³²:

la légion de police/ Le district	Hommes	Femmes	Enfants	La totale	Moyens de transport	Animaux
Lapusna	178	176	284 *	638	3	6
Balti	163	170	302	635	39	38
Ismail	24	32	66	122	3	9
Cahul	1	1	1	3	1	1
Chilia	78	80	141	299	8	17
Cetatea Alba	1	3	3	7	-	

Tighina	-	-	-	-	-	-
Orhei	-	-	-	-	-	-
Soroca	-	-	-	-	-	-

J'ai trouvé aussi des familles qui n'ont pas été recensées le 25 mai, mais qui ont été identifiées ultérieurement et déportées en Transnistrie ³³. Plus tard, je parlerai de ces familles, c'est-à-dire de leur nombre et des districts où elles étaient localisées.

Donc, le recensement du 25 mai 1942 envisageait les Roms qui devaient être transportés en Transnistrie. C'est ainsi que le Ministère de l'Intérieur a reçu les listes des Roms nomades de Bessarabie seulement pour les districts Balti, Soroca et Chisinau ³⁴. Et les listes des Roms sédentarisés ont été présentées pour 6 districts des 9 existant en Bessarabie ³⁵.

Les listes des Roms sédentarisés recensés dans les districts Tighina, Orhei, Soroca manquent. Ainsi, le nombre de Roms sédentarisés recensés à la date de 25 mai 1942 était de 1704 personnes et les Roms nomades de Bessarabie – 104 personnes.

La déportation des Roms en Transnistrie (1942–7944)

La deuxième étape de la politique du gouvernement du maréchal Antonescu envers les Roms l'a constitué le processus de la déportation des Roms en Transnistrie. Cette étape a été réalisée en faisant, sur la base du recensement du 25 mai 1942, un tableau des Roms nomades et un tableau des Roms sédentarisés. Les modèles de ces tableaux sont les suivants:

La situation ³⁶

Le nombre des Roms nomades recensés à la date de..... 1942 en (Communes rurales, communautés urbaines, municipe Bucarest).

Les nombres de sălașe	Hommes	Femmes	Enfants	La totale	Moyens de transport	Animaux	Observations

La situation ³⁷

Le nombre des Roms sédentarisés recensés à la date de 1942 en (Communes rurales, communautés urbaines, municipe Bucarest).

Hommes	Femmes	Enfants	La totale	Moyens de transport	Animaux	Observations

Toutes les listes des Roms déportés (nomades ou sédentarisés) ont été faites sur la base des situations numériques ci-dessus. Ces listes ont été élaborées pour chaque légion de police, c'est-à-dire pour chaque district de Bessarabie, à savoir: Soroca, Balti, Orhei, Lapusna, Tighina, Cahul, Chilia, Cetatea Alba, Ismail ³⁸. Et la Bessarabie formait un Inspectorat Régional de Police parmi les neuf Inspectorats Régionaux de Police existant en Roumanie dans la période du gouvernement Antonescu ³⁹.

Il y a quelques documents qui mentionnent les localités rurales de Transnistrie les Roms ont été déportés. On connaissait bien les districts où les Roms avaient été évacués, à savoir: Golta, Oceakov, Berezovka et Balta.

J'ai réussi aussi à constater les localités de-Transnistrie où les Roms de Bessarabie ont été déportés.

Ainsi, une grande partie des Roms bessarabiens ont été déportés dans le district Golta, dans les localités rurales suivantes: Tridubi (le rayon ⁴⁰ Crivoi-Ozero), Sirovo (le

rayon Crivoi-Ozero), Caterinca (le rayon Golta), Domaniovka (le rayon Domaniovka); dans le district Oceakov, localité Neceaevo ⁴¹; et dans le district Berezovka: les localités Androtefka, Covaleovka, Varushino ⁴². Sur la base des documents des archives j'ai constaté que le Ministère de l'Intérieur a dressé une liste concrète en ce qui concerne la localisation des Roms déportés. On connaissait exactement les localités où devait être évacuée chaque catégorie de Roms de chaque Inspection de Police.

Dans la période du gouvernement d'Antonescu, on employait toujours dans les documents concernant la déportation des Roms et dans les rapports hebdomadaires du Ministère de l'Intérieur du gouvernement Antonescu le syntagme *les Roms et les vagabonds* ⁴³ où *les Roms sont une plaie de la société* ⁴⁴.

Les catégories des Roms déportés

Les catégories des Roms de Bessarabie déportés en Transnistrie pendant les années 1942–1944 ont été au nombre de deux: les Roms nomades et les Roms sédentarisés. La situation des Roms déportés a été établie sur la base des tableaux suivants:

- ”• la catégorie a. et a. bis. – les Roms qui appartiennent à un des éléments de l'armée.
- la catégorie b. et b. bis. – les invalides de la guerre actuelle et de la guerre de 1916–1918.
- la catégorie c. et c. bis. – les familles de ceux où il y a des recrutés et des mobilisables.
- la catégorie d. et d. bis. – les parents (la mère et le père) qui ont des enfants au front ou mobilisables.
- la catégorie e. et e. bis. – les femmes avec des enfants avec ceux qui ont été mobilisables.
- la catégorie f. et f. bis. – les Roumains évacués étant considérés comme Tziganes.
- la catégorie g. et g. bis. – les Tziganes qui ne font pas part des catégories ci-dessus, mais qui demandent le rapatriement sur la base des motifs plausibles” ⁴⁵.

Les Roms qui avaient des cartes d'identité ont été introduits dans les catégories a, b, c, d, e, f, et g. Et les Roms qui n'en avaient pas ou dont les cartes étaient douteuses, constituaient les catégories a. bis., b. bis., c. bis., d. bis., e. bis., f. bis., et g. bis. ⁴⁶

Ces tableaux concernant les catégories des Roms déportés ont été fait en Transnistrie, au cours de leur déportation.

Plus tard, je vais aborder l'aspect concernant chaque catégorie ⁴⁷ des Roms déportés et les étapes de la déportation.

Les étapes de la déportation des Roms. La déportation des Roms nomades. Le ministère des Affaires Intérieures, par l'ordre No. 1051 du 24 mai 1942 qui résulte de l'ordre No. 70 S/942 de la Présidence du Conseil des Ministres, a disposé d'évacuer les Roms nomades de l'entier territoire du pays et de les établir de l'autre côté du Dniestr, en Transnistrie, dans les zones indiquées par le Gouvernement respectif ⁴⁸.

Il avait prévu par les ordres mentionnés que l'évacuation soit effectuée par shatra et à pied, en grand secret, sans aucune information concernant la destination finale, les organes d'exécution directe de la gendarmerie ayant le rôle de trouver les moyens les plus appropriés pour obtenir le but proposé, c'est-à-dire le passage total des tous les shatra des Roms nomades de l'autre côté du Dniestr et leur placement sur les territoires établis par le Gouvernement de la Transnistrie, surtout au Nord de la ligne Tiraspol – Berizovca ⁴⁹.

Pour exécuter ces opérations, L'Inspectorat Général de la Gendarmerie a conçu et appliqué le plan suivant, et surtout:

L'évacuation des salashe sera effectuée par un système de poussée de poste en poste, en utilisant le moyen du transfert à pied. On n'avait pas établi la vitesse du

déplacement pour offrir la possibilité des salashe d'obtenir graduellement la nourriture nécessaire par rapport à la situation locale ⁵⁰.

Pour tenir en secret l'opération, l'ordre d'évacuation a été donné séparément par Inspectorats, les missions étant données dans un mode limitatif, chaque Inspectorat connaissant seulement l'Inspectorat auquel il fallait verser les tziganes dans les limites de ses frontières, à l'exception de l'Inspectorat Chisinau qui exécutait le passage à l'autre côté du Dniestr en Transnistrie et où ont été fixées les zones de collecte et les points de livraison à l'Inspectorat de Transnistrie ⁵¹.

Ainsi, premièrement, ont été fixés les Inspectorats qui exécutaient une seule opération de livraison à l'Inspectorat voisin; dans cette catégorie on mentionne les Inspectorats: Timisoara, Alba Iulia, Cernauti et Constanta. Ceux-ci ne connaissaient que l'Inspectorat ou les Inspectorats voisins auxquels étaient livrés les salashe ⁵².

En deuxième lieu, il y avaient des Inspectorats qui recevaient et qui exécutaient l'évacuation. Pour ceux-ci ont été précisés les Inspectorats d'où et où sera effectuée la livraison.

En troisième lieu, c'étaient les Inspectorats qui recevaient et situaient les Roms dans la zone, c'était l'opération finale, exécutée par l'Inspectorat des Gendarmes en Transnistrie.

Ainsi, seulement l'Inspectorat Chisinau et l'Inspectorat Transnistrie connaissaient le but final du transfert, tandis que le reste des formations n'étaient pas au courant du fait qu'ils exécutaient des évacuations locales dans le cadre des Inspectorats, opération exécutée aussi à d'autres occasions, comme l'évacuation des Roms de Moldova pendant les opérations de guerre du mois de mai 1941 ⁵³.

Pour ne pas produire des agglomérations locales dans la zone, ce qui pouvait conduire à des difficultés de nourriture et de circulation, on a ordonné que toutes les opérations commencent simultanément sur tout le territoire du pays dans la direction générale d'orientation, à l'intérieur de l'Inspectorat Général de la Gendarmerie, de l'Ouest vers l'Est et évidemment en rapport au placement de chaque Inspectorat à part ⁵⁴.

Pour éviter les agglomérations des salashe, en certaines régions pour certains Inspectorats ont été fixés les districts limitrophes où devaient être effectuées la livraison et la reçue, comme il était indiqué dans les points de passage obligatoire, d'Ardeal en Olténie et Munténie, en évitant bien-sûr Predeal, et les points de passage de Moldova en Bessarabie et de Bessarabie en Transnistrie ⁵⁵.

Ces points de passage sont: Tr. Rosu et Bran, pour les Inspectorats d'Ardeal, puis Galati, Oancea, Falciu, Albita, Tutora, Sculeni et Shtefaneshti, pour les passages de l'autre côté du Prut et de l'autre côté du Dniestr ont été fixés les points Tighina, Criuleni et Cosauti ⁵⁶.

L'évacuation du territoire urbain des Roms de la même catégorie, c'est à dire des nomades, sera faite par leur livraison par les organes respectifs de police aux formations territoriales voisines des gendarmes.

Les Inspectorats des Gendarmes devaient rapporter à l'Inspectorat Général de la Gendarmerie, hebdomadairement, le nombre de salashe évacués et notamment: les Inspectorats de la première catégorie devaient rapporter combien de salashe ils avaient évacué, la deuxième catégorie - combien ils avaient reçu et combien ils avaient transmis, l'Inspectorat de la Transnistrie devaient rapporter combien de salashe ils avaient reçu et où ils les avaient placés dans la zone ⁵⁷.

Ayant ces données, l'Inspectorat Général de la Gendarmerie pourrait rapporter en temps utile la vitesse du mouvement.

On avait ordonné que chaque Inspectorat présente le rapport sur l'évacuation complète des *salashe*.

L'emplacement en Transnistrie sera effectué par l'Inspectorat des Gendarmes Transnistrie quia reçu des dispositions coordonnées avec le Gouvernement de la Transnistrie, dans le but de fixer les zones d'emplacement des *salashe* et leurs limites⁵⁸.

Pour connaître exactement le nombre des *salashe* et les membres respectifs, livrés en Transnistrie, on avait ordonné à l'Inspectorat Transnistrie d'élaborer des tableaux nominaux aux points de passage de l'autre côté du Dniestr.

C'est ainsi qu'on pouvait présenter au Ministère des Affaires Intérieures une statistique exacte des *salashe* passés de l'autre côté du Dniestr.

L'application du plan d'évacuation a été faite conformément aux certaines annexes où étaient précisées les données liées à cette opération.

L'Inspectorat Général de la Gendarmerie a vérifié à l'aide des organes de contrôle le mode d'exécution des opérations présentées dans le rapport et il a pris des mesures selon le cas, par rapport aux cas imprévisibles⁵⁹.

Les étapes de la déportation des Roms nomades du tout le territoire de la Roumanie dans la période du 1 juin au 16 août 1942 ont été:

1. 1 juin 1942 – 25 juillet 1942⁶⁰

2. 25 juillet – 1 août 1942⁶¹

3. 1 août – 9 août 1942⁶²

4. 9 août – 16 août 1942⁶³

J'ai constaté que la déportation des Roms nomades a eu lieu entre le 6 et 16 septembre 1942⁶⁴, en dépit du fait que l'inspection régionale de gendarmerie avait rapporté le 18 août 1942 que le processus de la déportation de Roms nomades avait été fini⁶⁵. Ainsi, les Roms nomades de Bessarabie et d'autres régions de la Roumanie ont été évacués en Transnistrie par l'Inspection Chisinau en quelques étapes, à savoir: 16–23 août 1942; 23–30 août 1942; 30 août – 6 septembre 1942⁶⁶.

Le 28 avril 1942 la Présidence du Conseil des Ministres a envoyé au Cabinet militaire civil pour l'administration de la Bessarabie, de la Bucovine et de la Transnistrie l'ordonnance Nr. 26.756, à savoir: "Le maréchal Antonescu a décidé de rassembler et d'évacuer les tziganes nomades en Transnistrie par-delà du Bug. Cette mesure devait être acceptée par le gouverneur de la Transnistrie. La disposition a été transmise au Ministère de l'Intérieur"⁶⁷.

Plus tard, le 1 mai 1942, l'ordre nr. 26.75668 concernant l'évacuation des Roms nomades a été exécuté⁶⁹.

De cette manière, le nombre des Roms recensés pendant le recensement du 25 mai 1942 a été infime. Ce fait explique aussi pourquoi le nombre des Roms nomades déportés du territoire de la Bessarabie en Transnistrie (dans les districts Berezovka et Oceakov⁷⁰) fut de 114 (cent quatorze) Roms⁷¹. Et ces Roms étaient des districts Chisinau et Balti.

De même, je suppose que les documents des archives manquent ou ils se trouvent dans les Archives de Transnistrie que je n'ai pas encore étudiées.

La déportation des Roms sédentarisés.

En ce qui concerne les Roms sédentarisés, le processus de la déportation de cette catégorie a été fait autrement que celui des Roms nomades, c'est à dire les Roms ont été reçus en treize villes situées à la frontière de la Roumanie, à savoir: 1. Drobeta, 2. Turnu Severin, 3. Calafat, 4. Corabia, 5. Turnu Magurele, 6. Giurgiu, 7. Oltenita, 8. Calarasi, 9. Braila, 10. Tulcea, 11. Galati, 12. Ismail, 13. Chilia⁷². En Bessarabie se trouvaient deux de ces treize villes – Ismail et Chilia, situées au sud de la région.

De cette manière, les Roms sédentarisés constituaient la deuxième catégorie, la première étant les Roms nomades. Et ils furent divisés en 7 autres catégories: 1. Les Roms récidivistes⁷³; 2. Les Roms sans moyens d'existence; 3. Les Roms sans aucune

occupation; 4. Les Roms avec casier judiciaire; 5. les Roms immobilisables; 6. Les Roms mobilisables; 7. Les Roms qui constituait un danger pour l'ordre public.

Alors, les situations numériques des Roms des premières trois catégories ont été les suivantes:

Cahul – 26 Roms (8 hommes, 7 femmes, 11 enfants) ⁷⁴;

Chilia Noua – 2 Roms (un homme et une femme) ⁷⁵;

Ismail – 88 Roms (20 hommes, 26 femmes, 42 enfants) ⁷⁶;

De districts *Chisinau, Orhei, Tighina, Soroca, Balti, Cetatea Alba*, et *Cahul*, les Roms de ces catégories manquaient au moment où l'ordre avait été exécuté ⁷⁷.

Le nombre de Roms avec casier judiciaire, qui avaient été déportés en Transnistrie aussi en octobre 1942, a été le suivant:

Soroca – 34 personnes (6 hommes, 7 femmes, 21 enfants) ⁷⁸.

Balti – 113 personnes (24 hommes, 27 femmes, 69 enfants); et tous ces Roms avaient été évacués à la date de 15 septembre 1942 ⁷⁹.

Cahul – 3 personnes (3 enfants) ⁸⁰.

Tighina – 11 personnes (5 hommes, 4 femmes, 2 enfants) ⁸¹.

La police du district *Ismail* a annoncé qu'il n'y avait pas des Roms avec casier judiciaire ⁸². De même, dans le district *Chilia Noua*, il n'y avait aucune personne de cette catégorie ⁸³, de même que dans le municipe *Chisinau* ⁸⁴, à *Orhei* ⁸⁵ et *Cetatea Alba* ⁸⁶.

Ainsi, les Roms immobilisables ont été déportés en Transnistrie en octobre 1942:

"*Balti* – 114 personnes des communes rurales (21 hommes, 24 femmes, 69 enfants);

Chilia Noua – 2 personnes des communautés urbaines (1 homme, 1 femme);

Tighina – 130 personnes des communes rurales (31 hommes, 33 femmes, 66 enfants)

⁸⁷;

Cahul – 91 personnes des communes rurales et 26 personnes des communautés urbaines (comm. rur. 25 hommes, 24 femmes, 42 enfants; comm. urb. 8 hommes, 7 femmes, 11 enfants);

Ismail – 6 personnes des communes rurales et 88 personnes des communautés urbaines (comm. rur. 1 homme, 2 femmes, 3 enfants; comm. urb. 20 hommes, 26 femmes, 42 enfants);

Lapusna – 590 personnes des communes rurales (166 hommes, 149 femmes, 275 enfants)" ⁸⁸.

Le nombre total des Roms sédentarisés de cette catégorie déportée en Transnistrie constituait donc 1047 personnes (273 hommes, 266 femmes, 508 enfants).

Chaque autorité de police de Bessarabie a reçu l'ordre selon lequel elles devaient dresser les tableaux des Roms mobilisables, proposés par les autorités à être déportés en Transnistrie ⁸⁹. les autorités de police respectives ont déclaré la situation numérique pour chaque district: *Chilia* – 14 Roms (hommes) ⁹⁰; *Cahul* – 198 Roms (46 hommes, 48 femmes, 101 enfants) ⁹¹; l'autorité de police *Balti* a relaté que dans le district il n'y avait pas des Roms de cette catégorie ⁹²; les autorités de police *Soroca* ⁹³ et *Orhei* ⁹⁴ ont déclaré la même chose; l'autorité de police *Tighina* – 94 Roms (27 hommes, 22 femmes, 45 enfants) ⁹⁵;

Le nombre de Roms qui constituaient un danger pour l'ordre public: *Cahul* – 51 personnes (12 hommes, 12 femmes, 27 enfants) ⁹⁶.

La rafle commencée le 12 septembre dura huit jours. 1681 Roms sédentarisés de Bessarabie furent déportés en Transnistrie selon les listes trouvées jusqu'à présent dans les Archives ⁹⁷. Mais la carte de déportation des Roms sédentarisés nous donne d'autres chiffres, à savoir: *Ismail* – 215 Roms, *Chilia* – 305 Roms, *Cetatea-Alba* – 7 Roms, *Cahul* – 3 Roms, *Tighina* – 0, *Chisinau* – 745 Roms, *Balti* – 795 Roms, *Soroca* – 0, *Edinet* – 53

Roms⁹⁸; Donc, le nombre total de Roms sédentarisés déportés en Transnistrie constituait 2123 personnes.

Le 16 septembre 1942, le président du parti national libéral, Constantin Bratianu, protesta par écrit auprès d'Antonescu, qualifiant la déportation des Roms en Transnistrie comme un "acte injustifié et cruel"⁹⁹.

Les organes de police n'ont pas respecté les ordres donnés par le Ministère de l'Intérieur et, comme résultat, ont été commises beaucoup de fautes¹⁰⁰.

Donc, les catégories des Roms établies par le Ministère de l'Intérieur de la Roumanie étaient différentes de celles établies par le colonel Gorki, préfet du district Oceakov – région où la plus grande partie des Roms était déportée.

L'internement des Roms en Transnistrie.

L'administration locale a offert aux Roms déportés des terrains situés hors des villages et les avaient obligés à travailler dans des ateliers construits par eux-mêmes.

En ce sens, par la décision No. 3149 du 18 décembre 1942, a été stipulée la situation des Roms évacués du Pays en Transnistrie et a été stimulée leur utilisation aux travaux, en offrant des prix de travail à ceux qui avaient un rendement supérieur à ce normal¹⁰¹.

Mais certains télégrammes, envoyés par le préfet du district Oceakov au Ministère de l'Intérieur, concernant la situation des Roms en Transnistrie, nous indiquent sur une autre situation des Roms¹⁰². En outre, on parle des Roms déportés qui n'étaient pas prévus dans les ordres d'évacuation, à savoir:

J'ai l'honneur de rapporter que parmi les 14.000 tsiganes évacués dans ce district il y a un grand nombre de tsiganes qui ne sont pas nomades, n'ont pas de certificat judiciaire et qui n'entraient pas dans les prévisions d'évacuation stop parmi eux, il y a des invalides et des veuves de guerre, des combattants de la guerre actuelle, avec des ordres pour la vertu militaire : des femmes et des enfants avec des maris et des parents sur le front, des parents avec des enfants et des gendres sur le front, des propriétaires d'immeubles, des artisans qualifiés, des commerçants avec une situation matérielle favorable dans les villes stop, la plupart des tsiganes ont été évacués sans la permission de prendre des vêtements d'hiver, literie, écuelles ou cuillères, stop chaque jour ils ont été assaillis par les tsiganes qui demandaient leur retour dans le pays, stop, à cause de la récolte, il est devenu difficile d'entretenir les tsiganes, ils ne pouvaient assurer leur nourriture que pour une période courte, stop, à cause du gel et du manque des moyens de chauffage chaque jour mourraient 10-20 des tsiganes, ils voulaient quitter le pays en masse, vers Odessa pour prendre le train et pour quitter le Pays, stop, ils n'avaient pas un nombre suffisant de gendarmes pour assurer leur surveillance, ils ont demandé d'aide à la 2-ème division de garde pour ordonner au régiment 53 d'infanterie des fortifications d'assurer la surveillance des campements des tsiganes et pour empêcher leur sortie des villages; stop; je demande d'envoyer une commission pour le triage immédiat des tsiganes, stop le texte exposé est aussi rapporté télégraphiquement au Ministère de l'Intérieur.

C'est le fait, dont le gouverneur de la Transnistrie, Gheorghe Alexianu a parlé aussi à la séance du Conseil de Ministres du 29 septembre 1942¹⁰³.

De même, dans un rapport hebdomadaire du Département du Gouvernement Civil de la Transnistrie, le gouverneur Gheorghe Alexianu a mentionné:

L'état sanitaire humain a été soutenu généralement bon, sans prendre en considération le district Oceacov où ont été dépistés des cas de typhus exanthématique.

La plupart des malades ont été des tsiganes colonisés dans cette région¹⁰⁴.

Etant donné le fait, que la situation des Roms déportés en Transnistrie était assez déplorable,

Le gouvernement de la Transnistrie a proposé les mesures suivantes en ce qui concerne les tsiganes évacués :

– à vendre leurs propriétés dans le Pays, et, de la contre-valeur obtenue, retenir, par le Gouvernement, les dépenses pour leur entretien, car la plupart d'eux n' étaient pas employés au travail, à cause des maladies, et c'est le Gouvernement qui devait supportr leur entretien.

– la valeur qui devait être acquise, allait être changée en R.K.K.S ¹⁰⁵ et déposée à la Banque de la Transnistrie d'où les tziganes allaient encaisser par étapes les sommes nécessaires pour leur entretien ¹⁰⁶.

Au moment où une partie de Roms était déportée, une autre partie était rapatriée. Mais, la rapatriement des Roms a été interrompu de 24 février 1943, parce que "les tziganes revenus étaient malades de typhus" ¹⁰⁷.

En conclusion je voudrais dire que le processus de la déportation des Roms en Transnistrie reposait sur le principe: que les Roms ne sachent ni où ils arrivent ni ce qui les attend.

Notes

¹ Killinger, Manfred von (1886–1944) attaché allemand; il a été ministres du III Reich à Bucarest (janvier 1941 – 23 août 1944) // Buzatu, Gh., 1995, România și războiul mondial: 1939–1945 (La Roumanie et la deuxième guerre mondiale), Iași: Centrul de Istorie și civilizație europeană. P. 307.

² Ciucă, M.-D. Op. cit. 2004. P. 382-384.

³ Achim, V. Țigani în istoria României. București: Editura Enciclopedică, 1998. P. 150-151.

⁴ Voir: Ciucă, M.-D., Ignat M., Stenogramele..., 2003. P. 49-86.

⁵ Arhivele Nationale Istorice Centrale (Les Archives Nationales Historiques Centrales par la suite ANHC), fond: Le Ministère de l'Intérieur-La Direction Générale de la Police, inventaire 755, dossier 187/1942, folio 24, 137-140, 162-165; ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 259/1942, folio 70-71.

⁶ Ciucă, M.-D., Teodorescu, A., Popovici, B. F. Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: Guvernarea Ion Antonescu (Sténogrammes des séances du Conseil des Ministres: Le ministère Ion Antonescu). Vol. II (janvier–mars 1941). Bucarest: Éditions Semne, 1998. P. 180.

⁷ Le recensement général a été effectué au mois de juillet 1941 uniquement en Bessarabie et en Bucovine de Nord – deux anciennes provinces roumaines, parce qu'en Roumanie, le recensement a été effectué à 6 d'avril 1941 // Ciucă, M.-D., Ignat, M., Teodorescu, A. Sténogrammes des séances du Conseil des Ministres: Le ministère Ion Antonescu. Vol. III (avril–juin 1941). Bucarest: Éditions Semne, 1999. P. 616-617; Ciucă M.-D., Teodorescu A., Popovici B. F. Op. cit., Vol. II (janvier – mars 1941). Bucarest: Éditions Semne, 1998. P. 707.

⁸ Arhiva Națională din Republica Moldova (Les Archives Nationales de République de Moldova par la suite ANRM), fond: 706, inventaire 1, dossier 502, folio 163.

⁹ ANRM, fond 706, inventaire 1, dossier 502, folio 163.

¹⁰ ANHC, fond: Direction Générale de Police, inventaire 2350, dossier 5/1941, folio 106-107.

¹¹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 17.

¹² Ibidem, f. 17.

¹³ Ibidem, f. 17.

¹⁴ ANRM, fond 706, inventaire 1, dossier 14 (I), folio 226.

¹⁵ Ibidem, folio 226.

¹⁶ ANRM, fond 706, inventaire 1, dossier 14 (I), folio 226.

¹⁷ Les Roms qui font des cuillers.

¹⁸ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 7.

¹⁹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 259/1942, folio 67.

²⁰ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 7.

²¹ La population majoritaire de Bessarabie figure dans tous les documents des archives comme roumains.

²² ANHB, fond: L'inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 43/1943, folio 273.

²³ ANRM, fond 706, inventaire 1, dossier 305, folio 63; ANHC, fond: Le Ministère de l'Intérieur, inventaire 755, dossier 450/1942, folio 165-166.

²⁴ ANHC, fond: La Direction Générale de Police, inventaire 2350, dossier 191/1942, folio 7-13.

²⁵ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 7.

²⁶ Ciucă M.-D. Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: Guvernarea Ion Antonescu (Sténogrammes des séances du Conseil de Ministres: Le ministère Ion Antonescu). Vol. VII (mai–juillet 1942). Bucarest: Éditions S.C. Lumina Tip, 2003. P. 1-270.

²⁷ Ciucă M.-D. Op. cit., 2003. P. III.

²⁸ Concernant le recensement de 1941, le maréchal Antonescu disait de s'inspirer beaucoup plus de l'organisation de l'Institut de Statistique italien, parce que c'est la plus grande œuvre que les fascistes ont fait' // Ciucă M.-D., Teodorescu A., Popovici B. F. Stenogramele..., 1998. P. 316.

- ²⁹ ANRM, fond 706, inventaire 1, dossier 502, folio 163.
- ³⁰ Concernant le nombre des Roms nomades de Bessarabie, je parlerai dans le dernier chapitre; ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 259/1942, folio 26-33.
- ³¹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 21.
- ³² ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 29.
- ³³ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 259/1942, folio 67, 178.
- ³⁴ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 31-33.
- ³⁵ ANHC, fond: L'inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 28.
- ³⁶ ANHC, fond: L'inspections régionales de police, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 9.
- ³⁷ ANHC, fond: Les inspections régionales de police, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 8.
- ³⁸ Chaque district constituait une légion de police et en Bessarabie existait neuf légions de police, c'est-à-dire neuf districts (judet); ANRM, fond : 706, inventaire 1, dossier 502, folio 52.
- ³⁹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 122, 176.
- ⁴⁰ La Transnistrie a été partagée en trois unités administratives, notamment: district, rayon et village in ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 262/3, folio 501-528.
- ⁴¹ ANHC, fond : L'inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 86/1944, folio 204-207.
- ⁴² ANHB, fond: L'inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 43/1943, folio 307-308.
- ⁴³ ANHC, fond: Direcția Generala a Poliției, inventaire 2350, dossier 70/1941, folio 1, 2, 3, 4, 10, 16, 17, 26, 30, 32.
- ⁴⁴ Ciucă M.-D., Ignat M., Teodorescu A. Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: Guvernarea Ion Antonescu (Sténogrammes des séances du Conseil des Ministres: Le ministère Ion Antonescu). Vol. III (avril-juin 1941). Bucarest: Éditions Semne, 1999. P. 94.
- ⁴⁵ ANHB, fond: L'inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 43/1943, folio 296-299.
- ⁴⁶ ANHB, fond: L'inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 43/1943, folio 296-299.
- ⁴⁷ Les catégories de Roms sédentarisés établies par le Ministère de l'Intérieur diffère de ces présentées dans ce sous-chapitre.
- ⁴⁸ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 23.
- ⁴⁹ Ibidem.
- ⁵⁰ Ibidem.
- ⁵¹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 24.
- ⁵² Ibidem.
- ⁵³ Ibidem.
- ⁵⁴ Voir l'Anexe I.
- ⁵⁵ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 13, 16.
- ⁵⁶ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 122, 176, 192; Voir l'ANEXES 5, 6, 7.
- ⁵⁷ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 25.
- ⁵⁸ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 26.
- ⁵⁹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 258/1942, folio 26.
- ⁶⁰ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 76.
- ⁶¹ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 13, 16.
- ⁶² ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 192.
- ⁶³ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 22.
- ⁶⁴ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 77.
- ⁶⁵ ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 61.
- ⁶⁶ Voir ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 61.
- ⁶⁷ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 14(1), folio 225.
- ⁶⁸ J'ai constaté que cet ordre a été exécuté ayant à la base le tableau d'ordres exécutés de la Présidence du Conseil de Ministres – le cabinet pour l'administration et l'organisation de la Bessarabie, de la Bucovine et de la Transnistrie.
- ⁶⁹ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 14 (1), folio 47-48.
- ⁷⁰ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 482, folio 75-77.
- ⁷¹ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (1), folio 47-53.
- ⁷² Voir ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 96.
- ⁷³ La première, deuxième et troisième catégorie furent placés par les autorités dans un tableau de Roms proposés pour l'évacuation.
- ⁷⁴ ANHC, fond: la Direction générale de police, inventaire 2350, dossier 185/1942, folio 3-4.
- ⁷⁵ ANHC, fond: la Direction générale de police, inventaire 2350, dossier 185/1942, folio 4.
- ⁷⁶ ANHC, fond: la Direction générale de police, inventaire 2350, dossier 185/1942, folio 4-6; voir aussi pour ces trois districts ANHC, fond: l'Inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 203/1942, folio 196.
- ⁷⁷ ANHC, fond: la Direction générale de police, inventaire 2350, dossier 185/1942, folio 2-3.
- ⁷⁸ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (1), folio 607.
- ⁷⁹ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (I), folio 596.
- ⁸⁰ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (V), folio 1017.

⁸¹ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (V), folio 1016.

⁸² ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (I), folio 595.

⁸³ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (I), folio 653.

⁸⁴ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (I), folio 627; souvent, les polices de districts, ou n'étaient pas des Roms prévus selon l'ordre, déclaraient plus tard qu'ils aient Roms du telle ou telle catégories. Pour cette raison, c'est très difficile de systématiser les dates statistiques de documents de archives.

⁸⁵ ANRM, fon: 680, inventaire 1, dossier 4570 (V), folio 1015.

⁸⁶ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (V), folio 1016.

⁸⁷ Voi aussi ANHC, fond: L'inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 127/1942, folio 311-316.

⁸⁸ ANHB, fond: l'Inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 201/1942, folio 2-4.

⁸⁹ Voir encore pour district Balti in ANRM, fond : 680, inventaire 1, dossier 4570 (1), folio 43-46.

⁹⁰ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (III), folio 638.

⁹¹ ANHC, fond L'inspections générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 203/1942, folio 168.

⁹² ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (IV), folio 705-707.

⁹³ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (IV), folio 693.

⁹⁴ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (IV), folio 691.

⁹⁵ ANRM, fond: 680, inventaire 1, dossier 4570 (IV), folio 694.

⁹⁶ ANHC, fond: l'Inspection générale de gendarmerie, inventaire 1474, dossier 203/1942, folio 176.

⁹⁷ ANHB, fond: «D», dossier 2787/1940–1942, folio 25-26.

⁹⁸ Ce chiffre j'ai constaté sur la base des documents trouvés jusqu'à ce moment. J'admets que le nombre de Roms soit plus grand.

⁹⁹ Voir: ANHC, fond: Les inspections régionales de gendarmerie, inventaire 2355, dossier 260/1942, folio 96.

¹⁰⁰ Auzias C. Samudaripe, le génocide des Tsiganes. Paris: L'Esprit Frappeur, 2000. P. 79.

¹⁰¹ ANHB, fond: la Direction générale de police, inventaire 2350, dossier 187/1942, folio 258.

¹⁰² ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 482, folio 124.

¹⁰³ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 305, folio 16-17.

¹⁰⁴ Ciucă M.-D. Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: Guvernarea Ion Antonescu (Sténogrammes des séances du Conseil des Ministres: Le ministere Ion Antonescu). Vol. VIII (août–décembre 1942). Bucarest: Éditions S.C. Lumina Tipu, 2004. P. 209.

¹⁰⁵ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 482, folio 125.

¹⁰⁶ R.K.K.S. = Reichkreditkassenschein, unité monétaire allemande en Transnistrie sous l'administration militaire allemande et l'administration civile roumaine pendant les années 1941–1944 // Solovei R. Activitatea guvernământului Transnistriei în sfera sănătății (1941–1944), Bilanțul activității științifice a USM pe anii 1996/1997: Conferința corpului didactico-științific, 30 septembrie – 5 octombrie. Chișinău, 1998. P. 204.

¹⁰⁷ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 536, folio 31-34; C'est le rapport hebdomadaire nr. 80 du 22 janvier 1943-22 décembre 1943.

¹⁰⁸ ANRM, fond: 706, inventaire 1, dossier 262/3, folio 409, 410.

Rezumat

Principalele aspecte abordate în prezentul articol în contextul politicii față de romi a guvernului Ion Antonescu sunt: singularizarea politicii față de romi a guvernului Ion Antonescu – recensământul secret al romilor din toate zonele României, în cazul nostru recensământul secret al romilor din Basarabia; etapele deportării romilor din Basarabia în Transnistria în perioada anilor 1942–1944; categoriile de romi deportați – nomazi și sedentari; condițiile de trai ale romilor deportați în Transnistria.

Резюме

В контексте политики по отношению к ромам в период деятельности правительства Иона Антонеску главными аспектами, исследованными в данной статье, являются следующие: секретная перепись ромов во всех регионах Румынии, в том числе и в Бессарабии; этапы депортации ромов из Бессарабии в Транснистрию в 1942–1944 гг.; категории депортированных ромов – кочующие и оседлые; их бытовые условия в Транснистрии.

Summary

This article investigates in Roma policy context of Antonescu's Government according to the following aspects: the secret census of Roma from Romania, inclusively the Roma people from Bessarabia; stages of Bessarabian Roma deportation to Transnistria in the period of 1942–1944; Roma deported categories – nomadic and sedentary; life conditions of deported Roma.

СТРАНИЦА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

А. П. БОРШЕВСКИЙ

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ
ЗАЩИТЫ ПРАВ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ**

В демократическом обществе человек, его права и свободы являются высшей ценностью¹. Именно поэтому защита прав лиц, принадлежащих к нацменьшинствам, имеет существенное значение для уважения человеческого достоинства, для осуществления прав человека, стабильности и процветания государств, и, как следствие, для предупреждения конфликтов.

В толковании международного права широкое признание получила тенденция следовать принципу самоопределения, согласно которому решающее значение для отождествления того или иного лица с определенным меньшинством и тем самым для существования этого меньшинства имеет стремление данного лица причислять себя к такому меньшинству.

Хотя понятие «меньшинство» не нашло своего отражения во Всеобщей декларации прав человека, Комиссия по правам человека на своей первой сессии учредила Подкомиссию по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Резолюция 217 (III) от 10 декабря 1948 года, в разделе А которой Генеральная Ассамблея поместила Всеобщую декларацию, содержит раздел С, озаглавленный «Судьба меньшинств», где Ассамблея, считая, что Организация Объединенных Наций не может оставаться равнодушной к судьбе меньшинств и что принятие единообразного решения этого сложного и требующего осторожного к себе отношения вопроса является затруднительным, предложила Экономическому и Социальному Совету просить Комиссию и Подкомиссию подвергнуть эту проблему всестороннему изучению. Рабочая группа по меньшинствам Подкомиссии была учреждена в соответствии с резолюцией 1995/31 Совета, принятой в 1995 г. В 2000 г. в рамках реформирования Комиссии по правам человека было изменено название Подкомиссии, и упоминание о меньшинствах исчезло. Однако сама проблема осталась в повестке дня обоих органов. Помимо Генеральной Ассамблеи и Комиссии по правам человека, которые обсуждают ее на своих сессиях с политической точки зрения и принимают соответствующие резолюции, существенно важную роль в поощрении и защите прав лиц, принадлежащих к меньшинствам, играют следующие процедуры, органы и учреждения:

- a) Подкомиссия по поддержке и защите прав человека и ее Рабочая группа по меньшинствам;
- b) договорные наблюдательные органы;
- c) специальные процедуры Комиссии по правам человека;
- d) Верховный комиссар по правам человека;
- e) процедуры, учрежденные в соответствии с резолюциями 1235 (XLII) и 1503 (XLVIII) Экономического и Социального Совета.

Рабочая группа по меньшинствам уполномочена: a) рассматривать процесс поощрения и осуществления Декларации о меньшинствах; b) изучать возможные решения проблем, связанных с меньшинствами; c) рекомендовать дальнейшие меры по поощрению и защите прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Рабочая группа является единственным международным форумом, который занимается

исключительно лицами, принадлежащими к меньшинствам. Этот форум открыт для представителей всех меньшинств. С годами участников становилось все больше, и в работе последней сессии Рабочей группы приняли участие представители 50 меньшинств и неправительственных организаций. Кроме того, в работе ежегодных сессий Рабочей группы, продолжительность которых составляет одну неделю, участвуют представители многих государств.

Международное право, действующее в отношении прав человека, обеспечивает рамки для поощрения и защиты прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Статья 27 Международного пакта о гражданских и политических правах устанавливает, что «в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком». В этом контексте необходимо упомянуть и некоторые другие положения Пакта, хотя они и не касаются непосредственно меньшинств: статья 18 закрепляет право на свободу мысли, совести и религии; статья 13 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, затрагивающая право на образование, устанавливает, что образование должно способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями и всеми расовыми, этническими и религиозными группами; статья 15 того же Пакта предусматривает право на участие в культурной жизни. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации подтверждает, что дискриминация людей по признаку расы, цвета кожи или этнического происхождения является препятствием к дружественным и мирным отношениям между нациями и может привести к нарушению мира и безопасности среди народов, а также гармоничного сосуществования лиц даже внутри одного и того же государства, что существование расовых барьеров противоречит идеалам любого человеческого общества². 18 декабря 1992 года Генеральная Ассамблея в своей резолюции 47/135 приняла Декларацию о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам³. Это наиболее всеобъемлющий международно-правовой акт в данной области, предусматривающий защиту не только самобытности меньшинств, но и ряда прав лиц, принадлежащих к меньшинствам.

В общих рекомендациях, принятых Комитетом по ликвидации расовой дискриминации (КЛРД), не содержится прямых ссылок на понятие меньшинств. Однако в общих рекомендациях и заключительных замечаниях КЛРД, сформулированных для государств-участников, четко указывается, что Комитет считает, что положение меньшинств имеет большое значение для его работы, и, более того, подчеркивается, что, по мнению Комитета, Конвенция предусматривает их защиту. В отношении религиозных меньшинств следует отметить, что, хотя в Конвенции нет положений, касающихся недискриминации по признаку вероисповедания, КЛРД признает тесную взаимосвязь между расовой и религиозной дискриминацией. Наконец, в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (1948) геноцид определяется как действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, и как деяния, влекущие за собой наказание в уголовном порядке.

Такие существенно важные для защиты меньшинств понятия, как недискриминация, равенство перед законом и участие, положены в основу всех договоров в области прав человека.

В докладе Верховного комиссара ООН по правам человека «Права лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам»⁴ отмечается, что в процессе осуществления прав указанных лиц необходимо не только понимать и устранять неравенство, но и уважать различия и поощрять многообразие. Так, государства обязаны поддерживать и развивать культуру, традиции и обычаи, за исключением тех случаев, когда конкретная деятельность «осуществляется в нарушение национального законодательства и противоречит международным нормам». Реализация специальных мер по защите существования и самобытности меньшинств и создание благоприятных условий для их защиты должны способствовать интеграции меньшинств. Для обеспечения того, чтобы интеграция не приводила к принудительной ассимиляции в доминирующей среде, существенно важно уважать их самобытность.

Региональные договоры также имеют прямое отношение к поощрению и защите прав лиц, принадлежащих к меньшинствам. Они были разработаны в Африканском, Американском и Европейском регионах. Одним из примеров всеобъемлющей нормы в этой области является принятая под эгидой Совета Европы Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств. В ней подчеркивается, что защита национальных меньшинств необходима для стабильности, демократической безопасности и мира на европейском континенте, что плюралистическое и подлинно демократическое общество должно уважать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, что создание обстановки терпимости и диалога необходимо для того, чтобы культурное разнообразие было источником и фактором обогащения, а не раскола каждого общества⁵.

В резолюции 38/14 Генеральной Ассамблеи ООН «Второе Десятилетие действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации»⁶ указывается, что, несмотря на усилия международного сообщества, Десятилетие действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации не достигло своих основных целей и что миллионы людей до сих пор подвергаются тем или иным формам расизма и расовой дискриминации.

Отмечается, что все государства должны строго соблюдать принцип недискриминации и равенства в вопросах образования, зафиксированный в Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования, принятой Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры. Национальные учреждения должны информировать широкую общественность о характере прав человека, предусматриваемых в существующих международных документах, направленных на борьбу против расизма, расовой дискриминации и апартеида, а также в других документах, основанных на принципах, содержащихся во Всеобщей декларации прав человека или иным образом охватываемых национальным законодательством. Общественность должна информироваться национальными учреждениями о средствах обеспечения этих прав в соответствии с национальными законами. Национальным учреждениям следует обеспечивать ознакомление людей с их собственными правами и правами других, а также оказывать им помощь в вопросах защиты и соблюдения их прав. Эти учреждения должны мобилизовать общественное мнение в своих странах против нарушений прав человека, особенно грубых и массовых, в частности против практики апартеида, расизма и геноцида.

Необходимо, чтобы все государства строго соблюдали принцип недискриминации и равенства в сфере образования и придерживались принципов, изложенных в Конвенции о борьбе с дискриминацией в области образования. Важно,

чтобы каждому ребенку было гарантировано право поступить в любую школу. В некоторых случаях создание специальных или вспомогательных школ для детей, принадлежащих к расовым и этническим группам, находящимся в неблагоприятном положении, может быть целесообразно для их развития.

Резолюция 38/14 отмечает, что средства массовой информации должны играть важную роль в распространении сведений о методах и приемах борьбы против расизма, расовой дискриминации и апартеида. СМИ, учитывая принятую 28 ноября 1978 года Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры Декларацию об основных принципах, касающихся вклада средств массовой информации в укрепление мира и международного взаимопонимания, в развитие прав человека и в борьбу против расизма, апартеида и подстрекательства к войне, должны видеть свою задачу в содействии, путем распространения информации о целях, чаяниях, культуре и нуждах всех народов, преодолению неосведомленности и непонимания между народами, выработке у граждан одних стран понимания нужд и стремлений граждан других стран, обеспечению уважения прав и достоинства всех наций, всех народов и всех людей, без различия расы, пола, языка, религии или гражданства, и, следовательно, в содействии защите их от влияния пропаганды в поддержку расизма и расистских режимов.

Средствам массовой информации следует способствовать утверждению в сознании людей тесной связи между борьбой против апартеида и всех форм расизма и расовой дискриминации и борьбой за международный мир и безопасность. Недостаточное самовыражение через средства массовой информации тех лиц, которые принадлежат к расовым и этническим меньшинствам общества, может зачастую приводить к тому, что роль СМИ становится односторонней или искаженной. Средства информации всех видов: радио, телевидение, кино, периодическая печать, реклама, брошюры и публичные собрания, а также такие традиционные формы, как театр и декламация, могут сыграть важную роль.

Средства массовой информации должны широко информировать о мероприятиях и деятельности, имеющих целью борьбу против расизма и расовой дискриминации. Можно упомянуть о таких формах, как освещение работы конференций, семинаров, симпозиумов, встреч за «круглым столом» и совещаний органов Организации Объединенных Наций, занимающихся теми или иными конкретными вопросами, а также публикация и широкое распространение соответствующих резолюций и решений таких органов. Необходимо распространять информацию об успехах в борьбе против расовой дискриминации, достигнутых с помощью принятия законодательных и административных мер или через программы деятельности общин; следует подчеркивать негативные и пагубные стороны расизма и расовой дискриминации. События, имеющие расовый аспект, надо излагать в их экономическом, социальном, культурном и политическом контексте; к ним нельзя подходить как просто к новостям. В самих средствах массовой информации должны быть достаточные возможности для лиц, относящихся к группам, подвергаемым дискриминации, для выражения их собственных точек зрения, особенно путем подготовки своих программ или репортажей. Кроме того, лица, принадлежащие к таким группам, должны иметь равный доступ к профессиям в области массовой информации, особенно к журналистике. Национальным учреждениям следует широко освещать основные документы о ликвидации расизма, расовой дискриминации и апартеида, а также другие документы о правах человека.

Резолюция 38/14 указывает, что в различных районах мира существует разнообразие народов, культур, традиций и религий, которое во многих случаях

включает и различные группы меньшинств. Правительствам необходимо прилагать постоянные усилия и проявлять неусыпную бдительность, чтобы исключить любые формы дискриминации по признаку расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

Государствам следует принять на себя обязательства по устранению причин межгруппового антагонизма путем принятия конкретных мер, призванных содействовать взаимопониманию, сотрудничеству и гармоничным отношениям между группами населения. Ликвидация напряженности и трений, если таковые имеются, может быть обеспечена лишь при учете реально существующих политических, экономических, культурных, религиозных и языковых различий между отдельными компонентами соответствующего общества.

В отношении коренного населения Резолюция 38/14 предлагает правительствам признать и соблюдать основные права такого населения:

- право называть себя собственным именем и свободно проявлять свою самобытность;
- право иметь официальный статус и создавать собственные представительные организации;
- право поддерживать в тех районах, где оно проживает, свою традиционную экономическую структуру и уклад жизни; это никоим образом не должно затрагивать его право свободно участвовать на равной основе в экономическом, социальном и политическом развитии страны;
- право сохранять и использовать свой язык, когда это возможно, в системе управления и образования;
- право пользоваться свободой религии или вероисповедания;
- право иметь доступ к земле и природным ресурсам, особенно в свете важного значения прав на землю и природные ресурсы для его традиций и чаяний;
- право создавать, использовать и контролировать собственные системы образования.

Коренное население должно быть свободным в ведении своих дел, насколько это практически возможно, и с ним следует консультироваться по всем вопросам, касающимся его интересов и благосостояния, по возможности через официальные консультативные механизмы. Должны быть приняты особые меры, с тем чтобы было исправлено положение, при котором в прошлом наблюдались лишение права собственности, рассредоточение и систематическая дискриминация.

Резолюция 38/14 гласит, что правительствам следует позволить коренному населению в пределах территории развивать культурные и социальные связи со смежными или аналогичными группами населения с учетом важной роли международных организаций или ассоциаций коренного населения, а также при должном уважении суверенитета, территориальной целостности и политической независимости тех стран, в которых живет коренное население.

Ввиду уязвимости коренного населения перед лицом дискриминации и нарушений прав человека, а также серьезности угрозы коренному населению в некоторых частях мира правительствам следует пристально следить за ситуациями, в которых могут нарушаться или отрицаться права коренного населения, с тем чтобы предотвратить такие нарушения, которые следует предавать широкой гласности сразу же после их выявления.

Отмечается, что в силу своего независимого статуса неправительственные организации индивидуально или коллективно могут внести важный вклад в достижение целей Десятилетия действий по борьбе против расизма и расовой

дискриминации. Через различные виды деятельности неправительственные организации могут играть эффективную роль в выявлении и предании гласности проявлений расовой дискриминации, которые в противном случае могут остаться неизвестными, и в содействии углублению практического понимания молодыми людьми значения активной борьбы со всеми формами дискриминации как в их собственных странах, так и в международном сообществе. Неправительственные организации имеют возможность обеспечивать и поддерживать понимание пороков расизма и расовой дискриминации среди своих членов и в обществе в целом. Национальная организация может передавать такое понимание международной организации, при этом оно обогатится за счет конкретного опыта соответствующей страны. Поэтому правительства должны создать для неправительственных организаций условия, позволяющие им действовать свободно и открыто в рамках своих обществ и тем самым внести эффективный вклад в ликвидацию расизма и расовой дискриминации во всем мире.

Активную роль в деле защиты прав нацменьшинств играют неправительственные организации Молдовы. Одной из таких организаций, активно занимающейся защитой прав граждан, в том числе и прав нацменьшинств, является Центр развития демократии и гражданского общества РМ. Так, Центр, при поддержке посольства Нидерландов, осуществляет проект, направленный на развитие этнической толерантности и взаимопонимания. В его рамках представители неправительственных организаций Кишинева, Приднестровья и Гагаузии проходят обучение международному и национальному законодательству в области прав национальных меньшинств. Также в рамках проекта Центр подготовил серию статей [статьи изданы при поддержке Matra KAP (программа малых проектов посольства Королевства Нидерланды)].

В Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации ⁷ отмечается, что, несмотря на усилия международного сообщества, главные цели трех десятилетий борьбы против расизма и расовой дискриминации не были достигнуты и что бесчисленное множество людей и поныне остаются жертвами различных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.

В Декларации отмечается, что расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и связанная с ними нетерпимость представляют собой серьезные нарушения всех прав человека, препятствуют их полному осуществлению и отрицают очевидную истину о том, что все люди рождены свободными и равными в достоинстве и правах, а также являются препятствием для дружественных и мирных отношений между народами и нациями и относятся к числу глубинных причин многих внутренних и международных конфликтов, включая вооруженные конфликты, и вытекающего из них насильственного перемещения населения.

Ксенофобия в ее различных проявлениях представляет собой один из основных современных источников и одну из форм дискриминации и конфликтов, борьба с ней требует срочного внимания и безотлагательных действий со стороны государств, а также международного сообщества. Венская декларация и Программа действий, принятые Всемирной конференцией по правам человека в июне 1993 года, призывают к скорейшей и всеобъемлющей ликвидации всех форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости.

В Декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации признается, что расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и связанная с ними нетерпимость проявляются по признакам расы, цвета кожи, родового, национального или этнического происхождения и что человек может быть жертвой множественных или отягченных форм дискриминации и по другим связанным с этими признакам, таким,

как пол, язык, религия, политические или иные убеждения, социальное происхождение, имущественное, сословное или иное положение; подтверждается, что первоочередной задачей международного сообщества в начале третьего тысячелетия является глобальная борьба против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости со всеми их отвратительными и эволюционирующими формами и проявлениями и что данная Конференция открывает уникальную и исторически важную возможность для оценки и выявления всех аспектов этих губительных для человечества явлений в целях их полной ликвидации, в частности с помощью новаторских и комплексных подходов и усиления и активизации практически осуществимых и действенных мер на национальном, региональном и международном уровнях.

Все народы и отдельные лица образуют единую человеческую семью, богатую своим разнообразием. Они вносят свой вклад в прогресс цивилизаций и культур, составляющих общее наследие человечества. Сохранение и поощрение терпимости, плюрализма и уважения разнообразия могут привести к формированию более сплоченных обществ.

Декларация отмечает огромное значение таких ценностей, как солидарность, уважение, терпимость и многообразие культур, которые образуют моральную основу и служат воодушевляющим фактором для нашей не прекращающейся во всем мире борьбы против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и поражающими воображение своей бесчеловечностью трагедиями, слишком долго выпадавшими на долю народов всего мира.

Декларация подчеркивает, что нищета, низкий уровень развития, маргинализация, социальное отчуждение и экономическое неравенство тесно связаны с расизмом, расовой дискриминацией, ксенофобией и связанной с ними нетерпимостью и способствуют сохранению расистских взглядов и практики, что, в свою очередь, еще больше усугубляет нищету; что расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и связанная с ними нетерпимость относятся к числу глубинных причин вооруженных конфликтов и очень часто являются их последствиями. Она напоминает, что недискриминация представляет собой основополагающий принцип международного гуманитарного права. Декларация особо отмечает необходимость для всех сторон в вооруженных конфликтах неукоснительно соблюдать этот принцип, а для государств и международного сообщества проявлять особую бдительность в периоды вооруженных конфликтов и продолжать бороться против всех форм расовой дискриминации, а также выражает категорическое неприятие расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, которая сохраняется в некоторых государствах в системе функционирования пенитенциарных систем и в сфере правоприменения, а также в действиях и позиции учреждений и должностных лиц, занимающихся правоохранительной деятельностью, особенно когда это способствует тому, что на некоторые группы приходится слишком большая доля лиц, находящихся под стражей или в заключении.

Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации выражает глубокую озабоченность во всех случаях, когда показатели в таких областях, как, в частности, образование, занятость, здоровье, обеспеченность жильем, младенческая смертность и продолжительность жизни в отношении многих народов свидетельствуют о том, что они находятся в ущемленном положении, особенно когда этому способствуют такие факторы, как расизм, расовая дискриминация, ксенофобия и связанная с ними нетерпимость; признает ценность и многообразие культур и наследия коренных народов, чей уникальный вклад в развитие и

культурный плюрализм обществ и всестороннее участие во всех аспектах жизни общества, особенно в затрагивающих их вопросах, имеет основополагающее значение для политической и социальной стабильности и развития государств, в которых они проживают.

Примечания

¹ Боршевский А. П. Основные права и свободы граждан в ведущих демократических странах мира и в Молдове. Кишинев, 2004. С. 4.

² Боршевский А. П. Там же. С. 240-250.

³ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам // www.un.org.

⁴ Доклад Верховного комиссара ООН по правам человека E/CN.4/2004/75 «Права лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам» (24 февраля 2004 г.) // www.hri.ru.

⁵ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств // Московский журнал международного права, 1996, № 2. С. 242-250.

⁶ Резолюция 38/14 Генеральной Ассамблеи ООН «Второе Десятилетие действий по борьбе против расизма и расовой дискриминации», 22 ноября 1983 г. // www.un.org.

⁷ Декларация о ликвидации всех форм расовой дискриминации (принята на Всемирной конференции по борьбе против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости. Дурбан, Южная Африка, 2001) // www.un.org.

Rezumat

Articol de față este consacrat problemei drepturilor minorităților naționale. Republica Moldova și-a asumat o serie de obligații pe plan internațional în sfera respectării drepturilor omului și implicit a drepturilor minorităților naționale și religioase, drepturi, care trebuie să le garanteze și să le respecte. În conformitate cu standardele internaționale, problemele legate de respectarea dreptului la identitate națională și conservarea acestuia, drepturilor colective și individuale ale persoanelor aparținând minorităților naționale, se abordează și se rezolvă prin dialog, rațiune, compromis, tact și bunăvoință.

Резюме

Статья описывает международное законодательство и международную практику в области защиты прав национальных меньшинств. Республика Молдова – демократическое правовое государство, а человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Одним из важнейших показателей демократичности государства является законодательное закрепление прав нацменьшинств, ратификация Парламентом основных международных актов в этой сфере.

Summary

This article contains the description of the international legislation protecting the rights of ethnic minorities. Republic of Moldova is a democratic law-based state and an individual, his rights and freedoms are the highest priority. This publication has been made within the frameworks of the Matra KAP (Small Embassy Projects) programme (Royal Netherlands Embassy). The legislative framework of the Republic of Moldova is in fact corresponds to the international legislation. However the implementation mechanisms of the legislation are not perfect and require development and improvement.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Пришедший из западной антропологии термин «этническая идентичность» получил широкое распространение и в научной литературе постсоветского пространства. Опубликованные за последнее время материалы как теоретического, так и прикладного (социологические исследования этнических явлений) плана с разных сторон и с разных позиций освещают такие проблемы, как содержание этнической идентичности, этапы ее формирования и методы изучения. В настоящей статье производится попытка обобщения информации по данным вопросам, представленной в разных областях научного знания, включая психологию, этнологию, социологию и смежные дисциплины, а также составления перечня и описание основных методов изучения этнической идентичности для взрослых респондентов и детей.

Понятие этнической идентичности

Сложный характер и многоплановость проявления этнической идентичности породила в свое время споры о врожденности либо контекстуальной зависимости данного феномена. На сегодняшний день большинство этнологов-практиков в ходе эмпирического исследования предпочитают выделять какую-либо одну из его граней. Так, этносоциологи в рамках исследовательских задач (динамические процессы в обществе) склоняются к инструменталистскому толкованию этничности, а этнопсихологи, занимаясь проблемами менталитета и других феноменов внутреннего мира человека как представителя этнической культуры, тяготеют к историческо-примордиалистскому направлению.

Для определения содержания этнической идентичности следует выяснить ее соотношение с этническим самосознанием – более привычным для отечественных этнологов понятием. По этому поводу существует несколько мнений. Некоторые ученые полагают, что данные термины идентичны по содержанию¹. Другая группа исследователей предлагает разграничить их, приписав идентичности социальный аспект, а самосознание причислить к внутренним аспектам личности². Остановимся на предложении Г. У. Солдатовой понимать под этнической идентичностью концентрированную форму и главный компонент этнического самосознания³, который включает в себя этнические установочные образования (стереотипы, предубеждения, предрассудки), ценности и ценностные ориентации, психологические универсалии. Перечисленные компоненты формируются на основе трех взаимосвязанных процессов: отождествление личности с этнической группой, дифференциация собственной и других этнических групп, осознание отношения к собственной и другим этническим группам⁴.

Осознание этнической принадлежности строится на основе этнодифференцирующих признаков, которые могут быть самыми разными элементами материальной и духовной культуры. Выбор признака определяется не его объективной характеристикой, а базовой потребностью человека в категоризации. Выделение в окружающем мире оппозиционных категорий является когнитивным процессом человеческого сознания, основой в интерпретации мира и его явлений. Одна из основных оппозиций – «мы–они» – считается древнейшей основой деления человечества на различные группы, в том числе этнические⁵. Стоит отметить, что, согласно адаптивной теории этнической культуры, последняя как символическая система возникла на основе первичной адаптации этнической

общности к определенному ландшафту, а закрепившиеся при этом стереотипы поведения перешли в ходе истории с физического уровня на уровень культуры⁶.

Помимо характеристик «врожденности» этническая идентичность способна проявлять ситуативность, зависимость от контекста. Эта ее сторона, этническая самоидентификация, объясняется тем, что в структуре социальной идентичности личности она выходит на первый план, как правило, в кризисные периоды, выполняя компенсаторную функцию⁷. Политические реалии не раз становились причиной самоидентификации человека с той этнической группой, среди представителей которой он испытывает наибольший психологический комфорт. По этой же причине исследователи не раз отмечали, что дети этнических меньшинств во время опроса идентифицируют себя как представителей титульной нации⁸.

Формирование этнической идентичности

Человек рождается в качестве члена определенной культуры. Культура является общепринятой и понятной всем системой символов (ценностно-нормативным регулятором поведения), усвоение которой необходимо каждому человеку для нормальной жизнедеятельности⁹. Данный процесс начинается еще в младенчестве и носит название социализации. Американский социолог Элкин приводит показательный пример того, как культура оказывает влияние на формирование личности: сравнительное исследование отношений между матерью и младенцем в США и Японии показало, что акцент на физическом контакте между матерью и ребенком в Японии формирует личность с коллективистским стилем сознания, а отношения, воспитывающие самостоятельность в США, – индивидуалистические тенденции¹⁰.

Психологи описывают социализацию в таких терминах, как «присвоение» – овладение индивидом общественным опытом, достижениями вида, и «приобщение» – вовлечение человека в систему социальных связей с другими людьми¹¹. В результате присвоения индивид овладевает социотипическим поведением, которое выражает усвоенные в культуре образцы поведения и познания, надсознательные, надындивидуальные явления¹², к которым относятся, в частности, и этнические стереотипы.

Социализация происходит, пользуясь терминологией Л. С. Выготского, при помощи механизма интериоризации, то есть превращения материального в идеальное, внешнего – во внутреннее в индивидуальной деятельности¹³. Более подробно этот механизм можно описать так. Известно, что культура – это знаковая система. Знаки же, в свою очередь, являются средством регуляции психической деятельности. Общение со взрослыми переводит знаки в план сознания ребенка, который затем начинает использовать их для регуляции своей собственной психической жизни¹⁴. Таким образом, культура становится непосредственным участником в процессе формирования сознания нового члена общества.

Формирование этнической идентичности – это длительный процесс, который проходит несколько этапов, связанных в детстве с когнитивным и общим психическим развитием, а в более взрослом возрасте – с общим становлением личности.

Этническая идентичность у детей, по мнению многих исследователей, формируется в подростковом возрасте, когда рефлексия имеет первостепенное значение¹⁵. Тем не менее, первые проблески диффузной идентификации с этнической группой обнаруживаются у детей трех-четырёх лет на уровне восприятия внешних различий. До десяти лет дети усваивают этнокультурную информацию через общение со «значимыми другими», в основном в семье. Этот период характеризуется нечетким осознанием ребенком своей этнической принадлежности,

слабыми этническими знаниями. Тем не менее, у детей данного возраста возможно наличие этнических стереотипов как проекция этнических представлений в их семьях или ином ближайшем окружении. В подростковом возрасте появляется осознанное отношение к своему этносу, пробуждается интерес к истории и культуре как своего народа, так и других, происходит формирование системы представлений и оценок культурных и психологических особенностей своей этнической общности в сравнении с другими народами и культурами. Формирование этнического самосознания в более или менее завершённой форме приходится на юношеский возраст на фоне общего взросления и самоопределения. Однако данный процесс может длиться и всю жизнь, поскольку этническая идентичность не является статичной и зависит от множества факторов, в основном социально-политического характера. Например, как уже упоминалось выше, возможен дрейф этнической идентичности, когда уже приобретенный этнический статус, предписанный обществом, ставится в зависимость от статуса группы¹⁶.

Выраженность этнической идентичности зависит напрямую от особенностей этно-контактной зоны. Так, отмечено, что опыт межэтнического общения, гетерогенная среда, создает большой потенциал для формирования этнической идентичности, а отсутствие подобного опыта ведет к меньшей предрасположенности к подобным контактам и вызывает меньший же интерес к своей собственной этничности¹⁷. Этническая принадлежность «значимых других», полиэтничность семьи, язык обучения, становятся причинами такого распространенного явления, как биэтничность, то есть идентификация индивидом себя как представителя одновременно двух этнических общностей. Утрата этнической группой позитивной этнической идентичности может стать причиной таких, к сожалению, распространенных на сегодняшний день явлений, как этническая интолерантность, этнический конфликт и другие явления с политической окраской¹⁸.

Таким образом, этническая идентичность предстает перед нами как весьма неоднозначное явление, формирование которого обусловлено не только внутренними универсальными процессами (интериоризация, категоризация), но и совокупностью внешних социальных и политических факторов.

Методы исследования этнической идентичности

Прежде чем перечислить и описать методики, разработанные для изучения этнической идентичности, следует вернуться к самому понятию и рассмотреть его компоненты, поскольку именно изучение отдельного компонента и лежит в основе той или иной методики. Основными компонентами этнической идентичности являются когнитивный и аффективный. Первый включает в себя этническую осведомленность, то есть знания о своей и других этнических группах, этноним и соответствующие ему этнодифференцирующие признаки, а также этническую самоидентификацию¹⁹. Аффективный компонент представляет собой эмоциональный аспект принадлежности к группе²⁰. Сочетание определенного числа методик, зачастую модифицированных для большего соответствия поставленным целям, дает в результате описание определенных этнических представлений или этнической ситуации в том ли ином регионе в целом.

Многие исследования начинаются с определения важности этнической идентичности для респондента. Для достижения данной цели пользуются, как правило, методиками, позволяющими установить место данного вида идентичности среди других, например, половой, возрастной, профессиональной и т. д. Место этничности в образе «Я» испытуемых представляет собой, помимо всего, маркер этнической напряженности в регионе. Самым распространенным из данной серии методик является **тест Куна и Макпартленда «Кто Я?»**. Выполняя тест,

испытуемый должен заданное количество раз ответить на вышеуказанный вопрос. Методику можно использовать как составную часть, например, анкеты, чтобы ориентировать испытуемого в исследуемое русло. Но для чистоты эксперимента тест зачастую используют отдельно, в начале исследования, чтобы список полученных идентификаций отражал непредвзятый «Я»-образ испытуемого. В результате исследователь получает ранжированный набор идентичностей, при помощи которого устанавливается степень важности этнической идентичности для респондента²¹. Для удобства отображения результатов, полученные идентификации группируются по категориям, которые варьируют у различных исследователей. Например, можно выделить объективные характеристики – категории частной жизни (человек, пол, возраст, семья, профессия), объективные характеристики – этнополитические категории (национальность, религия, субкультура, гражданство), субъективные характеристики (самооценки и самопредставления)²².

Для изучения содержания этнической идентичности респондента, а также его представлений о своей и других этнических группах, существуют следующие методики.

Самая простая из них – **свободное описание** «типичного представителя» того или иного народа, результаты которого обрабатываются при помощи контент-анализа. Собранный материал демонстрирует целостность образов своего и «чужого» народа, соотношение позитивных и негативных характеристик, общую направленность оценки, содержание стереотипных представлений²³.

Более формализованным является **метод семантического дифференциала**, который представляет собой набор из определенного числа признаков-антонимов, при помощи которых испытуемый должен описать ту или иную этническую группу, в том числе свою, оценив ее по соответствующему признаку по 7-балльной шкале. Кроме названий групп в список можно добавить образ «Я» и «Идеальный образ», что даст возможность проанализировать этническую идентичность респондента, выяснить, с какой группой он отождествляет себя в большей степени, а также выявить систему его этнических предпочтений²⁴.

Сходной методикой, направленной на изучение эмоционально-ценностного компонента этнических стереотипов, является ДТО (Диагностический тест отношений). В каждой паре антонимов место положительного качества занимает среднее значение (вместо щедрый-жадный – экономный-жадный) для избегания поляризации оценки. Как правило, предлагается оценить по данным шкалам самого респондента, «типичного представителя» собственной этнической общности и одного или нескольких «типичных представителей» других национальностей. При помощи данной методики измеряются амбивалентность (степень эмоциональной определенности), интенсивность (сила стереотипного эффекта) и направленность (знак и величина общей эмоциональной ориентации субъекта по данному объекту) этнического стереотипа²⁵.

Шкала социальной дистанции применяется для измерения генерализированной установки индивида по отношению к определенной этнической группе, выявления степени приемлемости другого индивида как представителя национальной группы. В процессе опроса испытуемый отмечает из списка социальных ролей (супруг, сосед, друг, коллега и т. д.) те, которые согласен предоставить «типичному» представителю заданной этнической группы. Результаты подсчитываются по двум показателям: социальная приемлемость (стремление к взаимодействию и интеграции) и социальная экспансивность (выраженность и направленность социальных чувств представителя одного этноса к другому)²⁶. Определенным аналогом шкалы социальной дистанции является методика оценки этнонациональных групп с точки

зрения их близости-чуждости испытуемому. Методика представляет собой таблицу, в первой колонке которой перечислены этнические и наднациональные общности, которые испытуемый должен оценить по шкале «свой-чужой»²⁷.

Вспомогательным методом в изучении этнических представлений индивида является позаимствованный в психодиагностике **цветовой тест отношений**, который основан на идее, что выбор цвета отражает направленность испытуемого на определенный стимульный объект. Для диагностики этнических предпочтений тестирование проходит в три этапа, итогом которых является сопоставление декларируемой и реальной системы этнических предпочтений респондента. На первом этапе респонденту предлагается подобрать к каждой из заданных этнических групп одну из восьми цветowych карточек. На втором – расположить цветowe карточки по степени привлекательности. На последнем – расположить по степени привлекательности этнические группы. Третий этап демонстрирует декларируемую систему предпочтений, на основе первых двух составляется реальная система²⁸.

Модифицированный тест личностных конструктов Дж. Келли, предложенный Г. У. Солдатовой, основывается на идее, что восприятие и интерпретация человеком явлений внешнего мира происходят согласно имеющейся у него системе конструктов для сравнения людей и событий между собой. Конструкт представляет собой особое субъективное средство, созданное самим человеком, чтобы помочь ему воспринимать и понимать окружающую действительность, прогнозировать и оценивать события. Это биполярный признак, альтернатива, противоположные отношения, способы поведения²⁹. Конструкты выявляются в процессе беседы с человеком, результатом которой становится «репертуарная решетка» – формализованное отражение психологических процессов, лежащих в основе суждений человека. Солдатова предлагает использовать разработанную лично модификацию данного метода для изучения этнических стереотипов, поскольку решетки Келли ликвидируют недостатки более традиционных методов.

Респонденту предъявляется ролевой список: «Я», «типичный...» (представитель своей и других национальностей), карточки с именами лиц разной национальности из окружения индивида, дополнительно также два лица той же национальности, что и респондент («положительный» и «отрицательный»). Далее ему предлагается объединить две карточки и отделить третью на основе сходства и различия между данными субъектами, называя при этом качество, на основании которого производится сравнение. Из определенных характеристик составляются списки общих и различительных качеств, степень выраженности которых респонденты должны оценить по 7-балльной шкале для всех указанных на карточках лиц.

Результатом исследования становится определение коэффициентов этнической идентификации и межэтнической дифференциации, а также выявление содержательных аспектов этнического самосознания на основе биполярных оценок³⁰.

Тем же автором предложена методика «**Типы этнической идентичности**» для прогнозирования тенденций трансформации этнического самосознания респондента в условиях роста этнической напряженности. Под типами подразумеваются следующие: этнонигилизм, этническая индифферентность, норма (позитивная этническая идентичность), этноэгоизм, этноизоляция, национальный фанатизм. Испытуемому предлагается оценить каждое из 30 суждений по вопросам национальных отношений в соответствии с 5-балльной шкалой. На основе определенных критериев в итоге определяется степень этнической толерантности индивида³¹.

Методика под названием «**Этническая аффилиация**» была разработана для исследования ориентации индивида на групповые-ценности в противовес личностным ценностям. Она представляет собой блок суждений, с которыми испытуемому следует согласиться либо не согласиться. Данная методика позволяет выяснить уровень потребности отдельного человека в этнической принадлежности, то есть наличие и степень выраженности такой социокультурной характеристики, как коллективизм³².

Методика «**Культурно-ценностный дифференциал**» дает возможность выявить общую ценностную структуру исследуемых контактирующих групп в процессе взаимной адаптации и интеграции. В ходе исследования респонденту предлагается оценить выраженность определенных качеств у представителей этнической общности (в целом), с которой он состоит в контакте. Качества группируются в несколько блоков. Например, для определения ценностных ориентации в пределах характеристики «индивидуализм-коллективизм», такими группами являются ориентация на себя, ориентация на изменения, ориентация друг на друга, ориентация на власть и т. п. В отличие от описанной выше «этнической аффилиации», данная методика в результате дает скорее стереотипные образы как своей, так и другой этнической общности³³.

Отдельная группа методов – проективные – являются альтернативой вышеперечисленным вербальным методикам. Их преимущество, по мнению многих исследователей, состоит в том, что они снимают проблему адекватного перевода терминов и возможности сопоставления результатов исследования в разных языковых группах³⁴.

Одной из таких методик является проективный рисунок, который может применяться для исследования этнических стереотипов. Испытуемые должны изобразить образы представителей заданных этнических общностей. Результаты обрабатываются, как правило, при помощи контент-анализа. Например, определяется частота повтора каждого конкретного изображения, которые затем объединяются в смысловые группы при описании этноса; затем производится подсчитывание количества изображений по каждому этносу и определяется доля каждой смысловой группы в целостном образе. В итоге исследователь имеет процентное соотношение образов представителей этноса, то есть стереотипные образы³⁵.

Другим проективным методом являются «репертуарные решетки», представляющие собой список поступков и список ролей (например: я, мать, идеал женщины и т. п., включая национальность). Метод опирается на идею полифонии человеческого сознания, множественность «Я», когда практически любой поступок может быть оценен с позиций «значимых других». Респонденту предлагается оценить каждую ситуацию с позиции каждой из ролей по определенной шкале. В результате, помимо этнических стереотипов, исследователь получает таблицу соответствий, например, собственного образа идеалу и т. д.³⁶.

Интересные результаты дает сочетание количественного метода и этнопсихолингвистического, выявляющих соответственно сознательные и бессознательные установки. Например, использование в одном и том же исследовании опросника, основанного на одной из вышеперечисленных социально-психологических методик, обследующих мнение респондентов, и теста на базе принципа «стимул-реакция», дают в итоге достаточно противоречащие друг другу результаты³⁷.

Определенной сложностью отличается изучение этнической идентичности у детей, поскольку большая часть методик ориентирована на взрослых респондентов с уже сложившейся системой категорий и представлений и является трудной для детей.

Альтернативой являются в основном проективные методы, которые подходят для любой возрастной группы. Например, для выяснения осведомленности ребенка о физических особенностях различных народов используют фотографии, кукол и другие наглядные пособия.

Вместо теста «Кто Я?» для определения ребенком своей этнической принадлежности можно воспользоваться методикой, разработанной М. Барретом, которая представляет собой определенное число карточек с различными идентичностями: половой, возрастной, этнической, религиозной, городской, национальной (страна) и т. п. Ребенок последовательно выбирает из них самую важную для себя. Таким образом выстраивается последовательность идентичностей по признаку важности для ребенка. Отличие от теста «Кто Я?» состоит в том, что опрашиваемый уже имеет в наличии набор идентификаций (в качестве подсказки) и, следовательно, ориентирован в нужное для изучения русло³⁸.

Работа с карточками очень вариативна: в зависимости от целей исследования при помощи их различных комбинаций возможно рассмотрение различных аспектов этнических представлений у детей, включая стереотипы, и собственной этнической идентификации ребенка.

Следующим блоком методик являются рисовальные. В зависимости от заданной темы в рисунке проявляются как стереотипизированные представления респондента, так и внутренние подсознательные структуры. Например, для изучения этнических стереотипов можно предложить группе детей нарисовать типичных представителей своей и других национальностей. Рисунок по памяти географической карты и обозначение на ней места проживания разных народов дает информацию об этногеографических представлениях респондентов³⁹.

В работе с детьми также возможно использование методик, направленных на бессознательные установки. Это могут быть также рисунки обозначенных словами образов из этнической картины мира или вербальная реакция на слова-стимулы.

Таким образом, в данной статье был рассмотрен феномен этнической идентичности, его соотношение с этническим самосознанием, его основные компоненты и методы их изучения в зависимости от возрастной группы испытуемого, которым было уделено особое внимание ввиду методологической ценности. Поскольку специфика процесса формирования этнической идентичности и ее проявление в социальной действительности является насущной проблемой любого, а в особенности поликультурного, общества, исследование различных аспектов данной проблематики представляется перспективной областью и в Республике Молдова, которая исторически служит местом проживания нескольких больших и малых этнических общностей.

Примечания

¹ Александренков Э. Г. Этническое самосознание или этническая идентичность? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 14-20.

² Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности // Этничность и толерантность. М., 2002. С. 91-92.

³ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 43.

⁴ Там же. С. 50.

⁵ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 1999. С. 206-207.

⁶ Борисова О. В. Категория этничности как эпистемологический феномен // Общественные науки и современность, 2003. № 3. С. 124.

⁷ Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 19.

⁸ Левкович В. П., Панкова Н. С. Проблемы формирования этнического самосознания у детей в работах зарубежных ученых // Советская этнография. 1973. № 5. С. 129.

⁹ Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 19.

¹⁰ Elkin R., Handel G. The child and society. The process of socialization. New-York, 1980. P. 46-47.

¹¹ Асмолов А. Г. Психология личности. М., 1990. С. 114.

¹² Там же. С. 267.

¹³ Там же. С. 114.

¹⁴ Детская практическая психология. М., 2001. С. 70.

¹⁵ Этническая идентичность и толерантность якутских подростков с разным уровнем языковой компетентности // Этничность и толерантность. М., 2002. С. 252.

¹⁶ Стефаненко Т. Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 35.

- ¹⁷ Романова О. Л. Развитие этнической идентичности у детей и подростков. Автореф. дисс... канд. психол. наук. М., 1994. С. 18.
- ¹⁸ Лебедева Н. М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Этничность и толерантность. М., 2002. С. 21.
- ¹⁹ Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. М., 2000. С. 211.
- ²⁰ Кауненко И. И. Психологические особенности этнической идентичности подростков в Республике Молдова: проблемы и перспективы // Moldoscopie. Nr. 1 (XXXII). Chisinau, 2006. С. 41.
- ²¹ Сикевич З. В. Социология и психология национальных отношений. СПб., 1999. С. 173.
- ²² Аксянова Г. А., Давыдова С. С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников. М., 2003. С. 9.
- ²³ Там же. С. 13.
- ²⁴ Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994. С. 126.
- ²⁵ Там же. С. 132.
- ²⁶ Платонов Ю. В. Этническая психология. СПб., 2001. С. 257.
- ²⁷ Павленко В. Н. Соотношение формирования этнической и религиозной идентичности // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М., 2001. С. 51.
- ²⁸ Практическая диагностика. Методы и тесты. М., 2006. С. 92; Бороноев А. О., Павленко В. Н. Этническая психология. СПб., 1994. С. 139.
- ²⁹ Франселла Ф., Баннистер Д. Новый метод исследования личности. М., 1987. С. 16.
- ³⁰ Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 186-188.
- ³¹ Там же. С. 189, 193.
- ³² Там же. С. 189.
- ³³ Аксянова Г. А., Давыдова С. С. Этнические стереотипы и ценностные ориентации московских школьников. М., 2003. С. 18.
- ³⁴ Иванова Т. В. Изучение этнических стереотипов при помощи проективных рисунков // Вопросы психологии. 1998. № 2. С. 72.
- ³⁵ Там же. С. 74.
- ³⁶ Петренко В. Ф., Алиева Л. А. Исследование этнических стереотипов с использованием методики «множественных идентификаций» // Психологический журнал, 1987. Т. 8. № 6. С. 23-24.
- ³⁷ Завьялова М. В., Рыжакова С. И. Этнокультурные стереотипы у латышей и литовцев: образы «своего» и «чужого» // Этничность и толерантность. М., 2002. С. 309.
- ³⁸ Барретт М. Развитие национальной идентичности: концептуальный анализ и некоторые итоги западноевропейского исследования // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М., 2001. С. 30.
- ³⁹ Воловикова М., Кузнецова О. Представления о «Европе» и «европейцах» детей и подростков, живущих в Подмоскovie и в станице Вешенская на Дону // Развитие национальной, этнолингвистической и религиозной идентичности у детей и подростков. М., 2001. С. 150.

Rezumat

În articolul de față autorul face încercarea de a caracteriza sumar astfel de fenomene ca identitatea etnică în formă de generalizare a pozițiilor de bază în abordarea acestui fenomen a diferitor disciplini și domenii științifice. În prima parte a articolului se face compararea conceptului de identitate etnică și a celui de conștiință etnică; de asemenea sunt descrise componentele generale și caracteristicile lor. În partea a doua este examinat mecanismul formării identității etnice, particularitățile lui și desemnate etapele lui principale. În baza factorilor susnumiți, în partea a treia a articolului autorul enumera metodele de bază pentru cercetarea identității etnice în dependență de grupul de vârstă a respondentului și de scopul investigației empirice.

Резюме

В настоящей статье автором предпринята попытка краткой характеристики такого феномена, как этническая идентичность, в виде обобщения основных позиций рассмотрения данного явления различными дисциплинами и направлениями. В первой части статьи приведено сопоставление понятия этнической идентичности и этнического самосознания, а также описаны основные их характеристики и компоненты. Во второй части рассмотрен механизм формирования этнической идентичности, его особенности и выделены его главные этапы. На основе этих факторов в третьей части статьи перечислены основные методы изучения этнической идентичности в зависимости от возрастной группы респондента и цели эмпирического исследования.

Summary

This article represents an attempt to characterize briefly such a phenomenon as ethnic identity in the form of summarizing some basic approaches of viewing this phenomenon by different disciplines and schools. In the first part of the article a comparison of the concepts of ethnic identity and ethnic consciousness is given, their basic characteristics and components are also described. In the second part, the mechanism of formation of ethnic identity and its particular features are briefly reviewed; its main phases are also distinguished. On the ground of above-listed factors in the third part of the article, the author provides some basic methods of investigation of the ethnic identity depending on the respondent's age group and the aim of the empirical research.

SCRISUL – FINALITATE TERAPEUTICĂ

O caracteristică a culturilor tradiționale și a medicinei populare este credința în forța cuvântului. Actul de vorbire are finalități pragmatice, fie că este rugăciune, descântec, blestem sau urare. Cuvântul creează și transformă, este o formă de expresie rituală cu efecte benefice sau malefice. Cuvântul este un important instrument al practicilor magice. El are puterea de a ține la distanță supranaturalul malefic, de al extrage din corpul bolnav dacă agresiunea s-a produs deja.

Presupusa, misterioasa eficacitate a cuvântului rostit se extinde și asupra realizării lui grafice, cu atât mai mult cu cât aceasta necesită și o știință și o tehnică pe care puțini oameni o stăpâneau.

Sistemul tratamentului prin scris atestă o mare vechime culturală și o evoluție neîntreruptă în macrosistemul culturii tradiționale fiind expresia unui sincretism cultural complex, realizat în timp, între structurile magice și elementele mitice aparținând stratului arhaic precreștin și elemente proprii stratului religios creștin.

Mi-am propus ca scop să analizez structura tradițională a terapeticilor scrise, evidențiind trăsăturile lor specifice, dar și apartenența lor la sistemul culturii universale.

Ca obiective principale mi-am propus următoarele:

- de a analiza structurile mentale, trăsăturile de comportament, sincretismul cultural prezente în astfel de forme terapeutice;
- de a evidenția legătura indisolubilă dintre magia orală și scrisă, transferul încărcăturii magice și simbolice a cuvântului rostit cuvântului scris.

În calitate de izvor istoric am avut materialul folcloric cules.

Deși aprecierile asupra temei au fost contradictorii, astăzi nu se mai îndoiește nimeni de importanța culegerii și studierii acestui material, unica problemă rămâne a fi gradul scăzut de cercetare.

Lucrări consacrate în totalmente acestui aspect al medicinei tradiționale lipsesc, referințele rămânând a fi fragmentare, încadrându-se în istoriografie la capitolul descântece.

Cele mai multe referințe despre utilizarea scrisului ca metodă de tratament și prevenire a maladiilor le întâlnim la Petre Ștefănuță, B. P. Hașdeu ¹ și Nicolae Cartoian, Simion Florea Marian, Ștefania Cristescu, Tudor Pamfile.

Unii autori ca Mircea Eliade, Robert Muchembled în "La sorciere au village (XVe–VIIIe siècle)", au mers mai departe, analizând structura magico-simbolică a acestor texte scrise și atribuindu-le ca parte componentă a culturii universale, legătura indisolubilă cu creștinismul, păgânismul și alte forme arhaice a credințelor.

Actualitatea temei rămâne a fi indiscutabilă, dat fiind faptul că ajută la înțelegerea mentalității omului, la perceperea mai bună a sincretismului magico-religios prezent în credințele populare, la determinarea interferențelor și suprapunerilor diferitelor sisteme de culturi.

Neglijarea acestui aspect al terapeticii populare este de neînchipuit, or descifrarea lui ne-ar permite să percepem gândirea țaranului nostru, evidențiind structura magico-tradițională a credințelor și obiceiurilor magice populare, fără de care nu pot fi înțelese și apreciate în adevărata lor valoare.

În funcție de scopul urmărit, distingem mai multe tipuri de utilizare a scrisului:

- de prevenire a bolii (apotropaică);
- extragerea bolii din corp (taumaturgică).

Investigația concepțiilor metodelor și tehnicilor terapeutice scrise constituie un sector privilegiat al istoriei mentalităților, toate acestea având în centrul lor omul în raporturile lui cu cosmosul, cu divinitatea, cu forțele demoniace. Terapeuticele medicale scrise prelungesc teologia, mitologia și experiențele religioase caracteristice unei epoci date. Mircea Eliade constata: „Ce carte pasionantă s-ar putea scrie comparând concepțiile omului... de gândire religioasă și de sistemele și terapeuticele medicale”. Așadar studierea medicinei tradiționale scrise, va trebui să pună în evidență raporturile acestora cu magia și religia.

În societățile tradiționale, corpul unește omul cu cosmosul de-a lungul unei rețele de corespondențe. Această observație antropologică ne va ajuta să înțelegem sistemul credințelor și practicilor magico-religioase care au ca obiect restaurarea echilibrului armoniei interioare a corpului uman.

În toate societățile, puterea asupra corpului aparținea domeniului sacralului. În evul mediu boala era considerată ca o pedeapsă de la Dumnezeu, dată celor păcătoși. Mentalitatea tradițională atribuie frecvent producerea efectului maladiv și unor forțe mitice – Diavolul sau alte duhuri necurate. Dumnezeu, care l-a creat pe om, nu îngăduie totuși ca diavolul să distrugă creația sa. Sănătatea putea fi răscumpărată prin apelul bolnavului la ajutorul bisericii sau a doftorilor. Dacă apelul la una din ele nu dădea rezultate se recurgea la cealaltă. Biserica la rândul ei a recunoscut puterea taumaturgică a relicvelor unor sfinți vindecători, icoanelor, locurilor sfinte și nu în ultimul rând a cărților.

Atunci când se constatau semnele bolii, se recurgea mai întâi la actul magic al descântatului, prin care duhul rău era chemat să părăsească trupul bolnav. Dacă descântecul nu dădea rezultate, se recurgea la „facerea cărțiței”. Acest caz este semnificativ pentru descifrarea mecanismului asimilării scrisului de către mentalitatea magică a omului tradițional. Deoarece vindecarea nu s-a putut obține prin incantația orală, toată nădejdea este pusă în eficacitatea magică sporită a cuvântului scris. Avantajul acestuia este că materializează vorbirea. Semnele grafice reprezentând cuvintele, transpuse pe un suport material (hârtia), pot fi păstrate în proximitatea corpului, pot fi atinse, reprezintă o speranță tangibilă. Este inevitabil, deci ca formulele scrise să dețină o forță magică mult mai mare decât formulele orale.

Utilizarea scrisului cu scop de prevenire a bolii

Pentru a se apăra contra duhurilor maligne țăranul basarabean a avut ca scut de apărare niște texte scrise, care erau purtate la el tot timpul, în special când se afla în afara spațiului locuit. Plecarea într-o călătorie însemna traversarea unor spații nefamiliare, pline de neprevăzut, populate cu ființe malefice, de aceea purtarea lor era indispensabilă. Astfel deosebim câteva tipuri de scrieri de acest gen:

- rugăciuni;
- texte scrise;
- cărțițele sub formă de talismane.

Iată ce menționa cercetătorul basarabean Petre Ștefănuță într-un studiu făcut în comuna Nișcani: „Unele cărți, îndeosebi cele apocrifice, sunt învăluite într-o atmosferă de superstiție... Cartea asta e bine s-o ții în sân și s-o citești cât mai des”.

Interesant e faptul că această practică este deosebit de activă și în zilele noastre, chiar dacă biserica nu încurajează purtarea de amulete conținând rugăciuni, nici nu le interzice, tolerând vânzarea acestora chiar în incinta lăcașurilor sale. Dimensiunile mici ale tiparului sugerează clar destinația acesteia: de a fi pusă în buzunar.

O legendă foarte răspândită în cărțile populare și în folclorul popoarelor sud-est europene este aceea a Avestiței – aripa Satanei. B. P. Hașdeu² și Nicolae Cartoian au stabilit filiațiile acestei legende, ale cărei origini merg până în „mitologia babiloniană”³.

Legenda spune că atunci când a născut Maica Domnului, demonul feminin Avestița a vrut „a merge să o smintească și pe dânsa”. Dar Arhanghelul Mihail îi află intențiile, o prinde și o bate cu un bici de foc, silind-o să-i divulge toate numele pe care le poartă.

Legenda conține o veche credință demonologică, potrivit căreia demonul poate fi controlat de cel care cunoaște formula magică alcătuită din înșiruirea numelor secrete pe care acesta le poartă.

De asemeni, un text care relatează o întâmplare mitică reprezintă pentru mentalitatea tradițională o sursă de putere magică. Avestița sau Samca devine cel mai viclean și mai periculos spirit necurat, care chinuie femeile însărcinate sau lehuze, precum și pe noii născuți. Printre practicile magice de prevenire sau de îndepărtare a acestui spirit malefic se numără și cel descris de Simion Florea Marian: „...mai fiecare femeie îngreunată și mai ales acelea, care au fost, încă pe când erau mici, atacate de acest spirit rău, temându-se ca nu cumva să fie cuprinse și maltratate de dânsul și în timpul nașterii, pun ca să li se scrie rugăciunea numită „Rugăciunea Arhanghelului Mihail” care nu numai că cuprinde în sine toate numirile lui, ci e totodată îndepărtată împotriva lui, și pe care femeile o poartă ca amulet la sine, de cum s-au simțit că au devenit îngreunate și până după naștere, unele chiar toată viața”⁴.

Aceste scrisori urmau să fie purtate la gât, atârinate în încăperea unde se afla lehuza sau copilul mic, pusă în leagăn sau în perna acestuia⁵.

„Cărțile de samcă” trebuiau scrise doar de oameni bătrâni, niciodată de tineri, pentru ca Samca se putea răzbuna pe aceștia, pe când de moșnegi nu se lega așa de ușor⁶.

Cei mai mulți scriitori ai acestui leac îl scriu cu litere chirilice și rar unde se mai întâlnesc asemenea persoane.

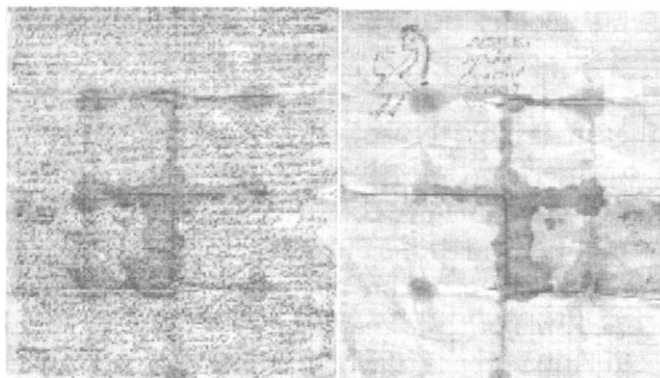
În Moldova călugării dădeau femeilor „o carte în care este făcut chipul dracului, înconjurat de o scrisoare cu blesteme bisericesti. Mai întâi se desena chipul Samcei și al Arhanghelului Mihail care o bate cu un bici de foc și o străpunge cu o sabie. Sub acest desen urma textul propriu-zis”⁷.

Utilizarea „cărților de samcă” drept mijloc de apărare contra duhurilor rele o regăsim și în perioada interbelică, fiind semnalată de cercetările monografice întreprinse în satul Cornova din Basarabia. Cercetătoarea Ștefania Cristescu ne descrie practica descântatului „de strâns” (tulburări respiratorii la copii)⁸. De remarcat e și faptul că aceste cărți erau sfințite la biserică (ceea ce denotă aceeași mentalitate magico-religioasă), dobândind astfel o valoare sporită, consacrarea transmitând cărții o energie benefică, propice comunicării cu sacrul în lupta contra duhurilor necurate.

De asemeni cartea trebuia citită cu voce tare și până nu se termina de citit nu trebuia să fie lăsată. Credința în devința ei se observă și în următoarea afirmație: „Dacă o ceti de-a dreptul, fără să se împiedice, îi trece copilului, ar dacă o fi să moară copilul, nu poate ceti cărticica. Se-nădușe”⁹.

În nordul Basarabiei se făceau „scrisori de samcă”, care aveau atât funcție apotropaică cât și de calmare. Ele se puneau în perna copiilor și se lăsau acolo până la adolescență, între timp având grijă ca să nu fie citită de nimeni.

În imaginea de mai jos este reprezentat un fragment de scrisoare găsit în 2003 în satul Șuri, raionul Drochia, ceea ce denotă utilizarea scrisului ca metodă de tratare și în prezent. Pe versoul scrisorii este desenată imaginea Sămcii, iar alături scrise câteva nume a ei care nu permiteau apropierea de copil.

Alt text destul de răspândit pe teritoriul Basarabiei a fost „Talismanul”. La finalul lui sunt expuse virtuțile: cel ce o va purta „nu va muri de moarte neașteptată sau năprasnică și va fi ferit de dușmanii pustietății și de răul viitor, de martori mincinoși și de toți cei ce vin asupra lui”.

Rugăciunea are drept scop îndepărtarea „supărărilor și a grijilor” a blestemelor, a farmecelor și a vrăjilor și a tuturor relelor. În textul adicient rugăciunii există niște „instrucțiuni” în care se spune că, odată copiată, rugăciunea are o „valabilitate” de 20 ani, că „vei fi ferit de boli, epidemii, iar dacă unul este bolnav, se va atinge partea dreaptă cu rugăciunea”.

Cercetătorul basarabean Petre V. Ștefănuță, investigând prezența cărții în viața sătenilor din comuna Nișcani, ne spune că aceasta se moștenește din tată în fiu, iar când moștenitorii nu știu carte, totuși le păstrează cu mare sfințenie, crezând că le apără casa de nenorociri. „O țin în casă ca-i de apărare”.

Împotriva teribilelor epidemii de ciumă, comunitatea caută forme de apărare, de la rugăciune la rituri circumambulatorii (tragerea unei brazde în jurul satului, „cămașa ciumei” etc.). Un caracter apotropaic au și „slovela de ciumă”, care, „când se aude de această boală, scriindu-le pe hârtie întocmai cum sunt mai jos, le leagă la mâna stângă și le poartă” – urmează o însușire de cuvinte neînțelese, așa cum le recomandă logofătul Ioniță Giurescu în codicele său de la 1799 ¹⁰.

Aceste practici magice erau contrare dogmei creștine, biserica luptând împotriva lor prin canoane care interziceau confecționarea de amulete.

Utilizarea scrisului cu scop de extragere a bolii din corp

În medicina populară românească, scrisul făcea parte din arsenalul terapeutic. Se credea că spiritele malefice, cauzatoare de boală, pot fi scoase din părțile vătămate cu ajutorul unor „răvașe de leac” ¹¹. Acestea se scriau pentru boli (friguri, răncă, epilepsie, turbare, insomnie etc.) sau traumatisme (oprirea curgerii sângelui din nas, mușcături de șarpe, de câine), pentru naștere ușoară etc.

„Răvașul de brâncă” avea caracter taumaturgic și se aplica pe locul bolnav. Pe unele din ele se scria vestitul palindrom Sator Arepo Tenet Opera Rotas. Prezența acestei formule în textele românești a fost remarcată de George Călinescu: „o formulă cabalistică de origine străveche, compusă din cinci cuvinte combinate simetric în pătrat cu marginile sator-rotas, slujind ca răvaș de friguri, e mai mult un pentaclu, căci simbolul e activ, iradiant”.

În Bucovina se „scriau frigurile” în felul următor:

ABRACADABRA
BRACADABR
RACADAB
ACADA

CAD

A¹²

Potrivit legii magice a analogiei, boala va dispărea gradual, așa după cum inscripția se împuținează treptat.

Într-un manuscris de la începutul secolului al XIX-lea se află următoarea recomandare: „De friguri să scrii așa: measto lăsnost tocmo vedru zisea Hristos tebea spase venose vebelie slava tebe. Scrie aceste cuvinte la un taler și apoi să spele talerul cu apă neîncepută și să dai aceluia să bea”. Numeroase „rețete” magice conțin astfel de cuvinte necunoscute, deformate. Gheorghe Ionescu-Gion menționa în Istoria Bucureștilor: „De friguri era scrisul cu litere arabe sau altfel, de însăși mâna popii, cu vorbe care nu însemnau nimic sau însemnau atât de mult încât nimeni nu le pricepea”. Majoritatea manuscriselor medicale erau traduceri efectuate în mediile călugărești, din limba greacă, slavonă, latină. „Rețetele” care conțineau înscrisuri magice, tămăduitoare, au fost preluate de nenumărați copiiști, copierile succesive având ca rezultat coruperea formulelor originale. De aceea, înțelesul lor este greu de stabilit, el pierzându-se cu timpul. Ar fi nevoie de multă erudiție pentru a reconstitui aceste depozite de cuvinte, a căror origine se găsește în magia asiro-babiloniană, în antichitatea greco-romană, preluate și difuzate apoi de creștinism. Alteori, sunt folosite intenționat cuvinte asemantice, a căror forță magică este cu atât mai mare, tocmai prin exotismul și ermetismul lor.

Un manuscris din 1774, conținând rețete medicale populare, recomanda următorul leac pentru constipație: „Scrie aceste cuvinte pe un taler nou: Fison, Gheon, Tigru, Eufrat și să le speli cu apă neîncepută și să bea că-i va trece”. Numele din text sunt cele patru râuri care, potrivit Bibliei, ar izvorî din rai, în acest context, apa dobândește virtuți purificatoare, ea inducând regenerarea, vindecarea. „Numele celor patru fluvii biblice care curg în Paradis pot purifica, din perspectivă magico-religioasă, orice Cosmos, deci și microcosmosul pe care îl constituie corpul omului sau al animalului, în acest caz, infantilismul se trădează deodată în felul simplist, concret în care este înțeles simbolismul purificării prin apele paradiziace: se înghite apa care a atins cele patru cuvinte scrise...”¹³.

Amintim aici faptul că „apa neîncepută” este în practica descântatului un element esențial al recuzitei magice, fiind, de regulă, suportul transiterii virtuților curative. Alteori, „apa neîncepută” este așezată lângă icoana tocmai pentru a i se comunica atributele sacralului. Așa cum reiese din „rețetă”, este preferată icoana reprezentând scena răstignirii – apa fiind pusă „la coasta lui Hristos”. Potrivit tradiției biblice, Isus răstignit a fost împuns de un ostaș cu sulița în coastă, de unde au țâșnit sânge și apă. Înghițirea apei cu care s-a spălat o icoană era un remediu des utilizat în satul românesc tradițional, în Transilvania exista următorul obicei: „Ca să nască mai ușor, femeia să bea apă de pe Icoana Maicii Domnului”¹⁴, în Muntenia, apa de pe icoană era folosită la vindecarea vărsatului de vânt¹⁵. De asemeni, în mentalitatea tradițională, agheasmă avea aceleași proprietăți taumaturgice, apotropaice, purificatoare.

Spălarea unei suprafețe scrise și înghițirea apei respective reprezintă o modalitate de încorporare a cuvintelor sacre, a căror putere binefăcătoare este transferată în acest mod corpului bolnav. Spălarea cernelii de pe suprafața scrisă și înghițirea ei reprezintă o metodă de interiorizare a puterii vindecătoare, care, altfel, ar rămâne exterioară pentru bolnav. Ea era cunoscută în Occident încă din primele secole ale creștinismului¹⁶.

Aceste practici au fost inspirate de pasaje din Vechiul Testament, unde înghițirea apei la vechii evrei era o formă de ordalie: un bărbat își suspecta soția de adulter, o aducea în fața preotului pentru a fi supusă probei apei „cea amară, care aduce blestemul”. Apoi „să scrie preotul jurămintele acestea pe hârtie, să le moaie în apa cea amară. Și să dea femeii să bea apa amară aducătoare de blestem, spre vătămarea ei”.

Dacă femeia era nevinovată, ea nu va păți nimic, însă de va fi vinovată i se va umfla pântecul și va fi blestemată.

Asimilarea forței curative a cuvântului scris se putea face în mod direct, prin înghițirea cu apă a bucățelelor de hârtie. Astfel, în Bucovina, „răvașul de friguri” conținând formula ABRACADABRA era înghițit¹⁷. Practici similare întâlnim și în alte zone ale lumii, în Franța secolului al XVI-lea, asemenea înscrisuri destinate a fi înghițite de către bolnav erau cunoscute sub numele de „amulete franciscane”¹⁸. Pentru a ușura înghițirea, în Gorj, „răvașul de brâncă” era ars, iar cenușa era pusă într-un pahar cu apă, apoi era băută de bolnav¹⁹. Drept suport material al acestor „răvașe” se utiliza și prescura. Pentru turbare era recomandat să ai „un corn de prescură de acelea slujite și să scrii pe dosul ei aceste cuvinte: Saturn, Arieptates, Eperetos, Amenerva, Zoina, Rogacataras”.

Prezența prescurii în aceste practici magice ne conduce la ideea unei contaminări cu elemente ale ritualului religios²⁰.

Proprietățile cuvântului scris sunt atât de mari, încât pot să tămăduiască de la distanță, printr-un mijlocitor. Inscricția se imprimă pe 9 turte de faină de grâu. Acestea erau ținute pe marginea ferestrei, iar bolnavul le lua cu gura, fără să le atingă cu mâinile²¹. Prezența ferestrei ne indică un rit de separare, de purificare.

Mărul constituie un suport frecvent pentru scrierea formulelor vindecătoare. Pentru vindecarea frigurilor se recomanda mâncarea unui măr pe care s-a scris Tatăl Nostru²². În mentalitatea populară, mărul simbolizează renașterea, rodirea, sporul material. Aceeași tehnică era folosită și de școlari ca modalitate insolită de a-și însuși lecția: „să scrii toate slovele buchilor pe un măr roșu și să-l pui pe sfânta masă și să leturghescă popa 3 sâmbete și 5 duminici și să ia acel măr grămăticul și să-l mănânce”. Este vorba de o metaforă, transferată asimilării intelectuale (de unde „expresia a mâncat cartea”).

Întocmirea acestor „răvașe de leac” era condiționată de respectarea unor prescripții rituale: să fie scrise cu mâna stângă, să fie scris pe nemâncate, să fie scrise seara, atunci când soarele apune sau în perioada când luna crește, deci în perioade astrale favorabile pentru succesul operațiunii. Pentru facilitarea însănătoșirii, aceste prescripții sugerează instaurarea unei ordini inverse (scrisul cu mâna stângă), iar regresul bolii este omolog diminuării soarelui la apus.

Acestor gesturi li se asociază și formule rituale. Astfel, după ce „răvașul de friguri” este purtat de bolnav timp de 3 zile, el este aruncat într-o apă curgătoare, însoțit de următoarele cuvinte: „Cum nu stă apa pe gărlă, așa să nu stea frigurile la mine și cum se duce răvașul ăsta pe gărlă, așa să se ducă și frigurile de la mine (cutare)”, în toate cazurile, după ce au fost aplicate pe locul bolnav, aceste înscrisuri sunt arse sau aruncate într-o apă curgătoare, pentru că ele se confundă cu boala însăși și trebuie să dispară.

Semnalăm și prezența unui tabu ritual: recomandarea strictă ca „răvașele” să fie scrise numai de oameni în vârstă, a căror forță vitală este în scădere. Motivația este tot de natură simbolică: „Până la 50 de ani e om în putere care crește și se zice că va crește și brâncă, de va fi scrisă de unul din aceștia”²³. Transpare aici sensul simbolic al acțiunii: ceea ce este lipsit de putere, trebuie să producă efecte de întărire, vindecare, printr-o inversare simbolică.

Monopolul „răvașelor de leac” nu aparținea clericilor, învățătorii de asemeni. Învățătorul, ca figură centrală a satului românesc, alături de preot, se bucura de un mare prestigiu în ochii sătenilor. Aceasta decurgea din faptul că el stăpânea misterul scrierii și capacitatea de a descifra cărțile – suficiente calități pentru a fi considerat deținător al unor însușiri magice.

Aceste tipărituri preiau vechiul fond al sfaturilor medicale, continuând însă să amestece cu nonșalanță rețete de medicină naturală (plante medicinale etc.) cu cele de

factură magică. Acestea au dobândit un surplus de prestigiu tocmai datorită faptului că au văzut lumina tiparului.

Dacă, într-o primă fază, locuitorii satelor cunosc „terapia scrisului” de la preoți și ajutoarele lor, precum și de la alți cărturari mărunți, spre sfârșitul secolului al XIX-lea, tipăriturilor cu conținut practic se adresa unui public de cititori-țărani. Putem admite că unele „rețete medicale” de factură magică, prezente în calendare sau broșuri separate, au fost „prescrise” de tămăduitorii din satele noastre – acei „zodieri” sau „păscălari”, personaje destul de familiarizate cu scrisul. Același corpus de mijloace terapeutice magico-religioase era prezent și în literatura franceză. Interesant este faptul că incantații de vindecare conținute în „Le Medicine des pauvres”, broșură cu mare audiență la sfârșitul secolului al XVIII-lea, erau încă folosite în anul 1950 de vindecătorii locali din zone rurale ale Franței²⁴.

Revenind în spațiul basarabean, dacă până la jumătatea secolului al XIX-lea, aceste „rețete” magice erau împărtășite atât la nivelul claselor dominante, cât și la nivel popular, constituind un fond comun, de acum înainte elitele se vor adresa unui alt tip de medicină, cea profesionalizată. „Răvașele de brâncă” vor rămâne în arsenalul „vracilor” locali, în așezările rurale unde prezența unui doctor era o raritate, unde lipsea orice formă de asistență medicală modernă.

În încheiere, dorim să sintetizăm câteva trăsături ale acestor fapte de mentalitate tradițională. Eficacitatea lor este dată de: simbolica formulelor misterioase (SATOR AREPO...), simbolica elementelor (apă, foc), simbolica timpului (scrierea pe înserat), simbolica trupului (mâna stângă), pe legea analogiei (spirala, „darea pe apă”), principiul contactului (aplicarea pe locul bolnav), principiul transferului (spălarea suprafețelor scrise și înghițirea apei). Peste toate acestea se adaugă referința culturală a unor forme religioase consacrate (rugăciuni, nume de sfinți etc). Cei ce doreau să se vindece cu ajutorul acestor înscrisuri erau oameni profund credincioși. Ei știau că de tăria credinței lor depinde eficacitatea formulelor. Purtându-le, aplicându-le pe locul bolnav, înghițindu-le, bolnavul se angaja, trup și suflet, la propria vindecare.

Dincolo de caracterul lor insolit, de „curiozități”, faptele menționate în studiul de față dau posibilitatea accesului la mărturia ale întâlnirii, ciocnirii și conviețuirii unor sisteme culturale diferite (cultura scrisă-cultura orală). Tradiții de origini diverse cunosc procese de interferență, suprapuneri, resemantizări, rezultând un sincretism magico-religios caracteristic culturii tradiționale. Totodată ele sunt urme ale unui întreg univers de viață, relevând structuri mentale, atitudini și comportamente care, în condițiile modernității, deși supuse unui proces de permanentă erodare, par a nu fi destinate dispariției totale.

Tradiția tratamentului prin scris nu este o supraviețuire a unei civilizații moarte, ci trăiește cu o vitalitate extrem de robustă în satul nostru până astăzi.

Note

¹ Hașdeu B. P. Cuvinte din bătrâni. București, 1984, vol. II. P. 148.

² Ibidem.

³ Vezi: Bologa Valeriu. Lamashtu-Karina-Samca. Cluj, 1939.

⁴ Marian S. F. Nașterea la români. P. 24.

⁵ Pamfile Tudor. Mitologie Românească. București, 1916. P. 238; I.-A. Candrea. Folclorul medical român comparat. București, 1944. P. 163-164.

⁶ Informator: Proțic Z., 76 ani, s. Șuri, r-n Drochia.

⁷ Grigoriu-Rigo Gr. Medicina poporului. București, 1907. P. 163.

⁸ Practica magică a descântatului de strâns în satul Cornova // Arhiva pentru Știință și Reformă Socială, an. X, nr. 1-4. P. 371-380.

⁹ Ibidem.

¹⁰ Cazan I. C. Texte de folclor medical // Cercetări literare, II, 1936. P. 65.

- ¹¹ Candrea I. A. Folclor medical românesc. P. 416-424; Tocilescu Gr. G., Țapu Ch. N. Materiale folcloristice. Vol. III. București, 1981. P. 128; Leon N. Istoria naturală medicală a poporului român. București, 1903. P. 103.
- ¹² Niculiță-Voronca Elena. Datinile și credințele poporului român adunate și așezate în ordine mitologică. Vol. I. Cernăuți, 1903. P. 84.
- ¹³ Vezi: Rosetti Alexandru. Limba descântecelor românești. București, 1975. P. 128-134; despre enunțurile neînțelese și sacralizarea lor vezi: I. Lotman, Studii de tipologie a culturii. București, 1974. P. 76.
- ¹⁴ Simion Florea Marian. Nașterea la români. P. 34.
- ¹⁵ Pamfile Tudor. Sărbătorile de toamnă și postul Crăciunului. București, 1914. P. 150.
- ¹⁶ Muchembled R. La sorciere au village (XVe–XVIIIe siècle). Paris, 1991. P. 73-74.
- ¹⁷ Niculiță-Voronca E. Op. cit. P. 756.
- ¹⁸ Boureau A. Adorations et devotions franciscaines. Enjeux et usages des livrets hagiographiques // Les usages de l'imprime. P. 29.
- ¹⁹ Grigoriu-Rigo Gr. Op. cit. P. 21.
- ²⁰ B. P. Hașdeu reproduce o listă cu scrieri prohibite de biserica ortodoxă rusă din secolul al XVI-lea; printre acestea: „Rugăciuni de friguri și de buba rea; Despre cele 7 friguri; Apoi alte rugăciuni mincinoase de friguri, pe care le scriu pe nafure și pe mere, ca să scape de boală” (Cuvinte din bătrâni, vol. II. P. 256).
- ²¹ Pavelescu Gh. Magia la românii: studii și cercetări despre magie. Descântece și mana. București: Minerva, 1998. P. 137.
- ²² Grigoriu-Rigo Gr. Op. cit. P. 70.
- ²³ Adameșteanu M.T. Medicina populară // Șezătoarea, 1901, nr. I. P. 86.
- ²⁴ Lise Andries, Les livres de savoir pratique dans la France des XVII–XVIII siècles // Colportage et lecture populaire. Imprimerie de large circulation en Europe XVI–XIX siècles, sous la direction de Roger Chartier. Paris, 1996. P. 179.

Rezumat

Studiul își propune ca scop investigația concepțiilor, metodelor și tehnicilor terapeutice scrise, ca expresie a unui sincretism cultural complex, realizat în timp, între structurile magice și elementele mitice aparținând stratului arhaic precreeștin și elemente proprii stratului religios creștin. Semnele grafice reprezentând cuvintele, de multe ori neînțelese, transpuse pe un suport material, reprezintă o speranță tangibilă pentru bolnav, amplificând forța magică și grăbind refacerea.

Резюме

В статье анализируется роль «христианских» писанных молитв, имевших функции амулетов и служивших для предохранения или исцеления от тех или иных болезней. Включая в себя как языческую, так и христианскую символику, они представляют собою образец религиозного синкретизма, а непонятные, таинственные слова и знаки должны были только усиливать действие амулета.

Summary

The role of Christian written prayers is being analyzed in this report. These prayers have the function of amulets to protect and to cure from certain diseases, including both pagan and Christian symbolism. They are represented as a model of religious syncretism. The strange words and signs were supposed to intensify the effect of the amulet.

РЕФЕРАТЫ И СООБЩЕНИЯ

Э. С. БАНКОВА

ВЕЛИКИЙ ТУРЕЦКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК ЭВЛИЯ ЧЕЛЕБИ
И ЕГО НАСЛЕДИЕ

Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби является одним из самых известных в мире. Академик В. В. Бартольд писал о его десятитомном сочинении «Книга путешествий», или «История путешественника»: «Оригинальный географический труд на турецком языке – описание путешествий Эвлии Челеби – по обилию материала (географического, этнографического и лингвистического) далеко оставляет за собой труды классических арабских географов».

Почти 50 лет жизни провел Эвлия Челеби в странствованиях, поэтому изучать биографию автора отдельно от его произведения невозможно: повествование о том, что он видел в течение этого времени, является вместе с тем описанием и его жизни, и приключений. Биографические сведения об Эвлии Челеби почерпнуты главным образом из его собственного сочинения и неоднократно излагались в литературе.

Эвлия Челеби родился в Стамбуле 25 марта 1611 г. во время царствования султана Ахмед-хана. Его полное имя – Эвлия ибн Дервиш Мохаммед Зилли. По всей видимости, род Челеби происходил из Кютахьи, города в западной части Анатолии, а вскоре после того, как Константинополь в 1453 г. был завоеван турками и переименован в Стамбул, его предки переезжают туда. Среди своих возможных пращуров Эвлия называет известного философа-мистика Ахмеда-Йесеви, а также Хаджи Бекташа – основателя одного из течений суфизма. Ближайшие родственники Эвлии по отцовской линии были истинными «воителями веры». Его дед, Демирджиоглу Кара Ахмед-бей, жил во время правления султана Мехмеда Фатиха («Завоевателя»), был знаменосцем, участвовал во взятии Константинополя, а также во многих других военных кампаниях. Отец Эвлии Челеби, Дервиш Мохаммед Зилли, был старшиной цеха ювелиров, сопровождал султана Сулеймана I Великолепного в Белград, на Родос, присутствовал при взятии Кипра.

О матери нам известно немного: Эвлия не назвал даже ее имени, упомянув лишь о том, что она происходила из кавказского племени абхазов, была привезена во время правления султана Ахмеда I в Стамбул и выдана замуж за «дворцового ювелира» Дервиша Мохаммеда Зилли. Среди других ближайших родственников следует назвать его дядю с материнской стороны Мелек-Ахмед-пашу, под покровительством которого Эвлия осуществил многие из своих путешествий, также он упоминает своего брата Махмуда и сестру Иная.

Эвлия Челеби получает типичное для того времени образование, обучаясь в медресе при мечети. Это образование заключалось прежде всего в изучении арабского, персидского и турецкого языков, Корана и мусульманского богословия, а также, в большей или меньшей мере, в знакомстве с персидской и турецкой поэзией, исторической и географической литературой. Однако, по словам Челеби, он знал не только арабский, персидский и турецкий языки, но и греческий, сирийский, татарский, а также изучал музыку, рисование, пение, обряд богослужения, умел читать Коран наизусть, ему были известны литературное мастерство и все правила арабско-персидской и турецкой поэтики.

После окончания медресе в течение некоторого времени юноша состоял хафизом (чтецом Корана) в мечети Айя София. Вскоре, в 1636 году, благодаря своим знаниям, мелодичному голосу и, по всей видимости, приятной внешности, он привлек внимание султана Мурада IV и был взят во дворец, где, находясь при свите султана, изучал историю, музыку, каллиграфию. Позже Эвлия в качестве сипахия (кавалерийского воина) был отправлен в регулярную армию. В то время ему было 25 лет, и, по всей видимости, он пошел бы по дороге, проторенной отцом и дедом, если бы не некое мистическое видение, явившееся ему в ночь Ашура на 10-й день месяца мухаррема 1040 года хиджры (19 августа 1630 г.) и определившее всю его дальнейшую жизнь.

Приснилось Эвлии, будто находится он в мечети, где является ему пророк Мухаммед. Молодой человек решает испросить у пророка заступничества (араб. «шефаат»), однако, вследствие охватившего его по вполне понятным причинам волнения и замешательства, просит Мухаммеда о путешествии (араб. «сейахат»), которое ему даруется вместе с разрешением поцеловать руку пророка. Ибрагим Эфенди, друг Эвлии, к которому он обратился с просьбой истолковать увиденное, объясняет, что это был вещий сон. Подобные вещие сны о пророке в то время истовой религиозности не являлись редкостью, и сон о Мухаммеде – «заступнике правоверных» – у истомленного жаждой путешествий и приключений юноши был вполне объясним.

Так или иначе, но с тех пор смысл жизни для Эвлии стал заключаться в словах, которые он вкладывает в уста своего отца: «Навести, повидай и опиши места паломничества – гробницы великих святых.., степи и пустыни, высокие горы, удивительные деревья и камни, города, примечательные памятники, крепости, напиши об их завоевателях и строителях, о размерах этих крепостей и создай сочинение, которое назови "Книга путешествий"».

И действительно, с того времени жизнь Эвлии понеслась в вихре беспрестанных путешествий, которые он предпринимал одно за другим, подчас не успевая отдохнуть. Уважение внушает уже одно перечисление стран, которые посетил путешественник: Армения, Грузия, Азербайджан, Сирия, Палестина, Дагестан, Трансильвания, Молдавия, Украина, южная Россия и многие, многие другие. Он бывал неоднократно на Балканском полуострове, составив подробное описание Болгарии, Сербии, Хорватии, Далмации, Боснии, Албании и др. Был участником ряда походов в Венгрию, ездил в Польшу и Австрию, бывал в Германии, Дании, Голландии, Швеции и Франции. Одним из последних предпринятых Эвлией путешествий явилось его паломничество в священные города ислама – Мекку и Медину, а также странствия по Северной Африке (Египту, Судану, Абиссинии).

Дорожные впечатления были объединены им в фундаментальное произведение под названием «Сейахатнаме» («Книга путешествий»), или «Тарих-и сейах» («История путешественника»).

Все вышеперечисленное дало право Эвлии Челеби называть себя «сейах-и алем» – «путешественником мира»; исследователи его творчества именовали автора «турецким Ибн-Баттутом», «единственным в своем роде турком», «самым интересным представителем османского землеописания».

Последние годы жизни Эвлия провел за систематизацией и обработкой своих заметок, придавая труду целостность формьги содержания. Последние события, зафиксированные им в «Книге путешествий», следует относить к 1682 году. По этой причине большинство исследователей пришло к выводу, что датой его смерти надо считать 1683 год, а наиболее вероятным местом смерти – Стамбул, хотя некоторые из них полагают, что писатель умер еще в 1679 году.

«Книга путешествий» составлена на основе различных по своему характеру материалов. В большей своей части это довольно подробный дневник с детальным описанием маршрута и тех событий, которые развертывались у автора на глазах. Сообщаемые им сведения такого рода являются наиболее ценными. Наряду с этим в сочинении широко использованы предания и легенды, рассказы и сообщения, а также письма лиц, с которыми приходилось общаться Эвлии Челеби за долгие годы его странствий. При этом путешественник, как правило, не утруждал себя критическим отношением к подобной информации. Он весьма часто обращался также к этнографическим источникам и историческим сочинениям. Среди последних имеются труды не только на арабском и персидском, но и на греческом и латинском языках.

«Книга путешествий» Эвлии Челеби – не пассивно-созерцательное отражение жизни, а пристальное изучение и осмысление ее, в ней передается ценная информация, которая может быть темой отдельных исследований. Жизнеописания, песни, народная поэзия, поговорки, пословицы, сказки, народные игры, сведения об одежде, свадебных обрядах, торжествах и народных увеселениях, верованиях, взаимоотношениях людей, соседских связях, общественных отношениях разных народов проходят красной нитью по всему произведению. Раскрывая человеческие взаимоотношения, Эвлия Челеби приводит описание жилищ, мечетей, медрес, церквей, монастырей, крепостей, караван-сараяв, гостиниц, бань, городских стен, дорог и других творений человеческих рук, одновременно сообщая данные об истории сооружений и их создателях, сведения о местных природных условиях, о воздухе, воде, растительном и животном мире. Исследователи путешествий Эвлии Челеби постоянно обнаруживают все новые и новые источники, которые могут быть отправной точкой в изучении географии, этнографии, культуры и истории разных народов.

Один из соотечественников Челеби, Кеprüлю-Заде, писал: «Если бы мы для каждого века нашей истории имели по одному произведению такого качества и достоинства, то изучение нашей национальной истории сточки зрения современности было бы очень легко». Однако необходимо также отметить, что ко многим сведениям, сообщаемым Эвлией Челеби, следует подходить с позиций критического осмысления. Как и большинство восточных писателей, Челеби склонен к гиперболе, ко всякого рода преувеличениям. Порой его фантазия не знает предела, и он, как герой Сервантеса, видит в маленьких городках Украины вместо хат – замки, сотни лавок и т. п., но в целом ряде случаев его наблюдения, несомненно, верны, суждения справедливы, а сообщаемая информация представляет большой интерес. Если автор говорит о событиях, очевидцем которых он являлся, то его описания отличаются удивительной, почти фотографической точностью и детальностью. В то же время некоторые передаваемые им сведения с трудом могут быть признаны достоверными, так как были почерпнуты им из других трудов или из рассказов собеседников. Как правило, это касается различного рода легенд о святых, некоторых статистических данных, экскурсов в далекое историческое прошлое.

«Книга путешествий» написана живым, ярким языком, манера изложения в корне отличается от традиционной дворцовой прозы того времени, напоминавшей белый стих, с присущей ей поэтизированной, помпезной и приподнятым преподнесением действительности, с условностями правописания и особой стилистикой. Эвлия Челеби вышел за эти рамки и приблизил слог к повседневной речи, а изложение событий свел к подлинному отражению правды жизни, разработав простой и доходчивый язык, не выходя за рамки литературного. Он стал

впервые внедрять слова героев повествования в текст без изменения, что сегодня открывает широкие возможности перед исследователями разных направлений в изучении географии распространения данного языка и особенностей эволюции этноса. Иногда в его речи проскальзывают иностранные словечки, уже адаптированные в языке народа, что является для языковедов и историков бесценным источником в изучении исторических перипетий, столкнувших разные языки и сделавших возможным их слияние.

Академик И. Ю. Крачковский отмечал, что «десятитомное произведение Эвлии Челеби – один из важных документов мемуарного характера современной ему эпохи, первостепенный источник истории того времени, но в такой же мере это описание виденных стран и людей, единственное в восточных литературах, неисчерпаемый рудник всевозможных культурно-исторических деталей». Ценность 10-томного творения Эвлии Челеби очевидна и несомненна. «Книга путешествий» – важнейший письменный источник XVII века, являющийся весомым вкладом в мировую сокровищницу знаний.

Литература

1. Antalfy A. Călătoria lui Evlia Celebi prin Moldova in anul 1659 // Buletinul Comisiei Istorice a României, XII. București, 1933.
2. Бартольд В. В. История изучения Востока в Европе и России. Л., 1925.
3. Беляев Е. А. Арабы, ислам и Арабский халифат в раннее средневековье. М., 1965.
4. Босфорт К. Е. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. М., 1971.
5. Гаджанов д. г. Пътуване на Евлия Челеби из българските земи през средата на XVII век // Периодическо списание на българското книжовно дружество в София, кн. LXX. Пловдив, 1909.
6. Гарбузова В. С. Поэты средневековой Турции. Учебное пособие. Л., изд-во ЛГУ, 1983.
7. Григорьев А. П. Художественные образы и средства «Шахнгме» в «Книге путешествий» Эвлии Челеби // Вопросы филологии стран Азии и Африки. Вып. 2. Л., 1973.
8. Дървингов П. Евлия Челеби в западните български земи. София, 1943.
9. Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Перевод и комментарии. Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. М., 1961.
10. Эвлия Челеби. Книга путешествий (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1979.
11. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII в.) Перевод и комментарии. Вып. 3. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. М., 1983.
12. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Избранные сочинения. Т. 4. М.-Л., 1957.
13. Новичев А. Д. История Турции. Т. I. Эпоха феодализма. Л., изд-во ЛГУ, 1963.

Rezumat

In articolul de față se povestește despre viața unui călător turc proeminent din sec. XVII Evlia Celebi și despre opera principală a acestuia „Cartea călătoriei”, constituită din 10 volume.

Резюме

В статье рассказывается о жизни выдающегося турецкого путешественника XVII века Эвлии Челеби и его главном труде, 10-томном сочинении «Книга путешествий».

Summary

In this article the information about the life of the outstanding Turkish traveller of XVII century Evlia Celebi is given as well as the information about his main work 10-volume 'The Book of Travels'.

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ И ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ГАГАУЗОВ ГРЕЦИИ

Проведенное нами сравнительное исследование гагаузов Молдовы и Болгарии показало, что в результате длительного изолированного проживания у различных групп гагаузов, живущих на территориях разных государств, появились новые элементы во всех областях традиционной культуры¹. Выявленные различия классифицированы нами как региональные особенности. Однако исследование традиционной культуры или отдельных ее областей будет полным только при углубленном изучении всех групп гагаузов, в том числе и рассматриваемой в настоящей статье.

В настоящее время этническая группа гагаузов, проживающих на территории Греции, является совершенно не изученной. Целью данной работы является рассмотрение некоторых вопросов, связанных с их языковой и этнической идентификацией. Некоторые моменты самоидентификации гагаузов были отмечены в наших предыдущих статьях². Ввиду общего характера протекавших на Балканах исторических процессов, анализ и объяснение причин того или иного феномена обусловили приведение сравнительных данных – результатов изучения гагаузов Болгарии. Для выявления особенностей языковой и этнической идентификации гагаузов Греции мы сопоставляли полученные материалы с итогами исследований, посвященных «бессарабским» гагаузам.

Рассмотрение всех аспектов, связанных с языковой идентификацией, требует обязательного проведения этнолингвистических исследований. В языке, как и в культуре в целом, отражаются все этапы развития этнической истории народа. Однако всестороннее исследование языка невозможно без тщательного изучения фольклора, в котором наиболее ярко проявляются результаты межэтнического взаимодействия. В этой связи, для более углубленного изучения отдельных моментов, способствующих раскрытию вопроса о языковой идентификации, в статье дан общий анализ народных песен гагаузов Греции. Принимая во внимание, что собранный нами материал довольно значителен по объему, а рамки работы ограничены, мы решили более подробно остановиться на песнях лирического содержания, составляющих основную часть песенного фольклора.

Данная проблематика не являлась объектом внимания ученых. Автор не претендует на охват всех вопросов, связанных с языковой и этнической идентификацией гагаузов Греции. В настоящей статье лишь расставляются некоторые акценты по обозначенной нами проблеме и впервые вводятся в научный оборот полевые материалы по изучению гагаузов Греции, собранные непосредственно автором в двух населенных пунктах – г. Орестиада и г. Зихна, в которых довольно компактно проживают гагаузы³. Учитывая новизну данного исследования, выводы, сделанные в этой статье, носят предварительный характер.

В последние годы несколько активизировались взаимосвязи с отдельными общественными организациями Греции, в которых имеются представители «греческих» гагаузов. Эти контакты включают в себя посещение Святых мест группами гагаузов-паломников из Молдовы, в число которых входят представители разных социальных слоев (духовенство, интеллигенция, представители административной власти и др.). Проводится довольно активная деятельность по приобщению гагаузов к греческому языку и культуре. Ежегодно для школьников и студентов, проживающих в Республике Молдова, формируются специальные группы

по изучению греческого языка, которые на непродолжительное время (до одного месяца) выезжают в Грецию с целью языковой практики и знакомства с культурными достопримечательностями. Незначительное число студентов-гагаузов учится в высших учебных заведениях Греции, в том числе и на факультете богословия.

Следует отметить, что эти контакты в определенной степени призваны продемонстрировать религиозную общность гагаузов и греков, а также активизировать в гагаузском этносе идею об их якобы греческом происхождении. В известной мере эта точка зрения основана на том, что при переселении в Бессарабию ряд гагаузов записывался греками. Они переезжали целыми селами в сопровождении греческого духовенства. Данные сведения, согласно В. А. Мошкову, относятся главным образом к гагаузам, поселившимся в Бендерском уезде⁴. В первое время после переселения одна часть духовенства использовала в церкви для богослужения греческий язык, другая – болгарский. На основании архивных источников можно констатировать, что некоторые из гагаузов владели греческой речью и письменностью⁵.

По этнической принадлежности гагаузы Греции идентифицируют себя с греками, называя себя «урум» («*duyêrlar kendiniurum*»)⁶. Многозначность слова «урум», которое у гагаузов обозначает и «греков вообще», и «греков-тюркофонов», отмечалась в работах И. В. Дрона, С. С. Курогло, А. В. Шабашова⁷. Наряду с этим при обозначении своей этнической принадлежности они используют также и термин «гагауз». В связи с многозначностью лексемы «урум» приведем интересный факт: гагаузы и часть тюркоязычного населения Греции православного вероисповедания, переселившегося из Турции в 1922 г. и проживающего по соседству (например, в г. Зихна), разделяются по этническому признаку. В то время как первые используют двойную самоидентификацию – «*urun*» и «*gagauz*», вторые относят себя только к грекам – «*urun*». Таким образом, очевидно, что понятие «гагауз» на Балканах не основывается только на языковой и конфессиональной общности, но включает в себя и некоторые этнические особенности.

При исследовании вопроса об использовании гагаузами Греции принципа двойной самоидентификации нельзя не остановиться на некоторых моментах, связанных с тем, что в недалеком прошлом часть гагаузов Болгарии идентифицировала себя как «гагаузы-греки». Двойная самоидентификация по принципу «гагаузы-болгары» характерна для гагаузов Болгарии, Приазовья, Казахстана и Северного Кавказа. По сведениям К. Иречека, относящимся к концу XIX в., «дать общее число гагаузов (Болгарии – Е. К.) очень трудно, так как часть из них выдают себя за греков, часть – за болгар»⁸. В основе данного деления на две враждебные партии – болгарофильскую и грекофильскую – лежала «зависимость гагаузов от их соседей в столь важном деле, как религия и образование»⁹. Известно, что на Балканах гагаузы пользовались караманлийской религиозной литературой, написанной на турецком языке греческими буквами. Согласно данным того же ученого, турецкая письменность «неизвестна гагаузам Болгарии; собственного богослужебного языка они не имеют, а потому в их церквях служат либо по-болгарски, либо по-гречески, и только проповеди произносятся на турецком языке. Языком школьным являются также языки болгарский или греческий»¹⁰.

В связи с высказанным отметим, что при сборе полевого материала в гагаузских селах Болгарии автор данной статьи стал свидетелем того, как информатор с. Болгарево Стоянка Кирова Томова, гагаузка по происхождению, дифференцировала себя от так называемых «урумов» (очевидно, гагаузов-греков), проживающих в г. Варне. Интересно отметить, что представительница данной этнографической группы являлась женой ее брата (Хриска Анастасова Штерева) и разговаривала на том же

языке, что и информатор, но с некоторыми особенностями ¹¹. Приведенные сведения, по-видимому, можно рассматривать как остатки проявления имевшей место в прошлом на территории Северо-Восточной Болгарии дифференциации гагаузов-болгар от гагаузов-греков.

Что касается гагаузов Бессарабии, то надо отметить, что после переселения они оказались в иных исторических условиях. То обстоятельство, что все задунайские колонии входили в Кишиневскую епархию (Московской митрополии) сделало неактуальным разделение на гагаузов-болгар и гагаузов-греков, в основе которого лежал, главным образом, принцип принадлежности к болгарской или греческой церкви. Имеющиеся в архиве интересные сведения указывают на начало процесса стирания этнографических различий и этнической консолидации. Так, в деле за 1816 г. имеется прошение греко-болгарского общества г. Аккермана о назначении дьячка Иванова С. священником вновь выстроенной церкви. «При оной церкви необходимо иметь нашей нации священника, который бы на нашем **греко-болгарском языке** (выделено нами – Е. К.) мог бы священнодействовать и внушать нам заповеди Господни» ¹². Однако духовное начальство формально отнеслось к данной проблеме и объявило, что «к ним уже рукоположен священник М. Дубовиченко», который, соответственно, вел богослужение на старославянском языке.

Рассмотрение сложившихся на Балканах исторических условий показывает, что использование гагаузами двойной самоидентификации в значительной степени связано с территорией их проживания и с вопросом об их принадлежности к греческой или болгарской церкви. Возможно, в известной степени данный вопрос имеет отношение и к происхождению гагаузов, в этногенезе которых определенную роль сыграл не только болгарский, но и греческий компонент. Об этом свидетельствует тот факт, что ряд гагаузских фамилий и имен имеет греческое происхождение, например: Йордаки, Панайит, Йипати, Афтения, Афтина, Анаста, Занофия, Доменти; Панаитчу, Урум, Янаки, Маври ¹³, Мавроди, Саранди, Пойрас и др. На наш взгляд, важным критерием для включения в иную этнокультурную общность являлось и культурное единство, характерное для балканских народов православного вероисповедания.

Основным критерием, положенным в основу двойной самоидентификации гагаузов Греции, равно как и гагаузов Болгарии, является язык. Язык, на котором в настоящее время еще разговаривает старшее поколение, гагаузы Греции обычно называют «*türkçä*». Наряду с указанным термином бытует также название «*gagaüz türkçäsı*» ¹⁴, возможно, появившееся в современный период. Необходимо отметить, что язык гагаузов Греции (а также причерноморских гагаузов Болгарии ¹⁵) близок к диалектам турецкого языка тюркоязычного населения Балканского полуострова. При простом сравнении лексических и фонетических особенностей языка гагаузов Болгарии и Греции видно, что в языке последних проявляется более сильное турецкое влияние. В большей степени оно характерно для гагаузов г. Зихна, переселившихся из Турции в начале XX в.

Дифференциация гагаузами Греции родного и турецкого языка (под которым, по-видимому, понимают современный турецкий язык) довольно четко проявляется в терминологии родства. Например, при заданном нами вопросе о том, применялся ли у гагаузов Греции термин «ада», информатор отец Андон ответил, что он употреблялся у турок, и классифицировал его происхождение как «*türkçäsına*» (по-турецки). Далее он противопоставил данное слово «гагаузскому» термину «*bati/bate*» ¹⁶. В процессе дальнейшего общения информатор время от времени разграничивал турецкий и гагаузский языки, указывая на использование в терминологии родства тех

или иных слов в зависимости от их происхождения: «*türkçäsına*» (по-турецки) «*gagauz türkçäsına*» (букв.: на гагаузско-турецком) или «*gagauzça*» (по-гагаузски).

Противопоставление собственного и турецкого языков характерно и для других групп гагаузов. Согласно приведенным В. А. Мошковым сведениям, в конце XIX – начале XX вв. гагаузы Бессарабии называли свой язык «то турецким "тюрк", то гагаузским, в некоторых случаях исключительно турецким». Вместе с тем из записей того же исследователя видно, что они дифференцировали собственный язык и язык турок-осман, говорящих «по-османски»¹⁷. В официальных же документах язык «бессарабских» гагаузов называли «турецкий» или «турецкое наречие»¹⁸. Гагаузы Болгарии также не смешивают собственный и турецкий языки, называя их «тюркчя» и «аслы тюркча»¹⁹.

В настоящее время у гагаузов Греции довольно активно протекает процесс забвения родного языка. Это объясняется не только утратой его функциональной значимости; в немалой степени здесь играет роль психологический фактор. Многие из информаторов подчеркивали нежелание учить собственных детей гагаузскому языку, потому что считают его не родным, навязанным им завоевателями (турками). Отметим, что маргинальное отношение к собственному языку было высказано и некоторыми информаторами гагаузских сел Болгарии²⁰. В книге болгарского общественного и культурного деятеля Балчо Нейкова «Факийское предание» приводятся известные у гагаузов рассказы, в которых описывается история их отуречивания в период османского завоевания²¹. Подобное восприятие своего языка не характерно для «бессарабских» гагаузов, возможно потому, что после переселения в Бессарабию контакты с турками прекратились и, соответственно, отсутствовала почва для негативного отношения к языку.

Вероятно, маргинальное восприятие родного языка у некоторых представителей гагаузов Греции и Болгарии объясняется тем, что в результате длительного турецкого присутствия на Балканах отрицательное отношение к завоевателям в определенной степени вылилось в неприятие своего языка, который, ввиду значительной близости его к турецким балканским говорам, воспринимался как турецкий.

* * *

Особенности языка гагаузов Греции довольно отчетливо проявляются в фольклоре. Вместе с тем, фольклор является одним из важных источников для историко-этнографических исследований. В нем содержатся сведения по календарной обрядности и социо-нормативной культуре; встречаются упоминания о различных исторических событиях, географических реалиях (Едирне, Стамбул, Измир) и др. Ценными представляются также содержащиеся в текстах косвенные указания на конфессиональную среду, в которой появилось данное произведение устного народного творчества. В некоторых песнях довольно отчетливо выражено отношение к представителям другой религии. Например, в песне № 1 (см. Приложение) присутствует обращение к Мустафе: «Не горюй, не горюй, Мустафа, девушка-иноверка дорогая». Из контекста видно, что девушка-иноверка является христианкой. Эта деталь позволяет говорить о турецком происхождении песни. Подобного рода сведения позволяют рассмотреть вопрос о происхождении основной части народных песен у гагаузов.

Привлечение фольклорных данных при изучении материалов по традиционной культуре является необходимым условием для всестороннего изучения этнической истории гагаузов, а также дает возможность исследовать результаты этнокультурных влияний в различные исторические периоды.

У гагаузов Греции нам удалось записать 25 песен и три сказки. Немногочисленность фольклорных произведений в значительной степени объясняется стремительно протекающим процессом забвения и утраты традиционной культуры и языка в целом. Однако даже небольшой по объему материал представляет значительный интерес, так как он позволяет проанализировать содержание и происхождение фольклора гагаузов Греции, а также сравнить его с народно-поэтическим творчеством гагаузов Молдовы и Болгарии. Характерной чертой народных песен гагаузов Греции является то, что по содержанию они довольно коротки; в форме исполнения ярко проявляются восточные черты. Наряду с этим отметим, что перевод фольклорных текстов гагаузов Греции на русский язык представлял значительную сложность ввиду имеющихся особенностей в области лексики и фонетики.

По содержанию и направленности народные песни гагаузов Греции можно разделить на три группы: 1) лирические, 2) исторические, 3) обрядовые. В данной статье, как уже отмечалось, приведены только песни лирического содержания. Для удобства анализа мы вынесли их в Приложение, а по тексту делаем ссылки на номер произведения.

В лирических песнях описываются чувства парня к девушке, неразделенная любовь – немало произведений носят шуточный характер. В них содержатся некоторые антро-понимические данные, из которых следует, что значительная часть имен собственных являются турецкими по происхождению, например: *Асан, Алим, Амит, Дарсали, Мустафа*. Однако довольно часто встречаются славянские имена, широко распространенные у болгар и гагаузов: *Фидор* (по отношению к девушке), *Тудор, Руске, Гёрги, Станки, Стано, Видо, Яни* и др. (№№ 2, 8-11).

Некоторые слова и выражения, использованные в текстах песен, либо не встречаются у гагаузов Молдовы (в настоящее время не зафиксированы), либо относятся к устаревшим. В то же время они характерны для турецкого языка: *börek* (пирог), *maştrafaya* (возможно, *maşrapa* – металлическая кружка), *çolu(k)-çocuk* (детишки), *sefali* (мучительная), *pahalıdır* (дорогая), *cahillik* (вероятно, *caıllık* – ребячество, глупость, дурачество), *hanım* (женщина), *maribe* (?), *şarfoş* (пьяница), *şey* и др. (№№ 1-3, 16, 25). У гагаузов г. Зихна, например, для обозначения понятия «песня» используется термин «*şarkî*», распространенный в турецком языке, в то время как у гагаузов Бессарабии и Болгарии это слово передается термином «*türkü*».

К общим сюжетам, распространенным у гагаузов Молдовы, Болгарии и Греции, относятся песни «Оглан» и «Чекиргя» (в отношении последнего сюжета отметим, что у гагаузов Греции было записано лишь две строки). Изучение общего и особенного в песне «Оглан», распространенной у народов Балканского региона, было проведено нами в отдельной статье «Варианты народной песни "Oglan"»²². Песня со сходной мелодией имеет место и у греков.

В связи с упомянутыми выше общими сюжетами отметим, что нами была записана схожая по содержанию песня у так называемых «урумов», тюркоязычного православного населения Греции, по отношению к которым в научной литературе используется название «караманли». Интересно отметить, что форма исполнения ими этой песни значительно отличается от бытующей у гагаузов Греции. Заметные отличия в караманлийском варианте²³ объясняются, по-видимому, сохранившейся до настоящего времени особой традицией исполнения народных песен с использованием бубна. Данная особенность оказала влияние на мелодию и ритм произведения; в определенной степени для него характерна речитативная форма исполнения. Кроме того, содержание песни длиннее вариантов аналогичного произведения, записанных нами у гагаузов, и включает в себя разнообразные

элементы, которые не встречаются в других исследованных нами текстах. В них речь идет о гребне из слоновой кости, о мосте, о женщинах и др. Нередко логическая связь между куплетами отсутствует, что по характеру напоминает «*maani*» у гагаузов (вид народных песен наподобие частушек).

Несмотря на то, что гагаузы Греции и караманлийцы, являясь православными и тюркоязычными, идентифицируют себя как «урум», тем не менее, песня «Оглан» у гагаузов Греции близка к вариантам, бытующим у гагаузов Болгарии и Молдовы.

В группу песен лирического содержания мы включили несколько текстов (№№ 17, 18), которые по форме очень напоминают «маани». Данного термина у гагаузов Греции нами не зафиксировано. Однако песни с характерной восточной формой исполнения (№ 11), в которых есть припев «*Aman, aman, aman*» (ох, ох, ох), были названы исполнителем «амане»²⁴. При этом он подчеркнул, что данное название заимствовано у турок.

Фольклор гагаузов Греции, несомненно, не исчерпывается количеством собранных нами песен. Тем не менее, очевидно, что народные песни гагаузов Греции и Болгарии по содержанию и форме значительно отличаются от тех, которые распространены у гагаузов Молдовы²⁵. Столь существенные различия в области устного народного песенного творчества, характерные для рассмотренных нами трех групп гагаузов, объясняются определенными историко-культурными особенностями и разной степенью иноэтничного влияния со стороны соседних народов.

В фольклоре гагаузов Греции и Болгарии в лексике, фонетике и форме исполнения песен проявляется значительное турецкое влияние. Это объясняется сохранением постоянных контактов указанных групп гагаузов с турками, проживавшими по соседству. Отметим, что такой вид песен, как баллады, у гагаузов Греции нами не зафиксирован. В то же время они составляют значительную часть песенного фольклора гагаузов Молдовы²⁶ и в небольшом количестве встречаются у гагаузов Болгарии (в основном на болгарском языке, на гагаузском – довольно редко).

Из фонетических особенностей, содержащихся в фольклоре гагаузов Греции, выделяется использование гласных фонем *ü, e, i*, а также согласной *h*: *güzel, karşından, başında, vakit, elmalar, ben, dermende, çöşmede, kollarını, bahçelerdä* и др. Они в большей степени характерны для турецкого языка. Некоторые из них имеют место в языке гагаузов Болгарии, а также встречаются в вулканештском диалекте гагаузов Молдовы. У основной части «бессарабских» гагаузов вместо указанных гласных употребляются *ö, ä, ı, a*, например, слово *bahçelerdä* произносится как *başçalarda* и т. д.

Сравнение песен гагаузов Греции с теми, которые бытуют у гагаузов Болгарии и Молдовы позволяет говорить о том, что степень турецкого влияния в языке и фольклоре трех рассматриваемых групп гагаузов неодинакова. В силу объективных исторических условий, в которых гагаузы проживали на Балканах, язык и фольклор гагаузов Греции и Болгарии постоянно испытывали значительное турецкое влияние. В результате это составило региональную особенность фольклора данных групп гагаузов. Прекращение контактов с турецкой языковой средой привело к утрате «бессарабскими» гагаузами значительной части песен турецкого происхождения и усилению иноэтничного влияния в их фольклоре со стороны соседних этносов (болгар, молдаван, румын)²⁷.

На территории Бессарабии, когда у гагаузов отпала необходимость противопоставления себя родственным по языку туркам, именно язык явился одним из факторов, оказавших влияние на рост их этнического самосознания.

Соответственно включение ими себя в иную этнокультурную общность потеряло свою актуальность. Отсутствие турецкой языковой среды, а также усиление этнического самосознания у гагаузов Бессарабии (в конце XIX – начале XX вв.) в известной степени способствовали идентификации собственного языка как гагаузского.

На Балканах в силу ряда объективных факторов у гагаузов Греции и Болгарии сохранился принцип двойной самоидентификации. С одной стороны, благодаря религиозной и культурной общности, происходило объединение генетически разнородных этнических компонентов в рамках иных этнических общностей (болгары, греки), с другой – языковая общность, позволявшая поддерживать постоянные контакты с проживавшим по соседству турецким населением, способствовала проникновению в традиционную культуру «балканских» гагаузов турецких элементов. Турецкое влияние затронуло область материальной культуры и частично семейную обрядность. Однако в большей степени оно проявляется в языке и фольклоре гагаузов Греции и Болгарии. Вероятно, в определенной степени можно говорить и о том, что близость языков способствовала сохранению идентификации ими собственного языка как «тюркча» (турецкого).

Примечания

¹ Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии (Сравнительное исследование календарной обрядности, терминов родства и фольклора). Chişinău, 2005.

² Квилинкова Е. Н. Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. VI. Chişinău, 2006. С. 98-103; она же. Религиозность гагаузов и формы проявления религиозной идентичности (по этнографическим и архивным материалам XIX – первой половины XX вв.) // Этнографические исследования в Республике Молдова. История и современность. Кишинев, 2006. С. 341-363; она же. О принципе двойной самоидентификации гагаузов в прошлом и настоящем // Закон и жизнь. Кишинэу, 2006. № 11.

³ Полевые материалы автора – Квилинковой Е. Н. (ПМА), собранные в 2004 г. в г. Орестиада и в г. Зихна (Греция);

⁴ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004. С. 7.

⁵ Национальный архив Республики Молдова (далее – НАРМ, ф. 44, оп. 1, ед. хр. 602, л. 13; ф. 44, оп. 1, ед. хр. 343, л. 7.

⁶ ПМА, г. Орестиада.

⁷ Дрон И. В., Курогло С. С. Современная гагаузская топонимия и антропонимия. Кишинев, 1989. С. 20; Шабашов А. В. Гагаузы: система терминов родства и происхождение народа. Одесса, 2002. С. 412-415.

⁸ Иречек К. Няколко бележки върху остатъците от Печенези, Кумани, както и върху тъй наречените народи Гагаузи и Сургучи във днешна България // Периодическо списание на българско книжовно дружество в Средец. Год. VII, кн. 32-33. Средец, 1889. С. 233.

⁹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004. С. 7.

¹⁰ Цит. по: Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда (Этнографические очерки и материалы). Кишинев, 2004. С. 7.

¹¹ ПМА, собранные в гагаузских селах Северо-Восточной Болгарии – 2001, 2003.

¹² НАРМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 1232, л. 1.

¹³ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004. С. 195-196.

¹⁴ ПМА, Греция, г. Зихна. Васил Великие Георгиев.

¹⁵ Градешлиев И. Гагаузите. Изд. 2. Добрич, 1994. С. 82; Покровская Л. А. Современный гагаузский язык (курс лекций). Комрат, 1997. С. 40; Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004. С. 7.

¹⁶ ПМА, Греция, г. Орестиада. Чобанидис Андон Ставро.

¹⁷ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда. Кишинев, 2004. С. 19.

¹⁸ НАРМ, ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4156; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 4153; ф. 205, оп. 1, ед. хр. 2556. л. 19, 108; 21. Кёппен П. Хронологический указатель материалов для истории инородцев Европейской России. СПб., 1861. С. 63; Державин Н. С. О наименовании и этнической принадлежности гагаузов // Советская этнография, 1937, № 1. С. 80.

¹⁹ Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии... Chişinău, 2005. С. 7; Квилинкова Е. Н. Некоторые вопросы идентификации и идентичности гагаузов // Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. VI. Chişinău, 2006. С. 98-103.

²⁰ ПМА, собранные в гагаузских селах Северо-Восточной Болгарии – 2001, 2003.

²¹ Нейков Балчо. Факийско предание. Сборки от народния живот. София, 1985. С. 281-282.

²² Kvilinkova E. N. «Oglan» – halk türkünün variantları // Sabaa Yildizi, Komrat, 2006. № 34. С. 40-51.

²³ Там же. С. 50-51.

²⁴ ПМА, Греция, г. Орестиада. Чобанидис Андон Ставро.

²⁵ Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии... Chișinău, 2005. С. 146-149, 159-161; Квилинкова Е. Н. О некоторых особенностях терминов родства и народных песен гагаузов Молдовы и Болгарии // Етнологията вчера, днес и утре (Изследвания, посветени на 65-годишния юбилей на доц. д-р Николай Иванов Колев). Велико Търново, Университетско издателство «Св. св. Кирил и Методий». 2006. С. 413-436.

²⁶ Moldova gagauzlann halk türküleri / Toplayan hem hazirlayan E. Kvilinkova. Kişinov, 2003.

²⁷ Покровская Л. А. Песенное творчество гагаузов. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. Л., 1953. С. 18; Квилинкова Е. Н. Гагаузы Молдовы и Болгарии. С. 160.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1

Stano, Stano, Stambul gülü,
Edirnenin bas dülberi.
Yanma, yanma, Mustafa,
Gäur kizi pahahdır.
Pahalıdır, cefalıdır ¹, Bes bin altındır.
Stano, Stano, Stambul gülü,
Edirnenin bas dülberi.
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

Стано (?), Стано, стамбульская роза,
Первая красавица Едирне.
Не горюй, не горюй, Мустафа,
Девушка-иноверка дорогая.
Дорогая, (?),
Пять тысяч золотых монет.
Стано, Стано, Стамбульская роза,
Первая красавица Едирне.

№ 2

Kara kalpak başımda,
Kalem oynar karşımda.
Kaç, güzel kız, karşımdan,
Cähilliktir ² başımda.
Ötmä, belbel, yarım azda,
Ben alamam şelmazdan.
Vido çayırı biçer
Saa yanına keser.} 2
Saa kolunu keser.
Vido çayırı biçer
Sa ayanı keser.} 2
Saa yanını keser
Saa kolunu keser.
Nasun kızlar bükörlär
Ölä bükülsün çocuklar
Kızların dolayında.
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

На голове черная шапка,
(?) танцует напротив.
Уйди, красавица, с глаз,
Глупость в голове.
Не пой, соловей, любимый болен
Я не могу взять ...
Видо косит луг
Косит на правую сторону,} 2
Порезал правую руку.
Видо косит луг
Порезал правую ногу.} 2
Скосил правую сторону.
Порезал правую руку.
Как девушки сгибаются
Пусть также согнутся парни
Вокруг девушек.

№ 3

Darsali, Darsali,
Ne isteersin, Darsali?
Tavandan bi(r) kız çıktı,
Dul karı, şeftan karı.
Tava delik, yaa da yok,
Börek bitti, kız da yok.
Darsali, Darsali,
Ne isteersin, Darsali?
– Nerdesin, nerdesin?
– Tavandayım, tavanda.
– Ben seni tutarsadım,
Bakıcan, ne yapıcam!
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

Дарсали, Дарсали.
Что ты хочешь, Дарсали?
С чердака «вышла» девушка,
Вдова, чертова женщина.
Сковорода дырявая, и сала нет,
Пироги закончились, и девушек нет.
Дарсали, Дарсали.
Что ты хочешь, Дарсали?
– Где ты, где ты?
– На чердаке я, на чердаке.
– Если я тебя поймаю,
Увидишь, что я сделаю (с тобой)!

№ 4

– Vereyim seni, kizim, Asana.} 2

– Выдать тебя замуж, дочка, за Асана?

– İstämem, baba, istämem,
 – Adı Asan – kafası kazan.} 2
 – Vereyim seni, kızım, Amita.} 2
 – İstämem, baba, istamem,
 – Adı Asan – kendi hali(m).} 2
 – Vereyim seni, kızım, Şarfoşa.} 2
 – İstärim, baba, istärim,
 – Adı Şarfoş – sarılması mayfoş.} 2
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

№ 5

Astrayodim ben sana, karagözlüm.
 Aman, aman,
 Karagözlüm.
 Yolumdam geçtim akşam,
 Seni görmedim, karagözlüm.
 Aman, aman, aman,
 Karagözlüm.
 Ürääm, örääm, parçalandı,
 Karagözlüm, karakaşım,
 Nerdesin?
 Çik cama,
 Karagözlüm.
 Çik cama,
 Üreyim açılın.} 2
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

№ 6

Serezin babası
 Altın yuvası.
 Deredä çakıl-tas,
 Ördelerin eşil baş.
 Şu fasıl beş bin yapar,
 Em kaynar, em oynar.
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

№ 7

Todor evi, eni ev kurayö,
 Yüksek ev, eni ev.
 Todor binmiş yüksek evin üstünde,
 Güzel kız yoldan geçeyo,
 Seläm vereyoTodora.
 Todor görüncä şaşığıyo,
 Yüksek evin binanın aşasına düşeyo.
 Kız, niçin seläm verdinTodora?!
 Todor düştü aşaa.
 Yolumdu da geçeseydım,
 Selämımı da vereceydım.
(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

№ 8

Uçurt, Gorgim, uçurt.} 2
 Daldan-dala vurdur.} 2
 Yavaş, Gö, yavaş.} 2
 Geri... (?) dalda kaldı,

– Не хочу, отец, не хочу,
 – Имя Асан – голова казан (ведро).} 2
 – Выдать тебя замуж, дочка, за Амита?} 2
 – Не хочу, отец, не хочу,
 – Имя Алим – сам же халим (?).} 2
 – Выдать тебя замуж, дочка, за Шарфоша (пьяницу)?} 2
 – Хочу, отец, хочу,
 – Имя Шарфош – его объятья прохладны.} 2

(?) я тебя, черноглазая.
 Аман, аман, (ох, ох)
 Черноглазая моя.
 Вечером прошел своей дороге,
 Тебя не увидел, черноглазая.
 Аман, аман, аман, (ох, ох, ох),
 Черноглазая.
 Душа, душа, разорвалась на части,
 Черноглазая, чернобровая.
 Где ты?
 Выйди к окошку,
 Черноглазая.
 Выйди к окошку,
 Чтобы раскрылась моя душа.} 2

(?) отец
 Золотое гнездо.
 В овраге галька и камни,
 У уток зеленая голова.
 Эта странность пять тысяч стоит,
 И кипит, и играет (танцует?).

Тодор дом, новый дом строит,
 Высокий дом, новый дом.
 Тодор залез на крышу высокого дома,
 Красивая девушка проходит по дороге,
 Здоровается с Тодором.
 Увидев это, Тодор остолбенел,
 И упал с высокого дома вниз.
 Девушка, ты зачем поздоровалась с Тодором?!
 Тодор упал вниз.
 Дорогу бы перешла (?),
 И поздоровалась бы.

Заставь летать, мой Гёрги, заставь летать.} 2
 Пусть ударяется об ветки (?).} 2
 Тише, мой Георгий, тише.} 2
 На задней... ветке остался,

Gözlerim yolda kaldı.} 2
 Uçurt, Görgim, uçurt,} 2
 Peşkirim dalda kaldı,
 Sevgilim yolda kaldı.
 Uçurt, Görgim, uçurt,} 2
 Daldan dala vurdur.} 2
 Stankinin camu altında} 2
 Biyaz karşı yatıyor.} 2
 Akşam Stanke suluyor,} 2
 Sabalen Görgi yoluyor.} 2
 Yolma, çiğemi, Görgi,} 2
 Babam görise seni,} 2
 Beni sana veremecik.} 2
 Uçurt, Görgim, uçurt.} 2
(Клеаристи Василиос Христида. Орестиада)

№ 9

Atladım, gerdim gül bahçene,
 Mari, Ruske.
 Ep çiçekler divan durdu,
 Mari, Ruske.
 Kadefi gene, – Yani dedi,
 Mari, Ruske.
 Boyum... çiğem sarı,
 Mari, Ruske.
 Boyum açan koku güzel,
 Mari, Ruske.
 Kadefi gene, – Yani dedi,
 Mari, Ruske
(Клеаристи Василиос Христида. Орестиада)

№ 10

Mari, Tudorum, Tudorum,} 2
 Yarın da gidecem Salaya,} 2
 Salaya pazara, Tudorum,} 2
 Karnaval koyunar almaya,} 2
 Sule da ne baksız...} 2
 Yazayım Kemalın üstünde.} 2
 Nasın da yakar ... }2
 ... baları }2
 Sen da ... yaktun beni.} 2
(Клеаристи Василиос Христида. Орестиада)

№ 11

Mari, Fidor, karagöz kız,} 2
 Gelerim size dooru.}2
 Gelme-gelme, deli dolu,} 2
 Bizde vardır musafirler,} 2
 Musafirler kardakların.} 2
 Laveç (?) yaparlar, satarlar.} 2
 Mari, Fidor, karagöz kız,} 2
 Mari, Fidor, yapak işleer,} 2
 Yapak işleer, iplik biçer,} 2
 Nasu kopuyor bu iplik.} 2
 Dule kosündel (?) kanuna.} 2

Я во все глаза гляжу на дорогу.} 2
 Заставь летать, мой Гёрги, заставь летать,} 2
 Полотенце мое на ветке осталось,
 Любимый на дороге остался.
 Заставь летать, мой Гёрги, заставь летать,} 2
 Пусть ударяется об ветки (?).} 2
 Под окном Станки} 2
 Белый (название цвета (?)) – Е. К.) лежит.} 2
 Вечером Станки поливает,} 2
 Утром Гёрги срывает.} 2
 Не срывай мой цветок, Гёрги,} 2
 Если мой отец увидит тебя,} 2
 Меня за тебя замуж не отдаст.} 2
 Заставь летать, мой Гёрги, заставь летать,} 2

Запрыгнул в палисадник с розами,
 Мари, Руске.
 Цветы горделиво стояли,
 Мари, Руске.
 Снова «анютины глазки»³, – Яни сказал,
 Мари, Руске.
 Моя фигура ... цветок желтый,
 Мари, Руске.
 Моя фигура... запах приятный,
 Мари, Руске.
 Снова «анютины глазки», – Яни сказал,
 Мари, Руске.

Мари, мой Тудор, мой Тудор,} 2
 Завтра поеду в Салу (?),} 2
 В Салу (?) на базар, мой Тодор.} 2
 ... овцам взять,} 2 (?),
 (?), } 2
 Написать сверху Кемалы (?).} 2
 Как же ...} 2
 ..., }2
 Ты ... «сжег»меня.}2

Мари, Фидор, черноглазая девушка,} 2
 Я иду к вам.} 2
 Не приходи, не приходи, дурных полно,} 2
 У нас гости.
 Гости (?),} 2
 Лаваш (?) делают, чтобы продавать.} 2
 Мари, Фидор, черноглазая девушка,} 2
 Мари, Фидор, шерсть прядет, } 2
 Шерсть прядет, нити сучит, } 2
 Как же рвется эта нить.} 2
 }2

Mari, Fidor, karagöz kız.} 2
(Клеаристи Василиос Христида. Орестиада)

Мари, Фидор, черноглазая девушка.} 2

№ 12

Ane benimelli deri
Pastırmam.} 2
Konälu de bakäson
Bastırmam.
Güri, yavrum, Güri} 2
Yasla, yavrum, Güri.

Текст не поддается переводу.

(Клеаристи Василиос Христида. Орестиада)

№ 13

Izmirin kavakları,
Dékülür yaprakları.
Bana da çakıcı deerler,
Yarı fidan boyu
Yakarıs konakları.
(Яни Чакири Симеон. Зихна)

Тополя Измира,
Осыпаются листья.
Меня называют «носящий нож» ?
Ростом до середины дерева
Дом Йакариса.

№ 14

Indim havuş başına,
Bir kız çıktı karşıma.
Gidemem ben,
Er adama gülü
Veremem ben.
Aç kollarını,
Sar kollarını.
Üşüdüm, üşüdüm,
Sarayamem.
(Яни Чакири Симеон. Зихна)

Спустился к пруду,
Одна девушка вышла навстречу.
Не могу я пойти
Каждому мужчине розу
Не могу дать.
Открой руки,
Обхвати руки.
Замерз, замерз,
Не могу обнять.

№ 15

Ogлан, Ogлан, kalk gidelim!} 2
Tuna-dere boyuna koyun güdelim,
Ne guzal ⁴ Ogлан, yalabık çoban.
Ana-dere boyuna koyun güdelim,
Ne güzäl Ogлан, babası çoban.

Оглан, Оглан, встань и пойдем!} 2
На берег реки Дунай выгоним овец,
Такой красивый парень, блестящий чабан.
На берег Главной реки выгоним овец,
Такой красивый парень, его отец чабан.

Ogлан, Ogлан, kalk gidelim!} 2
Kollarım – sana yastık, saçlarım – yorgan,
Ne güzäl Ogлан, babası çoban.
Kollarım sana yastık, saçlarım yorgan,
Ne güzäl Ogлан, bey, yandım, aman.

Оглан, Оглан, встань, пойдем!} 2
Руки мои – тебе подушка, мои волосы – одеяло,
Такой красивый парень, его отец чабан.
Руки мои тебе – подушка, волосы – одеяло,
Такой красивый парень, ох, сгорела (от любви), аман.

Ogлан, Ogлан, kalk gidelim!} 2
Sigaranın fenerini yak – görelim,
Ne güzäl Ogлан, yalabık çoban.
Sigaranın fenerini yak – gidelim,
Ne güzäl Ogлан, babası çoban.
(Чобанидис Андон Ставро. г.
Орестиада)

Оглан, Оглан, встань, пойдем!} 2
Огонь сигареты зажги, чтобы нам было видно,
Какой красивый парень, блестящий чабан.
Огонь сигареты зажги и пойдем,
Какой красивый парень, его отец чабан.

№ 16

Oglan, Oglan, kalk gidelim!} 2
 Cıgaranın fenereni yak gidelim,
 Ne gözäl olan, yalabık çoban.
 Oglan, Oglan, yalabık çoban,} 2
 Yalabık çoban, ne gözäl olan.

Оглан, Оглан, встань и пойдём!} 2
 Фонарь (огонь) сигареты зажги и пойдём,
 Такой красивый парень, блестящий чабан.
 Оглан, Оглан, блестящий чабан,} 2
 Блестящий чабан, такой красивый парень.

Olanın elindä – çapa belindä.} 2

В руке у парня - мотыга на поясе.} 2

....

....

(Яни Чакир Симеон; Афанасиос Кидрос. г.
 Зихна)

№ 17⁵

Tefe yapar
 Dangur-dangur,
 Bän da sandım,
 Çufa⁶ dokur.
 Cafa gitti...

Батан (ткацкого станка) делает
 Дангур-дангур (стук-стук),
 А я подумала
 Сукно (?) ткет.
 Сукно (?) ...

(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

№ 18

Hamsi koydum tavaya,
 Başladım oynamaya,
 Bi(r) dä baktım: hamsi yok,
 Başladım alamaya.
 Gemi gelir yara-yara (?)

Хамсу положил на сковороду
 Начал танцевать,
 Как глянул, хамсы нет,
 Начал плакать.
 (?)

... .

(Чобанидис Андон Ставро, Орестиада)

¹ cefalı – zeetli; русск. *измученный, утомленный*.

² Cahillik (sayıllık) – gençlik, görgüsüzlük, русск. *ребячество, глупость, дурачество*.

³ Kadefi – kadifä çiçää (сорт цветов – анютины глазки).

⁴ В этом тексте слове *güzäl* второй звук произносится как нечто среднее между *ü/ö*.

⁵ Песни №№ 17-18, вероятно, можно отнести к «маани» (вид песен наподобие частушек).

⁶ Çıfa – dokuma kalın materiya; русск. *сукно*.

Rezumat

În articol se cercetează problemele legate de limba și identificarea etnica a găgăuzilor din Grecia. Autorul cercetează de asemenea conținutul și forma cântecelor populare ale găgăuzilor din Grecia și menționează particularitățile lor caracteristice. Se ajunge la concluzia că în urma condițiilor istorice obiective, cântecele găgăuzilor din Grecia au suportat o influență turcească deosebită.

Резюме

В статье исследуются вопросы, связанные с языковой и этнической идентификацией гагаузов Греции. Автор анализирует также содержание и форму народных песен гагаузов Греции, выявляет их характерные особенности и делает вывод о том, что в силу объективных исторических условий народные песни гагаузов Греции подверглись значительному турецкому влиянию.

Summary

The article examines issues that concern the language and the ethnic identification of Greek Gagauz. The author also analyses the content and the pattern of folk Gagauz songs in Greece and analysis their peculiarities. The final conclusion is that because of objective historic conditions, the Greek Gagauz songs have notable Turkish influence.

РЕЦЕНЗИИ

*Д. Е. НИКОГЛО, В. И. СЫРФ***МОНОГРАФИЯ Е. Н. КВИЛИНКОВОЙ «ГАГАУЗЫ МОЛДОВЫ И БОЛГАРИИ (СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ, ТЕРМИНОВ РОДСТВА И ФОЛЬКЛОРА)». CHIȘINĂU: PONTOS, 2005, 308 с.**

Настоящая работа, посвященная сравнительному исследованию таких элементов духовной культуры гагаузов Молдовы и Болгарии, как календарная обрядность и песенный фольклор, а также элемента соционормативной культуры – терминов родства, несомненно, вызовет большой интерес у широкого круга читателей.

Книга состоит из Введения, трех глав, Заключения и обширного научного аппарата, включающего в себя: Источники и библиографию, Примечания, Условные сокращения и пять Приложений. Значительная часть полевых материалов, собранных автором в ряде гагаузских населенных пунктов Болгарии, вводится в научный оборот впервые. Для достижения большего эффекта в восприятии материала в приложениях к работе представлены сравнительные таблицы, которые наглядно демонстрируют общее и особенное в той или иной области традиционной культуры.

Во Введении четко обозначены цели и задачи исследования, дано его теоретико-методологическое обоснование и краткое содержание каждой главы. Автор указывает, что в работе используется сравнительно-сопоставительный метод. Как известно, данный метод предполагает изначально рассмотрение разнородных объектов исследования. В отношении работы Е. Н. Квилинковой понятие сравнительно-сопоставительный метод, на наш взгляд, не совсем верно. Поскольку гагаузы Молдовы и Болгарии имеют общее происхождение, то наиболее приемлемым представляется использование историко-генетического сравнения как одной из форм сравнительно-исторического метода. Кроме того, неплохо было бы дать краткий исторический экскурс в историю переселения гагаузов с Балканского полуострова на территорию Бессарабии, чтобы подготовить читателя к восприятию материала.

В первой главе автор подробно описывает календарную обрядность гагаузов Болгарии и в отдельном параграфе сравнивает ее с календарной обрядностью гагаузов Молдовы. В связи с этим в Приложении дана сравнительная таблица. Заслуживают внимания некоторые интересные выводы, к которым пришла Е. Н. Квилинкова. Так, совершенно правомерным является мнение автора о том, что элементы скотоводческой обрядности у гагаузов Болгарии сохранились в большей степени, чем у гагаузов Молдовы (стр. 153).

На наш взгляд, в аналитической части главы автору следовало бы более подробно проследить появление или исчезновение некоторых обычаев и обрядов. Например, вне внимания исследователя остался тот факт, что В. А. Мошков в своей работе «Гагаузы Бендерского уезда» указывал на празднование гагаузами Бессарабии в конце XIX – начале XX вв. (впрочем, как и в настоящее время – Д. Н., В. С.) церковного праздника Покрова Пресвятой Богородицы. У гагаузов же Болгарии этот праздник никогда не отмечался. На основании этого можно сделать вывод, что данный элемент возник после переселения гагаузов в Бессарабию под влиянием русской православной Церкви.

В монографии Д. Е. Никогло представлена точка зрения на появление праздника Дня сорока мучеников у гагаузов Бессарабии (Никогло Д. Е. Система питания гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев, 2004. С. 130). Было бы желательно, чтобы Е. Н. Квилинкова высказала свою позицию и критические замечания по данному вопросу. Кроме того, в рецензируемой работе отмечено, что праздник Петльов ден (Св. Ефтимий) отмечается исключительно гагаузами Болгарии, а у гагаузов Молдовы он отсутствует (стр. 40, 212-213). Тем не менее, этот элемент был зафиксирован известным гагаузоведом М. Н. Губогло в с. Кирсово Комратского района Республики Молдова (Губогло М. Н. Культ волка у гагаузов. Этнокультурные параллели в тюркском мире // Русский язык в тюрко-славянских этнокультурных взаимодействиях. М., 2005. С. 434-435). Следует отметить, что Е. Н. Квилинкова собирала материал не во всех гагаузских селах как Молдовы, так и Болгарии, поэтому данный вывод представляется преждевременным. Думается, что сравнительно-аналитическая часть этой главы отражена недостаточно полно.

Вторая глава «Термины родства гагаузов Болгарии и Молдовы» построена несколько иначе. Автор ограничивается исключительно сравнительно-аналитическим материалом, причем в подаче данного материала доминирует критическая оценка позиции украинского этнографа А. В. Шабашова на происхождение терминов родства гагаузов Молдовы и Украины (стр. 95, 126-129).

Привлекательным является то, что в своем исследовании Е. Н. Квилинкова в одной из таблиц указывает термины родства, зафиксированные ею в гагаузских селах Болгарии, а в другой – приводит сравнения по четырем селам: по двум на территории Болгарии (Болгарево и Кичево) и в Молдове (Бешалма и Чок-Майдан). В последнем случае автор опирается на труд болгарского исследователя И. Градешлиева «Гагаузите», 1994 (стр. 17).

В третьей главе рассматриваются особенности песенного фольклора. Для удобства читателей фольклорный материал подан автором на латинице и на кириллице.

Важными представляются замечания по поводу наличия гагаузско-болгарского билингвизма у гагаузов Молдовы, отмеченного ранее болгарскими исследованиями (напр., Матеева В. Поглед върху етноложките изследвания за фолклора на гагаузите // Български фолклор. Кн. 1-2. 1999. С. 103-110). Критикуя их точку зрения, Е. Н. Квилинкова справедливо отмечает, что исполнение песен на гагаузском и болгарском языке гагаузами Молдовы не может свидетельствовать о наличии у них абсолютного билингвизма (стр. 133).

Следует отметить, что автор неточно классифицирует песенный фольклорный материал в жанровом отношении. Так, в работе отсутствует четкая дифференциация между длинными песнями (*türkü*) и лирическими куплетами-четверостишиями (*maani*). Е. Н. Квилинкова квалифицирует куплеты-четверостишия как вид народных песен, лишая при этом их статуса самостоятельного жанра гагаузского фольклора (стр. 137). В гагаузской фольклористике уже давно утвердилось мнение, что *maani* являются самостоятельным жанром. Этой проблеме посвящены исследования профессора Л. А. Покровской, музыковеда М. М. Колса, фольклористов Ф. И. Арнаут, Л. А. Баурчулу.

Е. Н. Квилинкова отмечает, что сравнения гагаузских баллад с содержанием песен у других тюркских народов, которые провела фольклорист М. А. Дурбайло в своей вступительной статье к сборнику «Баллада түркүлери» (1991), неубедительны (стр. 136). Было бы интересно, если бы автор, исходя из собственных исследований по фольклору, аргументировала, в чем именно состоит неубедительность данных сравнений. Между тем, М. А. Дурбайло довольно четко демонстрирует сходство

гагаузских баллад с эпическими сюжетами некоторых тюркоязычных народов (алтайцев, хакасов) (Дурбайло М. А. Предисловие // Баллада тұркўлери, Кишинев, 1991. С. 10). На наш взгляд, сравнений, приведенных М. А. Дурбайло, вполне достаточно, так как это всего лишь вступительная статья, а не самостоятельное исследование по балладам. Кроме того, большого количества сравнений такого рода в принципе быть не может, потому что гагаузские баллады формировались на территории Балканского полуострова под влиянием южнославянских фольклорных традиций и имеют много общих мотивов с сюжетами, бытующими у восточнороманских народов. Поэтому вполне естественно, что в этом жанре тюркские элементы представлены довольно слабо или не представлены вообще.

Поскольку работа Е. Н. Квилинковой написана на русском языке, то и фольклорные тексты следовало бы дать в переводе на этот язык.

В представленном перечне *Источников* и *Библиографии* на подавляющее большинство наименований не делаются ссылки. На наш взгляд, уместным было бы дать список только той литературы, которая использовалась при написании данной работы.

В заключение мы считаем целесообразным обозначить замечания общего характера:

1. Настоящая работа не может по жанру претендовать на монографическое исследование, поскольку под монографией принято понимать научный труд, углубленно разрабатывающий одну тему и ограниченный круг вопросов. Здесь же автор рассматривает три разнородные области традиционно-бытовой культуры гагаузов, логически не связанные между собой. Причиной этого является отсутствие единого методологического ключа и четкой научной концепции. Данный труд, скорее всего, напоминает сборник очерков. На наш взгляд, название книги не соответствует ее содержанию, так как предполагает исследование более широкого спектра проблем. Работа Е. Н. Квилинковой написана в другом жанре и могла бы носить, например, такое заглавие: «Очерки сравнительного исследования календарной обрядности, терминов родства и песенного фольклора гагаузов Болгарии и Молдовы». Поскольку в рецензируемом труде содержится исследование не всего фольклора (который, как известно, включает в себя помимо песен баллады, сказки, пословицы поговорки, эпические сказания и т. п.), а лишь незначительной его части, неправомерно в название выносить понятие *фольклор* в широком его значении.
2. С точки зрения сравнительно-исторического метода, применяемого в этнографии, нельзя также проводить сравнительное исследование гагаузов Болгарии и Молдовы без предварительного осуществления комплексного сравнительно-исторического исследования языка, этнографии, фольклора и других элементов традиционной культуры гагаузов Болгарии. Изучение и накопление полевых материалов по обозначенным выше элементам традиционно-бытовой культуры под силу лишь целой группе исследователей разнопрофильных направлений. Оно должно проводиться в течение нескольких лет, подобно тому, как велась эта работа по отношению к гагаузам Молдовы. В этом контексте следует сказать, что материалов, собранных автором, недостаточно. Именно в этом и состоит одна из уязвимых сторон рецензируемой работы. На основе представленных материалов можно опубликовать лишь отдельные статьи (например, по терминам родства) или издать сборник по песням гагаузов Болгарии, но никак не объединять их в одно целое.
3. Написание терминов и фольклорных текстов, предложенное в настоящей работе, с точки зрения гагаузского языка, в большинстве случаев неадекватно отражает гагаузское звучание.

**МОНОГРАФИЯ И. Д. БАНКОВОЙ
«СУБСТАНТИВНЫЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ
В СОВРЕМЕННОМ ГАГАУЗСКОМ ЯЗЫКЕ».
КИШИНЕВ, 2004. 200 с.**

Рецензируемая книга является первым монографическим исследованием именных субстантивных непритяжательных определительных словосочетаний в гагаузской лингвистике.

Работа состоит из трех глав, которые содержат в себе 23 сквозных параграфа, а также из обширного научного аппарата.

Во «Введении» (стр. 8-10) автор дает общую характеристику и теоретико-методологическое обоснование своего исследования, указывает на его актуальность и новизну, на источники, послужившие базой для его осуществления.

В первой главе («Теоретические основы изучения словосочетания в тюркских языках» – стр. 11-40) исследуется словосочетание как простейшая непредикативная, в отличие от предложения, единица речи, которая образуется на основе подчинительной связи двух и более слов. Обстоятельно излагается история изучения вопроса о словосочетании в тюркологии, рассматриваются аспекты его структурной общности и классификации, его места в системе грамматических и лексических единиц, анализируются типы синтаксических отношений и средства связи слов в гагаузском словосочетании в сравнительном плане.

Следует отметить, что в конце главы И. Д. Банкова обращает особое внимание на структурные и функциональные особенности субстантивных словосочетаний в гагаузском языке (стр. 39-40).

Вторая (стр. 41-137) и третья (стр. 138-158) главы посвящены анализу основных типов детерминативных субстантивных словосочетаний – с примыканием и с управлением – в современном гагаузском языке (далее – СГЯ), описанию их лексико-семантических свойств и функций по выявленным автором моделям.

Научная ценность и значимость проделанной исследователем работы изложена в «Заключении» (стр. 159-166), где даны выводы, которые сводятся, на наш взгляд, к следующим основным констатациям:

1. Словосочетание в СГЯ характеризуют определенные грамматические признаки (падежный аффикс, послелог, порядок слов, интонация) и смысловые значения, вытекающие из семантики компонентов, что позволяет отграничить его от слова (сложного слова) и от предложения.

2. В атрибутивных словосочетаниях СГЯ подчинительная связь между компонентами осуществляется четырьмя способами: примыканием, управлением, согласованием и особой притяжательной связью, выраженной категорией принадлежности.

3. Согласование в СГЯ – своеобразная грамматическая категория, отличающаяся от общеиндоевропейского согласования тем, что в ней не наблюдается уподобление определения и определяемого слова в роде и падеже, очень редко бывает в числе, зато встречается в лице. Таким образом, можно вслед за Л. А. Покровской, Г. А. Гайдаржи и Б. П. Туканом утверждать, что согласование в СГЯ представлено неполно (частично) *.

4. В СГЯ существует шесть моделей субстантивных словосочетаний, образованных на основе примыкания, в которых функцию определения выполняют:

имена существительные, прилагательные (наиболее продуктивная модель), местоимения (кроме притяжательных и определительного *kendi*), числительные, неличные формы глагола (причастие и инфинитив), наречия.

5. Словосочетания со сложными прилагательными в роли определения представлены в СГЯ восемью видами, тем самым исследование И. Д. Банковой дополняет «Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка» (Кишинэу, 1995), в которых регламентировано правописание лишь пяти видов подобных прилагательных (см. «Правила орфографии и пунктуации гагаузского языка», стр. 25).

6. Субстантивные словосочетания, образованные на основе управления, встречаются лишь в модели «существительное + существительное» в двух видах – с падежным управлением и с послелогом.

7. В СГЯ при конкретном существительном инфинитив-опредетель предшествует определяемому, подчиняясь твердому тюркскому словопорядку «определение + определяемое»; при абстрактном существительном, отражая влияние русского языка, инфинитив находится в постпозиции.

8. Монография впервые в гагаузской филологии дает подробное описание многозначной функции слова *bir* (один) как числительного, неопределенного артикля, экспрессивно-эмоциональной частицы, хотя это не входило в задачи исследования, а лишь сопутствовало ему.

9. Впервые в данной работе рассмотрен переход субстантивных словосочетаний в лексические единицы – в сложные слова и составные наименования (сложные термины) – в случаях употребления зависимых имен в переносном значении. В «Приложении» (стр. 167-182) представлен достаточно широкий спектр (восемь тематических групп) терминов, имеющих модель определительных словосочетаний.

Важно отметить, что И. Д. Банкова своей монографией не только решает задачи конкретного исследования, но и очерчивает обширный круг смежных проблем лексикологии, морфологии и синтаксиса СГЯ, требующих дальнейшего изучения и научного освещения.

Завершают рецензируемую монографию «Источники и библиография» (стр. 183-195) и «Список сокращений» (с. 196-197). Отметим, что в науке к источникам относят письменные документы и вещественные предметы, непосредственно отражающие исторический процесс и дающие возможность изучать прошлое человеческого общества. Следовательно, информанты не входят в число источников, и поэтому их список правильнее было бы дать отдельно.

Любой исследователь, обратившись к данной монографии, сможет получить всю необходимую первичную информацию. Книга, в целом, выдержана в едином, научном, стиле, изобилует фактическим, иллюстративным материалом, однако не лишена и некоторых явных недочетов, на которых следует остановиться при ее возможном переиздании, в том числе и на гагаузском языке.

1. Следовало бы учесть еще две работы Е. К. Колца по теме исследования:

а) Правописание некоторых слов и словосочетаний в гагаузском языке // Труды III конференции молодых ученых Молдавии. Кишинев, 1963. Вып. III (Серия общ. наук). С. 118-119;

б) Из предварительных наблюдений над фразеологией гагаузского языка // Лексикул ши фразеология лимбий молдовенешть контемпоране = Лексика и фразеология современного молдавского языка. Кишинэу, 1981. С. 307-317.

2. Правописание гагаузских слов с формальной точки зрения должно было даваться в соответствии с существующими ныне «Правилами орфографии и

пунктуации гагаузского языка» (Кишинэу, 1995), утвержденными Академией наук Молдовы и Министерством образования РМ, в разработке которых участвовала и профессор Л. А. Покровская (см. стр. 5 данных «Правил...»). Но нельзя не признать и тот факт, что отдельные положения «Правил...» требуют пересмотра (исправлений и дополнений), обусловленного развитием самого гагаузского языкознания, одним из свидетельств чему является и рецензируемая монография.

Другое дело, что автор, как это следует из примечания на стр. 10, не разделяет точку зрения научного редактора на правописание гагаузских слов, тем не менее не приводит при этом никаких аргументов в свою пользу. Заметим также, что в примечании надо было указать публикации Л. А. Покровской по этому вопросу:

а) Теоретические основы и принципы гагаузской орфографии: Методическое пособие. Комрат, 1998;

б) Правила употребления букв гагаузского алфавита: Спецкурс. Комрат, 2003.

3. Обращает на себя внимание некорректный, а то и вовсе неверный в ряде случаев перевод иллюстративного материала на русский язык на протяжении всей аналитической части исследования. Видимо, автору следовало бы привлечь к работе над книгой не только редакторов и рецензентов, но и корректоров. Приведем несколько примеров на этот счет:

а) словосочетание «...çirkin uultu...» переведено как «...странный гул...» (с. 58), надо – «...страшный (ужасный) гул...»;

б) словосочетание «...Bukureşt gazetasinin...» дается с сохранением оригинального произношения – «...букурештской газеты...» (стр. 115), а следует – «...бухарестской газеты...», как это принято в русском языке;

в) предложение «Dădu durêr ayırdıi işindă» дано как «Дед стоит на выбранном предмете» (стр. 128), надо – «Старик настаивает на своем выборе» и т. д.

4. Слитное написание часто используемого в примерах монографии сложного наречия *birdă* в значении «вдруг» дано отдельно, что не соответствует ни «Правилам...» (стр. 28), ни «Грамматике гагаузского языка» Л. А. Покровской (М., 1964. С. 255). Интересно, что сама И. Д. Банкова в своей монографии акцентирует внимание на следующем моменте: «В таких словосочетаниях ударение падает на слово *bir*, которое как бы сливается с частицей *dă*» (стр. 100).

5. Отметим также, что клички животных как имена собственные пишутся с прописной, а не со строчной буквы (стр. 54), а сложные имена сказочных персонажей – еще и через дефис (см. стр. 72, 73, 103 и др.) согласно «Правилам...» (стр. 24, 40).

6. В книге обнаружены и технические опечатки: см. пример глагольного управления – «kızı gördük» (стр. 34), надо – «kızı görmää»; «yerdî» (стр. 106) вм. «verdi»; «...девятью типами» (стр. 162) вм. «...восемью типами» и т. д.

Наши замечания, однако, ни в коей мере не снижают ценности рецензируемой монографии. Можно не сомневаться, что данный труд будет востребован специалистами.

Примечание

* См.: Гайдаржи Г. А., Тукан Б. Н. Способы выражения синтаксических отношений в гагаузском языке // Ученые записки Бельцкого государственного педагогического института. Кишинев, 1967. Вып. 8, филологический. С. 54; Покровская Л. А. Грамматика гагаузского языка (Краткий очерк). Кишинев, 1990. С. 54.

GENDEROLOGIA – O NOUĂ DIRECȚIE A STUDIILOR SOCIOLOGICE A GENURILOR (FEMEII ȘI BĂRBAȚII)

La sfârșitul anului 2004 la Chișinău a apărut o nouă monografie a autoarei Iulia Bejan-Volc, doctor habilitat în științe sociologice cu denumirea: „Relații gender rural: un imperativ al timpului”.

Monografia constă din prefață, 4 capitole, concluzii și recomandări, anexe și bibliografie – 220 pagini, 13,9 coli editoriale.

De la bun început se cere de menționat că această monografie prezintă o sinteză a rezultatelor investigațiilor sociologice efectuate de autoare timp de peste douăzeci de ani în localitățile republicii. Acest domeniu metodologic de investigare cere folosirea principiului determinismului social multidisciplinar în baza sociologiei, etnologiei, antropologiei sociale și culturale, psihologiei sociale și pedagogiei. Acest model printr-o nouă viziune a realității sociale constituie o inovație științifică a analizei complexe a interacțiunilor dintre cele două genuri începând cu formarea femeii și bărbatului în cadrul familiei în care se însușesc primele norme sociale, apoi în cadrul școlii, învățământului și în genere a socializării tineretului, apoi formării personalității în muncă, formării autoidentității, autocultivării conștiinței, relațiilor dintre „eu” și „social”, continuând cu relațiile gender și societatea.

Relațiile sociogender (de la termenul englez „gender” – gen) au scopul de a studia interacțiunile sociale între bărbați și femei mai ales în procesul de transformare a societății, procesele de globalizare, informatizare și modernizarea societății postindustriale. În monografie se examinează bazele metodologice ale studierii relațiilor sociogender, se relevă similitudinile și divergențele dintre cele două genuri (femei și bărbați), se caracterizează aspectele situațional-comportamentale, stereotipurile gender, se analizează diferite funcții, tendințe și afirmări, statusuri și roluri în diferite condiții și circumstanțe ale vieții sociale. „Binele și Răul, Frumosul și Urâtul, Credința și Păcatul, Lumina și Întunericul constituie un echilibru între două antiteze, o oglindă, reflectoare a lumii înconjurătoare acestea constituind categorii de formare a personalității, prin care evidențiem caracteristici gender”, afirmă autoarea (pag. 14). Pe dreptate se menționează în monografie că între aceste două poluri opuse se află Femeia și Bărbatul, își trăiesc viața cele două genuri, care rămân un subiect de cercetare în paralel. Tradițiile de secole, ce au influențat asupra formării personalității în mediul rural, țin de unele legități sociale, care au condiționat conceptul rural al vieții sociale. Familia rurală, fiind o celulă economică și socială a societății este în marcă măsură influențată de modul de producție, de caracterul relațiilor dintre stat și familie, relațiilor social-psihologice, de sistemul de organizare a muncii.

În lucrare sunt argumentate afirmațiile că anume atitudinile, raporturile comportamentale, orientările valorice, interesele determină similitudinile și divergențele relațiilor „gen-familie-societate”. În acest context sociologia s-a dovedit a fi foarte sensibilă și consecventă față de problematica și contradicțiile privind relațiile sociogender, care într-o măsură convenită se raportează la sociologia personalității. Investigațiile etnosociologice mărturisesc că valorile materiale, morale și spirituale se schimbă ca și timpurile, deci anume adaptabilitatea genurilor la condițiile noi de trai contribuie la regenerarea valorilor necesare pentru existență și activitate corespunzătoare.

În lucrare se subliniază că 67 de procente din cei o mie de respondenți chestionați la sate au menționat că actualmente, în situația în care ne-am pomenit, avem nevoie de

răbdare. Această frumoasă calitate a condiționat un aspect sociopsihologic al mediului de trai rural conform maximei populare: „Cu răbdarea treci și marea, iar cu răul – nici pârăul”.

Valoarea lucrării constă în cercetările de pionierat ale autoarei Lulia Bejan-Volc, care pentru prima dată se efectuează în baza metodei interdisciplinare de analiză profundă ale relațiilor sociogender în condițiile de trecere de la economia planificată centralizată la relațiile de piață. Concluziile și recomandările elaborate de autoare sunt bine argumentate, iar organismele corespunzătoare de resort prin realizarea lor adecvată vor crea posibilități pentru asigurarea egalităților de șanse ale acelor două genuri – femeie și bărbat în privința autoafirmării în toate domeniile vieții sociale. Respectarea echității sociale și binefacerea schimbărilor economice și sociale este cu putință doar prin condițiile răspunderii sociale a fiecărei persoane – fie bărbat sau femeie, responsabilității fiecărui grup social, mai ales a familiei, a întregii generații.

Sociologii, ca și alți savanți, au o datorie dublă față de societate: de a cerceta adevărul, realitatea socială și de a folosi știința pentru binele omenirii.

ТРЕБОВАНИЯ К ПУБЛИКАЦИЯМ

Журнал «Этнология и культурология» публикует на своих страницах научно-исследовательские работы теоретического и прикладного характера по вопросам этнологии, культурологии и смежных дисциплин, материалы, представляющие научный интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по этнологии и культурологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. Содержание рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: «Статьи», «Рефераты и сообщения», «Дискуссии», «История науки», «Критика и библиография», «Хроника». Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редакционного совета.
2. Рукопись представляется в 1-ом экземпляре, набранном на компьютере соответствующим шрифтом (Times New Roman), размером (14-й кегль) и распечатанном на принтере на белой бумаге (формат А4) с одной стороны листа. К тексту рукописи прилагается электронный вариант. Он должен занимать 29-30 строк на странице. Поля вокруг текста должны быть: слева – 25 мм, справа – 10 мм, сверху – 20 мм, снизу – 25 мм. Материалы, напечатанные на машинке или иным шрифтом, редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы подряд, включая список литературы, подрисуночные подписи и резюме.
3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, перечня подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторах. Резюме обязательно только для материалов, предназначенных для разделов: «Статьи», «Рефераты и сообщения», «Дискуссии».
4. Начало статьи оформляется по образцу: автор(ы), название. Например:

Д. Е. НИКОГЛО

ЭВОЛЮЦИЯ ТРАДИЦИЙ В СИСТЕМЕ ПИТАНИЯ ГАГАУЗОВ XIX – НАЧАЛА XX вв.

5. Общий объем представляемой рукописи статьи не должен превышать 20 страниц, материалы для разделов «Рефераты и сообщения» – не более 8 страниц, «Рецензии» – не более 5. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, перечень подрисуночных подписей, резюме, таблицы.
6. Все буквенные обозначения должны быть набраны на компьютере (или вписаны от руки черными чернилами/тушью разборчиво и крупно. Тире – длинные.
7. В статье применяются надстрочные сноски; нумерация сквозная через интервал от текста: ^{1,2}...
8. Примечания даются в конце статьи 10 кеглем. За фамилией и инициалами автора указывается название работы и выходные данные: место, год издания. Если указываемая работа опубликована в сборнике статей, журнале или ином периодическом издании, то от их названия она отделяется двумя косыми чертами. Труды одного и того же автора располагаются в

хронологическом порядке. При ссылке на разные работы одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в алфавитном порядке. Если число авторов работы превышает три, то даются фамилии трех первых авторов и сокращение «и др.». Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Примечания

¹ Мошков В. А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение, 1902, № 4. С. 32.

² Курогло С. С. Семейная обрядность гагаузов в XIX – начале XX вв. Кишинев, 1980. С. 51, 53.

³ Маруневич М. В. Материальная культура гагаузов XIX – начала XX вв. Кишинев, 1988. С. 160-163.

⁴ Курогло С. С., Никогло Д. Е. К проблеме этнокультурных взаимосвязей гагаузов с другими народами (на примере терминологии традиционной гагаузской кухни) // Știința, 1995, № 1. С. 15.

9. К статье необходимо приложить текст резюме (краткое содержание статьи) 10 кеглем на трех языках: государственном, русском, английском в среднем по 600 знаков (в целом не более 2000 знаков).

10. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы, электронного и рабочего адреса, телефонов и даты отправления.

11. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены не позднее оговоренных сроков. Статьи, полученные позже указанного срока, не будут рассматриваться.

12. Книги и журналы, присланные в редакцию на рецензирование, не возвращаются. Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются.

13. Язык статьи – государственный, русский (и другие, функционирующие на территории Республики Молдова), английский, французский – по выбору автора.

14. Крайний срок сдачи статьи – за 2 месяца до выхода журнала.

DATE DESPRE AUTORI

- Bancova E.** Cercetător științific stagiar la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. emilia_bankova@mail.ru.
- Bejan-Volc Iu.** Doctor habilitat în sociologie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Borșevschii A.** Magistru în istorie, cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. anrex@mail.ru.
- Chirtoagă V.** Cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Cojuhari V.** Doctor în istorie, cercetător științific coordonator la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Cojuhari E.** Doctor în pedagogie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Cușnir J.** Cercetător științific stagiar la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. mariwail@mail.ru.
- Cvilincova E.** Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. etnogagauz@pochta.ru.
- Drumea L.** Doctor în filologie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. drumeaunesco@moldova.md.
- Duminica I.** Doctor în politologie, cercetător științific coordonator la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. johny-sunday@yahoo.com.
- Galușcenco O.** Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. galuscenco@mail.ru.
- Grădinaru N.** Cercetător științific stagiar la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Haidarî D.** Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Hitchins K.** Profesor Universității din Illinois, Membrul de Onoare Academiei de Științe din România.
- Ijboldina I.** Cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. ijboldina@front.ru.
- Ivanova N.** Doctoranda la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Kleiman R.** Doctor habilitat în filologie, cercetător științific coordonator la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. ritakleiman@gmail.com.
- Nicoglo D.** Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. nikoglo2004@mail.ru.
- Popovici C.** Academician, doctor habilitat în filologie, profesor, cercetător științific principal la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Procop S.** Doctor în filologie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. svetlanapropoc@mail.ru.
- Stepanov V.** Doctor în istorie, director interimar al Centrului de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. stepansky@mail.ru.
- Sîrbu T.** Cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. sirbu_tanja@yahoo.fr.
- Sîrf V.** Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al

- Șișcan C.** Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. sirf_vitali@rambler.ru.
Doctor în studiul artelor, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M.
- Șofranksy Z.** Doctor în istorie, cercetător științific superior la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. sofransk@ch.moldpac.md.
- Timuș A.** Membru corespondent, profesor, Institutul de Filosofie, Sociologie și Științe Politice al A.Ș.M.
- Verdeș R.** Magistru, cercetător științific la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. r_verses@rambler.ru.
- Zaicovschi T.** Doctor în filologie, cercetător științific coordonator la Centrul de Etnologie al Institutului Patrimoniului Cultural al A.Ș.M. tanzai@mail.ru.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Банкова Э. С.** Младший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. emilia_bankova@mail.ru.
- Бежан-Волк Ю.** Доктор хабилитат социологии, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Боршевский А.** Магистр истории, научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. anrex@mail.ru.
- Вердеш Р.** Магистр психологии, научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. r_verdes@rambler.ru.
- Галущенко О. С.** Доктор истории, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. galuscenco@mail.ru.
- Грэдинару Н.** Младший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Друмя Л. Х.** Доктор филологии, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. drumeaunesco@moldova.md.
- Думиника И.** Доктор политологии, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. johny-sunday@yahoo.com.
- Зайковская Т. В.** Доктор филологии, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. tanzai@mail.ru.
- Иванова Н.** Докторант Центра этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Ижболдина И. А.** Научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. ijboldina@front.ru.
- Квилинкова Е. Н.** Доктор истории, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. etnogagauz@pochta.ru.
- Киртоагэ В.** Научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Клейман Р. Я.** Доктор хабилитат филологии, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ. ritakleiman@gmail.com.
- Кожухарь В. Г.** Доктор истории, ведущий научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Кожухарь Е. С.** Доктор педагогики, старший научный сотрудник Центра этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Кушнир Ж. И.** Младший научный сотрудник Центра этнологии Института

- Никогло Д. Е.** культурного наследия АНМ. mariwail@mail.ru
Доктор истории, старший научный сотрудник Центра этнологии
Института культурного наследия АНМ. nikoglo2004@mail.ru.
- Попович К. Ф.** Академик, доктор хабилитат филологии, профессор, главный
научный сотрудник Центра этнологии Института культурного
наследия АНМ.
- Прокоп С. П.** Доктор филологии, старший научный сотрудник Центра
этнологии Института культурного наследия АНМ.
svetlanaprosop@mail.ru.
- Степанов В. П.** Доктор истории, и. о. директора Центра этнологии Института
культурного наследия АНМ. stepansky@mail.ru.
- Сырбу Т.** Научный сотрудник Центра этнологии Института культурного
наследия АНМ. sirbu_tanja@yahoo.fr.
- Сырф В. И.** Доктор филологии, старший научный сотрудник Центра
этнологии Института культурного наследия АНМ.
sirf_vitali@rambler.ru.
- Тимуш А.** Член-корреспондент, профессор. Институт философии,
социологии и политологии АНМ.
- Хайдарлы Д.** Доктор истории, старший научный сотрудник Центра этнологии
Института культурного наследия АНМ.
- Хитчинс К.
(Hitchins K.).** Профессор Иллинойского университета, Почетный член
Академии наук Румынии.
- Шишкан К. Б.** Доктор искусствоведения, старший научный сотрудник Центра
этнологии Института культурного наследия АНМ.
- Шофрански З.** Доктор истории, старший научный сотрудник Центра этнологии
Института культурного наследия АНМ. sofransk@ch.moldpac.md.